

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

тт. I — XVI

ПУБЛИЦИСТИКА - ФИЛОСОФИЯ - ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

тт. XVII — XX

КАПИТАЛ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

тт. XXI — XXIX

ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

т. XXX

УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
XII
Ч А С Т Ь II

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1860 — 1864

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий том состоит из статей и корреспонденций Маркса и Энгельса, напечатанных в следующих периодических органах: «New-York Daily Tribune» (1860—1862), венской «Presse» (1861—1862), английском военном (волонтерском) журнале «Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire» (1860—1862) и в дармштадтском немецком еженедельнике «Allgemeine Militär-Zeitung» (1862—1864). Первая часть настоящей книги, включающая статьи из «Tribune» и «Presse», состоит из произведений, написанных в большей части Марксом и в меньшей — Энгельсом; статьи второй части — специально военные статьи — написаны целиком Энгельсом.

Длительное сотрудничество Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune», начавшееся в 1851 г., прекратилось в начале 1862 года. За этот период там было напечатано свыше 500 статей Маркса и Энгельса. Сотрудничество основоположников научного коммунизма в радикально-демократической газете могло быть лишь временным. Цена Маркса прежде всего как корреспондента по международным и военным вопросам, «Tribune» еще в 1855—1856 гг. пыталась заменить его в этой области панславистом Гуровским, агентом царизма. В 1856—начале 1857 г. в связи с окончанием Крымской войны и временным затишьем в международном положении, дело почти дошло до полного разрыва Маркса с редакцией «Tribune», которая тормозила печатание его корреспонденций. «Уже недели три, — писал Маркс Энгельсу 20 января 1857 г., — господин Дана посылает мне ежедневную «Трибуну», очевидно единственно с целью показать мне, что они теперь *ничего* моего не печатают... После того как эти собаки около четырех лет печатали все мои статьи (и твои также) от своего имени, им удалось вычеркнуть из памяти янки мое имя, которое начало было уже пользоваться известностью, что дало бы мне возможность найти другую газету или хотя бы пригрозить им переходом в другую газету..., писать два раза в неделю в расчете на то, что из десяти статей напечатана и оплачена будет *может быть* одна,— это слишком разорительное дело, чтобы его продолжать». В письме от 23 января того же года Маркс так характеризовал свои отношения

к редакции «Tribune»: «Повидимому, «Tribune» со времени «великого поворота дел в Америке» решила, что может экономить все экстраординарные расходы (по крайней мере, европейские). Право же противно, что приходится считать чуть не счастьем быть принятым в такую компанию. Толочь и молоть кости и варить из них суп, как делают нищие в работном доме, — вот к чему сводится там политическая работа, на которую осужден человек в такого рода предпрятии. И какой я осел, что, — не в последнее время, а в течение ряда лет, — давал этим господам слишком много за их деньги». Однако последовавшее оживление в международном положении — промышленный кризис 1857 г., восстание сипаев в Индии, война в Китае 1857—1858 гг., австро-французско-итальянская война 1859 г. и обострение франко-прусских отношений — снова пробудило интерес янки к европейским событиям. Маркс и Энгельс продолжали оставаться сотрудниками «Tribune». За 1857—1859 гг. ими было написано большое число статей, составивших в нашем издании целых два тома (I-я и II-я части XI тома). 1860 г. также был годом, давшим довольно большое число корреспонденций (36 статей). Но уже в 1861 г. Маркс фактически заканчивал свою работу корреспондента «Tribune». Всего за этот год было напечатано лишь 9 статей, причем за период от марта до половины октября не было напечатано ни одной. В начале 1862 г. появились две последних корреспонденции Маркса — одна в феврале, другая в марте. Занятая событиями гражданской войны в самих Соединенных Штатах, редакция «Tribune» решила «сократить» своих иностранных корреспондентов. 28 марта 1862 г. Маркс был извещен Дана, что он должен прекратить дальнейшую посылку своих корреспонденций.

На некоторое время заменой «Tribune» для Маркса явилась венская «Presse». Это была лево-либеральная газета, издававшаяся еще в 1848 г., затем с наступлением реакции закрывшаяся, а в 1851 г. вновь получившая разрешение на выход. К середине 50-х годов «Presse» стала крупнейшей и наиболее левой из прочих либеральных газет Австрии. Одним из ее редакторов (с 1856 г.) был Макс Фридлиндер, родственник Лассаля; в 1855 г. он был редактором демократической «Neue Oder-Zeitung» в Бреславле, сотрудником которой состоял и Маркс (см. Сочинения, т. X). В 1858 и 1859 гг. Фридлиндер через Лассаля несколько раз пытался привлечь Маркса в качестве лондонского корреспондента для венской «Presse». Однако Маркс долгое время отклонял эти предложения. Лишь в 1861 г. Маркс дал свое согласие. Решающим моментом для Маркса при этом было значительное полевение газеты, ставшей в 1861 г. оппозиционной по отношению к мнимо-конституционному правительству Шмерлинга. 28 сен-

тября 1861 г. Маркс писал Энгельсу: «Венская пресса наконец повернула свой фронт против Шмерлинга. Таким образом, теперь становится возможным связаться с этой газетой». Запросив затем у Фридендера более точные сведения относительно политического курса газеты, Маркс в письме от 30 октября 1861 г. сообщал уже о начале своей корреспондентской деятельности в «Presse»: «...как тебе опять-таки известно, — писал он Энгельсу, — я еще из Манчестера написал в венскую «Presse», прося «информации». Недели три тому назад я получил ответ, с *политической* стороны меня совершенно удовлетворяющий (за это время газета изменила свою шмерлинговскую точку зрения). В то же время Фридендер попросил у меня две пробных статьи (чтобы показать своему издателю Цангу). Я их послал, и вот сегодня утром получаю ответ, во-первых, что статьи с надлежащей рекламой помещены на первой странице, а во-вторых, что с ноября месяца я числюсь постоянным сотрудником с платой 1 ф. ст. за статью и 10 шилл. за корреспонденцию». Однако сотрудничество Маркса в «Presse» оказалось весьма непродолжительным. «Presse» еще в большей степени, чем ранее «Tribune», производила «отбор» статей Маркса, отказываясь печатать всякую статью, сколько-нибудь не подходящую по мнению редакции к австрийским условиям. 25 февраля 1862 г. Маркс так отзывался о своем сотрудничестве в «Presse»: «Венская «Presse», как это в сущности следовало предвидеть при настоящих мерзких условиях в Германии, не оказалась такой коровой, какой она должна была бы быть. Считается, что я получаю 1 фунт за статью. Но так как эти субъекты из четырех статей печатают, пожалуй, всего лишь одну, а зачастую и *ни одной*, то в результате получается чертовски мало, если не считать потери времени и огорчения по поводу того, что приходится писать на «авось», не зная, соизволит ли милостивая редакция одобрить данную статью или нет». В конце 1862 г. Маркс сам прекратил посылку корреспонденций в «Presse». Всего в «Presse» было напечатано 44 статьи, написанные целиком Марксом, за исключением трех статей о ходе американской войны, написанных им совместно с Энгельсом.

В международной политике 1860—1862 гг. особенно привлекали внимание Маркса и Энгельса следующие моменты: объединение Италии, вопрос об объединении Германии и в связи с этим подготовка франко-прусской войны, крестьянская реформа в России и, наконец, гражданская война в САСШ с ее последствиями — хлопковым кризисом в Англии и попытками англо-франко-испанской интервенции в американскую гражданскую войну. Вместе с этим статьи

настоящего полутома дают не мало материала для характеристики внутреннего положения и развития классовой борьбы почти во всех главнейших европейских странах начала 1860-х годов, начиная от Англии и Франции и кончая Австрией, Пруссией и Россией. Одна статья 1862 г. посвящена тайпинской революции в Китае; статья характеризует период, когда тайпинское движение клонилось уже к упадку.

1860 г. имел громадное значение в развитии национальной революции в Италии. Австро-французско-итальянская война 1859 г. закончилась компромиссом и не завершила дела итальянского объединения. «Ничего не изменилось во внутреннем управлении, движение было придушено, даже свобода печати была подавлена» (*К. Маркс*. Радикальная точка зрения на мир, Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 284). Венеция осталась в руках Австрии, Луи-Наполеон получил Савойю и Ниццу, весь юг Италии (неаполитанское королевство) остался под властью Бурбонов, а центр Италии с городом Римом — под властью папы; таким образом задачи революции остались неразрешенными. Неизбежность нового подъема народной революции Маркс и Энгельс предвидели еще в 1859 году. Заканчивая статью «Виллафранкский договор», Маркс писал: «У Виктора-Эммануила нет никаких средств, чтобы выпутаться из такого унижительного положения. Он может только апеллировать к Италии, доверие которой он обманул, или к Австрии, награбленным добром которой его накормили. Весьма возможно, однако, что в дело может вмешаться итальянская революция, изменить картину всего полуострова и еще раз вывести на сцену Мадзини и республиканцев» (Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 230). Действительно, весной 1860 г. в Сицилии вспыхнуло восстание. Гарибальди с небольшим наспех собранным отрядом (немного более тысячи революционеров-волонтеров) сумел прорваться с севера на революционный остров, был провозглашен здесь диктатором и образовал временное революционное правительство. В течение нескольких месяцев летом 1860 г. он, переправившись затем в Калабрию, на юг полуострова, разбил неаполитанские королевские войска и фактически к концу года завоевал все неаполитанское королевство. В начале 1861 г. бывшее королевство обеих Сицилий присоединилось к Пьемонту.

Маркс и Энгельс с большим вниманием следили за гарибальдским движением, посвятив итальянскому вопросу более десяти статей вошедших в настоящий том. Часть из них написана Энгельсом, где он анализировал военные успехи Гарибальди.

Главные причины поразительных успехов Гарибальди Энгельс объяснял его смелой революционной тактикой и опорой на восставшие

массы в противоположность деморализованной неаполитанской королевской армии, «солдаты которой пришли к заключению, что они достаточно поработали на своего короля» (стр. 147).

Маркс в своих статьях об Италии дает яркий очерк прошлых итальянских революционных движений и описывает жалкое положение итальянского крестьянства, задавленного феодальными поборами (статья «Сицилия и сицилийцы»); в то же время Маркс особенно резко подчеркивает всю противоположность между двумя лагерями итальянского национально-освободительного движения — народным «популярным диктатором» Гарибальди, представлявшим подлинное демократическое движение, и либералом и в то же время «династическим великим визирем» Кавуром, политика которого сплошь состояла из компромиссов и уступок. В то время как Гарибальди правильно понимал, что объединения можно достичь «лишь в том случае, если движение сохранит свой чисто народный характер и не будет стоять ни в какой связи с планами чисто династического расширения», Кавур боялся народной революции, возлагая надежды главным образом на Наполеона III, интригуя против революционеров и надеясь совершить объединение Италии постепенно, «по частям», с выплатой каждый раз Бонапарту «компенсации» в виде той или другой части итальянской территории (статья «Интересные новости из Сицилии», стр. 95—96). Несколько статей Маркса о Гарибальди относятся к 1862 г., когда результатами блестящих успехов 1860 г. Гарибальди воспользовалась пьемонтская династия (статьи «Митинг в честь Гарибальди», «Бурный митинг» и «Митинг гарибальдистов»).

Вскрывая лицемерную политику Бонапарта, стремившегося под видом оказания помощи итальянским патриотам захватить прилегающие к Франции итальянские земли, Маркс и Энгельс связывали эту его агрессивную политику с его проектами широких захватов на Рейне за счет Германии. В статье «Савойя и Ницца» Энгельс с очевидностью доказал, что захват этих областей для Бонапарта имел громадное стратегическое значение. Захватом Савойи и Ниццы обеспечивалось господство Франции не только над Италией, но и над Швейцарией и над всеми Альпами и облегчалась операция по захвату ею всего Рейна. В отношении германского объединения Бонапарт рассчитывал вновь повторить свою старую политику «освободительно-национального жульничества» (стр. 110).

Касаясь внутреннего положения Пруссии и Австрии, этих двух крупнейших германских государств, Маркс и Энгельс продолжали отстаивать свою линию на революционное объединение всей Германии снизу. Внутренняя политика Пруссии, прикрывавшаяся

в начале 60-х годов либеральными фразами, была такой же реакционной, как и прежде. Такова же была политика и Австрии. Франц-Иосиф под угрозой революционного движения был вынужден дать грамоту, в которой содержалось обещание восстановить в Венгрии ее древнюю конституцию. «Венгрию предполагалось купить уступками, с внешней стороны очень крупными, если их сравнить с ничтожными подачками немецким и славянским провинциям и с пародией на имперский парламент, который намечала грамота». На деле это оказалось лишь маневром и предательством. «Надо было приласкать Венгрию и превратить ее в орудие, которое могло бы помочь абсолютистской Австрии выпутаться из трудного положения» (стр. 166—167, статья «Австрия. — Развитие революции»). Старый феодально-сословный строй Австрийской империи оставался неприкосновенным и при новой конституции.

Ни юнкерская бюрократическая Пруссия, ни полуфеодальная Австрия не были в состоянии обеспечить подлинного единства Германии. Последнее могло быть осуществлено лишь путем революции. «Только германская революция с своими центрами — один в Вене и другой в Берлине — могла бы разбить на куски империю Габсбургов, не подвергая опасности целостность Германии и не подчиняя ее немецким областям французскому или русскому контролю... для сопротивления попыткам захвата извне или для достижения единства и свободы внутри, она [Германия] должна очистить свой собственный дом от своих династических господ» (стр. 154—155, статья «Россия использует Австрию»).

Останавливаясь на положении России начала 60-х годов, Маркс вскрывал ожесточенную классовую борьбу, происходившую вокруг крестьянской реформы, и кабальный характер самой реформы. «Знать, т. е. та влиятельная часть русской аристократии, которая отчаялась в возможности сохранения прежнего положения вещей, решила предоставить крепостным освобождение... при условии денежного вознаграждения, превращающего крестьян из крепостных в пожизненных должников, так что, поскольку дело идет о материальных интересах, по крайней мере для двух или трех поколений, не должно произойти никаких перемен, за исключением формы крепостной зависимости, ибо ее патриархальная форма была бы заменена новой, цивилизованной формой» («Россия использует Австрию», стр. 153). «Раздираемая классовой борьбой и мучимая финансовым кризисом», Россия снова намеревалась «попытать счастья в заграничных авантюрах». На сцену снова был выдвинут Восточный вопрос. Используя беспорядки в Сибири, Россия пыталась заключить союз с бонапартист-

ской Францией в целях нового вмешательства в дела Турции. Правительство Наполеона III, с своей стороны, спешило заручиться поддержкой царского правительства, обещая Александру II Константинополь в случае, если Россия будет содействовать тому, чтобы вернуть Франции «ее рейнскую границу» (статья «Русско-французский союз»).

Наибольшая группа статей из «Presse» и частью из «Tribune» относится к теме о гражданской войне в Америке. Маркс и Энгельс, так же как и Ленин (см. «Письмо к американским рабочим», Сочинения, т. XXIII, стр. 184), придавали чрезвычайно большое значение гражданской войне в САСШ, подчеркивая прогрессивное и революционное значение этой войны. Еще в 1860 г., накануне войны, когда аболиционистское движение, возникшее в пограничных штатах, получило уже достаточно широкий размах, Маркс так отзывался об историческом значении начавшейся борьбы против рабовладения: «По моему мнению, — писал он Энгельсу, — самые великие события в мире в настоящее время, — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смертью Джона Броуна, а с другой стороны — движение рабов в России» (Письмо к Энгельсу от 11 января 1860 года). В самой гражданской войне Севера против Юга Маркс усматривал события, которые «носят мировой характер», несмотря на все отрицательные стороны, присущие буржуазной демократии (Письмо к Энгельсу от 29 октября 1862 года). В переписке Маркса и Энгельса за период 1861—1862 гг. имеются десятки страниц, посвященные американскому вопросу. Причины, породившие гражданскую войну между штатами, ее движущие силы, характеристика методов борьбы того и другого враждебного лагеря, неспособность буржуазии вести подлинно революционную войну, перспектива революционного разрешения кризиса, — все это чрезвычайно ярко и полно отражено в письмах и в статьях Маркса и Энгельса. Особенно громадное значение для понимания характера и условий американской гражданской войны имеют три статьи: «Американский вопрос в Англии» (из «Tribune»), «Гражданская война в Северной Америке» и «Гражданская война в Соединенных Штатах» (из «Presse»). Вся история Северо-Американских Соединенных Штатов этого периода наполнена борьбой двух антагонистических сил — свободного Севера и рабовладельческого Юга, «трения которых были движущей силой Соединенных Штатов в течение полвека» (стр. 177). «Современная борьба между Югом и Севером есть, следовательно, не что иное, как борьба двух социальных систем, — системы рабства и свободного труда. Так как обе системы не могут более мирно существовать на северс-американском

континенте рядом друг с другом, то вспыхнула борьба. Она может кончиться лишь победой одной из этих систем» (стр. 251). Вопрос о рабстве в связи с вопросом о колонизации свободных земель был, по Марксу, основой всего движения: «Все движение, как это можно видеть, — писал Маркс в «*Presse*», — покоилось и покоится на *вопросе о рабстве*. Не в том смысле, должны ли рабы быть немедленно освобождены внутри рабовладельческих штатов или нет, а в том, должны ли 20 миллионов свободных жителей Севера и далее подчиняться олигархии 300 тысяч рабовладельцев; должны ли стать огромные территории республики рассадниками свободных штатов или рабства; наконец, должна ли национальная политика Союза объявить своим лозунгом вооруженное распространение рабства в Мексике, Центральной и Южной Америке» (стр. 243). Характеризуя самый ход гражданской войны, Маркс и Энгельс вскрывали нерешительность и колебания Севера в первый период войны и прямую измену со стороны ряда генералов, принадлежавших к северной демократической партии. В последних статьях об американской гражданской войне, относящихся к концу 1862 г., Маркс и Энгельс констатировали определенный поворот военных действий в пользу Севера в связи с переходом его к более решительным и более революционным методам борьбы.

Гражданская война в Америке вызвала к себе совершенно разное отношение господствующих классов, с одной стороны, и пролетариата Европы — с другой. В то время как значительная часть английской буржуазии — «друзья хлопка», фабриканты и купцы, связанные с американскими рабовладельцами, — настойчиво требовала признания Южной конфедерации и объявления войны Северным штатам, рабочий класс Англии с самого начала гражданской войны высказался решительно *против рабовладельцев и против интервенции*. Осенью 1861 г., в связи с захватом американским федеральным военным судном послов Конфедерации, ехавших в Европу на английском почтовом пароходе (так называемое «дело «Трента»»), друзья южных рабовладельцев в Англии подняли было яростную кампанию против Северных штатов, но натолкнулись на упорное сопротивление рабочего класса.

Американская война тяжело отразилась на основной отрасли английской промышленности — хлопчатобумажной — вследствие прекращения доступа в Англию южно-американского хлопка. Часть фабрик закрылась, на других работали неполную неделю. Маркс в ряде статей рисовал жуткие картины из жизни голодающих ланкаширских ткачей (см. особенно статью «Нужда рабочих в Англии»,

стр. 379—382 настоящего тома). Характеризуя революционную солидарность английского пролетариата, подчеркнутую им позднее в обращении, адресованном Линкольну от имени Международного товарищества рабочих (1864 г.), Маркс противопоставлял этой революционной позиции пролетариата беспринципность и реакционность буржуазной политики. Не решившись, под угрозой рабочего движения, на открытую интервенцию против Соединенных Штатов, пальмерстоновская Англия и бонапартовская Франция совместно с Испанией предприняли в качестве косвенного шага против Штатов интервенцию в Мексике, приведшую к созданию пресловутой «мексиканской империи», закончившейся в свою очередь позорным крахом.

Последняя группа специально-военных статей, принадлежащих Энгельсу (из «*Volunteer Journal*» и «*Allgemeine Militär-Zeitung*») несомненно представит интерес для военных работников Красной армии. Написанные чрезвычайно просто, они представляют образец популяризации военных знаний. Часть статей, касающаяся истории военного дела (см. статьи «История винтовки», так же как и «О нарезной пушке» в «*Tribune*»), является дополнением к тем военным статьям Энгельса, которые печатались в «Новой Американской Энциклопедии» (см. в нашем собрании сочинений Маркса и Энгельса, т. XI, ч. II-я). Из печатаемых в настоящем томе статей из «*Volunteer Journal*» первые статьи: «История винтовки», «Французская легкая пехота», «Артиллерия волонтеров», «Инженеры-волонтеры» и «Смотр английских стрелков-волонтеров» — были изданы Энгельсом в 1861 г. отдельным изданием без каких-либо перемен по сравнению с текстом журнала «*Volunteer Journal*». Значительный интерес представляют статьи Энгельса, написанные для «*Allgemeine Militär-Zeitung*». Наиболее крупные из них — «Кинглек о битве при Альме» и «Английская армия» — являются ценным дополнением к статьям Энгельса на те же темы периода Крымской войны (см. том X Сочинений). Последняя статья «Военные силы Англии против Германии» была написана Энгельсом в связи с войной Пруссии и Австрии против Дании (1863—1864 гг.). Статья ярко характеризует угрозу англо-германского морского столкновения, зорко подмеченную Энгельсом за полу столетие до начала империалистической войны 1914—1918 годов.

* * *

Настоящий том подготовлен к печати *В. Ф. Семеновым*; в редактировании тома принимал участие *Л. М. Перчик*.

15 ноября 1933 г.

В. Адоратский.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
1860 — 1864

К. Маркс и Ф. Энгельс
СТАТЬИ ИЗ
«NEW-YORK DAILY TRIBUNE»
1860 — 1862 ГГ.

ХОД ВОЙНЫ С МАВРАМИ.

Мы долго ожидали со стороны испанской армии в Марокко какого-либо решительного продвижения, которое могло бы привести к концу первый или подготовительный период войны. Но напрасно. Маршал О Доннель, повидимому, не торопится покинуть свой лагерь на высотах Серальо, и поэтому мы вынуждены дать обзор его операций в тот момент, когда они едва только начались.

13 ноября¹ 1-я дивизия испанской действующей армии под командой генерала Эчаге была посажена на суда в Алжезирасе и несколько дней спустя высадилась в Сеуте. 17-го она выступила из города и заняла Серальо, или Белый дом, большое здание, приблизительно в 1½ милях перед фронтом испанских позиций у Сеуты. Местность вокруг весьма неровная и пересеченная, чрезвычайно удобная для ведения стрелкового и иррегулярного боя. После принятой в эту же ночь безуспешной попытки взять обратно Серальо мавры удалились, а испанцы начали постройку укрепленного лагеря, который должен служить базой для дальнейших операций.

22-го Серальо подвергся атаке со стороны анджеритов, мавританского племени, живущего в окрестностях Сеуты. Это нападение послужило началом для ряда безрезультатных боев, заполнивших собою всю кампанию до настоящего момента, причем каждый из них в точности похож на все остальные. Мавры с большими или меньшими силами атакуют испанские линии и пытаются врасплох или хитростью овладеть частью их позиций. Согласно мавританским сообщениям они вообще действуют успешно, но за неимением артиллерии покидают захваченные редуты. Согласно испанским сообщениям еще ни одному мавру ни разу не удалось заглянуть внутрь испанских редутов, и все их нападения оказались совершенно безуспешными. При первой атаке анджериты насчитывали не более 1 600 человек. На следующий день они получили подкрепление в 4 000 человек и сразу возобновили нападение. 22-е и 23-е прошли в перестрелке, но 25-го мавры предприняли наступление всеми

¹ В «Tribune» ошибочно: «18 ноября». *Ред.*

силами, и завязался сильный бой, в котором генерал Эчаге был ранен в руку. Эта атака мавров была настолько серьезна, что она заставила Сиду Кампеадора О'Доннеля несколько стряхнуть с себя ту сонливость, с которой он до сих пор вел войну. Он немедленно отдал приказ погрузить на суда 2-ю дивизию под командой генерала Сабалы и резервную дивизию под командой генерала Прима, и сам направился в Сеуту. В ночь на 27-е вся испанская действующая армия была сосредоточена у этого города. 29-го последовала новая атака мавров, повторившаяся 30-го. После этого испанцы стали искать выхода из своих тесных позиций; целью их первого движения должен был стать Тетуан, находящийся на расстоянии около 20 миль к югу от Сеуты и в четырех милях от моря. Они начали строить дорогу в направлении к этому городу; до 9-го декабря мавры не оказывали никакого сопротивления. Утром этого дня они напали врасплох на гарнизон двух главных редутов, но, как обычно, к концу дня покинули их. 12-го на фронте испанского лагеря, приблизительно в четырех милях от Сеуты, произошел новый бой, а 20-го О'Доннель телеграфирует, что мавры опять атаковали эти два редута, но, как всегда, были победоносно отражены. Таким образом, 20 декабря дела не подвинулись ни на йоту вперед по сравнению с 20 ноября. Испанцы все еще оборонялись, и, вопреки сделанным две или три недели тому назад заявлениям, не было заметно никаких признаков продвижения.

Численность испанцев со всеми подкреплениями, полученными ими к 8 декабря, доходила до 35 000 — 40 000 человек, так что для наступательных действий они могли располагать армией в 30 000 человек. С такой силой завоевание Тетуана не представляет, очевидно, затруднений. Правда, отсутствуют хорошие дороги, а продовольствие для армии приходится целиком подвозить из Сеуты. Но как же действовали французы в Алжире или англичане в Индии? К тому же испанские мулы и обозные лошади не настолько избалованы хорошими дорогами у себя на родине, чтобы отказываться идти по мавританской почве. Что бы ни говорил в свое оправдание О'Доннель, решительно ничем нельзя оправдать его продолжающееся бездействие. В настоящее время испанцы настолько усилились, насколько вообще можно ожидать от них в этой кампании, если какие-либо неожиданные неудачи не потребуют от них чрезвычайного напряжения. Мавры же, наоборот, с каждым днем становятся сильнее. Лагерь у Тетуана, под начальством Хаджи-Абд-Селима, выделявший отряды для атаки на испанскую позицию 3 декабря, уже вырос до 10 000 человек, не считая гарнизона самого города. Другой

лагерь, под начальством Мулай-Аббаса, находился в Танжере, и подкрепления непрерывно прибывали из внутренних частей страны. Уже одно это обстоятельство должно было побудить О'Доннелля издать наступление, как только состояние погоды позволило бы это сделать. Но, хотя погода благоприятствует, он все же не двигается вперед. Не может быть сомнения, что это является признаком полной нерешительности с его стороны и что мавры оказались менее слабым противником, чем он ожидал. Не подлежит никакому сомнению, что мавры сражались превосходно, и доказательством этого являются исходящие из испанского лагеря жалобы на те преимущества, которые дают маврам свойства местности перед Сеутой.

Испанцы говорят, что в кустарниковых зарослях и оврагах мавры являются грозным противником и что, кроме того, они великолепно знают каждую пядь земли, но что, как только они попадут на равнину, сплоченность испанской пехоты скоро заставит иррегулярные отряды мавров повернуться и убежать. Такая аргументация представляется довольно сомнительной в условиях, когда три четверти времени каждого сражения идут на перестрелку в неровной местности. Если испанцы, простояв шесть недель под Сеутой, не изучили местности так же хорошо, как мавры, тем хуже для них. Что для иррегулярных отрядов неровная местность более благоприятна, нежели гладкая равнина, это достаточно ясно. Но и на пересеченной местности регулярная пехота должна значительно превосходить иррегулярные отряды. Современная система стрелкового боя в рассыпном строю, с поддержками и резервами за первой цепью, правильность движений, возможность крепко держать в руках отряды и заставлять их поддерживать друг друга, направляя все усилия для достижения одной общей цели, — все это дает такое преимущество регулярным войскам по сравнению с иррегулярными отрядами, что на местности, пригодной для стрелкового боя, никакие иррегулярные отряды не могут противостоять им даже при соотношении сил два к одному. Но у Сеуты численное соотношение как раз обратное. Испанцы обладают численным превосходством, и все же они не решаются наступать. Единственный вывод — это то, что испанская армия вовсе не умеет вести боя в рассыпном строю, и, таким образом, плохие качества отдельного солдата при этом способе ведения боя уравнивают те преимущества, которые должны давать им дисциплина и регулярное обучение. В действительности им, повидимому, чрезвычайно часто приходится драться врукопашную ятаганом и штыком. Обыкновенно, когда испанцы подходят достаточно близко, мавры прекращают огонь и бросаются на них с саблей

в руке, точно так же, как это делают турки, и это, наверное, не очень приятно для войск, состоящих из молодых солдат, вроде испанских. Однако частые схватки должны были приучить их к особенностям мавританского способа борьбы и к надлежащим приемам отпора им; и если мы видим, что их главнокомандующий все еще колеблется и остается на своей оборонительной позиции, то мы не можем быть очень высокого мнения о его армии.

Насколько факты позволяют догадываться об испанском плане кампании, испанцы, повидимому, избрали Сеуту в качестве оперативной базы, а Тетуан — первым объектом для наступления. Та часть Марокко, которая лежит на другом берегу против Испании, представляет нечто вроде полуострова шириной в 30 или 40 миль и длиной около 30 миль. Танжер, Сеута, Тетуан и Лараш (Эль-Арайш) являются главными городами на этом полуострове. Заняв эти четыре города, из которых Сеута уже находится в руках испанцев, можно легко покорить полуостров и сделать его базой для дальнейших операций против Феца и Мекинеца. Поэтому завоевание полуострова является, повидимому, целью испанцев, а первым шагом должен быть захват Тетуана. Этот план, повидимому, в достаточной степени разумен; он ограничивает операции небольшим районом, с трех сторон окруженным морем, а с четвертой стороны — двумя реками (Тетуаном и Тукосом), и поэтому занять его гораздо легче, нежели территорию, расположенную далее на юг. Он, таким образом, устраняет необходимость идти в пустыню, что было бы неизбежно, если бы в качестве оперативной базы были избраны Могадор или Рабат; кроме того, это дает возможность действовать в непосредственной близости от границ Испании, отделенной только Гибралтарским проливом. Но каковы бы ни были преимущества этого плана, они остаются без пользы, если не выполняется самый план, и, несмотря на высокопарный стиль своих бюллетеней, О'Доннель навлечет повор на себя и на испанскую армию, если он и впредь будет действовать так же, как действовал до сих пор.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5846 от 19 января 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

ВОЙНА С МАВРАМИ.

Наконец-то кампания в Марокко началась по-настоящему, и с ее началом исчезают все романтические прикрасы, которыми облекли О'Доннелля испанская пресса и испанский народный энтузиазм. О'Доннель оказывается обычным генералом средней руки; вместо рыцарей Кастилии и Леона мы видим гусаров принцессы, а вместо толедских клинков на сцену выступают нарезные пушки и конические снаряды.

Около 20 декабря испанцы начали прокладку пригодной для артиллерии и обоза дороги, которая должна была проходить через холмистую местность к югу от лагеря перед Сеутой. Мавры не сделали ни одной попытки разрушить эту дорогу; время от времени они нападали на генерала Прима, дивизия которого прикрывала рабочие команды, а иногда и на самый лагерь, но всякий раз безуспешно. Ни одно из этих нападений не превратилось во что-либо большее, чем авангардная стычка; в самой значительной из них, 27 декабря, потери испанцев не превысили 6 убитых и 30 раненых. К концу года было закончено не более двух миль дороги, но возобновление штормов и дождей помешало дальнейшему продвижению армии. Тем временем, как бы для того, чтобы осведомить мавританский лагерь о предстоящих передвижениях армии, испанская эскадра в составе одного парусного линейного корабля, трех винтовых фрегатов, трех колесных пароходов, всего с 246 пушками, подошла к устью реки Тетуан и 29 декабря бомбардировала форты у ее устья. Часа черев три форты были приведены к молчанию, а их земляные укрепления разрушены; не следует забывать, что это были те самые форты, которые около месяца тому назад французы бомбардировали с гораздо меньшими силами.

Так как 29-го наступила хорошая погода, то 1 января испанская армия начала, наконец, продвигаться вперед. Первый корпус из двух дивизий под командой Эчаге, который должен был первым высадиться в Африке, остался на позициях перед Сеутой. Хотя в первые недели солдаты очень страдали от болезней, теперь они уже достаточно акклиматизировались, и корпус с полученными затем

подкреплениями насчитывал 10 000 человек, т. е. значительно больше, чем второй или третий корпус. Эти два корпуса, второй под командой Сабалы, а третий под командой Рос-де-Олано, вместе с резервной дивизией Прима общей численностью в 21 000 — 22 000 человек, выступили в первый день нового года. Каждый солдат имел при себе продовольствие на шесть суток, в то время как миллион пайков, или месячный запас продовольствия для армии, везли на морских судах, предназначенных сопровождать армию. С генералом Примом в авангарде, поддерживаемым Сабалой, и генералом Рос-де-Олано, прикрывающим тыл, армия прошла гористую местность к югу от Сеуты. Новая дорога вела к Средиземному морю на расстоянии двух миль от лагеря. Здесь, на некотором расстоянии, расстилалась равнина в форме полукруга, хорду которого составляло море, а периферию — пересеченная местность, переходящая постепенно в обрывистые горы. Как только большая часть дивизии Прима вышла из лагеря, начались стычки. Испанская легкая пехота без труда отбросила мавров назад на равнину, а оттуда в холмы и кустарники, которые находились на фланге их линии продвижения. Здесь, благодаря какому-то недоразумению, два слабых эскадрона гусаров принцессы были брошены в атаку. Они выполнили это с такой отвагой, что пронеслись прямо сквозь линию мавров в их лагерь, но, попав в пересеченную местность и нигде не найдя ни кавалерии, ни пехоты, которую они могли бы атаковать на удобной для себя местности, они вынуждены были повернуть назад, потеряв при этом семь или почти всех офицеров, не считая рядовых. До сих пор бой вели главным образом пехота в рассыпном строю и одна или две батареи горной артиллерии, которую местами, скорее с моральным, чем с действительным эффектом, поддерживал огонь с канонерок и пароходов. Повидимому, О'Доннель намеревался продержаться на равнине, пока еще не занимая прочно хребта, образующего границу этой равнины на юге. Однако, с целью обеспечить свою позицию на ночь, он приказал Приму вытеснить мавританских стрелков с северного склона хребта и затем в темноте вернуться назад. Однако Прим, крупнейший боевой генерал испанской армии, завязал серьезный бой, который закончился тем, что он занял всю вершину хребта, правда, с большими потерями. Его авангард расположился лагерем на хребте и окопался по фронту. Потери испанцев в этот день достигли 73 убитых и 481 раненых.

Захваченная в этот день позиция известна под именем Кастильехос, по имени двух белых зданий, одно из которых находится на внутреннем склоне близ равнины, а другое на хребте, занятом после

полудня Примом. Однако официально этот лагерь, повидимому, носит название *Campramento dela Condesa* [лагерь Кондесы]. В тот же день мавры попытались произвести небольшое наступление против лагеря у Сеуты, причем атаковали как крайний правый редут, так и промежуток между двумя крайними левыми редутами. Впрочем, они были без труда отражены огнем пехоты и артиллерии Эчаге.

Действующая армия три дня оставалась в лагере Кондесы. Полевая артиллерия и одна ракетная батарея, равно как и оставшаяся кавалерия (вся кавалерийская бригада состоит из восьми эскадронов гусаров, четырех эскадронов кирасиров без кирас и четырех эскадронов уланов, всего 1 200 человек) прибыли в лагерь. Только осадный парк (среди которого имелась батарея нарезных двенадцатифунтовых пушек) оставался еще позади. 3 января О'Доннель производил разведку в направлении на Монте-Негро, ближайшей гряде гор на юге. Погода продолжала стоять прекрасная, жаркая в полдень, с очень сильными росами по ночам. Холера все еще свирепствовала в одной или двух дивизиях, и некоторые части жестоко пострадали от болезни. Например, два батальона инженерных войск, в котором болезнь особенно свирепствовала, сократились в своем составе со 135 до 90 человек в роте.

До этого времени мы имели подробные сведения; для последующего нам приходится довольствоваться скудными и не вполне связными телеграммами. 5-го числа армия двинулась вперед, 6-го она стала лагерем «к северу от долины Негро, пройдя без сопротивления переваль». Остается неясным, означает ли это, что армия прошла хребет Монте-Негро и расположилась лагерем на его южном склоне. 9-го армия находилась, как нам сообщают, на расстоянии одной лиги¹ от Тетуана, и ею была отражена атака мавров. 13-го армия овладела всей позицией у Кабо-Негро, одержала полную победу и стала перед Тетуаном; как только можно будет подвести артиллерию, будет начата атака города. 14-го сконцентрированная ранее в Малаге дивизия генерала Риоса силою в десять батальонов высадилась у устья реки Тетуан и заняла форты, разрушенные флотом двумя неделями раньше. 16-го, как нам сообщают, армия готовилась перейти реку и начать наступление на Тетуан.

Для объяснения всего этого мы можем указать, что между Сеутой и Тетуаном находятся четыре отдельных горных хребта, которые должна перейти армия. Первый, непосредственно к югу от лагеря, идущий к равнине Кастильехос; второй запирает эту равнину

¹ Лига — старинная английская мера длины, около 5 км. *Ред.*

с юга. Оба эти хребта были взяты испанцами 1-го числа. Следующий хребет, далее к югу, идущий перпендикулярно к берегу Средиземного моря, это — хребет Монте-Негро, а параллельно ему, но еще дальше на юг, идет другой, более высокий хребет, оканчивающийся на берегу мысом под именем Кабо-Негро, к югу от которого протекает река Тетуан. 1-го января мавры теснили фланг наступающей армии, а затем они изменили свою тактику, отошли далее на юг и попытались закрыть дорогу на Тетуан с фронта. Ожидали решительного сражения за обладание этой дорогой на перевалах последнего хребта, т. е. Кабо-Негро; 13 января, кажется, такое сражение и произошло.

Тактическая подготовка этой битвы, повидимому, не делает чести ни одной из воюющих сторон. От мавров мы не можем ожидать ничего иного, кроме иррегулярных действий, которые они проводят со свойственной полудикарям отвагой и ловкостью. Однако даже и в этом они, повидимому, довольно слабы. Они не проявляют того фанатизма, с которым борются с французами кабилы алжирских прибрежных гор и даже риффы; длительные безуспешные схватки перед фронтом редута у Сеуты, повидимому, сломили первый пыл и энергию большинства племен. В своих стратегических планах они также не могут сравниться с алжирцами. С самого начала они отказываются от собственного плана, который состоял в том, чтобы тревожить фланги и тыл наступающих колонн и прерывать или угрожать их связи с Сеутой; вместо этого они изо всех сил стараются опередить испанцев и закрыть им дорогу на Тетуан с фронта, вызывая таким образом то, чего им следовало бы избегать, — именно регулярного сражения. Быть может, они еще сумеют понять, что с такими людьми, какими они располагают, и в такой стране, в какой они живут, малая война является именно тем способом борьбы, который изматывает неприятеля; последний, несмотря на все свое превосходство в дисциплине и вооружении, связан во всех своих движениях огромным обозом, какого нет у мавров и который чрезвычайно трудно передвигать по негостеприимной и лишенной дорог стране.

Испанцы продолжают кампанию так же, как начали. Проведя в бездействии два месяца у Сеуты, они затем в шестнадцать дней прошли двадцать одну милю, делая по пять миль в четыре дня! Даже учитывая все трудности пути, это представляет собой медлительность, неслыханную в условиях современной войны. Повидимому, испанские генералы совершенно разучились управлять крупными войсковыми частями, готовить широкие операции и пере-

двигать армию, которая по численности едва ли равняется одному французскому армейскому корпусу в последней итальянской кампании. Чем иначе можно объяснить эти промедления? 2 января О'Доннель имел всю свою артиллерию в Кастильехосе, за исключением осадного парка; однако он прождал еще целых два дня и выступил только 5-го. Самый поход колонны организован, повидимому, неплохо, но это и немудрено при столь коротких переходах. Под огнем испанцы проявляют пренебрежение к врагу, что является результатом более крепкой дисциплины и ряда успешных боев; но будущее еще покажет, сохранится ли эта уверенность в победе, когда климат и трудности кампании, которая в конце концов неизбежно превратится в утомительную малую войну, значительно понизят *моральные и физические силы* армии. Что касается командования, то в настоящее время мы можем сказать о нем лишь очень немного, ибо у нас нет подробностей о всех боях, кроме первого. Однако этот первый бой обнаруживает две несомненных ошибки — атаку кавалерии и движение генерала Прима вопреки полученным им приказаниям; если такие вещи станут постоянным явлением в испанской армии, то тем хуже для нее.

Оборона Тетуана будет, по всей вероятности, непродолжительна, но упорна. Его укрепления, несомненно, слабы, но мавры — отличные солдаты, когда сражаются за укреплениями, как это показали Константина и многие алжирские города. Следующая почта, возможно, принесет известие о взятии его штурмом. Если это произойдет, то мы должны ожидать перерыва в кампании, ибо испанцам потребуется время, чтобы улучшить дорогу между Тетуаном и Сеутой, превратить Тетуан во вторую базу для операций и дожждаться подкреплений. Дальнейшее движение должно направиться отсюда на Лараш или Танжер.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 5863 от 8 февраля 1860 г.
в качестве передовой*

Без подписи.

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА.

Лондон, 27 января 1860 г.

Среди тем, затронутых в парламентских прениях по поводу адреса, самыми интересными были третья война с Китаем, торговый договор с Францией и осложнения в Италии. Надо иметь в виду, что китайский вопрос является не только вопросом международным, но и конституционным вопросом весьма серьезного значения. Вторая китайская война, предпринятая по капризу лорда Пальмерстона, прежде всего повлекла за собой вотум недоверия его кабинету и затем роспуск палаты общин; новой палате, несмотря на то, что она была избрана в составе, благоприятном для Пальмерстона, ни разу не было предложено кассировать постановление ее предшественницы. До сего времени вторая китайская война лорда Пальмерстона остается осужденной парламентским приговором. Но это еще не все.

16 сентября 1859 г. в Англии было получено сообщение об английской неудаче на Пейхо. Вместо того, чтобы созвать парламент, лорд Пальмерстон обратился к Луи Бонапарту и вступил с этим самодержцем в переговоры о новой англо-французской экспедиции против Китая. По словам лорда Грея, «британские порты и арсеналы в течение трех месяцев оглашались шумом приготовлений; принимались меры к отправке в Китай артиллерии, боевых припасов и канонерок, а также, в добавление к морским силам, и сухопутных войск численностью не менее 10 000 человек». Когда, таким образом, страна уже вплотную ввязалась в новую войну, с одной стороны, благодаря договору с Францией, с другой — благодаря значительным издержкам, сделанным без всякого предварительного извещения парламента, последнему, по возобновлении его сессии, спокойно предлагают «благодарить ее величество за осведомление о всем случившемся и за приготовления, которые были сделаны к китайской экспедиции». Мог ли бы сам Луи-Наполеон разговаривать иным языком со своим собственным Законодательным корпусом или император Александр со своим сенатом?

При обсуждении адреса палаты общин в 1857 г. нынешний канцлер казначейства г. Гладстон, говоря о войне с Персией, негодуяюще воскликнул: «Не опасаясь возражений, я скажу, что обычай начинать войны без предварительного обращения к парламенту стоит в полном противоречии с *установившейся практикой* нашей страны; он *представляет опасность для конституции и безусловно требует вмешательства этой палаты*, чтобы сделать совершенно невозможным повторение *столь опасной практики*». Лорд Пальмерстон не ограничился повторением «столь опасной для конституции практики»; он не только повторил это и на этот раз при содействии ханжи г. Гладстона, но, как бы желая испытать силу министерской безответственности, он, используя права парламента против короны, прерогативы короны против парламента и привилегии обоих против народа, имел дерзость повторить опасную практику в той же самой сфере деятельности. После того как одна его китайская война вызвала порицание парламента, он, вопреки последнему, предпринимает новую китайскую войну. И, тем не менее, в обеих палатах лишь один человек нашел в себе достаточно мужества, чтобы восстать против министерской узурпации; и, что любопытно отметить, этот единственный человек принадлежит не к демократической, а к аристократической части законодательного собрания. Человек этот — лорд Грей. Он внес поправку к ответному адресу на тронную речь в том смысле, что не следовало начинать экспедицию, прежде чем было запрошено мнение обеих палат парламента.

Прием, который встретила поправка лорда Грея как со стороны представителя министерской партии, так и со стороны лидера оппозиции ее величества, в высшей степени характерен для политического кризиса, к которому быстро идут представительные учреждения Англии. Лорд Грей признал, что формально корона обладает прерогативой начинать войны, но, поскольку министрам запрещено расходовать хотя бы один фартинг на какое-либо предприятие без предварительной санкции парламента, закон и практика конституции требуют, чтобы ответственные представители короны не пускались в воинственные экспедиции без предварительного осведомления парламента и приглашения последнего принять меры для покрытия издержек, которые могли быть таким образом вызваны. Следовательно, если бы совет нации признал нужным, он мог бы в самом начале помешать всякой несправедливой или неразумной с политической точки зрения войне, задуманной министрами. Его светлость привел несколько примеров с целью показать, как строго соблюдались эти правила в прежнее время. Когда в 1790 г. несколько

британских судов были захвачены испанцами на северо-западном берегу Америки, Питт сообщил обеим палатам обращение короны, призывающее их вотировать кредиты для покрытия предстоящих издержек. В другой раз, в декабре 1826 г., когда дочь дон-Педро обратилась к Англии с просьбой о помощи против Фердинанда VII Испанского, который собирался вторгнуться в Португалию для поддержки дон-Мигуэля, Каннинг представил подобное же обращение, сообщающее парламенту суть дела и сумму вероятных расходов. В заключение лорд Грей открыто указал, что министерство осмелилось наложить на страну налог без согласия парламента, поскольку понесенные уже крупные расходы пришлось покрывать тем или иным путем, а их нельзя было покрыть, не затрагивая денежных ассигнований, предназначенных на совсем иные нужды.

Какого же рода ответа добился лорд Грей от кабинета? Герцог Ньюкестль, в свое время один из первых протестовавший против законности второй китайской войны Пальмерстона, ответил, во-первых, что «в последние годы создалась весьма полезная практика во все воздерживаться от каких-либо поправок к адресу, кроме случаев, когда дело шло о достижении каких-либо важных *партийных целей*». А потому, поскольку лорд Грей не руководствуется какими-либо мятежными мотивами и не претендует на то, чтобы прогнать министров и самому сесть на их место, чего же, скажите пожалуйста (for the life of the Duke of Newcastle), хочет он достичь, нарушая эту «весьма полезную практику последних лет»? Не чудачество ли с его стороны воображать, что палата станет ломать копыя за что-либо иное, кроме важных партийных целей? Во-вторых, разве не известно, что конституционная практика, столь тщательно соблюдавшаяся Питтом и Каннингом, снова и снова нарушалась лордом Пальмерстоном? Разве этот благородный виконт не вел по своему собственному произволу войну в Португалии в 1831 г., в Греции — в 1850 г. и — мог бы еще прибавить герцог Ньюкестль — войны в Персии, Афганистане и многих других странах? Почему же, если парламент позволял лорду Пальмерстону в течение 30 лет узурпировать право войны и мира и налогового обложения, почему, в таком случае, должен он вдруг порвать со своей давнишней рабочей традицией? Конституционный закон, быть может, и на стороне лорда Грея, зато право давности несомненно на стороне лорда Пальмерстона. Почему именно теперь надо призывать благородного виконта к отчету, когда раньше его ни разу не карали за подобные «полезные» новшества? Действительно, герцог Ньюкестль проявил, пожалуй, даже мягкость, воздержавшись от обвинения лорда Грея

в мятеже за его попытку уничтожить освященную давностью привилегию лорда Пальмерстона распоряжаться по своему усмотрению своей «собственностью» — военными силами и деньгами Англии.

Столь же оригинален был способ, каким герцог Ньюкестль пытался обосновать законность экспедиции на Пейхо. Существует англо-китайский договор 1843 г., в силу которого Англия пользуется всеми правами, предоставленными Небесной империей наиболее благоприятствуемым нациям. В своем последнем договоре с Китаем Россия выговорила себе право плавания вверх по Пейхо. Следовательно, в силу договора 1843 г., Англия тоже имела право входа в эту реку. На этом, сказал герцог, он может настаивать, «не прибегая к какой-либо подробной специальной аргументации». Действительно, он может! С одной стороны, тут есть некое досадное обстоятельство, что русский договор был ратифицирован и, следовательно, начал существовать лишь после катастрофы на Пейхо. Здесь, конечно, перед нами лишь небольшое *hüsteron proteron*¹. С другой же стороны, вообще известно, что состояние войны отменяет все существующие договоры. Если в момент экспедиции на Пейхо англичане находились в войне с китайцами, то они, разумеется, не могли апеллировать ни к договору 1843 г., ни вообще к какому-либо другому договору. Если они не находились в состоянии войны, то, значит, кабинет Пальмерстона взял на себя инициативу начала новой войны без санкции парламента? Чтобы избежать второй части дилеммы, бедняга Ньюкестль утверждает, что со времени бомбардировки Кантона в течение последних двух лет «Англия *никогда* не находилась в *мире* с Китаем». Следовательно, министерство лишь продолжало военные действия, но не начинало их, и, таким образом, Ньюкестль, не прибегая к специальной аргументации, мог апеллировать к договорам, имеющим силу только во время мира. А чтобы еще больше усилить эффект этой оригинальной диалектики, лорд Пальмерстон, глава кабинета, одновременно утверждает в палате общин, что Англия в течение всех этих лет «*никогда не вела войны с Китаем*». Она не ведет ее и теперь. Правда, была бомбардировка Кантона, была катастрофа на Пейхо и англо-французская экспедиция, но войны не было, поскольку она никогда не была объявлена и поскольку в данный момент китайский император разрешил продолжать переговоры в Шанхае в их обычном порядке. Самый тот факт, что им нарушены все законные международные формы войны в

¹ *Hüsteron proteron* — выражение древних грамматиков, означавшее перестановку более позднего события на место более раннего. *Ред.*

отношении китайцев, Пальмерстон приводит в оправдание также и несоблюдения им конституционных форм в отношении британского парламента, в то время как его представитель в палате лордов граф Гренвилль «по вопросу о Китае» пренебрежительно заявляет, что «*обращение правительства к мнению парламента*» представляет «*вопрос чисто технический*». Итак, обращение правительства к мнению парламента есть чисто технический вопрос! В таком случае, чем же еще отличается британский парламента от французского Законодательного корпуса? Во Франции на место нации дерзает поставить себя человек, слывущий, по крайней мере, наследником национального героя, человек, который к тому же открыто берет на себя весь риск подобной узурпации. Но в Англии какой-то второразрядный лидер, какой-то выдохшийся карьерист, какое-то анонимное ничтожество так называемого кабинета, полагаясь на неповоротливость коллективной парламентарской мысли и на сбивающую с толку болтовню анонимной прессы, не делая шума, без всякого риска для себя, спокойно пробирается к безответственной власти. Возьмите, с одной стороны, движение, поднятое каким-нибудь Суллоу, возьмите, с другой стороны, мошеннические «деловые» маневры какого-нибудь управляющего акционерным банком, секретаря благотворительного общества или приходского клерка, и вы поймете разницу между империалистской узурпацией во Франции и министерской узурпацией в Англии! Лорд Дерби, вполне понимая, что обе клики имеют равный интерес в обеспечении министерского бессилия и безответственности, разумеется, не мог «согласиться с благородным графом (Греем) в его суровой характеристике *промахов* правительства». Он мог бы частично согласиться с жалобой лорда Грея, что «правительство должно было созвать парламента, чтобы запросить его мнение о китайском вопросе», но он, «конечно, не мог бы поддержать его, если бы он потребовал, чтобы его поправка была поставлена на голосование».

В итоге поправка не была поставлена на голосование, и все прения о китайской войне в обеих палатах вылились в забавные поздравления обеих клик по адресу адмирала Гопа за то, что тот так блестяще похоронил в иле военные силы Англии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5868 от 14 февраля 1860 г.

Без подписи.

НОВЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ.

Лондон, 28 января 1860 г.

Торговый договор с Францией будет сообщен палате общин не ранее 6 февраля. Однако после того, что выяснилось во время дебатов по поводу адреса, после того, что рассказывалось во французских газетах, после того, что ходит сейчас в виде слухов в Лондоне и Париже, можно уже теперь, несмотря на торжественное предостережение г. Гладстона, отважиться дать некоторую общую оценку этого «милого ветренника». В понедельник, 22 января, договор был надлежащим образом подписан в Париже; французскими крестными отцами были Руэр, министр торговли, и Барош, временно исполняющий должность министра иностранных дел, а со стороны Англии эти функции исполняли лорд Каули и Кобден. О том, что г. Мишель Шевалье, экс-сен-симонист, также приложил руку к этому делу и что вся Франция выражает сожаление по поводу того, что Луи-Наполеон не обнаружил достаточного такта и не дал возможности этой выдающейся личности (т. е. г. Шевалье) подписать свое имя под договором рядом с именем его английского *софрèге* [собрата], — об этой новости сама же «выдающаяся личность» благоволила сообщить в Лондон и поместить соответствующие заметки в различных фритредерских органах. Но газеты не знают того, что главным действующим лицом со стороны французов был «отец Анфантен» (*père Enfantin*), бывший первосвященник сен-симонизма. Не удивительно ли, в самом деле, что все эти сен-симонисты, начиная от «отца Анфантена» и кончая Исааком Перейром и Мишелем Шевалье, превратились в главные экономические опоры второй империи? Но вернемся к «английскому брату» г. Шевалье, бывшему ланкаширскому фабриканту, который, конечно, был не мало польщен тем, что ему оказали такую честь и позволили поставить собственноручную подпись под международным договором. Если мы припомним то обстоятельство, что трактаты, основанные на принципе взаимности, и коммерческие трактаты вообще, за исключением трактатов с варварами, всегда жестоко порицались английскими фритредерами, руководимыми г. Кобденом, как наихудшая и

наиболее вероломная форма протекционизма, если мы, далее, примем во внимание, что настоящий трактат, даже с точки зрения взаимности, кажется достаточно нелепым соглашением, если мы, наконец, надлежащим образом взвесим те политические цели и задачи, которым, предполагается, должен удовлетворить трактат, — то публика будет, пожалуй, склонна пожалеть г. Ричарда Кобдена как невинную жертву пальмерстоновских махинаций. Но здесь имеется и другая сторона медали. Как всем известно, г. Кобден в вознаграждение за его удачную кампанию против хлебных законов получил некогда от благодарных фабрикантов 60 000 ф. стерлингов. Капитал этот г. Кобден поместил в американские акции и в результате кризиса 1857 г. потерял почти все. Надежды, которые он еще питал, отправляясь в свое путешествие в Соединенные Штаты, оказались иллюзией. Г-н Кобден вернулся в Англию разорившимся человеком. Для устройства в его пользу национальной подписки необходим был какой-то национальный предлог, какое-то дело, которое можно было раздуть, дабы еще раз изобразить г. Кобдена ангелом-хранителем объединенного королевства, «обеспечивающим изобилие и комфорт миллионам скромных домашних очагов». Англо-французский договор именно это и *сделал*, и, как вы узнаете из провинциальных газет, новая подписка в 40 000 ф. ст., которая должна компенсировать великого апостола свободной торговли за его американские убытки, уже проходит «с большим подъемом». Нет никакого сомнения в том, что если бы, например, Дизраэли внес в палату общин такой договор, то г. Кобден во главе фритредеров предложил бы выразить недоверие кабинету, пытающемуся вернуть законодательство к самым темным заблуждениям непросвещенного прошлого.

Из предлагаемой таблицы можно составить себе представление о сумме покровительственных пошлин, взимавшихся в 1858 г. Англией с французских товаров:

Т о в а р ы	П о ш л и н н а ф. ст.
Корзины	2 061
Масло	7 159
Китайские и фарфоровые товары	1 671
Часы (стенные)	3 928
Кофе	4 311
Яйца	19 934
Вышивки	5 572
Искусственные цветы	20 412
Фрукты	7 347
Кружева	1 858
Сапоги, башмаки и другие кожаные изделия	8 883

Т о в а р ы	П о ш л и н а ф. ст.
Перчатки	48 839
Музыкальные инструменты	4 695
Масла химические	2 369
Бумажные обои	6 713
Плетеная солома для шляп и пр.	11 622
Шелковые материи	215 455
Водка и другие крепкие напитки	824 960
Сахар	275 702
Чай	14 358
Табак	52 696
Часы	14 940
Проволока	164 855

Большинство из взимаемых, таким образом, пошлин представляло собою покровительственные пошлины, как, например, пошлины на корзины, стенные часы, кружева, обувь, перчатки, шелковые материи и т. д. Прочие пошлины, как, например, пошлины на водку и т. д., были выше, чем английские акцизные сборы с британских крепких напитков, и постольку также носили покровительственный характер. Даже пошлины, взимаемые только с целью получения дохода, как, например, пошлину на вино, последовательный фритредер мог бы считать покровительственными пошлинами, так как почти невозможно взимать налоги с иностранного товара, не оказывая в то же время покровительства подобному, если не тождественному, товару внутреннего рынка. Так, например, пошлина на иностранное вино может рассматриваться покровительственной пошлиной в отношении туземного пива и т. д. В силу только что заключенного договора все британские пошлины на французские изделия будут немедленно отменены, а пошлины на водку, вино и другие товары будут приближены к английским акцизным сборам или к тем таможенным пошлинам, которые ныне взимаются с подобных же продуктов (например, с вин), ввозимых из британских колоний. С другой стороны, французские изменения тарифа будут окончательно проведены не раньше октября 1861 г., как видно из следующего сообщения, взятого из французской правительственной газеты:

- 1 июля 1860 г. — отменяются импортные пошлины на хлопок и шерсть.
- 1 июля 1860 г. — к английскому углю и коксу применяется бельгийский тариф.
- 1 октября 1860 г. — вместо существующих пошлин на железо вводится пошлина в 7 франков на 100 килограмм.
- 31 декабря 1860 г. — понижаются пошлины на ввозимые машины.
- 1 января 1861 г. — отменяется воспрещение ввоза пеньковых ниток и

изделий, на которые устанавливается пошлина, не превышающая 30 % .

1 октября 1861 г. — отменяются все прочие запрещения ввоза и заменяются покровительственными пошлинами *ad valorem* [соответственно цене товаров] на пятилетний срок, после чего пошлины не должны превышать 25 % .

Если не считать снижения пошлины на английский уголь до тех размеров, в каких она ныне взимается с бельгийского угля, то все сделанные Францией кажущиеся уступки носят, повидимому, весьма двусмысленный характер. Так, например, цена тонны чугуна № 1 (уэльского) составляет в настоящее время 3 ф. 10 шилл., французская же пошлина на него составит приблизительно еще 3 фунта. Лондонский «Economist» признает, что 30-процентная пошлина *ad valorem* [соответственно цене товаров] на предметы, ввоз которых был до сих пор запрещен, будет носить в сущности покровительственный характер. Поскольку снижение пошлин на английские товары, — действительное или кажущееся, — откладывается на будущее, постольку английское правительство играет в сущности роль страхового общества, гарантирующего сохранение власти за Луи-Наполеоном в течение данного срока. Настоящая же тайна этого торгового договора именно то, что «*это вовсе не торговый договор*», а просто обман, который должен сбить с толку коммерческий ум Джона Булля и прикрыть хитро задуманный политический план, — тайна эта была мастерски разоблачена г. Дизраэли во время дебатов по поводу адреса. Сущность его разоблачений сводилась к следующему:

«Несколько лет тому назад французский император издал сообщение, похожее на то письмо, которое недавно было им послано министру внутренних дел. В этом сообщении он предложил полностью отменить покровительственную систему и принять меры, вроде тех, какие упоминаются в его недавнем манифесте. В 1856 г. в этом духе и был внесен законопроект в Законодательный корпус. Однако до своего проведения он был предложен на рассмотрение 86 провинциальных советов Франции, которые, за исключением 6, все высказались за предложенный закон, с той, однако, оговоркой, что до введения новой системы в действие должно пройти некоторое время. В результате император согласился с этим предложением, и его решение об осуществлении этой системы было изложено в нескольких публичных документах. Система эта должна была начать применяться с июля 1861 года. Поэтому все то, что Франция обязуется ввести в действие в июле 1861 г. на основании заключенного договора, было уже предусмотрено в обычном ходе французского законодательства».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5868 от 14 февраля 1860 г.

Без подписи.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА В ГЕРМАНИИ.

Итальянская война 1859 г., еще более, чем Крымская, установила тот факт, что французская военная организация — лучшая во всей Европе. Из всех европейских армий, исключая французскую, австрийская армия стояла, без сомнения, всех вышс; тем не менее в непродолжительную кампанию 1859 г., хотя ее солдаты и покрыли себя славой, армия, как целое, не смогла выиграть ни одного сражения. Даже принимая во внимание низкое качество генералитета, отсутствие единства в командовании и некомпетентное вмешательство императора, все же единодушным впечатлением офицеров и солдат австрийских полков было то, что их неуспех был обязан их организации, менее приспособленной к нуждам современной войны, чем организация их противников. А если австрийская армия, всего несколько лет тому назад полностью реорганизованная, оказалась неудовлетворительной, то чего же следовало ожидать от других армий, организация которых относилась к еще более отдаленным временам?

Что французы в этом отношении стояли впереди, нет ничего удивительного. Любая обладающая некоторыми военными способностями нация, ведущая в течение двадцати пяти лет малые войны в таком колоссальном масштабе, как в Алжире, не может не развить благодаря этому способностей своих войск до высшей степени. В то время как Англия и Россия вели свои войны в Индии и на Кавказе главным образом при помощи специально предназначенных для этой цели войск, большая часть французской армии прошла алжирскую школу. Франция действительно извлекла наибольшую пользу из этой школы, которая стоила много людей и денег, но оказалась чрезвычайно эффективна и плодотворна в смысле получения ценного боевого опыта. Последовавшая затем Крымская война, другая школа более крупного масштаба, способствовала упрочению доверия солдата к самому себе, показав ему, что опыт, приобретенный им в походах против кочевых племен и иррегулярных отрядов, одинаково полезен и применим в борьбе с регулярными войсками.

Что при таких обстоятельствах нация, наделенная исключительными военными способностями, должна была довести свою

боевую организацию до степени совершенства, превосходящей все достижения ее соседей, — этот факт, бесспорно доказанный при Мадженте и Сольферино, все же вызвал удивление, особенно в Германии. Военные педанты этой страны были так уверены в своем очевидном превосходстве над ветренными, непостоянными, недисциплинированными и безнравственными французами, что разразившийся удар буквально ошеломил их. С другой стороны, более молодые и более образованные круги австрийской и прочих германских армий, всегда возражавшие против педантизма (*martinetism*), сразу подняли голос. Австрийские офицеры, под свежим впечатлением Мадженты, первые стали говорить, — и это совершенно верно, — что французы не носят на себе ранцев во время боя, не имеют ни галстухов, ни стоячих воротников, ни узких мундиров или брюк; они одеты в широкие шаровары и в просторный мундир с отложным воротником, шея и грудь у них совершенно свободны, головы их покрыты легкими кепи, а патроны они носят в карманах брюк. Куда австрийские солдаты приходят усталые и запыхавшиеся, туда французы являются свежие, с песнями, готовые к физическому напряжению. Так австрийские офицеры под свежим впечатлением сообщали в своих письмах с поля битвы; прусские, баварские и прочие офицеры вскоре заговорили в тон с ними. Страшный факт был налицо. Солдаты действительно осмелились противостать врагу, не неся с собой всей обременительной массы предметов, которые почти все служат для пышной помпы и внешнего фона войны и которые в общей сложности являются для солдата настоящими путами; несмотря на отсутствие этих пут, они вышли победителями из всех сражений. Этот факт был настолько серьезным, что даже немецкие правительства не могли закрыть на это глаза.

Таким образом, военная реформа сделалась в Германии лозунгом дня к великому ужасу всех приверженцев старой моды. Самые революционные теории, касающиеся военного дела, не только безнаказанно предлагались на обсуждение, но даже принимались во внимание правительствами. Первый пункт касался, конечно, обмундирования солдата, которое составляло самое резкое различие между обеими армиями на поле сражения. Длительность обсуждения этого проекта вполне соответствовала разнообразию вкусов. По вопросу о военной форме была проявлена масса изобретательности. Фуражки, каски, кивера, шапки, мундиры, блузы, шинели, воротники, обшлага, брюки, гетры и сапоги обсуждались с такой горячностью и красноречием, как будто только от этих вещей зависела судьба сражения при Сольферино. Самыми экстравагантными в

своих военных формах оказались австрийцы. Начав с почти точной копии французского образца (исключая цвета), они прошли через промежуточные стадии до куртки и мягкой широкополой шляпы. Представьте себе чопорного, консервативного, степенного императорско-королевского австрийского солдата в кокетливом одеянии французского шассера или, еще того хуже, в куртке и фетровой шляпе революционного германского вольного корпуса 1848 года. На австрийскую военную систему нельзя было придумать лучшей сатиры, как тот факт, что каждая из этих крайностей серьезно подвергалась обсуждению. Как это обычно бывает, спор скорее выдохся, чем пришел к какому-нибудь решению; приверженцы старых военных традиций вернули себе часть потерянных позиций и, по крайней мере в Австрии, перемены в форме будут в целом очень незначительны, да и в других армиях едва ли можно ожидать каких-либо изменений, за исключением того, что прусская каска, это излюбленное изобретение романтического Фридриха-Вильгельма IV, повидимому, обречена сойти в могилу еще раньше своего изобретателя.

Следующим встал на очередь великий вопрос о ранце. Что французы шли в сражение без ранца, было такой неосторожностью, которую можно было оправдать только их удачей и жарким временем года. Но если бы это вошло у них в обычай, первая же неудача в холодную или дождливую погоду жестоко наказала бы их за это. В самом деле, если бы это стало всеобщим обычаем, следствием явилось бы то, что в каждом сражении побежденная армия теряла бы не только артиллерию, знамена и запасы, но и весь личный багаж каждого пехотинца. В итоге несколько дождливых дней, проведенных на биваке, совершенно расстроили бы пехоту, ибо каждый солдат оказался бы одетым только в то, что было на нем. Впрочем, сущность вопроса заключается, повидимому, в том, каким образом можно было бы сократить до минимума личный багаж каждого солдата. Этот важный вопрос мог бы быть легко и удовлетворительно разрешен, если бы составляющие его предметы рассматривались исключительно с точки зрения их пригодности в походе; но в Германии дискуссия не разрешила этого вопроса.

Кроме вопроса об одежде и вопроса о ранце, подробному обсуждению подвергается также организация различных подразделений армии. Сколько человек должно составлять роту, сколько рот — батальон, сколько батальонов — полк, сколько полков — бригаду, сколько бригад — дивизию и т. д.? Вот еще одна тема, по поводу которой можно с самым серьезным и важным видом наговорить кучу вздора. Во всякой армии система элементарной тактики ограничивает

известными пределами численный состав и количество рот и батальонов; минимум и максимум численного состава бригад и дивизий определяются составом, принятым в соседних армиях, чтобы в случае столкновения разница между более крупными тактическими соединениями не была слишком велика. Искать решения таких вопросов не с помощью реальных условий, вытекающих из данных фактов, а пытаться установить основные принципы — означает вздор, достойный, может быть, германских философов, но не людей практики. Увеличение числа австрийских линейных пехотных полков с 63 до 80, с уменьшением числа батальонов, не в большей мере обеспечит им «better luck next time» [лучшее счастье в следующий раз], чем введение широких шаровар и отложных воротников.

Но в то время как военные моды и мудреные расчеты о нормальной численности и составе бригады поглощают все внимание, крупные недостатки и язвы немецкой военной системы остаются без внимания. В самом деле, что мы должны подумать об офицерах, которые яростно спорят о покрое пары брюк или воротника, но которые спокойно мирятся с тем, что в германской федеральной армии имеется около двадцати различных калибров полевой артиллерии и почти неисчислимое разнообразие калибров ручного оружия? Введение в армии винтовки, представлявшее такой прекрасный случай для унификации калибра по всей Германии, было выполнено не только безобразно небрежно, но и ухудшило дело. Стоит несколько задержаться на этой путанице калибров. Австрия, Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт имеют один калибр — 0,53 дюйма. С тем практическим здравым смыслом, который южные немцы проявляли во многих случаях, они провели эту в высшей степени важную реформу, устанавливающую одинаковость калибра для пяти корпусов федеральной армии. Пруссия имеет два калибра: один калибр, так называемого *Zündnadelgewehr*, или игольчатого ружья, около 0,60 дюйма, и другой — старого, гладкоствольного мушкета, недавно нарезанного по принципу Минье, приблизительно 0,68 дюйма. Последний, впрочем, должен быть в самом скором времени заменен первым. Девятый армейский корпус имеет три различных калибра для винтовки и два или три различных калибра для гладкоствольных ружей. Десятый корпус имеет по крайней мере десять калибров, а в резервной дивизии калибров почти столько же, сколько батальонов. Вообразите теперь эту пеструю армию во время активных действий. Как можно достичь того, чтобы боевые припасы, соответствующие каждому контингенту, могли быть всегда доставлены в случае нужды и чтобы, в противном случае, этот контингент не ока-

зался беспомощным и бесполезным? За исключением Австрии, южно-германских государств и Пруссии, ни один **контингент** уже из-за одного этого обстоятельства не может принести никакой реальной пользы в затяжном сражении. То же самое верно и в отношении артиллерии. Вместо того, чтобы остановиться сразу на одном общем калибре, соответствующем хотя бы старой шестифунтовой пушке, который, таким образом, сделался бы со временем общим калибром для нарезных полевых орудий, пруссаки, австрийцы и баварцы льют в настоящее время нарезные пушки совершенно независимо друг от друга, что повлечет за собой только увеличение уже существующего разнообразия калибров. Армия, в которой имеются столь существенные недостатки, могла бы тратить время на что-либо более важное, чем споры о воротниках и шароварах (*inexpressibles*) и о нормальной численности бригад и батальонов.

В Германии не может быть никакого прогресса в военном деле, пока в высших сферах не хотят расстаться с мыслью, будто армии созданы для парадов, а не для боя. Педантизм, побежденный на некоторое время Аустерлицем, Ваграмом и Иеной и народным энтузиазмом 1813—1815 гг., вскоре вновь поднял голову; он безраздельно господствовал до 1848 г. и, повидимому, достиг, по крайней мере в Пруссии, своего кульминационного пункта в течение последних десяти лет. Если бы Пруссия была вовлечена в итальянскую войну, Пелисье наверное устроил бы ее армии новую Иену, и только крепости на Рейне могли бы спасти ее. До такого положения довели армию, которая по качеству своих солдат не уступает никакой другой в мире. В случае будущего конфликта между Францией и Германией мы можем с полным основанием ожидать воспроизведения характерных черт Мадженты и Сольферино.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5873 от 20 февраля 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

САВОЙЯ И НИЦЦА.

В то время как шамберийский губернатор определенно заявил, что король Сардинии никогда не имел в виду уступать Савойю Франции, мы имеем заверения английского министра иностранных дел, сделанные им в палате общин от 3-го сего месяца, что прошлым летом граф Валевский отказался от этого проекта от имени французского императора. Однако эти заявления лорда Джона Росселя относятся к периоду, имевшему место несколько месяцев тому назад, и то, что тогда отрицалось, теперь почти уже совершилось. Конечно, трудно и даже невозможно поверить, чтобы движение в пользу присоединения к Франции, развивавшееся в последнее время среди савойского народа, было чисто местного происхождения. По всей вероятности, его подстроили французские агенты, а правительство короля Виктора-Эммануила санкционировало его или, по крайней мере, терпимо относилось к нему.

Савойя — провинция с определенным и решительным преобладанием французской национальности, подобно западным кантонам Швейцарии. Народ говорит на южно-французском диалекте (провансальском или лимузинском), но литературный и официальный язык всюду французский. Однако это вовсе не доказывает того, что савойцы желают быть присоединенными к Франции и особенно к бонапартистской Франции. Согласно письмам одного германского офицера, который в январе 1859 г. совершил по этой стране поездку с военной целью, французская партия нигде не имеет большого влияния, за исключением Шамбери и других городов Нижней Савойи, в то время как Верхняя Савойя, Морьен и Тарантез предпочитали бы остаться при своем теперешнем положении, а Шабле, Фоссиньи и Женевет — три северных округа — предпочли бы образовать новый кантон швейцарской конфедерации. Тем не менее Савойя, будучи целиком французской, несомненно будет все больше и больше тяготеть к основному центру французской национальности и в конце концов присоединится к нему, так что это лишь вопрос времени.

С Ниццей дело обстоит иначе. Население Ниццкого графства также говорит на провансальском наречии, но здесь литературный

язык, образование, национальный дух — все итальянское. Связь между северно-итальянским и южно-французским *patois* [говором] настолько близка, что почти невозможно сказать, где кончается один и где начинается другой. Даже говор Пьемонта и Ломбардии по своим интонациям носит вполне провансальский характер, в то время как образование слов из латинских корней по существу таково же, как в итальянском языке. Требовать присоединения Ниццы, ссылаясь на этот говор, было бы невозможно; поэтому присоединения ее требуют теперь на основании ее предполагаемых симпатий к Франции, существование которых, впрочем, более чем проблематично. Несмотря на эти симпатии и на свой особый говор, Ницца — вполне итальянская страна. Это убедительнее всего доказывается тем обстоятельством, что она произвела лучшего итальянского солдата — Джузеппе Гарибальди. Представить себе Гарибальди французом было бы просто смешно.

Уступка обеих этих провинций с чисто финансовой точки зрения не нанесла бы большого ущерба Пьемонту. Савойя — бедная страна, которая, хотя и дает лучших солдат для сардинской армии, тем не менее никогда не оплачивает расходов по своему собственному управлению. Ницца немногим лучше, и, кроме того, она представляет собою лишь маленькую полоску земли. Потеря, очевидно, была бы небольшая. Ниццу, хотя и носящую итальянский характер, можно было бы принести в жертву ради объединения Северной и Центральной Италии, а потеря иностранной провинции, вроде Савойи, могла бы даже считаться выгодной, поскольку это может содействовать итальянскому единству. Но если подойти к вопросу с военной точки зрения, то дело представится в совершенно ином свете.

Теперешняя граница между Францией и Сардинией представляет почти прямую линию от Женевы до Ниццы. Море на юге и нейтральная Швейцария на севере отрезают все пути к ней. Поэтому в случае войны между Италией и Францией положение воюющих сторон было бы равным. Но и Савойя, и Ницца расположены за главным Альпийским хребтом, окружающим Пьемонт обширным полукругом, и обе открыты в сторону Франции. Таким образом, в то время как на пограничной линии между Пьемонтом и Францией и та, и другая держава владеют одной стороной альпийской цепи, на северной и южной стороне границы Италия владеет обоими склонами хребта и потому целиком господствует над перевалами.

Кроме того, следует сказать, что вследствие недостаточно развитой торговли все дороги, ведущие через Альпы из Пьемонта во

Францию, стали совершенно запущенными, между тем как дорога через Мон-Сени из Пьемонта в Савойю и дорога через Коль-ди-Тенда из Пьемонта в Ниццу являются главными путями европейской торговли и содержатся в полном порядке. В результате во всех войнах между Италией и Францией, — во всех тех случаях, когда атакующей стороной была Италия, — Ницца и Савойя были естественными базами для операций, имеющих целью вторжение во Францию, а когда нападающей стороной была Франция, ей приходилось завоевывать обе эти провинции, прежде чем напасть на трансальпийскую Италию. И хотя итальянцы не могли бы защитить против превосходной по численности армии ни Ниццу, ни Савойю, все же эти провинции давали возможность заблаговременно концентрировать итальянские силы в равнинах Пьемонта и таким образом являлись защитой от неожиданного нападения.

Если бы военные выгоды, вытекающие для Италии из обладания Савойей и Ниццей, ограничивались лишь этими положительными сторонами, то провинциями этими все же можно было бы пожертвовать без какого-либо серьезного ущерба. Но наибольшее значение приобретают вопросы отрицательного порядка. Представим себе Мон-Блан, Мон-Изеран, Мон-Сени и Коль-ди-Тенда гигантскими каменными столбами, отмечающими границу Франции. В этом случае граница, вместо того, чтобы представлять собою прямую линию, как теперь, окружила бы Пьемонт огромной дугой. Шамбери, Альбервилль, Монтье, — пункты, где сходятся главные дороги, — будут превращены во французские депо. Французы укрепят северный склон Мон-Сени и будут охранять его; таким образом, передовые отряды обеих наций встретятся на вершинах этой горы, в двух переходах от Турина. На юге центром французских депо будет Ницца, а передовые отряды будут стоять в Онелии, на расстоянии четырех переходов от Генуи. Таким образом, даже в мирное время французы будут находиться у самых ворот двух крупнейших городов северо-западной Италии, и так как их территория будет почти окружать Пьемонт с трех сторон, то они смогут сделать совершенно невозможной концентрацию итальянской армии в долине верхнего По. При всякой попытке концентрировать итальянские силы к западу от Александрии на них смогут напасть раньше, чем они успеют закончить свою концентрацию, другими словами — смогут разбить их по частям. Таким образом, центр обороны Пьемонта сразу же передвинется из Турина в Александрию; иначе говоря, сам Пьемонт будет не в силах серьезно защищаться и окажется во власти французов. Это и есть то, что Луи-Наполеон называет созда-

нием «свободной и благодарной Италии, которая одной только Франции будет обязана своей независимостью».

Обратившись к северу, мы увидим, что то, что для Италии является постоянной угрозой, для Швейцарии было бы смертельным ударом. Если Савойя станет французской, то вся западная Швейцария от Базеля до Большого Сент-Бернара будет со всех сторон окружена французской территорией, и в случае войны ее нельзя будет удержать ни одного дня. Это настолько очевидно, что Венский конгресс решил нейтрализовать как Северную Савойю, так и Швейцарию, и в случае войны предоставить Швейцарии право занимать и защищать этот округ. Сардиния, жалкое государство с четырьмя миллионами жителей, не могла возражать против подобного регулирования; но могла ли бы и захотела ли бы Франция допустить, чтобы часть ее территории была в военном отношении подчинена другому, и притом более мелкому, государству? Могла ли бы Швейцария в случае войны сделать попытку оккупировать и держать под своим военным контролем французскую провинцию? Конечно, нет. А в таком случае Франция могла бы в любой момент с такой же легкостью аннектировать всю французскую Швейцарию, — Бернскую Юру, Невшатель, Во, Женеву и те части Фрейбурга и Вале, какие она сочтет удобными, — с какой она присоединит Савойю и Ниццу; а вплоть до этого времени Швейцария находилась бы под столь сильным влиянием и контролем Франции, как если бы она была простым придатком. Что касается швейцарского нейтралитета в случае войны, то он перестал бы существовать с самого момента ее объявления. Не может быть никакого нейтралитета, если великая и воинственная держава в любой момент в состоянии раздавить своего нейтрального соседа.

Этот с виду невинный план присоединения Савойи и Ниццы означает не что иное, как установление французского господства в Италии и Швейцарии и обеспечение Франции господствующего положения в Альпах. После того как будет осуществлен этот маленький план, много ли должно пройти времени до того момента, когда Франция попытается установить свое господство и на Рейне?

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5874 от 21 февраля 1860 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

АНГЛИЙСКИЙ БЮДЖЕТ.

Лондон, 11 февраля 1860 г.

Последнее парламентское заседание было большим днем в парламентском смысле этого слова. Г-н Гладстон в огромной речи одновременно разгласил и тайны своего бюджета, и тайны торгового договора, старательно связывая оба эти факта друг с другом и подкрепляя слабость одного смелостью другого. Что касается договора, о подробностях которого теперь оповещен весь мир, то вы увидите, что его краткая характеристика, данная мною много недель тому назад, была совершенно правильна и что в сущности мне нечего прибавить к той общей критике, которую я тогда ему дал. Поэтому я буду здесь рассматривать бюджет г. Гладстона как простую английскую финансовую операцию. Этот подход к вопросу тем более уместен, что предстоящие парламентские дебаты несомненно раскроют перед нами, между прочим, те дипломатические соображения, которые скрываются за фактами и цифрами г. Гладстона.

Какие бы непоследовательности ни отмечались в деталях бюджета, какие бы политические возражения ни выдвигались против благоразумия такой меры, когда при дефиците, составляющем более 14% всего дохода, и при огромном росте расходов одним махом отменяются многие существующие пошлины, часть которых едва ли обременяла народные массы, — все же простая справедливость заставляет меня сказать, что бюджет г. Гладстона является большим и смелым финансовым маневром. Если встать на точку зрения британской доктрины свободной торговли и оставить в стороне некоторые очевидные нелепости, обусловленные договором с Францией, а также и нежность, которую каждый британский канцлер казначейства всегда обнаруживает по отношению к доходам 50 000 крупнейших лендлордов, — бюджет придется признать прекрасным. Положение г. Гладстона осложнялось им же самим созданными трудностями. Ведь именно он в 1853 г. в своем так называемом стандартном бюджете, рассчитанном на семилетний промежуток времени, обязался окончательно отменить подоходный налог

в 1860,61 году. Далее, в дополнительном бюджете, вызванном войной с Россией, он обещал отменить в недалеком будущем военную пошлину на чай и сахар. И вот теперь, когда наступил срок платежа по его векселям, этот же самый человек предлагает план, согласно которому последняя пошлина сохраняется в силе, а подоходный налог повышается с 9 до 10 пенсов на фунт, т. е. на $11\frac{1}{9}\%$. Как вы помните, в своих критических замечаниях по поводу гладстоновского бюджета на 1853 г. я старался показать, что если финансовое законодательство фритредеров вообще что-нибудь обозначает, то оно обозначает прежде всего замену косвенного обложения прямым обложением. Я указывал, тогда, что обещание г. Гладстона отменить таможенные пошлины и акцизные сборы несовместимо с другим его обещанием окончательно вычеркнуть подоходный налог из списка сборщика податей. Несмотря на то, что ставки подоходного налога не охватывают всех доходов, несправедливы и даже просто нелепы, подоходный налог является лучшей частью английского финансового законодательства. Трусость г. Гладстона, сохраняющего налог военного времени на такие предметы первой необходимости, как чай и сахар, вместо того, чтобы серьезно обложить земельную собственность, объясняется в гораздо большей степени аристократическим составом парламента, чем ограниченностью его кругозора. Если бы он осмелился наложить руку на рентные доходы, то кабинет, перспективы которого довольно шатки, немедленно оказался бы в тупике. Как говорит старая поговорка, брюхо не имеет ушей, но не менее правильно и то, что рентные доходы не имеют совести.

Прежде чем вкратце охарактеризовать намеченные г. Гладстоном изменения, я должен обратить внимание читателей на некоторые случайные замечания, оброненные им в его речи. Во-первых, канцлер казначейства признал, что представление о том, будто в английской финансовой системе воплощена фритредерская точка зрения, является просто пустой фразой. Во-вторых, он признал, что торговля Англии с Францией ничтожна, между тем как Франция, наоборот, ведет с Англией весьма обширную и все растущую торговлю. В-третьих, он вынужден был признать, что пальмерстонская политика, устраивающая за спиной парламента «дружественные экспедиции», опрокинула все расчеты и свела на-нет рост доходов казначейства от расширения британской торговли и промышленности. Наконец, — хотя эту горькую пилюлю он вложил в сладкую облатку и преподнес ее в столь же изящной обложке, в какой французский аптекарь обычно преподносит самую отвратительную

фармацевтическую дрянью, — он не мог не сознаться, что тот самый дорогой союзник, которому Великобритания только что пожертвовала почти два миллиона своего дохода, является главной причиной роста британских военных и морских расходов, возросших в 1860/61 году до огромной цифры в 30 миллионов. Следует напомнить, что 18 миллионов были максимумом тех военных расходов, которых Железный герцог двадцать четыре года тому назад добивался от здравомыслящих англичан. После этих предварительных замечаний я перейду к изменениям, предлагаемым г. Гладстоном. Их можно подразделить на две категории: одна из них вытекает из договора с Францией, а другая охватывает те дополнительные изменения, которые г. Гладстон был вынужден внести для избежания упрека, будто его бюджет есть уступка, вырванная деспотической иностранной державой, и чтобы придать бюджету более приемлемый вид, изобразив его как общую реформу существующего тарифа.

Изменения, обусловленные торговым договором с Францией, таковы. Все без исключения мануфактурные изделия немедленно и полностью освобождаются от пошлин британского тарифа, за исключением, на ограниченный период времени, только трех товаров, именно пробки, перчаток и еще одного малозначащего товара. Пошлина на водку будет снижена с 15 шилл. за галлон до 8 шилл. за галлон, — ставка, которая взимается с колониальных товаров. Пошлина на все иностранные вина будет немедленно сокращена с 5 шилл. 10 пенсов за галлон до 3 шилл. за галлон. Далее, Англия обязуется с 1 апреля 1861 г. снизить пошлину в размерах, соответствующих содержанию спирта в вине. Все пошлины на такие иностранные товары, которые производятся и в Англии и подлежат обложению английским акцизным сбором, будут уменьшены до размеров внутреннего акциза. Такова суть первой группы намеченных изменений.

Изменения, которые, независимо от торгового договора с Францией, должны придать настоящему бюджету характер общей реформы британского финансового законодательства, таковы:

Немедленно и полностью отменяются пошлины на коровье масло, сало, сыр, апельсины и лимоны, яйца, орехи, перец, солодовый корень и разные другие продукты, общая пошлина на которые составляет около 332 000 ф. ст. в год. Существующая ныне пошлина на строевой лес в размере 7 шилл. и 7 шилл. 6 пенсов снижается до 1 шилл. и 1 шилл. 6 пенсов, т. е. до размеров пошлины на лес, привозимый из колоний. На коринку пошлина снижается с 15 шилл. 9 пенсов до 7 шилл.; пошлина на изюм и винные ягоды — с 10 шилл. до 7 шилл.; пошлина на хмель — с 45 шилл. до 15 шилл.

линггов. Наконец, совершенно отменяется акцизный сбор с бу-
маги.

Бюджет на 1860 61 финансовый год таков:

РАСХОДЫ.

Фундированный и нефундированный долг	26 200 000
Расходы по консолидированному долгу	2 000 000
Армия и милиция	15 800 000
Военный флот и почтовые пароходы	13 900 000
Разные статьи и гражданская служба	7 500 000
Ведомство по взиманию доходов	4 700 000
<hr/>	
Всего	70 100 000

ДОХОДЫ.

Пошлины	22 700 000
Акцизные сборы	19 170 000
Гербовые пошлины	8 000 000
Прочие налоги	3 250 000
Подходный налог	2 400 000
Почтовые доходы	3 400 000
Коронные земли	280 000
Разные статьи дохода	1 500 000
<hr/>	
Всего	60 700 000

Сравнивая расходы с доходами, мы видим, что обнаруживается дефицит почти в 10 000 000 ф. ст., который, как мы уже говорили, г. Гладстон рассчитывает покрыть путем повышения подоходного налога с 9 шилл. до 10 шилл. и сохранения пошлин военного времени на чай и сахар. В этом общем обзоре британского бюджета на 1860/61 год нам нет необходимости касаться менее важных изменений, с помощью которых г. Гладстон рассчитывает собрать грошевые доходы из различных источников.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5878 от 25 февраля 1869 г.

Без подписи.

ВОЙНА С МАВРАМИ.

Так как первый, а может быть в то же самое время и последний акт испанской войны в Марокко в настоящее время закончен и так как у нас имеются все подробные официальные сообщения, то мы еще раз можем вернуться к этому вопросу.

1 января испанская армия покинула позицию у Сеуты с целью повести наступление на Тетуан, отстоящий всего на расстоянии в 21 милю. Хотя маршал О'Доннель ни разу не был серьезно атакован или остановлен неприятелем, ему понадобилось не менее месяца, чтобы привести свои войска в окрестности этого города. Отсутствие дорог и необходимые предосторожности не являются достаточным оправданием для этой беспримерной медлительности его движения; ясно также, что испанцы не использовали полностью своего господства на море. Не может служить оправданием и то, что им приходилось прокладывать дорогу для тяжелой артиллерии и обоза с продовольствием. То и другое можно было перевезти главным образом на судах, в то время как армия, снабженная продовольствием на неделю и имея только горную артиллерию (перевозимую вьюком на мулах), могла бы достигнуть командующих над Тетуаном высот самое большое в пять дней и соединиться с дивизией Риоса, которой и тогда, как три недели спустя, ничто не могло помешать высадиться у устья реки Вахад-эль-Джелу. Сражение, имевшее место 4 февраля, могло произойти 6 или 7 января и, вероятно, при еще более благоприятных для испанцев условиях; таким образом, были бы сохранены тысячи людей, выбывших из строя от болезней, и 8 января Тетуан мог бы быть взят.

Такое утверждение может показаться смелым. Конечно, О'Доннелю, не менее, чем любому из его солдат, хотелось взять Тетуан; он проявил храбрость, осторожность, хладнокровие и прочие качества солдата. Если ему понадобился месяц, чтобы появиться у Тетуана, каким образом мог бы он сделать то же самое в одну неделю? Чтобы вести свои войска, О'Доннель располагал двумя дорогами. Во-первых, он мог избрать главным образом сухопутные сообщения, а судами пользоваться исключительно как вспомога-

тельным средством. Он так и сделал. Он организовал для провианта и боевых припасов регулярный транспорт на суше, а армию снабдил большим количеством полевой артиллерии, состоящей из двенадцатифунтовых пушек. В случае надобности его армия должна была быть совершенно независимой от флота; последнему предназначалась лишь роль второй коммуникационной линии для сообщения с Сеутой, полезного, но отнюдь не обязательного. Этот план потребовал, разумеется, организации огромного обоза и вызвал необходимость прокладки дороги. Из-за этого потеряли неделю, пока была проведена дорога от позиции до взморья; и почти на каждом шагу вся колонна, армия, обоз и все прочее останавливались, пока строился новый участок дороги для продвижения на следующий день. Таким образом, продолжительность похода измерялась длиной участка дороги, который могли проложить в один день испанские саперы; а длина эта, повидимому, составляла в среднем около полумили в день. Таким образом, самый способ, избранный для перевозки продовольствия, вызывал необходимость колоссального увеличения обоза, ибо, само собою разумеется, чем дольше армия остается в дороге, тем больше она потребляет продовольствия. Тем не менее, когда около 18 января шторм заставил пароходы отойти от берега, армии пришлось голодать, и это на виду у своей базы в Сеуте; если бы буря продолжалась еще один день, тогда одной трети армии пришлось бы итти назад, чтобы доставить провиант для оставшихся двух третей. Таким-то образом маршал О'Доннель заставлял 18 000 испанцев прогуливаться в течение целого месяца вдоль африканского берега, делая по две трети мили в день. Раз эта система снабжения армии была принята, то никакая сила в мире не могла бы сколько-нибудь значительно сократить продолжительность этого беспрецедентного похода. Но не было ли вообще ошибкой принятие этой системы?

Если бы Тетуан представлял собою город, расположенный внутри страны в расстоянии не четырех, а двадцати одной мили от берега, то, разумеется, не могло бы быть иного выбора. В своих экспедициях внутрь Алжира французы встретили такие же препятствия и преодолевали их теми же способами, правда — с большей энергией и быстротой. В Индии и Афганистане англичане избегли этих хлопот благодаря сравнительной легкости, с какой они находили вьючных животных и корм для них в этих странах; артиллерия их была легкая, не требовавшая хороших дорог, ибо кампании проводились только в сухое время года, когда армия может передвигаться в любом направлении без дорог. Но одним лишь испанцам

и маршалу О'Доннеллю выпало на долю в течение целого месяца вести армию вдоль морского берега и за все это время покрыть огромное пространство в 21 милю!

Все это показывает, что как практика, так и теория испанской армии являются весьма устарелыми. С флотом из пароходов и парусных судов, постоянно находящимся на виду у армии, этот поход представляет собою нечто совершенно смехотворное, а солдаты, обессиленные в продолжение этого похода холерой и дизентерией, оказались жертвами предрассудков и бездарности. Построенная саперами дорога не обеспечивала прочной связи с Сеутой, ибо испанцы владели ею только там, где им случалось расположить свой лагерь. В тылу же мавры в любой день могли сделать ее непроходимой. Чтобы доставить известие или препроводить обратно в Сеуту транспорт, требовалась, по крайней мере, целая дивизия в 5 000 человек. В течение всего похода связь с этим городом поддерживалась только пароходами. И при всем этом продовольствие, сопровождавшее армию, было настолько недостаточным, что не прошло и двадцати дней, как армия оказалась на грани голода и была спасена только запасами флота. Для чего же в таком случае вообще было строить эту дорогу? Для артиллерии? Но ведь испанцы должны были наверняка знать, что у мавров не было полевой артиллерии и что их собственные нарезные горные пушки превосходили все, что неприятель мог им противопоставить. Зачем же в таком случае, спрашивается, было тащить с собою всю эту артиллерию; если она целиком могла быть доставлена морем из Сеуты в Сан-Мартин (в устье Вахад-эль-Джелу или реки Тетуан) в какие-нибудь несколько часов. В крайнем случае армию могла бы сопровождать одна полевая батарея, и испанская артиллерия должна быть очень уж неуклюжей, если бы такая батарея не могла делать 5 миль в день по какой угодно местности.

Как доказала высадка дивизии Риоса в Сан-Мартине, испанцы обладают количеством судов, достаточным для перевозки одновременно по крайней мере одной дивизии. Если бы наступление производилось английскими или французскими войсками, то нет сомнения, что эта дивизия была бы немедленно высажена у Сан-Мартина, после того как из Сеуты было бы произведено несколько демонстраций, чтобы привлечь внимание мавров к этому пункту. Такая дивизия, численностью в 5 000 человек, прикрытая легкими полевыми укреплениями, которые можно было возвести в течение одной ночи, могла бы безбоязненно ожидать атаки любого количества мавров. Но в случае благоприятной погоды можно было бы

высаживать каждый день одну дивизию, и таким образом армия была бы сосредоточена у Тетуана в шесть или восемь дней. Однако мы сомневаемся, пожелал ли бы О'Доннель изолированно подвергать одну из своих дивизий атаке в продолжение трех или четырех дней, — его войска состояли из молодых солдат, еще не привыкших к войне. Ему нельзя ставить в упрек, что он не избрал этого способа.

Но он несомненно мог сделать следующее. Нагрузив каждого солдата пайком на неделю, с горной артиллерией в полном составе, быть может, с одной полевой батареей и, захватив столько запасов, сколько можно было погрузить на вьючных мулов и лошадей, он мог бы двинуться от Сеуты и как можно скорее достигнуть Тетуана. Даже принимая во внимание все трудности, делать 8 миль в день было бы, наверное, не так уж много. Но, скажем, даже 5 миль, — для этого потребовалось бы четыре дня похода. Допустим, два дня уйдет на бой, хотя плохи должны быть победы, если ими нельзя выиграть 5 миль пространства. В общем это составило бы шесть дней, включая все задержки из-за погоды, ибо армия без обоза, конечно, может при всякой погоде делать четыре или пять миль в день. Таким образом, армия могла бы достигнуть равнины у Тетуана до того, как израсходовала бы взятую с собой провизию; в случае надобности имелись паровые суда, чтобы во время похода выгрузить на берег провизию, что они в действительности и делали. В отношении почвы или погоды Марокко не хуже Алжира, а ведь в последнем французы делали гораздо большие переходы в самый разгар зимы, притом значительно углубившись в холмистую местность и не имея паромов для их поддержки и снабжения. Прибыв к высотам Монте-Негро и овладев перевалом к Тетуану, можно было иметь вполне обеспеченную связь с флотом по Сан-Мартинской дороге, причем море явилось бы оперативной базой. Итак, немного смелости, и период, в течение которого армия не имела бы иной оперативной базы, кроме себя самой, сократился бы с одного месяца до одной недели, и поэтому наиболее смелый из двух планов был бы также наиболее безопасным, ибо чем страшнее были мавры, тем опаснее становился медленный марш О'Доннеля. А если бы армия понесла поражение по дороге в Тетуан, то ей было бы гораздо легче отступить, чем в том случае, если бы она была обременена грузами и полевой артиллерией.

Продвижение О'Доннеля через Монте-Негро, который он прошел, почти не встретив сопротивления, вполне соответствовало его прежней медлительности. Здесь он тоже строил и укреплял редуты, словно против него стояла наилучше организованная

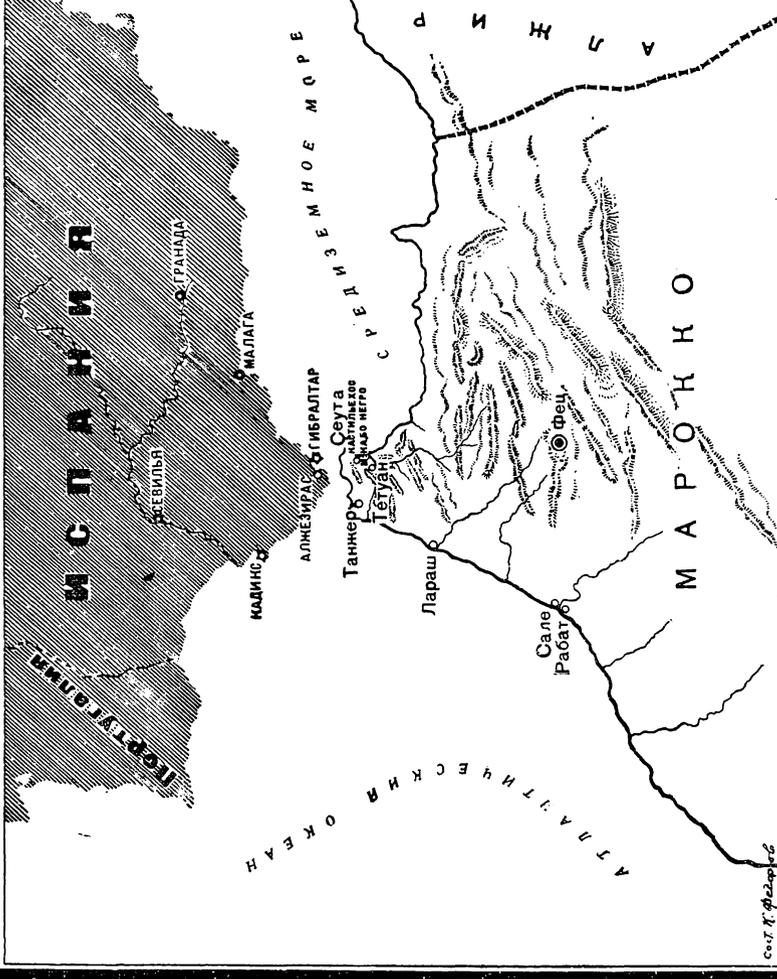
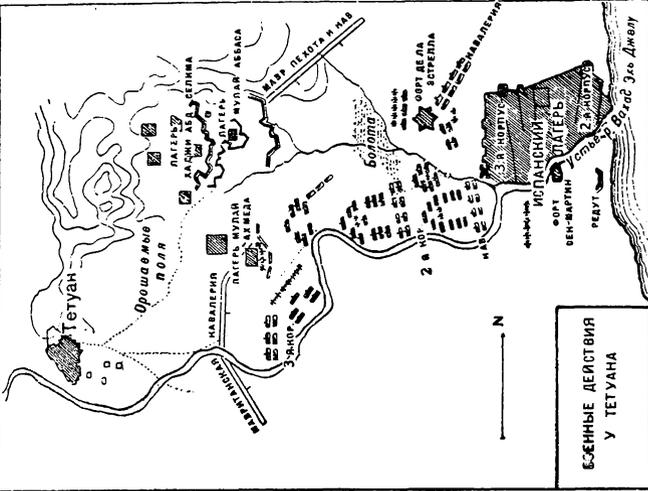
армия. Таким образом, была потеряна целая неделя, хотя против такого противника было бы достаточно простых полевых окопов; ему не приходилось ожидать нападения от артиллерии, равной шести его горным пушкам, и для постройки такого лагеря было бы совершенно достаточно одного или двух дней. Наконец, 4-го он атаковал укрепленный лагерь своего противника. Повидимому, испанцы в этом бою вели себя отлично; о качествах тактических мероприятий судить мы не можем, ибо немногочисленные корреспонденты в испанском лагере опускают все сухие военные подробности в целях картинного описания и чрезмерного энтузиазма. Как выражается корреспондент лондонского «Times»: что толку описывать вам участок местности, который вы должны посмотреть сами, чтобы судить о его характере? Мавры были полностью разгромлены, и на следующий день Тетуан сдался.

Этим заканчивается первый акт кампании, и если император Марокко не будет слишком упрямыться, то этим, весьма возможно, закончится также и вся война. Однако трудности, встреченные до сих пор испанцами, — трудности, усугубленные их системой ведения войны, — показывают, что если Марокко окажется способным сопротивляться, то испанцам предстоит суровая работа. Дело не в сопротивлении мавританских иррегулярных войск, которым никогда не удастся нанести поражение дисциплинированным войскам, пока последние держатся вместе и могут получать продовольствие; дело в некультурности страны, в невозможности завоевать что-либо, кроме городов, и получать продовольствие и фураж даже в этих последних; армию необходимо будет рассеять на большое количество мелких постов, которых все же будет недостаточно, чтобы поддерживать беспрепятственное и правильное сообщение между захваченными городами, причем ее нельзя будет снабжать продовольствием иначе, как посылая большую часть сил сопровождать транспорты по бездорожной стране, пробиваясь через все вновь и вновь появляющиеся массы мавританских стрелков. Всем известно, каково было французам в первые пять или шесть лет их африканских завоеваний снабжать продовольствием даже такие города, как Блида и Медеа, не говоря уже о местах, более отдаленных от берега. Принимая во внимание быстрое изнурение европейских армий в этом климате, шесть или двенадцать месяцев подобной войны будут не шуточным делом для такой страны, как Испания.

Если война будет продолжаться, в первую очередь нападению подвергнется, конечно, Танжер. Дорога из Тетуана в Танжер идет через горный перевал, а затем вдоль долины реки. Все это внутри

1860 г.

ВОЙНА ИСПАНИИ в Марокко

Карта войны Испании в Марокко (1860 г.)

С. Г. К. Фельдман

страны, поблизости нет пароходов для подвоза запасов, нет также и дорог. Расстояние равно приблизительно 26 милям. Сколько времени понадобится маршалу О'Доннелю, чтобы пройти это расстояние, и сколько солдат должен он будет оставить в Тегуане? Передают, что он сказал, будто для удержания за собой этого города понадобится 20 000 человек; но это, очевидно, сильно преувеличено. С 10 000 человек в городе и с местной бригадой в укрепленном лагере у Сан-Мартина обладание этим пунктом будет вполне обеспечено; такой отряд будет всегда достаточно силен, чтобы принять бой и отразить любое наступление мавров. Танжер можно взять бомбардировкой с моря, и с моря же можно ввести в него гарнизон. То же самое можно сказать о Лараше, Сале и Могadore. Но если испанцы намереваются действовать таким образом, то зачем было предпринимать долгий поход на Тегуан? Достоверно одно: если Марокко продержится еще год, то, чтобы принудить его к миру, испанцам придется еще многому поучиться в военном деле.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5896 от 17 марта 1860 г.

Без подписи.

О НАРЕЗНОЙ ПУШКЕ.

I.

Первые попытки увеличить дальность полета снарядов и меткость артиллерии посредством винтовой нарезки канала орудия, что придает снаряду вращательное движение вертикально линии полета, начинаются уже в XVII столетии. В Мюнхене есть маленькая нарезная пушка, изготовленная в Нюрнберге в 1694 г.; она имеет восемь нарезов, а диаметр ее канала равен приблизительно 2 дюймам. В течение всего XVIII века как в Германии, так и в Англии производились опыты с нарезной пушкой, причем некоторые пушки заряжались с казенной части. Хотя калибры были малы, достигнутые результаты оказались весьма удовлетворительными; в 1776 г. двухфунтовые английские пушки, с дальностью полета в 1 300 ярдов, давали боковые отклонения только в 2 фута — степень точности, которой в то время не могло давать даже приблизительно никакое другое орудие. В том же году эти нарезные пушки были впервые применены для стрельбы удлиненными снарядами.

Однако все эти опыты в течение долгого времени оставались без всяких практических результатов. В то время общая тенденция военных кругов была против нарезного оружия. Сама винтовка представляла тогда чрезвычайно громоздкий инструмент, ее зарядание являлось медленной и утомительной операцией, требующей значительной ловкости. Это оружие не подходило для широкого применения на войне в эпоху, когда главное, что требовалось в сражении, был быстрый огонь как из развернутых линий, так и из головных частей колонны и от отдельных стрелков. Наполеон не захотел иметь в своей армии винтовок; в Англии и Германии винтовкой были вооружены только немногие батальоны; лишь в Америке и Швейцарии винтовка осталась национальным оружием.

Война в Алжире дала повод снова обратить внимание на винтовку и внести в ее конструкцию усовершенствования, которые явились лишь началом той колоссальной революции во всей системе огнестрельного оружия, которая еще и теперь далека от завершения.

Гладкоствольные мушкеты французов не могли соперничать с длинными эспингардами арабов; их большая длина и лучший материал, допускавший применение более тяжелого заряда, позволяли кабилам и бедуинам стрелять по французам на расстоянии, на котором мушкет казенного образца был совершенно бессилён. Герцог Орлеанский, который наблюдал прусских и австрийских стрелков и был в восторге от них, организовал по их образцу также французских шассеров, которые вскоре в смысле вооружения, снаряжения и тактики стали лучшими в мире войсками этого рода. Винтовка, которою они были вооружены, значительно превосходила старую винтовку, и вскоре она подверглась дальнейшим изменениям, которые, в конце концов, привели к общему принятию нарезных ружей в пехоте всех европейских государств.

Когда таким образом дальность огня пехоты была увеличена с 300 до 800 и даже до 1 000 ярдов, встал вопрос, сможет ли полевая артиллерия, которая до тех пор держала под огнем все дистанции от 300 до 1 500 ярдов, успешно сопротивляться новому ручному оружию. Дело в том, что огонь обычных полевых пушек был наиболее эффективен как раз на тех дистанциях, которые теперь оспаривались у них винтовкой; картечь едва ли оказывала значительное действие на дистанции свыше 600 или 700 ярдов; круглые снаряды 6-или 9-фунтовых пушек на дистанции свыше 1 000 ярдов не давали особо удовлетворительных результатов, а шрапнель (круглый снаряд с картечью), чтобы оказывать свое страшное действие, требовала хладнокровия и точного вычисления расстояний, что не всегда бывает возможно произвести во время сражения при наступлении неприятеля; что же касается стрельбы гранатами по войскам из старых гаубиц, то она оказывалась совершенно неудовлетворительной. Армии, у которых самым мелким калибром являлась 9-фунтовая пушка, как, например, английская, были еще в лучшем положении; французская 8-фунтовая пушка, а тем более германская 6-фунтовая сделались почти совсем бесполезными. Чтобы избегнуть этого недостатка, французы, приблизительно в начале Крымской войны, ввели так называемое изобретение Луи-Наполеона, легкую 12-фунтовую пушку, *saumon obusier*, из которой можно было стрелять одинаково хорошо как ядром, при заряде в одну четверть вместо прежней трети его веса, так и гранатой. Эта пушка представляла простой плагиат легкой английской 12-фунтовой пушки, которая снова была уже оставлена англичанами; система стрельбы гранатами из длинных пушек уже давно применялась в Германии, так что в этом так называемом

усовершенствовании не было ничего нового. Тем не менее, вооружение всей французской артиллерии 12-фунтовыми пушками даже меньшей дальности дало бы ей решительное превосходство над 16- и 8-фунтовыми пушками; и чтобы противодействовать этому, прусское правительство в 1859 г. приняло решение дать тяжелые 12-фунтовые пушки всем батареям пешей артиллерии. Это был последний шаг в пользу гладкоствольных пушек; он показал, что весь вопрос был исчерпан и что защитники гладкоствольных пушек были доведены до абсурда. Действительно, не могло быть ничего более нелепого, как вооружить всю артиллерию целой армии этими громоздкими, увязающими в грязи прусскими 12-фунтовыми пушками, притом в такое время, когда подвижность и быстрота маневрирования являются важнейшими качествами. Так как французские легкие 12-фунтовые пушки имеют относительные преимущества только сравнительно с другой артиллерией и вовсе лишены их по сравнению с новым ручным оружием, прусские же тяжелые 12-фунтовые пушки представляют очевидную нелепость, — то не оставалось ничего другого, как либо совсем отказаться от полевой артиллерии, либо перейти к нарезной пушке.

Тем временем в разных странах непрерывно производились опыты с нарезной пушкой. В Германии уже в 1816 г. баварский подполковник Рейхенбах делал опыты с небольшой нарезной пушкой и цилиндро-коническим снарядом. В смысле дальности и точности стрельбы результаты были весьма удовлетворительными, но трудности заряжания и побочные препятствия не дали довести до конца разрешение проблемы. В 1846 г. пьемонтский майор Кавалли построил заряжающуюся с казенной части нарезную пушку, которая возбудила значительный интерес. Его первая пушка была 30-фунтовая, заряжаемая цилиндро-коническим полым снарядом, весившим 64 фунта, и 5 фунтами пороха; при угле возвышения в $14\frac{3}{4}$ градусов он получал дальность (при первом измерении) в 3 050 метров, или 3 400 ярдов. Его опыты, продолжавшиеся до самого последнего времени частью в Швеции, частью в Пьемонте, имели тот важный результат, что благодаря им было открыто боковое отклонение всех снарядов, выбрасываемых из нарезных пушек, отклонение, вызываемое крутизной нарезов и происходящее всегда в направлении их вращения; как только это отклонение было установлено, тот же Кавалли изобрел исправление его с помощью так называемой боковой или горизонтальной тангенциальной шкалы. Результаты его опытов были в высшей сте-

пени удовлетворительны. В 1854 г. в Турине его 30-фунтовая пушка с 8-фунтовым зарядом и 64-фунтовым снарядом дала следующие результаты:

Угол возвышения	Дальность полета	Неправильное боковое отклонение
10°	2 806 метров	2,81 метра
15°	3 785 »	3,21 »
20°	4 511 »	3,72 »
25°	5 103 »	4,77 »

При 25 градусах возвышения дальность полета превышает 3 мили с боковым отклонением от линии прицела (по исправлению посредством горизонтальной шкалы) менее чем в 16 футов! Самые крупные французские полевые гаубицы, при дальности полета в 2 400 метров, или 2 650 ярдов, давали боковое отклонение, равное в среднем 47 метрам, или 155 футам, т. е. в десять раз большее, нежели отклонение у нарезных пушек при дальности вдвое большей.

Другая система нарезных пушек, возбуждая интерес вскоре после опытов Кавалли, принадлежит шведскому барону Варендорфу. Его пушка тоже заряжалась с казенной части и имела цилиндро-конический снаряд. Однако существовало различие в снаряде, заключавшееся в следующем: в то время как снаряд Кавалли был сделан из твердого металла и имел пояски, входящие в нарезы, снаряд Варендорфа был покрыт тонким слоем свинца и немного превосходил своим диаметром диаметр канала орудия в части нарезков. После введения снаряда в камеру, достаточно просторную для его вмещения, он силою взрыва проталкивался в нарезной канал, и свинец, полностью вдавливаясь в нарезы, предупреждал прорыв хотя бы незначительной доли газов, образованных взрывом. Результаты, достигнутые этими пушками в Швеции и других местах, были вполне удовлетворительны, и если пушки Кавалли были приняты в вооружении Генуи, то пушки Варендорфа стоят теперь на укреплениях Вегхольма в Швеции, Портсмута в Англии и в некоторых прусских крепостях. Так началось практическое применение нарезных пушек, — правда, пока лишь в крепостях. Оставался еще один шаг, чтобы ввести их в полевую артиллерию, что и было сделано во Франции, а ныне делается в артиллерии всей Европы. Различные системы, по которым теперь с хорошими результатами проектируются нарезные полевые пушки, мы рассмотрим в следующей статье.

II.

Мы говорили в предыдущей статье, что первыми, начавшими применять на практике нарезную пушку, были французы. Пять или шесть лет тому назад два офицера, полковник Тамизье и подполковник (ныне полковник) Трейль-де-Болье, по поручению правительства, производили опыты с нарезной пушкой, причем достигнутые результаты были признаны достаточно удовлетворительными, чтобы принять их в качестве основы для реорганизации французской артиллерии непосредственно перед началом последней итальянской войны. Не вдаваясь в историю этих опытов, мы сразу приступим к описанию системы, принятой ныне во французской артиллерии.

В соответствии с столь характерным для французов стремлением к единообразию они приняли только один калибр для полевой артиллерии (канал старой 4-фунтовой французской пушки в $85\frac{1}{2}$ миллиметров, или около $3\frac{1}{2}$ дюймов) и один калибр для осадной артиллерии (калибр старой 12-фунтовой пушки в 120 миллиметров, или $4\frac{3}{4}$ дюйма). Все другие орудия, кроме мортир, должны быть сняты. В качестве материала берется обычный пушечный металл, но в некоторых случаях и литая сталь. Пушки заряжаются с дула, ибо опыты французов с заряданием с казенной части не дали удовлетворительных результатов. Каждая пушка имеет шесть нарезов, в 5 миллиметров глубины и 16 миллиметров ширины, округленной формы; крутизна нарезки, повидимому, незначительна, однако детали этого неизвестны. Зазор корпуса снаряда равняется приблизительно от $\frac{1}{2}$ до 1 миллиметра; зазор ailettes, или выступов, входящих в нарезы, менее 1 миллиметра. Снаряд имеет цилиндрически-стрельчатую форму, пуст внутри и, будучи наполнен, весит около 12 фунтов; он имеет шесть выступов, по одному на каждый нарез, из которых три помещаются у головки, а три у основания снаряда; они очень короткие, имеют около 15 миллиметров в длину. Полость для зажигательной трубки проходит вниз от головки снаряда и замыкается зажигательной трубкой или пистоном с ударным капсюлем для снаряда, наполненного порохом, и с железной гайкой, когда снаряд не предназначен для разрыва; в последнем случае он наполняется смесью опилок и песка с целью придать ему такой же вес, как если бы он был наполнен порохом. Длина канала пушки равна 1385 миллиметров, в шестнадцать раз больше его диаметра. Вес бронзовой пушки равен всего 237 килограммам (518 фунтов). Для регулирования линии прицела при отклонении (боковом) снаряда в направлении нарезов,

отклонении, свойственном всем снарядам, выбрасываемым из нарезных каналов, правая цапфа имеет на себе так называемую горизонтальную тангенциальную шкалу. Пушка вместе с лафетом, как передают, отличается изяществом работы, и своим малым размером и щеголеватостью похожа более на модель, чем на настоящее орудие войны.

Вооруженная этой пушкой, французская артиллерия начала итальянскую кампанию; если она действительно изумила австрийцев своей дальностью, то, конечно, того же самого нельзя сказать о меткости ее огня. Очень часто, даже как правило, пушки давали перелет и представляли больше опасности для резервов, чем для первых линий, — другими словами, там, где они попадают лучше, чем обычные пушки, они попадают в людей, на которых они не направлялись. Несомненно, это является весьма спорным преимуществом, поскольку в девяти случаях из десяти это означает, что пушки не попадают в цель, в которую метят. Австрийская артиллерия, столь же неуклюжая в отношении своей материальной части, как и всякая другая в Европе, держала себя весьма прилично против французских пушек, сходилась с этим страшным противником на очень близкое расстояние (в 500 или 600¹ ярдов), снимаясь с передков под его самым сильным огнем. Нет сомнения, что как ни велико превосходство новых французских пушек над старыми гладкоствольными, они ни в какой степени не оправдали возлагавшиеся на них надежды. Их фактическая предельная дальность равнялась 4 000 метрам (4 400 ярдов), и утверждение, будто они легко могли попадать в отдельного всадника на расстоянии 3 300 ярдов, было несомненно не чем иным, как бесстыдным преувеличением бонапартистов.

Причины этих неудовлетворительных результатов в настоящей войне очень просты. Конструкция этих пушек крайне несовершенна, и если французы примут ее окончательно, то через два-три года их артиллерия в материальной своей части окажется самой худшей в Европе. Первым принципом в нарезном оружии является *отсутствие зазора*, в противном случае снаряд, свободно катаясь в канале орудия и в нарезах, будет вращаться не вокруг своей продольной оси, а по спиральной линии полета вокруг воображаемой линии, направление которой определяется случайным положением снаряда при вылете его из дула пушки, и эти спиральные круги будут увеличиваться в диаметре по мере увеличения расстояния.

¹ В «Tribune» ошибочно: «900». Ред.

А французские пушки имеют значительный зазор и не могут обойтись без него, поскольку взрыв заряда должен зажечь зажигательную трубку снаряда. Это именно является одним обстоятельством, объясняющим недостаток меткости. Вторым обстоятельством является неравномерность толкающей силы, происходящая вследствие большей или меньшей утечки газа сквозь зазор во время взрыва заряда. Третьим является вызванный наличием этого зазора большой угол возвышения при том же заряде; само собой разумеется, что там, где между каналом орудия и снарядом не может прорваться никакое количество газа, тот же самый заряд толкает снаряд дальше, чем в том случае, когда часть газа ускользает. Французские же нарезные пушки, повидимому, требуют не только очень большого заряда (одну пятую всего снаряда), но также и довольно большого угла возвышения. Большая дальность, получаемая нарезными каналами по сравнению с гладкоствольными, даже при меньшем заряде, достигается главным образом отсутствием зазора и уверенностью в том, что вся сила взрыва заряда идет на выталкивание снаряда. Допуская зазор, французы жертвуют частью толкающей силы, и им приходится возмещать ее увеличением заряда до известного предела, а за этим пределом — увеличением угла возвышения. Однако ничто в такой степени не мешает меткости на любой дистанции, как большой угол возвышения. Пока линия полета снаряда в своей высшей точке не слишком превосходит высоту цели, ошибка в вычислении расстояния не играет особенной роли, но на большой дистанции снаряд летит очень высоко и падает вниз под углом, в среднем вдвое большим, чем тот, при котором он начал свой полет (последнее, конечно, в том случае, когда возвышение бывает не больше градусов 15). Таким образом, чем больше угол возвышения, тем больше линия, на которой снаряд ударяется в землю, приближается к вертикальной, и ошибка в вычислении расстояния всего лишь в 10 или 12 ярдов может совсем исключить вероятность попадания. При расстоянии свыше даже 400 или 500 ярдов такие ошибки бывают неизбежны, результатом чего является поразительная разница между превосходной стрельбой на полигоне с измеренными дистанциями и отвратительной стрельбой на поле сражения, где расстояния неизвестны, предметы движутся, а время для соображения очень коротко. Так обстоит дело с новыми винтовками — вероятность попадания их на дистанции свыше 300 ярдов на поле сражения очень мала, тогда как до 300 ярдов, благодаря низкому полету пули, она очень велика; вследствие этого штыковая атака становится самым действительным средством

выбить неприятеля, как только нападающий отряд подойдет на такую дистанцию. Предположите, что одна армия имеет винтовки, которые на расстоянии 400 ярдов дают не более высокую траекторию, чем винтовки их противников дают при 300 ярдах; в таком случае первые будут иметь то преимущество, что начнут вести действительный огонь с расстояния на 100 ярдов дальше, и так как для атаки с расстояния в 400 ярдов требуется всего три или четыре минуты, то указанное преимущество явится немаловажным в решающий момент боя. То же самое и с пушкой. Десять лет тому назад сэр Говард Дуглас признал самой лучшей такую пушку, которая дает наибольшую дальность при наименьшем угле возвышения. При нарезных пушках важность этого пункта еще более значительна, поскольку вероятность ошибки при вычислении дистанции увеличивается вместе с возрастанием дальности полета и поскольку на ricochet можно рассчитывать только при круглых снарядах. Это один из недостатков нарезных пушек; для того, чтобы попадать в цель, они должны попадать в нее при первом же выстреле, тогда как круглый снаряд в случае недолета отскакивает и продолжает свой полет, почти не меняя первоначального направления. Таким образом, низкая траектория имеет здесь наибольшее значение, ибо каждый лишний градус угла возвышения уменьшает в возрастающей пропорции вероятность попадания с первого выстрела, и потому высокая линия полета, даваемая французскими пушками, является одним из серьезнейших их недостатков.

Однако вся совокупность недостатков этих пушек находит свое завершение и усугубление в одном дефекте, который способен окончательно скомпрометировать всю систему. Эти пушки изготовляются посредством таких же инструментов и на основании тех же принципов, которые применялись раньше при изготовлении старых гладкоствольных пушек. При наличии очень большого зазора у старых пушек и при неодинаковом весе и диаметре снарядов математическая точность в их изготовлении являлась делом второстепенным. Почти до самого последнего времени производство огнестрельного оружия представляло самую отсталую отрасль современной промышленности. В ней весьма широко применялся ручной труд и весьма мало труд механический. Для старого гладкоствольного оружия это могло быть допустимо, но когда появилась необходимость изготовлять оружие, от которого ожидали большей точности на значительных расстояниях, эта система сделалась далее невозможной. Чтобы гарантировать, что каждое ружье будет одинаково точно стрелять на расстоянии 600, 800, 1 000 ярдов и каждая

пушка — на расстоянии 2 000, 4 000, 6 000 ярдов, стало необходимо, чтобы каждая часть каждой отдельной операции выполнялась самими совершенными и автоматическими машинами, чтобы одно оружие являлось математическим дополнением другого. Отклонения от математической точности, не имевшие значения при старой системе, стали теперь такими недостатками, которые делали оружие в целом непригодным. Французы не усовершенствовали своих старых машин сколько-нибудь заметным образом, и отсюда неточность в их стрельбе. Как могут пушки дать одинаковую дальность при том же угле возвышения, при всех прочих равных условиях, если ни одна из них не является тождественной с другими во всех деталях? Однако неточность в производстве, дающая на 800 ярдах различие дальности в 1 ярд, на 4 000 ярдах даст различие в 100 ярдов. Можно ли рассчитывать на точность этих пушек при стрельбе на значительных расстояниях?

Подведем итоги: французские нарезные пушки плохи, потому что они должны иметь зазор, потому что они требуют сравнительно большого угла возвышения и потому что качество их производства далеко не соответствует требованиям нарезных дальнобойных орудий. Они должны быть вскоре заменены другими системами, иначе они сведут французскую артиллерию фактически на положение худшей в Европе.

Мы умышленно несколько подробнее рассмотрели эти орудия, ибо благодаря этому мы получили возможность изложить главные принципы нарезных пушек. В заключительной статье мы рассмотрим две системы — проекты, которые в Англии ведут теперь состязания на первенство. Обе они основаны на зарядании с казенной части, отсутствии зазора и совершенном качестве производства; я имею в виду систему Армстронга и систему Витворта.

III.

Теперь мы переходим к описанию двух видов заряжающихся с казенной части нарезных пушек, которые в настоящее время оспаривают друг у друга первенство в Англии; обе пушки изобретены штатскими и своей эффективностью бесспорно превосходят все, что доньше создано профессиональными артиллеристами; я говорю о пушке Армстронга и пушке Витворта.

Пушка сэра Вильяма Армстронга имеет то преимущество, что она появилась первой и вызвала похвалу всей прессы и официального мира Англии. Она, без сомнения, представляет собой военную машину большой эффективности и значительно превосходит фран-

пузекую нарезную пушку, однако сомнительно, сможет ли она взять первенство у пушки Витворта.

Сэр Вильям Армстронг изготавливает свою пушку путем спиралеобразного обматывания вокруг трубы из литой стали двух слоев труб из кованого железа; причем верхний слой накладывается в противоположном направлении по отношению к нижнему, по примеру того, как ружейные стволы делаются из слоев проволоки. Такая система дает очень крепкий, прочный материал, хотя он и очень дорогой. Канал снабжен большим количеством узких, плотно прилегающих друг к другу нарезов, с одним оборотом по длине пушки. Продолговатый снаряд цилиндрически-стрельчатой формы сделан из литого железа, но покрыт свинцовой оболочкой, благодаря которой его диаметр несколько больше диаметра канала; этот снаряд вместе с зарядом вводится с казенной части в камеру, достаточно просторную для того, чтобы их вместить; взрыв проталкивает снаряд в узкий канал, где мягкий свинец втискивается в нарезы и таким образом совершенно уничтожает всякий зазор, сообщая в то же время снаряду спиральное вращательное движение, определяемое крутизной нарезов. Этот способ втискивания снаряда и покрывание его необходимым для этого слоем мягкого металла являются характерными чертами системы Армстронга; и если читатель примет во внимание основы нарезной пушки, как они изложены нами в предшествующих статьях, то он согласится, что в принципе система Армстронга совершенно правильна. Так как снаряд имеет больший диаметр, чем канал ствола, то пушка должна непременно заряжаться с казенной части, что кажется нам тоже необходимой чертой всякого нарезного орудия. Однако механизм затвора сам по себе не имеет никакого отношения к принципу той или другой системы нарезов, а может быть перенесен с одной системы на другую; поэтому мы оставляем его вовсе без рассмотрения.

Дальнобойность и точность попадания, достигаемые этой новой пушкой, представляют нечто удивительное. Выстрел был сделан на дальности приблизительно 8 500 ярдов, или почти на 5 миль, а точность, с которой была поражена мишень на расстоянии в 2 000 и в 3 000 ярдов, значительно превзошла все, что могли в этом отношении дать гладкоствольные пушки на расстоянии в три раза меньшем. Несмотря на громкую рекламу английской прессы, интересные в научном отношении детали всех этих опытов держались в тщательном секрете. Совсе не сообщалось, при каком угле возвышения и весе заряда была получена эта дальность; не сообщались подробности о весе снаряда и самой пушки, о точном боковом отклонении

и рассеивании по дальности и т. д. Теперь, наконец, после появления пушки Витворта, мы узнаем некоторые подробности, по крайней мере об одной серии опытов. Военный министр Сидней Герберт заявил в парламенте, что 12-фунтовая пушка весом в 8 центнеров, с зарядом в 1 фунт 8 унций пороха, давала дальность полета в 2 460 ярдов при угле возвышения в 7 градусов с предельным боковым отклонением в 3 ярда и с предельным рассеиванием по дальности в 65 ярдов. При угле возвышения в 8 градусов дальность полета равнялась 2 797 ярдам; при девяти — свыше 3 000 ярдов, причем отклонения оставались почти те же. Однако угол возвышения от 7 до 9 градусов представляет собой нечто неслыханное в практике гладкоствольной полевой артиллерии. Так, например, официальные таблицы не идут дальше 4 градусов возвышения, при котором 12- и 9-фунтовые пушки дают дальность в 1 400 ярдов. Всякое большее возвышение в полевых пушках было бы бесполезно, ибо, давая высокую линию полета, оно чрезвычайно уменьшает вероятность попадания в цель. Однако мы располагаем некоторыми опытами (цитированными в книге сэра Говарда Дугласа «Морская артиллерия») с тяжелыми гладкоствольными морскими пушками при большом угле возвышения. Английская длинная 32-фунтовая пушка в Диле в 1839 г. при 7 градусах давала дальность от 2 231 до 2 318 ярдов; при 9 градусах — от 2 498 до 2 682 ярдов. Французская 36-фунтовая пушка в 1846 и 1847 гг. при 7 градусах давала дальность в 2 270 ярдов, а при девяти — дальность в 2 636 ярдов. Это показывает, что при одинаковых углах возвышения дальность нарезных пушек не на много превосходит дальность гладкоствольной пушки.

Пушка Витворта почти во всех отношениях является противоположностью пушке Армстронга. Ее канал не круглый, а шестиугольный; глубина ее нарезов почти вдвое превышает глубину нарезов пушки Армстронга; снаряд из очень твердого металла, без всякой свинцовой оболочки; и если она заряжается с казенной части, то это не вызвано необходимостью, но является делом удобства и внешней формы. Пушка изготовлена из недавно патентованного материала, называющегося «гомогенным железом», большой прочности, эластичности и сопротивляемости; снаряд с математической точностью пригнан к каналу ствола, и потому его нельзя ввести в канал, предварительно не смазав его. Для смазки употребляется смесь воска и жира, помещаемая между зарядом и снарядом, и эта смесь одновременно служит тому, чтобы уменьшить всякий остающийся зазор. Материал пушки обладает такой сопротивляемостью,

что он легко выдержит 3 000 выстрелов без всякого ущерба для ее канала.

Пушка Витворта была продемонстрирована публике в прошлом феврале, когда с нею был произведен ряд опытов в Соутпорте, на Ланкаширском берегу. Были продемонстрированы три пушки: 3-фунтовая, 12-фунтовая и 80-фунтовая; из длинного отчета мы выбираем в качестве иллюстрации 12-фунтовую. Эта пушка имела 7 футов 9 дюймов в длину и весила 8 центнеров. Обычная же 12-фунтовая гладкоствольная пушка для круглых снарядов имеет...¹ футов 6 дюймов и весит 18 центнеров. Дальности, достигнутые пушкой Витворта: при 2 градусах возвышения (при которых старая 12-фунтовая пушка дает 1 000 ярдов), с зарядом в $1\frac{3}{4}$ фунта, дальность колебалась от 1 208 до 1 281 ярдов. При 5 градусах (при которых 32-фунтовая пушка дает 1 940 ярдов) дальность была от 2 298 до 2 342 ярдов. При 10 градусах (дальность старой 32-фунтовой пушки — 2 800 ярдов) она равнялась 4 000 ярдам. Для более крупных углов возвышения применялась 3-фунтовая пушка с зарядом в 8 унций; при 20 градусах дальность равнялась от 6 300 до 6 800 ярдов, а при 33 и 35 градусах — от 9 400 до 9 700 ярдов. Старая 56-фунтовая гладкоствольная пушка дает при 20 градусах дальность в 4 381 ярд, а при 32 градусах — в 5 680 ярдов. Точность попадания, достигнутая пушкой Витворта, была весьма удовлетворительна, а в смысле бокового отклонения она дала по меньшей мере столь же хорошие результаты, как и пушка Армстронга; что касается колебаний в рассеивании по дальности, то опыты не дают возможности сделать удовлетворительное заключение.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» №№ 5914, 5926 и 5938
от 7 и 21 апреля и 5 мая 1860 г.*

Без подписи.

---

¹ Пропуск в подлиннике. *Ред.*

СИЦИЛИЯ И СИЦИЛИЙЦЫ.

История человечества не знает другой такой страны и другого такого народа, который бы столь ужасно страдал от рабства, от иностранных завоеваний и иностранного гнета и который столь неутомимо боролся бы за освобождение, как Сицилия и сицилийцы. Почти с той эпохи, когда Полифем совершал свои прогулки у Этны, а Церера обучала сикулов искусству земледелия, и вплоть до наших дней Сицилия была местом непрерывных вторжений и войн и неуклонного сопротивления. Сицилийцы представляют собою смешение почти всех северных и южных рас; во-первых, аборигенов — сиканов с финикийцами, карфагенянами, греками, рабами из всех частей света, ввозимыми на остров путем торговли или в результате войн; а затем — арабов, норманнов и итальянцев. При всех этих превращениях и изменениях сицилийцы сражались и до сих пор сражаются за свою свободу.

Более тридцати столетий тому назад аборигены Сицилии всеми силами сопротивлялись более совершенному оружию и военному искусству карфагенских и греческих завоевателей. Их заставляли платить дань, но ни те, ни другие не могли вполне покорить их. В течение долгого времени Сицилия была ареной борьбы между греками и карфагенянами; ее народ был разорен и отчасти обращен в рабство; ее города, населенные карфагенянами и греками, были главными центрами, откуда гнет и рабство распространялись на все внутренние части острова. Эти древние сицилийцы не упускали, однако, случая, чтобы выступить за свободу или, по крайней мере, мстить по мере сил своим карфагенским повелителям и Сиракузам. Наконец, римляне покорили и карфагенян, и сиракузцев, продав огромное число их в рабство. Однажды было продано таким образом тридцать тысяч жителей Папорма, нынешнего Палермо. Римляне обрабатывали в Сицилии землю с помощью бесчисленных отрядов рабов, чтобы накормить сицилийской пшеницей люмпен-пролетариев Вечного города. Для этой цели они не только обращали в рабство жителей острова, но и ввозили туда рабов из всех своих прочих владений. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с исто-

рией Рима или с ораторским искусством Цицерона, знает о страшных жестокостях римских проконсулов, преторов и префектов. Но, пожалуй, ни в одном другом месте римская жестокость не справляла таких сатурналий, как здесь. Неимущие свободные и крестьяне, если они не могли уплачивать требуемых с них разорительных податей, безжалостно продавались в рабство — сами или их дети — сборщиками податей.

Тем не менее, и при Дионисии Сиракузском, и при римском владычестве в Сицилии вспыхивали страшные восстания рабов, в которых зачастую туземцы и ввезенные на остров рабы участвовали сообща. В эпоху распада Римской империи в Сицилию вторгались многие завоеватели. Затем на некоторое время ею завладели мавры; но сицилийцы, — и прежде всего подлинный народ, населяющий внутренние части острова, — все время оказывали более или менее успешное сопротивление и шаг за шагом отстаивали или завоевывали различные мелкие вольности. И едва стала заниматься заря над темным средневековьем, как сицилийцы силой оружия не только завоевали уже целый ряд муниципальных вольностей, но и выработали зародышевые формы конституционного правления, какого тогда еще нигде не существовало. Раньше чем какая бы то ни было другая европейская нация, сицилийцы путем голосования устанавливали доходы своих правительств и государей. Таким образом, сицилийская почва издавна оказывалась смертельной для угнетателей и завоевателей, и Сицилийская вечерня¹ останется навеки бессмертной в истории. Когда аррагонский дом поставил сицилийцев в зависимость от Испании, они сумели сохранить в большей или меньшей неприкосновенности свои политические вольности, и этого они добились как при Габсбургах, так и при Бурбонах. Когда французская революция и Наполеон изгнали из Неаполя царствовавшую там тираническую династию, сицилийцы, подстрекаемые и соблазняемые английскими обещаниями и гарантиями, приняли к себе беглецов и, борясь с Наполеоном, поддерживали их своей кровью, своими деньгами. Каждый знает, какой изменой отплатили им впоследствии Бурбоны и какими уловками и бессовестными опровержениями Англия пыталась и пытается до сих пор замаскировать свое собственное вероломство, с которым она предала на милость Бурбонов сицилийский народ и его вольности.

В настоящее время политический, административный и фис-

---

¹ «Сицилийской вечерней» называется кровопролитное восстание сицилийцев в 1282 г. против их завоевателей, французских феодалов. *Ред.*

кальный гнет тяготеет над всеми классами народа; вот почему эти бедствия стоят на первом плане. Но почти вся земля находится до сих пор в руках сравнительно небольшого числа крупных землевладельцев или баронов. Средневековая система землевладения до сих пор сохраняется в Сицилии, с той лишь разницей, что земледелец не является крепостным; он вышел из крепостного состояния уже почти в XI столетии, когда он стал свободным арендатором. Но условия аренды по большей части настолько тяжелы, что огромное большинство земледельцев работает исключительно на сборщика податей и на барона, почти ничего не производя сверх того, что необходимо для уплаты налогов и рент. Сами они живут или в полной нищете, или, по меньшей мере, в сравнительной бедности. Хотя они культивируют знаменитую сицилийскую пшеницу и выводят прекрасные фрукты, сами они круглый год питаются исключительно бобами.

Сицилия сейчас опять истекает кровью, а Англия спокойно смотрит на эти новые сатурналии гнусного Бурбона и его столь же гнусных духовных и светских любимцев, иезуитов и гвардейщины. Суетливые декламаторы британского парламента потрясают воздух пустой болтовней относительно Савойи и опасностей, грозящих Швейцарии, но не говорят ни единого слова о резне, происходящей в сицилийских городах. Ни одного негодующего голоса не раздается в Европе. Ни один правитель и ни один парламент не говорят о лишении прав кровожадного неаполитанского идиота. Лишь Луи-Наполеон в тех или иных целях, — конечно не из любви к свободе, а ради превознесения своей династии или ради усиления французского влияния, — может, пожалуй, остановить резню, устраиваемую этим мясником. Англия подымет вой по поводу измены, будет изрыгать пламя, протестуя против наполеоновского вероломства и тщеславия, но выиграют в конце концов неаполитанцы и сицилийцы, если даже они получат Мюрата или какого-нибудь другого нового правителя. Всякая перемена будет для них к лучшему.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5948 от 17 мая 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ НАПОЛЕОНА НА РЕЙНЕ.

Берлин, 1 мая 1860 г.

Мнение, что Луи Бонапарт намеревается поставить на обсуждение германский вопрос, упорно держится среди всех классов внешнего общества. В сегодняшнем номере «National Zeitung» один корреспондент утверждает даже, что из самых достоверных источников ему известно, что Баденге (фамильярное прозвище Луи Бонапарта в Париже) окончательно решил предпринять кампанию на Рейне и что лорд Джон Россель, как только он узнал об этом плане, несколько недель тому назад поднялся со своего места, чтобы напугать палату общин громовой обвинительной речью против французского императора и неожиданным заявлением, что Англия намерена теперь искать новых союзников. Тон и настроение французской полуофициальной печати далеки от того, чтобы рассеять эти опасения. Прочтите, например, следующую выдержку из «Bullier's Correspondence» — парижского издания, из которого черпает свое вдохновение большинство провинциальных французских журналистов.

«Один из моих друзей, любитель шуточных пророчеств, сказал мне на днях: «Вы еще увидите, как император отправится на Рейн с целью предложить прусскому королю союз, а вместе с ним и небольшое исправление границ». На это я ответил цитатой из памфлета «Napoléon III et l'Italie» [«Наполеон III и Италия»]. «Вопрос о территориальных изменениях лучше решать дружественным путем, чем быть вынужденным к этому на следующий день после победы».

Вскоре после заключения торгового договора с Англией французское правительство сделало намек прусскому послу в Париже, что применение подобного договора между Францией и Таможенным союзом встретило бы благоприятный прием; но прусское правительство ответило, что Таможенный союз отнюдь не имеет желания заключать такой договор, и это возбудило удивление и неудовольствие, выраженные в довольно невежливом тоне. К тому же прусское правительство получило в это время полную информацию о переговорах, которые агенты Луи Бонапарта недавно начали с

баварским двором с целью побудить последний уступить Франции крепость Ландау, оставленную, как они говорили, за Францией договором 1814 г., но затем несправедливо отобранную у нее договором 1815 года. Таким образом, распространенные среди населения слухи об угрожающем разрыве с Францией подкрепляются подозрениями официальных кругов.

В настоящий момент положение Пруссии представляет в некоторых отношениях большое сходство с положением Австрии после окончания Восточной войны. Тогда казалось, что Австрия из всех держав извлекла наибольшие выгоды. Она льстила себя мыслью, что, не причиняя себе никаких хлопот, кроме мобилизации своих войск, она унизила своего опасного соседа, Россию. Сыграв роль вооруженного посредника, в то время как западным державам пришлось нести всю тяжесть войны, она после заключения мира могла воображать, что с помощью оружия Западного союза она уничтожила влияние, которое Россия получила над ней со времени венгерских событий 1849 года. И в самом деле, венскому кабинету было высказано в то время не мало комплиментов по поводу его искусной дипломатической тактики. Однако, в действительности, двусмысленная позиция, занятая Австрией во время Восточной войны, оставила ее без союзников и дала Луи Бонапарту возможность *локализовать* итальянскую войну. В свою очередь, Пруссия в течение итальянской войны сохранила свои ресурсы в неприкосновенности. Она держала оружие наготове, но не пустила его в ход и удовлетворялась лишь тем, что вместо крови своих солдат проливала послушные чернила своих политических мудрецов. После Виллафранкского мира Пруссия с помощью французских побед, казалось, ослабила своего соперника, Габсбургский дом, и открыла себе путь к гегемонии в Германии. Все же самые предлоги, под которыми был объявлен Виллафранкский мир, должны были покончить с иллюзиями, под властью которых она находилась. В то время как Луи Бонапарт объявил, что прусские вооружения и угрозы возможной интервенции притупили меч Франции, Австрия, в свою очередь, заявила, что ее сила сопротивления разбилась о двусмысленный нейтралитет Пруссии. В течение всей войны Пруссия заявляла претензии, которые забавно противоречили ее поступкам. Перед Австрией и мелкими немецкими государствами она ссылалась на свои обязанности в качестве европейской державы; перед Англией и Россией она ссылалась на свои обязательства сильнейшей германской державы, и, основывая свои права на этих двойных претензиях, она требовала от Франции признания себя вооруженным посредником Европы.

Свои притязания называться германской державой *par excellence* [по преимуществу] она доказала тем, что позволила России в неслыханно дерзком циркуляре запугивать малые немецкие дворы, а в лице господина Шлейница робко выслушивала болтливо-дерзкие лекции лорда Джона Росселя на тему о «конституционном» праве наций.

Свои притязания на роль европейской державы Пруссия доказала тем, что успокоила воинственные порывы мелких немецких князей и попыталась использовать военное поражение Австрии для присвоения себе роли, раньше принадлежавшей ее сопернице в совете Германского союза. Когда, наконец, успехи французского оружия принудили ее занять некоторое подобие воинственной позиции, она натолкнулась на холодное сопротивление мелких немецких государств, которые едва сочли нужным скрывать свое недоверие к конечным намерениям прусского двора. Виллафранкский мир застал Пруссию совершенно изолированной не только в Европе, но и в Германии, а последовавшая затем аннексия Савойи, значительно сократив незащищенную границу Франции, сильно увеличила ее шансы на победоносную кампанию на Рейне.

При этих обстоятельствах политическая линия, которую Пруссия стремится теперь проводить как в своих внутренних, так и во внешних отношениях, представляется одинаково ошибочной. Вопреки всем хвастливым декламациям прусских газет и представительных палат ничто не изменилось в ее внутренних делах, кроме фразеологии ее чиновников. Предложения о реформе армии, не увеличивая ее военной мощи на случай опасности, имеют целью постоянное увеличение постоянной армии, и без того слишком большой, переобременение финансов, и без того уже перенапряженных, и уничтожение единственного демократического учреждения страны — ландвера. Все реакционные законы о печати, о праве союзов, о городском управлении, о взаимоотношениях между помещиками и крестьянами, бюрократическая опека, вездесущая полиция — все это тщательно сохраняется. Даже позорные положения о браках между дворянами и простыми смертными не отменены. Самая идея восстановления конституции, опрокинутой «*coup d'état*» [государственным переворотом], подвергается осмеянию как дикая мечта.

Приведу лишь один пример гражданской свободы, которой пользуются теперь прусские подданные. В худший период реакции один уроженец прирейнской Пруссии¹ был осужден пристрастно

Имеется в виду один из членов Союза коммунистов Петер Нотьюнг, см. именной указатель. *Ред.*

подобранном судом к семи годам заключения в прусской крепости за так называемое в то время политическое преступление. Отбыв срок наказания, которое либеральное министерство ему не сократило, он вернулся в Кельн, откуда полиция не замедлила его выгнать. Тогда он отправился в свой родной город, но, как это ни странно, был уведомлен властями, что по причине семилетнего отсутствия он утратил свое право гражданства и должен искать нового местожительства. Возражение, что его отсутствие было не добровольное, не привело ни к чему. Из Берлина, куда он затем прибыл, он был также удален под тем предлогом, что не мог показать других источников существования, как личные возможности работать и применять свои знания, так как все его состояние было израсходовано во время заключения. В конце концов он отправился в Бреславль, где один его старый знакомый устроил его при себе агентом; однажды утром он был вызван полицией, которая объявила ему, что разрешение на пребывание в городе может быть продлено ему только на несколько недель, если тем временем он не приобретет права гражданства в Бреславле. При его обращении к муниципальным властям Бреславля ему чинились всяческие мелкие препятствия, но когда благодаря хлопотам его друзей последние были устранены и его прошение о гражданстве было, наконец, удовлетворено, то вместе с пожалованием прав он получил огромный счет с целой кучей взносов, подлежащих оплате каждым смертным, имеющим счастье быть принятым в ряды бреславльских граждан. И если бы друзья его не собрали в складчину требуемой суммы, этот прусский подданный, подобно Вечному жиду, не нашел бы в своем славном отечестве места, где преклонить голову.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5950 от 19 мая 1860 г.

Без подписи.

ГАРИБАЛЬДИ В СИЦИЛИИ.

После ряда самых противоречивых известий мы, наконец, получили, повидимому, довольно достоверные сведения относительно подробностей изумительного похода Гарибальди из Марсалы в Палермо. Это, поистине, один из наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия, и он был бы почти необъясним, если бы престиж революционного генерала не предшествовал его триумфальному маршу. Успех Гарибальди доказывает, что роялистским войскам Неаполя все еще внушает ужас человек, который высоко нес знамя итальянской революции перед лицом французских, неаполитанских и австрийских батальонов, и что сицилийский народ не потерял доверия к нему и к делу национального освобождения.

6 мая два парохода покинули Генуэзское побережье, имея на борту около 1 400 вооруженных людей, разбитых на семь рот, из которых каждая должна была, очевидно, стать ядром батальона, набираемого среди повстанцев. 8-го они высадились в Таламоне на Тосканском побережье и, пользуясь разными доводами, убедили начальника тамошнего форта снабдить их углем, боевыми припасами и четырьмя полевыми орудиями. 10-го они вошли в Марсальскую гавань, расположенную на крайнем западном пункте Сицилии, и высадились там со всей своей артиллерией, несмотря на прибытие двух неаполитанских военных кораблей, которые оказались бессильными в нужный момент помешать высадке; история о британском вмешательстве в пользу инсургентов оказалась лишенной всякого основания, и ее опровергают теперь даже сами неаполитанцы. 12-го этот небольшой отряд дошел до Салеми, находящегося в 18 милях от берега на пути к Палермо. Здесь, повидимому, руководители революционной партии встретились с Гарибальди, устроили с ним совещание и стянули повстанческие подкрепления, достигавшие приблизительно 4 000 человек. Пока они организовывались, восстание, которое несколько недель тому назад было подавлено, но не сокрушено, снова вспыхнуло во всех горных местностях западной Сицилии, и, как выяснилось 16-го, не без успеха. 15 мая Гарибальди со своими 1 400 организованных волонтеров и 4 000 вооруженных крестьян

продвигался через горы к северу по направлению к Калатафими, где ведущая из Марсалы проселочная дорога соединяется с большим трактом по направлению из Трапани в Марсалу. Горные ущелья, ведущие в Калатафими через отрог величественной Монте-Черрара, называемый Монте-ди-Пианто-Романо, защищались тремя батальонами королевских войск, с кавалерией и артиллерией, под начальством генерала Ланди. Гарибальди немедленно атаковал эту позицию, которая вначале упорно защищалась; но хотя во время этой атаки Гарибальди мог выставить против 3 000 или 3 500 неаполитанцев только своих волонтеров и очень незначительную часть сицилийских повстанцев, роялисты были успешно вытеснены из пяти сильных позиций, потеряв одно горное орудие и большое число убитыми и ранеными. Потери гарибальдийцев определяются ими самими в 18 убитых и 128 раненых. Неаполитанцы уверяют, что во время этой стычки они захватили одно из гарибальдийских знамен, но так как одно знамя они нашли оставленным на борту одного из брошенных в Марсале пароходов, то вполне возможно, что они это же знамя показывали в Неаполе в качестве доказательства якобы одержанной ими победы. Однако поражение при Калатафими не заставило еще королевские войска покинуть город в тот же вечер. Они ушли из него только на следующее утро, после чего они, повидимому, не оказывали никакого сопротивления Гарибальди, пока не достигли Палермо. Палермо, правда, они достигли в состоянии полного разложения и беспорядка. Факт, что они оказались разбитыми какими-то «пиратами» и «вооруженной сволочью», сразу напомнил им страшный образ того Гарибальди, который, защищая Рим против французов, все-таки нашел время пойти на Веллецию и отбросить вправо авангард всей неаполитанской армии и который после этого побеждал на склонах Альп воинов, своей выдержкой значительно превосходивших неаполитанских солдат. Поспешное отступление, не сопровождавшееся никакими попытками хотя бы малейшего сопротивления, должно было еще более усилить в их рядах отчаяние и склонность к дезертирству, которое и до этого наблюдалось; а когда они вдруг очутились в самом центре восстания, подготовленного в Салеми и затруднявшего их действия, всякая спайка совершенно исчезла: бригада Ланди, превратившаяся в беспорядочную и растерянную толпу, численно чрезвычайно уменьшившись, возвращалась в Палермо небольшими следовавшими друг за другом отрядами.

Гарибальди вступил в Калатафими в тот же самый день, в какой оставил его Ланди, — 16-го; 17-го он продвинулся до Алькамо (10 миль), 18-го — до Партенико (10 миль), а из последнего пункта

направился к Палермо. 19-го непрерывный ливень помешал отряду двигаться дальше.

Тем временем Гарибальди узнал, что неаполитанцы сооружают траншеи вокруг Палермо и укрепляют старые, полуразрушенные валы города со стороны, обращенной к Партеникской дороге. Численность их достигала по меньшей мере 22 000 человек и таким образом далеко превосходила те силы, какие он мог бы выставить против них. Но они были морально подавлены; их дисциплина ослабела; многие из них начали думать о переходе на сторону инсургентов; кроме того, их генералы, как это прекрасно знали и их собственные солдаты и неприятель, были тупицы. Единственными надежными отрядами среди них были два иностранных батальона. При таком положении вещей Гарибальди не мог рискнуть на фронтальную атаку города, но и неаполитанцы не могли предпринять против него каких-либо решительных действий, даже если бы их войска были на это способны, так как они должны были оставить в городе сильный гарнизон и никогда не могли слишком далеко удаляться от него. Если бы на месте Гарибальди находился средней руки генерал, то подобное положение привело бы к ряду несвязных и нерешительных стычек, во время которых он мог бы обучить часть своих рекрутов военному делу, но зато и королевские войска очень быстро восстановили бы потерянное доверие к своим собственным силам и дисциплину, ибо в некоторых из стычек они неизбежно оказались бы победителями. Но подобный способ ведения войны не подходил бы ни для восстания, ни для Гарибальди. Смелое наступление было единственной тактикой, которую допускала революция; ошеломляющий успех, вроде освобождения Палермо, стал необходимостью, лишь только инсургенты подошли к самому городу.

Но как можно было этого достигнуть? Здесь-то Гарибальди и выказал себя блестящим генералом, способным не только к мелкой партизанской войне, но и к более значительным операциям.

20 мая и в последующие дни Гарибальди наступал на неаполитанские сторожевые заставы и позиции по соседству с Монреале и Парко на дорогах, ведущих в Палермо из Трапани и Корлеоне, и это внушило неприятелю мысль, что наступление Гарибальди направляется главным образом против юго-западной части города и что именно здесь были сосредоточены его главные силы. Умелым сочетанием наступления с притворными отступлениями Гарибальди заставил неаполитанского генерала посылать в этом направлении все большее и большее количество войск из города, так что 24-го около 10 000 неаполитанцев оказались вне города, в

направлении Парко. Этого-то и надо было Гарибальди. Часть его сил немедленно вступила с ними в бой, постепенно отступая перед ними и увлекая их все дальше и дальше от города, и когда он довел их до Пиана, через главный горный хребет, пересекающий Сицилию и разделяющий Конка-де-Аро («Золотая Раковина» — долина Палермо) от долины Корлеоне, он немедленно перебросил главную массу своих войск через другую часть того же горного хребта в долину Мисильмери, которая выходит к морю вблизи Палермо. 25-го он перенес свою штаб-квартиру в Мисильмери, в 8 милях от столицы. Мы не знаем, что он сделал с 10 000 человек, которые застряли на единственной пересекавшей горы скверной дороге, но можно наверное сказать, что он отвлекал их внимание все новыми и новыми мнимыми победами, чтобы быть уверенным, что они не вернуться слишком рано в Палермо. Уменьшив таким образом число защитников города почти наполовину и перенеся линию наступления с Трапанской дороги на Катанскую дорогу, он мог уже приступить к общей атаке. Дошедшие до нас противоречивые депеши не дают возможности сказать, предшествовало ли восстание в городе штурму Гарибальди или оно было вызвано появлением перед городом его отрядов, но достоверно то, что утром 27-го все Палермо взялось за оружие, и Гарибальди штурмовал ворота Термини, на юго-восточной стороне города, где ни один неаполитанец его не ожидал. Остальное известно — город был постепенно очищен от войск, за исключением батарей, цитадели и королевского дворца; далее последовали бомбардировка, перемирие, капитуляция. Точных подробностей относительно всех этих событий мы еще не имеем, но главные факты уже довольно хорошо известны.

Пока что мы должны заявить, что маневры, с помощью которых Гарибальди подготовил атаку на Палермо, сразу отмечают его как превосходного генерала. До сих пор мы знали его только как очень искусного и удачливого партизанского вождя; даже во время осады Рима его способ обороны города посредством постоянных вылазок почти не давал ему удобного случая подняться над этим уровнем. Но здесь он должен был предпринять крупные стратегические операции, и из этого испытания он вышел признанным мастером своего дела. Способ, каким ему удалось провести неаполитанского главнокомандующего, выславшего половину своих отрядов на большое расстояние от города, его быстрый фланговый марш и новое появление перед Палермо с той стороны, с которой его меньше всего ожидали, и его энергичный штурм, предпринятый в тот момент, когда гарнизон был ослаблен, — все эти операции в гораздо большей сте-

пени носят печать военного гения, чем все то, что имело место во время итальянской войны 1859 года. Сицилийское восстание нашло в его лице первоклассного вождя; будем надеяться, что политик Гарибальди, которому скоро предстоит появиться на сцене, не посрамит славы Гарибальди-генерала.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5979 от 22 июня 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

ИМПЕРАТОР НАПОЛЕОН III И ПРУССИЯ.

Берлин, 12 июня 1860 г.

Приводим нижеследующее извлечение из последнего памфлета г-на Абу, который будет опубликован в Париже через несколько дней¹:

«Пусть Германия знает, что дружба с Францией имеет свою ценность. Разве наши солдаты не ринулись к Черному морю спасать от гибели Оттоманскую империю? Разве освобождение молдаво-валахов не было проведено лишь благодаря нашему влиянию и без всякого кровопролития? Италия вступила на путь независимости и единства под нашим покровительством; наши армии проложили путь, по которому она теперь идет вперед под руководством Пьемонта; и если небо допустит завершение этого великого дела, если у наших ворот организуется 26-миллионная нация, Франция не станет огорчаться, ибо она понимает, что невозможно установить порядок в Европе, пока существуют угнетенные национальности и *монархи, невыносимые для своих подданных*.

«Никогда еще эта благородная нация (Германия) не была столь великой, как в 1813—1815 гг., ибо никогда она не была столь единой. Когда француз говорит с восхищением о таких страшных для Франции кампаниях, то его свидетельство заслуживает внимания. Чувство чести и независимости Германии, восставшей против завоевателя, сделало чудеса. У Германии лишь одна страсть — одно сердце. Она поднялась, как один человек, и поражение наших несравненных армий показало, на что способна единая Германия.

«Пусть Германия снова станет единой. Франция пламенно желает этого, ибо она любит немецкую нацию бескорыстной любовью. Если бы нам было свойственно то грубое честолюбие, которое нам приписывают некоторые государи, мы не призывали бы Германию к единству. Пусть Германия станет единой и пусть она будет настолько сплоченной, чтобы сделать невозможным всякое нашествие. Франция без боязни взирает на 26-миллионную Италию, возникающую у ее южных границ; она не испугается и 32-миллионной Германии у ее восточных пределов.

«Немцы начинают понимать, насколько глупо иметь 37 разных правительств, и они решили добиться объединения.

«Пруссия явится ядром, ибо Пруссия представляет свободу торговли и мысли, в то время как Австрия — представительница протекционизма, деспотизма и всех ужасов, порожденных ее конкордатом. Поэтому немцы сплотятся вокруг Пруссии. Но Пруссия должна сделать выбор между божественным правом и пра-

¹ Имеется в виду памфлет: «La Prusse en 1860 par Edmond Abou, Paris, 1860». *Ред.*

вами народа. В то время как некоторые монархи цепляются за ложный легитимизм, подлинно легитимные империи возникают на основе всеобщего голосования. Неаполитанский король утверждает, что его подданные принадлежат ему, а они противопоставляют этим притязаниям вооруженный отпор. Французский император и король Сардинии заявляют, в согласии с современной философией, что народы принадлежат только самим себе, и две великих нации с полным единодушием избирают их своими главами. Выскажется ли прусский кронпринц за божественное право или за права народа? Заявить об этом ему тем более необходимо, что в 1849 г. Национальное собрание, избранное всеобщим голосованием, преподнесло королю законную корону в его дворце. Как он поступил тогда? Он высказался за божественное право против народного права; он отказался принять корону, если она не будет предложена ему принцами, а прусские олухи аплодировали, говоря: «Мы не хотим трона, на который плюнула демократия». Саксония и Баден свергли своих государей. Две прусских армии двинулись вперед во имя божественного права и вторглись в Саксонию и Баден. Саксонского короля вновь усадили на его престол, так же как и герцога Баденского; а после того как все было улажено и баденская демократическая армия нашла убежище в Швейцарии, пруссаки хладнокровно расстреляли 26 немецких патриотов.

«Один прусский демократ недавно писал вюртембержцам: «Почему вы к нам не присоединяетесь?» Они ответили: «Если бы мы были пруссаками, мы все подверглись бы высылке во главе с поэтом Уландом».

«Как ни странен этот ответ, но он совершенно правилен. После 1848 г. все европейские монархи, включая даже папу, объявляли широкие амнистии. В Пруссии только сейчас объявлена амнистия. Если принц-регент хочет заслужить благодарность своей страны, пусть он призовет обратно изгнанников и станет душеприказчиком парламента 1849 г., подобно Наполеонам, которые являются душеприказчиками французской революции!

«Здесь мы хотим опровергнуть некоторые неправильные представления, существующие в Германии. Там полагают, доверяя известным феодальным газетам, будто Французская империя находится в состоянии рабства — будто императорский режим сковал мысль, уничтожил народное представительство и послал к чорту наши свободы. Пруссакки считают, что они более, чем мы, свободны и счастливы при своем либеральном и парламентском правлении. Верно то, что император французов воздвигает величие и благоденствие Франции, осуществляя диктаторскую власть; но эта власть по существу демократическая, так как вручена ему народом. Но разве в Пруссии не преобладает феодализм? Французская армия предана императору; но она принадлежит не ему, а нации. Кому принадлежит прусская армия — королю или нации? Королю, — заявил недавно премьер-министр Гогенцоллерн, — народным представителям нет никакого дела до армии.

«Правда, у нас свобода печати строго ограничена, но право писать и печатать не уничтожено, а лишь отсрочено. Нация согласна сохранить молчание в присутствии государя, творящего великие дела, подобно тому как друзья философа или великого писателя хранят молчание в его кабинете. Что касается прав, то они остаются неприкосновенными, и французы будут в праве потребовать их в надлежащее время и в надлежащем месте, если император позабудет (!) вернуть им эти права. Берлинские журналисты, быть может, более свободны, невзирая на пошлины, залогов и прочее, но кто может гарантировать им продолжительность их привилегий? Рука, которая дала, может и отобрать. Разница между нами и ими

заключается в том, что мы ссужаем свои свободы императору, в то время как они берут взаимы их у регента.

«Немцы воображают, будто мы позволили лишить себя своего парламентского режима. Правильно. Наш парламент изменился с 1848 г., это уже не клика, представляющая 400 000 — 500 000 человек; теперь вся нация посылает депутатов в Законодательный корпус. Это собрание, избранное, как и сам император, всеобщим голосованием, уже больше не пользуется смешной привилегией (!) прерывать ход государственных дел, заменяя действия речами, единение — коалицией, общественный интерес — личным тщеславием, серьезный прогресс великого народа — удовлетворением мелкого ораторского честолюбия; зато собрание пользуется неопенимым правом утверждать все налоги и все законы империи. Имей ли мы какие-либо основания завидовать прусской конституции? Применяется ли в Пруссии принцип ответственности министров? — Пока нет. Признано ли за палатами право отказа в утверждении налогов? — Нет. И что такое прусские палаты? Та из них, которая соответствует нашему Законодательному корпусу или (!) палате общин, составляется на основе механики, скорее хитрой, чем демократической. Возьмем округ, выплачивающий 300 000 франков прямых налогов. Налогоплательщики делятся на три класса; 15—20 крупных собственников, платящих 100 000 франков, составляют первый класс избирателей; второй класс состоит из 200 — 300 человек, платящих также 100 000 франков, третий — из 2 000—3 000, выплачивающих остальное. Каждый из этих классов избирает по 6 выборщиков, а эти 18 выборщиков избирают депутата. Поэтому средние классы никогда не могут иметь своего представителя, и этим объясняется то обстоятельство, что г-н фон-Финке, сидевший во Франкфуртском парламенте на стороне консерваторов, теперь, не изменив своих взглядов, является самым передовым демократом прусских палат. Может ли либеральная Германия ожидать многого от такой палаты? А если даже палата выразит прогрессивное пожелание, разве ее не задержит и не оттолкнет назад верхняя палата, — собрание, состоящее из знати, занимающей свои места по праву или по рождению, а также из лиц, назначаемых королем из числа кандидатов, предложенных дворянством, университетами и крупными городами; с одной стороны — наследственные права, с другой — выбор короля? Верхняя палата составляется именно таким способом и поэтому противится всяким либеральным мероприятиям. Недавно крупным большинством голосов она отвергла принцип гражданского брака. Она чуть не взбунтовалась против министра, который предложил обязать дворянство платить налоги наравне с прочими гражданами.

«Эта конституция не совершенна. Если хотят, чтобы Германия решилась броситься в объятия Пруссии, следует решительно изменить конституцию.

«Было бы весьма желательно, чтобы Пруссия проявляла несколько больше лояльности по отношению к правительствам, опирающимся на всеобщее избирательное право. Мы не упрекаем берлинский двор за резкости немецкой печати, мы не ожидаем от принца-регента, чтобы он заткнул рот своим подданным, даже если они нас оскорбляют; однако позволим себе заметить, что если «*Siècle*» и «*Opinion Nationale*» оскорбительно отзываются о монархе, не являющемся врагом Франции, то «*Moniteur*» или, по меньшей мере, полуофициальные газеты спешат возместить нанесенную обиду суровым порицанием.

«Было бы также чрезвычайно желательно, чтобы прусские политические деятели воздерживались в прусском парламенте от грозных нападок, открыто направленных против Франции. Когда г. фон-Финке говорит в прусской палате

депутатов об отвоевании у нас Эльзаса и Лотарингии, то французская нация из-за такой легкомысленной выходки не возьмется за оружие; но приятно установить, что во Франции подобных неосторожностей никогда не совершают. Со времени восшествия на престол Наполеона III, а в особенности после аннексии Ниццы и Савойи, немецкие журналисты и, пожалуй, даже немецкие государи довольно громко выражали ни на чем не основанное недоверие к французской политике. Они упорно приписывают нам план аннексии рейнских провинций и захвата немецкой земли. Эти неосновательные крики звучат так громко и настойчиво, что могли бы внушить нам дурные мысли, если бы мы были менее беспристрастны. *Не подлежит сомнению, что если вы подойдете на улице к самому мирному и безобидному человеку и скажете ему: «Милостивый государь, вы намерены дать мне по физиономии; можете сколько угодно клясться, что у вас нет подобного намерения, но я знаю, что вы намерены дать мне по физиономии. Незачем уверять меня в обратном, ибо я не поверю вашим клятвам, ибо я знаю, что вы намерены дать мне по физиономии. Но я сильнее вас. Я вас не боюсь. Я раздавлю вас, как муху, и я ручаюсь, что вам не удастся дать мне по физиономии», — разве самый мирный и безобидный человек не найдет в этом повода сделать то, чего от него добиваются, и разве он не даст пощечину провокатору?*

«Однако никакая провокация не заставит Францию отказаться от намеренной ею линии. Мы слишком справедливы, чтобы думать о завоевании территории, принадлежащей другой нации. Дай бог, чтобы Германский союз был одушевлен теми же самыми идеями! Он тогда не захватил бы герцогства Познанского, не напал бы на северный Шлезвиг, не объявил бы Триеста немецким городом. Что касается нас, то мы не боимся заявить, что Лотарингия и Эльзас — это французские земли, ибо они сами подтвердили это в ущерб немцам. *Мы храним то, что нам принадлежит.* Большого мы не хотим! Мы верим, что все природные границы, все реки Европы не стоят для обороны нашей территории и половины штыков одного полка зуавов или пеших шассеров (*chasseurs à pied*).

«Можно ли нам добавить одно указание к этим дружественным советам? Оно покажет, как сильно мы заинтересованы в единстве Германии и в будущем Пруссии.

«Насколько имя Пруссии, ее конституция, личность ее августейшего регента вызывают симпатии Германии, настолько же, может быть, прусская бюрократия внушает отвращение не только в самой Германии, но и честным людям всех стран. 12-го мая 1860 г. луч света озарил махинации прусской полиции, и раскрылась самая странная помесь неуклюжести и безнравственности, усердия и неосторожности, возмутительной провокации и вызывающего маккиавеллизма.

«Вот факты, как о них сообщил в прусском парламенте депутат великого герцогства Познанского г. Ниголевский. Трое прусских бюрократов, — г. фон-Путкаммер, президент Познанской провинции, г. фон-Береншпрунг, полицей-президент, и г. Пост, секретарь-переводчик, — искали способа показать свое усердие и получить признательность от правительства. Г-н фон-Путкаммер — важная персона, немножко побольше префекта, немножко поменьше министра, г. фон-Береншпрунг — лицо видное и значительное, Пост — мелкая, незначительная фигура.

«Первый задумывает, второй диктует, третий пишет. Эти три достойных мужа, покопавшись в своих бюрократических мозгах, набрали на великую идею — поднять восстание в Познани, честь и слава подавления которого принадлежала бы им. Роль агента-провокатора, от которой тошнило даже Видока, не

внушала им отвращения. Они принимают на себя личину поляков, недовольных прусским режимом. Они организуют в своей канцелярии мнимый демократический комитет и устанавлиют связь с центральным комитетом, находящимся в Лондоне. «Пришлите нам, — пишут они, — эмиссаров, прокламации, оружие». Со своей стороны, они посылают в Лондон деньги, деньги из бюджета, талеры, взятые со злостастных налогоплательщиков. Отличное применение налоговых поступлений! Казначеем этого предприятия состоял г. фон-Штольценберг, секретарь полиции. Письма получались по адресу г-жи Рух, жены советника верховного суда.

«Лондонский комитет не сразу поддался на приманку. Он колебался, чувствовал недоверие. Казалось, он чувствовал измену. Но бюрократическое трио столь униженно умоляло присылать письма и циркуляры, отзывалось с таким восхищением о генерале Мадзини, с таким волнением писало о прозе Феликса Пиа как о настоящем хлебе насущном, что некоторые лондонские революционеры, включая даже самого Мадзини, вступили с ними в переписку. Эта предательская игра велась три года; она продолжалась бы и до сих пор, если бы не была прервана внезапным ударом, нанесенным г. Ниголевским.

«Красноречивый познанский оратор предъявил в оригинале 24 письма, написанных г. Постом, продиктованных г. Береншпрунгом и внушенных г. Путткаммером. Первое письмо помечено 19 августа 1858 г., а последнее — апрелем 1860 года. Никто, даже сам министр внутренних дел г. фон-Шверин, не решился опровергнуть подлинность этих документов. Мы имеем перевод этих документов, сделанный присяжным переводчиком. Эти докукаывают, что прусская полиция подговаривала лондонский комитет прислать зажигательные прокламации в великое герцогство Познанское, что она оплатила издержки по печатанию их в Лондоне и устроила раздачу их подозрительным лицам, с тем, чтобы впоследствии арестовать их и чтобы полиция могла показать свое усердие за счет нескольких подданных короля Пруссии; что Путткаммер, Береншпрунг и их сообщники, при помощи просьб и обещаний, убедили лондонский комитет прислать эмиссара по фамилии Рьюитт, которого они (полиция) снабдили паспортом, дали ему возможность свободно разрезжать, чтобы он скомпрометировал как можно больше народа, а затем он был арестован и приговорен к двум годам тюремного заключения. После этого славного подвига г. фон-Береншпрунг, восстановитель им же нарушенного порядка, выставил свою кандидатуру в парламент, но был забаллотирован. Он все же продолжал переписываться с Мадзини и лондонским комитетом, уверяя их в том, что Рьюитт был предан польскими дворянами (письмо от 5 июля 1859 г.) и что многие дворяне служат в полиции (письмо от 19 июля 1859 года).

«Эти чиновники в своих письмах лондонскому комитету выставляют в самом черном свете дворянство и духовенство, включая князя Чарторыйского. Они говорят про конфискацию дворянских имений и про раздел их в интересах народа. 27 марта 1859 г. они узнают о том, что французский император намерен великодушно выступить в пользу независимости Италии. Они пишут лондонскому комитету о предотвращении этого. Они умоляют Мадзини побудить страну к восстанию, прежде чем туда явится французская армия. Они умоляют его поднять красный флаг, прежде чем Наполеон сумеет вмешаться в итальянские дела. 21 мая они благодарят лондонский комитет за присылку «расписки по изготовлению бомб Орсини». Не надо быть ясновидцем, чтобы догадаться, с какой целью они получили расписку. Мы знаем, что эти господа служили

в полиции, поэтому они не могли быть заговорщиками; у них, очевидно, были чистые намерения. Они, несомненно, намеревались предупредить императора об угрожающей ему опасности и поэтому они добавили к письму следующий постскрипtum: «До каких пор французские демократы будут откладывать вторичное покушение на Наполеона?» После Виллафранки можно было предполагать, что всякий немец радуется тому, что Венеция сохранена за Австрией; однако они писали Мадзини: «Революция вспыхнет в Италии, Венгрии, Германии, Пруссии, быть может во Франции и даже в Польше. Глаза всего мира устремлены на измену Наполеона, и все угнетенные нации рады избавиться от него». Далее, эти агенты прусской полиции пишут: «Что происходит во Франции? Неужели не появится второй Орсини? Неужели республиканцы ничего не хотят сделать для свержения тирана?» (20 августа 1859 года).

«Мы не хотим переоценивать значения этих неосторожных действий. Полиция оказалась более неловкой, чем виновной, ибо не проявила достаточного такта, не скрыла наиболее секретных бумаг от взоров честных людей. Но прусскому правительству следовало бы увести свою полицию с этих окольных путей; никогда не следует толкать людей на преступление, даже чтобы разузнать их подноготную.

«Всем известно, что если бы преступный замысел Орсини удался, он умертвил бы будущего освободителя Италии и принес бы своей стране больше вреда, чем пользы. Можем добавить, что если бы эти прусские полицейские, без всякого злого умысла, лишь в силу нелепого усердия, раздобыли другого Орсини, они лишили бы Пруссию полезного союзника, который все еще готов оказать ей услуги, при том условии, что она сама себе поможет!»

Корреспонденция К. Маркса.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5986 от 30 июня 1860 г.

Без подписи.

ИНТЕРЕСНЫЕ ВЕСТИ ИЗ ПРУССИИ.

Берлин, 13 июня 1860 г.

Сегодня вечером принц-регент выезжает в Баден-Баден, где 16-го и 17-го сего месяца имеет быть нечто вроде конференции между Луи-Наполеоном и советом коронованных особ Германии. В свиту принца-регента войдут: начальник военного кабинета генерал фон-Мантейфель, генерал фон-Альвенслебен, подполковник фон-Шимельман, эскадронный командир фон-Лоэ, гоф-маршал граф фон-Пюклер, тайный советник фон-Иллер, секретарь регента г. Боркман, и князь фон-Гогенцоллерн-Зигмаринген, глава кабинета и член королевской фамилии. Читатель вспомнит, что в связи с частным письмом принца-регента английскому принцу-супругу, перехваченным в Лондоне и сообщенным оттуда Луи Бонапарту, последний настаивал на личном свидании с принцем-регентом, считая такое свидание наилучшим способом выяснить недоразумение, возникшее, повидимому, между Францией и Пруссией. Вскоре затем, при посещении принцем-регентом Саарбрюкена и Трира, пограничных с Францией городов, Луи-Наполеон снова дал понять, что он не прочь воспользоваться этим случаем для встречи с принцем. Однако это предложение было отклонено. Тем временем распространился слух, что принц-регент будто бы собирается пробыть около месяца в Баден-Бадене; тогда королю баварскому Максу пришло в голову предложить регенту устроить на водах нечто вроде конференции с южно-германскими князьями, стремящимися к дружественному соглашению с Пруссией, и своим съездом как бы продемонстрировать единый фронт против Франции. Принц-регент сразу же ухватился за этот проект, принятый также великим герцогом баденским, королем вюртембергским и великим герцогом гессен-дармштадтским, и в одно прекрасное утро французский посол в Берлине официально сообщил прусскому министру иностранных дел г. фон-Шлейницу, что его августейший господин, в целях рассеяния недоверия, невинным объектом которого, повидимому, является Франция, полагает, что дружеское свидание в Баден-Бадене с нынешним главой прусского

государства явилось бы великим благом для обеих стран. Прусский министр ответил, что и Пруссия является жертвой несправедливых подозрений, которые, однако, едва ли можно рассеять подобным свиданием, и что, кроме того, негласная конференция германских князей уже созвана в Баден-Бадене. Тогда, еще раз запросив Париж, французский посол ответил, что Луи-Наполеон был бы в высшей степени рад предстать перед возможно большим числом германских князей и что, кроме того, он имеет сделать лично некое важное, не терпящее дальнейшего отлагательства сообщение. Тут сопротивление Гогенцоллерна было сломлено. Немедленно в Берлине была получена из Вены депеша с выражением неудовольствия Австрии по поводу предстоящего свидания, но прочие германские дворы были более или менее улажены циркулярной нотой прусского министра иностранных дел. В результате этой ноты король Ганновера сегодня утром неожиданно прибыл в Берлин и сам изъявил готовность сопровождать принца-регента в Баден-Баден, и тогда принц по телеграфу вызвал на конференцию также короля Саксонии. Едва ли нужно прибавлять, что герцоги кобург-готский и нассауский тоже последуют за прочими.

Таким образом, собрание германских князей, задуманное первоначально как демонстрация против Франции, превратилось в нечто вроде утреннего приема, устроенного Луи Бонапартом на германской почве, в присутствии толпы королей, великих герцогов и прочих мелких властителей Германского союза. Дело принимает такой оборот, словно принц-регент приносит свое раскаяние в грехе, в который он впал, выразив подозрения насчет агрессивных планов французского узурпатора, а мелкая княжеская сошка собирается принять меры, дабы их старший собрат не продал их общему врагу. Пример такого унижения коронованных особ перед Квазимодо французской революции был, как известно, подан королевой Викторией и сардинским королем. Личное свидание царя с героем декабря в Штутгарте в 1857 г. показалось удивительным только политикам из завсегдатаев кофеен, которые дали ввести себя в обман показным заигрыванием петербургского двора с легитимистами. Свидание Габсбурга в Виллафранке с победителем после сражения при Сольферино было сделкой, а не актом вежливости. Принцу-регенту, вместе с его группой из малых звезд, не приходится ни просить о союзе подобно Виктории и Виктору-Эммануилу, ни устраивать заговора подобно Александру II, ни заглаживать свое поражение подобно Францу-Иосифу; однако, оставляя в стороне мотивы, принц-регент может сослаться на общий прецедент, установленный особами

выше его калибром. Во всяком случае, приняв предложение Луи Бонапарта, он серьезно повредил своей поддельной популярности, тем более, что всего лишь несколько недель перед тем Бонапарт имел наглость депешей своего министра иностранных дел г. де-Тувенеля намереть великим герцогам Гессен-Дармштадта и Бадена, что впредь они должны подписывать свои письма французскому императору словами: «Votre frère et serviteur» [Ваш брат и покорный слуга]. Такова действительно была формула, придуманная Наполеоном I для германских князей, входивших в состав Рейнского союза, покровителем которого он был и к которому принадлежат Баден и Гессен-Дармштадт, равно как Вюртемберг, Бавария и другие германские княжества. Чтобы не позволить Луи Бонапарту заставить глубоко оскорбленных монархов Бадена и Гессен-Дармштадта принять в свое общество г. де-Тувенеля, принц-регент и его коронованные компаньоны по общему согласию не включили в свою свиту своих министров иностранных дел; неужели эти господа и впрямь воображают, что оскорбление было нанесено им слугой, а не хозяином?

Что касается «важного сообщения», которое голландский спаситель общества собирается сделать коронованным главам Германии, то с полным основанием можно предполагать, что, подражая приемам Меттерниха на конгрессах в Вене, Аахене, Троппау, Лайбахе и Вероне, Луи-Наполеон сделает все от него зависящее, дабы убедить принца-регента в существовании обширного заговора революционеров, напрягающих всю свою энергию к тому, чтобы вызвать конфликт между Францией и Пруссией с целью установить господство Красной республики в Париже и Центральной республики в Германии. Все бонапартистские органы печати в Швейцарии, Бельгии и Германии вот уже две недели полны статей, содержащих такого рода мрачные намеки, а доверенный агент Бонапарта в Женеве — всем известный немецкий естествоиспытатель¹ — уже с торжеством возвестил, что яростные антибонапартистские выпады германской прессы будут в самом скором времени пресечены соответствующими властями.

Меж тем как принцу-регенту и его германским *dii minorum gentium* [богам второго разряда] предстоит, таким образом, убедиться в необходимости сомкнуться вокруг главного спасителя общества, новый памфлет Абу «Император Наполеон III и Пруссия» должен обработать в противоположном смысле прусский народ. Хотя

¹ Имеется в виду Карл Фогт, см. именной указатель. *Ред.*

до сих пор этот памфлет был задержан, несколько случайных экземпляров попало в Берлин, и в другом своем письме я уже сообщал вам самые замечательные места из этого новейшего тюильрийского манифеста. Прусский народ, — говорит оракул с берегов Сены, — должен выбирать между феодализмом Австрии и демократическим принципом Французской империи. Лишь с помощью последнего германский народ, — конечно, при условии предоставления его могущественному соседу некоторых материальных гарантий, — может надеяться осуществить единство, которого он столь сильно жаждет. Весьма поверхностно охарактеризовав недостатки нынешнего прусского правительства, автор памфлета принимается просвещать пруссаков насчет истинной природы «демократического принципа», столь характерного для второй французской империи; говоря кратко, этот принцип состоит в избрании ее главы «всеобщим голосованием», как принято это называть в современной Галлии. Правда, — и г. Абу едва ли посмеет это отрицать, — во Франции все виды свободы конфискованы в пользу голландского авантюриста, но ведь эта конфискация основывалась на всеобщем голосовании. Вот каким путем с помощью Франции и на той же самой демократической основе в Германии должна быть воздвигнута Тевтонская империя под властью Гогенцоллерна. Вся операция весьма проста. Пруссия должна лишь уступить Франции часть своих «законных» владений и в то же время, в форме апелляции ко всеобщему голосованию, вторгнуться во владения меньших князей; таким образом, из феодального государства она сразу превратится в демократическое. Следует признать, что этот новый «демократический принцип», открытый Луи Бонапартом и его сикофантами, отнюдь не представляет какое-либо новшество; напротив, в течение приблизительно двух столетий он процветал на святой Руси. Дом Романовых был посажен на престол всеобщим голосованием. С того времени демократия господствует от Немана и до Амура. Быть может, пророки нового «демократического принципа» возразят, что Романовы были избраны свободно, что апелляции к народу не предшествовал никакой *coup d'état* [государственный переворот] и что по их восшествии на престол общее осадное положение не держало избирательные урны в надлежащих границах демократического принципа. Во всяком случае, поскольку Луи Бонапарт не в состоянии сделаться «законным» государем, ему не остается ничего иного, как превратить своих братьев — государей Италии и Германии — в «демократических» монархов по образцу позднейшей Римской империи. Разумеется, римские императоры не были подлинными «демократическими» государями, ибо современный

прогресс требует, чтобы к принципу «всеобщего голосования» был привит принцип наследственной монархии, так что если какому-либо молодцу когда-нибудь так или иначе удалось узурпировать трон и обставить эту узурпацию комедией выборов, то предполагается, что его династия должна навсегда остаться живым воплощением всеобщей воли народа (*volonté générale* — Руссо).

В другом письме я предполагаю дать обзор нынешней стадии шлезвиг-гольштейнских осложнений¹, сообщающих конференции в Баден-Бадене ее настоящее значение. Сегодня я ограничусь упоминанием о том, что 10 июня в замке Кронбург состоялось свидание между шведским и датским королями. За две недели до этого свидания шведский министр иностранных дел отправил датскому министру иностранных дел ноту в том смысле, что было бы весьма желательно, чтобы в свите датского короля не оказалось лиц, встреча с которыми была бы неудобна для его шведского величества. Другими словами, датскому королю было предложено удалить из своей компании свою жену графиню Даннер, ранее мадемуазель Рамуссен. А потому датский король нашел уместным оставить свою девицу дома.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5986 от 30 июня 1860 г.

Без подписи.

---

¹ Этой статьи Маркса в «Tribune» не оказалось. *Ред.*

АНГЛИЙСКОЕ ВОЛОНТЕРСКОЕ ВОЙСКО.

Происходивший несколько недель тому назад в Лондоне большой смотр волонтеров привлек внимание к гражданской армии Великобритании. Волонтеров не следует смешивать с милицией, которая является отдельным видом королевских войск. На 1 апреля милиция, согласно правительственной статистике, насчитывала 50 000 человек. Из них было собрано 23 735, именно: в Англии 13 580, Ирландии 7 471 и Шотландии 2 684. Милиция представляет низшие классы, волонтеры — буржуазию. Утверждение лондонского «Times», что в рядах выступавших 22 июня на смотре войск «были представлены все классы», является лишь стремлением придать делу народную окраску. Не больше как три месяца тому назад делегация почтенных механиков явилась к властям с целью получить оружие «для защиты своей родины» в случае вторжения. На их заявление было отвечено отказом. Единственные рабочие, допущенные в волонтерские части, это — те, снаряжение и расходы которых берут на себя их предприниматели и служба которых, естественно, должна проходить под командой тех же предпринимателей.

Общая численность английского волонтерского войска, хотя во многих последних статистических таблицах приводятся более крупные цифры, достигает приблизительно 90 000. Правда, полковник Мак-Мердо на обеде, данном им недавно Сент-Джорджской стрелковой части, заявил, что в волонтеры записалось 124 000 человек. Но когда его заставили говорить о деталях, он включил в свой расчет половину милиции. Газеты считают полки по их номинальной численности в 800 или 1 000 человек, когда в действительности на параде немногие в состоянии выставить более 500 или 600. Г-н Сидней Герберт, положение которого в главном штабе делает его авторитетом в данном вопросе, за день или за два до великого смотра в Лондоне констатировал в парламенте, что «на бумаге войско достигло значительных цифр, на которые, однако, нельзя полагаться и которые никогда не отвечают фактическому количеству людей (at roll-call)». Речь, в которой содержится эта выдержка, появилась в том же номере «Times», в котором повествуется о «великолепном успехе»

национального смотра волонтеров. Равным образом и самый парад в Гайд-парке дает яркую иллюстрацию той преувеличенной манеры, с какой лондонская пресса говорит о таких вещах. «Times» 20-го предупреждал, что «перед ее величеством явятся не менее 35 000 человек». Том Тэйлор в корреспонденции в «Manchester Guardian» из Лондона от 21-го пишет, что в столице было свыше 46 000 волонтеров. На самом же деле, согласно данным полковника Мак-Мердо, который едва ли склонен недооценивать их, общее число прошедших перед королевой солдат было 18 300. Конечно, это не слишком громадная армия, чтобы по поводу ее приходиться в крайнее ликование. В октябре 1803 г. на смотре выступало около 13 000 природных лондонцев, одетых в волонтерскую форму, и, чтобы сравнить военную доблесть британцев тех дней с доблестью настоящего времени, мы присоединим короткий отчет о волонтерской армии по январским спискам 1804 г.:

Всего действительных рядовых	341 687
Полевых офицеров	1 246
Капитанов	4 472
Младших офицеров	9 918
Штаб-офицеров	1 100
Сержантов	14 787
Барабанщиков	6 733
<u>О б щ и й и т о г . . . . .</u>	<u>379 943</u>

Даже 124 000, до которых Англия надеется поднять свою современную волонтерскую армию, не выглядели бы внушительно рядом с этой таблицей. Если взять одного человека из десяти годных к военной службе из всего теперешнего мужского населения Великобритании, то это дало бы около 500 000 человек. Не ясно ли из этих фактов, что англичане менее желают теперь братья за оружие на защиту своей родины, чем когда-либо прежде. Согласно осторожной статистике автора из «The Army and Navy Gazette» мы находим, что всего военных сил в Англии — милиции и волонтеров вместе — 138 560 человек; из них милиции 50 160 и волонтеров 88 400. Из этого количества, утверждает автор из «Gazette», по крайней мере 20 000 по разным причинам оказываются негодными в случае нужды, так что общая сумма английской милиции и волонтеров получается в 118 560 человек.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5994 от 11 июля 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

Только что вышедшие в Лондоне отчеты министерства торговли за первые пять месяцев по 31 мая 1860 г. дают лишь весьма незначительные перемены в движении британского экспорта сравнительно с экспортом за первые пять месяцев 1859 года.

С 52 337 268 ф. ст., в какой-то сумме выражался экспорт в 1859 г., он поднялся до 52 783 535 в 1860 г., причем это небольшое повышение вызвано всецело усилением экспорта в истекшем мае.

Первая черта, поражающая нас при сравнении соответствующих цифр экспорта за первые пять месяцев 1860 г. и 1859 г., это — значительное сокращение британского вывоза в Ост-Индию, как видно из следующих цифр:

ВАЖНЕЙШИЕ БРИТАНСКИЕ ТОВАРЫ, ВЫВЕЗЕННЫЕ В ОСТ-ИНДИЮ В ПЕРВЫЕ ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ПО 31 МАЯ.

	Количество		Ценность	
	1859 г.	1860 г.	1859 г. Ф. ст.	1860 г. Ф. ст.
Пиво и эль (в бочках)	168 355	166 461	507 308	491 609
Бумажные ткани (в ярдах)	396 022 733	341 163 765	4 887 982	3 977 289
» пряжа (в фунт.)	17 411 542	15 044 812	1 002 439	903 516
Железо (полосовое, болты, прутья) в тоннах	16 851	12 194	127 678	90 954
Чугун в тоннах	12 138	4 108	132 946	42 912
Сварочное железо в тоннах.	11 823	10 554	188 126	155 659
Листовое железо и гвозди	35 582	79 117	169 072	437 170
Глиняные изделия и фарфор	—	—	34 530	24 039
Галантерея и модные товары.	—	—	83 832	42 126
Кожаные товары, шорные изделия	—	—	16 788	15 600
Машины паровые	—	—	70 081	100 846
Прочие товары	—	—	165 899	196 928
Жест в листах	—	—	19 127	6 441
Итого			7 405 808	6 529 089
Сокращение экспорта				976 719

Из приведенной здесь таблицы явствует, что общее сокращение главных статей экспорта в Ост-Индию выражается в сумме

приблизительно в миллион фунтов стерлингов, что всего сильнее сокращение сказалось на основных статьях (бумажные ткани и пряжа) и что единственное исключение представляют материалы, непосредственно связанные с постройкой железных дорог. Сверх того, необходимо иметь в виду, что полученные с последней континентальной почтой данные о торговле в высшей степени неблагоприятны и указывают на переполнение рынка и что, следовательно, ценность экспорта, объявленная в Англии и определенная на основании цен, значительно превышающих средний уровень, ни в коем случае не будет реализована в Индии. Теперь не может быть сомнения, что индийская торговля была вздута. Искусственный спрос, созданный правительством во время индийского восстания, стимулирование торговой деятельности успокоением революционных волнений и сжатие большинства прочих мировых рынков в результате общего кризиса 1857—1858 гг., — все эти обстоятельства содействовали развитию объема индийской торговли сверх пределов ее естественных возможностей. Однако, согласно всему опыту прошлого, новоявленное процветание рынка могло бы в течение еще ряда лет выдержать бомбардировку хлопчатобумажными товарами, если бы не мудрое вмешательство британского правительства. Г-н Вильсон, кажется, был нарочито командирован в Калькутту для того, чтобы расстроить англо-индийскую торговлю посредством комбинированного действия неловких фискальных мероприятий внутри страны и обременительных таможенных пошлин, взимаемых с заграничного ввоза. Было ли видано во всей истории торговли подобное зрелище, когда Соединенное королевство допускает, чтобы его важнейший колониальный рынок был искалечен благодаря произвольным мероприятиям его же собственного правительства, которое в то же время угодничает перед французским императором и мирится с его политическими захватами под предлогом воображаемого понижения французских таможенных пошлин?

Вывоз на австралийский рынок, хотя и показывает некоторое сокращение в части бумажных тканей, в общем дает повышение в смысле как количества, так и общей ценности. Однако, чтобы получить правильную оценку нынешнего состояния рынков в австралийских колониях, мы должны от отчетов министерства торговли обратиться к последней полученной здесь информации. Сведения из Аделаиды на 26 апреля выражают тревогу по поводу непрекращающегося чрезмерного количества грузов из Англии, по поводу все растущей спекуляции, мошенничества и чрезмерных закупок (*overtrading*). Указывают на неизбежность краха целого ряда неплатеже-

способных фирм. В Сиднее, в Новом Южном Уэльсе, уже было несколько банкротств, в том числе банкротство девяти торговых домов с общей суммой обязательств на 400 000 ф. ст.; три четверти этой суммы, в конце концов, должны остаться непокрытыми, причем убыток ложится на банки и английских кредиторов. Из только что полученного списка банкротств в Австралии за последние 17 лет явствует, что количество их в 1858 г. втрое превышало количество 1857 г., в 1859 г. оно повысилось еще на 50%, а в нынешнем году, до середины апреля, их количество снова увеличилось на 7%. Все обязательства обанкротившихся фирм от 1822 г. по 1859 г. равнялись 5 981 026 ф. ст.; их актив, исчисленный в описи, достигал суммы в 3 735 613 ф. ст.; однако последнюю сумму не удалось реализовать и на 50%.

Значительное сокращение как в ценности, так большею частью и в количестве британских товаров, экспортированных в Соединенные Штаты, иллюстрируется следующими, взятыми на выдержку цифрами:

**ГЛАВНЫЕ СТАТЬИ ЭКСПОРТА В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ
ЗА ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ПО 1 МАЯ.**

	Количество		Ценность	
	1859 г.	1860 г.	1859 г. Ф. ст.	1860 г. Ф. ст.
Уголь в тоннах	68 020	106 925	67 785	66 196
Бумажные ткани в ярдах . . .	88 441 112	84 208 598	1 562 918	1 491 721
Полотняные ткани в ярдах . . .	25 476 444	20 974 699	776 780	643 676
Чугунные болванки в тоннах . .	37 510	27 497	106 476	62 919
Полосовое железо, болты, прутья в тоннах	48 063	37 824	394 426	293 294
Сварочное железо в тоннах . .	16 024	16 488	200 576	199 859
Листовое железо и гвозди в тон- нах	12 107	4 622	61 721	24 559
Растительное масло в галлонах .	795 808	511 602	95 154	57 230
Шелковые изделия	119 719	58 836	128 133	68 866
Шерстяные и полушерстяные ткани в ярдах	22 697 619	18 250 639	892 026	733 000
Глиняные и фарфоровые товары	—	—	234 492	281 532
Галантерея и модные товары . .	—	—	719 754	637 035
Жесть в листах	—	—	524 615	464 630

Несомненно, Франция является страной, которая могла бы возместить сокращение рынков Ост-Индии, австралийских колоний и Соединенных Штатов. Однако ближайшее рассмотрение показывает, что английская экспортная торговля с Францией попрежнему сохранила свои обычные незначительные размеры. Что касается бумажных

тканей и ниток, то г. Мильнер-Гибсон, министр торговли, видимо боясь выступить перед публикой с такими жалкими цифрами, счел нужным вовсе не включать их в отчет. То же относится к льняным тканям, льняной пряже и шелковым изделиям. Ценность экспорта в течение соответствующих периодов 1859 и 1860 гг. показывает его сокращение в текущем году: для крученого шелка с 130 260 ф. ст. до 88 441 ф. ст.; для шелковых ниток и пряжи с 50 520 ф. ст. до 29 643 ф. ст.; для машин с 98 551 ф. ст. до 64 107 ф. ст. и для угля с 253 008 ф. ст. до 206 317 ф. ст.; в то же время некоторое повышение наблюдается в вывозе железа, меди, леса, шерсти и камвольной пряжи.

Ввоз французских вин повысился, однако, не в большей пропорции, нежели ввоз всех прочих вин. В заключение мы можем заметить, что признаки депрессии на главных рынках, в соединении с тревожными перспективами урожая, большими требованиями, предъявленными к денежному рынку со стороны английского и прочих правительств и беспокойным политическим состоянием Европы, открывают далеко не радужные перспективы на осенний сезон 1860 года.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5998 от 16 июля 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Лондон, 10 июля 1860 г.

I.

Только что появившиеся «Отчеты фабричных инспекторов» заключают в себе всего три отчета; округ, находившийся недавно в ведении г. Леонарда Горнера, был присоединен отчасти к округу сэра Джона Кинкейда (Шотландия), отчасти к округу г. Редгрэва, включающему 3 075 фабрик и ситценабивных заведений; округ г. Роберта Бекера (Ирландия и некоторые части Англии) остается в своих прежних границах. Нижеследующие цифры являются общими итогами и показывают общее число несчастных случаев, о которых было доведено до сведения трех инспекторов в течение полугодия, заканчивающегося 30 апреля 1860 года.

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ, ВЫЗВАННЫЕ МАШИНАМИ.

Характер повреждения	Взрослые		Подростки		Дети		Всего		
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Всего
Смерть	14	3	7	2	2	2	23	7	30
Ампутация правой кисти или правой руки	5	6	3	1	1	—	9	7	16
Ампутация левой кисти или левой руки . .	4	1	7	3	1	—	12	4	16
Ампутация части правой кисти	23	24	29	22	15	7	67	53	120
Ампутация части левой кисти	16	17	21	18	8	7	45	42	87
Ампутация части ноги или ступни	5	—	1	—	—	—	6	—	6
Перелом частей и костей туловища	30	11	43	11	11	4	84	26	110
Перелом кисти или ступни	39	43	30	37	20	15	89	95	184
Ранения головы и лица	20	17	23	29	11	4	54	40	94
Царапины, контузии и другие ранения, не перечисленные выше . .	268	255	315	352	128	66	711	673	1 384
В с е г о	424	377	479	465	197	105	1 100	947	2 047

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ, НЕ ВЫЗВАННЫЕ МАШИНАМИ.

	Взрослые		Подростки		Дети		Всего		Всего
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Всего	83	30	59	26	21	10	163	66	229

Отчеты единогласно свидетельствуют о чрезвычайно напряженной промышленной деятельности за последние полгода. Спрос на труд в некоторых отраслях промышленности был настолько велик, что рабочих нехватало. Это затруднение меньше чувствовалось на шерстяных фабриках, где усовершенствованные машины давали возможность фабрикантам обходиться без ручного труда, чем на ситцевых и камвольных фабриках, где значительная часть машин бездействовала вследствие недостатка рабочих, в особенности подростков. Для того, чтобы справиться с этим временным недостатком рабочих рук, в прежнее время применялись некоторые весьма порочные способы. На первых порах развития фабричной системы в тех случаях, когда фабрикантам нехватало рабочих рук, за рабочими непосредственно обращались к надзирателям какого-нибудь далекого прихода, которые собирали известное число учеников, детей нежного возраста, и закрепляли их за фабрикантами на определенное число лет. Как только дети отдавались в выучку, должностные лица попечительств о бедных приносили своим приходам поздравления по поводу того, что они избавлялись от туенядцев, а фабрикант спешил извлечь наибольшую пользу из своей сделки, тратя на содержание учеников как можно меньше и выжимая из них весь тот труд, к которому они были способны. Поэтому первый из серии фабричных актов, проведенный в 1802 г., в 42-й год царствования Георга III, глава 73, получил следующее название: «Акт об охране здоровья и нравственности учеников и прочих лиц, занятых на хлопчатобумажных и прочих заведениях (mills) и на хлопчатобумажных и прочих фабриках (factories)». Закон этот имел своей целью лишь облегчение темных сторон, связанных с системой ученичества. Но по мере усовершенствования машин понадобился другой род труда, в связи с тем, что промышленность в это время все более и более оживлялась и население соседних местностей не могло снабжать фабрики полным количеством нужных им рабочих рук. Фабриканты посылали в Ирландию и привозили в Англию ирландские семьи, но Ирландия перестала быть рынком, откуда можно было добывать рабочих по требованию Англии, и поэтому фабрикантам приходится теперь обращаться к южным и западным графствам Англии и Уэльса и искать там семьи, которых существующая ныне в северных графствах высокая заработная плата могла бы соблазнить на то, чтобы начать новое поприще

в промышленности. По всей стране рассылаются агенты, описывающие выгоды переселения семейств в мануфактурные округа и снабженные полномочиями на переселение этих семейств на север. Как рассказывают, этим агентам удалось переправить уже много семей. Тем не менее, переселение в промышленный город рабочего с женой и всей семьей имеет то специфическое неудобство, что там больше всего ощущается нужда в наиболее молодых членах семьи, которых легко обучить и которые могут стать ценными работниками через довольно короткое время, между тем как на труд рабочего и его жены, не знакомых с фабричным трудом, спроса не имеется. Это побудило некоторых фабрикантов вернуться до известной степени к старой системе ученичества и заключить с опекунскими советами договоры о найме на определенный срок детей неимущих бедняков. В этих случаях фабрикант дает детям помещение, одевает и кормит их, но не платит им никакого регулярного жалованья. Когда система эта восстановилась, стали, по видимому, снова раздаваться жалобы на злоупотребления ею. Однако следует иметь в виду, что к такому труду прибегают лишь тогда, когда никаких других рабочих достать нельзя, ибо труд этот обходится дорого. Обычная заработная плата 13-летнего мальчика составляет около 4 шилл. в неделю, между тем за 4 шилл. на человека в неделю нельзя содержать, одевать, кормить, обеспечить медицинскую помощь и надлежащий надзор группе в 50 или 100 таких мальчиков, давая еще им вдобавок некоторое вознаграждение.

Сопоставление заработной платы, уплачивавшейся фабричным рабочим в 1839 г., и заработной платы, уплачивавшейся в 1859 г., обнаруживает чрезвычайно интересный факт, — именно, что уровень заработной платы, по крайней мере номинальной, повысился на тех фабриках, где рабочее время было ограничено 60 часами в неделю, между тем как за немногими исключениями в ситценабивных, белильных и красильных заведениях, в которых рабочее время детей, подростков и женщин не ограничено и в которых они иногда работают по 14 и 15 часов в день, заработная плата реально понизилась. Относительно хлопчатобумажной промышленности в Манчестере и его окрестностях имеются следующие данные:

НЕДЕЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

	1839 г.	1859 г.
Число рабочих часов в неделю	39	60
Род занятий	Шилл.	Шилл.
Рабочий при паровой машине	24	30
Мальчики на складах	7	8
Рабочие на складах	18	22

Род занятій:	1859 г.	1859 г.
	Шилл.	Шилл.
Трепальщицы чесального отделения (молодые женщины и девушки)	7	8
Носильщики (молодые рабочие)	11	14
Надсмотрщики	25	28
Рабочие при кардочесальных машинах (подростки от 14 до 18 лет)	6	7
Рабочие при ленточной машине (молодые женщины)	6 ш. 6 п.	8
Прядильное отделение — прядильщики на сельфакторе	16 — 18	20 — 22
Сдельные рабочие (женщины и молодые рабочие)	8	10
Надсмотрщики	20	20
Крутильное отделение — крутильщицы (женщины)	7	9
Катушечницы (девушки)	4	5
Надсмотрщики	24	28
Поденщики (молодые рабочие)	10	13

В отделениях мотовильном, газовом и механических станков также произошло незначительное повышение заработной платы. Таким образом, предсказания лиц, предостерегавших фабричных рабочих, что они серьезно пострадают от сокращения рабочего времени, были совершенно опровергнуты. Сравните, с другой стороны, движение заработной платы в тех отраслях, где рабочее время не ограничено законом.

СИТЦЕНАБИВНЫЕ, КРАСИЛЬНЫЕ И БЕЛИЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ — 60 ЧАСОВ В НЕДЕЛЮ.

	Недельная Заработная плата	
	1859 г. Шилл.	1859 г. Шилл.
Рабочий, смешивающий краски	35	32
Рабочий, работающий на печатном станке	40	38
Мастер	40	40
Гравировщик	35	25
Набойщик	40	28
Красильщик	18	16
Отмывальщик и чернорабочий	16 — 15	16 — 15

ЗАВЕДЕНИЯ ПО ОКРАШИВАНИЮ БУМАЗЕИ — 61 ЧАС В НЕДЕЛЮ.

	Шилл.	Шилл.
Аппретурщики	18	22
Белильщики	21	18
Красильщики	21	16
Рабочие по окончательной отделке ткани	21	22

Самая интересная часть отчетов г. Александра Редгрэва и сэра Джона Кинкейда касается развития и расширения кооперативных обществ для сооружения фабрик и работы на них в Ланкашире и до некоторой степени в Йоркшире. Эти кооперативные общества, которые чрезвычайно размножились после проведения закона об акционерных обществах с ограниченной ответственностью, обыкновенно состоят из рабочих (operatives). Каждое общество располагает капиталом в 10 000 ф. ст. и выше, разделенным на акции в 5 и 10 ф. ст.; оно имеет право занимать средства в известной пропорции к подписанному капиталу, причем эти заемные средства состояются из мелких займов у рабочих и тому подобных лиц. В Бери, например, для того, чтобы пустить в ход построенные и строящиеся кооперативные фабрики, потребуется более 300 000 ф. стерлингов. В хлопчатобумажных прядильных заведениях прядильщики и другие работающие в этих заведениях лица нередко являются пайщиками этих же предприятий, причем они получают заработную плату и процент на свои пай. В хлопчатобумажных ткацких заведениях участники общества часто нанимают ткацкие станки и работают на них. Это кажется привлекательным для рабочих, так как для пуска предприятий в ход большого капитала не требуется. Они покупают готовую пряжу для ткацкого станка, ткнут материю, и фабричная операция на этом заканчивается; кроме того, они берут пряжу от фабриканта, ведущего с ними дела, и возвращают ему готовые изделия. Но кооперативная система не ограничивается прядением и тканьем хлопка. Она распространилась и на торговлю многими продуктами непосредственного потребления, как, например, мучные лавки, лавки колониальных товаров, суконные магазины и т. д.

Нижеследующий отчет, составленный г. Патриком, одним из помощников инспектора при сэре Джоне Кинкейде, содержит некоторые ценные данные относительно развития этой новой системы владения фабриками, которая, как я опасаясь, подвергнется жестокому испытанию при ближайшем промышленном кризисе.

«16 мая 1860 г.

«Вот уже около 12 лет в Рочдале существует кооперативное общество под названием «Новая коммерческая компания Бекупа и Уордла». Она зарегистрирована согласно закону об акционерных компаниях и считается компанией с неограниченной ответственностью. Она начала свои операции на фабрике Клаф-Гауз, в Уордле, около Рочдала, с правом собрать капитал в 100 000 ф. ст. акциями в 12 ф. ст. 10 шиллингов. Из этой суммы внесено было 20 000 ф. стерлингов. Затем собранная сумма достигла 30 000 ф. ст., и около 5 лет тому назад кооперативное общество в дополнение к фабрике Клаф-Гауз построило около Стенстеда большую фабрику Фар-Гольм в 100 лошадиных сил; за полугодие, закончившееся октябрём

прошлого года, компания уплатила 44 % на оплаченный капитал (от 11 июня г. Патрик сообщает, что «Новая коммерческая компания Бекупа и Уродля», под именем «Фар-Гольм-Милль, Бекуп», только что объявила о новой уплате дивиденда в 48 % на оплаченный капитал), а в настоящее время общество увеличило свой капитал до 60 000 ф. ст. и значительно расширило расположенную около Стекстеда фабрику Фар-Гольм, для чего потребовались еще две машины по 40 лошадиных сил каждая, которые сейчас уже ставятся. Огромное большинство акционеров состоит из рабочих, которые работают на фабрике, но получают заработную плату как рабочие и свое участие в управлении фабрикой проявляют лишь в том, что участвуют в ежегодном избрании комитета по управлению фабрикой. Сегодня утром я посетил фабрику Фар-Гольм и могу сообщить, что в смысле соблюдения фабричного закона она ведется столь же хорошо, как любая фабрика моего округа. Хотя я и не спрашивал об этом, я полагаю, что общество заняло деньги из 5 %.

«В окрестностях Бекупа существовало в течение шести лет и другое общество, работающее под фирмой «Россендельская промышленная ассоциация».

«Общество это построило фабрику, но, как мне рассказывали, не особенно процветало, так как у него не имелось достаточно средств. Оно также было организовано по кооперативной системе. В настоящее время фирма переименована в «Россендельскую промышленную компанию» и зарегистрирована согласно закону об акционерных обществах с ограниченной ответственностью, с правом собрать капитал в 200 000 ф. стерлингов. 40 000 ф. ст. было собрано акциями по 10 ф. ст., и было занято около 4 000. Эти 4 000 ф. ст. были заняты у мелких капиталистов суммами от 150 до 10 ф. ст., причем займы не обеспечивались никакими ипотеками. Когда эта кооперативная компания только что начала действовать, каждый акционер был рабочим. В добавление к фабрике Уэр, построенной, как сообщают, «Россендельской промышленной ассоциацией», компания купила в настоящее время принадлежащую гг. Б Мум и братья фабрику Ирвелль-Милль в Бекупе и работает на обеих этих фабриках

«Процветание и успех «Новой коммерческой компании Бекупа и Уордля», повидимому, подали повод к образованию новых компаний, образующихся ныне в ближайшем соседстве от меня и имеющих в виду устройство больших фабрик для ведения дела. Одна из этих фабрик — «Прядильная и ткацкая компания Нью-Черч» — зарегистрирована согласно закону об акционерных компаниях с ограниченной ответственностью и имеет право собрать капитал в 100 000 ф. ст. акциями по 10 ф. стерлингов. Из этой суммы 40 000 ф. ст. уже внесено, и компания заняла еще 5 000 под ипотеку из 5 %. Эта компания уже приступила к деятельности, приобрела неработающую фабрику в 40 лошадиных сил — «Вель-Милль» в Нью-Черч и строит ныне фабрику «Виктория», для которой потребуется машина в 100 лошадиных сил. По окончании работ, которые, как ожидают, будут закончены в феврале будущего года, — компания рассчитывает взять на службу 450 человек.

«Другой подобной компанией является «Ревенстольская мануфактурная хлопчатобумажная компания», тоже с ограниченной ответственностью, с номинальным капиталом в 50 000 ф. ст., акциями по 5 ф. ст., с правом производить займы в размере до 10 000 ф. стерлингов. Около 20 000 ф. ст. уже внесено. В настоящее время в Гергольме строят фабрику, где будет поставлена машина в 70 лошадиных сил. Как мне рассказывали, в обеих этих компаниях девять десятых акционеров принадлежат к рабочему классу.

«Имеется еще другая кооперативная компания, возникшая за последние шесть месяцев, — «Старая хлопчатобумажная компания Клаф», купленная у гг. Б. и Т. Мума. Это две старых фабрики под названием «Ирвелль Спрингс». Они ведутся по тем же принципам, как и прочие, но так как я не успел побывать там сегодня, то я не могу сообщить всех подробностей относительно них. Однако мне говорили, что там действует машина в 13 лошадиных сил, а число занятых рабочих составляет 76. Насколько мне известно, все акционеры принадлежат к рабочему классу.

«Бывает и так, что несколько человек берет часть фабричного помещения, одну или две комнаты, в зависимости от обстоятельств, и в некоторых случаях даже только часть комнаты. Тем не менее, наниматели считаются хозяевами этой части, хотя они работают вместе со своими рабочими, и подобно всякому другому предпринимателю нанимают своих рабочих и уплачивают им заработную плату, причем занятые у них рабочие ничем не заинтересованы в предприятии. Раньше в Бекупе таких предприятий было гораздо больше, чем сейчас. Некоторые бросили совсем это дело, а другие, имевшие большой успех, либо купили собственные фабрики, либо взяли в наем большие помещения. В Рочдэле таких предприятий имеется больше, чем в какой бы то ни было другой местности моего округа».

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 6016 от 6 августа 1860 г.*

Без подписи.

Лондон, 14 июля 1860 г.

После того как в своем последнем письме я дал краткое изложение фабричных отчетов сэра Джона Кинкейда и г. Редгрэва, мне остается еще упомянуть об отчете г. Роберта Бекера, фабричного инспектора Ирландии и части Чешира, Ланкашира, Глостершира, Йоркшира, Стаффордшира, Лейстершира, Герфордшира, Шропшира, Вустершира и Варвикшира. Общее число несчастных случаев, зарегистрированных в районе г. Бекера, составляло 601, из которых на долю детей приходилось только 9%, а 33% падало на лиц, имевших более 18 лет от роду. Более близкое рассмотрение этих несчастных случаев показывает, во-первых, что соотношение несчастных случаев к общему числу населения больше всего в тех отраслях промышленности, где машины не подлежат контролю закона, и, во-вторых, что на текстильных фабриках, где употребляются одинаковые машины, большая часть несчастных случаев приходится на наиболее крупные заведения. Относительно 198 565 рабочих, принадлежащих к округу г. Бекера, этот последний приводит следующие цифры за последние полгода.

Число занятых лиц	Число несчастных случаев, вызванных машинами	
На хлопчатобумажных фабриках среди	107 106	1 на каждые 261 чел.
На шерстяных фабриках	14 982	1 » » 348 »
На льняных фабриках	33 918	1 » » 389 »
На шелковых фабриках	33 874	1 » » 2 251 »
На камвольных фабриках	2 896	1 » » 424 »
На прочих фабриках	5 789	Нет

На всех этих текстильных фабриках машины ограждаются, т. е. снабжаются такими приспособлениями для безопасности работающих на них рабочих, которые предписаны охранительными постановлениями фабричного закона. Если мы обратимся, например, к Ноттингему, где большое число лиц, в особенности детей, работает у машин, не снабженных предписанными законом охранительными приспособлениями, то мы найдем, что в 1859 г. в книги главного госпиталя было занесено 1 500 несчастных случаев, а в книги диспансера 794 несчастных случая; таким образом, общее число несчастных случаев составляло 2 294 при численности населения, не превышающей 62 583 человека. Следовательно, число несчастных случаев в Ноттингемском округе составляет 1 на каждые 27 человек, — про-

порция, по сравнению с которой число несчастных случаев на текстильных фабриках, подлежащих действию охранительного законодательства, кажется почти ничтожным. Далее, в Бирмингеме, где имеется множество различных предприятий, связанных и не связанных с применением механической силы, где есть только две небольших текстильных фабрики и где вообще не существует обязательных охранительных приспособлений для машин, у которых работают молодые рабочие, отношение числа несчастных случаев к числу населения составляло 1 : 34. Огромные положительные результаты, вытекающие из охранительных постановлений фабричного закона и более всеобщего их применения, становятся очевидными, если мы сравним общее число несчастных случаев, доведенное до сведения всех инспекторов за первые полугодия, кончающиеся 31 октября 1845 г. и 30 апреля 1846 г., с полугодиями, кончающимися октябрём и апрелем 1858 и 1859 годов. За этот последний период общее уменьшение числа несчастных случаев составляло 29%, хотя число рабочих возросло по минимальным подсчетам на 20%.

Что касается распределения несчастных случаев между крупными и мелкими заведениями, то, по моему мнению, окончательный ответ дают следующие факты, сообщенные г. Бекером. За последнее полугодие из 758 хлопчатобумажных фабрик его округа, на которых работают 107 000 человек, все имевшие место несчастные случаи произошли на 167 фабриках, на которых работало около 40 000 человек. Таким образом, на 591 фабрике, где работали 67 000 человек, ни одного несчастного случая не произошло. Равным образом, из 387 мелких заведений все несчастные случаи произошли на 28 заведениях; из 153 льняных фабрик все несчастные случаи произошли на 45 фабриках, а из 774 шелковых фабрик все несчастные случаи произошли на 14 фабриках. Таким образом, в каждой отрасли промышленности на большом числе фабрик не происходило никаких несчастных случаев, связанных с машинами, и во всех отраслях промышленности большинство несчастных случаев происходило на наиболее крупных фабриках. Это последнее явление г. Бекер пытается объяснить двумя причинами: во-первых, тем, что на наиболее крупных фабриках переход от старых машин, не снабженных охранительными приспособлениями, к новым происходит сравнительно очень медленно и постепенно и, во-вторых, тем, что на этих крупных предприятиях быстрота сосредоточения рабочих рук в одном месте увеличивается в той же степени, в какой ослабевает моральный контроль над такими предприятиями. «Обе эти причины, — говорит г. Бекер, — оказывают чрезвычайно определенное влияние на несчастные случаи.

На крупных фабриках, где сохраняется еще часть старых машин, не снабженных охранительными приспособлениями, и где все еще остаются непокрытыми втягивающие части колес, механизмы эти оказываются гораздо более губительными, так как рабочие, имея дело с безопасными новыми машинами, забывают об опасностях старых машин, между тем как при работе на этих последних, приводимых в движение неизменной механической силой, иногда достигающей тысячи лошадиных сил, постоянная спешка и стремление сберечь каждую минуту неизбежно ставят людей в опасное положение. На таких фабриках мгновения являются элементами прибыли, и от каждого человека требуется, чтобы он ежесекундно напрягал все свое внимание. Выражаясь фразой Либиха, здесь можно наблюдать постоянную борьбу между жизнью и неорганическими силами, причем умственная энергия должна играть руководящую роль, а животная энергия должна сообразоваться в своих движениях с вращениями веретен. Рабочие не должны отставать, каково бы ни было напряжение, вызываемое чрезмерным возбуждением или чрезмерной жарой; ни на одну секунду нельзя прекращать работу, перенося свое внимание на различные происходящие кругом движения, ибо каждое промедление равнозначно потере. Поэтому, когда внимание рабочего направляется не туда, куда нужно, он кладет пальцы на колеса, которые он считает безопасными, — потому ли, что они занимают известное положение, потому ли, что они медленно двигаются. Спеша произвести определенное количество фунтов пряжи в определенное время, рабочие таким образом забывают глядеть под свои машины и следить за маленькими частями этих последних. Поэтому многие несчастные случаи происходят от так называемой небрежности».

За последнее полугодие все текстильные предприятия, за исключением шелковых фабрик, находились в чрезвычайно хорошем положении как в Ирландии, так и в английских округах, подведомственных г. Бекеру. Единственное препятствие, которое, повидимому, удерживало отдельные отрасли промышленности в определенных границах, заключалось в растущем недостатке сырья. В хлопчатобумажной промышленности никогда еще не наблюдалось такого строительства новых фабрик, таких новых систем расширения производства и такого спроса на рабочие руки. Самым замечательным явлением были новые попытки получения сырья. Так, в Бельфасте была основана ассоциация по снабжению льном, взявшая за образец ланкаширскую ассоциацию по снабжению хлопком. Между тем как за пятилетие, кончающееся 1853 г., средний ввоз льна плюс льняной урожаем Ирландии составляли 113 409 тонн в год, за по-

следнее пятилетие, кончающееся 1858 г., соответствующая цифра составляла только 101 672 тонны, т. е. обнаружила уменьшение на 12 000 тонн в год, хотя ежегодная стоимость экспорта увеличилась на 1 миллион фунтов стерлингов. За период, которого касаются последние фабричные отчеты, цена шерсти, уже и без того стоявшая выше среднего уровня, непрерывно росла. Основными причинами этого роста цен на шерсть можно считать быстрое расширение шерстяных фабрик и увеличение спроса на баранину, наблюдающееся в Великобритании и в колониях. Случайной причиной, грозящей сократить размеры обычного шерстяного снабжения, следует считать особенные условия настоящего сезона, так как в течение зимы вследствие дурного или неподходящего питания пало много овец, а весной погибло много ягнят вследствие холода, недостатка питания и некоей болезни, от которой животные умирали в несколько часов.

Единственной отраслью промышленности, положение которой за последние шесть месяцев серьезно ухудшилось вследствие заключения англо-французского торгового договора и опасений иностранной конкуренции, является шелковая промышленность. Влияние этих обстоятельств сказывалось постепенно. В момент, когда я пишу это письмо, более 13 000 ткачей находятся без работы в одном только Ковентри, где остановились все станки. Кризис этот тем более заслуживает сожаления, что, как я указывал в письме по поводу фабричных отчетов 1859 г., в Ковентри образовывалось множество домашних шелковых фабрик, на которых работали рабочие вместе со своими семьями, лишь изредка пользуясь наемным трудом. С начала 1850 г. число таких фабрик значительно возросло. В сущности это является возвращением к прежней домашней промышленности (*domestic manufactures*), с той только разницей, что на них применяется паровая сила, причем, однако, они совершенно отличны от новой кооперативной системы Ланкашира и Йоркшира. В этих заведениях владельцем является хозяин дома, а ткач — арендатором механической силы; иногда этот последний в добавление к своей собственной семье использует еще труд посторонних рабочих. Свои два станка он постепенно выкупил в собственность или приобрел в кредит, платя за них еженедельно определенную сумму; иногда он нанимает их у хозяина дома, который является в то же время строителем и спекулянтom. Кроме того, он нанимает необходимую механическую силу. Говорят, что в настоящее время между работой, производимой на станке, принадлежащем ткачу, и работой, выполняемой на станках, принадлежащих фабрикантам, наблюдается почти такая же разница, как между французской лентой и таковой же английской. Тем

не менее можно опасаться, — г. Роберт Бекер в своем отчете, по-видимому, разделяет эти опасения, — что этот домашний труд, использующий механическую силу, не сможет справиться с коммерческими затруднениями. Возможно, что английский фабрикант для того, чтобы справиться со своим французским соперником, будет вынужден прибегнуть к использованию крупного капитала, а это неизбежно погубит домашние шелковые фабрики, конкурирующие с ним у самых его дверей.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6032 от 24 августа 1860 г.

Без подписи.

ИНТЕРЕСНЫЕ НОВОСТИ ИЗ СИЦИЛИИ.

ССОРА ГАРИБАЛЬДИ С ЛАФАРИНА. ПИСЬМО ГАРИБАЛЬДИ.

Лондон, 23 июля 1860 г.

Согласно телеграмме, полученной сегодня из Палермо, предстоящая атака полковника Медичи на Милаццо заставила неаполитанского короля издать приказ о полной эвакуации Сицилии неаполитанской армией и об отступлении этой последней в его континентальные владения. Хотя эта телеграмма еще нуждается в подтверждении, все же представляется бесспорным, что дело Гарибальди успешно подвигается вперед, несмотря на болезни, от которых страдали войска, и на дипломатические интриги, которые мучили его правительство.

Открытый разрыв Гарибальди с партией Кавура, проявившийся в изгнании из Сицилии известного интригана Лафарина и синьоров Гричелли и Тотти, корсиканцев по рождению и бонапартовских полицейских агентов по профессии, вызвал чрезвычайно противоречивые комментарии в европейской прессе. Частное письмо Гарибальди к одному из его лондонских друзей, которое было мне сообщено и основное содержание которого мне разрешили сообщить «Tribune», не оставляет никакого сомнения относительно настоящего положения дел. Письмо Гарибальди было написано еще до его декрета от 7-го числа настоящего месяца, согласно которому все три вышеупомянутых интригана были удалены с острова, но, тем не менее, оно вполне выясняет сущность споров между генералом и министром, между популярным диктатором и династическим великим визирем, иначе говоря, — между Гарибальди и Кавуром. Этот последний, заключив тайное соглашение с Луи Бонапартом, которого Гарибальди клеймит названием «cet homme faux» [«этот лживый человек»] и с которым, как он предвидит, «ему придется в один прекрасный день скрестить шпагу», — решил присоединить кусок за куском те части итальянской территории, которые может завоевать меч Гарибальди или которые смогут оторвать от прежних властителей народные восстания. Этот процесс присоединения к Пьемонту территории по частям должен был

сопровождаться в то же время другим процессом «компенсации» в пользу Второй империи. Подобно тому как за Ломбардию и герцогства пришлось заплатить Савойей и Ниццей, точно так же за Сицилию надо было заплатить Сардинией и Генуей; каждый новый акт частичного присоединения вызывает новую сепаратную дипломатическую сделку с покровителем Пьемонта. Вторичное расчленение Италии в интересах Франции, помимо того, что оно означало бы покушение на целостность и независимость Италии, сразу потушило бы патриотическое движение в Неаполе и Риме. Широко распространенное убеждение, что ради объединения под властью Пьемонта Италия должна все больше и больше уменьшаться, дало бы возможность Бонапарту сохранить в Неаполе и Риме отдельные правительства, номинально независимые, но фактически находящиеся в вассальной зависимости от Франции. Поэтому Гарибальди считал своей главной задачей устранение всякого повода для французского дипломатического вмешательства, но, как он понимал, этого можно было бы достигнуть лишь в том случае, если движение сохранит свой чисто народный характер и не будет стоять ни в какой связи с планами чисто династического расширения. Как только будут освобождены Сицилия, Неаполь и Рим, наступит момент и для включения их в королевство Виктора-Эммануила, если только этот последний возьмет на себя охрану и защиту их не только от Австрии, врага с фронта, но и от Франции, врага с тыла. Возлагая, быть может, слишком большие надежды на доброе расположение английского правительства и на затруднительное положение Луи Бонапарта, Гарибальди предполагает, что, до тех пор, пока он никакой территории не присоединяет к Пьемонту и осуществляет дело освобождения Италии исключительно с помощью итальянского оружия, Луи Бонапарт не посмеет вмешаться и открыто нарушить те принципы, прикрываясь которыми он начал итальянский крестовый поход. Как бы то ни было, достоверно одно, что план Гарибальди, независимо от того, увенчается ли он успехом или нет, является единственным планом, который при данных обстоятельствах может способствовать освобождению Италии не только от ее старых тиранов и внутренних распрей, но и от когтей нового французского протектората. Именно для того, чтобы расстроить этот план, Кавур и отправил в Сицилию Лафарина в сопровождении двух корсиканских братьев.

Лафарина — уроженец Сицилии, где он выделялся в 1848 г. среди революционеров не столько действительной энергией или замечательными подвигами, сколько своей ненавистью к республиканской партии и интригами в пользу пьемонтских доктринеров. После поражения

ния сицилийской революции он во время своего пребывания в Турине опубликовал объемистую историю Италии, где изо всех сил превозносил савойскую династию и клеветал на Мадзини. Преданный Кавуру душой и телом, он пропитал «Национальную ассоциацию в пользу итальянского единства» бонапартистским духом; став ее председателем, он пользовался ею не для того, чтобы содействовать, а для того, чтобы мешать всяким попыткам к независимому национальному выступлению. В полном соответствии со своей прошлой деятельностью Лафарина при первых же слухах о намеченной Гарибальди экспедиции в Сицилию осмеивал и поносил самую мысль о подобной экспедиции. Когда же, несмотря на это, были предприняты непосредственные шаги для подготовки отважного предприятия, Лафарина использовал все ресурсы «Национальной ассоциации» для того, чтобы помешать этому делу. Когда его оппозиция не смогла охладить мужества генерала и его солдат и когда, наконец, экспедиция уже двинулась в путь, Лафарина цинически издевался, предаваясь самым мрачным предсказаниям, беря на себя смелость предрекать немедленный и полный крах всей затеи. Но стоило только Гарибальди взять Палермо и объявить себя диктатором, как Лафарина поспешил присоединиться к нему, получив от Виктора-Эммануила или, вернее, от Кавура, полномочие принять управление островом от имени короля немедленно после того, как население выскажется за присоединение острова к Пьемонту. Будучи, как он сам говорит, вначале весьма любезно принят Гарибальди, несмотря на свою прошлую неприязнь, Лафарина тотчас же стал разыгрывать из себя хозяина, интриговать против министерства Криспи, устраивать заговоры с французскими полицейскими агентами, собирать вокруг себя либеральных аристократов, желающих закончить революцию голосованием о сепаратном присоединении острова к Пьемонту и, вместо того, чтобы предпринять необходимые шаги для изгнания неаполитанцев из Сицилии, стал строить планы вытеснения с общественных должностей сторонников Мадзини и других людей, на которых не мог бы положиться его хозяин Кавур.

Криспи, против министерства которого Лафарина в первую очередь направил свои интриги, долгое время был изгнанником в Лондоне, где он считался в числе друзей Мадзини и прилагал все усилия к делу освобождения Сицилии. Весной 1859 г. он, с большим риском, под валашским именем и с валашским паспортом, поехал в Сицилию, посетил все крупные сицилийские города и разработал план восстания, которое должно было начаться в октябре месяце. События, разыгравшиеся в ту осень, заставили отложить восстание сначала до

ноября, а затем до настоящего года. Тем временем Криспи обратился к Гарибальди, который отказался подымать восстание, но пообещал оказать ему помощь, после того как оно начнется и настолько окрепнет, что покажет, каковы настоящие чувства сицилийцев. Во время экспедиции Криспи вместе со своей женой — единственной женщиной в экспедиции — сопровождал Гарибальди и принимал участие во всех военных действиях, причем жена его руководила оказанием помощи больным и раненым. Именно этого-то человека синьор Лафарина и вознамерился в первую очередь выкинуть за борт, втайне надеясь, что вслед за этим ему удастся выкинуть и самого диктатора. Из уважения к Виктору-Эммануилу и под сильным давлением либеральных аристократов Гарибальди, хотя и заявил протест, все же согласился на образование нового министерства и на отставку Криспи, которого он, впрочем, оставил в качестве личного советника и друга. Но как только Гарибальди пошел на эту жертву, он увидел, что Лафарина настаивал на отставке министерства Криспи только для того, чтобы навязать ему кабинет, который являлся бы кабинетом Гарибальди только по имени, а в сущности представлял бы собою кабинет Лафарина или Кавура. Поощряемый Лафарина и полагаясь на покровительство Кавура, этот кабинет в самое короткое время свел бы на-нет весь его план освобождения и использовал бы все свое влияние в стране против ниццкого выскочки, каким прозвищем уже начали называть Гарибальди. В этот момент Гарибальди спас не только свое собственное дело, но и дело Сицилии и Италии: он издал декрет об изгнании Лафарина и обоих корсиканских братьев, принял отставку министерских ставленников Лафарина и назначил на их место патриотическое министерство, среди членов которого мы можем упомянуть синьора Марио.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6018 от 8 августа 1860 г.

Без подписи.

ОБОРОНА БРИТАНИИ.

План национальной обороны Англии, только что представленный парламенту, предлагает ограничить все издержки укреплением портов и некоторыми работами меньшего размера, достаточными лишь для защиты наиболее крупных гаваней страны от нападений небольших неприятельских эскадр, а также созданием сильных и обширных фортов в Дувре и Портленде с целью обеспечить укрытую стоянку для флотилий и отдельных судов. Вся сумма должна пойти на оборону периферии страны, у береговой линии, доступной нападению неприятельского флота; а так как невозможно оборонять все протяжение берега, то выбрали несколько важных пунктов, главным образом морские арсеналы и порты. Внутренняя часть страны представлена полностью собственным средствам.

Раз Англия признает, что ее деревянные стены уже не защищают ее более и что она должна прибегнуть к укреплениям как к средству национальной обороны, то, само собою разумеется, она прежде всего должна обеспечить от нападения свои морские арсеналы, колыбель ее флота. Никто не станет сомневаться, что Портсмут, Плимут, Пемброк, Ширнес и Вульвич (или любой другой пункт, выбранный вместо него) должны быть укреплены настолько сильно, чтобы быть в состоянии отразить любое нападение с моря и выдержать в течение определенного времени правильную осаду с суши. Однако совершенно нелепо называть меры для предупреждения такой опасности системой национальной обороны. В действительности, для того, чтобы поднять эту схему до соответствия этому названию, нам представляется необходимым сделать ее гораздо более сложной и дорогой, нежели то, что требуется для простой защиты морских портов.

Страны, которые, подобно Франции и Испании, могут подвергнуться вторжению через сухопутную границу в такой же степени, как и нападению флота и десантам на своем побережье, обязаны превращать свои морские склады в первоклассные крепости. Тулон, Картагена, Генуя, даже Шербург могут подвергнуться такому же комбинированному нападению, какое уничтожило арсеналы и портовые сооружения Севастополя. Они должны поэтому иметь очень

сильно укрепленный сухопутный фронт с отдельными фортами, которые не допускали бы бомбардировки портовых сооружений. Но это неприменимо по отношению к Англии. Предположим даже, что поражение ее флота на один момент поставило бы под вопрос морское господство Англии; даже и в этом случае вторгнувшаяся армия, высадившись на британском берегу, никогда не будет располагать свободой сообщений, и потому ей придется действовать быстро и решительно. Эта вторгнувшаяся армия не была бы в состоянии предпринять правильную осаду; но если бы даже это и случилось, ни один здравомыслящий человек не будет рассчитывать на то, что завоеватель станет спокойно сидеть перед Портсмутом и тратить свои средства в продолжительной осаде, вместо того, чтобы идти прямо на Лондон и добиваться решения в главном месте, пока его моральное и материальное превосходство находится на высоте. Если дело дойдет до того, что неприятель сможет безопасно высадить в Англии войска и артиллерию, достаточные для наступления на Лондон, и в то же самое время осадить Портсмут, Англия окажется на краю гибели, и никакие форты вокруг Портсмута не смогут ее спасти. Сказанное о Портсмуте относится и к другим морским арсеналам. Пусть морской фронт будет укреплен превосходно, но на сухопутном фронте окажется совершенно излишним все, что не входит в задачу удержать противника на достаточно далеком расстоянии, чтобы не допустить бомбардировки портов и обеспечить последние против правильной двухнедельной осады. Но если судить по вычислениям и некоторым планам предполагаемых оборонительных сооружений Портсмута, взятым из лондонского «Times», дело идет об огромном количестве кирпича и известкового раствора, о рвах и парапетах, о деньгах, а в случае войны и о людях. Повидимому, штаб инженеров положительно упивается этими блестящими возможностями создавать планы укреплений, которые так долго были для них недозволенной роскошью. Англии грозит опасность обрести форты и батареи, которые появятся быстро, как грибы, и разрастутся подобно ползучим растениям в тропических лесах. Похоже на то, что правительство, повидимому, настаивает на том, чтобы было что показать взамен денег; однако показная сторона и явится главным результатом всех этих великолепных сооружений.

До тех пор, пока порты не обеспечены против *coup de main* [внезапного нападения], до тех пор возможны вторжения с исключительной целью разрушить какой-нибудь порт и тут же отступить. Таким образом, они служат, так сказать, предохранительными клапанами для Лондона. Но коль скоро они будут обеспечены от напа-

дения главных сил и даже против правильной двухнедельной осады, — а это, очевидно, будет необходимо, — то для вторжения не остается другого объекта, кроме Лондона. Раз все более мелкие пункты защищены, местные вторжения оказываются уже бесцельными, вторжение должно идти на риск — либо уничтожить Англию, либо быть самому уничтоженным. Таким образом, самый факт укрепления портов ослабляет Лондон. Он заставляет вторгнувшуюся державу всю свою силу сосредоточить сразу на попытке завладеть Лондоном. Лорд Пальмерстон говорит, что Лондон должен защищаться на суше. Положим, что так оно и будет; в таком случае, чем сильнее армия, тем безопаснее будет Лондон. Но откуда явится эта сильная армия, если Портсмут, Плимут, Чатам и Ширнес и, пожалуй, Пемброк будут превращены в первоклассные крепости типа Шербурга, Генуи, Кобленца или Кельна, которые требуют для своей защиты гарнизоны от 15 000 до 20 000 человек? Итак, чем сильнее вы укрепляете порты, тем больше вы ослабляете Лондон и остальную страну. И это-то и вы называете национальной обороной!

Во всяком случае, одно проигранное сражение решило бы судьбу Лондона, а учитывая огромную централизацию торговли страны и то обстоятельство, что занятие неприятелем Лондона полностью приостановит весь торгово-промышленный механизм Англии, не приходится сомневаться, что одно сражение решило бы судьбу всего королевства. Таким образом, в то время как предполагается истратить 12 миллионов на оборону портов, самое сердце страны должно остаться без защиты и стать в зависимость от исхода одного сражения!

Надо сказать прямо: пусть порты будут всячески самым рациональным образом укреплены, — а этого можно достигнуть, потратив меньше половины той суммы, которую предположено выбросить на это дело, — но если вы желаете национальной обороны, то немедленно принимайтесь за укрепление Лондона. Нет никакой пользы в том, чтобы повторять вслед за Пальмерстоном, будто это невозможно. Такие же речи раздавались, когда нужно было укреплять Париж. Площадь, включенная в непрерывную линию фортификаций Парижа, немногим меньше площади Лондона; линия фортов, окружающих Париж, имеет протяжение в 27 миль, а окружность Лондона в 6 милях от Черинг-Кросса дает периферию длиной в 37 миль. Эта окружность дает должное представление о среднем расстоянии фортов от центра; а если бы линия оказалась и больше на 10 миль, то она от этого не становится слишком длинной, если соответствующая система железнодорожной связи по радиусам и по окружности

облегчает быстрое передвижение резервов. Лондон, разумеется, невозможно укрепить наскоро, кое-как, как это предлагает «Cornhill Magazine», по которому шесть больших фортов должны сделать все; число фортов должно быть, по крайней мере, равно двадцати, но, с другой стороны, Лондон не нуждается и в укреплениях такого педантичного стиля, как Париж, ибо ему никогда не придется выдерживать осаду. Все, что требуется, это защитить его против *coup de main* [внезапного нападения], против средств, которые вторгнувшаяся армия сможет применить против него в течение двух недель после своей высадки. Можно обойтись без непрерывной линии фортификаций; если план обороны будет надлежащим образом подготовлен заранее, то такая линия с полным успехом может быть заменена укреплением деревень и групп домов на окраинах города.

Если Лондон будет укреплен таким образом, а порты усилены на морском и обеспечены на сухопутном фронте против энергичного, но нерегулярного наступления и даже против легкой осады, Англия может не бояться какого бы то ни было вторжения, причем все это можно сделать при затрате, примерно, 15 миллионов фунтов стерлингов. Порты потребуют, в общем, не более 70 000 человек регулярных войск и 15 000 волонтеров; в то же время остальные линейные войска, милиция и добровольцы, — скажем, 80 000 линейных войск и милиции и 100 000 добровольцев, — будут защищать укрепления у Лондона или примут бой перед ним; между тем, вся страна к северу от Лондона будет иметь полную свободу для организации новых отрядов волонтеров и баз для линейных войск и милиции. При всех обстоятельствах неприятель будет принужден действовать; даже если бы он этого хотел, он не смог бы избегнуть притяжения большого укрепленного района Лондона, и у него не будет иного выбора, как либо напасть на него и потерпеть поражение, либо ждать и этим самым с каждым днем увеличивать трудности своего положения.

Вместо этого правительственный план национальной обороны привел бы к такому положению, что если бы военные силы Англии состояли из 90 000 человек линейных войск и милиции и из 115 000 волонтеров, то гарнизоны должны будут поглотить по крайней мере 25 000 регулярных войск и 35 000 волонтеров, оставив для полевой армии, предназначенной защищать Лондон, 65 000 человек регулярных войск и 80 000 волонтеров, причем 35 000 человек, настоятельная потребность в которых была бы очень велика в день боя, сидели бы спокойно и в полной безопасности за каменными стенами, на которые никто и не собирался бы нападать. Но эта армия была бы ослаблена не только на 35 000 человек, она была бы также лишена укреплен-

ной позиции, из которой ее могла бы выгнать только правильная осада; она заставила бы 80 000 своих плохо руководимых и неопытных волонтеров сражаться в открытом поле, и таким образом ей пришлось бы бороться в гораздо менее благоприятных условиях, чем армии, расположенной, как указано выше.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 6020 от 10 августа 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

МОЖЕТ ЛИ ЛОНДОН СТАТЬ ДОБЫЧЕЙ ФРАНЦУЗОВ?

Опубликованное недавно в Лондоне сообщение комиссии британской национальной обороны устанавливает, что если бы французский император вздумал послать в Англию вражескую армию, то «все находящиеся в действии суда королевского флота» не смогли бы помешать ей высадиться на каком-нибудь участке береговой линии Англии и Уэльса, тянущейся на протяжении 2 147 миль, не говоря уж о береговой линии Ирландии. В различные времена, до и после опубликования знаменитого жуанвильского памфлета¹, также было признано, что при умелых действиях было бы возможно высадить на Британских островах 100 000 и более французов, и единственный важный для рассмотрения вопрос, — это следующий: какими средствами сопротивления располагает Великобритания, чтобы встретить такое вторжение.

Согласно постановлению палаты общин, в мае нынешнего года были сообщены сведения о численности британских сухопутных войск. Данные эти следующие: весь численный состав частей равен 144 148; подлежащих призыву всех разрядов к 1 мая имеется 133 952; формирований милиции — 19 333. Когда эти данные были опубликованы, во всех частях трех королевств раздался почти повсеместный вопль: на что были истрачены 75 000 000 долларов, ассигнованные по военной смете, — поскольку анализ общего количества в 144 148 человек, показанного в качестве наличного состава линейных войск, «обнаруживает поразительный факт, что в одном каком-либо пункте для наступательных или оборонительных целей можно собрать едва ли даже 30 000 человек пехоты»? Г-н Сидней Герберт и его коллеги из Главного штаба немедленно устроили совещание, а лондонский «Times» постарался успокоить тревогу населения. Он писал: «Мы имели возможность изучить цифры, которыми подкрепляются эти данные, и довольно обстоятельно выяснили действитель-

---

¹ Имеется в виду памфлет одного из орлеанских принцев Франсуа Жуанвиля (см. именной указатель), вышедший в 1859 г. под заглавием «Note sur l'état des forces navales de la France» [«Заметка о состоянии морских сил Франции»]. *Ред.*

ное положение дела». «Times» пытался «показать, что, если под термином «войска» предполагалось обозначить только линейную пехоту, то положение дела было представлено довольно точно, но что в действительности армия, находящаяся внутри страны, содержит сильные отряды и других родов оружия, так что их общая численность вовсе не так мала, как это могло бы показаться».

В результате этой нервозности части публики и совещания в Главном штабе появилась совершенно новая статистическая таблица, исчисляющая военные силы Великобритании в метрополии цифрой в 323 259 человек, т. е. на 179 411 человек больше, чем было приведено два месяца раньше. Расхождение это не трудно объяснить. Первая цифра была дана с целью показать число людей, которых при благоприятных обстоятельствах и по получении ими своевременного уведомления можно было бы немедленно зачислить на службу; вторая же цифра была предназначена дать общую сумму мужчин и юношей, внесенных в военные ведомости и, следовательно, получающих часть 75 000 000 долларов наряду с 227 179 человек волонтеров и милиции, из которых не менее 200 000 фактически не существуют в качестве солдат. Сюда же зачислены 33 302 человека, принадлежащие к «пунктам формирования» («depots»). Чтобы избежать обвинения в пристрастном описании этих «пунктов формирования», мы процитируем в качестве авторитета лондонский «Times»:

«Войска в пунктах формирования фактически предназначаются не для службы на родине, а для службы за границей. Они являются частицей батальонов, находящихся за границей, и нет ничего удивительного, что они сравнительно мало пригодны для службы на родине».

Коротко говоря, это попросту непригодные части, которые состоят из рекрутов, находящихся не более трех месяцев на службе и отправляемых в заграничные части каждые четверть года или чаще, после зачисления их на службу, и из старых инвалидов, оставленных на родине за негодностью, «так что, считая всех, как инвалидов так и необученных, эти части никак не могут быть приравнены к обычному батальону».

От пунктов формирования перейдем к волонтерам и милиции. Здесь достаточно повторить, что по меньшей мере 200 000 человек существуют в данный момент только на бумаге. Г-н Мегайр недавно доказывал в парламенте, что почти в каждом полку милиции по спискам Главного штаба числится на 200 — 300 человек более, чем можно было бы когда-либо собрать для парада. Г-н Сидней Герберт сделал подобное же признание. В ирландской милиции, где солдаты вследствие лишений и бедности вынуждены являться более аккуратно,

чем их английские товарищи, многие полки, насчитывающие официально 800 человек, — например, Уотерфордский, — на деле имеют только 400. Подсчет, определяющий состав милиции и волонтеров в Англии в 138 560 человек, по всей вероятности, настолько приближается к действительности, насколько это вообще достижимо для подсчета беспристрастного статистика.

Численность регулярной армии в метрополии, согласно недавнему сообщению военного министерства, равняется 68 778. Сюда входят: гвардейская кавалерия (1 317 человек), инженерные войска (2 089 человек), армейский госпитальный корпус из отставных инвалидов, военный обоз и прочие частично бесполезные для боя войска. Не касаясь спорных вопросов, допустим, что все эти 68 000 человек могут быть использованы. Допуская, что вся милиция и волонтеры находятся в сборе и под ружьем, мы получим общий итог в 206 560 человек. Прибавим к списку еще ирландскую полицию, что увеличит число приблизительно до 237 000. Номинальная численность регулярной армии и формирований милиции была только что определена в 100 000 человек, приблизительно на 16 000 больше реальной цифры, но мы возьмем именно эти цифры. Допуская, что 15 000 волонтеров могли бы быть собраны в определенном месте в течение трех дней после высадки французов, Англия все же имела бы в распоряжении армию в 115 000 человек. При этом надо помнить, что из них не менее 25 000 являются новичками в обращении с оружием. Далее, все морские доки, арсеналы и административные центры потребовали бы особых гарнизонов, так как в морских портах никогда не бывает более 8 000 морской пехоты. Для Ирландии, независимо от того, окажет ли «национальная петиция» какое-либо влияние в смысле внушения ирландцам дружеских чувств к солдатам Мак-Магона, тоже потребуется армия. Всех добровольцев и милиции нехватит для поддержания порядка на Изумрудном острове, к тому же имея в виду предстоящее в будущем сражение. Правительству ее величества пришлось бы выделить для этой страны по крайней мере 10 000 регулярных и 25 000 иррегулярных войск, не считая полиции. В общей сложности это составило бы около 55 000, и только 80 000 солдат осталось бы в Англии и Уэльсе для охраны арсеналов, складов оружия и морских военных доков. Было бы легкомыслием полагать, что менее 20 000 годных для службы войск будет достаточно для этого важного дела, допуская даже, что инвалиды или неопытные солдаты в пунктах формирования сумели бы постоять за себя сами. Таким образом, наполеоновской армии в 100 000 французов, зуавов и т. д. противостояли бы 60 000 красных курток, из

чем их английские товарищи, многие полки, насчитывающие официально 800 человек, — например, Уотерфордский, — на деле имеют только 400. Подсчет, определяющий состав милиции и волонтеров в Англии в 138 560 человек, по всей вероятности, настолько приближается к действительности, насколько это вообще достижимо для подсчета беспристрастного статистика.

Численность регулярной армии в метрополии, согласно недавнему сообщению военного министерства, равняется 68 778. Сюда входят: гвардейская кавалерия (1 317 человек), инженерные войска (2 089 человек), армейский госпитальный корпус из отставных инвалидов, военный обоз и прочие частично бесполезные для боя войска. Не касаясь спорных вопросов, допустим, что все эти 68 000 человек могут быть использованы. Допуская, что вся милиция и волонтеры находятся в сборе и под ружьем, мы получим общий итог в 206 560 человек. Прибавим к списку еще ирландскую полицию, что увеличит число приблизительно до 237 000. Номинальная численность регулярной армии и формирований милиции была только что определена в 100 000 человек, приблизительно на 16 000 больше реальной цифры, но мы возьмем именно эти цифры. Допуская, что 15 000 волонтеров могли бы быть собраны в определенном месте в течение трех дней после высадки французов, Англия все же имела бы в распоряжении армию в 115 000 человек. При этом надо помнить, что из них не менее 25 000 являются новичками в обращении с оружием. Далее, все морские доки, арсеналы и административные центры потребовали бы особых гарнизонов, так как в морских портах никогда не бывает более 8 000 морской пехоты. Для Ирландии, независимо от того, окажет ли «национальная петиция» какое-либо влияние в смысле внушения ирландцам дружеских чувств к солдатам Мак-Магона, тоже потребуется армия. Всех добровольцев и милиции нехватит для поддержания порядка на Изумрудном острове, к тому же имея в виду предстоящее в будущем сражение. Правительству ее величества пришлось бы выделить для этой страны по крайней мере 10 000 регулярных и 25 000 иррегулярных войск, не считая полиции. В общей сложности это составило бы около 55 000, и только 80 000 солдат осталось бы в Англии и Уэльсе для охраны арсеналов, складов оружия и морских военных доков. Было бы легкомыслием полагать, что менее 20 000 годных для службы войск будет достаточно для этого важного дела, допуская даже, что инвалиды или неопытные солдаты в пунктах формирования сумели бы постоять за себя сами. Таким образом, наполеоновской армии в 100 000 французов, зуавов и т. д. противостояли бы 60 000 красных курток, из

которых немного больше 45 000 принадлежало бы к линейным частям. Едва ли можно сомневаться, какой результат получится от встречи этих двух противопоставленных друг другу армий.

На это последует возражение, что Франция не сумела бы снарядить и переправить через канал 100 000 человек, сохраняя все в тайне. Возможно; но ведь и Англия не будет знать, куда направится удар, и, естественно, будет трепетать за участь своих владений на побережье Средиземного моря и пытаться усилить их гарнизоны на тот случай, если нападение на Лондон окажется только маскировкой дальнейших покушений на Мальту и Гибралтар. На нескольких судах своего Ламаншского флота она послала бы в эти пункты 20 000 — 30 000 солдат, конечно не «волонтеров», и таким образом внутри страны все бремя борьбы с неприятелем ляжет на этих последних. Некоторые выдающиеся авторы утверждают даже, что разграбление Лондона принесло бы для Англии меньше вреда, чем изгнание ее с Мальты и Гибралтара.

Однако на это могут возразить, что достаточно будет провозглашения национальной опасности, чтобы по всей стране, от Шевиотских гор до Корнуэля, заставить каждого британца воспрянуть и сбросить в море вторгшегося неприятеля. Это правдоподобно. Но опыт учит нас, что, независимо от степени патриотизма масс, остается фактом, что обычно у населения отсутствует оружие, а если оно у него и есть, то им не умеют пользоваться, и это делает их воинственное настроение в случае действительной опасности весьма малоценным. Палки со стилетами и вилы могут быть чрезвычайно опасным для человеческой жизни оружием в Seven Dials¹ или в провинции, но глупо думать, что в борьбе с зуавами они окажутся неодолимыми. Весьма сомнительно также, проявят ли средние классы, из которых почти исключительно состоят силы волонтеров, ту же готовность явиться на смотр, когда французы очутятся на их родном острове, какую они проявляют, когда их призывают для принятия поздравлений ее величества. Во всяком случае считаться с возможностью вторжения армии численностью в 150 000 человек не более нелепо, чем полагать, что волонтеры могут выставить 120 000 человек, особенно после того, как сердечное приглашение из Букингемского дворца не может дать к концу двенадцатого месяца набора больших результатов, чем 18 300 человек.

Ввиду выражения некоторого сомнения относительно численности войск, которым был произведен смотр в Гайдпарке, мы

¹ Квартал в Лондоне, населенный беднотой. *Ред.*

приводим отрывок из «Manchester Guardian» о втором дне пар: да. «Частный корреспондент», о котором говорится в отрывке, это г. Том Тейлор, близкий и доверенный друг полковника Мак-Мердо:

«Как, вероятно, помнят наши читатели, наш частный корреспондент, на основании официальных данных полковника Мак-Мердо, привел число в 18300, которое несколько меньше числа, данного сэром Джоном Бургойном. Но внешний вид волонтеров, занимал, повидимому, сэра Джона больше, нежели их число».

Оценивая численность войск, которые, вероятно, могли бы быть сосредоточены для сопротивления вторжению, мы умышленно взяли самые крупные цифры в пользу Великобритании. Наш отчет о постоянной армии принимает, как годного, каждого солдата, как больного, так и здорового, имя которого значится в военных списках. Численность милиции и волонтеров мы приняли в 115 000 человек, что для лиц, хорошо знакомых с положением дела, может показаться чрезмерным. Кроме того, совершенно не принимались во внимание следующие чрезвычайно важные моменты обсуждаемой темы: признанное искусство полевых офицеров французской армии, превосходство французской военной дисциплины, общее превосходство французской тактики и, в противоположность этому, неоспоримое тупоумие многих высших офицеров английской армии, неряшливое управление регулярной армией и волонтерами (после предупреждения, данного за пять недель, один проверенный полк милиции в мае прошлого года явился на смотр, имея в своем составе 135 человек босых), наконец признанное худшее качество в бою британской армии в целом сравнительно с французской армией.

Ввиду всех этих фактов является несомненным, что если бы Наполеон с армией в 150 000 или даже в 100 000 человек высадился завтра в удачно выбранном порту Англии, он мог бы «разграбить Лондон» и избежать того «уничтожения», которое, как недавно утверждала одна лондонская газета, должно было бы стать его «неизбежной участью», если бы он «с враждебным намерением ступил ногой на саксонскую почву».

Написана Ф. Энгельсом

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6021 от 11 августа 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

БЕСПОРЯДКИ В СИРИИ И ИНТРИГИ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ. — АНГЛИЙСКАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ СЕССИЯ. — ЗАТРУДНЕНИЯ КАБИНЕТА. — СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ТОРГОВЛИ ¹.

Лондон, 28 июля 1860 г.

Так как только что вышла в свет Синяя книга о сирийских беспорядках и лорд Стратфорд де-Редклифф назначил на ближайший вторник свой запрос о сирийских делах, то я откладываю обсуждение этого важного вопроса и хочу только предупредить читателей, чтобы они не поддавались сентиментальным декламациям бонапартистской прессы, чувствам ужаса перед жестокими насилиями диких племен и естественной симпатии к пострадавшим. Но все же имеется несколько моментов, на которых следует внимательно остановиться. Прежде всего надо отметить, что Российская империя, вследствие внутренних противоречий, которые возникли из движения в пользу освобождения крепостных и из расстроенных финансов, находится в затруднительном состоянии, из которого нынешнее правительство не находит иного выхода, как только при помощи крупной войны. Война кажется ему единственным средством, чтобы освободиться от угрожающей революции, так верно предсказанной князем Долгоруковым в его «*Verité sur la Russie*» [«Правда о России»]. Теперь прошло уже около трех месяцев с тех пор, как князь Горчаков пытался снова поставить на обсуждение восточный вопрос путем выпуска своего циркулярного письма о страданиях христиан в Турции, но его обращение, получив одинокий отклик только в Тюильри, почти не достигло ушей Европы. Именно с этого времени русские и французские агенты начали шевелиться, чтобы организовать политико-религиозную драку — первые в Далмации, последние — на Сирийском побережье, — причем оба движения поддерживали друг друга, поскольку волнения в Черногории и в Герцеговине заставили Порту увести почти всю турецкую армию, стоявшую в Сирии, и таким образом оставить совершенно открытой арену для чрезвычайно обостренной борьбы между

---

¹ Заглавие статьи принадлежит редакции. *Ред.*

варварскими племенами Ливана. Император французов, подобно православному царю, оказался тоже вынужденным искать какого-нибудь нового и сенсационного крестового похода, чтобы снова погрузить свою империю в поток воинственных галлюцинаций. Итальянское движение, ускользнув из его вожжей и приняв течение, противоположное тому, какое он хотел ему придать, стало в глазах Парижа, как об этом деликатно намекнул «*Constitutionnel*», *скучным*. Его попытка прельстить прусского принца-регента насильственной «консолидацией Германии», за которую Франция должна была бы получить «моральную компенсацию» в виде Рейнских провинций, превратилась в крупную неудачу и даже сделала несколько смешным этого *entrepreneur* [предпринимателя], занимающегося освободительно-национальным жульничеством. Конфликт с папой, в который оказался вовлеченным Луи-Наполеон, нанес ущерб той опоре, на которой покоится его влияние над крестьянством, — католическому духовенству Франции. Императорское казначейство уже довольно давно было доведено до состояния истощения и все же продолжает пребывать в этом состоянии, причем была сделана тщетная попытка вылечить его путем распространения слухов о возможности организации «*emprunt de la paix*» [займа мира]. Этого было слишком много даже для декабрьской Франции. К займу, заключенному под предлогом войны, прибавить еще один заем, заключаемый под предлогом мира, — это был проект, неприемлемый даже для парижских биржевиков. Кое-какие робкие голоса кастрированной парижской прессы осмелились сделать намек, что благодеяния Второй империи столь же велики, сколь и дороги, что нация купила эти благодеяния за счет увеличения государственного долга на 50%. Проект «займа мира» в 500 000 000 франков вскоре поэтому был оставлен — отступление, которое только придало храбрости г. Фавру, чтобы разглагольствовать в Законодательном корпусе об угрожающем «финансовом крахе» и разорвать на куски цветистую газовую вуаль, которую императорский бюджетных дел мастер набросил на государственный сундук. Замечания о характерных чертах декабрьского режима, сделанные г. Фавром и г. Оливье в Законодательном корпусе в среде «*chiens savants*» [ученых собак] этого поддельного представительства, а равно бешеные нападки на интриги «старых партий», которыми наводнена официальная, полуофициальная и официозная парижская пресса, совпали с появлением неумолимого факта, доказывающего, что мятежный галльский дух снова возрождается из своего пепла и что продолжение г. следствия узурпатора снова зависит от организации большого военного зрелища, как это имело место

через два года после *coup d'état* [государственного переворота] и еще через два года после завершения крымского эпизода. Ясно, что самодержец Франции и самодержец России, подвергаясь давлению одной и той же повелительной необходимости трубить в трубы войны, действуют во взаимном согласии. В то время, когда полуофициальные бонапартистские памфлеты предлагали прусскому принцу-регенту создание «Германского союза», поддерживаемого «моральной компенсацией» в пользу Франции, император Александр, как это недавно утверждалось публично в изданиях германской «Национальной ассоциации» и не отрицалось берлинской правительственной прессой, открыто предложил своему дяде присоединение к Пруссии всей Северной Германии, вплоть до моря, на том условии, что Франции будут уступлены Рейнские провинции и не будет оказано сопротивление продвижению России по Дунаю. Именно этот обнаружившийся одновременно у обоих самодержцев план и вызвал свидание в Теплице австрийского императора с принцем-регентом. Однако в случае, если бы предпринятое ими искушение Пруссии не удалось, петербургские и парижские заговорщики держали в запасе потрясающий инцидент с сирийскими убийствами, за которыми должно было бы последовать французское вмешательство, имевшее своей задачей открыть всеобщей европейской войне заднюю дверь в том случае, если бы она не пришла через главные ворота. Что касается Англии, то я добавлю только то, что в 1841 г. лорд Пальмерстон снабдил друзей оружием, которым они владеют и поныне, и что в 1846 г., при помощи соглашения с царем Николаем, он фактически уничтожил турецкое господство, обуздывавшее дикие племена Ливана, и выговорил для них мнимую независимость, которая в течение времени и под умелым руководством иностранных заговорщиков могла породить только кровавую жатву.

Вы знаете, что нынешняя парламентская сессия не имеет себе подобных благодаря ряду следующих одна за другой правительственных неудач, которыми она началась. Помимо бесплодных мероприятий г. Гладстона в отношении покровительственных пошлин, ни одна важная мера не была проведена. Но в то время, когда правительство брало обратно один билль за другим, оно ухитрилось контрабандным путем при втором чтении протащить маленькую резолюцию, состоящую всего из одной маленькой статьи, которая, будучи проведена в жизнь, осуществила бы величайшую конституционную перемену, которую когда-либо знала Англия с 1689 года. Эта резолюция предлагала не больше, не меньше, как уничтожение местной английской армии в Индии, поглощение ее британской армией и,

следовательно, передачу верховного командования ею из рук генерал-губернатора в Калькутте главному штабу в Лондоне, — другими словами, герцогу Кембриджскому. Если бы такая перемена произошла, то, независимо от других серьезных последствий, она поставила бы часть армии вне контроля парламента и усилила бы в величайшей степени королевскую власть. Повидимому некоторые члены Индийского совета, единодушно возражавшие против правительственного проекта, но которые в силу Индийского акта 1858 г. не могут быть членами палаты общин, инспирировали некоего г. Пс. поднять их протест, и, когда правительство уже считало свою плутню обеспеченной, произошло внезапное парламентское émeute [восстание], руководимое г. Хорсманом, которое как раз во-время уничтожило правительственную интригу. Это затруднение кабинета, обнаружившееся совершенно неожиданно, и смущение палаты общин, поавшей в ловушку благодаря своему собственному глубокому невежеству, представляло собою действительно забавное зрелище.

Объявленная стоимость экспорта за последний месяц показывает движение вниз британской торговли. В предыдущем письме я отмечал, что, в сравнении с июньским вывозом 1859 г., в июне 1860 г. имеется падение почти на $1\frac{1}{2}$ миллиона фунтов стерлингов.

Отчеты за июнь месяц для трех последних лет дают следующие цифры:

	1858 г.	1859 г.	1860 г.
В ф. ст.	10 241 433	10 665 891	9 236 454

Для полугодия 1860 г., кончающегося 30-м июня, объявленная стоимость экспорта на один миллион меньше, чем за те же шесть месяцев последнего года.

	1858 г.	1859 г.	1860 г.
В ф. ст.	53 467 804	63 003 159	62 019 989

Уменьшение вывоза за последний месяц приходится на хлопчатобумажные ткани, хлопчатобумажную пряжу, полотно, железные изделия и ножовый товар, железо и камвольные ткани. Равно и вывоз фабричных шерстяных товаров, торговля которыми показывала все время, за исключением этого месяца, упорный рост, обнаруживает снижение по «шерстяной и камвольной пряже». Экспорт хлопчатобумажных товаров в Британскую Индию за первые шесть месяцев 1860 г., по сравнению с тем же периодом 1859 г., упал с 6 094 433 ф. ст. до 4 738 440 ф. ст., т. е. приблизительно на 1 360 000 ф. ст. в ценности товаров.

Что же касается импорта, то самой поразительной чертой его

является громадный размер поступлений хлопка. В июне 1860 г. было получено 2 102 048 центнеров против 1 665 306 центнеров в июне 1859 г. и 1 339 108 центнеров в июне 1858 года. Таким образом, за шесть месяцев мы наблюдаем рост не менее чем на 300 миллионов центнеров, или больше чем на 60 %. Хлопок, ввезенный в мае 1860 г., по стоимости на 1 800 000 ф. ст. больше ввоза 1859 года. На покупку сырого хлопка в первые пять месяцев было затрачено больше чем $6\frac{1}{2}$ миллионов ф. ст. по сравнению с тем же периодом предшествующего года.

Если же мы сравним быстрое уменьшение экспорта хлопчатобумажных товаров и пряжи с гораздо более значительным ростом ввоза хлопка, то будет вполне понятно, что приближается хлопчатобумажный кризис, тем более, что к необычайно изобильным запасам хлопка прибавляются новые поступления сырого хлопка.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6021 от 11 августа 1860 г.

Без подписи.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ.

Лондон, 3 августа 1860 г.

Высказанные мною в последнем письме соображения о существовании тайной связи между резней в Сирии и русско-французским союзом получили неожиданное подтверждение с той стороны канала в факте появления брошюры, напечатанной у г. Дантю в прошлый вторник под заглавием «La Syrie et l'Alliance Russe» [«Сирия и русский союз»] и приписываемой перу г. Эдмона Абу. Г-н Дантю, как вам известно, является французским правительственным издателем, печатающим все полуофициальные брошюры, которые время от времени посвящали Европу в тайны «исследований», покровительствуемых Тюильри. Названная выше брошюра представляет особенный интерес ввиду того обстоятельства, что она вышла в свет непосредственно вслед за любовным посланием, адресованным героем декабря к Персиньи с целью загипнотизировать Джона Булля и один экземпляр которого лорд Джон Россель отправил лондонскому «Times», отказавшись в то же время представить его парламенту. Нижеследующие отрывки содержат наиболее существенное из брошюры «La Syrie et l'Alliance Russe».

«Христианская Европа, как во времена крестовых походов, потрясена ужасным преступлением, ареной которого явилась Сирия. Семьсот тысяч христиан отданы беспощадному фанатизму двух миллионов мусульман, и турецкое правительство своим необъяснимым бездействием, кажется, само выдает свою причастность к этому делу. Конечно, Франция отреклась бы от всех своих традиций, если бы не взяла тотчас же на себя почтенную роль защитницы жизни и имущества тех, кто в далеком прошлом были воинами Петра Пустынника и Филиппа-Августа... Поэтому пора уже подумать о выходе из положения, которое в случае, если оно продлится, неизбежно приведет к великому бедствию — к полному истреблению христианских подданных Порты. Экспедиция, о которой так много говорит турецкое правительство, совершенно не достаточна для того, чтобы восстановить порядок. Державы, которые имеют единоверцев в Сирии и не уверены в их безопасности, должны приготовиться к личному вмешательству. Если они будут медлить, будет уже поздно защищать эти жертвы; их единственным долгом будет отомстить за мучеников.

«Две нации особенно заинтересованы в защите креста на этих отдаленных побережьях: Франция и Россия. Каковы могли бы быть последствия союза их

оружия и как этот союз отразился бы на дальнейшей организации Европы? Исследованием этих вопросов мы и намерены заняться.

«В определенные периоды истории, под давлением определенных законов притяжения и соединения, народы образуют политические комбинации, неизвестные в прошлом. Мы «присутствуем» при одном из таких критических моментов в жизни человечества. Сирийский вопрос — лишь один из узлов этого весьма сложного положения. Вся Европа находится в состоянии ожидания и беспокойства в надежде на широкое разрешение вопроса, которое положило бы основу прочному миру как в Европе, так и на Востоке. Но цель эта может быть достигнута только в том случае, если организация нашего континента будет соответствовать желаниям и требованиям современных национальностей, борющихся под ярмом рабства. Враждебные религиозные устремления, несходство темпераментов, резко противоположные друг другу языки сохраняются в некоторых европейских государствах под влиянием агитации, не допускающей восстановления доверия и тормозящей прогресс цивилизации. Мир, эта конечная цель честолюбия всех правительств, может быть только тогда твердо обеспечен, если исчезнет постоянная причина нарушения его, — причина, на которую мы только что указали. Мы поэтому хотим сделать два вывода:

«1. Везде, где это возможно, следует способствовать созданию однородного и национального государства, назначением которого было бы поглощать и концентрировать в мощное единство наследи, имеющие общие идеи и стремления.

«2. Проводить и поддерживать этот принцип, не прибегая к оружию.

«С первого же взгляда на Францию и Россию видно, что они осуществили идеал монархии. Хотя их отделяют друг от друга целых 400 миль, эти две державы самыми различными путями достигли единства, которое одно только создает прочные государства, а не эфемерные области, границы которых могут изменяться каждый день благодаря случайностям войны... Русские цари, обдумывая в течение последних 135 лет завещание Петра Великого, не переставали бросать алчные взоры на Европейскую Турцию.

«... Должна ли Франция продолжать протестовать против притязаний царей на одряхлевшую империю султана? Мы думаем, что нет. *Если бы Россия предложила нам свое содействие в деле возвращения нам рейнской границы, то, по нашему мнению, царство не было бы слишком высокой платой за этот союз. Благодаря такой комбинации Франция могла бы восстановить свои действительные границы, намеченные географом Страбонем восемнадцать столетий тому назад.* (Затем следует цитата из Страбона, перечисляющая преимущества Галлии в качестве территории могущественной державы.) Легко понять, что Франция стремится воссоздать это божественное творение (я имею в виду границы Галлии), чему в течение стольких столетий мешала человеческая хитрость, и это тем более в порядке вещей, что в тот период, когда мы и не думали о территориальном расширении, Германия периодически испытывала приступы беспокойства, бросая нам как вызов беккеровскую патриотическую песнь...¹ Мы знаем, что не мы одни помышляем о расширении своих границ. И если Россия смотрит на Константинополь, как мы смотрим на Рейн, то нельзя ли так или иначе принять эти аналогичные претензии в расчет и заставить Европу принять комбинацию, которая России отдала бы

¹ Имеется в виду так называемый «Рейнский гимн» Николая Беккера (1840 г.), начинавшийся словами: «Sie sollen ihn nicht haben, Den freien deutschen Rhein» [Вам не иметь его, свободного немецкого Рейна]. *Ред.*

Турцию, а Франции — ту рейнскую границу, в которой Наполеон в 1814 г. видел *sine qua non* [непременное условие] своего существования как монарха.

«В Европе только два миллиона турок, между тем как имеется тринадцать миллионов греков, духовным главой которых является царь... Греческое восстание, длившееся девять лет, было лишь прелюдией к движению, сигналом о котором может послужить резня в Сирии. Греческие христиане только и ждут приказа от своего главы в Петербурге или от патриарха в Константинополе, чтобы восстать против неверных; и мало кто из дальновидных политиков не предвидит разрешения восточного вопроса в благоприятном для России смысле, и притом в недалеком будущем. Поэтому не удивительно, если по зову своих единоверцев, ободряемые предсказаниями Сталезанова, русские в любой момент готовы перейти Прут.

«Если мы бросим взгляд на наши границы, то соображения, оправдывающие наши стремления, окажутся такими же вескими, как и те, которые руководят Россией. Оставим в стороне все исторические воспоминания, все географические мотивы и рассмотрим одну за другой провинции огграниченные Рейном, и исследуем причины, которые говорят в пользу их аннексии.

«Во-первых, перед нами Бельгия. По совести говоря, трудно оспаривать разительное сходство, давшее повод некоторым историкам назвать бельгийцев французами Севера. Действительно, в этой стране образованные классы пользуются исключительно французским языком, фламандский же диалект понимают лишь низшие классы населения в некоторых немногих местностях. Кроме того, вся Бельгия привержена к католицизму, и никому иному, как Франции, своей сестре по происхождению, языку и религии, она обязана своей независимостью. Не будем напоминать того факта, что Бельгия, завоеванная нашим оружием в 1795 г., до 1814 г. составляла девять французских департаментов. Однако иго наше, повидимому, не было уж таким тяжелым, так как в 1831 г. Бельгия, не сумев добиться от великих держав разрешения присоединиться к Франции, предложила, по постановлению обеих палат, бельгийскую корону герцогу Немурскому, сыну французского короля. Отказ этого последнего заставил их предложить ее герцогу Саксен-Кобургскому, ныне Леопольду I, но прецедент, на который мы ссылаемся, кажется нам крайне важным; он дает основание предполагать, что если бы Бельгию спросили о ее мнении, то она оказалась бы не менее великодушной, чем Савойя, и лишней раз доказала бы, как велики очарование и престиж, которые внушает ей величие Франции. Оппозиция нескольких представителей высших классов была бы скоро заглушена рукоплесканиями всего народа.

«Перед впадением в море Рейн разделяется на три рукава, из которых два текут почти прямо в северном направлении, — Иссель, впадающий в Зюдерзее, и Вааль, приток Мааса. Если бы Франции снова пришлось проводить свои границы, не могла ли бы она взять линию собственно Рейна вместо линии Вааля или Исседа, чтобы как можно меньше отрезать от южной Голландии? Конечно, она поступила бы именно так. Ведь не за счет Голландии необходимо исправить нашу границу, взяв за основу линию Рейна. Бельгии в ее теперешних границах хватило бы, чтобы удовлетворить нашу потребность в расширении, которого уже давно так громко требует общественное мнение. К тому же линия Шельды является границей, предоставленной Франции по Люневильскому договору 1801 года».

Дальше следует место, показывающее при помощи таких же аргументов необходимость аннексий великого герцогства Люксембург-

ского, «которое составляло при империи «Лесной департамент» (Département des Forêts). После этого памфлетист приступает к доказательству необходимости присоединения Рейнской Пруссии:

«С переходом Бельгии и Люксембурга в наши руки наша задача еще не кончена... Чтобы добиться своих подлинных границ, мы должны взять не меньше двух третей Рейнской Пруссии, всю Рейнскую Баварию и около трети великого герцогства Гессенского. Все эти земли при империи составляли департаменты Рейнского Рура и Саарского Мозеля, Мон-Тоннера и великое герцогство Бергское. В 1815 г. они были распределены между несколькими владельцами, чтобы затруднить возвращение этих провинций в наши руки. Замечательно то, что эти провинции, присоединенные к французской монархии, лишь в течение немногих лет находились в непосредственных сношениях с нами, и, однако, наше временное пребывание оставило на них неизгладимую печать. О том, какие симпатии встречает французский путешественник в этих областях, пусть скажут те, кто туда ездил. За последние 45 лет ни один французский солдат не нес гарнизонной службы в этих городах, расположенных на берегах Рейна, и прямо удивительно, до какой степени трогательно встречают здесь наши мундиры. Как и мы, они — католики; как и мы, они — французы. *Разве не в Аахене был двор нашего императора, Карла Великого?*.. Смежные с Францией Рейнские провинции должны быть политически зависимы от Франции, как они зависят от нее и в природном отношении».

Затем автор возвращается к России и, показав, что Крымская война не является преградой к союзу между Францией и Россией, *поскольку тогда они еще не договорились*, дает следующую справку об одном из мотивов, дающих право Франции претендовать на благодарность России:

«Надо помнить, что Франция не поддерживала планов Англии на Балтийском море. Мы не знаем, имело ли бы успех нападение на Кронштадт; оно не было произведено, как мы имеем основание полагать, благодаря сопротивлению Франции».

После экскурса в область Итальянской кампании автор не сомневается, что в конце концов Пруссия присоединится к франко-русскому союзу:

«Но чтобы привлечь берлинский кабинет к нашей политике, его надо высвободить из-под влияния Англии. Каким образом можем мы это сделать? Добившись того, чтобы Пруссия перестала быть нашим соседом на Рейне, и обещав поддержать ее законные притязания на гегемонию в Германии. Уступка Рейнских провинций заставит Баварию и Пруссию искать компенсации за счет Австрии. Союз с Англией может обеспечить Пруссии только status quo, союз с Францией открывает перед ней беспредельные горизонты.

«Когда между Францией, Россией и Пруссией будет заключен искренний союз, — а мы имеем основание надеяться, что он будет заключен, — вытекающие из него последствия будут самые естественные... Мы выше показали, как 1800 лет тому назад Страбон считал бесспорным, что Рейн является естественной границей Северной Франции. Пруссия больше всего страдает от этого расширения

территории. В течение последних 45 лет она охраняла Рейн, как дракон, охранявший сад Гесперид. Уничтожьте эту причину вражды между Францией и Пруссией; пусть левый берег Рейна снова станет французским; в награду за услугу Пруссия получит компенсацию в Австрии, — эта держава будет наказана за ее вероломство и неповоротливость. Надо сделать все, чтобы мир был длительным.

«Надо сообразоваться с желаниями населения, чтобы не было насильственных аннексий. Если Россия будет в Константинополе, а Франция на Рейне, если Австрия уменьшится в своих размерах, а Пруссия получит преобладание в Германии, откуда могли бы возникнуть в Европе беспорядки или революции? Разве Англия посмеет одна выступить против России, Пруссии и Франции? Мы не можем допустить этого. Если все же это случится, если Великобритания отважится на такое безрассудство, она получит строгий урок; Гибралтар, Мальта, Ионийские острова являются залогом того, что она будет держать себя спокойно; все это ее слабые пункты. Но хотя она будет обречена на бесплодное волнение у себя на острове и будет вынуждена оставаться пассивным наблюдателем того, что происходит на континенте, ей все же будет разрешено высказать свое мнение благодар тем пяти-шести тысячам человек, которые она пошлет в Сирию.

«Наступил момент, когда наша политика должна быть ясно определена. Именно в Сирии Франция должна мирно завоевать рейнскую границу, скрепив свой союз с Россией. Но мы должны позаботиться о том, чтобы не дать России расширяться безгранично. Провинции к северу от Босфора должны удовлетворить ее честолюбие. Малая Азия должна остаться нейтральной почвой. Если бы можно было рассматривать практический вопрос в поэтическом и практическом свете, то мы бы сказали, что выбор нами сделан: как раз выдвинулся человек, который кажется воплощением идеи, которую мы хотели бы видеть представленной в Сирии. Это — Абд-эль-Кадер. Он достаточно правоверный мусульманин, чтобы примирить мусульманское население; он достаточно цивилизован, чтобы быть одинаково справедливым ко всем; он связан с Францией узами благодарности, он будет защищать христиан и заставит повиноваться буйные племена, всегда готовые нарушить покой Малой Азии. Назначение Абд-эль-Кадера эмиром Сирии было бы достойной наградой за услуги нашего пленника».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6025 от 16 августа 1860 г.

Без подписи.

НАЛОГ НА БУМАГУ. — ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА.

Лондон, 7 августа 1860 г.

Большое сражение партийных клик в эту сессию, разыгравшееся вчера вечером в палате общин при переполненном зале, оказалось неудачным в инсценировочном смысле, хотя и явилось победой в министерском смысле. Предложенная г. Гладстоном резолюция о понижении таможенных пошлин на бумагу до уровня акцизных сборов — с некоторой незначительной надбавкой к таможенным пошлинам для устранения присущих акцизному налогу неудобств — прошла большинством 33 голосов. Однако палата общин полностью выдержала фасон. Все было налицо: имелась арена, были гладиаторы с своими оруженосцами позади них, но не было публики, сколько-нибудь достойной упоминания. Еще до начала боя его исход был известен и бюллетень опубликован. Отсюда безучастие публики. Вступившие в коалицию партии, образующие так называемую «великую либеральную партию», владеют, как известно, парламентским большинством, так что поражение кабинета могло бы явиться следствием лишь раскола в рядах большинства. Однако этот пункт был улажен в официальной резиденции лорда Пальмерстона, куда он заранее вызвал либеральных членов палаты всех оттенков и окрасок. Сама резолюция исходила от манчестерской фракции министерства, ибо лорд Пальмерстон мог сохранить поддержку гг. Гладстона и Мильнера-Гибсона, лишь взяв на себя обязательство возвести резолюцию г. Гладстона на степень вопроса о кабинете. Он уже раньше обманул их доверие своей тактикой при проведении законопроекта об уничтожении пошлин на бумагу, — на этот раз они принудили его держаться известной линии поведения. Правоверные виги представляли единственную фракцию большинства, которую подозревали в предательских замыслах; но суровый голос их хозяина и угроза новым роспуском парламента оказались достаточными, чтобы возвратить их под власть строгих правил дисциплины. Таким образом, за много часов до поднятия занавеса весь Лондон в точности узнал о результате партийной сделки, и, за исключением завсегдатаев трибун для публики, никто не стремился присутствовать на комедии сражения в капелле св. Стефана.

Действительно, все это было довольно-таки скучно; некоторое оживление внесло лишь увлекательное красноречие г. Гладстона да чрезвычайно отделанная защитительная речь сэра Хью Кернса. Г-н Гладстон старался изобразить оппозицию против его законопроекта как последнюю отчаянную попытку сопротивления, оказываемую протекционизмом фритредерству. Когда он сел, аплодисменты, покрывшие его последние слова, казалось, приветствовали в его лице подлинного вождя либеральной партии, в которой лорд Пальмерстон являлся далеко не любимым деспотом. Выступавший от имени консерваторов сэр Хью Кернс с помощью строго логичной аргументации и с большой силой анализа доказывал, что понижение таможенной пошлины на бумагу до уровня акцизной пошлины отнюдь не требуется торговым договором с Францией. Его противник сэр Ричард Бетель, вигский генерал-атторней, поступил несколько бестактно, выказав раздражение по поводу успеха своего соперника и высмеивая «приказное красноречие» сэра Хью; этим он навлек на свою бедную голову дружные взрывы неодобрения ториев, прерывавшие его речь.

Итак, большое сражение партийных клик нынешней сессии закончено, и стадо почтенных членов начнет, конечно, теперь дезертировать из палаты, так что лорд Пальмерстон простым измором может добиться проведения любого, удобного его сердцу мелкого законопроекта, вроде, например, чудовищного индийского билля о слиянии местной европейской армии с собственно британской армией. Если нужно еще новое разительное доказательство, как глубоко пал парламентаризм в Англии, то таким доказательством является этот индийский билль отношение к нему в палате общин. Всякий хоть сколько-нибудь авторитетный и мало-мальски разбирающийся в индийских делах член палаты был против этого билля. Само большинство не только открыто признавалось в своем полном невежестве, но и высказывало мрачные подозрения насчет скрытых соображений авторов законопроекта. Члены большинства не могли не признать, что билль был контрабандой внесен в палату под ложными предлогами; что самые важные документы, необходимые для правильной оценки положения, были обманным образом скрыты; что министр по делам Индии внес законопроект вопреки единодушно выраженному несогласию Совета по делам Индии, — несогласию, о котором в явное нарушение новой конституции, дарованной Индии в 1858 г., он не счел нужным довести до сведения палаты; наконец, что кабинет даже не пытался привести каких-либо оснований в пользу проведения с такой неприличной поспешностью через палату общин, — к концу

сессии и оборвав обсуждение всех касающихся импорта мер, — билль, фактически изменявшего коренным образом британскую конституцию колоссальным увеличением власти короны и созданием армии, которая на практике во всех отношениях оказалась бы независимой от парламентского голосования. И все же билль может теперь пройти, ибо главари обеих клик, повидимому, тайно стоворились с двором.

Письмо Луи-Наполеона к его «возлюбленному» Персиньи продолжает составлять главную тему разговоров как здесь, так и по ту сторону канала. Во-первых, протест Порты против сирийской экспедиции как ее первоначально проектировали Франция и Россия, нашел, повидимому, сильную поддержку Австрии и Пруссии, а лорд Пальмерстон, который еще недавно, во время дебатов об укреплениях, избрал Луи-Наполеона главным объектом британских подозрений, не мог не бросить свой авторитет на чашку весов в пользу Турции и германских государств. Повидимому, далее, декабрьский герой несколько напуган не только повелительным тоном, взятым Россией, но еще «более того насмешками, повторяемыми в салонах, принадлежащих к «*anciens partis*» [старым партиям], и глухим ропотом, доносящимся из парижских предместий по поводу «*alliance cosasque*» [союза с казаками].

Чтобы сделать этот союз приемлемым для Парижа, нужно, чтобы положение сильно осложнилось. При столь печальных обстоятельствах и в явно тревожном расположении духа Луи-Наполеон сочинил свое письмо, некоторые места которого крайне забавны. *

Англичанин наверное не удержится от хохота, читая такую фразу, обращенную к лорду Пальмерстону: «Давайте же придем к лойяльному соглашению, *как порядочные люди, каковыми мы являемся, а не как воры, желающие надуть друг друга*»; но лишь французское ухо может оценить изысканную безвкусицу с сильной примесью нелепицы в самом французском оригинале: «*Entendons nous loyalement comme d'honnêtes gens que nous sommes, et non comme des larrons, qui veulent se duper mutuellement*». Всякий француз, прочтя эту фразу, непременно вспомнит подобную же сентенцию в знаменитой пьесе «Робер Макэр».

Прилагаю несколько данных для сравнения государственных расходов Франции и Англии. Согласно временному или запроектированному бюджету, общий доход Франции на 1860 г. оценен в 1 825 миллионов франков или в 73 000 000 ф. ст., поступающих из следующих источников:

	Ф. ст.
I. Прямые налоги, земля, дома, личные патенты	18 800 000
II Доходы от регистрации (гербовый сбор и владения)	14 300 000
III Леса, рощи и рыбные ловли	1 500 000
IV Таможенные пошлины и соляной налог . .	9 100 000
V Косвенные налоги (акцизы) и т. д.	19 500 000
VI Почта	2 300 000
VII. Разные доходы	7 500 000

Доход Англии на 1859 г. (финансовый отчет за 1860 г. еще не издан) представляется в следующем виде, беря круглые цифры, как и для французского отчета:

	Ф. ст.
I. Налоги (включая подоходный)	10 000 000
II. Гербовые сборы	8 250 000
III. Коронные земли	420 000
IV. Таможенные пошлины	24 380 000
V. Акциз	18 500 000
VI. Почта	3 200 000
VII. Разные доходы	2 100 000

Сравнение государственных расходов обеих стран показывает следующее:

	Франция Ф. ст.	Англия Ф. ст.
Проценты по государственному долгу	22 400 000	28 500 000
Армия и флот	18 600 000	22 500 000
Цивильный лист	1 000 000	400 000
Расходы по сбору доходов	8 000 000	4 500 000
Прочие расходы	23 000 000	9 000 000
Итого	73 000 000	65 000 000

Из последней таблицы можно видеть, что проценты по государственному долгу бонапартовской Франции быстро поднимаются до уровня Англии; что континентальная централизованная монархия меньше расходует на армию и флот, нежели островная олигархия; что Луи-Наполеон для своих личных расходов требует в два с половиной раза больше денег, чем королева Великобритании, и, наконец, что в бюрократической Франции стоимость сбора доходов растет в пропорции, не соответствующей сумме самого дохода.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6030 от 22 августа 1860 г.

Без подписи.

ГАРИБАЛЬДИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Лондон, 8 августа 1860 г.

В Южной Италии дело близится к развязке. Если верить французским и сардинским газетам, 1 600 гарибальдийцев высадились на берегу Калабрии, и ожидается с часа на час прибытие самого Гарибальди. Но даже если эти известия преждевременны, невозможно сомневаться, что Гарибальди до середины августа перенесет театр войны на итальянский полуостров.

Чтобы уяснить себе движение неаполитанцев, необходимо иметь в виду, что в их армии действуют два противоположных скрытых течения: умеренная либеральная партия, официально стоящая у власти и представленная министерством, и абсолютистская кама и пья, с которой связано большинство главных начальников армии. Приказы министерства парализуются тайными приказами двора и интригами генералов. Отсюда противоречивость движений и противоречивость донесений. Сегодня нам говорят, что все королевские войска должны покинуть Сицилию, завтра мы видим их среди приготовлений новой оперативной базы в Мелаццо. Таково положение дела во всех полуреволюциях; 1848 год богат подобными примерами по всей Европе.

В то время как неаполитанское министерство предложило эвакуировать остров, Боско, — как видно, единственный решительный человек в этом сборище старых баб с генеральскими эполетами, — спокойно приступил к превращению северо-восточного угла острова в укрепленную базу, из которой можно было бы предпринять обратное завоевание острова, и с этой целью он направился в Мелаццо с отборным отрядом лучших солдат, каких он мог найти в Мессине. Здесь он наткнулся на бригаду гарибальдийцев под командой Медичи. Однако он не отважился на серьезную атаку гарибальдийцев, пока не было послано за самим Гарибальди, который явился с подкреплениями. Тогда уже вождь инсургентов напал на королевские войска и в упорном сражении, длившемся более двенадцати часов, разбил их наголову. Силы обеих участвовавших в бою сторон были приблизительно равны, но неаполитанцы занимали очень сильную позицию. Однако

ни позиция, ни солдаты не могли устоять против стремительного на- тиска инсургентов, которые погнали неаполитанцев прямо через го- род в цитадель. Здесь им оставалось только сдаться, и Гарибальди разрешил им сесть на корабли, но без оружия. После этой победы Гарибальди направился к Мессине; здесь неаполитанский генерал согласился сдать внешние форты города при условии, что его не бу- дут трогать в цитадели. Цитадель Мессины может вместить всего несколько тысяч человек и никогда не станет серьезным препятствием дальнейшему наступлению Гарибальди; поэтому он поступил совер- шенно правильно, избавив город от бомбардировки, которая явилась бы неизбежным следствием штурма. Во всяком случае серия этих капитуляций, как Палермо, Мелаццо и Мессины, в большей мере должна подорвать веру королевских войск в себя и своих началь- ников, нежели в два раза большее количество побед. Капитулиро- вать перед Гарибальди стало для неаполитанцев делом обычным и естественным.

С этого момента сицилийский диктатор получил возможность помышлять о высадке на континенте. Паровых судов у него, повиди- мому, еще недостаточно, чтобы обеспечить успех десанта далее к се- веру, где-либо в шести или восьми переходах от Неаполя, хотя бы в заливе Поликастро. Он, повидимому, решил переправиться через пролив в самом узком месте, т. е. в крайнем северо-восточном пункте острова, к северу от Мессины. В этом пункте он, как говорят, сосре- доточил около 1 000 судов, в большинстве, вероятно, рыбацких и кабо- тажных фелюг, — обычный тип судов у этих берегов, — и если изве- стие о высадке 1 500 человек под командой Сеочо подтвердится, то надо полагать, что они составляют его авангард. Это место — не самое удобное для похода на Неаполь, ибо эта часть полуострова наиболее отдалена от столицы; но если пароходы Гарибальди не могут сразу перевезти десятка тысяч человек, то другого места ему выбирать не приходится, а в данном пункте у него есть хотя бы то преимущество, что калабрийцы немедленно присоединятся к нему. Однако, если он сумеет посадить на свои пароходы тысяч десять человек и сможет положиться на нейтралитет королевского флота (который, повиди- мому, решил не сражаться против итальянцев), тогда возможно, что высадка небольшого отряда в Калабрии представляет лишь демонстрацию, сам же он намерен с главными силами направиться к заливу Поликастро или даже к заливу Салерно.

Находящиеся ныне в распоряжении Гарибальди силы состоят из пяти бригад регулярной пехоты, по четыре батальона в каждом, десяти батальонов этнских стрелков, двух батальонов альпийских

стрелков, представляющих отборный отряд его войск, одного иностранного (теперь итальянского) батальона под командой англичанина, полковника Денна, одного батальона саперов, одного полка и одного эскадрона кавалерии и четырех дивизионов полевой артиллерии; всего 34 батальона, 4 эскадрона и 32 пушек, с общей численностью 25 000 человек, из которых свыше половины северо-итальянцы, остальные — уроженцы прочей Италии. Почти все эти силы можно было бы использовать для наступления на Неаполь, поскольку производимых теперь новых формирований окажется вскоре достаточно для наблюдения за цитаделью Мессины и для защиты Палермо и прочих городов от нападений. Однако, если сравнить их с численностью войск, которыми располагает неаполитанское правительство на бумаге, они оказываются весьма малочисленными.

Неаполитанская армия состоит из трех полков гвардии, пятнадцати линейных полков, четырех иностранных полков, по два батальона каждый, а всего из 44 батальонов; из тринадцати батальонов стрелков, девяти кавалерийских и двух артиллерийских полков, итого из 57 батальонов и 45 эскадронов мирного состава. Включая 9 000 жандармов, организованных тоже вполне по-военному, эта армия в мирном составе насчитывает 90 000 человек. Однако в течение двух последних лет она была доведена до полного боевого состава; в полках были сформированы третьи батальоны, кадровые эскадроны были переведены на действительную службу, гарнизоны вполне укомплектованы, и в настоящее время эта армия насчитывает на бумаге свыше 150 000 человек.

Но что это за армия! На смотру, с точки зрения педанта, она превосходна, но в ней нет ни жизни, ни одушевления, ни патриотизма, ни верности долгу. У нее нет национальной военной традиции. Неаполитанцы, как таковые, в боях всегда бывали биты. Только идя за Наполеоном, они были когда-то участниками побед. Это не национальная армия. Это чисто королевская армия. Она была набрана и организована для специальной и исключительной цели держать в подчинении народ. Но даже для этого она, очевидно, непригодна; она содержит в себе массу антироялистских элементов, которые ныне заявляют о себе повсюду. В особенности сержанты и капралы все почти либералы. Целые полки кричат «Viva Garibaldi!» [«Да здравствует Гарибальди!»]. Таких поражений, какие терпела эта армия, начиная от Калатафими и до Палермо, не терпела еще ни одна армия в мире; и если иностранные и некоторые неаполитанские части хорошо дрались при Мелатто, то надо помнить, что эти отборные отряды составляют лишь ничтожное меньшинство армии.

Таким образом, почти не может быть сомнений, что если Гарибальди высадится с силами, достаточными, чтобы добиться некоторых успехов на полуострове, то никакая массовая концентрация неаполитанцев не сможет противостать ему с шансом на успех; и мы, возможно в ближайшем будущем, услышим, что он продолжает свое триумфальное шествие от Сциллы к Неаполю во главе 15 000 человек против десятикратно сильнейшего противника.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6031 от 23 августа 1860 г.

Без подписи.

НОВЫЙ САРДИНСКИЙ ЗАЕМ. — ПРЕДСТОЯЩИЕ ФРАНЦУЗСКИЙ И ИНДИЙСКИЙ ЗАЙМЫ¹.

Лондон, 14 августа 1860 г.

Выпуск нового сардинского займа в 6 000 000 ф. ст. закончен, причем, говорят, подписка на заем втрое превысила требуемую сумму. Итак, оказывается, что облигации нового итальянского королевства повышаются на рынке в то самое время, как Австрия не может справиться со своим долгом, величину которого нужно измерять не ресурсами страны, а слабостью ее правительства, а Россия, могущественная Россия, будучи изгнана с европейского кредитного рынка, вынуждена опять прибегать к своим собственным махинациям с бумажными деньгами. Но даже и по отношению к Сардинии новый заем напоминает нам о том отвратительном факте, что в наше время чуть не первый же акт борьбы народа за свободу и независимость с какой-то чудовищной фатальностью приводит к созданию нового рабства. Разве каждый государственный заем не является ипотекой на все народное хозяйство и урезкой его свободы? Разве он не порождает новой категории невидимых тиранов, известных под именем государственных кредиторов? Однако, если французы меньше чем за одно десятилетие почти удвоили свой государственный долг для того, чтобы остаться рабами, то, может быть, итальянцы принимают на себя такого же рода обязательства для того, чтобы стать свободными?

Пьемонт в собственном смысле, если не считать только что присоединенных к нему провинций, в 1847 г. уплачивал налогов на сумму 3 813 452 ф. ст., между тем как в этом году ему придется заплатить 6 820 000 ф. стерлингов. В английских газетах, например в «Economist», указывалось, что в результате либеральных изменений в тарифе пьемонтская торговля также значительно возросла, и для иллюстрации этого прогресса приводятся следующие цифры:

	Ф. ст.
В 1854 г. импорт составлял только . . .	12 497 160
В 1857 » он составлял	19 128 040
В 1854 » экспорт составлял	8 595 280
В 1857 » он увеличился до	19 050 040

¹ Заглавие статьи принадлежит редакции. *Ред.*

Но нужно заметить, что это увеличение скорее кажущееся, чем действительное. Главные предметы сардинского экспорта состоят из шелка, шелковых изделий, ниток, вина, спиртных напитков и растительного масла; но, как известно, в течение первых трех кварталов 1857 г. цена всех этих товаров чрезвычайно вздулась и, следовательно, чрезвычайно увеличилась общая сумма сардинских торговых поступлений. Кроме того, официальная статистика королевства приводит только ценность, а не количество экспортируемых и импортируемых товаров, и поэтому цифры за 1857 г. могут представлять собою исключение. Поскольку за 1858 — 1860 гг. не было еще издано никаких публичных отчетов, мы не можем еще сказать, приостановился ли промышленный прогресс страны вследствие торгового кризиса 1858 г. и итальянской войны 1859 года. Нижеприводимые таблицы, дающие официальные предварительные подсчеты доходов и расходов на текущий год (1860) собственно Сардинии, доказывают, что часть нового займа будет употреблена на покрытие дефицита, между тем как другая часть потребуется для новых военных приготовлений.

ДОХОДЫ САРДИНИИ ЗА 1860 Г.

	Ф. ст.
Таможенные пошлины	2 411 824
Земельный налог, жилищный налог, гербовый сбор и т. д.	2 940 284
Железные дороги и телеграф	699 400
Почта	242 000
Суммы, полученные министерством иностранных дел	12 400
Суммы, полученные министерством внутренних дел	21 136
Доходы от некоторых отраслей народного образования	580
Доходы от монетного двора	6 876
Разное	193 888
Чрезвычайные ресурсы	301 440
<hr/>	
В с е г о	6 829 738

РАСХОДЫ САРДИНИИ ЗА 1860 Г.

	Ф. ст.
Департамент финансов	4 331 676
Юстиция	243 816
Министерство иностранных дел	70 028
Народное образование	117 744
Министерство внутренних дел	407 152
Общественные работы	854 080
Военные расходы	2 229 464

	Ф. ст.
Расходы на флот	310 360
Чрезвычайные расходы . . .	1 453 268
<hr/>	
Всего	10 017 588

Сравнив расход, составляющий 10 017 588 ф. ст., с доходом, составляющим 6 829 738 ф. ст., мы видим, что дефицит равняется 3 187 850 ф. стерлингов. С другой стороны, только что приобретенные провинции по приблизительным подсчетам должны дать ежегодный доход в 3 435 552 ф. ст., ежегодный же расход составляет в них 1 855 984 ф. ст., так что остается чистый излишек в размере 1 600 000 ф. ст. Согласно этим подсчетам, дефицит всего Сардинского королевства, включая новоприобретенные провинции, сократился бы до 1 608 282 ф. стерлингов. Вполне справедливо, чтобы Ломбардия и герцогства уплачивали часть расходов, понесенных Пьемонтом во время итальянской войны; но впоследствии может оказаться чрезвычайно опасным взимать с новых провинций налоги, почти вдвое превосходящие стоимость их управления, только для того, чтобы облегчить финансовое положение старых провинций.

Люди, хорошо знакомые с закулисными влияниями парижского денежного рынка, продолжают утверждать, что в недалеком будущем предстоит новый французский заем. Единственно, что для этого необходимо, это удобный повод, который помог бы создать соответствующее настроение. Как вы уже знаете, «заем мира» кончился неудачей. Экспедиция в Сирию репетировалась до сих пор в слишком небольшом масштабе, чтобы оправдать новый призыв к энтузиазму великой нации. Поэтому предполагают, что если ничего другого не подвернется и цены на хлеб будут продолжать расти, то заем будет заключен под предлогом принятия мер против возможной дороговизны. В связи с положением французских финансов можно отметить тот интересный факт, что г. Жюль Фавр, осмелившийся предсказать в Законодательном корпусе неизбежный крах императорского казначейства, был избран старшиной парижского адвокатского сословия. Как вы знаете, французские адвокаты еще со времен старой монархии сохранили кое-какие лохмотья своей древней феодальной конституции. Они все еще образуют корпоративную организацию, называемую *Barreau* [баро], ежегодно избираемый председатель которой, *Batonnier* [батонье], представляет корпорацию в ее сношениях с трибуналами и правительством и в то же время блюдет ее внутреннюю дисциплину. В эпоху реставрации и сменившего ее режима короля гражданина выборы парижского *Batonnier* всегда считались

большим политическим событием, имевшим значение демонстрации за или против стоящего у власти министерства. Я думаю, что избрание г. Жюлья Фавра должно рассматриваться как первая антибонапартистская демонстрация, устроенная парижским адвокатским сословием, и потому заслуживает быть отмеченной в летописи текущих событий.

На вчерашнем заседании палаты общин, на котором присутствовало так мало депутатов, что они едва составили кворум, сэр Чарльз Вуд, этот образец настоящего вигга-карьериста (place-hunter), внес революцию, уполномочивающую его заключить новый заем в 3 000 000 ф. ст. для индийского казначейства. Согласно его сообщению, в 1858/59 г. (финансовый год в Индии всегда начинается и кончается в апреле) индийский дефицит составлял 14 187 000 ф. ст., в 1859/60 г. — 9 981 000 ф. ст., а на 1860/61 г. он определяется в 7 400 000 ф. стерлингов. Часть этого дефицита он обещал покрыть налогами, только что введенными г. Вильсоном, — что, впрочем, представляется весьма сомнительным, — а другая часть должна быть оплачена за счет нового трехмиллионного займа. Государственный долг, который в 1856/57 г., за год до восстания, составлял 59 442 000 ф. ст., возрос в настоящее время до 91 851 000 ф. стерлингов. Проценты по долгу росли еще быстрее. В 1856/57 г. они составляли 2 525 000 ф. ст., а в 1859/60 г. увеличились до 4 461 000 ф. стерлингов. Хотя доход был принудительно увеличен посредством введения новых налогов, тем не менее он не мог поспевать за расходами, которые, по словам самого г. Чарльза Вуда, увеличивались во всех ведомствах, кроме ведомства общественных работ. Для покрытия расходов в 3 000 000 ф. ст. на сооружение укрепленных казарм в настоящем и будущем году «почти совершенно приостанавливаются общественные работы и общественные сооружения гражданского характера». Эту «полную приостановку» работ сэр Чарльз, повидимому, считал одной из наилучших сторон всей системы. Вместо 40 000 европейских солдат, содержащихся в Индии в 1856/57 г., в ней теперь 80 000, а вместо туземной армии, менее чем в 200 000 человек, имеется армия свыше 300 000 человек.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6935 от 28 августа 1860 г.

Без подписи.

БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК АВСТРИИ.

Австрийскому императору Францу-Иосифу, кажется, позволено жить лишь для того, чтобы он своим примером мог оправдать старое латинское изречение: «кого боги хотят погубить, у того они сперва отнимают разум». С начала 1859 г. он только и делал, что умышленно отбрасывал всякую представляющуюся ему возможность спасти себя и Австрийскую империю. Внезапное нападение на Пьемонт лишь с частью своих войск, замена маршала Гесса в командовании армией императором с его кличкой, нерешительность, приведшая к сражению при Сольферино, внезапное заключение мира в тот самый момент, когда французы подошли к его сильнейшим позициям, упорный отказ пойти на какие-либо уступки внутри империи, пока было еще не слишком поздно, — все это составляет беспрецедентную цепь безумных промахов, совершенных одним человеком в такой короткий срок.

Однако судьбе было угодно предоставить Францу-Иосифу еще один случай. Беззащитное двурушничество Луи-Наполеона вызвало необходимость того союза между Пруссией и Австрией, который впервые стал возможен благодаря предшествующим унижениям Австрии, ее ежедневно растущим затруднениям внутри и за границей. Свидания в Бадене и Теплице закрепили этот союз. Впервые выступая представителем всей остальной Германии, Пруссия обещала свою помощь в случае, если Австрия подверглась бы нападению не только Италии, но и Франции; с своей стороны, Австрия обещала сделать уступки общественному мнению и изменить свою внутреннюю политику. Перед Францем-Иосифом действительно открывалась надежда. Борьбы с Италией один-на-один он мог бы не бояться даже в случае беспорядков в Венгрии, ибо его новая политика должна была явиться лучшей гарантией безопасности в этом направлении. Получив особую конституцию на основе прежней, отмененной в 1849 г., Венгрия была бы удовлетворена; либеральная общеимперская конституция отвечала бы нынешним желанием немецкого ядра монархии и в значительной степени нейтрализовала бы сепаратистские тенденции славянских провинций. Подчинение финансов общественному контролю восстановило бы общественный кредит, и та же Австрия, теперь столь слабая,

нищая, поверженная, истощенная, ставшая добычей внутренних раздоров, быстро восстановила бы свою мощь под охраной 700 000 готовых защищать ее германских штыков. Для всего этого от Австрии требовались лишь два условия: искренне следовать либеральной политике внутри страны и держаться оборонительной тактики в Венеции, предоставив прочую Италию ее собственной судьбе.

Однако Франц-Иосиф, как видно, не может или не хочет делать ни того, ни другого. Он не может ни отказаться от своей власти абсолютного монарха, с каждым днем все более и более испаряющейся, ни забыть свое положение покровителя мелких итальянских тиранов, которое он уже утратил. Неискренний, слабый и в то же время упрямый, он, как видно, старается уйти от внутренних затруднений, начав агрессивную внешнюю войну, и вместо того, чтобы сementировать свою империю отказом от власти, ускользающей из его рук, он, повидимому, снова бросился в объятия своих личных старых друзей и подготавливает поход в Италию, который может привести австрийскую монархию к гибели.

Независимо от того, будет или не будет послана из Вены в Турин какая-либо нота или иное официальное сообщение по поводу высадки Гарибальди в Калабрии, является весьма вероятным, что Франц-Иосиф решил рассматривать это событие как предлог для вмешательства в пользу неаполитанского короля. Так ли это в действительности, покажет ближайшее будущее. Однако, в чем причина этого внезапного поворота австрийской политики? Не вскружило ли Францу-Иосифу голову недавнее братание с Пруссией и Баварией? Едва ли, ибо, в конечном счете, это братание в Теплице явилось триумфом лишь для Пруссии, для него же оно было унижением. Не думает ли Франц-Иосиф собрать под своим знаменем армии папы и неаполитанского короля, раньше чем Гарибальди превратит их в беспорядочную массу и присоединит к своему войску их итальянские элементы? Такой мотив был бы весьма недостаточен. В любой кампании эти войска не будут ни на что годны, тогда как в положении, в какое поставит себя Австрия подобным безумным выступлением, она будет терпеть нужду во всем. Единственной причиной этих планов является состояние внутренней политики Австрии. А здесь искать объяснения долго не приходится. Государственный совет империи, усиленный некоторыми наиболее консервативными и аристократическими элементами различных провинций и облеченный в *мирное время* контролем финансов страны, приступает к обсуждению вопроса о народном представительстве и конституции империи и входящих в ее состав отдельных провинций. Предложения, сделанные при этом венгерскими чле-

нами, собрали подавляющее большинство в Комитете, и с таким же триумфом они пройдут и в Совете на глазах у правительства. Словом, *как видно, начинается вторая австрийская революция*. Государственный совет — слабая подделка под собрание французских нотаблей, — в точности повторяя действия последних, объявляет себя некомпетентным и требует Генеральных штатов. Правительство, чувствуя такие же финансовые затруднения, как и правительство Людовика XVI, но будучи еще более слабым вследствие разнородных тенденций отдельных составляющих империю национальностей, не в силах сопротивляться. Уступки, вырванные у правительства, наверное будут сопровождаться требованием денег. Генеральные штаты вскоре объявят себя Национальным собранием. Франц-Иосиф чувствует, что земля дрожит у него под ногами, и с целью избежать угрожающего землетрясения, он, может быть, бросится в войну.

Если Франц-Иосиф выполнит свою угрозу и начнет крестовый поход во имя легитимности в Неаполе и Папской области, то каков будет исход его? В Европе нет ни одного правительства или государства, для которого представляло бы малейший интерес поддерживать Бурбонов, и если Франц-Иосиф вмешается в их пользу, все последствия падут на него. Луи-Наполеон наверное перейдет Альпы с целью не допустить интервенции, и Австрия, возбудив против себя общественное мнение всей Европы, с расстроенными финансами, с восстанием в Венгрии, с храброй, но численно слабой армией, потерпит страшное поражение. Возможно, что она получит смертельный удар. Не может быть и речи о том, чтобы Германия пришла ей на помощь. Германия решительно откажется сражаться как за неаполитанского короля, так и за папу. Она примет меры для ограждения территории Союза (на что французы и итальянцы согласятся с радостью), и если Венгрия восстанет, Германия примет это довольно хладнокровно. Более того, немецкие провинции империи, весьма вероятно, поддержат требования венгров, как и в 1848 г., и потребуют конституции для себя самих. Как ни зажата австрийская пресса правительством, она все же обнаруживает несомненные признаки наличия даже в Австрии широко распространенных симпатий к Гарибальди. Направление общественного мнения переменило русло, которого оно держалось в прошлом году; Венеция считается теперь совершенно невыгодным владением, а на борьбу итальянцев за независимость, поскольку она ведется без помощи Франции, венцы смотрят с симпатией. Для Франца-Иосифа окажется крайне трудным увлечь даже своих собственных немецких подданных на борьбу за неаполитанских Бурбонов, за папу и мелких герцогов Эмилии. Народ,

только что начавший революцию против абсолютизма, едва ли станет защищать династические интересы своего государя. Венцы уже доказали это раньше, и потому вполне возможно, что переход австрийских войск через По послужит для революционной партии как в Вене, так и в Венгрии сигналом к более решительной борьбе.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6039 от 1 сентября 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

УРОЖАЙ В ЕВРОПЕ.

Лондон, 21 августа 1860 г.

Чем дальше идет лето, тем мрачнее становятся перспективы урожая и тем слабее надежды на возможность возвращения хорошей погоды. Погода минувшим летом была повсюду совершенно исключительная, не только в Англии, но и повсюду в Северной Европе, Северной Франции, Бельгии и в Рейнских провинциях. Что касается Англии, то вот верное описание ее погоды:

«После холодной, запоздалой весны июнь месяц оказался настолько дождливым, что во многих районах невозможно было посеять репу, прополоть свеклу, а также выполнить обычные сезонные работы. Затем, после десяти хороших дней погода сделалась настолько неустойчивой, что два дня подряд без дождя казались уже чем-то удивительным. Но помимо исключительной сырости, настоящее, точнее говоря, минувшее лето отличалось отсутствием солнечных дней и чрезвычайно низкой температурой, которая держалась даже тогда, когда не было дождя».

Среднее количество ежегодных годовичных осадков равно приблизительно 20 дюймам, а их количество, выпавшее в мае и июне месяцах, достигло цифры 11,17; отсюда видно, что два эти месяца дали свыше половины годового количества влаги. В течение последней недели, начало которой, казалось, предвещало перемену к лучшему, погода оказалась еще более неустойчивой и как никогда бурной, огромные ливни сопровождалась 16 и 18 августа грозами и бурями при юго-западном ветре. В связи с этим цены на пшеницу в Марк-Лейне повысились вчера приблизительно на 2 шиллинга за квартал сравнительно с их рыночной ценой в последний понедельник.

Уборка сена уже встретила серьезные помехи и замедлилась вследствие непрерывных ветров, дождя и холода. Уже скошенная трава все время мокнет, и следует опасаться, что значительная часть ее питательных веществ погибла от сырости и потому в большей части она пойдет не на корм, а на подстилку, что причинит серьезный

убыток, ибо сильно повысит расход яровых хлебов. Много сена еще не убрано, а много пропало совсем.

«Едва ли может быть сомнение, — читаем мы в субботнем номере «Gardeners Chronicle», — что урожай пшеницы в общем сильно поврежден. Из 140 отчетов, полученных от такого же количества корреспондентов в Англии и Шотландии, не менее 91 сообщают, что урожай будет ниже среднего, и если взять главные производящие пшеницу районы, то пропорция неблагоприятных отчетов оказывается столь же значительна. Так, пять из шести отчетов Линкольншира, три из пяти отчетов Норфолька и Сеффолька и все отчеты графств Оксфорда, Глостершира, Уильтса, Хентса и Кента дают неблагоприятные сведения». Значительная часть урожая пшеницы сгнила на корню, раньше чем созрело зерно, а во многих районах он был поврежден и поражен ржавчиной. В то время как пшеница поражена болезнью, причем во многих районах очень сильно, картофельная болезнь, начавшаяся в 1845 г., сильно свирепствовавшая в следующие четыре года и постепенно затихшая после 1850 г., возобновилась в еще более тяжелой форме, и не в одной только Ирландии, но также во многих районах Англии и в северной части континента.

Вот как «Freeman's Journal» резюмирует общие виды на урожай в Ирландии: «Урожай овса в общем признан погибшим. За исключением немногих незначительных районов, овес еще не созрел, но совершенно зелен и от сильных непогод полег. Пшеницу, повидимому, ждет общая печальная участь, угрожающая всем зерновым хлебам. До сих пор сжато лишь немного пшеницы, и ее урожай, лишь несколько недель тому назад возбуждавший самые радужные надежды, теперь внушает фермерам самые тревожные опасения. Что же касается урожая картофеля, то, по общему мнению, если нынешняя погода продержится еще месяц, он пропадет совсем». Согласно «Wexford Independent», «болезнь картофеля прогрессирует, и в некоторых местах целая треть всего количества оказалась пораженной, независимо от его величины, сорта и времени посадки».

Итак, во всяком случае с достоверностью можно сказать следующее: жатва вообще значительно запоздает сравнительно с обычными сроками, и, следовательно, наличных запасов нехватит. Частичная гибель сена в связи с болезнью картофеля вызовет в небывалой степени потребление зерновых хлебов, а урожай всех сортов зерна, в особенности пшеницы, окажется значительно ниже среднего уровня. До сих пор ввоз из-за границы давал не превышение сравнительно с ввозом в 1858 и 1859 гг., а, напротив, значительное понижение.

С другой стороны, хотя цены за хлеб в среднем стоят теперь на 26% выше, чем в тот же период прошлого года, они все же умерялись востыями о хорошем урожае в Америке и на юге России, надеждой на благоприятный поворот в погоде и крайней осторожностью во всех денежных сделках, вызванной недавним кризисом в торговле кожей. Из сравнения нынешних цен с ценами тех же периодов с 1815 г. приходится заключить, что средняя цена пшеницы, которую теперь можно считать равной от 58 до 59 шилл. за квартал, должна будет повыситься, по крайней мере в Англии, до 65 — 70 шиллингов. Результат такого повышения цен на хлеб будет еще, кроме того, значительно ухудшен его совпадением с прогрессирующим упадком экспортной торговли страны. С 63 003 159 ф. ст., вырученных в течение шести месяцев по 30 июня 1859 г., британский экспорт упал до 62 019 989 ф. ст. в течение соответствующего периода 1860 г., и, как я показал в одном из предшествующих писем, сокращение вызвано главным образом падением продажи хлопчатобумажных тканей и пряжи в результате насыщения азиатского и австралийского рынков. Если экспорт, таким образом, падает, то импорт сравнительно с тем же периодом 1859 г. значительно повысился. Действительно, мы видим, что за пять месяцев, по 31 мая, ввоз в 1859 г. равняется 44 968 863 ф. ст., а в 1860 г. — 57 097 638 ф. стерлингов.

Это превышение ввоза над вывозом неизбежно должно усилить отлив золота и тем самым создать еще более неустойчивое состояние денежного рынка, характерное для всех периодов неурожаев и чрезвычайных закупок иностранного зерна. Если в Англии действие неминусового денежного давления едва ли выйдет за пределы экономики, то совершенно иначе обстоит дело на континенте, где серьезные политические волнения почти неизбежны, коль скоро денежный кризис совпадает с недородом и значительным повышением налогового обложения. Самые серьезные опасения уже волнуют Париж, где городское управление как раз теперь занято скупкой целых участков старых домов на слом для доставления работы «ouvriers» [рабочим]. Цены на лучшую пшеницу в Париже в настоящее время столь же высоки, если еще не выше, чем в Лондоне, а именно — они равняются от 60 шилл. 6 пенс. до 61 шиллинга. Последние плутни, которыми Луи Бонапарт пытался отвлечь общественное мнение, а именно — экспедиция в Сирию, возведение Испании в ранг «великой державы», переговоры с Пруссией, попытки помешать успехам Гарибальди, — все потерпели полный крах, а тут вдобавок еще напасти из-за дурной погоды, неотложных платежей и безденежья в казначействе и

тот самый момент, когда его политический «престиж» явно значительно обесценивается. Если это последнее утверждение нуждается в доказательстве, то не служит ли таковым его письмо к «Mon cher Persigni» [моему дорогому Персиньи]?

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6043 от 6 сентября 1860 г.

Без подписи. •

ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ.—ЕВРОПЕЙСКИЕ ФИНАНСЫ И ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ.—ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС¹.

Лондон, 25 августа 1860 г.

Так как за эту неделю погода не улучшилась, то вчера в Марк-Лейне цена разделанной в городе муки поднялась на 6 шилл. за мешок, и в иностранные порты немедленно же были даны заказы на покупку почти 1 000 000 квартеров этого продукта. Почти все импортеры разделяют мнение, высказанное мною в недавнем письме, что цены на хлебном рынке неизбежно будут еще более подниматься. Принятые недавно Францией меры в отношении хлебной торговли делают эту страну непосредственным конкурентом британских хлебо-торговцев. Как известно, во Франции существует скользящая шкала, регулирующая импортные и экспортные пошлины на зерно, и эта скользящая шкала варьирует для тех восьми округов, на которые разделена вся страна в отношении хлебной торговли. Декретом, опубликованным в «Moniteur» от 23-го с. м., эта скользящая шкала полностью отменяется. Декрет постановляет, что импортируемые сухопутным или морским путем на французских или иностранных судах зерно и мука, откуда бы они ни поступали, должны будут оплачиваться вплоть до 30 сентября 1861 г. лишь минимальной пошлиной, установленной законом 15 апреля 1832 г.; он постановляет также, что суда, груженные зерном и мукой, должны освобождаться от сборов с тоннажа и, наконец, что суда с таким грузом, оставившие любой иностранный порт до указанной даты 30 сентября 1861 г., должны уплачивать только указанный выше минимум и должны освобождаться от сборов с тоннажа. Минимум, о котором идет речь, составляет 25 центов на гектолитр (около $2\frac{3}{4}$ бушелей). Итак, Франция, которая в 1858 и 1859 гг. отправила в Англию больше пшеницы (2 014 923 квартера) и больше муки (4 326 435 центнеров), чем какая бы то ни было другая страна, в настоящее время будет серьезно конкурировать с Англией по части закупки хлеба на иностранных рынках, — временная отмена французской скользящей шкалы облегчает возможность такой

¹ Заглавие статьи принадлежит редакции. *Ред.*

конкуренции. Двумя главными экспортными рынками, с которых Англия и Франция могут получать хлеб, являются Соединенные Штаты и Южная Россия. Что касается этой последней страны, то известия об урожае носят самый противоречивый характер. С одной стороны, утверждают, что урожай весьма обилен; с другой стороны, говорят, что проливные дожди и наводнения повредили урожаю во всех частях империи, что хлебные поля южных провинций подверглись большим опустошениям саранчи, — бич, который впервые появился в Бессарабии и опустошительное действие которого власти напрасно старались ограничить определенным районом, охраняемым армией в 20 000 человек. Полный размер этого бедствия, конечно, нельзя точно определить, но во всяком случае оно будет способствовать дальнейшему и еще более быстрому увеличению хлебных цен. Некоторые лондонские газеты воображают, что утечка звонкой монеты, неизбежно вызываемая большим и внезапным импортом зерна, может нейтрализоваться и не привести к обычным последствиям на денежном рынке благодаря доставке золота из Австралии. Ничто не может быть нелепее этого предположения. Во время кризиса 1857 г. резервы звонкой монеты достигли более низкого уровня, чем когда-либо в подобную эпоху до открытия Австралии и Калифорнии. Ранее я доказывал на основании неопровержимых фактов и цифр, что необычайно большой импорт золота в Англию, наблюдавшийся после 1851 г., более чем нейтрализовался необычайно большим экспортом золота. Кроме того, следует отметить тот факт, что после 1857 г. резервы звонкой монеты в Английском банке не только не превышали средней нормы, но все время шли на убыль. В августе 1858 г. они составляли 17 654 506 ф. ст., в августе 1859 г. они понизились до 16 877 255 ф. ст., а в августе 1860 г. — до 15 680 840 ф. стерлингов. Если утечка золота еще не наступила, то это явление можно объяснить тем обстоятельством, что перспектива неурожая только теперь начинает оказывать свое влияние, а в то же время норма процента была до сих пор в Лондоне выше, чем на прочих главных биржах континента, т. е. в Амстердаме, Франкфурте, Гамбурге и Париже.

Континентальная Европа представляет в настоящий момент весьма странное зрелище. Франция, как известно, испытывает тяжелые финансовые затруднения, но, тем не менее, она вооружается в столь гигантском масштабе и с такой неутомимой энергией, как если бы она владела лампой Аладина. Австрия на краю банкротства, но она все-таки находит деньги для прокормления огромной армии и снабжения четырехугольника своих крепостей нарезными пушками. А Россия, где все денежные операции правительства

кончились неудачей, где говорят о национальном банкротстве как о вероятном событии, где армия ропщет вследствие невыплаты жалованья и где даже верность императорской гвардии подвергается суровому испытанию, так как жалованье гвардейцам не выплачивалось в течение последних пяти месяцев, — Россия, тем не менее, отправляет массу войск к Черному морю и держит в Николаеве наготове 200 кораблей для перевозки войск в Турцию. Неспособность русского правительства справиться с вопросом об отмене крепостного права, денежное положение и новое обострение польского вопроса повидимому побуждают его стремиться к войне как к последнему средству усыпления нации. Поэтому жалобы, раздающиеся во всех частях империи и во всех слоях русского общества, заглушаются по приказу правительства фанатическими криками об отмщении за обиды бедных попираемых христиан Турции. Изю дня в день русская пресса изобилует иллюстрациями и доказательствами необходимости интервенции в Турцию. Следующее извлечение из «Инвалида» может служить хорошим образчиком¹:

«Этот вопрос долго еще будет предметом суждения всех европейских газет. Нельзя не говорить о нем, потому что он один обратил теперь на себя внимание всей Европы. Только равнодушным ко всему человечеству читателям может он надоесть. Мы же не только обязаны представлять ежедневно его подробности нашим читателям, но и излагать как прошедшие события, так и будущие случайности, чтобы общественное мнение видело, какие средства принимаются и должны быть приняты к прекращению этого неестественного положения дел, составляющего стыд нашего века и цивилизации.

«Но видя варварство и зверский фанатизм турок, мы не менее того, по исторической справедливости, должны прибавить, что сама Европа виновата в этом и должна сама себе приписать причины и последствия этих убийств. Будем теперь говорить откровенно. Для чего Европа предприняла несправедливую войну против России в 1853—1854 годах? Она объявила гласно двойную цель. Она хотела остановить мнимое честолюбие и преобладание России, а с другой стороны, хотела прекратить всякое угнетение христиан, страдавших под игом турок. Следственно, Европа сознавалась в этих угнетениях и страданиях, но она хотела, чтобы, прекратив их *общим* посредничеством своим, оставить Турцию во всей ее целостности и неприкосновенности, почитая это будто бы необходимым для своего равновесия. Когда война кончилась, то дипломаты занялись средствами к достижению этой двойной цели и к управлению ее. Прежде всего условились принять Турцию в семейство европейских держав и оградить ее от всякого отдельного посредничества. Это легко было сделать, и одна из двух целей была достигнута. Но вторая? Достигнута ли она? Приняты ли гарантии, чтобы спасти христиан от тягостного рабства и угнетения? Увы! В этом отношении Европа поверила словам, бумаге, без всякого ручательства. Еще в первых нотах

¹ Выдержки, приведенные Марксом из газеты «Русский Инвалид», даются по русскому оригиналу. *Ред.*

8 августа 1854 г., когда стали думать о прекращении войны и составили знаменитые четыре пункта гарантий, положено было потребовать от Порты сохранения религиозных прав всех христиан. То же выражено было и в мемории 28 декабря 1854 г., представленной с.-петербургскому кабинету. Наконец, в preliminaryном проекте 1 февраля 1856 г., составленном в Вене и приложенном к протоколу первого заседания парижского конгресса, сказано было в 4-й статье: «Права райёв¹ будут сохранены, не нарушая независимости и достоинства султана. Австрия, Франция, Великобритания и Порта согласны между собою в обеспечении политических и религиозных прав христианских подданных Турции, пригласив к этому соглашению и Россию при заключении мира.

«Долго обсуждал этот предмет парижский конгресс со второго своего заседания. Это видно из протоколов 28 февраля, 24 и 25 марта. Хотели согласить две невозможные вещи, верховные права султана и права его подданных, принимая и те, и другие под общее покровительство и посредничество всей Европы. Конгресс забыл, что права райёв, которые он хотел сохранить, были утверждены прежними трактатами с Портою, вынужденными у нее силою и уже нарушившими права верховной власти султана, которые теперь тоже хотели сохранить. Для соглашения этих двух несогласных пунктов придумали знаменитый хатти-гумайюн², как бы собственно волею султана составленный и обнародованный. В нем обещано сохранение и улучшение всех прав христианских подданных, а чтобы иметь гарантии в исполнении этого обещания, упомянули об этом хатти-гумайюне в мирном трактате. За это исполнение конгресс в 9-м пункте договора отказался от всякого вмешательства во внутренние дела Турции.

Что же сделал конгресс? Обеспечил ли он исполнение обещания хатти-гумайюна? Обязательны ли они для султана? Вовсе нет. О нем упомянули в трактате, расхвалили мудрость этих обещаний, но не предусмотрели (что вся Европа заранее знала и говорила), что этот документ будет мертвою буквою. И теперь, когда после слишком четырехлетнего невыполнения его произошли ужаснейшие убийства в Сирии, имеет ли Европа право по трактату на посредничество? Нет! Она должна сознавать, что была слишком снисходительна и доверчива, с одной стороны, и слишком несправедлива — с другой. Еще недавно Россия предупреждала все кабинеты, что фанатизм мусульман несколько не ослаб, не охладел, что готовятся новые вспышки, а прежние угнетения и насильства продолжают; но Европа довольствовалась обещанием Порты, что она производит следствие и накажет виновных. Надобно было для всеобщего убеждения, чтобы изуверы перерезали несколько тысяч невинных жертв. Только теперь приступили к посредничеству, да и то с какими затруднениями, оговорками, медленностью, как будто для того, чтобы дать возможность к безнаказанности. Все забываются о буквальном уважении трактата. 30 марта 1856 г., точно так же, как в делах Италии 1859 г. забывали положение народов, а думали о букве венских трактатов.

«Человечество, вера, цивилизация — вот общий трактат Европы с Турциею. Если она нарушает его, то сама вызывает посредничество и последствия его...

«До 1856 г. европейские державы имели с Портою трактаты, по которым могли всегда делать ей представления об участии христиан. Теперь спрашивается,

¹ Райа — немусульманское население в старой Турции. Подробнее см. статью Маркса в т. X Сочинений, стр. 6 — 12. *Ред.*

² Хатти-гумайюн — указ, скрепленный подписью султана; здесь имеется в виду указ 1856 г. о равноправии христиан в Турецкой империи. *Ред.*

уничтожено ли это право трактатом 30 марта 1856 года? Отказалась ли Европа от права защищать своих единоверцев? Отказалась, если рассчитывала, что хатти-гумайюн 18 февраля будет выполнен; если поверила, что обещанные реформы будут приведены в исполнение; отказалась, если думала, что нравы, обычаи, страсти и закон корана могут измениться. Но этого не было и быть не могло. Европа, увлеченная своею политической идеею, что Турция необходима для равновесия, вздумала принять ее в семейство европейских держав, но, разумеется, с мыслью, что она будет вполне *европейскою*, отбросив древние мусульманские идеи, что меч составляет единственный закон между кораном и подвластными ему народами, что побежденный—значит *раб*, т. е. вещь, принадлежащая победителю, и что жизнь его, имущество и семейство зависят от воли господина. Вот основная мысль, руководствовавшая Европою в 1856 году. При всем своем враждебном пристрастии против России, порожденном несправедливою и кровопролитною войною, Европа не освободила Порту от всех прежних ее обязательств, а, напротив того, требовала еще большего, вернейшего и обеспеченного улучшения участи христиан. Истинная цель общего протекторства Европы именно в том и состояла. Только за эту цену гарантировала она Турции ее целост и неприкосновенность. Иначе ни война, ни мир не были бы оправданы; иначе за что же было принять Турцию в христианское семейство, за что было бы обеспечивать ей будущую политическую безопасность? Одно условие с другим так тесно, нераздельно связано, что очевидно для каждого — без первого не может быть и второго.

«Форма условия, правда, имеет некоторые недостатки. Буквально судя, Европа по 9-му пункту Парижского трактата формально отказалась от посредничества во внутренние дела Порты, но самый этот пункт упоминает, что это делается на основании хатти-гумайюна 18 февраля, которым христиане уравниваются в правах с мусульманами. Здравая логика говорит, что если это не выполнено, то и 9-й пункт не имеет значения.

«Напрасно Турция с таким жаром восстала ныне против посредничества в Сирии. Оно было неизбежно, если положение христиан не изменилось, если даже сделалось худшим. Напрасно и Англия противилась этому посредничеству. Она могла иметь свои собственные политические и торговые к этому причины, которых важность и справедливость мы не обсуждаем, но и не должна была ссылаться на 9-й пункт Парижского трактата. Он нарушен не посредничеством, а невыполнением хатти-гумайюна. Напрасно и теперь Европа, решаясь на необходимое посредничество, приняла опять те же дипломатические формы, которых недостаток могла она видеть по Парижскому трактату. И теперь опять сказано, что посредничество принимается по *желанию* Порты... Не известно еще результат этого требования, но если оно и устранено до времени, то сделается необходимым. Пророчествам Кассандры не верил Илион — и погиб»¹.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6046 от 10 сентября 1860 г.

Без подписи.

¹ «Русский Инвалид» №№ 164 и 165 от 31 июля и 2 августа 1860 года. Статья «Восточный вопрос», без подписи. *Ред.*

ПРОДВИЖЕНИЕ ГАРИБАЛЬДИ.

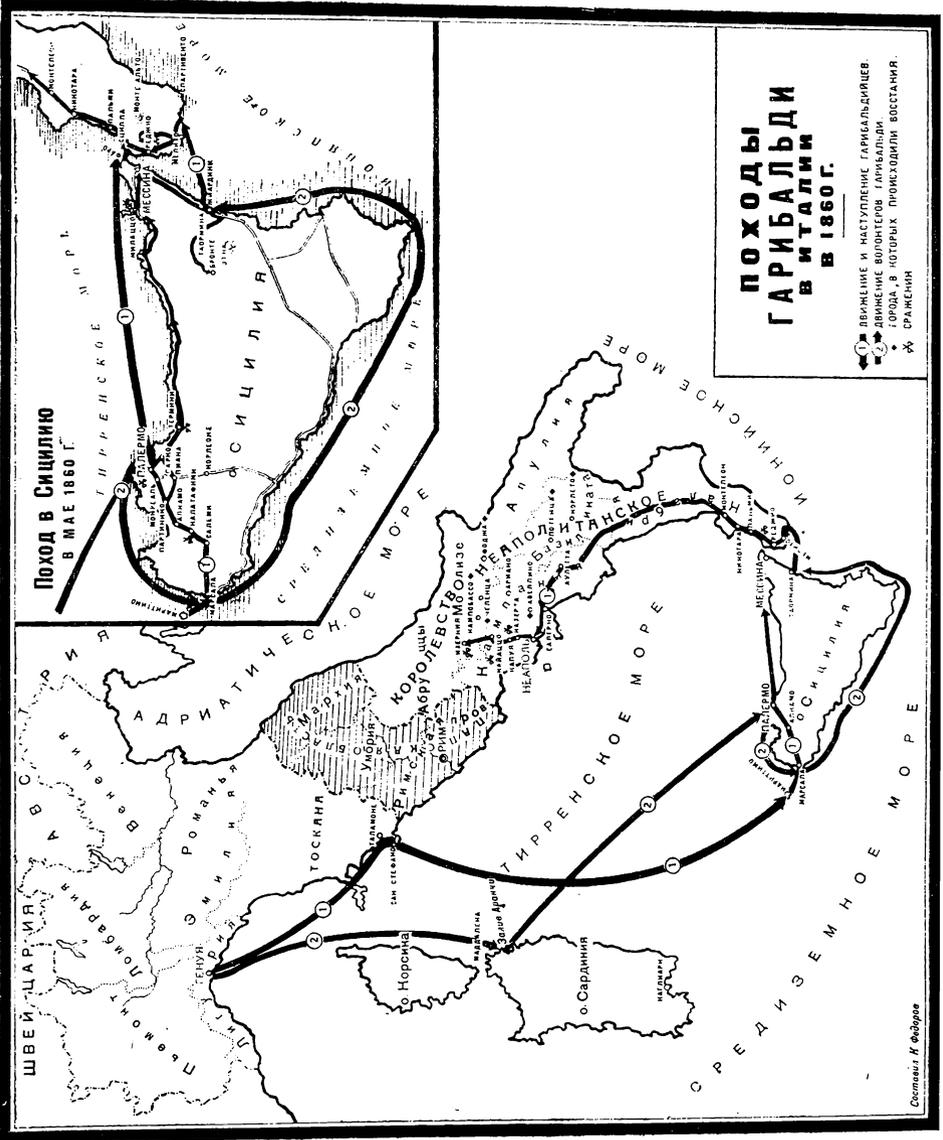
По мере того как разворачиваются события, мы получаем возможность понять тот план освобождения Южной Италии, который разработал Гарибальди, и чем ближе мы знакомимся с этим планом, тем более восхищаемся его грандиозностью. Такой план можно было задумать и проводить в жизнь только в такой стране, как Италия, где национальная партия так прекрасно организована и находится целиком под руководством человека, с таким блестящим успехом обнажившего свой меч за дело итальянского единства и независимости.

План не ограничивался только освобождением неаполитанского королевства; одновременно с этим должно было начаться наступление на Папскую область, чтобы таким образом дать работу не только войскам «короля-Бомбы», но и армии Ламорисьера и стоящим в Риме французам. Около 15 августа 6 000 волонтеров, постепенно переведенных из Генуи в Апельсинный залив (Гольфо-дельви-Аранчи), на северо-восточном побережье острова Сардинии, должны были быть переброшены на побережье Папской области, в то время как в различных провинциях континентальной части неаполитанского королевства должно было начаться восстание, а Гарибальди должен был переехать через Мессинский пролив в Калабрию. Некоторые замечания Гарибальди о трусости неаполитанцев и полученные с последним пароходом сведения о его триумфальном вступлении в Неаполь делают вероятным, что восстание на улицах этого города, оказавшееся, впрочем, излишним вследствие бегства короля, было частью общего плана.

Высадка в Папской области, как уже известно, не состоялась, отчасти вследствие настояний Виктора-Эммануила, отчасти же, и главным образом потому, что сам Гарибальди пришел к убеждению о непригодности волонтеров для ведения самостоятельной кампании. Поэтому он взял их в Сицилию, часть из них оставил в Палермо, а остальных послал кругом острова на двух пароходах в Таормину, где они сейчас и находятся. Тем временем в провинциальных городах Неаполя, как было решено заранее, начались восстания, показавшие, насколько хорошо была организована революционная партия и на-

ПОХОДЫ ГАРИБАЛЬДИ В ИТАЛИИ В 1860 Г.

1 — ПЕРВЫЕ И НАСТУПЛЕНИЕ ГАРИБАЛЬДИ
 2 — ДВИЖЕНИЕ ВОЛОНТЕРОВ ГАРИБАЛЬДИ
 3 — МЕСТА, В КОТОРЫХ ПРОИЗОШЛИ ВОССТАНИЯ
 X — СРАЖЕНИЯ

**Покорение Сицилии
в мае 1860 г.**

сколько созрела страна для восстания. 17 августа восстание вспыхнуло в городе Фоджа, в Апулии. Драгуны, из которых состоял городской гарнизон, присоединились к народу. Генерал Флорес, командовавший округом, послал две роты 13-го полка, которые по прибытии на место сделали то же самое. Тогда генерал Флорес прибыл на место сам в сопровождении своего штаба; но он ничего не мог сделать и вынужден был удалиться. Этот образ действий ясно показывает, что и сам Флорес не желал оказывать серьезного сопротивления революционной партии. Если бы он думал о серьезном сопротивлении, он послал бы не две роты, а два батальона и, выезжая на место лично, захватил бы с собой не нескольких адъютантов и вестовых, а такой сильный отряд, какой только он мог бы собрать. В самом деле, уже одно то обстоятельство, что инсургенты позволили ему снова оставить город, достаточно ясно показывает, что между ним и повстанцами существовало по меньшей мере какое-то молчаливое соглашение. Другое движение вспыхнуло в провинции Базиликата. Здесь повстанцы собрали свои силы в Карлетто-Пертикара, деревушке на берегу реки Ланьи (по всей вероятности, это то самое место, которое в телеграммах именуется Корлето).

Из этого гористого и отдаленного округа они направились в главный город провинции Потенцу, куда прибыли 17 августа в составе 6 000 человек. Сопротивление им оказали только жандармы, в количестве около 400 человек, которые после кратковременной схватки были рассеяны, а затем один за другим сдались. От имени Гарибальди было учреждено провинциальное правительство и назначен временный диктатор. Сообщают, что этот пост занял королевский интендант (губернатор провинции), — еще один признак того, сколь безнадежным считают дело Бурбонов даже их собственные административные органы. Из Салерно были посланы четыре роты 6-го линейного полка для подавления этого восстания, но по прибытии в Аулетту, находящуюся приблизительно в 23 милях от Потенцы, они отказались идти далее и стали кричать «Viva Garibaldi!» [«Да здравствует Гарибальди!»]. Это единственные выступления, о которых до нас дошли некоторые подробности. Но нам, кроме того, сообщают, что к восстанию примкнули и другие местности, как, например, Авеллино, город, отстоящий от Неаполя менее чем в 30 милях; Кампобассо, в провинции Молизе (на Адриатическом побережье), и Челенца, в Апулии, — вероятно, тот самый город, который в телеграммах именуется Чилента; он расположен на полупути между Кампобассо и Фоджа. В настоящее время к ним присоединился и сам Неаполь. Пока неаполитанские провинциальные города выполняли таким образом каждую назначенную ему часть работы, Гарибальди не сидел сложа руки.

Как только он вернулся из своего путешествия в Сардинию, он закончил приготовления к переезду на континент. Его армия состояла теперь из трех дивизий под командой Тюрра, Козенца и Медичи. Две последних дивизии, сосредоточенные вокруг Мессины и Фаро, были направлены к северному побережью Сицилии между Милаццо и Фаро, дабы сделать вид, что там их погрузят на суда и высадят на Калабрийском побережьи, к северу от пролива, где-нибудь около Пальми или Никотары. Что касается дивизии, находившейся под начальством Тюрра, то бригада Эбера расположилась лагерем около Мессины, а бригада Биксио была отправлена во внутреннюю часть острова, в Бронте, для подавления местных беспорядков. Обeim им было приказано немедленно направиться в Таормину, где вечером 18 августа бригада Биксио вместе с привезенными из Сардинии волонтерами была посажена на два парохода, «Торино» и «Франклин», и на несколько транспортных судов, взятых на буксир.

За десять дней до этого майор Миссори с 300 человек переехал через пролив и благополучно пробрался через неаполитанскую линию на высокую и пересеченную местность Аспромонте. Здесь к нему присоединились другие небольшие отряды, перебрасываемые время от времени через пролив, и калабрийские инсургенты, так что к этому времени под его командой находилось приблизительно до 2 000 человек. Как только высадился его маленький отряд, неаполитанцы послали в погоню за ним около 1 800 человек, но эти 1 800 героев действовали таким образом, чтобы им никогда не пришлось встретиться с гарибальдийцами.

19 августа на рассвете экспедиция Гарибальди (на борту парохода находился *он сам*) высадилась между Мелитой и мысом Спартивенто, на крайней южной оконечности Калабрии.

Они не встретили никакого сопротивления. Неаполитанцы были настолько обмануты демонстративными движениями, угрожавшими высадкой десанта к северу от пролива, что совершенно не обращали внимания на южные районы. Таким образом, кроме 2 000 человек, собранных Миссори, удалось перебросить на континент еще 9 000 человек.

Получив эти подкрепления, Гарибальди немедленно двинулся на Реджио, который был занят четырьмя ротами линейных войск и четырьмя ротами стрелков. Но гарнизон этот, по всей вероятности, получил некоторые подкрепления, ибо, как сообщают, в самом Реджио или около него 21 августа произошло весьма ожесточенное сражение. После того как Гарибальди взял штурмом несколько передовых укреплений, артиллерия форта Реджио отказалась поддерживать

огонь, и генерал Виале капитулировал. В этом сражении был убит полковник Дефлот (республиканский депутат от Парижа во Французском законодательном собрании 1851 года).

Неаполитанская флотилия, стоявшая в проливе, отличалась тем, что ровно ничего не делала. После того как Гарибальди произвел высадку, командующий морскими силами телеграфировал в Реджио, что его корабли не могли оказать никакого сопротивления, так как у Гарибальди было 8 больших военных кораблей и 7 транспортных судов. Флотилия эта не оказала никакого сопротивления и переправе дивизии генерала Козенца, имевшей место, вероятно, 20-го или 21-го, в узком месте пролива, между Сциллой и виллой Сан-Джиованни, в том самом месте, где было сосредоточено наибольшее количество неаполитанских судов и войск. Высадка Козенца сопровождалась чрезвычайно большим успехом. Две бригады Мелендеса и Бриганти (неаполитанцы называют бригады батальонами) и форт Пеццо (а не Пиццо, как говорится в некоторых телеграммах; это местечко расположено далеко на север за Монтелеоне) сдались ему, повидимому, без единого выстрела. Как передают, это произошло 21-го; в этот же день после небольшой стычки была занята вилла Сан-Джиованни.

Таким образом, Гарибальди в течение трех дней овладел всем побережьем пролива, включая некоторые укрепленные пункты; несколько форт, остававшихся еще у неаполитанцев, стали теперь для них бесполезны.

В последующие дни, повидимому, происходила перевозка остальных войск и артиллерии, — по крайней мере мы не слышим ни о каких дальнейших сражениях вплоть до 24 августа, когда, по сообщению, произошла ожесточенная стычка в пункте, который телеграммы называют Пиале, но который не значится на картах. Быть может, под этим именем известен какой-нибудь горный поток, и ущелье, им образуемое, послужило оборонительной позицией для неаполитанцев. По слухам, стычка не привела к решительным результатам. Через некоторое время гарибальдийцы предложили перемирие, и неаполитанский командующий передал это предложение своему главнокомандующему в Монтелеоне. Но прежде чем пришел ответ, неаполитанские солдаты, повидимому, пришли к заключению, что они достаточно поработали на своего короля, и рассеялись, оставив батареи без прикрытия.

Главный отряд неаполитанцев под командой Боско в течение всего этого времени стоял, повидимому, в бездействии в Монтелеоне, милях в тридцати от пролива. Должно быть войска не проявляли особого желанья сражаться с вторгшимися отрядами, и потому генерал

Боско поехал в Неаполь, чтобы захватить оттуда шесть батальонов стрелков, которые, наряду с гвардейцами и иностранными отрядами, являются наиболее надежными частями армии. Мы позже узнаем, были ли и эти шесть батальонов охвачены тем же духом подавленности и деморализации, который господствует в неаполитанской армии. Достоверно одно, — именно, что ни эти, ни какие-либо другие войска не смогли помешать Гарибальди победоносно и, по всей вероятности, без всяких препятствий дойти до Неаполя, после чего оказалось, что королевская семья бежала, а ворота города открылись перед торжествующим победителем.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6056 от 21 сентября 1860 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

ГАРИБАЛЬДИ В КАЛАБРИИ.

В настоящее время мы располагаем подробными сведениями относительно завоевания Гарибальди Нижней Калабрии и полного рассеяния неаполитанских войск, которым была поручена ее защита. В этот момент своей победоносной карьеры Гарибальди показал себя не только смелым вождем и ловким стратегом, но и научно-подготовленным генералом. Наступление главными силами против цепи прибрежных фортов — это такое предприятие, которое требует не только военного таланта, но и военных знаний; можно с удовлетворением констатировать, что наш герой, который за всю свою жизнь не сдал ни одного военного экзамена и который вряд ли когда-либо служил в регулярной армии, так же хорошо справляется с этим видом войны как и со всяким другим.

Носок итальянского сапога образуется горной цепью Аспромонте, которая заканчивается вершиной Монте-Альто, высотой около 4 300 футов. Отсюда воды сбегают к побережью по множеству глубоких ущелий, расходясь из Монте-Альто, как из центра, радиусами полукруга, периферию которого образует берег. Эти ущелья вместе с руслами текущих по ним горных потоков, которые в это время года высыхают, называются *фиумаре* и образуют много удобных позиций для отступающей армии. Правда, их можно обогнуть со стороны Монте-Альто, особенно ввиду того, что на хребте каждого отрога и на хребте главной цепи Аспромонте имеются выючные и пешеходные тропинки; но полное отсутствие воды на этой высокой местности сделало бы подобный маневр довольно трудным для большого отряда в летнее время года. Отроги горы спускаются к берегу и далее к морю крутыми и беспорядочно нагроможденными скалами. Форты, охраняющие пролив между Реджио и Сциллой, построены отчасти на берегу, главным же образом на низких выдающихся вперед скалах непосредственно у берега. Вследствие этого все они доступны овладению с более высоких утесов, расположенных поблизости и командующих над ними, и хотя эти командные точки недоступны для артиллерии и большей частью расположены вне досягаемости старой «смуглой Бетси» и во время постройки фортов им не

придавали никакого значения, после появления современных винтовок они приобрели решающее значение; большая часть из них находится в пределах досягаемости огня винтовок, и, таким образом, они теперь действительно командуют над фортами. При этих условиях энергичное наступление на эти форты, вопреки всем правилам регулярной осады, было вполне целесообразным. Очевидно, Гарибальди собирался сделать следующее: послать одну колонну по большой дороге, вьющейся вдоль берега и открытой обстрелу с фортов, делая вид, что он намеревается напасть на неаполитанские отряды с фронта, а другую колонну он должен был послать через холмы вверх по ущелью настолько высоко, насколько этого требовали характер местности или линия фронта неаполитанских оборонительных позиций. Таким образом, он имел возможность окружить и войска, и форт и занять командующее положение в любой стычке.

В соответствии с этим планом Гарибальди 21 августа послал Биксио с частью его войск вдоль берега по направлению к Реджио, а сам с небольшим отрядом и войсками Миссори, которые присоединились к нему, направился через горы. Неаполитанцы в составе восьми рот, около 1 200 человек, занимали ущелье, расположенное у Реджио. Биксио, который должен был первый начать атаку, послал одну колонну по песчаному берегу на крайний левый фланг, а сам двинулся вперед по дороге. Неаполитанцы очень скоро отступили, но их левое крыло, находившееся на холмах, держалось против небольшой горсточки авангарда Гарибальди до тех пор, пока не подошел отряд Миссори и не отбросил их. Они отступили в форт, который расположен посреди города, и к маленькой батарее на берегу. Эта последняя была взята стремительной атакой трех рот Биксио, ворвавшихся через амбразуру. Затем Биксио, нашедший в этой батарее два неаполитанских тяжелых орудия и снаряды, стал бомбардировать главный форт, но это не принудило бы форт к сдаче, если бы искусные стрелки Гарибальди не заняли командующих высот, с которых они могли обстреливать и расстреливать находившихся на батареях артиллеристов. Это возымело свое действие: артиллеристы покинули платформы и убежали в казематы; форт сдался, солдаты частью присоединились к Гарибальди, но большинство разошлось по домам. Пока эти события происходили в Реджио и внимание неаполитанских пароходов было отвлечено этой битвой, разрушением севшего на мель парохода «Торино» и демонстративной погрузкой отряда Медичи в Мессине, Козенц успел переправить на 60 лодках 1 500 человек из Фаро-Лагоре и высадил их на северо-западном побережье между Сциллою и Баньярой.

23 августа произошла небольшая стычка у Саллицио, немного

дальше Реджио, причем пятьдесят гарибальдийцев, — англичан и французов, под командой полковника Дефлота, разгромили неаполитанцев, превосходивших их по численности в четыре раза. В этой стычке погиб Дефлот. В этот же самый день генерал Бриганти, командовавший в Нижней Калабрии бригадой, входившей в состав войск Виале, имел беседу с Гарибальди относительно условий перехода в лагерь итальянцев; это свидание лишний раз показало наличие полной деморализации среди неаполитанцев. С этого момента для них не могло быть и речи о победе, речь могла идти только о сдаче. Бриганти и Мелендес, командир второй подвижной бригады Нижней Калабрии, заняли позицию неподалеку от берега, между виллой Сан-Джиованни и Спиллой, причем их левое крыло простиралось до холмов близ Фиумаре-ди-Муро. Численность их соединенных сил может быть определена приблизительно в 3 600 человек.

Гарибальди, установив связь с Козенцем, который высадился в тылу этого отряда, окружил неаполитанцев со всех сторон и затем спокойно дожидался их сдачи, которая и последовала к вечеру 24-го. Он взял у них оружие и разрешил солдатам, если они пожелают, идти домой, что большинство из них и сделало. Форт Пунта-ди-Пеццо также сдался, и примеру его последовали укрепленные посты Алла-Фиумаре-Торре-дель-Кавалло и Спиллы, ибо защищавшие их отряды были совершенно деморализованы как вследствие ружейного огня с командующих высот, так и вследствие сдачи прочих фортов и линейных войск. Таким образом, не только было обеспечено полное господство над обеими сторонами пролива, но и завоевана вся Нижняя Калабрия, и менее чем в пять дней посланные на ее защиту войска были взяты в плен и распущены по домам.

Этот ряд поражений сломил у неаполитанской армии всякую способность к дальнейшему сопротивлению. Офицеры остальных батальонов Виале, в Монтелеоне, решили, чтобы сохранить внешнее приличие, защищать свою позицию в течение часа, а затем сложить оружие. Восстание в других провинциях делало быстрые успехи; целые полки отказывались выступать против инсургентов, и даже среди войск, защищавших Неаполь, началось дезертирство, и таким образом герою Италии открылся, наконец, путь на Неаполь

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6058 от 24 сентября 1860 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

РОССИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ АВСТРИЮ. — ВАРШАВСКИЙ КОНГРЕСС.

Берлин, 17 сентября 1860 г.

Из всех европейских стран Германия в настоящее время представляет самое любопытное, самое хаотическое и самое жалкое зрелище. Действительное положение дел в Германии всего лучше можно понять из простого сопоставления двух фактов: недавнего собрания Германского национального союза в Кобурге и предстоящего съезда главных германских князей в Варшаве. Между тем как первый стремится к объединению отечества, отказываясь от немецкой Австрии и возлагая свои надежды на Пруссию, сам принц-регент прусский связывает свои планы сопротивления французской агрессии с восстановлением Священного союза под покровительством России. Как известно, русская внешняя политика ничуть не считается с принципами в обычном понимании этого слова. Эта политика не является ни легитимистской, ни революционной, но с одинаковой легкостью использует все возможности территориального расширения, — безразлично, должно ли оно быть достигнуто присоединением к восставшим народам или к борющимся монархам. В отношении Германии политика России всегда состоит в переходе то на одну, то на другую сторону. Сначала она вступает в соглашение с Францией с целью сломить сопротивление Австрии своим восточным планам, а затем становится на сторону Германии, чтобы ослабить Францию и получить вексель на благодарность Германии, чтобы затем учесть его на Висле или на Дунае. В ходе развития европейских осложнений Россия всегда будет предпочитать коалицию с германскими князьями союзу с французскими выскочками по той простой причине, что ее настоящая сила состоит в ее дипломатическом превосходстве, а не в материальной мощи. Война с своим непосредственным соседом, Германией, вызванная союзом с Францией, обнаружила бы действительное бессилие северного колосса, тогда как в войне с Францией Россия, в силу своего географического положения, всегда должна представлять собою резерв, принуждая Германию выполнять действительную работу и приберегая для себя плоды победы. Союзные империи в этом отношении похо-

дят на различные корпуса армии. Авангарду и центру приходится выдерживать главный удар, но решает сражение и одерживает победу резерв. Германские мечтатели могут льстить себя обманчивой надеждой, что Россия под тяжким давлением внутренней социальной борьбы, связанной с освободительным движением, на этот раз опровергнет догмат русского историка Карамзина о неизменности ее внешней политики.

Высказывалось предположение, что огромная империя, раздираемая классовой борьбой и мучимая финансовым кризисом, с величайшей радостью предоставит Европу самой себе; но такое предположение свидетельствует о плохом понимании истинной природы движения, происходящего внутри России. Каковы бы ни были действительные намерения благожелательного царя, для него столь же невозможно примирить уничтожение рабства с сохранением собственной самодержавной власти, как в 1848 г. для благожелательного папы было невозможно примирить итальянское единство с жизненными интересами папства. Как ни просто звучат слова «освобождение крестьян в России», они скрывают в себе самые различные значения и самые противоречивые стремления. Покрывало, наброшенное в начале движения общим энтузиазмом на противоречивые стремления, должно быть неизбежно разорвано, как только от слов перейдут к делу. В понимании царя освобождение крепостных крестьян тождественно с уничтожением последних сдержек, еще ограничивающих императорское самодержавие. С одной стороны, должна быть устранена относительная независимость дворянства, покоящаяся на его бесконтрольной власти над большинством русского народа; с другой стороны, правительственным проектом, стремящимся покончить с «коммунистическим» принципом, должно быть уничтожено самоуправление сельских общин крепостных крестьян, основанное на их общей собственности на порабощенную землю. Вот что значит освобождение крестьян в понимании правительства. В свою очередь, знать, т. е. та влиятельная часть русской аристократии, которая отчаялась в возможности сохранения прежнего полсжения вещей, решила предоставить крепостным освобождение на двух условиях: во-первых, при условии денежного вознаграждения, превращающего крестьян из крепостных в пожизненных должников, так что, поскольку дело идет о материальных интересах, по крайней мере для двух или трех поколений, не должно произойти никаких перемен, за исключением формы крепостной зависимости, ибо ее патриархальная форма была бы заменена новой, цивилизованной формой. Помимо этого вознаграждения, которое должны будут уплатить крепостные, знать требовала

другого возмещения от самого государства. Взамен местной власти над своими крепостными, от которой она заявила готовность отказаться, знать требовала возмещения политической властью, которая должна быть вырвана у центрального правительства и которая по существу дала бы ей конституционную долю в общем управлении империей.

Что касается крепостных, то они предпочитали простейшую формулировку проблемы. В их понимании освобождение означало старый порядок вещей за вычетом их старых господ. В этой взаимной борьбе, в которой правительство, несмотря на угрозы и лесть, отступило перед сопротивлением дворянства и крестьян, аристократия — перед сопротивлением правительства и собственных своих «душ» (*human chattels*), а крестьянство — перед соединенным сопротивлением своего верховного владыки и местных господ, — в этой борьбе, как всегда бывает в подобного рода сделках, существующие силы пришли к взаимному соглашению за счет угнетенного класса. Правительство и аристократия сговорились пока отложить вопрос об освобождении крестьян и вновь попытать счастья в заграничных авантюрах. Отсюда — тайное соглашение с Луи Бонапартом в 1859 г. и официальный конгресс в Варшаве с германскими князьями в 1860 году. Итальянская война в достаточной мере сломила самоуверенность Австрии, чтобы превратить ее из препятствия в орудие планов русской внешней политики, а Пруссия, которая осталась в дураках, проявив в ходе войны одновременно честолюбивое вероломство и полную бездеятельность, не может теперь, ввиду угрозы со стороны Франции на ее рейнской границе, итти в фарватере Австрии. Одним из великих заблуждений Готской партии было воображать, что удары, которые Австрия, вероятно, получит от Франции, разложат ее на составные части, причем немецкая Австрия, освободившись от уз, связывающих ее с Италией, Польшей и Венгрией, сможет легко войти в состав единой великой Германской империи. Долгий исторический опыт показал, что всякая война, которую Австрия могла бы вести с Францией или Россией, не освободила бы Германию от ее давления, но лишь подчинила бы ее планам одной из этих двух держав. Разбить Австрию одним мощным ударом на составные части было бы со стороны этих держав плохой политикой, если бы даже у них хватило силы для такого удара; но ослабить Австрию, с целью использовать к своей выгоде остатки ее влияния, было и всегда будет главной целью их дипломатических и военных операций. Только германская революция с своими центрами — один в Вене и другой в Берлине — могла бы разбить на куски империю Габсбургов, не подвергая опасности целостность Гер-

мании и не подчиняя ее не-немецкие области французскому или русскому контролю.

Предстоящий конгресс в Варшаве чрезвычайно усилил бы позицию Луи Бонапарта во Франции, если бы перспектива конфликта в Италии между подлинно национальной партией и французской партией не лишили бы его этой возможности. При существующем положении, надо надеяться, варшавский съезд откроет, наконец, глаза Германии и научит ее тому, что для сопротивления попыткам захвата извне или для достижения единства и свободы внутри она должна очистить свой собственный дом от своих династических господ.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6072 от 10 октября 1860 г.

Без подписи.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПРУССИИ.

Берлин, 27 сентября 1860 г.

Принц-регент, который, как я уже говорил вашим читателям, со времени своего прихода к власти, в глубине своей души стал упорным и неподатливым легитимистом, несмотря на мишурную внешность либерализма, в которую его облекли официальные оракулы из рая прусских глупцов, — только что воспользовался случаем публично излить свои долго сдерживаемые чувства. Как это ни странно, но все же остается фактом, что принц-регент Пруссии преднамеренно не допустил гарибальдийцев к мессинской крепости и сохранил эту важную военную твердыню за своим дражайшим братом, королем-Бомбой Неаполитанским. Прусский посол в Неаполе граф фон-Перпонхер, личность, столь же известная своим стойким легитимизмом, как и барон фон-Каниц, прусский посол в Риме, подобно большинству своих коллег, сопровождал короля-Бомбу в Гаэту, где прусский военный корвет «Лорелей» стал на якоре для защиты германских подданных. 15 сентября цитадель Мессины была готова сдаться. Офицеры объявили себя за Виктора-Эммануила и отправили в Гаэту депутацию с целью сообщить королю, что крепость не может более держаться. На следующий день эта депутация была отвезена обратно в Мессину на борту корвета «Лорелей» в сопровождении прусского уполномоченного, который, по прибытии судна на место назначения, немедленно отправился в цитадель, где имел долгую беседу с неаполитанским командиром. Помимо своего личного красноречия, прусский агент выложил целую пачку депеш короля, ободрявших генерала к дальнейшему сопротивлению и энергично возражавших против каких бы то ни было, даже самых выгодных, предложений сдать форты, еще достаточно снабженные на несколько месяцев. Во время стоянки судна с прусским послом из цитадели были слышны звонкие крики: «Evviva il Re!» [«Да здравствует король!»]; и когда он покинул стоянку, переговоры, начатые с целью определения условий сдачи, были немедленно прерваны. По получении этих известий граф Казур поспешил заявить жалобу в Берлине по поводу «злоупотребления прусским флагом» и нарушения обещания сохранить полный ней-

тралитет в революционной войне в Италии. Несмотря на справедливость этой жалобы, графу Кавуру менее чем кому-либо другому было к лицу предъявлять ее. Г-н фон-Шлейниц, депеши которого во время войны 1859 г. получили некоторую известность своим слащавым стилем, своими влиятельными рассуждениями и несравненным искусством нанизывать фразу за фразой в ущерб аргументации, жадно ухватился за представившийся ему случай втереться в доверие принца-регента и на сей раз вместо смиренного полушопота принять резкий, высокомерный тон. Он дал графу Кавуру суровую отповедь, напрямик заявив ему, что Сицилия пока еще не стала сардинской провинцией, что договорные обязательства ежедневно нарушаются туринским двором и что если Кавур желает заявлять протесты против иностранного вмешательства в Италию, то ему всего лучше направить их в Тюильри.

Отъезд французского посла из Турина рассматривается как явная уловка, поскольку всем известно, что немедленно после свидания в Шамбери между Луи Бонапартом и гг. Фарини и Чальдини последнему было поручено командование пьемонтскими войсками, которые должны вторгнуться в Папскую область. Это вторжение было намечено в Шамбери с целью вырвать дело из рук Гарибальди и передать его Кавуру, самому податливому слуге французского императора. Революционная война в Южной Италии, как известно, рассматривается в Тюильри не как неожиданно начавшая катиться лавина снега, но как обдуманый акт независимой итальянской партии, которая со времени вступления Луи-Наполеона на *via sacra* [священный путь] постоянно провозглашала восстание Юга единственным средством рассеять кошмар французского покровительства. Действительно, в своем воззвании к итальянскому народу от 16 мая 1859 г. Мадзини открыто заявил: «На известных условиях народ Севера может собраться под знамена Виктора-Эммануила, пока Австрия стоит лагерем по соседству; восстание на Юге должно принять иное, более независимое направление. Восстание, объединенное восстание, учреждающее временное правительство, производящее вооружения, избирающее стратегический пункт, где оно может держаться стойко и привлекать добровольцев с Севера, из Неаполя и Сицилии, еще может спасти дело Италии и создать свою власть, представленную национальным лагерем. Благодаря такому лагерю и северным добровольцам Италия в конце войны, каковы бы ни были намерения ее инициаторов, еще может сделаться верховным распорядителем над своими собственными судьбами... Такое проявление народных стремлений исключило бы всякую возможность нового раздела Италии, всякий ввоз новых династий, мир на Адидже или Минчио, уступку какой-либо

части итальянской территории. Но имя Рима не отделимо от имени Италии. Там, в священном городе, залог нашего национального единства. Долг Рима — не увеличивать сардинскую армию пестрой толпой добровольцев, но доказать императорской Франции, что поддержка папского деспотизма в Риме никогда не будет признана борцами итальянской независимости... Если Рим забудет свой долг, мы должны действовать за римлян, ибо Рим представляет единство родины. Сицилия, Неаполь и добровольцы Севера должны образовать его армию». Такими были слова Мадзини в мае 1859 г. — слова, повторенные, как эхо, Гарибальди, когда он, находясь во главе народной армии, созданной в Сицилии и Неаполе, обещал провозгласить единство Италии с вершины Квиринала.

Читатели вспомнят, как Кавур с самого начала прилагал все усилия к тому, чтобы обставить экспедицию Гарибальди всяческими затруднениями; как после первого успеха, достигнутого народным героем, он отправил в Палермо Лафарина вместе с двумя бонапартистскими агентами с целью лишить завоевателя его диктаторской власти; как позже каждое военное движение Гарибальди Кавур встречал сначала дипломатически, а затем военными контр-движениями. После падения Палермо и похода на Мессину популярность Гарибальди среди парижского населения и армии поднялась так высоко, что Луи-Наполеон счел разумным прибегнуть к методу лести. Когда генерал Тюрр, в то время уволенный с действительной службы, прибыл в Париж, он был осыпан императорскими ласками. Он был не только почетным гостем в Пале-Рояле, но был также принят в Тюильри, причем император выразил безграничный восторг перед своим «аннектированным» подданным, героем из Ниццы, и осыпал его знаками своей благосклонности вроде нарезных пушек и т. п. В то же время Тюрру было внушено питаемое императором убеждение, что Гарибальди, после того как он обеспечит за собою Неаполь и неаполитанский флот, не смог бы сделать ничего лучшего, как предпринять вместе с венгерскими эмигрантами попытку высадиться в Фиуме, чтобы водрузить там знамя венгерской революции. Однако Луи-Наполеон исходил из совершенно ложных предпосылок, думая, что Тюрр был человеком или даже считал себя человеком, способным сколько-нибудь воздействовать на направление деятельности Гарибальди. Тюрр, которого я знаю лично, представляет собою храброго солдата и толкового офицера, однако во всем, что выходит из сферы военной деятельности, он — полнейший нуль, стоит ниже среднего уровня обычных смертных; ему не хватает не только умственных навыков и развития, но и той природной сметки и чутья, которые мо-

гут заменить воспитание, школу и опыт. В общем, это — добродушный, беспечный, славный малый, в чрезвычайной степени наделенный легковерием, но уж, конечно, не человек, способный политически руководить кем бы то ни было, тем более Гарибальди, который с своей огненной душой соединяет также долю той чисто итальянской тонкости, какую можно обнаружить в Данте не менее, чем в Маккиавелли. Таким образом, ставка на Тюрра явилась просчетом; так, по крайней мере, говорят в кругах Тюильри. Тогда был сделан опыт с Кошутом, которого отправили к Гарибальди, чтобы повернуть его в сторону планов императора и отвлечь его с настоящего следа, который указывает ему на Рим. Гарибальди воспользовался Кошутом как средством для возбуждения революционного энтузиазма; поэтому он чествовал его народными овациями, но в то же время мудро сумел провести границу между его именем, представляющим дело народа, и его миссией, скрывающей ловушку Бонапарта. Кошут вернулся в Париж совсем понурый; однако, чтобы доказать свою верность интересам императора, он, как сообщает «Opinion nationale», этот плон-плонский «Moniteur», отправил письмо Гарибальди, в котором призывает последнего помириться с Кавуром, воздержаться от всякого покушения на Рим, чтобы не оттолкнуть от себя Францию, верную надежду угнетенных национальностей, и даже предоставить Венгрии ее собственной судьбе, ибо эта страна еще не созрела для восстания.

Мне не нужно говорить вам, что здесь, в Берлине, акции министерского либерализма сильно упали в результате предстоящего конгресса в Варшаве, на котором не только правители божией милостью должны обменяться рукопожатием, но также их министры иностранных дел — князь Горчаков, граф Рехберг и наш собственный г. фон-Шлейниц — должны собраться в уютном уголке раззолоченной передней, чтобы дать правоверный поворот грядущей истории человечества.

Переговоры Пруссии с Австрией о новом торговом договоре между Таможенным союзом и Австрией, в том виде, в каком его предугадывал договор от 19 июля 1853 г., можно считать теперь прерванными, так как прусский кабинет определенно заявил, что не может быть и речи о каком-либо объединении или даже сближении таможенных пошлин.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6076 от 15 октября 1860 г.

Без подписи.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ В ПРУССИИ.

Берлин, 23 октября 1860 г.

Гнев и страх наших либералов, вызванные участием принца-регента в варшавском конгрессе, как это обычно бывает с подлинными прусскими либералами, нашел себе выход в жестокой клевете против Австрии и ее вновь введенной конституции. Во-первых, Франц-Иосифу никогда не простят, что он лишил этих господ их главного утешения, а также неизменной темы их болтливых самопревознесений, именно — «противопоставления «конституционной» Пруссии «абсолютистской» Австрии». Конечно, австрийская грамота дает повод не только для придирок, но и для всякого рода серьезных опасений. Обстоятельства, при которых был пожалован этот дар, и руки, из которых он был получен, заставляют видеть в нем скорее уловку, нежели искреннюю уступку. Уже однажды, 4 мая 1849 г., Франц-Иосиф обнародовал общие положения конституции лишь только для того, чтобы покончить с ними в следующем году, после того как военное счастье стало на его сторону. Однако в летописях истории вообще не существует примеров, чтобы монархи когда-либо ограничивали свои собственные привилегии и уступали народным требованиям иначе, как под сильным давлением извне, равно как не существует также примеров, чтобы они сдержали свое слово, если только им представлялась возможность безнаказанно нарушить клятву и данные обещания. Старая венгерская конституция не была восстановлена во всей полноте, ибо два важнейших полномочия — вотирование денежных кредитов и набор войск — отняты у пештского сейма и переданы центральному Имперскому совету в Вене; последний предполагается превратить в Генеральные штаты всей империи, и потому его наделяют атрибутами, которые, повидимому, станут постоянным источником конфликтов между ним самим и различными национальными или провинциальными сеймами. Так как конституции немецких славянских провинций ограничиваются самыми общими и неопределенными чертами, то они могут либо сойти на-нет, либо развиться в нечто очень значительное. Крупнейшим недостатком грамоты является, по мнению мадьяров, отделение Хорватии, Сербии и Трансильвании от Вен-

рии и предоставление этим провинциям особых сеймов; однако, если мы вспомним события 1848—1849 гг., то мы с полным правом сможем усумниться, проявят ли хорваты, словенцы, сербы и валахи склонность разделить жалобы мадьяр и оказать им свою поддержку. Повидимому, в данном случае венские государственные деятели ловко сыграли на национальном вопросе, обратив его в свою пользу.

Однако, что касается общего сейма всей империи под именем Имперского совета, заседающего в Вене и состоящего из делегатов от различных сеймов Галиции, Венгрии, Трансильвании, Хорватии, Сербии, Венеции и немецких провинций, то этот общий сейм не подвластен сейму Германского союза; в таком случае не разорвет ли он отношения, которые до сих пор существовали между немецкой Австрией и Германским союзом? Вот великая тема, к которой в настоящее время все снова и снова возвращаются признанные столпы прусского либерализма, неистощимые в приведении доводов в пользу своей любимой идеи — исключения австрийской Германии из Германского союза. Однако все эти рассуждения вытекают из ложных предпосылок, заключающихся в чисто буквальном понимании грамоты Франца-Иосифа. Хотя последнюю надо рассматривать как ловкий прием со стороны австрийской династии, тем не менее она дает различным народам, угнетаемым под игом Габсбургов, драгоценное оружие, чтобы самим устроить свою судьбу и открыть новую эру революции. Пока же австрийская конституция будет иметь ту большую пользу, что она смирит фарисейскую гордость прусских лжелибералов и лишит династию Гогенцоллернов единственного преимущества, которым она могла бы похвалиться перед своим соперником, а именно, будто бы она продолжает свою исконную миссию бюрократа и солдата под наиболее приличными формами конституционализма. Чтобы дать вам представление о действительном внутреннем состоянии этой многохвальной «возрожденной» Пруссии, мы обратимся к рассмотрению перемен, происшедших недавно в организации прусской армии. Вы, вероятно, помните, что прусская палата депутатов, не имея мужества, с одной стороны, пойти против общественного мнения и открыто санкционировать правительственное предложение о реорганизации армии, а с другой стороны, решительно воспротивиться солдафонским наклонностям принца-регента, прибегла к обычному приему слабых, т. е. избрала средний путь — ни рыба, ни мясо. Палата отказалась принять правительственный план реорганизации армии, но голосовала за кредиты в 9 500 000 долларов для приведения армии в состояние, необходимое для отражения ожидаемых извне опасностей. Другими словами, прусские депутаты голосовали за отпуск средств,

необходимых правительству для выполнения его плана, но делали это под фальшивым предлогом. Едва прусский парламент был распущен на каникулы, как министерство, открыто нарушая условия, на которых оно получило разрешение на отпуск средств, принялось без дальнейших разговоров вводить те перемены в организации армии, которых желал принц-регент, но которые были отвергнуты так называемыми представителями. Во время перерыва занятий парламента постоянная армия была удвоена, т. е. число ее полков с 40 было доведено до 72 линейных и 9 гвардейских. Таким образом, постоянный ежегодный расход на военный бюджет верховной волей принца-регента и при открытом нарушении не только воли народа, но и вопреки голосованию его лжепредставителей, был повышен на 100%. Но не думайте, что гогенцоллернскому принцу или кому-либо из его коллег грозит судьба Страффорда. Немного поворчат, приправив это горячими засвидетельствованиями своей преданности династии и неограниченного доверия кабинету, и этим дело кончится. Теперь, принимая во внимание, что даже старая организация армии, основанная в расчете на чисто земледельческое население, сделалась невыносимым бременем для ресурсов и производственной деятельности народа, который с течением времени вступил на путь промышленного развития, можно легко понять, в какой степени ныне численно удвоенная армия должна подавлять самую драгоценную энергию народных масс и осушать источники национального богатства. Прусская армия может ныне похвастаться тем, что пропорционально числу населения и национальному доходу она является самой большой в Европе.

Вы знаете, что правитель из дома Гогенцоллернов, говоря сам о себе или будучи упоминаем в речах своих министров и чиновников, носит название *Kriegsherr*, т. е. «Верховный военачальник» (*Lord of War*). Это, конечно, не значит, что прусские короли и регенты имеют власть над военным счастьем. Их ясно выраженное стремление к сохранению мира и их склонность бывать битыми на поле сражения лучше всего доказывают это. Титул «Верховный военачальник», столь дорогой сердцу гогенцоллернских правителей, означает скорее, что истинную опору королевской власти должно искать не в народе, но лишь в одной его части, отделенной от массы, противопоставленной ей, отличимой от нее нашивками, воспитанной в целях пассивного повиновения, превращенной посредством дрессировки в простое орудие династии, которая обращается с ней как с своей собственностью и использует ее по собственной прихоти. Поэтому прусский король скорее отречется от престола, нежели позволит своей армии приносить присягу на верность конституции. Таким образом, правитель из дома

Гогенцоллернов, будучи королем народа лишь постольку, поскольку он является «верховным военачальником», другими словами, собственником армии, — должен прежде всего страстно любить и лелеять ее и льстить ей и кормить ее все более жирными кусками национального богатства. Эта великая цель была достигнута новой военной организацией. Число офицеров было удвоено, и быстрое повышение в чинах, свойственное французской, австрийской и русской армиям, на что завистливыми глазами глядели прусские офицеры, теперь обеспечено им без какой-либо необходимости подвергать свою жизнь и органы малейшей опасности. Отсюда тот чрезвычайный энтузиазм, не среди простых солдат, но среди офицеров прусской армии, который господствует теперь по отношению к принцу-регенту и его «либеральным» министрам. В то же время аристократические «борзятники», ворчавшие против либеральных фраз нового режима, вполне примирились с ним благодаря предоставленной им новой возможности посадить своих младших сыновей на содержание народа. Во всем этом есть один минус даже с династической точки зрения. Пруссия все свои наличные силы сосредоточила теперь в постоянной армии. Если эта армия будет разбита, то у ней не будет никакого резерва, к которому она могла бы прибегнуть.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6097 от 8 ноября 1860 г.

Без подписи.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. — НАПРЯЖЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА.

Лондон, 10 ноября 1860 г.

Началось то, что предсказывалось уже давным-давно, — утечка звонкой монеты и в связи с этим повышение учетной ставки. Вчера Английский банк поднял учетную ставку с 4 до $4\frac{1}{2}\%$. За соответствующий месяц 1859 г. банковская учетная ставка не превышала 3% , несмотря на то, что в то время имела место громадная отправка серебра на Восток, достигавшая 13 234 305 ф. стерлингов. Очевидная цель банка заключалась в том, чтобы помешать утечке звонкой монеты из своих подвалов; на 26 сентября утечка эта составляла 16 255 951 ф. ст., а теперь сократилась до 13 897 085 ф. ст., если не считать 43 000 ф. ст., взятых из банка вчера. Начиная с 26 сентября утечка непрерывно увеличивалась, пока на этой неделе не составила почти 300 000 ф. стерлингов. Крупный импорт хлеба конечно должен был рано или поздно привести к вывозу драгоценных металлов, но так как вексялям по оплате хлеба еще не наступил срок, то наблюдающаяся ныне утечка не может быть объяснена этим, да и кроме того она происходит в тот самый момент, когда учетная ставка в Лондоне выше, чем в Париже, Амстердаме, Брюсселе и Гамбурге, и в то же время вывоз золота, как биржевая операция, не дает никаких прибылей. Куда же в таком случае уходит золото? В подвалы Французского банка. Учетная ставка Французского банка составляет сейчас только 3% , хотя с конца августа это предприятие потеряло около 4 000 000 ф. ст., между тем как его дисконтные операции за август и сентябрь увеличились почти на 3 000 000 ф. стерлингов. Всякий обычный банк при таких обстоятельствах поднял бы учетную ставку, но Луи Бонапарт, боясь вызвать *видимое* замешательство на денежном рынке, приказал банку покупать золото с убытком для себя и заставит его продолжать эту несомненно коммерчески невыгодную операцию. С другой стороны, Английский банк показал, что он не может остановить происходящую теперь утечку путем повышения процентной ставки. Вчера, например, из эмиссионного отделения банка совершенно не было взято звонкой монеты, зато из банковского

отделения было извлечено значительное количество соверенов. Одним из неизбежных последствий пресловутых банковых законов сэра Роберта Пиля, изданных в 1844 и 1845 гг., было то, что коммерческая публика никогда не знает действительного количества вывозимого драгоценного металла, так как банковское отделение не публикует никаких отчетов о соверенах, извлекаемых из его сундуков. Повышение официальной учетной ставки Английского банка, особенно если оно будет продолжаться, конечно заставит Французский банк пойти в том же направлении и таким образом помешает Луи Бонапарту по-прежнему отдавать приказы директорам банка о закупке золота в убыток для банка для того, чтобы скрыть видимое расстройство денежного рынка. Однако утечка звонкой монеты из Англии не будет остановлена этой вынужденной мерой, так как в надлежащее время наступит срок уплаты по хлебным вексям и платить придется наличными деньгами.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6111 от 24 ноября 1860 г.

Без подписи.

АВСТРИЯ. — РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Лондон, 24 декабря 1860 г.

Революция в Австрии идет вперед быстрыми шагами. Всего лишь два месяца тому назад Франц-Иосиф признал в своей грамоте от 20 октября, что его империя находится в состоянии революции, и, чтобы помочь беде, пытался подкупить Венгрию обещанием, что ее древняя конституция, в том или другом урезанном виде, будет восстановлена. Хотя грамота эта была уступкой революционному движению, она, однако, по своему замыслу представляла собой один из тех ловких маневров предательской политики, которые так характерны для австрийской дипломатии. Венгрию предполагалось купить уступками, с внешней стороны очень крупными, особенно если их сравнить с ничтожными подачками немецким и славянским провинциям и с пародией на имперский парламент, который намечала грамота. Но в деталях этого произведения предательство выступает достаточно ясно, чтобы искусно задуманный маневр превратился в явную нелепость и в свидетельство безнадежной слабости правительства, выданное последним революционному движению. Не только вотирование налогов и военного контингента должно было быть отнято у венгерского сейма и предоставлено центральному парламенту и частью даже лично императору, — как будто правительство, вынужденное за последние десять лет глотать одну политическую обиду за другой, было еще достаточно сильно, чтобы суметь удержать за собой эти права, отнятые у их действительных завоевателей, — но и ничтожность, и неопределенность прав, предоставленных другим частям империи и центральному представительному учреждению, доказывали по контрасту всю неискренность данного предприятия. А когда были опубликованы провинциальные конституции для Штирии, Каринтии, Зальцбурга и Тироля, — конституции, дающие львиную долю представительства дворянству и духовенству и сохранившие старые сословные различия, когда старое министерство осталось у власти, — тогда исчезли все сомнения в том, к чему все это клонилось. Надо было приласкать Венгрию и превратить ее в орудие, которое могло бы помочь абсолю-

тистской Австрии выпутаться из трудного положения; а о том, какова будет ее судьба, после того как Австрия снова станет сильной, Венгрия достаточно хорошо знает уже по опыту. Даже неограниченное и безусловное признание венгерского языка в качестве единственного официального языка в Венгрии не имело другой цели, как возбудить венгерских славян, румын и немцев против мадьярской расы. Венгерские старые консерваторы (т. е. попросту аристократы), заключившие эту сделку с императором, тем самым потеряли всякую опору у себя дома; они попытались в обмен отдать два наиболее существенных права сейма. В действительности императорская грамота никого не обманула. В то время как в немецких провинциях общественное мнение заставило старые муниципальные советы (назначенные императором после революции) уступить место новым людям, которые теперь назначались посредством народных выборов, венгры начали восстанавливать своих старых провинциальных чиновников и провинциальные собрания, которые до 1849 г. составляли всю местную власть в стране. И в том и другом случае это хороший признак, что оппозиционная партия сразу овладела местной и коммунальной властью вместо того, чтобы требовать только эфемерной смены министерства и пренебрегать важными позициями, открытыми для нее в более скромной сфере деятельности. В Венгрии формы старой местной администрации, реорганизованной в 1848 г., сразу отдали всю гражданскую власть в руки народа и поставили венское правительство перед альтернативой: уступить или прибегнуть к военной силе. Здесь, таким образом, движение, естественно, пошло вперед особенно быстро. Требование полного восстановления конституции с изменениями, произведенными в 1848 г., и всех законов, относительно которых состоялось в этом году соглашение между сеймом и королем, раздаются с одного конца страны до другого. Не довольствуясь этим, потребовали немедленной отмены табачной монополии (незаконно введенной после 1848 г.) и всех других законов, утвержденных без согласия сейма. Сбор налогов открыто объявлен незаконным, пока они не будут вотированы сеймом; не была внесена даже третья часть причитающихся налогов; молодых людей, призванных в армию, убеждали сопротивляться набору или укрываться от него; срывали имперских орлов и — что хуже всего — в этот переходный период правительство было бессильно сопротивляться агитации. Везде, где созывались провинциальные собрания, они единогласно высказывались в этом смысле, и съезд венгерских нотаблей, собравшийся в Грау под председательством примаса Венгрии с целью предложить правительству основу для выборов в сейм, почти без обсуждения и

единогласно объявил, что демократический избирательный закон 1848 г. остается в силе.

Это было больше того, чего ждали старые консерваторы, когда они вошли в соглашение с императором. Они были совершенно «debordés» [захлестнуты]. Революционные волны грозили потопить их. Само правительство увидело, что надо что-то предпринять. Но что мог предпринять венский кабинет?

Попытка подкупить Венгрию была накануне полного краха. Что, если бы кабинет теперь попытался подкупить немцев? Они никогда не пользовались такими правами, как венгры. Может быть, они удовлетворятся меньшим. Чтобы существовать, австрийская монархия должна поочередно возбуждать друг против друга различные подвластные ей национальности. Славяне могут быть пущены в ход лишь в крайнем случае: они слишком связаны с Россией панславистской агитацией; значит, надо взяться за немцев. Граф Голуховский, ненавистный польский аристократ (рenegат, перешедший на службу к Австрии), был принесен в жертву, и г. фон-Шмерлинг был сделан министром внутренних дел. Он был министром эфемерной Германской империи в 1848 г., а затем Австрии; с этого поста он ушел, когда была окончательно упразднена конституция 1849 года. Он слыл конституционалистом. Но и тут опять было проявлено столько колебаний и нерешительности, прежде чем он был окончательно призван, что весь эффект снова был потерян. Спрашивали, что может сделать Шмерлинг, если остались все остальные министры? Еще раньше, чем он был окончательно назначен, все надежды уже остыли, и, вместо того, чтобы быть искренней уступкой, его назначение оказалось новым признаком слабости. Но в то время как в немецких провинциях оппозиция довольствовалась тем, что обеспечила за собой местную власть и относилась к каждому шагу правительства с нескрываемым недоверием и неудовольствием, в Венгрии движение шло вперед. Еще до назначения Шмерлинга призванные к власти старые венгерские консерваторы, во главе с Сечени и Ваем, признали невозможность сохранить свое положение, и императорское министерство должно было унизиться до того, чтобы пригласить двух венгерских министров 1848 г., — до осени этого года коллег расстрелянного Баттьяни, Кошута и Семере, — пригласить Дэака и Этвеша войти в министерство человека, который раздавил Венгрию с помощью России. Они еще не назначены; система нерешительности и колебаний, торговля из-за пустяков все еще в полной силе, но если они согласятся, они могут быть уверены, что их в конце концов назначат.

Так, Франц-Иосиф принужден делать одну уступку за другой и,

если удастся добиться, чтобы в январе собрались два сейма, один в Пеште — для Венгрии и ее провинций, а другой в Вене — для остальных провинций империи, то у него будут вырваны новые уступки. Но вместо того, чтобы успокоить его подданных, каждая новая уступка все больше будет возмущать их неприкрытой фальшью, с которой эти уступки делаются. А если сюда прибавить еще воспоминания прошлого, маневры венгерской эмиграции, состоящей на жалованьи у Луи Наполеона, тот факт, что либеральная Австрия невозможна, потому что иностранная политика Австрии всегда вынуждена быть реакционной и, следовательно, сразу же создавать конфликты между короной и парламентом, и самого Луи-Наполеона, спекулирующего на этом факте, — то вполне вероятно, что 1861 год увидит разложение австрийской империи на ее составные части.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6152 от 12 января 1861 г.

Без подписи.

ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ.

Оказывается, 1861 год принес еще недостаточно потрясений. Мы имеем сецессионистскую революцию в Америке; восстание в Китае; продвижение России в Восточную и Среднюю Азию; восточный вопрос с его последствием — французской оккупацией Сирии и Суэцкого канала; развал Австрии, причем Венгрия находится в состоянии почти открытого восстания; осаду Гаэты и обещание Гарибальди освободить Венецию 1 марта, и последнее, но не менее важное, — попытку восстановить маршала Мак-Магона на престоле его предков в Ирландии. Но этого еще недостаточно. Нам еще обещана, кроме того, четвертая шлезвиг-гольштейнская кампания.

Датский король в 1851 г. добровольно вступил в известное соглашение с Пруссией и Австрией относительно Шлезвига. Он обещал, что герцогство не будет присоединено к Дании, что его представительное собрание будет существовать раздельно от датского и что обе национальности, немецкая и датская, будут пользоваться в Шлезвиге одинаковыми правами. Кроме этого, поскольку это касается Гольштейна, права его представительного собрания были точно гарантированы. При этих условиях союзные войска, занимавшие Гольштейн, были отозваны.

Датское правительство выполняло свое обещание очень уклончиво. В Шлезвиге вся южная половина исключительно немецкая; в северной половине все города немецкие, в то время как деревенское население говорит на испорченном датском диалекте; литературным языком с незапамятных времен всегда и повсюду был немецкий. С согласия населения процесс германизации происходил в течение целых столетий; в результате этого, за исключением самых северных пограничных округов, даже та часть крестьянского населения, которая говорит на датском языке (до такой степени, однако, отличного от литературного датского, что легко понимается немецкими обитателями юга), понимает литературный верхне-немецкий язык лучше, чем литературный датский. После 1851 г. правительство разделило этот край на датский, немецкий и смешанный округа. В немецком округе единственным официальным языком правительственных учреждений,

суда, церкви и школы был объявлен немецкий язык, в датском округе — датский. В смешанных округах за обоими языками были признаны одинаковые права. Это выглядело довольно хорошо, но на самом деле при установлении датского округа литературный датский язык был насильно навязан населению, большая часть которого даже не понимала его и желала лишь одного, чтобы ею управляли, ее воспитывали, крестили и венчали на немецком языке. Однако правительство предприняло настоящий крестовый поход для искоренения всех следов германизма в округе, запрещая даже частное обучение в семьях на другом языке, кроме датского; в то же время оно старалось косвенными средствами дать перевес датскому языку в смешанных округах. Оппозиция, вызванная этими мерами, оказалась очень бурной, и была сделана попытка подавить ее рядом мелких тиранических актов. Например, в маленьком городке Эккернёрде был наложен штраф свыше 2 000 долларов за преступление, заключающееся в незаконной подаче прошения в представительное собрание. Все оштрафованные лица, как *преступники*, были объявлены лишенными избирательных прав. Тем не менее население и представительное собрание оказывали и продолжают оказывать сопротивление.

В Гольштейне датское правительство не смогло заставить представительное собрание вотировать какие бы то ни было налоги; для этого нужно было пойти на уступки политического и национального характера. Этого оно не хотело сделать, но, с другой стороны, оно не могло обойтись без доходов герцогства. Поэтому, чтобы создать легальную почву для взимания налогов, правительство создало совет королевства — собрание, лишенное всякого представительного характера, но которое должно было представлять собственно Данию, Шлезвиг-Гольштейн и Лауенбург. Несмотря на то, что гольштейнцы отказались в нем участвовать, это собрание вотировало налоги для всей монархии, и на этом основании правительство определило налоговые ставки для Гольштейна. Таким образом, Гольштейн, который должен был быть независимым и отдельным герцогством, был лишен всякой политической независимости и подчинен собранию, являющемуся по своему составу по преимуществу датским.

Таковы основания, по которым немецкая печать пять-шесть лет тому назад призывала германские правительства принять принудительные меры против Дании. Основания сами по себе, конечно, хороши. Но немецкая печать — та печать, которой было разрешено существовать в течение реакционного периода после 1849 г., — пользовалась Шлезвиг-Гольштейном лишь как средством для своей популярности. Было очень легко выражать свое негодование против датчан,

если это разрешали германские правительства — те правительства, которые у себя дома старались перещеголять Данию в мелкой тирании. Война против Дании была всеобщим лозунгом, когда разразилась Крымская война. И опять же война против Дании, когда Луи-Наполеон вступил в австрийскую Италию. Теперь-то, наконец, они добьются своего полностью. «Новая эра» в Пруссии, до сих пор проявлявшая такую сдержанность, когда к ней взывала либеральная печать, в данном случае выступает с ней заодно. Новый прусский король объявляет миру, что он должен довести этот старый спор до разрешения; дряхлое Франкфуртское собрание пускает в ход всю свою громоздкую машину для спасения германской национальности. Что же, либеральная пресса — торжествует? Нисколько! Либеральная пресса в решительный час проглатывает свои слова, кричит: осторожно! — делает открытие, что у Германии нет флота, чтобы побороть суда морской державы и — особенно в Пруссии — проявляет все признаки трусости. То, что несколько месяцев тому назад было неотложным патриотическим долгом, вдруг превратилось в австрийскую интригу, от которой необходимо предостеречь Пруссию.

Что немецкие правительства в их неожиданном энтузиазме по отношению к Шлезвиг-Гольштейну весьма мало искренни, — это, конечно, не подлежит сомнению. Как пишет датская «Dagbladet»: «Мы все знаем, что один из старых приемов германских правительств — это поднимать шлезвиг-гольштейнский вопрос всякий раз, когда они чувствуют нужду в некоторой популярности, и, чтобы покрыть свои собственные многочисленные грехи, возбуждать фанатизм против Дании». Так несомненно обстояло дело в Саксонии, и до известной степени так же обстоит дело теперь в Пруссии. Но в Пруссии неожиданное выдвижение этого вопроса, очевидно, означает вместе с тем союз с Австрией. Прусское правительство видит, как Австрия распадается изнутри, в то время как извне ей угрожает война с Италией. Конечно, не в интересах прусского правительства видеть Австрию уничтоженной. В то же время итальянская война, в которой Луи-Наполеон недолго будет оставаться безучастным зрителем, на этот раз вряд ли окончится, не затронув территории Германского союза, в каком случае Пруссия обязана будет вмешаться. Затем война с Францией на Рейне несомненно будет соединена с датской войной на Эйдере, и, так как прусское правительство не может допустить, чтобы Австрия была разбита, зачем ждать, пока Австрия будет опять побеждена? Почему не вмешаться в шлезвиг-гольштейнский спор и не заинтересовать в войне всю Северную Германию, которая не стала бы бороться в защиту Венеции? Если таков ход мыслей прусского правительства,

то он довольно логичен, но он был столь же логичен и в 1859 г., еще до того как Австрия была ослаблена поражениями при Мадженте и Сольферино и внутренними потрясениями. Почему же тогда Пруссия не поступила соответственным образом?

Нельзя с уверенностью сказать, что эта большая война произойдет ближайшей весной. Но, если эта война произойдет, хотя ни одна из сторон не заслуживает никакой симпатии, результатом ее должно быть то, что в стране, которая первая потерпит поражение, произойдет революция. Если будет побежден Луи-Наполеон, его престол несомненно рухнет; если же потерпят поражение прусский король и австрийский император, то им придется отступить перед немецкой революцией.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 6178 от 12 февраля 1861 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

АМЕРИКАНСКИЙ ВОПРОС В АНГЛИИ.

Лондон, 18 сентября 1861 г.

Письмо г-жи Бичер-Стоу лорду Шефтсбери, независимо от своих внутренних достоинств, сослужило хорошую службу, заставив высказаться настроенные против Севера лондонские газеты и изложить перед публикой действительные причины их враждебного тона по отношению к Северу и плохо скрытых симпатий по отношению к Югу, что является довольно странным со стороны людей, притворяющихся крайними противниками рабства. Они жалуются главным образом на то, что теперешняя американская война «ведется не за уничтожение рабства», и потому от нравственных британцев, привыкших затевать войны и интересоваться войнами других народов только в силу «широких принципов гуманности», нельзя ждать симпатий к их северным кузенам. «Прежде всего, — говорит «Economist», — утверждение что спор Севера с Югом — это борьба между освобождением негров, с одной стороны, и рабством негров — с другой, настолько же бесстыдно, насколько и лживо». «Север, — говорит «Saturday Review», — не провозглашает эмансипацию и никогда не претендовал на борьбу против рабства. Север не поднял в качестве своего знамени священный принцип справедливости для негров; безоговорочная эмансипация вовсе не является его военным кличем». «Если, — говорит «Examiner», — мы обманулись в истинном значении этого возвышенного движения, то кто, как не сами федералисты, ответственны за это разочарование?»

Прежде всего надо сказать, что предпосылка эта правильна. Война была начата не для того, чтобы уничтожить рабство, и власти Соединенных Штатов сами приложили все старания к тому, чтобы протестовать против подобной мысли. Но, с другой стороны, следует помнить, что не Север, а Юг начал войну; первый только оборонялся. Если, правда, что Север, после долгих колебаний, проявив неслыханное в летописях европейской истории долготерпение, обнажил наконец меч не для уничтожения рабства, а для спасения Союза, то Юг, со своей стороны, начал войну громким провозглашением «особого учреждения» как единственной и главной цели восстания. Он признавал

ся, что борется за свободу поработать другой народ, за свободу, которой, вопреки возражениям Севера, будто бы угрожала опасность после победы республиканской партии и избрания г. Линкольна в президенты. Конгресс конфедератов хвастался тем, что его новоизобретенная конституция, в отличие от конституции Вашингтонов, Джефферсонов и Адамсов, впервые признала рабство как благо само по себе, как оплот цивилизации и богоустановленное учреждение. Если Север говорил, что борется только за Союз, то Юг хвастал восстанием за господство рабства. Если идеалистическую и настроенную против рабства Англию не привлекло заявление Севера, то как же случилось, что она не почувствовала резкого отвращения к циничному признанию Юга?

«Saturday Review» старается выпутаться из этой тяжелой дилеммы тем, что выражает сомнение по поводу заявлений сецессионистов. Она смотрит глубже и обнаруживает, что *«рабство имеет очень мало общего с сецессией»*. Декларации Джефферсона Девиса и К^о, наоборот, — чистейшие «условности», в которых «не больше смысла, чем в тех условных выражениях об оскверненных алтарях и разрушенных очагах, которые постоянно встречаются в подобных прокламациях».

Запас аргументов, приводимых настроенными против Севера гаветами, очень скуден; в них во всех встречаются почти одни и те же изречения вроде математических формул с определенными интегралами, с весьма малым количеством вариаций или комбинаций. «Почему, — восклицает «Economist», — только вчера, когда сецессионистское движение впервые стало угрожающим под влиянием сообщения об избрании г. Линкольна, северяне предложили Югу, если он останется в Союзе, всевозможные гарантии сохранения в неприкосновенности предосудительного института, — почему они отказались самым торжественным образом от всякого намерения вмешаться в это дело, почему их вожди предлагали в конгрессе один компромисс за другим, основанные на согласии не затрагивать рабства?» «Как объяснить, — говорит «Examiner», — что Север был готов уладить дело путем величайших уступок Югу в отношении рабства? Как объяснить, что в конгрессе была предложена определенная географическая линия, за пределами которой рабство должно было быть признано как необходимое учреждение? Южные штаты не удовлетворились этим».

«Economist» и «Examiner» должны были бы спросить не только, почему Криттенденский компромисс и другие меры соглашения были предложены на конгрессе, но и почему они не были приняты? Они делают вид, что эти компромиссные предложения были приняты

Севером и отвергнуты Югом, между тем как на самом деле они были отвергнуты партией Севера, которая провела избрание Линкольна. Предложения так и не перешли в резолюции, оставшись в зачаточной стадии *ria desideria* [благочестивых пожеланий], и Юг фактически не имел случая ни отвергнуть, ни согласиться на них. Нас приближает к сути вопроса следующее замечание «Examiner»:

«Г-жа Стоу говорит: «Рабовладельческая партия, видя что она больше не может пользоваться Союзом для осуществления своих намерений, решила разрушить его». В этих словах содержится предположение, что до этого рабовладельческая партия пользовалась Союзом для осуществления своих намерений, и было бы хорошо, если бы г-жа Стоу ясно показала, когда Север начал восставать против рабства».

Можно было бы полагать, что «Examiner» и другие оракулы общественного мнения в Англии достаточно знакомы с современной историей, чтобы не нуждаться в информации г-жи Стоу о таких чрезвычайно важных вопросах. Все растущее злоупотребление Союзом со стороны рабовладельцев, действовавших в союзе с северной демократической партией, является, так сказать, общей формулой истории Соединенных Штатов с начала текущего столетия. Последовательные компромиссные меры знаменуют последовательные этапы превращения Союза в раба рабовладельцев. Каждый из этих компромиссов означает новый захват со стороны Юга и новую уступку со стороны Севера. В то же время ни одна из последовательных побед Юга не была одержана без горячей борьбы с враждебной ему силой на Севере, которая выступала под именами различных партий, с различными лозунгами и под различными знаменами. Если положительный и окончательный результат каждого отдельного спора говорил в пользу Юга, то внимательный наблюдатель исторических событий не мог не заметить, что каждое новое продвижение рабовладельцев является шагом на пути к их окончательному поражению. Даже во время Миссурийского соглашения силы соперников настолько уравновесились, что Джефферсон, как мы это видим из его мемуаров, боялся, что Союз находится под угрозой раскола из-за этого смертельного антагонизма. Агрессивность рабовладельческой стороны достигла своей высшей точки, когда благодаря биллю о Канзасе и Небраске впервые в истории Соединенных Штатов, — как признался сам Дуглас, — были уничтожены все юридические преграды распространению рабства на территории Соединенных Штатов, когда после этого один из северных кандидатов купил себе избрание в президенты тем, что склонил Союз завоевать или купить на Кубе новую территорию для рабовладельцев, когда, еще позже, решением по делу Дреда Скотта феде-

ральная власть провозгласила распространение рабства в качестве закона американской конституции и, наконец, когда фактически африканская торговля неграми была возобновлена в еще больших размерах, чем когда-либо раньше в период ее легального существования. Но одновременно с этим кульминационным пунктом захватов со стороны Юга, произведенных им при поддержке северной демократической партии, имелись несомненные признаки того, что северные антагонистические силы настолько окрепли, что чаша весов скоро должна была склониться на другую сторону. Канзасская война, образование республиканской партии и большое количество голосов, полученных г. Фремоном во время президентских выборов в 1856 г., были осязательными доказательствами того, что Север накопил достаточно энергии, чтобы исправить те ошибки, которые в течение полувека под давлением рабовладельцев допустила история Соединенных Штатов, и чтобы заставить страну вернуться к подлинным принципам своего развития. Помимо этих политических явлений, был один важный статистический и экономический факт, указывающий, что злоупотребление Федеральным союзом со стороны рабовладельческой партии достигло апогея, после которого оно — добровольно или вынужденно — должно было пойти на убыль. Этим фактом был рост Северо-запада, гигантский прогресс, сделанный его населением с 1850 до 1860 г., то новое и живительное влияние, которого он не мог оказать на судьбу Соединенных Штатов.

Но разве все это было тайной главой истории? Неужели нужно было «признание» г-жи Бичер Стоу, чтобы перед «Examiner» и другими политическими светилами лондонской прессы раскрылась тщательно скрываемая истина о том, что «до настоящего времени партия рабовладельцев пользовалась Союзом для своих целей»? Разве американский Север повинен в том, что английские журналисты были захвачены врасплох резким столкновением борющихся сил, трения которых были движущей силой истории Соединенных Штатов в течение полвека? Разве повинны американцы в том, что английская печать приняла за порожденную в один день причуду то, что на самом деле было зрелым результатом многолетней борьбы? Тот факт, что образование и развитие республиканской партии в Америке было почти не замечено лондонской печатью, громко говорит о бессодержательности всех ее тирад против рабства. Возьмите, например, двух антиподов лондонской печати: лондонский «Times» и «Reynolds' Weekly Newspaper»; один — самый крупный орган респектабельных классов, другой — единственный сохранившийся орган рабочего класса. Первый незадолго до того, как карьера г. Бьюкенена пришла к концу,

напечатал подробную апологию его управления и клеветнический пасквиль против республиканского движения. Рейнольдс, со своей стороны, во время пребывания Бьюкенена в Лондоне, был одним из его любимцев, и с тех пор он никогда не упускал случая превозносить его и всячески поносить его противников. Как могло случиться, что республиканская партия, выставившая в качестве своей программы открытую борьбу против захватов рабовладельцев и использования Союза в интересах рабовладения, одержала победу на Севере? Как могло случиться, далее, что огромная масса северной демократической партии, отбросив в сторону свои прежние связи с лидерами рабовладения, отказавшись от своих полувековых традиций, жертвуя значительными коммерческими выгодами и еще более значительными политическими предрассудками, поспешила поддержать нынешнее республиканское правительство и щедро предложило ему людей и деньги?

Вместо ответа на эти вопросы «Economist» восклицает:

«Разве можем мы забыть, что аболиционистов столь же свирепо преследовали и обижали на Севере и на Западе, как и на Юге? Разве можно отрицать, что упрямство и неискренность, чтобы не сказать прямо лицемерие, вашингтонского правительства в течение многих лет служили главной помехой нашим усилиям упразднить работорговлю на берегах Африки, когда большая часть судов, фактически участвовавших в этой торговле, была построена с помощью северного капитала, принадлежала северным купцам и имела экипаж, состоящий из матросов-северян?»

Вот, поистине, шедевр логики! Настроенная против рабства Англия не может симпатизировать Северу, разрушающему тлетворное влияние рабовладельцев, потому что она не может забыть, что Север, связанный этим влиянием, поддерживал работорговлю, травил аболиционистов и допускал, чтобы его демократические учреждения были заражены рабовладельческими предрассудками. Она не может симпатизировать правительству г. Линкольна, потому что она находила недостатки в правительстве г. Бьюкенена. Она обязательно должна злобно придираться к теперешнему движению Севера по пути к обновлению, поощрять северян, которые симпатизируют работорговле, заклеянной республиканской программой, и заигрывать с рабовладельцами Юга, создающими собственное государство, потому что она не может забыть, что Север вчера был не таким, каков он сегодня. Необходимость оправдывать свою позицию такими каверзными доводами (by such pettifogging Old Bailey pleas) доказывает больше, чем что-либо другое, что настроенная против Севера часть английской прессы руководится скрытыми мотивами, слишком низкими и позорными, чтобы их можно было высказать открыто.

Если один из ее излюбленных маневров, это — ставить на вид нынешнему республиканскому правительству действия его рабовладельчески настроенных предшественников, то она точно также изо всех сил пытается убедить английский народ в том, что в «New-York Herald» надо видеть единственно подлинного выразителя северного общественного мнения. Лондонский «Times» задал в этом смысле тон, и *servum pecus* [раболопное стадо] остальных враждебных Северу органов, больших и малых, усердно ему в этом помогает. Так «Economist» говорит: «В разгар спора было не мало нью-иоркских газет и нью-иоркских политиков, которые советовали воюющим сторонам, поскольку они вывели крупные армии на поле сражения, использовать их не друг против друга, а против Великобритании, с тем, чтобы сгладить внутренние раздоры, включая и рабовладельческий вопрос, и вторгнуться на английскую территорию — без предупреждения и с подавляющими силами». «Economist» прекрасно знает, что усилия «New-York Herald», которые горячо поддерживал лондонский «Times», втравить Соединенные Штаты в войну против Англии, преследовали лишь одну цель: обеспечить успех сецессии и помешать движению за возрождение Севера.

Одну только уступку делает враждебная Северу печать. Чванный «Saturday» рассказывает нам: «Определило избрание Линкольна и ускорило взрыв не что иное, *как ограничение рабства теми штатами, где этот институт уже существует*». А «Economist» замечает: «Это правда, что целью республиканской партии, избравшей г. Линкольна, было предотвратить распространение рабства на колонизируемых территориях... Возможно, что успех Севера, если бы он был полным и безусловным, дал бы ему возможность ограничить рабство пятнадцатью штатами, где оно уже существует, и таким образом мог бы привести к его ликвидации — но это более вероятно, чем достоверно».

В 1859 г. по случаю экспедиции Джона Броуна в Гарперс-Ферри тот же самый «Economist» напечатал серию тщательно написанных статей, в которых доказывал, что в силу некоего *экономического закона* американское рабство обречено на постепенное исчезновение с того момента, как оно будет лишено возможности распространяться. Этот «экономический закон» был прекрасно понят рабовладельцами. «Через 15 лет, — говорит Тумбс, — если значительно не увеличится территория рабства, либо рабам придется разрешить бежать от белых, либо белые вынуждены будут бежать от рабов». Принцип ограничения рабства площадью, установленной по конституции, как это было провозглашено республиканцами, впервые вызвал угрозу сецессии в Палате представителей 19 декабря 1859 года. После того как г. Синглетон

(Миссисипи) на свой вопрос: «Решила ли республиканская партия не давать Югу ни пяди новой территории для рабства, пока Юг входит в состав Союза?», — получил от г. Кертиса (Айова) утвердительный ответ, он *заявил, что это разрушит Союз*. Его совет Миссисипи таков, что чем скорее Миссисипи выйдет из Союза, тем лучше: «Пусть джентльмены вспомнят, что Джефферсон Девис предводительствовал нашими войсками в Мексике, и он еще жив, чтобы предводительствовать, может быть, южной армией». Независимо от *экономического закона*, в силу которого распространение рабства является жизненным условием для его сохранения в пределах конституционной территории, вожди Юга всегда отлично понимали, что рабство им необходимо для удержания *политической власти* над Соединенными Штатами. Джон Келгун, защищая 19 февраля 1847 г. свои предложения в Сенате, определенно заявил, «что лишь сенат дает Югу равновесие в правительстве» и что создание новых рабовладельческих штатов стало необходимым «для сохранения равновесия власти в Сенате». Кроме того, олигархия 300 000 рабовладельцев даже у себя дома могла удерживать власть только тем, что постоянно швыряла своим белым плебейам приманку в виде завоеваний внутри и вне границ Соединенных Штатов. Если теперь, согласно словам оракулов из английской прессы, Север принял твердое решение ограничить рабство его теперешней территорией и, таким образом, ликвидировать его конституционным путем, то разве этого недостаточно, чтобы привлечь к нему симпатии враждебной рабовладельению Англии?

Но английских пуритан, повидимому, действительно нельзя удовлетворить ничем иным, как только строго-аболиционистской войной. «Поскольку, — говорит «Economist», — война эта ведется не за эмансипацию негритянской расы, то что же еще может заставить нас так горячо симпатизировать делу федералистов?»

«Было время, — пишет «Examiner», — когда наши симпатии были на стороне Севера, потому что мы думали, что он действительно оказывает отпор притязаниям рабовладельческих штатов» и стоит за «эмансипацию как за меру справедливости по отношению к черной расе».

Однако в тех же номерах, в которых эти газеты говорят нам, что они не могут симпатизировать Северу, потому что его война не является аболиционистской войной, нам сообщается, что «отчаянный путь провозглашения свободы негров и призыва рабов к восстанию» есть нечто такое, «одна мысль о чем внушает отвращение и ужас», и что «компромисс» был бы «гораздо более желателен, чем успех, купленный такой дорогой ценой и *заятанный таким преступлением*».

Таким образом, английский пыл по отношению к аболиционистской войне — простое ханжество. Чортово копыто (the cloven foot peeps) видно за следующими рассуждениями: «Наконец, — говорит «Economist», — тариф Морриля; дает ли он право на нашу благодарность и симпатию или же уверенность в том, что в случае победы северян тариф этот будет распространен на всю республику, есть достаточное основание для того, чтобы мы шумно жаждали их успехов?» «Северо-американцы, — говорит «Examiner», — в действительности хлопочут лишь об одном: об эгоистическом протекционистском тарифе... Южным Штатам надоело, чтобы северный покровительственный тариф похищал у них плоды их рабского труда».

«Examiner» и «Economist» дополняют один другого. Последний достаточно честен, чтобы в конце концов признаться, что для него и его последователей симпатия есть просто-напросто вопрос о тарифе, тогда как первый сводит войну между Севером и Югом к тарифной войне, к войне между протекционизмом и свободной торговлей. «Examiner», может быть, не знает, что даже южно-каролинские нуллификаторы 1832 г.¹, как свидетельствует генерал Джексон, пользовались протекционизмом только как предлогом для отделения южных штатов от северных; но даже и «Examiner» должен знать, что теперешнее восстание, чтобы вспыхнуть, не дожидалось принятия тарифа Морриля. На самом деле южанам не могло надоеть то, что северный протекционистский тариф отнимал у них плоды их рабского труда, ибо с 1846 до 1861 г. действовал фритредерский тариф.

«Spectator» следующим удивительным образом характеризует в последнем номере тайные мысли некоторых враждебных Северу органов:

«Что же действительно считают желательным враждебные Северу органы, оправдывая свои требования ссылкой на неумолимую логику фактов? Они доказывают, что распадение Союза желательно именно потому, что, как мы уже сказали, это единственно возможный путь к прекращению «бессмысленной и братоубийственной борьбы», а также и в силу других причин, открытых ими в качестве удобного обоснования моральных требований страны, поскольку исход событий уже ясен. Эти причины выдвинуты, конечно, только задним числом и являются скромной попыткой оправдать действия провидения, его «пути по отношению к человеку». Противники Севера выяснили, что интересам Штатов будет вполне соответствовать их разделение на враждебные группы. Они будут удерживать друг друга от проявления честолюбия; они будут взаимно нейтрализовать свои силы, и, если когда-нибудь у Англии возникнет конфликт с одной из них или со многими, простое чувство соперничества заставит антагонистические группы

¹ Нуллификаторы («отрицатели») выступили с теорией, которая требовала признания за каждым отдельным штатом права отвергать неудобное ему решение федерального правительства. *Ред.*

притти нам на помощь. Это создаст, как утверждают противники Севера, весьма благоприятное положение вещей, потому что нас оно избавит от беспокойства, а штаты научит политическому «соревнованию» (political «competition»), этой наилучшей гарантии честности и чистоты.

«Таково мнение, — очень серьезно защищаемое, — образующейся теперь среди нас многочисленной группы, симпатизирующей южанам. В переводе на английский язык, — но не грустно ли, что английский аргумент по этому вопросу таков, что нуждается в переводе, — это означает, что нас огорчает теперешний масштаб этой «братоубийственной» войны, потому что она концентрирует в одну страшную схватку целый ряд хронических мелких войн, страстей и проявлений зависти между группами соперничающих штатов. Подлинная правда, — и эта глубоко не-английская точка зрения ясно видит ее, хотя и маскирует благоприятными фразами, — заключается в том, что враждебные группы американских штатов не могли бы жить в мире и согласии. Злобная враждебность, порождаемая причинами, которые создали теперешний конфликт, стала бы хронической. Утверждают, что различные группы штатов имеют различные таможенные интересы. Эти различные интересы стали бы источником постоянных мелких войн, если бы штаты распались, а рабство — этот корень всего конфликта — послужило бы источником бесчисленных проявлений вражды, разногласий и кампаний. Никакого прочного равновесия нельзя было бы восстановить между враждующими штатами. И все же противники Севера утверждают, что будущая непрерывная борьба является провиденциальным разрешением великого спора, теперь приближающегося к концу. Единственная причина, почему перспектива эта приветствуется, заключается в том, что если нынешний грандиозный конфликт может привести к более мощному политическому единству, то в противном случае бесконечный ряд мелких конфликтов приведет к ослаблению и раздроблению континента, которого Англия может не бояться.

«Мы не отрицаем, что сами американцы посеяли семена этого низменного и презренного образа мыслей своей часто недружественной и вызывающей позицией по отношению к Англии, но мы должны признать, что наши чувства низменны и достойны презрения. Д я нас ясно, что отсрочка конечного исхода не обещает Америке глубокого и длительного мира, что отсрочка эта грозит американской нации упадком и превращением ее в ряд ссорящихся кланов и племен, и все же мы воздеваем в ужасе руки перед теперешней «братоубийственной» войной, потому что в ней заключается надежда на окончательное разрешение. Мы убеждаем американцев предпочесть неопределенное будущее, полное мелких распрей, столь же братоубийственных и, вероятно, грезящих еще большей демократизацией, потому что это избавит нас от шишовой американской конкуренции».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6403 от 11 октября 1861 г.

Без подписи.

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ ХЛОПКОМ

Лондон, 21 сентября 1861 г.

Непрерывный рост цен на сырой хлопок начинает, наконец, серьезно влиять на хлопчатобумажные фабрики, и их потребление хлопка теперь на 25% меньше нормального. Это явилось результатом ежедневного сокращения производства; многие фабрики работают только четыре или три дня в неделю, и часть машин стоит как в тех заведениях, где введена сокращенная рабочая неделя, так и в тех, где работа еще идет нормально; некоторые фабрики временно совсем закрыты. В некоторых местах, как, например, в Блекберне, сокращение рабочей недели сопровождается снижением заработной платы. Однако тенденция к сокращению рабочего времени пока еще только наметилась, и мы можем предсказать с полной уверенностью, что через несколько недель промышленность перейдет на три рабочих дня в неделю одновременно с приостановкой ряда машин на большинстве предприятий. В общем английские фабриканты и купцы очень нескоро и весьма неохотно признали, что дело снабжения их хлопком обстоит неблагоприятно. «Весь последний американский урожай, — говорили они, — давно уже отправлен в Европу: сбор нового урожая только начался. Мы не могли бы получить ни одним тюком хлопка больше, чем получили; даже если бы не существовало войны и блокады. Сезон отправки хлопка начинается только в ноябре; обычно не раньше конца декабря начинают грузить большие партии. До тех пор не имеет большого значения, задерживается ли хлопок на плантациях или отправляется в гавани как только он упакован. Если блокада прекратится за некоторое время *до конца этого года*, то возможно, что в марте или апреле мы получим нормальный запас хлопка, как если бы блокада никогда не была объявлена».

В глубочайших тайниках купеческих душ существовала уверенность, что весь американский кризис, а следовательно и блокада, прекратятся до конца года или что лорд Пальмерстон насильственно прервет блокаду. Последняя мысль была совсем оставлена с тех пор, как, кроме всего прочего, Манчестер понял, что две

крупные силы — денежный капитал, вложивший огромные средства в промышленные предприятия Северной Америки, и хлебная торговля, опирающаяся на Северную Америку как на свой главный источник снабжения, — будут совместно противодействовать всякой не вынужденной агрессивности со стороны британского правительства. Надежды на своевременное снятие блокады в силу требований Ливерпуля или Манчестера, или на прекращение американской войны путем компромисса с сецессионистами отступили перед до сих пор неизвестным обстоятельством на английском хлопчатобумажном рынке, а именно перед американскими сделками и в Ливерпуле отчасти для спекуляции, отчасти для обратной отправки хлопка в Америку. Вследствие этого в течение двух последних недель на ливерпульском хлопковом рынке царило лихорадочное возбуждение. К спекулятивному вложению капитала в хлопок со стороны ливерпульских купцов присоединилось спекулятивное вложение капитала со стороны манчестерских и других фабрикантов, жаждущих запастись сырьем на зиму. Размеры этих последних сделок достаточно видны из того факта, что значительная часть свободных складов в Манчестере уже занята сырьем и что в течение всей недели, начиная с 15 сентября и кончая 22 сентября, цена американских высевок хлопка (middlings) повысилась на $\frac{3}{8}$ пенса за фунт, а чистый хлопок — на $\frac{5}{8}$ пенса.

С начала американской войны цены на хлопок постоянно повышались, но разорительное несоответствие между ценами на сырье и ценами на пряжу и ткань выяснилось лишь за последние недели августа. До тех пор всякое серьезное падение цен на хлопчатобумажные изделия, которые можно было предвидеть ввиду значительного уменьшения американского спроса, уравновешивалось скоплением товара в первых руках и спекулятивной отправкой хлопчатобумажных изделий в Китай и Индию. Но эти азиатские рынки вскоре оказались насыщенными. «Calcutta Price Current» от 7 августа 1861 г. пишет: «Запасы товаров скопляются; после нашего последнего сообщения доставлено не меньше 24 000 000 ярдов обыкновенной хлопчатобумажной материи. Сообщения из Англии говорят о продолжении погрузок, превосходящих наши потребности, и, пока это имеет место, облегчения не предвидится... Рынок Бомбея тоже сильно перегружен».

Сокращению индийского рынка способствовали и некоторые другие обстоятельства. За голодом в северо-западных провинциях последовали опустошения от холеры, в то время как в Нижней Бенгалии невозможные дожди, затопив весь край, причинили серьез-

ный ущерб урожаю риса. В письмах из Калькутты, прибывших в Англию на прошлой неделе, имеются известия о продажах, дающих $9\frac{1}{4}$ пенсов чистой прибыли за фунт пряжи № 40, которая может быть куплена в Манчестере не дешевле, чем за $11\frac{3}{8}$ пенса, между тем как продажа 40-дюймового шертинга по сравнению с теперешними ценами в Манчестере дает убыток в $7\frac{1}{2}$ пенсов и 12 пенсов со штуки. На китайском рынке цены тоже были снижены из-за скопления ввезенных товаров.

При таких обстоятельствах, если спрос на английские хлопчатобумажные изделия понижается, их цены, конечно, не могут идти в уровень с прогрессивным ростом цен на сырье; наоборот, падение, тканье и набивка хлопчатобумажной материи во многих случаях перестает оправдывать расходы производства. Возьмем в качестве примера следующий случай, установленный одним из самых крупных манчестерских фабрикантов в отношении грубой пряжи:

17 сентября 1860 г.	Цена за 1 ф.	Разница в цене хлопка и пряжи	Стоимость придания с 1 ф.
Стоимость хлопка	$6\frac{1}{4}$	4 пенса	3 пенса
Пряжа (основа) № 16 продана за	$10\frac{1}{4}$	—	—
Прибыль — 1 пенс с 1 фунта.			

17 сентября 1861 г.	Цена за 1 ф.	Разница в цене хлопка и пряжи	Стоимость придания с 1 ф.
Стоимость хлопка	9 пенсов	2 пенса	$3\frac{1}{2}$ пенса
Пряжа (основа) № 16 продана за	11 »	—	—
Убыток — $1\frac{1}{2}$ пенса с 1 фунта.			

Потребление индийского хлопка быстро растет, и при дальнейшем росте цен индийское снабжение будет развиваться во все увеличивающейся пропорции, но пока остается невозможным изменить в несколько месяцев все условия производства и повернуть ход торговли. Англия фактически расплачивается теперь за свое многолетнее скверное управление обширной индийской империей. Два главных препятствия, с которыми она должна бороться в своих попытках вытеснить американский хлопок индийским, — это недостаток средств сообщения и транспорта по всей Индии и бедственное положение индийского крестьянина, лишаящего его возможности использовать благоприятные обстоятельства. Обеими этими трудностями англичане обязаны самим себе. Английская новейшая промышленность в общем опиралась на два одинаково чудовищных стержня. Одним из них был картофель как единственное средство пропитания для Ирландии и большей части английского рабочего класса.

Этот стержень был сметен картофельной болезнью и последовавшей за ней ирландской катастрофой. Потребовалось принятие более широкой основы для воспроизводства и поддержания миллионов трудящихся. Вторым стержнем английской промышленности был выращенный рабами хлопок в Соединенных Штатах. Теперешний американский кризис заставляет англичан расширить область снабжения и освободить хлопок от базирующихся на рабском производстве и рабском потреблении олигархий. Пока английские хлопчатобумажные фабриканты находятся в зависимости от выращенного рабами хлопка, можно с достоверностью утверждать, что они опираются на двойное рабство — косвенное рабство белых в Англии и прямое рабство черных по ту сторону Атлантического океана.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6405 от 14 октября 1861 г.

Без подписи.

ЛОНДОНСКИЙ «TIMES» И ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН.

Лондон, 5 октября 1861 г.

«Английский народ участвует в управлении своей страной, читая газету «Times»». Это суждение, высказанное одним выдающимся английским писателем о так называемом английском самоуправлении, правильно лишь поскольку оно касается внешней политики королевства. Что же касается внутренних реформ, то они никогда не проводились при поддержке «Times»; напротив, «Times» не переставал нападать на них, пока не убеждался в полной невозможности задерживать дальше движение. Возьмем, например, эмансипацию католиков, парламентскую реформу, отмену хлебных законов, гербовый сбор и налог на газеты. Всякий раз, как победа бесспорно оказывалась на стороне реформаторов, «Times» делал поворот, дезертировал из реакционного лагеря и ухитрялся в решительную минуту быть с победителями. Во всех этих случаях «Times» не направлял общественное мнение, а подчинялся ему, неохотно, нерешительно и после длительных, но тщетных попыток повернуть назад волны народного движения. Его настоящее влияние на общественное мнение поэтому ограничено областью иностранной политики. Ни в одной части Европы народная масса, и особенно буржуазия, не проявляет такого невежества в иностранной политике своей собственной страны, как в Англии, — невежества, проистекающего из двух главных источников. С одной стороны, со времени Славной революции 1688 г. аристократия монополизировала руководство иностранными делами в Англии. С другой стороны, все растущее разделение труда в известной степени выхолостило общий интеллект буржуа, ограничив всю их энергию и умственные способности узкой сферой торговых, промышленных и профессиональных интересов. В результате получилось, что аристократия *действовала* за буржуазию, а пресса *думала* за нее в области иностранной или международной политики; и очень скоро обе стороны, аристократия и пресса, уяснили себе, что в их интересах объединиться. Достаточно открыть «Cobbett's Political Register»,

чтобы убедиться, что с начала текущего столетия крупные лондонские газеты постоянно играли роль присяжных защитников высокогородных заправил английской иностранной политики. Правда, пришлось пройти несколько промежуточных периодов, пока не установилось существующее положение. Аристократия, монополизировавшая управление иностранными делами, сначала сузилась в олигархию, представленную тайным конклавом, называемым кабинетом, а затем кабинет был отеснен одним лицом, лордом Пальмерстоном, который в течение последних тридцати лет узурпировал абсолютную власть в управлении национальными силами Британской империи и в руководстве ее иностранной политикой. Одновременно с этой узурпацией, в силу закона концентрации, действующего в области газетного дела еще гораздо быстрее, чем в области бумагопрядения, лондонский «Times» достиг положения английской национальной газеты, стал, так сказать, представителем английского общественного мнения перед заграницей. Если монополия управления иностранными делами нации перешла от аристократии к олигархическому конклаву, а от олигархического конклава к одному лицу, министру иностранных дел Англии, т. е. к лорду Пальмерстону, то монополия мыслить и судить за нацию о ее собственных иностранных делах и представлять общественное мнение в этих делах перешло от печати к одному органу — к «Times». Лорд Пальмерстон, который келейно управлял иностранной политикой Британской империи, руководясь мотивами, не известными ни широкой публике, ни парламенту, ни даже его собственным коллегам, был бы очень глуп, если бы не попытался завладеть той единственной газетой, которая узурпировала право обсуждать от имени английского народа его собственные секретные дела. «Times», в словаре которого никогда не имелось слова «доблесть» (*virtue*), должен был бы, со своей стороны, проявить более чем спартанскую доблесть, если бы он не присоединился к фактическому самодержцу империи. Поэтому со времени французского государственного *coup d'état* [переворота], когда в Англии правительство одной клики было вытеснено правительством коалиции нескольких клик, и Пальмерстон, следовательно, не имел больше соперников, угрожавших его узурпации, «Times» стал его настоящим рабом. Пальмерстон позаботился о том, чтобы заместить подчиненные посты в кабинете некоторыми своими людьми и приласкать других, приняв их в свой общественный круг. С этого времени вся работа «Times» в области иностранной политики Британской империи ограничивается фабрикованием общественного мнения в соответствии с иностранной политикой лорда Пальмерстона.

«Times» должен готовить общественное мнение к тому, что лорд Пальмерстон намерен предпринять, и заставлять общественное мнение одобрять то, что он уже сделал. Каких усилий требовал этот рабский труд, лучше всего обнаружилось во время последней сессии парламента. Сессия эта была чрезвычайно неблагоприятна для лорда Пальмерстона. Некоторые независимые члены палаты общин, либералы и консерваторы, восстали против узурпированной им диктатуры и попытались изложением его прошлых преступлений пробудить в нации ощущение опасности, если неограниченная власть и впредь останется в тех же руках. Г-н Денлоп, открыв атаку внесением предложения об избрании комитета по афганским документам, которые Пальмерстон представил палате в 1839 г., доказал, что Пальмерстон фактически их подделал. «Times» в своем парламентском отчете вычеркнул все части речи г. Денлопа, которые, по его мнению, могли бы особенно повредить его хозяйству. Позднее лорд Монтегю, внося предложение об опубликовании всех документов, относящихся к датскому договору 1852 г., обвинил Пальмерстона в том, что ему принадлежала главная роль в маневрах, направленных к изменению датского престолонаследования в интересах одной иностранной державы, и в том, что он обманул парламент сообщением заведомо неверных сведений. Однако Пальмерстон успел притти к соглашению с г. Дизраэли, чтобы провалить предложение лорда Монтегю посредством ссылки на отсутствие кворума, и вопрос действительно был замят. Тем не менее, речь лорда Монтегю длилась полтора часа, прежде чем заседание было прервано по мотивам отсутствия кворума. «Times» был осведомлен Пальмерстоном о том, что предстоит отсрочка заседания, и поэтому редактор, специальной задачей которого было исказить и фабриковать парламентские отчеты, устроил себе день отдыха, и, таким образом, речь лорда Монтегю появилась на столбцах «Times» в неискаженном виде. Когда на следующее утро ошибка обнаружилась, была написана передовая статья, сообщавшая Джону Буллю, что подсчет кворума (count out) является остроумным способом прекращения скучных речей, что лорд Монтегю был невыносимо скучек и что дела нации не могут двигаться вперед, если парламентские скучные люди не будут отстранены самым бесцеремонным образом. Пальмерстон был снова притянут к ответу на последней сессии, когда г. Хеннесси внес предложение о представлении парламенту переписки министерства иностранных дел во время польской революции 1831 года. «Times» снова прибегнул, как в деле г. Денлопа, к простому умолчанию. Его отчет о речи г. Хеннесси — настоящее

издание in usum delphini [для дофина] ¹. Если принять во внимание, сколько усердия нужно приложить, чтобы пробежать огромные парламентские отчеты в ту же ночь, в которую они доставлены из парламента в редакцию, и в ту же ночь так исказить, изменить, сфальсифицировать их, чтобы они ничего не говорили против политической чистоты Пальмерстона, то надо признать, что сколько бы выгод и преимуществ ни получал «Times» от своего прислуживания благородному виконту, его задача не из веселых.

Если, таким образом, «Times» способен при помощи ложных утверждений и умолчаний так фальсифицировать общественное мнение в отношении тех событий, которые произошли лишь накануне в парламенте, то его искусство применять ложные утверждения и умолчания к событиям, происходящим далеко, как это имеет место с американской войной, должно быть безгранично. Если при обсуждении американских дел он напрягал все силы, чтобы возбудить друг против друга англичан и американцев, то он делал это не из симпатии к английским хлопчатобумажным лордам и не из внимания к действительным и предполагаемым интересам Англии. Он просто исполнял приказания своего хозяина. Из изменившегося за последнюю неделю тона лондонского «Times» мы можем, следовательно, вывести заключение, что лорд Пальмерстон намерен отказаться от крайне враждебной позиции, которую он до сих пор занимал по отношению к Соединенным Штатам. В одной из сегодняшних передовых статей «Times», который в течение ряда месяцев превозносил наступательные силы сецессионистов и распространялся о неумении Соединенных Штатов справиться с ними, высказывается полнейшая уверенность в военном превосходстве Севера. Что эта перемена тона продиктована хозяином, становится вполне очевидным из того обстоятельства, что другие влиятельные газеты, о которых известно, что они связаны с Пальмерстоном, точно так же переменили направление. Одна из них, «Economist», довольно прозрачно намекает торговцам общественного мнения, что наступило время «тщательно проверить» свои «чувства по отношению к Соединенным Штатам». Выдержка из «Economist», на которую я ссылаюсь и которую я считаю нужным привести как доказательство новых директив, полученных пальмерстонскими журналистами, гласит следующее:

---

¹ Дофин — королевский наследник в дореволюционной Франции; в учебниках, предназначенных для дофина, материал преподносился в намеренно искаженном, прикрашенном виде. *Ред.*

«Мы искренно признаем, что в одном отношении северяне имеют право жаловаться, и что мы также в одном отношении вынуждены быть больше настороже, чем, может быть, обычно были. Наши руководящие газеты были слишком склонны цитировать и принимать в качестве представителей взглядов и чувств Соединенных Штатов те газеты, которые всегда отличались своей плохой репутацией и слабым влиянием и которых можно подозревать в том, что они в душе сецессионисты и плавают под чужим флагом, что они исповедуют крайние воззрения Севера и в то же время пишут в интересах Юга, и, вероятно, оплачиваются им. Мало кто из англичан может, например, искренне считать, что «New-York Herald» выражает характер и взгляды северной части республики. Повторяем: мы должны быть очень осторожны, чтобы наше правильное критическое отношение к унионистам незаметно не выродилось в признание и защиту сецессионистов. Средний человек обыкновенно очень склонен быть *пристрастным*. Однако, как бы нам ни были неприятны поведение и язык Севера, мы никогда не должны забывать, что сецессия Юга была продиктована намерениями и начата действиями, вызывающими с нашей стороны самое горячее и глубокое порицание. Мы, конечно, должны осуждать протекционистские пошлины Союза как обременительное и мрачное безумие. Конечно, мы приветствуем желание Юга иметь низкие пошлины и неограниченную торговлю. Конечно, мы хотим, чтобы процветание штатов, которые производят так много сырья и нуждаются в таком количестве фабричных изделий, не было прервано или совсем нарушено. Но в то же время мы не можем упустить из виду бесспорный факт, что истинной целью и подлинным мотивом сецессии были не защита своего права владеть рабами на собственной территории (северяне проявляли в этом отношении не меньшую уступчивость, чем проявленная южанами требовательность), а распространение рабства на огромные неограниченные пространства, до сих пор свободные от этого проклятия, но куда плантаторы мечтали в дальнейшем внедриться. Эту цель мы всегда считали безрассудной, несправедливой и омерзительной. Общественный порядок, установленный в южных штатах своим институтом рабства, вызывает в англичанах тем большее отвращение и осуждение, чем ближе они с ним знакомятся. Пусть же южане примут во внимание, что никакие денежные и торговые преимущества, которые наша страна могла бы получить от прогресса в возделывании девственной почвы плантаторских штатов и новых земель, на которые они претендуют, не изменят ни в малой мере наших взглядов на эти вопросы, не воспрепятствуют нам выражать нашу точку зрения, не остановят нашего действительного выступления, когда оно станет неизбежным или уместным. Предполагают, что они (сецессионисты) еще лелеют странную мысль, будто бы, *источие* Францию и Англию, — потерями и страданиями, причиненными полным прекращением снабжения со стороны Америки, — они заставят правительства этих стран оказать им помощь и принудить Соединенные Штаты прекратить блокаду... Нет решительно никаких шансов на то, чтобы та или другая из этих держав хотя на момент почувствовала себя в праве совершить такой акт решительной и недопустимой враждебности против Соединенных Штатов... Мы меньше зависим от Юга, чем Юг от нас, и южане скоро это увидят. Поэтому мы просим их поверить, что рабство, пока оно существует, должно в большей или меньшей степени создавать моральную стену между нами, и что даже молчаливое поощрение так же далеко от наших мыслей, как и дерзость открытого вмешательства. Ланкашир — не Англия, и к чести и уму нашего фабричного населения нужно сказать, что если бы даже это было так, то все же *хлопок не будет королем*».

Все, что я хотел здесь показать, это то, что Пальмерстон, а следовательно и лондонская пресса, работающая по его приказам, отказываются от своей враждебной позиции по отношению к Соединенным Штатам. Причины этого «revirement» [переворота], как его называют французы, я попытаюсь разъяснить в следующем письме. Прежде чем закончить, добавлю, что г. Форстер, член парламента от Бредфорда, в прошлый вторник в театре бредфордского Механического института прочел доклад «О гражданской войне в Америке», в котором он указал на истинную причину этой войны и на ее характер и с успехом опроверг лживые измышления пальмерстоновской прессы.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6411 от 21 октября 1861 г.

Без подписи.

ЛОНДОНСКИЙ «TIMES» ОБ ОРЛЕАНСКИХ ПРИНЦАХ В АМЕРИКЕ.

Лондон, 12 октября 1861 г.

По случаю приезда прусского короля в Компьень лондонский «Times» напечатал несколько едких статей, показавшихся весьма оскорбительными на той стороне канала. «Pays», официальная имперская газета, в свою очередь охарактеризовала писателей «Times» как людей, головы которых отравлены джином, а перья запачканы грязью. Этот случайный обмен ругательствами имел своей целью лишь обмануть общественное мнение относительно той близости, которая существует между Принтинггауз-сквером и Тюильри¹. За пределами французской границы у «героя декабря» нет большего сикофанта, чем лондонский «Times», и услуги последнего являются тем более неоценимыми, чем больше эта газета время от времени присваивает себе тон и манеру цензора Катона по отношению к своему Цезарю. «Times» в течение месяцев наносил оскорбления Пруссии. Одобрив жалкое макдональдовское дело, «Times» сообщал Пруссии, что Англия была бы рада видеть переход Рейнских провинций от варварской власти Гогенцоллернов к просвещенному деспотизму Бонапарта. Это возмутило не только прусскую династию, но и прусский народ. «Times» отверг идею англо-прусского союза в случае прусского конфликта с Францией. Он напряг все усилия, чтобы убедить Пруссию в том, что ей не на что надеяться со стороны Англии и что лучшее, что она может сделать, это войти в соглашение с Францией. Когда, наконец, слабый и приспособляющийся прусский король решился на визит в Компьень, «Times» мог с гордостью воскликнуть: «*quorum magna pars fui!*» [в этом большая доля принадлежит мне], — но теперь наступило такое время, когда необходимо изгладить из памяти англичан тот факт, что «Times» прокладывал путь прусскому монарху. Отсюда его бутафорские громы. Отсюда же и ответные громы со стороны «Pays», имперской газеты.

¹ Принтинггауз-сквер — помещение редакции лондонского «Times». Тюильри — дворец в Париже, бывший резиденцией Наполеона III. *Ред.*

Теперь «Times» занял позицию смертельного противника бонапартизма, получив тем самым возможность оказать свою помощь «герою декабря». Случай для этого вскоре представился. Луи Бонапарт, конечно, чувствует себя наиболее задетым, когда дело касается славы конкурирующих с ним претендентов на французскую корону. Он показал себя в смешном свете в деле с памфлетом герцога д'Омальского против Плон-Плона, и его поведение оказало делу орлеанистов большую поддержку, чем все, что сделали все сторонники Орлеанов вместе взятые. В эти последние дни французскому народу опять пришлось провести параллель между Плон-Плоном и Орлеанскими принцами. Когда Плон-Плон отправился в Америку, в Сент-Антуанском предместьи появились карикатуры, изображающие его в виде толстяка, ищущего корону, но в то же время делающего вид самого безобидного путешественника, питающего особое отвращение к запаху пороха. В то время как Плон-Плон возвращался во Францию с лаврами не больше тех, что он приобрел в Крыму и Италии, принцы Орлеанские пересекли Атлантический океан, чтобы поступить на службу в национальную армию. Отсюда великое волнение в бонапартистском лагере. Негодование бонапартистов не могло найти исхода в продажной парижской прессе. Таким образом были бы лишь выданы империалистские страхи, возобновлен скандал с памфлетом и возникло бы ненавистное сравнение между принцами в изгнании, которые борются под республиканским знаменем против поработителей миллионов трудящихся, и другим изгнанным принцем, который присягал в качестве английского полицейского волонтера для участия в усмирении английского рабочего движения.

Кто мог помочь «герою декабря» разрешить эту дилемму? Кто иной, как не лондонский «Times»? Если тот самый лондонский «Times», который 6-го, 7-го, 8-го и 9 октября 1861 г. возбудил против себя ярость «Pays», официальной имперской газеты, своей циничной критикой компьеньского визита, если эта самая газета могла выйти в свет 12 октября с беспощадными нападками на Орлеанских принцев за их поступление в ряды национальной армии Соединенных Штатов, то разве Луи Бонапарт тем самым не доказал своей правоты по отношению к Орлеанским принцам? Разве статья «Times» не была переведена на французский язык, разве она не комментировалась французской прессой, разве ее не рассылал префект полиции во все газеты всех департаментов и разве не циркулировала она по всей Франции как беспристрастный приговор, вынесенный лондонским «Times», личным врагом Луи Бонапарта, относительно

последних действий Орлеанских принцев? Вполне последовательно сегодняшней «Times» выступает с чрезвычайно грубой атакой против этих принцев.

Луи Бонапарт, конечно, слишком деловой человек для того, чтобы проявить такое же ослепление в отношении американской войны, как официальные торговцы общественным мнением. Он знает, что подлинный народ Англии, Франции, Германии, Европы смотрит на дело Соединенных Штатов как на свое собственное дело, как на дело свободы, и что, несмотря на всю оплачиваемую софистику, последний рассматривает Соединенные Штаты как свободную землю безземельных миллионов Европы, как обетованную землю, которую теперь надо защищать с оружием в руках от грязных лап рабовладельцев. Кроме того, Луи-Наполеон знает, что массы во Франции связывают борьбу за поддержку Союза с борьбой их предков за создание американской независимости и что для них каждый француз, обнажающий свой меч за национальное правительство, представляется лишь выполняющим завет Лафайетта. Бонапарт поэтому знает, что если что-нибудь может помочь принцам Орлеанским завоевать расположение французского народа, так это именно их поступление в ряды национальной армии Соединенных Штатов. Он содрогается при этом известии, и в связи с этим лондонский «Times», его цензор и сикофант, пишет сегодня, что Орлеанские принцы «не увеличат своей популярности у французского народа, унизившись до службы этому *подлому делу*». Луи-Наполеон знает, что все войны, имевшие место в Европе между враждующими нациями со времени его государственного переворота, были фальшивыми войнами, беспочвенными, вздорными, основанными на ложных претензиях. Русская война, итальянская война, не говоря уже о разбойничьей экспедиции против Китая, Кокхинхины и т. д., не возбуждали симпатии французского народа, который инстинктивно чувствовал, что обе войны велись лишь с целью закрепить цепи, выкованные переворотом. Первая великая война в современной истории — это американская война.

Народы Европы знают, что рабовладельцы Юга (the Southern slaveocracy) начали эту войну декларацией о том, что продолжение рабовладения несовместимо с существованием Союза. Следовательно, народы Европы знают, что борьба за существование Союза является борьбой против существования рабства, что в этой борьбе высшая форма народного самоуправления, какая только существовала до сих пор, дает бой самой низкой и бесстыдной форме порабощения человека, когда-либо встречавшейся в летописях истории.

Луи Бонапарт, конечно, чрезвычайно опечален тем обстоятельством, что Орлеанские принцы приняли участие именно в этой войне, отличающейся грандиозностью своих размеров и величием своих целей от беспочвенных, вздорных и ничтожных войн, через которые Европа прошла, начиная с 1849 года. Потому-то лондонский «Times» считает нужным заявить: «Пренебречь различием между войнами, которые велись враждующими нациями, и этой наиболее беспричинной и вздорной из гражданских войн, какие только знает история, значит положительно оскорблять общественную нравственность».

«Times», конечно, обязан усилить атаку на Орлеанских принцев за то, что они «унизились до службы такому подлому делу». Расклавываясь низко перед победителем при Севастополе и Сольферино, «Times» пишет: «Безрассудно сравнивать то, что происходило у Спрингфильда и Манассаса, с подвигами у Севастополя и Сольферино». Следующая почта покажет, как использовали империалистские органы статью из «Times». Согласно пословице, друг в беде стоит тысячи друзей в счастливые времена, а тайный союзник лондонского «Times» как раз находится в очень тяжелом положении.

Вздорожание хлопка, последовавшее за вздорожанием хлеба, торговый кризис, соединенный с неурожаем, сокращение таможенных доходов и денежные затруднения заставили Французский банк взвинтить учетный процент до 6, войти в соглашение с Ротшильдами и Берингом о займе в 2 миллиона фунтов стерлингов на лондонском рынке, заложить за границей принадлежащие французскому правительству ценные бумаги и при всем том показать резерв в сумме 12 000 000 при наличии обязательств, доходящих до 40 000 000 с лишком. Такое состояние экономических дел подготовило возможность для конкурирующих претендентов поставить на карту двойную ставку. В Сент-Антуанском предместьи уже имели место хлебные беспорядки, и поэтому ясно, что настоящий момент является самым неподходящим для того, чтобы позволить Орлеанским принцам приобретать популярность. Этим и объясняется яростное выступление лондонского «Times».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6426 от 7 ноября 1861 г.

Без подписи.

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

Лондон, 2 ноября 1861 г.

Отчеты английского министерства торговли за девять месяцев, кончая 30 сентября 1861 г., указывают на большое уменьшение экспорта и еще большее увеличение импорта. Сравнение вывоза за последние три года дает следующий общий результат:

СТОИМОСТЬ ЭКСПОРТА ЗА ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ, КОНЧАЯ 30 СЕНТЯБРЯ.

Годы	Ф. ст.
1859	98 037 311
1860	101 724 346
1861	93 795 332

Следовательно, экспорт текущего года, по сравнению с соответствующим периодом 1860 г., уменьшился на 7 929 014 ф. ст., причем огромная часть этого уменьшения, а именно 5 671 730 ф. ст., объясняется внезапным сокращением американской торговли. Размеры, в которых общее понижение, вызванное этой причиной, отразилось на отдельных отраслях английской торговли, показывает следующая таблица:

СТОИМОСТЬ ЭКСПОРТА В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЗА ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ, КОНЧАЯ 30 СЕНТЯБРЯ.

	1859 г. Ф. ст.	1860 г. Ф. ст.	1861 г. Ф. ст.
Пиво и эль	78 060	76 843	25 642
Уголь и антрацит	144 556	156 665	200 244
Бумажные ткани	2 753 782	2 776 472	1 130 973
Фаянс и фарфор	448 661	518 778	191 406
Галантерея и модные товары . .	1 204 085	1 083 438	542 312
Полотно	1 486 276	1 337 778	493 654
Скобяной и ножевой товар . . .	865 066	776 772	446 095
Металлы, железо, чугун	205 947	165 052	79 086
Брусья, болты, пруты	642 822	546 493	148 587
Рельсы всех сортов	744 505	665 619	168 657
Литье	16 489	17 056	9 239
Готовые изделия	357 162	378 842	125 752

	1859 г. Ф. ст.	1860 г. Ф. ст.	1861 г. Ф. ст.
Сталь необработанная	372 465	457 490	216 246
Медь в листах и гвозди	99 422	44 971	10 005
Свинец в болванках	53 451	66 015	1 451
Жесть	935 692	833 644	274 488
Масличные семена	122 570	72 915	1 680
Соль	63 876	84 818	59 809
Шелковые материи, платки, ленты	197 605	102 393	88 360
Прочие шелковые изделия	129 557	93 227	22 984
Сода	439 584	399 153	142 311
Спирт (английский)	53 173	56 423	12 430
Шерстяные материи всех родов	586 701	535 130	250 023
Равные материи, фланель, одеяла и т. д.	1 732 224	1 612 284	652 399
Крученая шерсть	1 052 053	840 507	377 597
В с е г о	15 785 784	16 300 711	5 671 730

Помимо уменьшения вследствие ослабления американской торговли, общий экспорт сверх того упал на 2 257 284 ф. стерлингов. Наибольшая часть этой потери приходится на сентябрь, когда высокая цена на хлопок и соответственный рост цен на хлопчатобумажные изделия и пряжу начали оказывать сильное влияние на рынки британской Северной Америки, Ост-Индии и Австралии. В течение всего девятимесячного периода, кончая сентябрем 1861 г., Турция и Германия, после Соединенных Штатов, были странами, наиболее сократившими потребление английских товаров. Экспорт во Францию не возрос сколько-нибудь значительно, увеличился лишь вывоз одного сельскохозяйственного продукта, а именно, овечьей и ягнячьей шерсти. В течение первых девяти месяцев 1860 г. Англия вывезла во Францию 4 735 150 фунтов шерсти стоимостью в 345 047 ф. стерлингов. В течение соответствующего периода текущего года экспорт достиг 8 716 083 фунтов стоимостью в 642 468 ф. стерлингов. Из прочих цифр отчетов об экспорте значительный интерес представляют те, которые относятся к Италии. Английский вывоз в новое королевство явно увеличивается, чем в значительной степени и объясняются английские симпатии к итальянской свободе. Так, например, экспорт английских хлопчатобумажных тканей в Сардинию, Тоскану, Неаполь и Сицилию поднялся с 756 892 ф. ст. в 1860 г. до 1 204 287 ф. ст. в 1861 г.; экспорт хлопчатобумажной пряжи — с 348 158 ф. ст. в 1860 г. до 538 373 ф. ст. в 1861 г.; экспорт железа — с 120 807 ф. ст. в 1860 г. до 160 912 ф. ст. в 1861 году.

Таблицы импорта охватывают только первые *восемь месяцев* текущего года. Следующие цифры показывают его общие размеры.

РЕАЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ИМПОРТА.

Годы	Ф. ст.
1859	88 993 762
1860	106 894 278
1861	114 588 107

Большая часть роста импорта объясняется увеличением закупки иностранной пшеницы, которая с 6 796 131 ф. ст. в первые восемь месяцев 1860 г. поднялась до 13 431 487 ф. ст. в соответствующий период 1861 года. Что касается хлопка-сырья, то цифра его ввоза за соответствующий период уменьшилась весьма немного, тогда как цена возросла значительно, что видно из прилагаемой таблицы.

КОЛИЧЕСТВО ВВЕЗЕННОГО ХЛОПКА В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВЫХ ВОСЬМИ МЕСЯЦЕВ.

Годы	В центнерах	Стоимость в ф. ст.
1859	8 023 082	24 039 197
1860	10 616 347	28 940 676
1861	9 616 087	30 809 279

В настоящий момент в Англии не существует общей политики. Все и вся поглощены промышленным вопросом и американским кризисом. В предыдущем письме я обратил ваше внимание на лихорадочное состояние ливерпульского хлопкового рынка. Действительно, за последние две недели он обнаружил все симптомы железнодорожной мании 1845 года. Хирурги, дантисты, врачи, юристы, повара, рабочие, служащие и лорды, актеры и священники, солдаты и моряки, журналисты и школьные учительницы, мужчины и женщины — все спекулировали на хлопке. Некоторые из партий хлопка, которые покупались, продавались и перепродавались, состояли лишь из одного, двух, трех или четырех тюков. Более значительные количества не покидали первоначального склада, хотя и меняли по двадцать раз своих владельцев. Кто покупал хлопок в 10 часов, продавал его в 11 и получал $\frac{1}{2}$ пенса прибыли на фунте. Многие партии хлопка таким образом перебивали во многих руках в течение 12 часов. Но на этой неделе наступила некоторая реакция, объясняемая лишь тем обстоятельством, что шиллинг представляет собою круглую цифру, ибо состоит из 12 пенсов, и большинство решило продать свой хлопок, как только цена дойдет до 1 шиллинга за фунт; поэтому неожиданно произошло крупное повышение предложения хлопка и благодаря этому падение его цены. Однако это может быть только временным.

Когда англичанин свыкнется с мыслью, что фунт хлопка может

стоить 15 пенсов, временная преграда для спекуляции рухнет, и спекулятивная мания разгорится с удвоенной силой. Движение это в одном отношении благоприятно для Соединенных Штатов: оно враждебно партии, стоящей за прорыв блокады. В печати уже были заявлены со стороны спекулянтов протесты, в которых не без основания указывается на то, что всякое действие военного характера со стороны английского правительства будет актом прямой несправедливости по отношению к тем купцам, которые, в надежде на то, что английское правительство останется верным признанному им принципу невмешательства, делали свои расчеты, спекулировали у себя дома, посылали свои заказы за границу и покупали хлопок по цене, которой он мог достигнуть при естественном, вероятном и предвидимом ходе событий.

В сегодняшнем «Economist» напечатана чрезвычайно нелепая статья, автор которой на основании статистических данных о населении и площади Соединенных Штатов приходит к заключению, что там достаточно места для создания по крайней мере семи обширных империй, и поэтому унионисты должны оставить «мечту о всеобщем господстве». Единственный разумный вывод, который «Economist» мог бы сделать из своих собственных статистических сообщений, это то, что северяне, даже если бы они этого хотели, не могли бы отказаться от своих требований, не отдав рабовладению обширных штатов и областей, где «рабство еще влачит свое существование, но не может стать постоянным институтом» (permanent institution). Этого единственного разумного умозаключения статья даже не пытается коснуться.

Независимо от собственных торговых затруднений, Англию ставит в тяжелое положение критическое положение французских финансов. Маневры Французского банка, направленные к тому, чтобы остановить утечку золота в Англию посредством дружеских векселей, полученных от Ротшильда и других крупных фирм, привели, как этого и следовало ожидать, лишь к временному смягчению его затруднений. Теперь он поочередно обращается за помощью к банкам Берлина, Гамбурга и Петербурга; но все эти попытки, вместо того, чтобы доставить облегчение, только обнаруживают безнадежность его положения. Затруднения, которые теперь испытывает французское правительство, характеризуются двумя мерами, к которым оно прибегло в течение последних двух недель. Чтобы укрепить обязательства казначейства, проценты по ним подняты до $7\frac{1}{2}$, а Виктору-Эммануилу приказано частично отложить реализацию итальянского займа, в который французскими капиталистами вло-

жены крупные суммы. Тот, конечно, уступил требованию своего патрона.

В Тюильри сейчас два противоположных течения, предлагающих два противоположных средства для временного излечения финансового недуга. Истинные бонапартисты, Персиньи и «Credit Mobilier», носятся с планом подчинить Французский банк непосредственному и полному контролю правительства, поставить его в полную зависимость от казначейства и использовать приобретенную таким образом власть для неограниченной эмиссии государственных бумажных денег, не размениваемых на золото. Другая партия, представленная Фульдом и другими ренегатами прежних режимов, предлагает новый заем, размер которого определяется различно: более скромный — в 16 000 000 ф. ст., более смелый — в 30 000 000 ф. стерлингов.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6440 от 23 ноября 1861 г.

Без подписи.

ИНТЕРВЕНЦИЯ В МЕКСИКЕ.

Лондон, 8 ноября 1861 г.

Замышляемая Англией, Францией и Испанией интервенция в Мексике является, по моему мнению, одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории. Это — чисто пальмерстоновская затея, поражающая непосвященного безрассудством цели и бессилием примененных средств, что кажется несовместимым с известной ловкостью старого интригана. Вполне вероятно, что мексиканская экспедиция является одним из многих утыгов, которые Луи Бонапарт вынужден все время держать на огне для развлечения французской публики. Бесспорно, что Испания, голова которой, никогда не отличавшаяся особой крепостью, закружилась от ее недавних дешевых успехов в Марокко и Сан-Доминго, мечтает о восстановлении своей власти в Мексике. Но не подлежит сомнению, что французский план еще далеко не созрел и что как Франция, так и Испания борются против совместной экспедиции в Мексику под английским руководством.

24 сентября частный «Moniteur» Пальмерстона, лондонский «Morning Post», первый сообщил в деталях план совместной интервенции согласно пунктам договора, который, как говорила газета, только что заключен между Англией, Францией и Испанией. Едва это сообщение перешло через канал, как французское правительство на столбцах парижской «Patrie» объявило его прямой ложью. 27 сентября лондонский «Times», национальный орган Пальмерстона, впервые в противоречивой статье прервал свое молчание по поводу плана, не цитируя «Patrie». «Times» даже утверждал, что граф Россель уже сообщил французскому правительству решение Англии принять участие в интервенции в Мексику и что г. де-Тувенель ответил, что император французов пришел к подобному же заключению. Теперь очередь была за Испанией. Одна полуофициальная мадридская газета, подтверждая намерение Испании вмешаться в дела Мексики, отвергала в то же самое время идею общей интервенции совместно с Англией. Опровержения все еще продолжали сыпаться. «Times» категорически заявил, что «на экспедицию получено

полное согласие американского президента». Все американские газеты, останавливавшиеся на статье «Times», возражали против его утверждения.

Таким образом, очевидно, и это ясно признавалось «Times», что объединенная интервенция в ее настоящей форме есть английское, т. е. пальмерстоновское, дело. Испания была вынуждена присоединиться под давлением Франции, а Франция была привлечена путем уступок, сделанных ей в области европейской политики. В этом отношении является знаменательным совпадением, что «Times» от 6 ноября в том самом номере, в котором он возвещает о заключении в Париже соглашения о совместной интервенции в Мексику, одновременно опубликовал передовую статью, в которой пренебрежительно и с изысканным презрением трактовал протест Швейцарии против недавнего вторжения в ее территорию, т. е. вторжения в Данненталь французских войск. В уплату за участие в мексиканской экспедиции Луи Бонапарт получил *carte blanche* [полную свободу действий] на замышляемые им захваты в Швейцарии и, возможно, в других частях европейского континента. Переговоры по этим вопросам между Англией и Францией продолжались все время в течение сентября и октября месяцев.

В Англии никто не желает интервенции в Мексику, кроме держателей мексиканских бумаг, которые, однако, никогда не могли похвастаться своим влиянием на национальное сознание. Отсюда трудность сообщения публике пальмерстоновского плана. Наилучшим средством здесь было сбить с толку британского слона противоречащими утверждениями, исходящими из той же самой лаборатории, составленными по тем же самым материалам и отличающимися лишь дозами, в которых они преподносились этому животному.

«Morning Post» в номере от 24 сентября провозгласила, что «никакой территориальной войны в Мексике не будет», что исходным пунктом явились лишь денежные претензии к мексиканскому казначейству, что «с Мексикой нельзя иметь дело как с организованным и установленным государством» и что поэтому «главные мексиканские порты временно будут оккупированы, а на их таможенные доходы будет наложен секвестр».

«Times» от 27 сентября, наоборот, заявил, что «долгим опытом мы закалили себя против нечестности, бесстыдства, легального и непоправимого грабежа наших соотечественников в результате банкротства этой страны» и что, следовательно, «частный грабеж английских кредиторов», как это заявляла «Post», не лежит на самом деле в основе интервенции. Замечая мимоходом, что «столица

Мексика обладает достаточно здоровым климатом, если окажется необходимым проникнуть так далеко, «Times», однако, выразил надежду, что «одно присутствие соединенной эскадры в Мексиканском заливе и захват некоторых портов понудят мексиканское правительство к *новым* усилиям к поддержанию мира и убедят недовольных, что они должны придерживаться более конституционной формы оппозиции, чем простой разбой». Если, далее, согласно «Post», экспедиция была предпринята потому, что «в Мексике не существует никакого правительства», то, согласно «Times», целью экспедиции было ободрение и поддержка *существующего* мексиканского правительства. Конечно! Самый странный способ, когда-либо употреблявшийся для укрепления правительства, состоит в захвате его территории и секвестре его доходов. После того как «Times» и «Morning Post» дали намек, Джон Буль перешел в руки меньших министеральных оракулов, систематически и в самом противоречивом духе обрабатывающих его в течение почти четырех недель, до тех пор, пока, наконец, общественное мнение достаточно свыклось с идеей объединенной интервенции в Мексику, хотя печать и держала его намеренно в неведении относительно цели и задач этой последней. Наконец, переговоры с Францией закончились. «Moniteur» возвестил, что конвенция между тремя вмешивающимися державами была заключена 31 октября, а «Journal des Débats», один из владельцев которого назначен командиром одного из кораблей французской эскадры, возвестил свету, что длительного территориального завоевания не предвидится, что будут захвачены Вера-Крус и другие побережные пункты, что в случае несогласия конституционного правительства с требованиями интервентов будет предпринято наступление на столицу и что, кроме того, в республику должно быть импортировано сильное правительство. «Times», который со времени своего первого сообщения от 27 сентября, кажется, забыл о самом существовании Мексики, теперь вновь выступил. Всякий не знающий о связи «Times» с Пальмерстоном и не знакомый с его первоначальной вводной статьей о пальмерстоновском плане, счел бы сегодняшнюю статью «Times» самой резкой и безжалостной сатирой на всю авантюру. Она начинается с заявления, что «экспедиция представляет собою *весьма замечательное явление* (далее газета называет ее курьезным явлением). Три государства объединяются с целью заставить хорошо вести себя *четвертое, не столько посредством войны, сколько путем авторитетного вмешательства в целях установления порядка*».

Авторитетное вмешательство в целях установления порядка!

Это буквально язык Священного союза, и он действительно *замечательно* звучит со стороны Англии, славящейся своим принципом невмешательства! Но почему же «метод войны и объявления войны и все прочие заповеди международного права» заменены «авторитетным вмешательством в целях установления порядка?» «Потому, — говорит «Times», — что в Мексике не существует никакого правительства». А какова признанная цель экспедиции? «Предъявить требования конституционному правительству в Мексике».

Единственные жалобы, которые могут быть выставлены интервенирующими державами, те единственные предлоги, которые дают малейшую тень оправдания их враждебным действиям, — не трудно суммировать. Это — денежные претензии кредиторов и ряд личных насилий, нанесенных, как говорят, подданным Англии, Франции и Испании. Это те самые причины интервенции, как они первоначально были выставлены «Morning Post», а затем некоторое время тому назад были официально заявлены лордом Джоном Росселем в его интервью с представителями мексиканских кредиторов в Англии. Сегодняшний «Times» заявляет: «Англия, Франция и Испания согласились на экспедицию, чтобы принудить Мексику к выполнению ее специфических обязательств и чтобы охранить подданных соответствующих корон». Однако в ходе статьи «Times» меняет направление и восклицает: «...Нам несомненно удастся *получить, по крайней мере, признание наших денежных претензий*; фактически один британский фрегат в любое время мог бы получить такое *удовлетворение*. Мы можем также быть уверенными, что наиболее скандальные насилия, имевшие место, будут искуплены немедленными и более существенными возмещениями, но ясно, что для того, чтобы *осуществить только это, нам вовсе нет нужды прибегать к таким крайностям, какие теперь предложены*».

Итак, «Times» с таким многословием признает, что выставленные первоначально причины экспедиции являются пустыми предлогами, что достижение или удовлетворение их нисколько не нуждалось в мероприятиях, подобных тем, которые предприняты в настоящее время, и что в действительности «признание денежных претензий и покровительство европейских подданных» не имеют ничего общего с современной объединенной интервенцией в Мексику. В чем же заключаются подлинные ее цель и задачи?

Прежде чем «Times» в следующем номере сделает свои разъяснения, мы хотим между прочим обратить внимание на некоторые более крупные «*курьезы*», которых «Times» усиленно старается не касаться. Прежде всего это действительно «*курьез*» видеть

Испанию — Испанию из всех прочих стран — превратившейся в участника крестового похода за святость внешних долгов! «*Courrier des Dimanches*» в номере за прошлое воскресенье уже требует от французского правительства, чтобы оно воспользовалось удобным случаем и принудило Испанию к «выполнению ее вечно откладываемых давних обязательств по отношению к французским кредиторам».

Второй, еще бóльший «куръез», это — то, что тот самый Пальмерстон, который, согласно недавнему заявлению лорда Джона Росселя, занят интервенцией в Мексике, чтобы заставить ее правительство платить английским кредиторам, — этот самый Пальмерстон добровольно и, вопреки мексиканскому правительству, *пожертвовал* договорными правами Англии и ипотекой, гарантированной Мексикой своим британским кредиторам.

По договору, заключенному с Англией в 1826 г., Мексика обязывалась не допускать установление рабства в какой-либо из составлявших тогда ее владения территорий. Другим пунктом того же договора она предоставляла Англии в качестве обеспечения за полученные от британских капиталистов займы ипотеку в виде 45 000 000 акров общественных земель в Техасе. Пальмерстон, десять или двенадцать лет спустя, вмешался в качестве посредника за Техас против Мексики. В договоре, заключенном тогда им с Техасом, он жертвовал не только *делом борьбы против рабства*, но также и *ипотекой на общественные земли*, лишая таким образом английских кредиторов их гарантий. Мексиканское правительство тогда протестовало, но тем временем, несколько позже, министр иностранных дел Джон К. Келгун позволил себе шутку информировать сент-джемский кабинет, что его желание «видеть рабство уничтоженным в Техасе» будет наилучшим образом реализовано путем присоединения Техаса к Соединенным Штатам. Фактически английские кредиторы потеряли всякую претензию по отношению к Мексике в результате добровольного отказа Пальмерстона от ипотеки, гарантированной им (кредиторам) договором 1826 года.

Но если лондонский «*Times*» признается, что настоящая интервенция не имеет ничего общего с денежными претензиями или личными насилиями, в чем же, скажите пожалуйста, ее истинная или мнимая цель?

«Авторитетное вмешательство в целях установления порядка». Англия, Франция и Испания замышляют новый Священный союз и образовали вооруженный ареопаг для восстановления порядка во всем мире. «Мексика, — пишет «*Times*», — *должна быть спасена от анархии* и поставлена на путь самоуправления и мира». Интер-

венты «должны установить там сильное и устойчивое правительство», причем это правительство должно быть составлено из «какой-либо мексиканской партии».

Но кому придет в голову, что Пальмерстон и его глашатаи «Times» действительно рассматривают объединенную интервенцию как средство осуществления провозглашенной цели, — именно: прекращения анархии и установления в Мексике сильного и устойчивого правительства? Столь далекий от того, чтобы придерживаться какого-либо химерического кредо, «Times» в своей передовой статье от 27 сентября выразительно пишет: «Единственный пункт, относительно которого может быть разногласие между нами и нашими союзниками, касается вопроса о *правительстве республики*. Англия хотела бы видеть власть *оставшейся* в руках *либеральной партии*, которая теперь находится у власти, в то время как Францию и Испанию можно заподозрить в пристрастии к *недавно свергнутому церковному правительству*... Было бы действительно странно, если бы Франция как в Старом, так и Новом свете превратилась в покровительницу священников и бандитов». В сегодняшней передовой «Times» продолжает резонерствовать в том же роде и резюмирует свои сомнения в следующей фразе: «*Трудно предположить*, что интервенирующие державы будут все согласны на абсолютное предпочтение той или другой из двух партий, на которые разделена теперь Мексика, и *равным образом трудно вообразить*, что будет найден практический компромисс между столь решительными врагами».

Итак, Пальмерстон и «Times» вполне осведомлены, что «в Мексике не существует правительства»; что либеральная партия, «которой явно покровительствует Англия, находится у власти», а «церковное правление низвергнуто»; что интервенция была последней отчаянной надеждой священников и бандитов; что, наконец, анархия в Мексике прекратилась. Им известно также, что объединенная интервенция, признанной целью которой является не что иное, как спасение Мексики от анархии, произведет совершенно противоположный эффект: она ослабит конституционное правительство, укрепит при помощи французских и испанских штыков партию духовенства, воспламенит потухшую гражданскую войну и вместо прекращения *восстановит* анархию в полном расцвете.

Заключение, которое делает сам «Times» из этих предпосылок, действительно «замечательно» и «курьезно». «Хотя размышления и заставляют нас взирать с беспокойством на результаты экспедиции, они не говорят против *целесообразности самой экспедиции*».

«Times», следовательно, не возражает против целесообразности.

самой экспедиции, против того, что экспедиция направлена как раз против поставленной цели. Он не выступает против средств, которые опрокидывают ее же собственные признанные планы.

Но я еще не сказал о самом большом «куръезе», на который намекал «Times». «Если, — говорит он, — *Линкольн* примет предполагаемое конвенцией приглашение участвовать в *приближающихся операциях*, дело получит еще более куръезный характер».

Действительно, было бы верхом «куръеза», если бы Соединенные Штаты, находящиеся в дружбе с Мексикой, соединились с европейскими торговцами порядка (*order-mongers*) и приняли участие во всех их актах, санкционируя вмешательство европейского вооруженного ареопага во внутренние дела американских государств. Первый проект такого пересаживания Священного союза на ту сторону Атлантического океана был составлен *Шатобрианом* для французских и испанских Бурбонов. Эта попытка лопнула благодаря английскому министру г. *Каннингу* и американскому президенту г. *Моңроэ*. Современные потрясения в Соединенных Штатах казались для Пальмерстона подходящим моментом, чтобы выдвинуть старый проект в видоизмененной форме. Так как Соединенные Штаты в настоящее время не должны позволять, чтобы внешние осложнения препятствовали их войне за Союз, то все, что они могут делать, — это *протестовать*. Их лучшие благожелатели в Европе надеются, что они будут протестовать и таким образом в глазах всего мира решительно отвергнут всякую сопричастность к одному из самых подлых планов.

Эта военная экспедиция Пальмерстона, осуществляемая в союзе с двумя другими европейскими державами, началась во время парламентского перерыва, без санкции и против воли британского парламента. Первой войной Пальмерстона, предпринятой помимо парламента, была афганская война, смягченная и оправданная *подложными документами*. Другой войной была персидская война 1857—1858 годов. Он защищал ее под тем предлогом, что «принцип предварительной санкции палатой не применяется к *азиатским* войнам». Оказывается, этот принцип не имеет применения и к *американским* войнам. С утратой контроля над внешними войнами парламент теряет всякий контроль над национальным казначейством, и парламентское правительство превратится в настоящий фарс.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6440 от 23 ноября 1861 г.

Без подписи.

ИЗВЕСТИЕ О ДЕЛЕ «ТРЕНТА» И ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ ИМ В ЛОНДОНЕ.

Лондон, 30 ноября 1861 г.

Со времени объявления войны России я никогда не видел такого возбуждения во всех слоях английского общества, как при известии о деле «Трента», приведенном в Соутгемптон «Ла-Платой» 27-го сего месяца. Около двух часов пополудни новость о «неприятном эпизоде» благодаря телеграфу дошла до справочных отделов всех английских бирж. Все коммерческие бумаги упали, в то время как цены на селитру поднялись. Консоли понизились на $\frac{3}{4}\%$, а у Ллойда на пароходы из Нью-Йорка была установлена военная страховка в 5 гиней. Поздно вечером в Лондоне циркулировали самые дикие слухи о том, будто американскому посланнику уже отосланы его паспорта, что уже отдано распоряжение о немедленном захвате всех американских судов в портах Соединенного королевства и т. д. Ливерпульские хлопковые друзья сецессионистов воспользовались случаем и в течение десяти минут собрали в Хлопковом зале товарной биржи митинг протеста под председательством г. Спенса, автора какого-то подозрительного памфлета в пользу Южной конфедерации. Прибывший на «Ла-Плате» командор Вильямс, представитель адмиралтейства на борту «Трента», был немедленно вызван в Лондон.

На следующий день, 28 ноября, лондонская пресса проявила в общем очень сдержанный тон, что было странным контрастом по сравнению с невероятным политическим и торговым возбуждением, царившим накануне. Пальмерстоновские газеты, «Times», «Morning Post», «Daily Telegraph», «Morning Advertiser» и «Sun» получили приказ не возбуждать, а успокаивать. «Daily News» своей критикой поведения «Сан-Хасинго», очевидно, стремилась не столько задеть федеральное правительство, сколько снять с себя подозрение в «предрассудках по отношению к янки», в то время как «Morning Star», орган Джона Брайта, обойдя молчанием вопрос о политичности и о мудрости этого «акта», защищал его законность. Было только два исключения в общем поведении лондонской прессы. Торийские писатели из «Morning Herald» и «Standard», по существу являющихся

одной газетой, хотя и под разными именами, вошли в дикий раж по поводу того, что, наконец, поймали «республиканцев» в западню и нашли *casus belli* [повод к войне]. Их поддержала только еще одна газета, «Morning Chronicle», которая в течение многих лет пыталась продлить свое изменчивое существование, продаваясь то отравителю Пальмеру, то Тюильри. Возбуждение биржи значительно улеглось благодаря спокойному тону руководящих лондонских газет. В тот же день, 28 ноября, командор Вильямс явился в адмиралтейство и доложил об обстоятельствах, при которых произошло событие в старом Багамском канале. Его доклад вместе с письменными показаниями офицеров, находившихся на борту «Трента», был представлен юридическим экспертам, мнение которых поздно вечером было официально передано на рассмотрение лорда Пальмерстона, графа Росселя и других членов правительства.

29 ноября министерская пресса слегка изменила тон. Стало известно, что коронные юристы по формальным причинам объявили действия фрегата «Сан-Хасинто» незаконными и что кабинет, собравшись после этого днем на совещание, решил послать с следующим пароходом инструкции лорду Лайонсу в соответствии с заключением английских юристов. С этого момента возбуждение в главных деловых центрах, как биржа, контора Ллойда, Иерусалимская контора и Балтийское общество, возобновилось с удвоенной силой и еще возросло под влиянием известия о том, что предполагавшаяся отправка груза селитры в Америку была накануне приостановлена и что 29-го таможенной получен приказ, воспрепятствующий экспорту этого предмета в какую бы то ни было страну, за исключением строго оговоренных случаев. Английские фондовые бумаги упали еще на $\frac{3}{4}\%$, и одно время все биржи были охвачены настоящей паникой, так как стало совершенно невозможно заключать сделки с какими бы то ни было бумагами, и во всех отраслях цены сильно упали. К вечеру настроение на бирже несколько улучшилось благодаря разным слухам, а особенно благодаря известию о том, что г. Адамс заявил, что вашингтонский кабинет не солидаризируется с актом «Сан-Хасинто».

30 ноября (сегодня) все лондонские газеты, за исключением одной только «Morning Star», поставили альтернативу — или вашингтонский кабинет дает удовлетворение, или война.

Изложив общий ход событий со времени прибытия «Ла-Платы» по сегодняшний день, я перейду к откликам печати. При обсуждении вопроса об аресте южных комиссаров на борту английского почтового парохода английской прессе приходилось считаться с двумя

положениями — с законом, с одной стороны, и с политикой — с другой.

Что касается юридической стороны дела, то первая трудность, на которую наткнулась торийская печать и «Morning Chronicle», заключалась в том, что Соединенные Штаты никогда не признавали южных сепаратистов воюющей стороной и, следовательно, не могли претендовать в данном случае на право воюющей стороны.

Этот софизм был устранен самой министерской прессой. «Мы, — писал «Times», — уже признали конфедератские штаты воюющей державой и, когда наступит время, признаем и их правительство. Тем самым мы взяли на себя все обязанности и неудобства нейтральной державы по отношению к двум воюющим сторонам». Следовательно, признают или не признают Соединенные Штаты конфедератов воюющей стороной, они имеют право настаивать, чтобы Англия принимала на себя все обязанности и неудобства, связанные с соблюдением нейтралитета в морской войне.

Поэтому, за исключением упомянутых газет, вся лондонская пресса признает за «Сан-Хасинто» право произвести осмотр и обыск «Трента» с целью убедиться, нет ли на нем товаров и людей, принадлежащих к категории «военной контрабанды». Ссылки «Times» на то, что английское право создано *при условиях, совершенно отличных от тех, которые сейчас имеют место*, что «тогда не было пароходов и не знали почтовых судов, перевозящих почту», в которой непосредственно заинтересованы народы всего мира, что «мы (англичане) боролись за существование и делали в те времена то, чего не позволили бы делать другим», — не имели серьезного характера. Частный «Moniteur» Пальмерстона, «Morning Post», заявил в тот же день, что почтовые пароходы, это — просто коммерческие суда, и на них не распространяется изъятие от права обыска, принадлежащее военным и транспортным судам. *Право обыска* со стороны «Сан-Хасинто» было фактически признано как лондонской прессой, так и правительственными юристами. Возражение, что «Трент» шел не из одного воюющего порта в другой, а из нейтрального порта в нейтральный же, отпало благодаря заключению лорда Стоуэля, признавшего, что право обыска установлено для выяснения места назначения судна.

Далее, возник вопрос: дав холостой выстрел в «Трент», а затем пустив снаряд, разорвавшийся близко от него, не нарушил ли «Сан-Хасинто» обычаев и правил вежливости, которые должны соблюдаться при осуществлении права осмотра и обыска? В общем лондонская пресса признала, что, поскольку детали происшествия до сих пор удостоверены показаниями лишь одной из заинтересованных

сторон, такой второстепенный вопрос не может повлиять на решение, которого ждут от английского правительства.

Раз право обыска, осуществленное «Сан-Хасинто» таким образом, признано, то чего же он искал? *Военной контрабанды*, которая, как он подозревал, перевозилась «Трентом». Что такое военная контрабанда? Являются ли *депешы*, отправляемые воюющим правительством, военной контрабандой? Являются ли военной контрабандой люди, перевозящие эти депешы? И, в случае утвердительного ответа на оба эти вопроса, являются ли такие депешы и перевозящие их лица военной контрабандой, если они найдены на торговом судне, идущем из одного нейтрального в другой нейтральный же порт? Лондонская пресса признает, что постановления высших судебных инстанций по обе стороны Атлантического океана так противоречивы и с такой видимостью справедливости могут быть приведены в подтверждение как утвердительного, так и отрицательного ответа, что во всяком случае *a prima facie* [на первый взгляд] вопрос решается в пользу «Сан-Хасинто».

В согласии с этим преобладающим мнением английской прессы английские коронные юристы оставили совсем в стороне существо вопроса и остановились только на формальной его стороне. Они утверждают, что международное право нарушено не *по существу*, а только *формально*. Они пришли к тому заключению, что «Сан-Хасинто» сделал ошибку, арестовав за своей ответственностью южных комиссаров, вместо того, чтобы отвести «Трент» в какой-нибудь федеральный порт и передать вопрос в федеральный призовой суд, так как ни один вооруженный крейсер не имеет права брать на себя функций судьи на море. Нарушение судебной *процедуры*, допущенное «Сан-Хасинто», вот все, что вменяется ему в вину юрисконсультами английской короны, которые, по моему мнению, правы в своем заключении. Легко откопать прецеденты, показывающие, что Англия также нарушала формальности морского права, но нельзя допустить, чтобы нарушения права заменили само право.

Теперь можно обсудить вопрос, должно ли потребованное английским правительством удовлетворение, т. е. освобождение южных комиссаров, быть обосновано неправильностью, которую сами англичане признают скорее *формальной*, чем *по существу*? Один юрист из Темпля¹ в сегодняшнем «Times» замечает по этому пункту: «Если позиция наша в этом деле не настолько благоприятна, чтобы постановление американского суда о виновности судна могло бы

¹ Темплъ (Temple Bar) — коллегия адвокатов в Лондоне. *Ред.*

быть нами оспорено как противоречащее международному праву, то неправильность действия американского капитана, позволившего «Тренту» проследовать в Соутгемптон, явно отвечала интересам английских владельцев и английских пассажиров. Можем ли мы в таком случае считать поводом для международной ссоры ошибку в процедуре, которая в действительности пошла нам на пользу?»

Однако, если американское правительство и должно, как мне кажется, согласиться с тем, что капитан Вилькс формально или по существу нарушил морское право, то в интересах своей репутации и своих выгод оно не должно проявлять чрезмерную щепетильность в вопросе об условиях удовлетворения, которое должно быть дано обиженной стороне. Американское правительство должно помнить, что оно играет на-руку сецессионистам, впутывая Соединенные Штаты в войну с Англией, что такая война была бы находкой для Луи Бонапарта при его теперешнем трудном положении и, следовательно, была бы поддержана со всей силой официальной Францией, и что, наконец, силы, находящиеся под командой англичан в северо-американских и вест-индских стоянках, вместе с силами мексиканской экспедиции дадут английскому правительству подавляющее преобладание на море.

Что касается политической стороны ареста в Багамском канале, то не только английская, но и вся европейская пресса в один голос выражает удивление по поводу странного поведения американского правительства, вызывающего такую серьезную международную опасность ради того, чтобы арестовать гг. Месона, Слайделя и К°, в то время как гг. Янси и Менн с важностью расхаживают в Лондоне. «Times», конечно, прав, говоря: «Даже сам г. Сьюард должен знать, что голоса южных комиссаров, раздающихся из заточения, звучат в тысячу раз красноречивее в Лондоне и Париже, чем если бы они раздавались в Сент-Джемском дворце или в Тюильри». Народ Соединенных Штатов, великодушно согласившийся на ограничение своей собственной свободы ради спасения своей страны, проявит, конечно, не меньшую готовность привлечь к себе общественное мнение Англии посредством открытого признания и тщательного исправления международного промаха, отставание которого могло бы привести к осуществлению самых дерзких надежд мятежников.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6462 от 19 декабря 1861 г.

Без подписи.

РОСТ СИМПАТИЙ В АНГЛИИ.

Лондон, 7 декабря 1861 г.

Друзья Соединенных Штатов по эту сторону Атлантического океана с нетерпением ждут, что федеральное правительству примет шаги к примирению. Они ждут этого не потому, что хотят содействовать яростной кампании, поднятой английской прессой по поводу военного инцидента, который, даже по мнению самих английских коронных юристов, сводится лишь к нарушению формальности и может быть резюмирован в следующих словах: было допущено нарушение международного права, потому что капитан Вилькс, вместо того, чтобы захватить «Трент», его груз, его пассажиров и комиссаров, захватил только комиссаров. Нетерпение доброжелателей великой республики происходит также и не из-за опасения, что она в конце концов не сможет бороться с Англией, имея в тылу гражданскую войну. Наконец, меньше всего ожидают они, что Соединенные Штаты даже на один момент в тяжелый час испытания отрекутся от того гордого положения, которое они занимают в совете наций. Мотивы, которые руководят ими, совсем другого рода.

Во-первых, ближайшая задача Соединенных Штатов — это подавить мятеж и восстановить Союз. Самым горячим желанием рабовладельцев и их сообщников из среды северян всегда было втянуть Соединенные Штаты в войну с Англией. Стоило бы только начаться военным действиям, и первым шагом со стороны Англии было бы признание Южной конфедерации, а вторым — прекращение блокады. Во-вторых, ни один генерал, если он к этому не вынужден, не примет сражения в момент и при условиях, которые выбраны неприятелем. «Война с Америкой, — говорит «Economist», газета, пользующаяся большим доверием Пальмерстона, — всегда будет одним из самых печальных эпизодов в истории Англии; но если этому суждено случиться, то настоящее время является, конечно, таким, когда война причинит нам минимум вреда, и это единственный момент во всей нашей истории, когда она могла бы помочь нам получить неожиданную и частичную компенсацию». Та самая

причина, которая побуждает Англию в этот «единственный момент» ухватиться за мало-мальски удобный предлог к войне, должна удерживать Соединенные Штаты от того, чтобы дать такой предлог в этот «единственный момент». Вы не должны начинать войну с целью причинить врагу *«минимум вреда»* или даже предоставить ему благодаря войне *«неожиданную и частичную компенсацию»*. Преимущества момента будут целиком на одной стороне, на стороне вашего врага. Нужно ли большое напряжение ума, чтобы доказать, что момент, когда в государстве свирепствует внутренняя война, наименее благоприятен для того, чтобы затевать войну с внешним врагом? Во всякое другое время торговые классы Великобритании смотрели бы на войну против Соединенных Штатов с величайшим ужасом. Теперь, наоборот, большая и влиятельная часть торговых кругов в течение месяцев убеждала правительство насильственно прорвать блокаду и таким образом снабдить главную отрасль английской промышленности сырьем. Страх сокращения экспорта в Соединенные Штаты потерял свое жало после того, как сокращение это уже стало фактом. «Они (северные штаты), — говорит «Economist», — являются негодными покупателями вместо того, чтобы быть хорошими». Обширный кредит, обыкновенно предоставляемый английской торговлей Соединенным Штатам, главным образом путем аккредитования векселей, подписанных в Китае и Индии, уже сокращен до одной пятой по сравнению с тем, что было в 1857 году. Наконец, последнее, но не менее важное, декабрьская Франция, обанкротившаяся, парализованная у себя дома, отягощенная трудностями за границей, хватается за англо-американскую войну как за настоящую находку и, чтобы купить поддержку Англии в Европе, будет готова всячески поддерживать «коварный Альбион» по ту сторону Атлантического океана. Почитайте только французские газеты. Предел возмущения, до которого они дошли в своей нежной заботливости о «чести Англии», их бешеные речи о необходимости для Англии отомстить за нанесенное британскому флагу оскорбление, их гнусная клевета на все американское, — все это было бы поистине страшно, если бы не было в то же время так смешно и отвратительно. Наконец, если Соединенные Штаты уступят в данном случае, они ни на йоту не умалят своего достоинства. Англия протестует лишь против *нарушения формальности*, против *ошибки технического характера*, в чем она сама систематически грешила во всех своих морских войнах и против чего Соединенные Штаты никогда не переставали протестовать. Президент Медисон в своем послании об объявлении войны в 1812 г. сослался на это как на одно

из самых возмутительных нарушений международного права. Если в защиту Соединенных Штатов можно указать на то, что они платят Англии ее же монетой, то можно ли будет обвинять их в том, что они великодушно отрекутся от своей солидарности с действиями американского капитана, поступавшего на свой страх и риск, с действиями, аналогичными тем, которые они всегда разоблачали как систематическую узурпацию со стороны английского флота! Несомненно, выгода от такого шага была бы всецело на стороне Америки. С одной стороны, Англия должна была бы признать право Соединенных Штатов захватывать и предавать призовому суду каждое английское судно, употребленное для нужд Конфедерации. С другой стороны, она должна была бы раз навсегда перед всем миром на деле отказаться от той претензии, от которой она не хотела отказаться ни в Гентском мирном договоре 1814 г., ни в переговорах между лордом Эшбертоном и государственным секретарем Вебстером в 1842 году. Таким образом, вопрос сводится к следующему: предпочитаете ли вы обратить «неприятный эпизод» в вашу пользу, или, ослепленные настроением момента, превратите его в выигрыш для ваших противников у себя дома и за границей?

С того дня, как я послал вам мое последнее письмо, английские консоли еще больше пали, понижение по сравнению с прошлой пятницей дошло до 2%; теперешние цены составляют 89 $\frac{3}{4}$ и до $\frac{7}{8}$ за наличные и 90 и до $\frac{1}{8}$ по новым счетам на 9 января. Эта котировка соответствует котировке английских консолей в течение первых двух лет англо-русской войны. Падение это целиком обязано воинственному толкованию, которое придают доставленным с последней почтой американским газетам, раздраженному тону лондонской прессы, двухдневная сдержанность которой была лишь притворством, выполненным по приказу Пальмерстона, посылке войск в Канаду, воспрещению экспорта оружия и материалов для изготовления пороха и, наконец, ежедневным громким сообщениям о колоссальных военных приготовлениях в доках и морских арсеналах.

В одном вы можете быть уверены; Пальмерстон хочет иметь законный повод для войны с Соединенными Штатами, но натывается в кабинете на решительное сопротивление со стороны гг. Гладстона, Мильнер-Гибсона и, в меньшей степени, со стороны сэра Корнуолля Льюиса. «Благородного виконта» поддерживает Россель, это подлое орудие в его руках, и вся вигская шайка. Если вашингтонский кабинет доставит желанный повод, то теперешний кабинет падет и будет заменен торийским правительством. Между Пальмерстоном и Дизраэли уже состоялось соглашение о предва-

рительных шагах к такой перемене декораций. Этим и объясняется бешеный военный клич «Morning Herald» и «Standard», этих голодных волков, воющих в надежде получить долгожданные крохи общественной милостыни.

Планы Пальмерстона можно вскрыть, восстановив в памяти некоторые факты. Это он утром 14 мая настаивал на объявлении сецессионистов воюющей стороной, после того как он был извещен по телеграфу из Ливерпуля, что г. Адамс прибывает в Лондон ночью 13 мая. Это им, после серьезной борьбы с его коллегами, было отправлено 3 000 человек в Канаду, — до смешного ничтожная армия, если она предназначена для защиты границы в 1 500 миль, но очень хитрый маневр, чтобы поощрить восстание и раздражить Союз. Это он много недель тому назад убедил Бонапарта предложить совместное вооруженное вмешательство в «братоубийственную борьбу», внес этот проект в кабинет министров и потерпел неудачу только из-за сопротивления своих коллег. Это он и Бонапарт прибегли после этого к мексиканской интервенции как крайнему средству. Последняя операция преследовала две цели: вызвать справедливое раздражение со стороны американцев и одновременно создать предлог для посылки эскадры, готовой, по словам «Morning Post», «исполнить любую обязанность, которую враждебное поведение вашингтоновского правительства может заставить нас выполнить в водах северной Атлантики». В то самое время, когда была послана экспедиция, «Morning Post» вместе с «Times» и мелюзгой из числа пальмерстоновских рабов печати заявляла, что это прекрасный и к тому же человеколюбивый акт, потому что он ставит рабовладельческую Конфедерацию между двух огней: противником рабства — Севером и войсками противников рабства — Англии и Франции. А что говорит эта же самая «Morning Post», — это забавное соединение Дженкинса и Родомонта, лести и хвастовства, — в своей статье по поводу адреса Джефферсона Девиса? Прислушайтесь к пальмерстоновскому оракулу: «Надо полагать, что в течение довольно продолжительного времени эта интервенция будет иметь пассивный характер; и в то время как северное правительство слишком далеко, чтобы его поведение играло существенную роль в этом вопросе, Южная конфедерация, наоборот, соприкасается на большом расстоянии с границами Мексики, так что ее дружественное расположение к инициаторам интервенции имеет немаловажное значение. Северное правительство неизменно издевалось над нашим нейтралитетом, а южное, обнаруживая умеренность и государственный такт, признавало, что это все, что мы

могли сделать для той или другой стороны. Как в наших переговорах с Мексикой, так и в наших сношениях с вашингтонским кабинетом, *дружеская сдержанность* Южной конфедерации является для нас значительным плюсом». Замечу, что «Север» — русская газета, — следовательно посвященная в планы Пальмерстона, — в номере от 3 декабря намекает на то, что мексиканская экспедиция с самого начала была затеяна не по тем причинам, которые выставлялись, а для войны против Соединенных Штатов.

Письмо генерала Скотта имело такое благотворное действие на общественное мнение и даже на лондонскую биржу, что заговорщики из Даунинг-стрита и Тюильри сочли необходимым выпустить «Patrie», которая тоном, свидетельствующим, что она информирована из официальных источников, утверждает, что арест южных комиссаров на «Тренте» был прямо разрешен вашингтонским кабинетом.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6467 от 25 декабря 1861 г.

Без подписи.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. — ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ АНГЛИИ.

Лондон, 11 января 1862 г.

Известие о мирном разрешении трентского конфликта было встречено огромным большинством английского народа с таким восторгом, который неопровержимо доказывает крайнюю непопулярность угрожавшей войны и страх перед ее последствиями. Соединенные Штаты должны навсегда запомнить, что по крайней мере *рабочий класс* Англии за все время от начала до конца конфликта ни разу не оставлял их. Его вмешательством объясняется тот факт, что, несмотря на злостную агитацию, ежедневно наполнявшую продажную и безответственную печать, в Соединенном королевстве не удалось провести ни одного открытого митинга в пользу войны за все то время, когда мир висел на волоске. Единственный митинг за войну, состоявшийся после прибытия «Ла-Платы» в Хлопковом зале ливерпульской биржи, был митингом спекулянтов (a corner meeting), на котором хлопчатобумажные дельцы были целиком предоставлены самим себе. Даже в Манчестере настроение рабочих было настолько ясно, что единичная попытка созвать митинг в пользу войны, едва успев возникнуть, была почти тотчас же оставлена ее инициаторами.

В каком бы месте Англии, Шотландии или Ирландии ни происходили открытые митинги, они неизменно протестовали против бешеных призывов газет к войне, против зловещих замыслов правительства и высказывались за мирное разрешение вопроса. Особенно характерны в этом отношении два последних митинга, состоявшиеся один в Педдингтоне (Лондон) и другой — в Ньюкестле-на-Тайне. На первом митинге было выражено одобрение г. Вашингтону Вильксу за его утверждение, что Англия не имеет оснований усматривать вину в аресте южных комиссаров; на втором же митинге, в Ньюкестле, была почти единогласно принята резолюция, гласившая, что, во-первых, американцы повинны только в нарушении *законной* формы своего права на производство обыска и ареста,

и что, во-вторых, капитан «Трента» должен понести кару за нарушение английского нейтралитета, провозглашенного королевой.

В обычное время о поведении английских рабочих можно было бы догадываться заранее, принимая во внимание то чувство естественной симпатии, которое народные массы всего мира должны испытывать к единственному народному правительству в мире. Но в нынешних условиях, когда значительная часть английских рабочих непосредственно и тяжело страдает от последствий южной блокады; когда другая их часть косвенно задета сокращением американской торговли, вызванным, как им говорят, своекорыстной «протекционистской политикой» республиканцев; когда единственный сохранившийся демократический журнал «Reynolds' Paper» продан гг. Янси и Менну и еженедельно, истощая все ресурсы своего низкого красноречия, призывает рабочих принудить правительство в их собственных интересах к войне с Северо-Американским союзом, — при таких условиях простая справедливость требует воздать должное правильной позиции английского рабочего класса, особенно если сравнить ее с лицемерным, буйным, трусливым и глупым поведением официального и богатого Джона Булля.

Как отлична эта нынешняя позиция народных масс от той, которую они занимали во время русского конфликта! Тогда «Times», «Post» и прочие желтые (Yellowplushes) органы лондонской прессы вопили о мире, против которого протестовали грандиозные военные митинги по всей стране. Теперь они требуют войны, а в ответ созываются мирные митинги, клеймящие позором замыслы против свободы и рабовладельческие симпатии правительства. Гримаса, которую скорчили авгуры общественного мнения, услышав о мирном исходе трентского инцидента, поистине презабавна.

Прежде всего им приходится поздравить себя с избытком достоинства, здравого смысла, доброжелательности и умеренности, которые они проявляли изо дня в день за весь последний месяц. Они были умеренны в первые два дня после прибытия «Ла-Платы», когда Пальмерстон с тревогой ждал, найдутся ли юридические предлоги, к которым можно было бы придраться. Но еще не успели правительственные эксперты состряпать юридическую каверзу, как они подняли такой вой, какого не слыхали со времен антиякобинской войны. Депеши английского правительства были отправлены из Куинстоуна в начале декабря. На официальный ответ из Вашингтона нельзя было рассчитывать раньше начала января. Новые инциденты, происшедшие за это время, все говорили в пользу американцев. Тон заатлантической печати, несмотря на то, что Нешвилль-

ское дело ¹ и могло бы возбудить ее страсти, был совершенно спокоен. Все факты говорили о том, что капитан Вилькс действовал на собственный риск и страх. Положение вашингтонского правительства было очень щекотливо. Отклонив английские требования, оно осложнило бы гражданскую войну войной с иностранной державой, а уступив им, оно произвело бы впечатление, что уступает давлению извне, и нанесло бы ущерб своей популярности среди собственного народа. И, оказавшись в столь трудном положении, правительство вело в то же время войну, в которой сочувствие всякого человека, если он только не заведомый подлец, должно быть на его стороне.

Обыкновенное благоразумие и элементарное приличие должны были бы поэтому заставить английскую печать, хотя бы в промежуток времени между отправкой английского требования и получением американского ответа, старательно воздерживаться от всякого слова, способного возбудить страсти, подогреть недоброжелательство, осложнить создавшееся затруднение. Но не тут-то было! Эта «невыразимо низкая и пресмыкающаяся» пресса, как ее называет Вильям Коббетт, — а он был знатоком в этом деле, — которая прямо хватала тем, что в течение почти полувека, когда сплоченная мощь Соединенных Штатов внушала ей страх, она покорно сносила все оскорбления и обиды рабовладельческих правительств, — эта пресса торопится теперь с восторгом труса сорвать свою мстительную злобу на республиканском правительстве, поглощенном гражданской войной. Летопись человеческой истории не знает второго примера столь же откровенной подлости.

Один из органов желтой прессы, частный «Moniteur» Пальмерстона, «Morning Post», жалуется на гнусное обвинение, возведенное на него американскими газетами. Джон Бульль совершенно не был осведомлен (ибо командующие им олигархи тщательно изолируют его от всякой информации), что г. Сьюард, не дожидаясь депеши Росселя, сделал заявление, отрицающее какое бы то ни было участие вашингтонского кабинета в деле капитана Вилькса. Депеша г. Сьюарда прибыла в Лондон 19 декабря. 20 декабря слухи об этой «тайне» распространились на бирже. 21-го «Morning Post» выступила с торжественным заявлением, что «эта депеша не

¹ Осенью 1861 г. конфедератское каперское судно «Нешвилль», захватив 3 миллиона долларов в качестве военной добычи, скрылось от преследований федерального флота, направившись к берегам Англии. Английские власти, зная положение дела, позволили «Нешвиллю» войти в Соутгемптон и произвести высадку, явно нарушив таким образом свой нейтралитет. *Ред.*

имеет ровно никакого отношения к оскорблению, нанесенному нашему почтовому пароходу».

В «Daily News», «Morning Star» и других лондонских газетах вы найдете очень резкие нападки на желтую прессу, но ничего не узнаете из них о том, что говорит посторонняя публика. А она говорит, что «Morning Post» и «Times», подобно французским газетам «Patrie» и «Pays», дурачат своих читателей не только с целью дать им неправильное политическое руководство, но и для того, чтобы хорошенько обобрать их на бирже в интересах своих хозяев.

Меднолобий «Times», отлично понимая, что за все эти дни кризиса он только скомпрометировал самого себя и лишний раз доказал неосновательность своих претензий на руководство подлинным общественным мнением Англии, выкинул сегодня трюк, который здесь в Лондоне вызывает только неудержимый смех, но который может быть неправильно истолкован по ту сторону Атлантического океана. «Народные массы» Лондона, «чернь» («mob»), как их называют писки желтой прессы, дали весьма недвусмысленно понять и даже намекнули об этом в газетах, — что они были бы совсем не прочь почитать Месона (кстати сказать, отдаленного родственника Пальмерстона, так как один из его предков был женат на дочери сэра В. Темпля), Слайделя и К^о такими же демонстрациями, какими в свое время Гайнау был встречен на пивоваренном заводе Барклея. «Times» в ужасе от одной мысли о столь шокирующем инциденте. Что же он делает для его предотвращения? Он призывает английский народ не обременять Месона, Слайделя и К^о никакими публичными овациями! «Times» знает, что его сегодняшняя статья будет источником бесконечного веселья во всех пивных Лондона, но ему на это наплевать. Население заатлантической республики может подумать, что великодушию «Times» оно обязано своим спасением от оскорбления публичными овациями по адресу Месона, Слайделя и К^о, между тем как на самом деле «Times» хлопочет только о том, чтобы спасти этих господ от публичного позора!

Пока исход дела «Трента» был неизвестен, «Times», «Post», «Herald», «Economist», «Saturday Reviews», — словом, вся фешенебельная продажная пресса Лондона изо всех сил старалась убедить Джона Булля, что вашингтонское правительство даже при желании не сможет сохранить мир, потому что этого не допустят янки, а федеральное правительство есть правительство черни. Теперь сами факты опровергли этих господ. Что же, постарались ли они загладить свою вину перед злостно оклеветанным ими американским народом? Признали ли они, по крайней мере, свои ошибки, которых не

могла не сделать желтая печать, захотевшая судить о действиях свободного народа? Нисколько! Теперь они единодушно заявляют, что поскольку американское правительство не предвосхитило английских требований и не выдало изменников-южан тотчас же после их ареста, оно упустило превосходный случай для примирения и таким образом лишило всякого значения свою нынешнюю уступку. Но послушайте, почтеннейшие! Г-н Сьюард дезавуировал действия Вилькса еще до получения английских требований и тотчас же заявил о своей готовности начать переговоры о мирном разрешении вопроса, — а что сделали вы в аналогичном случае? Когда под предлогом нахождения английских матросов на борту американских судов — под предлогом, не имевшим ничего общего с правилами морской войны и представлявшим собой чудовищное нарушение всякого международного права, — «Леопард» дал залп из всех орудий по «Чизапику», убил шесть человек из его экипажа, ранил двадцать одного и захватил находившихся на «Чизапике» мнимых англичан, что сделало тогда английское правительство? Это нарушение права было совершено 20 июня 1807 года. Предложение дать действительное удовлетворение по этому делу, выдача матросов и т. д. было сделано только 8 ноября 1812 г., т. е. пять лет спустя. Британское правительство, правда, сразу же заявило о своей непричастности к действиям адмирала Беркли, как это сделал и г. Сьюард в отношении капитана Вилькса; но все наказание адмирала заключалось в том, что он был переведен на более высокую должность. Объявив о вступлении в силу приказов Тайного совета, Англия прямо признала, что она этим нарушает права нейтральных держав вообще и Соединенных Штатов в частности, но что она вынуждена принять эти меры в качестве ответной репрессии против Наполеона и что она с радостью отменит их, как только Наполеон отменит свои мероприятия, нарушающие права нейтральных стран. Наполеон отменил их, поскольку они касались Соединенных Штатов, весной 1810 года. Но Англия продолжала упорствовать в своем, ею самой же признанном, нарушении морских прав Америки. Это длилось от 1806 г. до 23 июня 1812 г., длилось еще после того, как 18 июня 1812 г. Соединенные Штаты объявили Англии войну. Англия отказывалась таким образом не то чтобы дать удовлетворение за открыто совершавшееся ею нарушение права, — она отказывалась прекратить его. И эти люди толкуют еще о превосходном моменте, упущенном американским правительством! Независимо от того, право оно или нет, британское правительство совершило акт трусости, предъявив свою претензию по поводу технического промаха, формальной

ошибки, в виде ультиматума с требованием выдачи арестованных. Американское правительство, может быть, найдет нужным удовлетворить это требование, но у него не было никаких оснований предвосхищать его.

Настоящим разрешением трентского конфликта вопрос, который лежит в основе всего этого спора и который, вероятно, вскоре возникнет снова, вопрос о правах воюющей морской державы по отношению к нейтральным, отнюдь не может считаться разрешенным. Я постараюсь, с вашего позволения, осветить этот вопрос в одном из моих следующих писем. А пока разрешите мне прибавить, что, на мой взгляд, гг. Месон и Слайдель оказали большую услугу федеральному правительству. В Англии имелась влиятельная партия сторонников войны, которая то ли из коммерческих, то ли из политических соображений усердно добивалась ссоры с Соединенными Штатами. Трентское дело явилось пробным камнем для этой партии, обнаружив ее ничтожество. Военные страсти разбушевались по второстепенному поводу, накопившимся парам был дан выход, громогласное бешенство английской олигархии возбудило подозрения английской демократии, широкие британские круги, заинтересованные в сношениях с Соединенными Штатами, дали отпор, истинный характер гражданской войны выяснился для рабочего класса, и все это, в конце концов, привело к тому, что опасный период, когда Пальмерстон властвовал единолично, без контроля со стороны парламента, быстро приближается к своему концу. Этот период был единственным, когда можно было попытаться вовлечь Англию в войну за рабовладельцев. Теперь об этом уж не может быть и речи.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 6499 от 1 февраля 1862 г.

Без подписи.

МЕКСИКАНСКАЯ НЕРАЗБЕРИХА.

Лондон, 15 февраля 1862 г.

Только что опубликованная Синяя книга по поводу интервенции в Мексике содержит в себе самые сокрушительные разоблачения современной английской дипломатии со всем ее лицемерным ханжеством, с ее жестокостью по отношению к слабым, пресмыкательством перед сильными и полным неуважением к международному праву. В другом письме, на основании тщательного анализа депеш, которыми обменивались Даунинг-стрит¹ и британские представители в Мексике, я представляю неоспоримые доказательства того, что создававшаяся ныне неразбериха создана Англией, что Англия взяла на себя инициативу интервенции и обставила ее такими шаткими и внутренне-противоречивыми предложениями, которые не могут даже прикрыть действительных, хотя и отвергаемых ею, мотивов ее выступлений. Гнусность средств, которыми пользуется Англия для того, чтобы наладить мексиканскую интервенцию, может быть превзойдена только тем старческим слабоумием, с каким британское правительство разыгрывает удивление и старается увильнуть от осуществления злостного плана, им же самим разработанного. Именно этой последней стороны вопроса я и хочу коснуться в настоящий момент.

13 декабря 1861 г. Истурис, испанский посланник в Лондоне, представил Джону Росселю ноту, включив в нее и инструкции, посланные генерал-капитаном Кубы испанским командирам, возглавляющим мексиканскую экспедицию. Джон Россель положил ноту под сукно и хранил молчание. 23 декабря г. Истурис отправляет ему новую ноту, разъясняющую те соображения, которые побудили испанскую экспедицию оставить остров Кубу до прибытия английских и французских сил. Джон Россель опять кладет ноту под сукно и продолжает упорно молчать. Г-н Истурис, желая удостовериться, не предвещает ли чего-либо недоброго эта длительная неразговорчивость, столь необычная для болтливого отпрыска Бедфордского

¹ Даунинг-стрит — здание министерства в Лондоне. *Ред.*

дома, требует личного свидания, которое было ему дано и которое состоялось 7 января. К этому моменту прошло уже более месяца с тех пор, как Джон Россель ознакомился во всех подробностях с теми односторонними операциями против Мексики, которые вела Испания. После того как г. Истурис официально сообщил ему об этом событии, прошел почти месяц. Но, несмотря на это, при личном свидании с испанским посланником Джон Россель не обронил ни одного слова, выражавшего хотя бы малейшее неудовольствие или изумление по поводу «преждевременных шагов, предпринятых генералом Серрано», и слова его не возбудили у г. Истуриса ни малейших сомнений насчет того, что все идет хорошо и что испанские выступления вполне одобряются британским правительством. Г-н Истурис, преисполненный кастильской гордости, конечно не желал допустить и мысли о том, что Испания является игрушкой и слепым орудием в руках своих могущественных союзников. Однако приближался срок созыва парламента, и Джон Россель должен был сочинить целую серию депеш, специально предназначенных не для международных переговоров, а для парламентского потребления. Поэтому 16 января он сочиняет депешу, которая в довольно сердитых тонах запрашивает по поводу односторонней инициативы, на которую отважилась Испания. Сомнения и колебания, больше месяца мирно спавшие в его груди и не подававшие никаких признаков жизни даже 7 января, во время его личного свидания с г. Истурисом, внезапно нарушили спокойную мечтательность этого доверчивого, искреннего и лишенного подозрительности государственного деятеля. Г-н Истурис поражен, как громом, и в своем ответе, датированном 18 января, несколько иронически напоминает его превосходительству об упущенном им удобном случае высказать свое запоздавшее негодование. Он в сущности платит его превосходительству той же монетой и, оправдывая проявленную Испанией инициативу, принимает тот же наивный вид, с каким Джон Россель предъявил свое требование об объяснениях. «Генерал-капитан Кубы, — говорит г. Истурис, — прибыл на место слишком рано, так как он боялся прибыть в Вера-Крус с опозданием». «Кроме того, — и здесь он ущемляет лорда Джона, — экспедиция была уже давно подготовлена во всех отношениях», хотя генерал-капитан до середины декабря «был незнаком с деталями договора и не знал того пункта, в котором должны встретиться эскадры». Но договор был заключен только 20 ноября. Поэтому, если генерал-капитан подготовил свою экспедицию «во всех отношениях до середины декабря», то это значит, что приказы об отправке экспедиции, посланные ему из Европы, были

даны еще до заключения договора. Другими словами, первоначальное соглашение между тремя державами и предпринятые для его осуществления меры были проведены до заключения договора и в своих «деталях» отличались от постановлений этого последнего, ибо договор с самого же начала понимался не как программа действий, а как приличная формула, необходимая для того, чтобы общественное мнение примирилось с гнусными планами. 23 января Джон Россель ответил г. Истурису несколько резкой нотой, указывавшей, что «британское правительство *не вполне* удовлетворено представленными объяснениями», но что в то же время оно не подозревает Испанию в опрометчивом желании действовать вопреки Англии и Франции. Лорд Джон Россель, остававшийся в течение целого месяца сонным и бездейственным, стал проявлять кипучую энергию и величайшую осторожность по мере приближения парламентской сессии. Нельзя терять ни минуты. 17 января он устраивает личное свидание с графом Флао, французским посланником в Лондоне. Флао сообщает ему злое известие о том, что его повелитель считает необходимым «послать в Мексику добавочные силы» и что, по его мнению, Испания своей преждевременной инициативой испортила все дело; что «союзники должны теперь двинуться внутрь Мексики и что не только намеченные силы оказываются теперь недостаточными для операции, но что и сама экспедиция принимает такой характер, при котором Луи Бонапарт не может согласиться на то, чтобы французские силы были слабее испанских или рисковали скомпрометировать себя». Аргументация Флао была отнюдь не убедительна. Если Испания вышла за пределы соглашения, то одной ноты, посланной в Мадрид из Сен-Тура¹ и Тюильри, было бы достаточно, чтобы заставить ее отказаться от ее смешных претензий и вернуть ее к той скромной роли, которую предуказывал ей договор. Но нет. Ввиду того, что Испания нарушила договор, — нарушение это носило чисто формальный характер и не имело никакого значения, ибо преждевременное прибытие в Вера-Крус испанских сил ничего не меняло в официальных целях и задачах экспедиции, — ввиду того, что Испания осмелилась бросить якорь в Вера-Крусе в отсутствие английских и французских сил, для Франции не оставалось ничего иного, как идти по стопам Испании, следовательно нарушить соглашение и не только увеличить свои экспедиционные войска, но и изменить весь характер операции. Конечно, союзным державам не нужно было выдумывать никаких предлогов для того, чтобы начать бойню и в

¹ Сен-Тур — летняя резиденция Наполеона III. *Ред.*

самом же начале экспедиции свести на-нет все предлоги и цели, во имя которых она якобы затевалась. Соответственно этому Джон Россель, хотя и выразил «сожаление по поводу шага», предпринятого Францией, тем не менее согласился с ним и заявил графу Флао, что «он не имеет ничего возразить от имени правительства ее величества против *основательности* французских доводов». В депеше, датированной 20 января, он сообщает графу Каули, английскому посланнику в Париже, содержание этой своей беседы с графом Флао. За день перед этим, 19 января, он послал депешу сэру Ф. Кремптону, английскому посланнику в Мадриде, представляющую собою курьезную смесь лицемерной болтовни, предназначенной для британского парламента, и хитрых намеков мадридскому двору относительно действительной ценности тех либеральных словечек, которые он так щедро расточает. «Выступления маршала Серрано, — говорит он, — рассчитаны на то, чтобы вызвать некоторое беспокойство», не только вследствие преждевременного отъезда испанской экспедиции из Гаванны, но и вследствие «тона прокламации, изданной испанским правительством». Но одновременно с этим наш добряк подсказывает мадридскому двору благовидные объяснения, которыми можно обосновать явное нарушение договора. Он вполне убежден, что мадридский двор не имеет в виду ничего дурного; но ведь командиры, находящиеся на далеком расстоянии от Европы, иногда проявляют «опробетчивость» и требуют «весьма тщательного надзора за собой». Так добряк Россель предлагает свои услуги, чтобы переложить ответственность с мадридского двора на неосторожных испанских командиров, «находящихся на далеком расстоянии» и недоступных даже для проповедей доброго Росселя. Не менее курьезна и другая часть его депешы. Союзные войска не должны лишать мексиканцев права «избрать свое собственное правительство», — фраза, дающая понять, что в Мексике «не существует правительства»; что, наоборот, под покровительством союзных завоевателей мексиканцы должны избрать не только новых губернаторов, но и установить «новую форму правления». «Учреждение ими нового правительства порадует» британское правительство; но, конечно, военные силы завоевателей не должны фальсифицировать всеобщее голосование, с помощью которого они рекомендуют мексиканцам установить новое правительство. Конечно, самим начальникам вторгшихся вооруженных сил предоставляется судить о том, какая новая форма правления «приемлема или не приемлема для мексиканцев». Во всяком случае, добряк Россель строит из себя невинность и умывает руки. Он отправляет в Мексику иностранных

драгун, чтобы заставить мексиканский народ «избрать» новое правительство; но он надеется, что драгуны сделают это деликатно и тщательно прощупают политические настроения завоевываемой ими страны. Нужно ли останавливаться хотя на одну минуту на этом очевидном фарсе? Не говоря уже о содержании депеши доброго Росселя, стоит только прочесть «Times» и «Morning Post» за октябрь, т. е. за шесть недель до заключения лицемерной конвенции 30 ноября, и вы увидите, что английские правительственные газеты заранее предсказывали все те нежелательные события, о которых Россель узнал будто только в конце января, и давали объяснения «опрометчивости» некоторых испанских представителей, находящихся на далеком расстоянии от Европы.

Вторая часть разыгрываемого Росселем фарса заключалась в том, что он вывел на сцену в качестве мексиканского короля австрийского эрцгерцога Максимилиана, любимчика Англии и Франции.

24 января, почти за десять дней до открытия парламента, лорд Каули пишет лорду Росселю, что об эрцгерцоге говорят не только парижские кумушки, но что и офицеры, отправляющиеся в Мексику вместе с подкреплениями, уверяют, будто целью их экспедиции является возведение эрцгерцога Максимилиана на мексиканский престол. Каули счел необходимым запросить Тувенеля по этому деликатному вопросу. Тувенель ответил ему, что соответствующие переговоры с австрийским правительством были начаты по инициативе не французского правительства, а мексиканских эмиссаров, «приехавших для этой цели и уже отбывших в Вену».

Вы ожидаете, что ничего не подозревавший Джон Россель, который всего пять дней тому назад в своей депеше в Мадрид пространно говорил об условиях соглашения и даже позднее, в тронной речи от 6 февраля, провозгласил «удовлетворение» за несправедливости, причиненные европейским подданным, единственной причиной и целью интервенции, — вы ожидаете, что он, наконец, выйдет из себя и будет волноваться и бушевать по поводу тех неслыханных проделок, которыми отплатили ему за его добродушную доверчивость. Ничего подобного! Добряк Россель узнает сплетни, о которых ему сообщил Каули 26 января, и на следующий день он поспешно садится и пишет депешу, где обещает оказывать содействие кандидатуре эрцгерцога Максимилиана на мексиканский престол.

Он уведомляет сэра Уайка, своего представителя в Мексике, что французские и испанские отряды «немедленно» двинутся на столицу Мексики; что «по слухам» эрцгерцог Максимилиан является кумиром мексиканского народа и что если это действительно так.

«то в содержании соглашения не имеется ничего, препятствующего его вступлению на мексиканский трон».

В этих дипломатических откровениях замечательны два обстоятельства: во-первых, то, что Испанию одурачили, и, во-вторых, то, что Росселю даже и в голову не приходит, что он не может вести войну с Мексикой без предварительного объявления войны и что он может войти в коалицию с иностранными державами для ведения этой войны только на основе определенного договора, обязательного для всех заинтересованных сторон. Таковы эти люди, которые в течение двух месяцев надоедали нам своей лицемерной болтовней о святости международного права и их уважении к его строгим предписаниям!

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 6530 от 10 марта 1862 г.*

Без подписи.

К. Маркс и Ф. Энгельс
СТАТЬИ ИЗ «DIE PRESSE»
1861 — 1862 ГГ.

Abhandlungs-Bericht:
Preis 10 Sgr.
In der Buchhandlung von
J. G. Reclam, Leipzig.
1861.

Die Presse.

Abonnement für die Presse:
Preis 10 Sgr.
In der Buchhandlung von
J. G. Reclam, Leipzig.
1861.

№ 393.

Siem, Freitag den 25. October 1861.

14. Jahrgang

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ¹.

Лондон, 20 октября 1861 г.

Задающая тон лондонская пресса — еженедельные и ежедневные газеты — уже несколько месяцев повторяет все ту же канитель об американской гражданской войне. Подвергая оскорблениям свободные штаты Севера, она в то же время боязливо защищается от подозрения в симпатиях к рабовладельческим штатам Юга. И действительно, она постоянно пишет по две статьи: одну — в которой она нападает на Север, и другую — в которой она оправдывает свои нападения на Север. Qui s'excuse — s'accuse [Кто оправдывается, тот сам себя обвиняет].

Мотивы оправдания в основном гласят: война между Севером и Югом — тарифная война; далее, эта война беспринципна, она не затрагивает вопроса о рабстве и в действительности имеет причиной стремление Севера к суверенитету; наконец, если даже право на

¹ В оригинале статье Маркса предпослано следующее введение от редакции «Die Presse»:

«Война, ареной которой уже более полугода стала великая Северо-американская республика, начинает уже оказывать влияние на Европу. Франция, теряющая из-за этих смут рынок для своих товаров, Англия, промышленности которой угрожает частичное разорение из-за задержки экспорта хлопка из рабовладельческих штатов, с лихорадочным напряжением следят за развитием гражданской войны в Соединенных Штатах. В то время как Европа и даже сами американцы до самого последнего времени не сомневались в возможности мирного исхода, война принимает все большие размеры, распространяется все больше и больше по огромным территориям Северной Америки и чем дальше, тем больше угрожает кризисом и нашей части света. Прежде всего он охватывает и потрясает Англию и Францию, а расстройство английского и французского рынков отразится в одинаковой степени и на остальных европейских рынках. Помимо исторического мы имеем, таким образом, и весьма практический интерес быть осведомленными относительно причин, значения и силы закононаских событий. От одного из выдающихся немецких публицистов, который знает англо-американские условия по долготелетним наблюдениям, мы получили из Лондона первое сообщение о северо-американской гражданской войне. По мере того как будут развиваться события по ту сторону океана, мы будем в состоянии давать сообщения того же компетентного автора, фиксирующие их основные моменты». *Ред*

стороне Севера, то разве не напрасной будет попытка насильно подчинить себе *восемь* миллионов англосаксов! Разве отделение от Юга не освободит Север от всякой связи с рабством негров и не обеспечит ему с его двадцатью миллионами жителей и его огромной территорией более высокое, ранее едва ли мыслимое развитие? Разве поэтому Север не должен был приветствовать сецессию как счастливое событие, вместо того, чтобы стремиться к подавлению ее кровавой и напрасной гражданской войной?

Мы рассмотрим пункт за пунктом адвокатские выступления английской прессы.

Война между Севером и Югом, — так гласит первое оправдание, — есть просто тарифная война, война между покровительственной системой и системой свободной торговли, и Англия стоит, конечно, на стороне свободной торговли. Должен ли рабовладелец целиком пользоваться плодами труда рабов или же он должен быть обманным образом лишен части этих плодов протекционистами Севера? Вот вопрос, о котором идет речь в этой войне. «Times» остался на точке зрения этого блестящего открытия; «Economist», «Examiner», «Saturday Review» и tutti quanti [тому подобные] развивали тему дальше. Для этого открытия характерно, что оно сделано не в Чарльстоне, а в Лондоне. В Америке, конечно, каждый знал, что в 1846—1861 гг. господствовал фритредерский тариф и что депутат Морриль провел в конгрессе свой протекционистский тариф лишь в 1861 г., после того как мятеж уже вспыхнул. Таким образом, сецессия состоялась не потому, что в конгрессе прошел тариф Морриля, а — в лучшем случае — тариф Морриля прошел в конгрессе, потому что произошла сецессия. Когда в 1831 г. в Южной Каролине имела место первая попытка сецессии, предложением послужил, несомненно, протекционистский тариф 1828 г.; но всего лишь предложением, как это известно из заявления генерала Джексона. На этот же раз прежний предлог в действительности не был повторен. На конгрессе сецессионистов в Монтгомери избегали малейшего соприкосновения с вопросом о тарифах, так как сахарная культура Луизианы, одного из влиятельнейших штатов Юга, покоится целиком на охранительных пошлинах.

Но война Соединенных Штатов, — продолжает свои адвокатские выступления лондонская пресса, — является не чем иным, как войной за насильственное сохранение Союза. Янки не могут решиться вычеркнуть 15 звезд из своего знамени. Они хотят изображать колоссальную фигуру на мировой сцене. Другое дело, если бы война велась за уничтожение рабства! Но вопрос о рабстве, — как, между

прочим, категорически заявляет «Saturday Review», — не имеет никакого отношения к этой войне.

Прежде всего надо вспомнить, что инициатива войны исходила не от Севера, а от Юга. Север обороняется. В течение месяцев он спокойно смотрел, как сецессионисты присваивали себе форты, военные арсеналы, верфи, таможни, кассы, корабли, запасы оружия Союза, оскорбляли его знамя, брали в плен его войска. Наконец, сецессионисты решили шумным военным выступлением вывести союзное правительство из его пассивной позиции и *только поэтому* предприняли бомбардировку форта Семтер у Чарльстона. 11 апреля (1861 г.) их генерал Борегар во время свидания с командиром форта Семтер майором Андерсоном узнал, что форт имеет продовольствие лишь на три дня и по истечении этого срока должен будет сдаться без боя. Чтобы опередить эту мирную сдачу, сецессионисты открыли на следующий же день (12 апреля) рано утром бомбардировку, которая в несколько часов привела к падению форта. Едва только это известие было передано по телеграфу в Монтгомери, где заседал конгресс сецессионистов, как военный министр Уокер публично заявил от имени новой Конфедерации: «Никто не может сказать, где кончится начавшаяся сегодня война». Одновременно он пророчествовал, «что знамя Южной конфедерации еще до 1 мая будет развеваться над куполом старого Капитолия в Вашингтоне, а в скором времени, быть может, и над Фонейл-холлом в Бостоне»¹. Только теперь последовало воззвание, в котором Линкольн призывал 75 000 человек на защиту Союза. Бомбардировка форта Семтер отрезала единственный возможный конституционный выход, а именно созыв всеобщего конвента американского народа, как это было предложено Линкольном в его обращении при вступлении в должность президента (Inaugural Adresse). Для Линкольна оставался выбор: либо бежать из Вашингтона, очистить Мэриленд и Делавар, отдать Кентукки, Миссури и Виргинию, либо на войну ответить войной.

На вопрос о принципе американской гражданской войны отвечает боевой лозунг, под которым Юг нарушил мир. Стивенс, вице-президент Южной конфедерации, заявил на конгрессе сецессионистов, что конституция, высиженная в Монтгомери, существенно отличается от конституции Вашингтона и Джефферсона тем, что теперь впервые рабство признается само по себе благодетельным учреждением и

¹ Фонейл-холл — «колыбель американской свободы» — здание театра в Бостоне, в котором происходили народные митинги в период революционной войны американских колоний против Англии 1776—1783 гг., когда Бостон стоял во главе движения. *Ред.*

фундаментом всего государственного здания, в то время как революционные предки, люди, опутанные предрассудками XVIII века, смотрели на рабство как на импортированное из Англии и с течением времени устранимое зло. Другой матадор Юга, г. Спратт, воскликнул: «Д ля нас дело идет о создании великой рабовладельческой республики» (a great slave republic). Итак, если Север обнажил меч только для защиты Союза, то разве Юг не заявил уже, что дальнейшее существование рабства не совместимо более с дальнейшим существованием Союза?

Как бомбардировка форта Семтер дала сигнал для начала войны, так победа на выборах *республиканской* партии Севера, избрание Линкольна президентом, послужила сигналом к отделению. 6 ноября 1860 г. был избран Линкольн. 8 ноября 1860 г. из Южной Каролины телеграфировали: «Отделение здесь считают решенным вопросом». 10 ноября законодательное собрание штата Джорджия было уже занято планами отделения, а 13 ноября назначается специальное заседание законодательного собрания штата Миссисипи, чтобы обсудить тот же вопрос об отделении. Но избрание Линкольна было само лишь результатом раскола в *демократическом* лагере. Во время избирательной кампании демократия Севера объединила свои голоса на *Дугласе*, а демократия Юга на *Брекинриджге*, и именно этому раздроблению голосов демократов обязана победа республиканской партии. Почему, с одной стороны, получился перевес *республиканской* партии на севере? Почему, с другой стороны, произошел раскол *внутри демократической* партии, члены которой на севере и на юге более полувека действовали совместно?

Власть над Союзом, которую благодаря своему союзу с демократией Севера постепенно узурпировал Юг, достигла своего кульминационного пункта во время президентства Бьюкенена. Последний континентальный конгресс 1787 г. и первый конституционный конгресс 1789—1790 гг. законодательным путем исключили рабство со всех территорий республики к северо-западу от Огайо (территориями называются, как известно, расположенные внутри самих Соединенных Штатов колонии, которые еще не достигли необходимого по конституции — для образования самостоятельных штатов количества населения). Так называемый Миссурийский компромисс (1820 г.), в результате которого Миссури вошел в ряды Соединенных Штатов в качестве рабовладельческого штата, исключал рабство во всех остальных территориях к северу от 36° 30' широты и к западу от Миссури. Благодаря этому компромиссу область рабовладения продвинулась на несколько градусов долготы, между тем как, с другой

стороны, его будущее распространение, казалось, было ограничено вполне определенной географической линией. Этот географический барьер был в свою очередь опрокинут в 1854 г. так называемым биллем Канзас-Небраска, автором которого был Ст. А. Дуглас, тогдашний лидер северных демократов. Билль, прошедший в обеих палатах конгресса, отменял Миссурийский компромисс, поставил рабство и свободу в равные условия, предписывал союзному правительству относиться к ним обоим с одинаковым безразличием и предоставил народному суверенитету, т. е. большинству колонистов, решение вопроса — вводить или нет рабство в какой-либо территории. Так впервые в истории Соединенных Штатов были устранены всякие географические и юридические ограничения для распространения рабства в территориях. Под действием этого нового законодательства свободная до сих пор территория, Новая Мексика, — территория, в пять раз бóльшая, чем штат Нью-Йорк, — была превращена в рабовладельческую территорию, и сфера рабства была продолжена от границы Мексиканской республики до 38° северной широты. В 1859 г. Новая Мексика получила рабовладельческий кодекс, который может соперничать в варварстве с кодексами законов Техаса и Алабамы. Все же, как это доказывает ценз 1860 г., Новая Мексика на 100 000 жителей не насчитывает даже полусотни рабов. Следовательно, для Юга было достаточно послать через границу нескольких авантюристов с немногими рабами и затем, с помощью центрального правительства в Вашингтоне, его чиновников и поставщиков в Новой Мексике, созвать мнимо-народное представительство, которое навязало бы территории рабство и тем самым господство рабовладельцев.

Между тем, в других территориях этот удобный метод оказался неприменимым. Юг сделал тогда следующий шаг и апеллировал от имени конгресса к Верховному суду Соединенных Штатов. Этот суд, насчитывающий девять судей, из которых пять принадлежат Югу, был издавна послушнейшим орудием рабовладельцев. В 1857 г. в знаменитом деле Дреда Скотта он постановил, что каждый американский гражданин имеет право захватить с собой в любую территорию всякую признанную конституцией собственность. Конституция признавала рабов собственностью и обязывала союзное правительство эту собственность защищать. Следовательно, на основе конституции владельцы могут принудить своих рабов к работе в территориях, и каждый отдельный рабовладелец может вводить рабство в свободных доселе территориях против воли большинства колонистов. Законодательные собрания территорий лишены права устранить

рабство, а на конгрессы и союзное правительство возлагается обязанность защищать пионеров рабовладельческой системы.

Если Миссурийский компромисс 1820 г. расширил географические границы рабства в территориях, если билль Канзас-Небраска в 1854 г. стер всякую географическую границу и поставил на ее место политическую преграду, волю большинства колонистов, то Верховный суд Соединенных Штатов опрокинул своим решением в 1857 г. и эту политическую границу и превратил все территории республики, настоящие и будущие, из рассадников свободных штатов в рассадники рабства.

В то же время в правление Бьюкенена в штатах Севера беспощадно проводился изданный в 1850 г. более суровый закон о выдаче беглых рабов. Казалось, что конституционным призванием Севера стала роль ловцов рабов для южных рабовладельцев. С другой стороны, чтобы по возможности задержать колонизацию территорий свободными поселенцами, партия рабовладельцев расстраивала все мероприятия к созданию фонда свободной земли так называемых *Freesoil-Massregeln*, т. е. меры, которые должны были безвозмездно обеспечить поселенцам определенное количество невозделанных земель штатов.

Как во внутренней, так и во внешней политике Соединенных Штатов интересы рабовладельцев служили путеводной звездой. Фактически Бьюкенен добился поста президента благодаря изданию Остендского манифеста, в котором приобретение Кубы, путем ли грабежа или вооруженной силы, провозглашалось как великая задача национальной политики. Во время его правления Северная Мексика была уже поделена между американскими земельными спекулянтами, которые нетерпеливо ждали сигнала, чтобы наброситься на Чигуагуа, Коагуилу и Сонору. Непрерывные пиратские экспедиции флибустьеров против штатов Центральной Америки не в меньшей степени получали руководство из Белого Дома в Вашингтоне. В тесной связи с этой внешней политикой, открытой целью которой было завоевание новых областей для распространения рабства и господства рабовладельцев, стояло втайне поддерживаемое союзным правительством *возобновление торговли рабами*. 20 августа 1859 г. А. Ст. Дуглас сам заявил в американском сенате: за последний год негров из Африки ввезено больше, чем за любой из прошлых лет, даже тогда, когда работорговля еще была разрешена законом. Число импортированных за последний год рабов достигает 15 000.

Вооруженное распространение рабства во вне было признанной целью национальной политики; Союз на деле стал рабом 300 000 ра-

бовладельцев, господствовавших на Юге. К такому результату привел целый ряд компромиссов, которыми Юг обязан своему союзу с демократами Севера. Об этот союз разбивались все периодически повторявшиеся с 1817 г. попытки оказать сопротивление все возрастающим притязаниям рабовладельцев. Наконец, наступил переломный момент.

Едва только прошел так называемый билль Канзас-Небраска, который уничтожал географическую границу рабовладения и ставил введение рабства в зависимость от воли большинства колонистов в новых территориях, как вооруженные эмиссары рабовладельцев, пограничный сброд из Миссури и Арканзаса, с ножом в одной руке и револьвером в другой, набросились на Канзас и пытались прогнать поселенцев неслыханными зверствами с колонизированной ими территории. Эти разбойничьи набеги поддерживались центральным правительством в Вашингтоне. Отсюда чрезвычайно сильная ответная реакция. На всем севере, а особенно на северо-западе, возникла Организация помощи (Hilfsorganisation) с целью оказать поддержку Канзасу людьми, оружием и деньгами. Из этой Организации помощи и возникла *республиканская партия*, которая, следовательно, обязана своим образованием борьбе за Канзас. После того как разбилась попытка силой оружия превратить Канзас в *рабовладельческую территорию*, Юг пытался достичь того же результата посредством политических интриг. Именно, правительство Бьюкенена напрягало все силы, чтобы ввести в ряды Соединенных Штатов Канзас в качестве *рабовладельческого штата* с навязанной ему рабовладельческой конституцией. Отсюда новая борьба, которая велась на этот раз главным образом в вашингтонском конгрессе. Даже А. Ст. Дуглас, вождь демократов Севера, выступил теперь (1857—1858 гг.) против правительства и его пограничных союзников с Юга, так как навязывание рабовладельческой конституции противоречило принципу суверенности колонистов, проведенному в билле о Небраске в 1854 году. Дуглас, сенатор от Иллинойса, северо-западного штата, потерял бы, конечно, все свое влияние, если бы захотел признать за Югом право с оружием в руках или посредством актов конгресса украсть колонизированные Севером территории. Подобно тому как борьба за Канзас вызвала к жизни *республиканскую партию*, так она же послужила причиной первого *раскола внутри самой демократической партии*.

Республиканская партия выставила свою первую программу на президентских выборах 1856 года. Хотя ее кандидат, Джон Фремон, и не победил, все же огромное количество голосов, которое он

получил, доказало быстрый рост партии, особенно на северо-западе. На своем втором национальном конвенте перед президентскими выборами (17 мая 1860 г.) республиканцы повторили свою программу 1856 г. лишь с некоторыми дополнениями. Основное содержание ее было таково: ни одной пяди новых территорий не предоставляется более рабству; должна быть прекращена пиратская политика в отношении заграницы; возобновление торговли рабами клеймится позором; наконец, должны быть изданы законы о свободных землях (*Free-soil-Gesetze*) для поощрения свободной колонизации.

Самым важным пунктом этой программы было то, что рабству не предоставлялось ни пяди новых территорий, — напротив, оно должно быть навсегда замкнуто в пределах тех штатов, где оно уже было узаконено. Таким образом, рабство должно быть как бы интернировано; но непрерывное расширение территории и непрерывное расширение рабства за пределы его старых границ есть закон жизни для рабовладельческих штатов Союза.

Возделываемые рабами культуры южных экспортных товаров — хлопок, табак, сахар и т. д. — рентабельны лишь в том случае, если они выполняются большими группами рабов в массовом масштабе и на больших пространствах плодородной почвы, требующей лишь примитивной работы. Интенсивные культуры, зависящие меньше от плодородия почвы, чем от капиталовложения, культурности и энергии труда, противоречат самому существованию рабства. Отсюда быстрое превращение таких штатов, как Мэриленд и Виргиния, ранее применявших рабский труд для производства на экспорт, в штаты, разводящие рабов, чтобы экспортировать их затем даже в самые отдаленные южные страны. Даже в Южной Каролине, где рабы составляют четыре седьмых населения, культура хлопка вследствие истощения почвы почти совсем не развивается. И Южная Каролина уже частично превратилась под давлением обстоятельств в штат, культивирующий рабов, так как она продает рабов в штаты крайнего юга и юго-запада на 4 миллиона долларов в год. Как только наступает такой момент, становится необходимым приобретение новых территорий для того, чтобы одной части рабовладельцев с их рабами были предоставлены новые плодородные земли, а для другой, оставшейся части был создан новый рынок для разведения, а следовательно и для продажи рабов. Так, например, не подлежит сомнению, что без присоединения к Соединенным Штатам Луизианы, Миссури и Арканзаса рабство в Виргинии и Мэриленде давно бы исчезло. Один из лидеров южан, сенатор Тумбс, выразительно сформулировал на сецессионистском конгрессе в Монтгомери экономический закон,

который требует непрерывного расширения территории рабства. «Если не произойдет большого увеличения рабовладельческой территории, — сказал он, — то через 15 лет придется разрешить рабам убегать от белых или же белые должны будут убегать от рабов».

Представительство отдельных штатов в палате представителей конгресса зависит, как известно, от относительного количества их населения. Так как население свободных штатов растет несравненно быстрее, чем население рабовладельческих, то число представителей Севера должно было очень скоро обогнать число представителей Юга. Поэтому подлинное местопребывание политиков Юга все больше и больше переносится в американский сенат, где каждый штат, независимо от количества народонаселения в нем, представлен двумя сенаторами. Следовательно, для того, чтобы утвердить свое влияние в сенате, а через сенат и свою гегемонию над Соединенными Штатами, Юг нуждался в непрерывном образовании новых рабовладельческих штатов. Но это было возможно лишь при помощи завоевания чужих земель, как было с Техасом, или же путем превращения принадлежащих Соединенным Штатам территорий сперва в рабовладельческие территории, а затем в рабовладельческие штаты, как это было с Миссури, Арканзасом и другими. *Джон Келлун*, которым рабовладельцы восхищались как своим лучшим государственным деятелем, уже 19 февраля 1847 г. заявил в сенате, что только сенат дает перевес власти Юга, что необходимо расширение рабовладельческой территории, чтобы сохранить равновесие в сенате между Севером и Югом, и что этим именно оправдываются попытки Юга насильственным путем создать новые рабовладельческие штаты.

Наконец, число собственно рабовладельцев на юге Союза не превышает 300 000 — ограниченная олигархия, которой противостоят многие миллионы так называемых «белых бедняков» (*poor whites*), масса которых постоянно возрастала в результате концентрации земельной собственности и положение которых можно сравнить только с римскими плебеями во времена крайнего упадка Рима. Только приобретением и надеждой на приобретение новых территорий, а также разбойничьими набегами удастся уравновесить интересы этих «белых бедняков» с интересами рабовладельцев, дать безопасное направление их беспокойной жажде деятельности и усмирить их перспективой самим когда-нибудь стать рабовладельцами.

Итак, ограничение рабства пределами его старой территории должно, согласно экономическому закону, привести к его постепенному исчезновению, уничтожить политическую гегемонию,

осуществляемую рабовладельческими штатами через сенат, и, наконец, подвергнуть рабовладельческую олигархию опасностям, угрожающим ей внутри ее собственных штатов со стороны «белых бедняков». Своим принципом, что всякое дальнейшее расширение рабовладельческих территорий должно быть воспрещено законом, республиканцы, таким образом, ударили по самым корням господства рабовладельцев. Победа республиканцев на выборах должна была поэтому привести к открытой борьбе между Севером и Югом. Между тем, сама эта победа была обусловлена, как указано выше, расколом в лагере демократов.

Уже борьба за Канзас вызвала раскол между партией рабовладельцев и ее союзником — демократией Севера. Тот же спор снова вспыхнул теперь в более общей форме при выборах президента в 1860 году. Демократы Севера, со своим кандидатом Дугласом, ставили введение рабства в территориях в зависимость от воли большинства колонистов. Партия рабовладельцев, со своим кандидатом Брекинриджем, утверждала, что из конституции Соединенных Штатов, как это разъяснил Верховный суд, законно вытекает рабство; рабство само по себе является легальным во всех территориях и не нуждается ни в какой особой натурализации. Следовательно, в то время как республиканцы воспрещали всякое увеличение рабовладельческих территорий, южная партия претендовала на все территории республики как на гарантированные законом домены. То, что рабовладельцы пытались проделать в качестве примера с Канзасом, — навязать территории рабство через центральное правительство против воли самих колонистов, — они теперь выставляли как закон для всех территорий Союза. Такая уступка была вне власти *демократических* лидеров и способствовала бы только дезертирству их армии в лагерь республиканцев. С другой стороны, рабовладельческую партию Дугласа не мог удовлетворить и «суверенитет колонистов». То, что она хотела провести, должно было быть проведено в ближайшие четыре года при новом президенте; это могло быть проведено только средствами центрального правительства и не допускало дальнейших отсрочек. От внимания рабовладельцев не ускользнуло, что образовалась новая сила, *Северо-запад*, население которого почти удвоилось с 1850 по 1860 г. и стояло уже приблизительно на одном уровне с белым населением рабовладельческих штатов. Эта сила не была склонна ни по традициям, ни по темпераменту, ни по образу жизни позволять тащить себя от компромисса к компромиссу подобно старым северо-восточным штатам. Союз имел ценность для Юга лишь поскольку он предоставлял ему федеральную

власть как средство для проведения рабовладельческой политики. В противном случае для него лучше было порвать теперь же, чем еще свыше четырех лет наблюдать развитие республиканской партии и подъем Северо-запада, чтобы затем начать борьбу при неблагоприятных условиях. Итак, партия рабовладельцев играла ва-банк! Когда демократия Севера отказалась играть роль «белых бедняков» Юга, Юг доставил Линкольну победу благодаря раздроблению голосов и воспользовался затем этой победой как предлогом, чтобы обнажить меч.

Все движение, как это можно видеть, покоилось и покоится на *вопросе о рабстве*. Не в том смысле, должны ли рабы быть немедленно освобождены внутри рабовладельческих штатов или нет, а в том, должны ли 20 миллионов свободных жителей Севера и далее подчиняться олигархии 300 тысяч рабовладельцев; должны ли стать огромные территории республики рассадниками свободных штатов или рабства; наконец, должна ли национальная политика Союза объявить своим лозунгом вооруженное распространение рабства в Мексике, Центральной и Южной Америке.

В следующей статье мы рассмотрим утверждение лондонской прессы, будто Север должен приветствовать отделение как наиболее благоприятное и единственно возможное решение спора.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 293

от 25 октября 1861 г.

Без подписи.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ¹.

«Пусть убегает, он не достоин твоего гнева!» Этот совет Лепорелло покинутой возлюбленной Дон-Жуана английская государственная мудрость — еще недавно устами лорда Джона Росселя — вновь и вновь преподносит Северу Соединенных Штатов. Если Север даст Югу убежать, то он освободится от всякой связи с рабством, от своего исторического первородного греха, и создаст себе базу для нового и более высокого развития.

Действительно, если бы Север и Юг представляли собою две самостоятельные страны вроде того как, например, Англия и Ганновер, то их отделение друг от друга было бы не труднее, чем отделение Англии от Ганновера. Однако «Юг» не представляет собою ни строго отграниченной географически от Севера области, ни духовного единства. Вообще это не страна, а боевой лозунг.

Совет разойтись полюбовно предполагает, что Южная конфедерация, хотя и начала наступление в гражданской войне, по крайней мере ведет ее в целях защиты. Думают, что для рабовладельческой партии дело идет лишь о том, чтобы объединить области, в которых она господствовала до сих пор, в самостоятельную группу штатов и изъять их из-под верховной власти Союза. Не может быть ничего более ложного. «Югу нужна вся его территория. Он хочет и должен ее иметь». С этим боевым кличем сецессионисты напали на Кентукки. Под «всей территорией» они подразумевают, во-первых, все так называемые *пограничные штаты* (border states) — Делавар, Мэриленд, Виргинию, Северную Каролину, Кентукки, Тенесси, Миссури и Арканзас. Кроме того, они претендуют на всю территорию к югу от линии, проходящей от северо-западного угла Миссури до Тихого океана. Следовательно, то, что рабовладельцы называют

¹ В оригинале статье Маркса предпослана следующая заметка от редакции «Die Presse»:

«От нашего лондонского корреспондента мы получили новое письмо о событиях в Северной Америке, в котором дается совершенно новое освещение тем основным мотивам, которыми руководствуется сецессионистский Юг. Предоставляем слово нашему корреспонденту». *Ред.*

«Югом», охватывает больше чем три четверти нынешних владений Союза. Большая часть области, на которую они претендуют, находится еще во владении Союза и сначала должна быть у него отвоевана. Что же касается так называемых пограничных штатов, включая и те, которые находятся во владении Конфедерации, то они никогда не были *собственно рабовладельческими штатами*. Они скорее составляют область владений Соединенных Штатов, где система рабства и система свободного труда существуют рядом друг с другом и борются за господство, представляя собою настоящее поле битвы между Севером и Югом, между рабством и свободой. Следовательно, война Южной конфедерации является не оборонительной, а завоевательной войной за распространение и увековечение рабства.

Горная цепь, которая начинается в Алабаме и тянется на север до реки Гудзона, образуя как бы позвоночный столб Соединенных Штатов, разделяет так называемый Юг на три части. Горная страна, образуемая Аллеганскими горами с их двумя параллельными цепями — Кемберлендской грядой на западе и Голубыми горами на востоке; — клинообразно отделяет низменность западного берега Атлантического океана от низменности южных долин Миссисипи. Обе разделенные горной местностью низменности с их огромными рисовыми болотами и широко раскинувшимися хлопковыми плантациями собственно и являются областью рабства. Длинный горный клин, врезающийся в самое сердце рабовладельческой страны и обладающий, соответственно своей атмосфере, здоровым климатом и почвой, богатой углем, солью, известью, железной рудой, золотом, короче — всеми видами сырья, необходимого для самого широкого промышленного развития, уже теперь в большей своей части является свободной страной. По своим физическим свойствам почва может быть успешно обрабатываема здесь лишь свободными парцеллярными крестьянами. Рабовладельческая система лишь спорадически прозябала здесь и никогда не пускала прочных корней. Из жителей этой горной страны и состоит ядро свободного населения в большей части так называемых пограничных штатов, которое уже в интересах самосохранения становится на сторону Севера.

Рассмотрим отдельные части спорной области.

Делавар, самый северо-восточный из пограничных штатов, находится фактически и морально во владении Союза. Все попытки сецессионистов создать хотя бы одну дружественную им партийную фракцию разбивались с начала войны о единодушие населения. Имеющийся контингент рабов в этом штате уже давно находится в

процессе вымирания. Только за период с 1850 по 1860 г. число рабов уменьшилось наполовину, так что Делавар насчитывает теперь на 112 218 человек всего населения лишь 1 700 рабов. Несмотря на это, Южная конфедерация требует себе Делавар, и с военной точки зрения Северу действительно нельзя было бы его удержать, как только Юг овладел бы Мэрилендом.

Вышеупомянутый конфликт между горной страной и низменностью имеет место и в самом *Мэриленде*. На 687 034 человека всего населения здесь приходится 87 188 рабов. То, что подавляющее большинство населения стоит на стороне Союза, еще раз решительно доказали последние общие выборы в вашингтонский конгресс. Тридцатитысячная союзная армия, занимающая в настоящее время Мэриленд, должна не только служить резервом армии на Потомаке, но и в особенности держать в страхе мятежных рабовладельцев внутри страны. Здесь имеется налицо то же явление, как и в других пограничных штатах, где значительная масса населения стоит на стороне Севера, численно же незначительная партия рабовладельцев — на стороне Юга. То, чего ей нехватает количественно, партия рабовладельцев возмещает средствами власти, которые ей обеспечены долголетней монополией на все государственные должности, наследственным занятием политическими интригами и концентрацией огромных состояний в немногих руках.

Виргиния представляет теперь огромную лагерную стоянку, где главная армия сецессионистов и главная армия Союза образуют фронт друг против друга. В северо-западных горных местностях Виргинии число рабов доходит до 15 000, в то время как в двадцать раз превышающее его свободное население состоит в большинстве из независимых крестьян. Напротив, восточная равнина Виргинии насчитывает около полумиллиона рабов. Разведение негров и продажа их в южные штаты является ее главным источником дохода. Когда вожаки мятежа в равнине путем интриг провели акт о сецессии в законодательном собрании в Ричмонде и поспешили открыть южной армии ворота Виргинии, северо-запад Виргинии отмежевался от сецессионистов, образовал новый штат и с оружием в руках защищает теперь под знаменем Союза свои владения от вторжений южан.

Теннесси, с 1 109 847 жителями, из них 275 784 рабов, находится в руках Южной конфедерации, подчинившей всю страну военно-полевой юстиции и системе проскрипций, напоминающей времена римских триумvirатов. Когда рабовладельцы зимой 1861 г. предложили созыв всенародного конвента, который должен был решить

вопрос об отделении или неотделении, большинство населения отвергло всякий конвент, чтобы тем самым отсечь всякий предлог для сепаратистского движения. Позднее, когда Теннесси был уже насильственно занят Южной конфедерацией и подвергся системе террора, все же больше одной трети голосовавших на выборах высказалось за Союз. Собственно центр сопротивления против рабовладельческой партии составляет здесь, как и в большинстве пограничных штатов, горная местность — *Восточный Теннесси*. 17 июня 1861 г. в Гренвилле собрался всенародный конвент Восточного Теннесси, который высказался в пользу Союза, делегировал бывшего губернатора штата Эндрю Джонсона, одного из ярых приверженцев Союза, в вашингтонский сенат и опубликовал «declaration of grievances», жалобу, раскрывающую все средства обмана, интриг и запугивания, благодаря которым Теннесси был «отголосован» (hinausvotiert) от Союза. С этого времени Восточный Теннесси держится сепаратистами в страхе силой оружия.

Подобные же условия, как в Западной Виргинии и Восточном Теннесси, мы встречаем также на севере Алабамы, северо-западе Георгии и на севере Северной Каролины.

Дальше к западу, в пограничном штате *Миссури* с 4 173 317 жителей и 114 985 рабов, — последние по большей части скучены в северо-западной части штата, — народный конвент высказался в августе 1861 г. за Союз. Джексон, губернатор штата и орудие в руках партии рабовладельцев, восстал против законодательного собрания Миссури, был объявлен вне закона и стал во главе вооруженных банд, напавших на Миссури из Техаса, Арканзаса и Теннесси, чтобы поставить Миссури на колени перед Конфедерацией и мечом разрубить его связь с Союзом. Миссури, наряду с Виргинией, является сейчас главным театром гражданской войны.

Новая Мексика — не штат, а только территория, куда во время правления Бьюкенена были импортированы 25 рабов, чтобы вслед за ними прислать из Вашингтона рабскую конституцию, — конституцию, которой Новая Мексика вовсе не добивалась, как это признает и сам Юг. Зато Юг добивался Новой Мексики и в соответствии с этим перебросил через границу из *Техаса* вооруженную банду авантюристов. Новая Мексика взывала к союзному правительству с защите от этих «освободителей».

Читатель, вероятно, уже заметил, что мы придаем особое значение численному соотношению между рабами и свободными жителями в отдельных пограничных штатах. И действительно, это соотношение является решающим. Это термометр, которым следует измерять

жизненные силы всей системы рабства. Душой всего сепаратистского движения является *Южная Каролина*. Она насчитывает 402 541 раба и 301 271 свободного. Второе место занимает *Миссисипи*, давшая Южной конфедерации ее диктатора Джефферсона Девиса. Она насчитывает 436 696 рабов на 354 699 свободных. На третьем месте стоит *Алабама* с 435 132 рабами на 529 164 свободных.

Последний из спорных пограничных штатов, который мы должны еще рассмотреть, — это *Кентукки*. Его новейшая история особенно характерна для политики Южной конфедерации. Кентукки насчитывает 225 490 рабов на 1 555 713 жителей. На трех следующих друг за другом всеобщих выборах — зимой 1861 г., когда выбирался конгресс пограничных штатов, в июне 1861 г., когда имели место выборы в вашингтонский конгресс, и, наконец, в августе 1861 г., на выборах в законодательное собрание штата Кентукки, — постоянно менявшееся большинство высказывалось за Союз. Напротив, Магоффин, губернатор штата Кентукки, все высшие должностные лица штата являются фанатическими сторонниками рабовладельческой партии, как и Брекинридж, представитель Кентукки в вашингтонском сенате, вице-президент Соединенных Штатов при Бьюкенене и кандидат на президентских выборах в 1860 г. от рабовладельческой партии. Влияние рабовладельческой партии, слишком слабое, чтобы склонить Кентукки на сторону сепаратизма, было достаточно сильно, чтобы принудить этот штат при объявлении войны провозгласить нейтралитет. Конфедерация признавала нейтралитет, пока тот служил ее целям, пока она была занята подавлением сопротивления Восточного Теннесси. Едва была достигнута эта цель, как она постучала прикладом мушкета в двери Кентукки с кличем: «Югу нужна вся его территория. Он хочет и должен ее иметь».

С юго-запада и юго-востока одновременно ворвались разбойничьи банды Конфедерации в «нейтральный» штат. Кентукки очнулся от сна нейтралитета, его законодательное собрание открыто стало на сторону Союза, приставило к предателю губернатору комитет общественной безопасности, призвало народ к оружию, объявило Брекинриджа вне закона и приказало сепаратистам тотчас же очистить занятую область. Это было сигналом к войне. Армия Южной конфедерации двигается на Луизвилль, в то время как волонтеры из Иллинойса, Индианы и Огайо стекаются для спасения Кентукки от вооруженных миссионеров рабства.

Попытки Конфедерации присоединить к себе в качестве примера Кентукки и Миссури против воли этих штатов доказывают пустоту предлога, будто бы она борется за право отдельных штатов против

посягательств на них Союза. За отдельными штатами, которые она числит за «Югом», Конфедерация признает, конечно, право отделиться от Союза, но ни в коем случае не разрешает им оставаться в Союзе.

Даже собственно рабовладельческие штаты не свободны от сопротивляющихся элементов, хотя война во-вне, военная диктатура внутри и рабство повсюду придают им в данный момент видимость гармонии. Поразительным примером является *Texas* с 180 388 рабами на 601 039 жителей. Закон 1845 г., в силу которого Техас вошел в число Соединенных Штатов в качестве рабовладельческого штата, давал ему право образовать из его территории не один, а целых пять штатов. Благодаря этому Юг приобрел бы в американском сенате вместо двух десять новых голосов, а увеличение числа своих голосов в сенате было главной целью его тогдашней политики. Но рабовладельцы считали невозможным в 1845 — 1860 гг. разделить Техас, где большую роль играет немецкое население, хотя бы на два штата, чтобы не дать при этом еще в одном штате преимущества партии свободного труда над партией рабства. Это — лучшее доказательство того, как сильно противодействие рабовладельческой олигархии в самом Техасе.

Георгия — самый большой и населенный из рабовладельческих штатов. На количество населения в 1 057 327 человек она насчитывает 462 230 рабов, т. е. почти половину всего населения. Тем не менее, рабовладельческой партии до сих пор не удалось путем всеобщего голосования санкционировать в Георгии конституцию, октроированную Югу в Монтгомери.

На конвенте штата *Луизианы*, собравшемся 22 марта 1861 г. в Новом Орлеане, политический ветеран штата Розелиус заявил: «Монтгомерийская конституция — не конституция, а заговор. Он учреждает не народное правительство, а *ненавистную и неограниченную олигархию*. Народу не было позволено принять участие в этом деле. Конвент в Монтгомери вырыл могилу политической свободе, а теперь нас созывают, чтобы присутствовать на ее похоронах».

Олигархия 300 000 рабовладельцев использовала конгресс в Монтгомери не только для того, чтобы провозгласить отделение Юга. Она использовала его также и для изменения внутренней конституции рабовладельческих штатов, для полного подчинения той части белого населения, которая пользовалась еще некоторой самостоятельностью под защитой и демократической конституцией Союза. Уже в период с 1856 по 1860 г. политические лидеры, юристы, моралисты и теологи рабовладельческой партии не столько

пытались доказать, что рабство негров законно, как гораздо больше то, что цвет кожи безразличен и что рабочий класс всюду создан для рабства.

Итак, можно видеть, что война Южной конфедерации является в полном смысле слова захватнической войной за распространение и увековечение рабства. Большая часть пограничных штатов и территорий находится еще во владении Союза, на сторону которого они стали сначала путем голосования, а затем и с оружием в руках. Однако Конфедерация причисляет их к «Югу» и стремится отвоевать их у Союза. В пограничных штатах, которые Конфедерация пока заняла, она удерживает относительно свободные горные местности посредством военно-полевых судов. Внутри собственно рабовладельческих штатов она вытесняет существовавшую до сих пор демократию неограниченной олигархией 300 000 рабовладельцев.

Отказавшись от своих завоевательных планов, Южная конфедерация должна была бы признать свою нежизнеспособность и отказаться от цели, которая ставится сецессией. Сецессия ведь и произошла только потому, что внутри Союза превращение пограничных штатов и территорий в рабовладельческие штаты оказалось невозможным. С другой стороны, при мирной уступке спорных областей Южной конфедерации Север предоставил бы рабовладельческой республике свыше трех четвертей всей территории Соединенных Штатов. Север потерял бы целиком Мексиканский залив, Атлантический океан, за исключением узкой полосы от бухты Пеннобскота до залива Делавар, и сам отрезал бы себя от Тихого океана. Миссури, Канзас, Новая Мексика, Арканзас и Техас последовали бы за Калифорнией. Крупные земледельческие штаты в котловине между Скалистыми горами и Аллеганями, в долинах Миссисипи, Миссури и Огайо, будучи не в силах вырвать устья Миссисипи из рук сильной враждебной рабовладельческой республики на Юге, были бы вынуждены своими экономическими интересами отделиться от Севера и присоединиться к Югу. Эти северо-западные штаты в свою очередь вовлекли бы и все прочие северные штаты, расположенные далее к востоку, за исключением, может быть, штатов Новой Англии, в тот же водоворот сецессии.

Таким образом, в действительности произошло бы не распадение Союза, а *реорганизация* его, *реорганизация на основе рабства*, под признанным контролем рабовладельческой олигархии. План подобной реорганизации был открыто провозглашен главными ораторами Юга на конгрессе в Монтгомери и нашел свое признание в том параграфе новой конституции, который предоставляет право

любому штату старого Союза присоединиться к новой Конфедерации. Рабовладельческая система заразила бы весь Союз. В северных штатах, где рабство негров практически неосуществимо, белый рабочий класс был бы мало-по-малу низведен до уровня илотов. Это вполне соответствовало бы громко провозглашенному принципу, что только определенные расы способны к свободе, и что если на юге труд является уделом негров, то на севере он является уделом немцев и ирландцев или их прямых потомков.

Современная борьба между Югом и Севером есть, следовательно, не что иное, как борьба двух социальных систем, — системы рабства и системы свободного труда. Так как обе системы не могут долее мирно существовать на северо-американском континенте рядом друг с другом, то вспыхнула борьба. Она может кончиться лишь победой одной из этих систем.

Если пограничные штаты, эти спорные области, где обе системы боролись до сих пор за господство, являются шипом в теле Юга, то с другой стороны, нельзя не признать, что они в течение войны до сих пор являлись наиболее слабым пунктом Севера. Часть рабовладельцев этих округов по приказанию заговорщиков с Юга выказывала лицемерную лойяльность по отношению к Северу; другая часть действительно считала отвечающим их реальным интересам и традиционным понятиям пойти вместе с Союзом. Те и другие в одинаковой степени парализовали Север. Забота, как бы удержать доброе расположение «лойяльных» рабовладельцев пограничных штатов, боязнь бросить их в объятия сецессионистов, — одним словом, нежное внимание к интересам, предрассудкам и настроениям этих сомнительных союзников с самого начала войны чрезвычайно ослабило союзное правительство, принудило его к полумерам, заставило его лицемерно скрывать принцип войны и щадить самое уязвимое место противника, корень зла — *само рабство*.

Если недавно Линкольн малодушно опроверг Миссурийскую прокламацию Фремона об освобождении принадлежащих мятежникам рабов, то это произошло лишь из опасения перед громким протестом «лойяльных» рабовладельцев Кентукки. Между тем, наступил переломный момент. В лице Кентукки последний из пограничных штатов был втянут в бой между Севером и Югом. Во время действительной войны за пограничные штаты в самих пограничных штатах их приобретения и потери выходят из сферы дипломатических и парламентских переговоров. Одна часть рабовладельцев сбросит маску лойяльности, другая же, по примеру Великобритании, заплатившей вест-индским плантаторам, удовлетворится

перспективами на денежное возмещение убытков. Сами события заставляют провозгласить решающий лозунг — *освобождение рабов*.

Насколько даже самые закоренелые демократы и дипломаты Севера чувствуют себя вынужденными к этому, показывают некоторые выступления последнего времени. Генерал *Касс*, военный министр при Бьюксене и до сих пор один из самых усердных союзников Юга, в открытом письме объявляет освобождение рабов необходимым условием спасения Союза. Доктор *Браунсон*, лидер католической партии Севера, по его собственному признанию, с 1836 по 1860 г., самый энергичный противник освободительного движения, публикует в своем последнем «Обзрении» за октябрь статью за освобождение.

«Если мы, — говорит он между прочим, — боролись с освобождением, пока мы считали его опасным для Союза, то тем решительнее должны мы теперь выступить против дальнейшего существования рабства, когда убедились в дальнейшей несовместимости его с сохранением Союза или нашей нации как свободной республики». Наконец, «World», нью-йоркский орган дипломатов вашингтонского кабинета, заключает одну из своих громовых статей против аболиционистов следующими словами:

«В тот день, когда будет решаться, должно ли рабство погибнуть или должен погибнуть Союз, в этот день будет вынесен смертный приговор рабству. Если Север не может победить без освобождения, то он победит *при помощи* освобождения».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 306

от 7 ноября 1861 г.

Без подписи.

КРИЗИС В АНГЛИИ.

В настоящее время, как и пятнадцать лет назад, Англия стоит перед лицом катастрофы, которая грозит самым корням всей ее экономической системы. *Картофель*, как известно, являлся исключительным средством питания для Ирландии и значительной части английского рабочего населения, когда в 1845 и 1846 гг. картофельная болезнь поразила гниением этот источник жизни ирландского населения. Результаты этой великой катастрофы известны. Ирландское население уменьшилось на два миллиона, из которых одна часть погибла от голода, другая бежала за Атлантический океан. Вместе с тем это огромное бедствие способствовало победе английской партии сторонников свободной торговли; английская земельная аристократия была вынуждена пожертвовать одной из своих выгоднейших монополий, и отмена хлебных законов обеспечила более широкую и более здоровую базу для воспроизводства и содержания трудящихся миллионов.

Чем *картофель* был для ирландского сельского хозяйства, тем является *хлопок* для господствующей отрасли промышленности Великобритании. От его переработки зависит существование массы населения, превышающего общее число жителей Шотландии или две трети общего числа жителей современной Ирландии. По переписи 1861 г. население Шотландии составляло 3 061 117 человек, а население Ирландии — всего еще 5 764 543 человека, между тем как в Англии и Шотландии более четырех миллионов прямо или косвенно получают средства к жизни от хлопчатобумажной промышленности. Хлопковые растения ничем не болеют. Точно так же производство хлопка в очень малой степени является монополией отдельных областей земного шара. Наоборот, ни одно растение, дающее материал для одежды, не занимает столь обширных площадей в Америке, Азии и Африке, как хлопок. Хлопковая монополия рабовладельческих штатов американского Союза является не естественной, а исторической монополией. Она росла и развивалась одновременно с монополией английской хлопчатобумажной промышленности на мировом рынке. В 1793 г., вскоре после эпохи великих механических изобретений в

Англии, один коннектикутский квакер, Эли Уитни, изобрел *коттон-джин*, хлопкоочистительную машину, отделяющую волокна хлопчатника от хлопковых семян. До этого изобретения при самой напряженной работе в течение дня один негр едва мог очистить от семян 1 фунт хлопкового волокна. После же изобретения коттон-джина старая негритянка легко могла давать 50 фунтов хлопкового волокна в день, а позднее постепенные усовершенствования удвоили производительность этой машины. Оковы, тяготевшие на хлопковой культуре в Соединенных Штатах, были теперь разорваны. Развиваясь, рука об руку с английской хлопчатобумажной промышленностью, она быстро выросла в коммерческую великую державу. В течение этого развития Англия иногда, повидимому, страшилась монополии американского хлопка как зловещего призрака. Такой момент, например, наступил тогда, когда в английских колониях было проведено освобождение негров, купленное за 20 000 000 фунтов стерлингов. Высказывались опасения по поводу того, что промышленность Ланкашира и Йоркшира зависит от самодержавия рабовладельческой плетки в Георгии и Алабаме, между тем как английский народ приносит такие огромные жертвы для того, чтобы уничтожить рабство в своих собственных колониях. Но филантропия не творит истории, в особенности торговой истории. Подобные же опасения высказывались всякий раз, когда в Соединенных Штатах случался неурожай хлопка и когда рабовладельцы использовали это стихийное явление для того, чтобы путем комбинации повысить еще искусственно цену хлопка. Английские бумагопрядильщики и ткачи грозили тогда восстанием против «короля-хлопка». Выдвигались разнообразные проекты для получения хлопка из азиатских и африканских источников; так это было например, в 1850 году. Но последовавший вслед за этим высокий, урожай в Соединенных Штатах победоносно ниспроверг все эти порывы к освобождению. А за последние годы американская хлопковая монополия достигла неслыханных прежде размеров, частью вследствие законодательства о свободной торговле, отменившего дифференциальную пошлину, которая до сих пор взималась с возделываемого рабами хлопка, частью же вследствие одновременного гигантского развития английской хлопчатобумажной промышленности и американской хлопковой культуры в течение последнего десятилетия. Уже в 1857 г. потребление хлопка в Англии составляло почти 1¹/₂ миллиарда фунтов.

И вдруг американская гражданская война угрожает теперь этой главной опоре английской промышленности. В то время как Союз блокирует гавани южных штатов, чтобы помешать вывозу хлопко-

вого урожая этого года и тем самым лишить сецессионистов главного источника их дохода, Конфедерация придает этой блокаде принудительную силу своим решением не вывозить добровольно ни одной кипы хлопка, а, наоборот, заставить Англию, чтобы она сама вывозила необходимый для нее хлопок из южных гаваней. Это должно принудить Англию насильственно прорвать блокаду, объявить затем войну Союзу и таким образом бросить свой меч на чашу весов в пользу рабовладельческих штатов.

С начала американской гражданской войны цена хлопка в Англии непрерывно повышалась, но долгое время она росла в меньшей степени, чем это можно было ожидать. В общем английский торговый мир смотрел на американский кризис, повидимому, весьма флегматично. Причина этого хладнокровного отношения была очевидна. Весь американский урожай хлопка последнего года давно уже находился в Европе. Продукция нового урожая никогда не грузится на суда до конца ноября, а сколько-нибудь значительных размеров эта погрузка редко достигает раньше конца декабря. Вот почему до этого момента было довольно безразлично, хранятся ли тюки с хлопком на плантациях или немедленно после упаковки переправляются в южные порты. Если бы блокада прекратилась в какой-либо момент до конца года, то Англия могла бы с уверенностью рассчитывать на то, что в марте или апреле она получит обычное количество привозного хлопка, как если бы блокады никогда и не было. Английский торговый мир, в большей своей части введенный в заблуждение английской прессой, тешился иллюзией, что, примерно, шестимесячный военный спектакль закончится признанием Конфедерации со стороны Соединенных Штатов. Но в конце августа на ливерпульском рынке появились северо-американцы для закупки хлопка частью для спекуляции в Европе, частью для обратной отправки в Северную Америку. Это неслыханное событие открыло глаза англичанам. Они начали понимать всю серьезность положения. С тех пор ливерпульский хлопковый рынок находится в состоянии лихорадочного возбуждения; хлопковые цены вскоре были вздуты на 100% выше своего среднего уровня, и хлопковая спекуляция приняла столь же дикий характер, как и железнодорожная спекуляция 1845 года. Прядильные и ткацкие предприятия в Ланкашире и в других центрах британской хлопчатобумажной промышленности сократили свое рабочее время до трех дней в неделю, часть их совершенно остановила машины; губительное обратное действие на другие отрасли промышленности не заставило себя ждать, и теперь вся Англия с содроганием ждет приближения величайшей экономической катастрофы, какая только грозила ей до сих пор.

Потребление *индийского* хлопка, естественно, растет, и повышающиеся цены обеспечат еще больший привоз хлопка с этой древней его родины. Однако невозможно на протяжении немногих месяцев в корне изменить условия производства и ход торговли. В настоящее время Англии действительно приходится расплачиваться за свое долговременное дурное управление Индией. Ее теперешние судорожные попытки заменить американский хлопок индийским наталкиваются на два огромных препятствия: на недостаток средств сообщения и транспорта в Индии и на жалкое положение индийского крестьянина, вследствие которого он не может использовать выгодную в данный момент обстановку. Но не говоря уже об этом, не говоря о том, что индийский хлопок должен предварительно подвергнуться процессу тщательной переработки, чтобы он смог занять место американского хлопка, даже при самых благоприятных обстоятельствах потребуются *годы* для того, чтобы Индия смогла производить все то количество хлопка, которое требуется для вывоза. А между тем, по точным статистическим сведениям, через четыре месяца хлопковые запасы Ливерпуля будут совершенно исчерпаны. Да и на это время их хватит лишь при том условии, если сокращение рабочего времени до трех дней в неделю и полная приостановка части машин британскими владельцами прядильных и ткацких хлопчатобумажных заведений будет производиться в еще больших размерах, чем до сих пор. Такой образ действия уже и сейчас подвергает фабричные районы величайшим социальным бедствиям. А если американская блокада продлится и после января: что будет тогда?

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 305

от 6 ноября 1861 г.

Без подписи.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.

Лондон, 3 ноября [1861 г.]

В настоящий момент в Англии не существует общей политики. Весь интерес страны сосредоточен на французском финансовом, торговом и сельскохозяйственном кризисе, на британском промышленном кризисе, недостатке хлопка и американском вопросе.

В здешних здравомыслящих кругах ни одной минуты не обманывались относительно того, что плутовские вексельные операции Французского банка с отдельными крупными банковскими домами по обе стороны канала являются лишь чрезвычайно слабым паллиативом. Все, чего можно было этим достигнуть и что было достигнуто, сводилось к *кратковременному* уменьшению утечки золота в Англию. Повторные попытки Французского банка собрать в Петербурге, Гамбурге и Берлине подобные металлические ресурсы вредно отражаются на его кредите, не заполняя в то же время его кассы. Повышение процента на казначейские обязательства с целью сохранения их курса и необходимость добиться от Виктора-Эммануила уменьшения платежей для нового итальянского займа считаются здесь опасным симптомом болезни французских финансов. К тому же известно, что в настоящий момент в Тюильри обсуждаются два конкурирующие друг с другом проекта. Подлинные бонапартисты, возглавляемые Персиныи и Перейром (из *Crédit Mobilier*), хотят полностью подчинить правительству Французский банк, свести его на роль простого бюро министерства финансов и использовать видоизмененное таким образом учреждение как фабрику ассигнаций.

Известно, что именно этот принцип и лежал первоначально в основе организации *Crédit Mobilier*. Менее авантюристически настроенная партия, представляемая Фульдом и другими ренегатами эпохи Луи-Филиппа, предлагает устроить новый *национальный заем*, сумма которого определяется одними в 400, другими — в 700 миллионов франков. «Times» отражает в сегодняшней передовой статье точку зрения Сити, говоря, что Франция благодаря своему экономическому кризису совершенно парализована и лишена влияния в Европе.

Но «Times» и Сити ошибаются. Если декабрьскому правительству удастся пережить зиму без больших внутренних потрясений, то весной оно затрубит к войне. Это не устраним внутренних затруднений, но заглушит их.

В одном из предыдущих писем я указывал, что хлопковая спекуляция в Ливерпуле за последние недели вполне напоминает самые безумные времена железнодорожной мании 1845 года. Зубные врачи, хирурги, адвокаты, кухарки, вдовы, рабочие, писцы и лорды, актеры и духовенство, солдаты и портные, газетные сотрудники и содержатели меблированных комнат, мужчины и женщины — все спекулировало на хлопке. Покупались, продавались и снова перепродавались ничтожные партии от одной до четырех кип. Более значительные партии хлопка месяцами лежали в одном и том же складе, хотя за это время они двадцать раз меняли владельцев. Кто покупал хлопок в десять часов, в одиннадцать уже продавал его с надбавкой в $1\frac{1}{2}$ пенса на фунт. Таким образом, в течение десяти часов один и тот же хлопок нередко шесть раз переходил из рук в руки. Однако на этой неделе наступило нечто вроде затишья, что можно объяснить единственно тем, что фунт хлопка (средний сорт орлеанского хлопка) достиг цены в 1 шиллинг, а так как 12 пенсов составляют шиллинг, то, следовательно, являются круглым числом. Поэтому всякий заранее решил сбыть свои запасы, лишь только будет достигнут этот максимум. Отсюда внезапное увеличение предложения и последующая реакция. Как только англичане уверятся, что цена фунта хлопка может подняться и выше 1 шиллинга, эта пляска святого Витта возродится в еще более безумных формах.

Последний официальный месячный отчет *министерства торговли* о британском вывозе и ввозе отнюдь не рассеял мрачного настроения. *Таблица вывоза* охватывает девятимесячный период от января до сентября 1861 года. По сравнению с тем же периодом 1860 г. она обнаруживает уменьшение почти на 8 миллионов фунтов стерлингов. Из этой цифры 5 671 730 ф. ст. приходится на вывоз в Соединенные Штаты, остальное же распределяется между британской Северной Америкой, Ост-Индией, Австралией, Турцией и Германией. Увеличение вывоза имеет место только в отношении *Италии*. Так, например, экспорт британских хлопчатобумажных товаров в Сардинию, Тоскану, Неаполь и Сицилию увеличился с 756 892 ф. ст. в 1860 г. до 1 204 287 ф. ст. в 1861 г.; экспорт британской хлопчатобумажной пряжи повысился с 348 158 ф. ст. до 583 373 ф. ст.; экспорт железа повысился с 120 867 ф. ст. до 160 912 ф. ст. и т. д. Эти цифры не лишены известного значения для понимания британских симпатий к итальянской свободе.

В то время как вывоз Великобритании упал почти на 8 000 000 ф. ст., ее *воз* увеличился в еще большей пропорции, — обстоятельство, которое никоим образом не способствует выравниванию платежного баланса. За первые 8 месяцев 1860 г. стоимость ввезенной пшеницы составляла только 6 796 139 ф. ст., между тем как за тот же период текущего года она достигла 13 431 487 ф. ст.

Наиболее замечательным явлением, о котором свидетельствует таблица ввоза, является быстрое увеличение *французского импорта*, который уже сейчас достиг почти 18 миллионов ф. ст. (в год), между тем как английский вывоз во Франции немногим превышает вывоз в Голландию. Континентальные политики до сих пор проглядели это совершенно новое явление современной торговой истории. Оно доказывает, что экономическая зависимость Франции от Англии приблизительно в шесть раз превышает экономическую зависимость Англии от Франции, если при этом принимать во внимание не только цифры английского вывоза и ввоза, но и сравнить их с таблицами французского ввоза и вывоза. При этом оказывается, что в настоящее время Англия стала для Франции главным экспортным рынком, между тем как Франция осталась для Англии совершенно второстепенным экспортным рынком. Отсюда боязнь конфликта с «кварным Альбионом» несмотря на всяческий шовинизм и всевозможные хвастливые фразы относительно Ватерлоо.

Наконец, последние английские таблицы вывоза и ввоза свидетельствуют еще об одном важном факте. В то время как английский экспорт в *Соединенные Штаты* за первые девять месяцев этого года упал более чем на 25% по сравнению с соответствующим периодом 1860 г., один только нью-иоркский порт за первые восемь месяцев этого года увеличил свой вывоз в Англию на 6 миллионов фунтов стерлингов. Вывоз американского золота в Англию за этот период почти прекратился, между тем как уже в течение нескольких недель золото перетекает из Англии в Нью-Йорк. Фактически оказывается, что неурожай в Англии и Франции помогает Северной Америке покрывать свой дефицит, в то время как тариф Морриля и неизбежно связанное с гражданской войной стремление к экономии чрезвычайно сократили потребление английских и французских фабрикатов в Северной Америке. Сравните теперь эти статистические факты с перемиадами «Times» относительно финансовой гибели Северной Америки!

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 307
от 8 ноября 1861 г.*

Без подписи.

ИНТЕРВЕНЦИЯ В МЕКСИКЕ.

Лондон, 7 ноября [1861 г.]

Сегодня «Times» поместил передовую статью, написанную в столь знакомом калейдоскопически-пестром и аффективно-юмористическом стиле по поводу вступления отрядов французского правительства в Далпенталь и протеста Швейцарии против этого нарушения неприкосновенности ее границ. Оракул из Принтинггаузсквера вспоминает, как во времена ожесточеннейшей борьбы между английскими фабрикантами и земельными собственниками подготавливали маленьких детей, работавших на фабриках, бросать иголки в наиболее тонкие части машин, чтобы таким образом нарушить движение всего могучего автомата. Машины, это — Европа, маленькое дитя, это — Швейцария, а иголка, которую оно бросает в спокойно работающий автомат, это вторжение Луи Бонапарта в Швейцарскую область, или, вернее, поднятый Швейцарией крик относительно его вторжения. Таким образом, иголка внезапно превращается в крик от укола иголкой, а сама аналогия — в дурацкую шутку с читателем, который ждет аналогии. Далее, «Times» забавляется своим собственным открытием, что Далпенталь состоит из одной единственной деревни, называющейся Кресоньер. Свою короткую статью он заканчивает положением, стоящим в полном противоречии с началом. Зачем, — восклицает газета, — подымать много шума из-за этого бесконечно малого швейцарского пустыка, если ближайшей же весной Европа будет охвачена со всех сторон пламенем? Не забудьте, что Европа только что признавалась правильно действующим автоматом. Вся статья представляется полной бессмыслицей, и все же в ней есть свой смысл. Она означает, что Пальмерстон дал своему союзнику по ту сторону пролива *carte blanche* [полную свободу действий] в швейцарском инциденте. Разъяснение этого заявления мы найдем в сухом сообщении «Moniteur», что Англия, Франция и Испания 31 октября заключили договор об общей *интервенции в Мексике*. Насколько далеко отстоят друг от друга кантон Ваадт и Вера-Крус, настолько же близко соприкасаются статья «Times» о Далпентале и сообщение «Moniteur» о Мексике.

Вполне вероятно, что интервенцию в Мексике Луи Бонапарт считает одной из тех многих возможностей, которые он все время держит про запас, чтобы осыпать ими французский народ. Несомненно, что Испания, у которой кровь бросилась в голову от ее дешевых успехов в Марокко и Сан-Доминго, мечтает о восстановлении своей власти в Мексике. Но не подлежит сомнению, что проект Франции еще не созрел окончательно и что обе державы — Франция и Испания — вовсе не желают вести крестовый поход против Мексики под верховным командованием Англии.

Частный «Moniteur» Пальмерстона — «Morning Post» — сообщил 24 сентября детали договора, который заключили между собою Англия, Франция и Испания в целях совместной интервенции в Мексике. День спустя «Patrie» отрицала существование подобного договора. 27 сентября «Times» опроверг сообщение «Patrie», не называя газету по имени. Согласно статье «Times», лорд Россель сообщил французскому правительству английское решение относительно интервенции, и господин Тувенель ответил на это, что и император французов принял такое же решение. Теперь очередь была за Испанией. Испанское правительство заявило в полуофициальном органе, что оно имеет в виду интервенцию в Мексике, но никоим образом не совместно с Англией. Опровержения посыпались дождем. «Times» категорически возвестил, что «президент американского Союза изъявил свое полное согласие на намеченную экспедицию». Но едва это известие дошло до противоположного берега Атлантического океана, как все американские правительственные органы объявили это ложью, а президент Линкольн заявил, что он не пойдет против Мексики. Из всего этого видно, что план интервенции в его теперешнем виде возник в Сент-Джемском кабинете.

Объяснения целей договора были не менее загадочны и противоречивы, чем объяснения по поводу его происхождения. Один орган Пальмерстона — «Morning Post» — провозгласил, что Мексика не является организованным государством с установившимся правительством, а представляет собою просто разбойничье гнездо. С нею и следует обращаться как с таковым. Экспедиция преследует только одну цель, — удовлетворение английских, французских и испанских кредиторов мексиканского государства. С этой целью объединенные военные силы займут главные гавани Мексики, будут взимать на мексиканском побережье ввозные и вывозные пошлины и сохраняют за собою эту «материальную гарантию» до тех пор, пока не будут удовлетворены все долговые претензии.

Наоборот, другой орган Пальмерстона — «Times» — заявил,

что в результате долгого опыта Англия «закалилась против грабежей обанкротившейся Мексики». Дело идет не о частных интересах кредиторов, но «они надеются, что одно лишь присутствие соединенной эскадры в Мексиканском заливе и оккупация некоторых ее портов будут достаточны, чтобы побудить мексиканское правительство к новым усилиям для поддержания внутреннего мира и чтобы заставить недовольных придерживаться более конституционных, чем разбой, методов оппозиции».

Судя по этому, экспедиция предпринимается для испытания официального правительства Мексики. Но вместе с тем «Times» намекает, «что столица Мексики обладает достаточно здоровым климатом на тот случай, если окажется необходимым столь далекое продвижение».

Оригинальнейший способ укрепления того или иного правительства несомненно состоит в насильственном секвестре его доходов и его территорий. С другой стороны, одна лишь оккупация портов и взимание в них пошлин побудили бы мексиканское правительство к устройству таможенной линии, расположенной дальше от берега. При этом ввозные пошлины на иностранные товары и вывозные пошлины на американские товары удвоились бы, и интервенция, наложив контрибуцию на европейско-мексиканскую торговлю, фактически удовлетворила бы требования европейских кредиторов. Мексиканское правительство может стать платежеспособным, только укрепившись внутри страны, а внутри страны оно может укрепиться лишь в том случае, если будут уважать его независимость по отношению к другим державам.

Если мнимые цели экспедиции столь противоречат друг другу, то мнимые средства в еще большей степени противоречат этим мнимым целям. Сами английские правительственные органы признают, что если путем односторонней интервенции Франции или Англии или Испании можно достигнуть того или другого, то *общая* интервенция этих держав исключает возможность какого бы то ни было успеха.

Вспомним, что мексиканская либеральная партия, возглавляемая Хуаресом, официальным президентом республики, в настоящее время получила перевес почти во всех пунктах страны, что католическая партия, предводимая генералом Маркесом, терпела поражение за поражением и что организованные ею разбойничьи банды отброшены к Кверетарским горам и вынуждены домогаться союза с тамошним индийским вождем Меджиа. Последней надеждой католической партии была испанская интервенция.

«Единственный пункт, — говорит «Times» — относительно которого могут проявиться разногласия между нами и нашими союзниками, касается *правительства республики*. Англия хотела бы оставить власть в руках либеральной партии, между тем как Францию и Испанию можно заподозрить в поддержке недавно свергнутого церковного правительства. Было бы странно, если бы Франция как в Новом, так и в Старом свете превратилась в покровительницу священников и бандитов. Подобно тому как в Италии сторонники Франца II получают военное снаряжение в Риме для того, чтобы внести анархию в управление Неаполем, так же точно и в Мексике военные дороги и даже улицы столицы подвергаются нападению разбойников, которых церковная партия открыто объявляет своими врагами».

Именно поэтому Англия и укрепляет либеральные правительства; предпринимая против них крестовый поход с Францией и Испанией, она старается подавить анархию и в то же время посылает для церковной партии, находящейся при последнем издыхании, новые подкрепления из Европы!

Побережье Мексики, где свирепствует лихорадка, может быть удержано, не считая коротких зимних месяцев, только в том случае, если будет завоевана сама страна. Но третий английский правительственный орган — «Economist» — объявляет завоевание Мексики невозможным. «Если, — говорит эта газета, — мы захотим навязать этой стране британского принца с английской армией, то этим мы вызовем самый дикий взрыв бешенства со стороны Соединенных Штатов. Соперничество Франции сделало бы невозможным подобное завоевание, и английский парламент почти единогласно отклонил бы подобное предложение тотчас же после его внесения. Со своей стороны, Англия не может доверить Франции управление Мексикой. Об Испании же не может быть и речи».

Итак, вся экспедиция представляет собою мистификацию, разгадку которой «Patrie» дает в следующих словах: «Соглашение признает необходимым водворение в Мексике сильного правительства, которое могло бы сохранять там спокойствие и порядок».

Речь идет попросту о том, чтобы, образовав новый Священный союз, применить к американским государствам тот же самый принцип, согласно которому Священный союз считал себя призванным вмешиваться во внутренние правительственные дела европейских стран. Первый план такого рода был разработан Шатобрианом в эпоху реставрации для Бурбонов Испании и Франции. Он потерпел крушение благодаря Каннингу и Монроэ, президенту Соединенных Штатов, который решительно отвергал всякое европейское

вмешательство во внутренние дела американских государств. С тех пор американский Союз всегда провозглашал доктрину Монро международным законом. Но нынешняя гражданская война создала удобную ситуацию, дающую возможность европейским монархиям создать прецедент интервенции, опираясь на который можно действовать и в дальнейшем. В этом в сущности и заключается цель англо-франко-испанской интервенции. Ее ближайшим результатом может быть и неизбежно будет только *восстановление* в Мексике уже начавшей было затихать анархии.

Оставляя в стороне все общие соображения международного правового характера, событие это имеет для Европы весьма большое значение, так как Англия купила сотрудничество Луи Бонапарта в мексиканской экспедиции ценой уступок в области континентальной политики.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 311

от 12 ноября 1861 г.

Без подписи.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ.

Лондон, 19 ноября [1861 г.]

«Times», который сначала умеренно хвалил империалистский coup d'éclat [блестящий переворот], а затем превозносил его до небес, делает сегодня внезапный поворот от панегириков к критике. Способ, каким выполняется этот маневр, характеризует Левиафана английской прессы:

«Мы предоставляем *другим* воздавать цезарю хвалу за признание, что он представляет собою ограниченное и не непогрешимое существо, и за то, что, бесспорно господствуя над страной лишь силой меча, он не претендует на правление в силу божественного права. Мы же, однако, должны спросить о финансовых результатах империалистского владычества, достигнутых в течение десятилетия. Результаты эти несравненно важнее, чем те фразы, в которые они облечены... Исполнительная власть делала все, что ей угодно; министры были ответственны только перед императором; состояние финансов держалось в тайне от публики и от палаты. Форма ежегодно вотируемого бюджета была не преградой, а маской, не защитой, а обманом. Итак, чего же достиг французский народ, предоставив свои свободы и свое достояние в распоряжение одного единственного человека?.. Сам господин Фульд признает, что чрезвычайные кредиты, открытые с 1851 до 1858 г., достигли 2 800 миллионов франков и что дефицит нынешнего года составляет не менее 1 миллиарда франков.

«Мы не знаем, каким образом добывались эти суммы. Во всяком случае не путем обложения. Как известно, 4 миллиона, которые уплатил Французский банк за возобновление своих привилегий, уже истрачены; $5\frac{1}{2}$ миллионов были заимствованы из дотационного фонда армии, и в обращение были брошены всевозможные кредитные бумаги. *Что касается положения вещей в данный момент, то наш парижский корреспондент уверяет нас, что в государственном казначействе нехватает денег для уплаты полугодовых дивидендов, которые должны быть выплачены в ближайший месяц.* В таком горестном и позорном положении оказались французские финансы

после десяти лет блестящего и победоносного империализма, и только теперь, в тот момент, когда французское правительство оказывается не в состоянии выполнить свои текущие обязательства, оно проявляет до некоторой степени доверие к нации и показывает ей маленький кусочек той действительности, которая скрывалась за пышной фантазмагорией столь часто прославляемого финансового благополучия. И как раз в этот момент «Revue des Deux Mondes» привлекается к судебной ответственности за то, что она дала некоторые сведения по поводу финансового положения Франции, которые можно упрекнуть разве только за их чрезмерный оптимизм.

«Times» спрашивает о причинах этого крушения. В течение десяти лет империалистской власти экспорт Франции более чем удвоился. Вместе с промышленностью развивалось и сельское хозяйство, а с ними обоими — и система железных дорог. Кредитная система, находившаяся до 1848 г. лишь в начале развития, развернулась по всем направлениям. Все это развитие происходило не благодаря велению императора, а благодаря переворотам на мировом рынке, происшедшим после открытия золота в Калифорнии и Австралии. Но почему же произошла катастрофа?

«Times» упоминает о чрезвычайных расходах на армию и флот, являющихся естественным результатом стремления Луи Бонапарта играть в Европе роль Наполеона. Газета упоминает о войнах и, наконец, о колоссальных расходах на общественные сооружения, принятые для того, чтобы дать занятие предпринимателям и пролетариям и сохранить у них хорошее настроение.

«Но, — продолжает «Times», — всего этого недостаточно для объяснения этого страшного дефицита, величайшего в летописях истории... К агрессивным вооружениям в армии и флоте, к государственным сооружениям и случайным войнам присоединилась позорная и всеобщая система грабежа. На империю и ее сторонников падал золотой дождь. Колоссальные состояния, добытые сразу каким-то загадочным образом, вызывали скандальные толки и удивление, пока скандальные толки не замолкли, а изумление не ослабло вследствие частой повторяемости и даже всеобщности этого явления. Современная Франция дала нам ключ к тем местам из сатир Ювенала, где внезапно приобретенное богатство рассматривается как преступление против народа. Блестящие жилища, роскошные экипажи, чрезвычайная расточительность людей, которые до *coup d'état* [государственного переворота] вели, как это было всем известно, голодное существование, — у всех на устах. Двор устанавливал свой бюджет с почти неслыханной расточительностью.

Новые дворцы возникали как по мановению волшебного жезла, и блеск ancien régime [старого порядка] был превзойден. Безумная расточительность не знала никаких границ, кроме наличности государственного казначейства и государственного кредита. Первое уже более не существует, второй исчерпан. *Вот что сделали для Франции десять лет империализма.*

Несомненно, важнейшим для Европы вопросом является вопрос о том, *может ли превратиться* империалистская финансовая система в конституционную финансовую систему, на что как будто *подает надежды* переписка между Луи Бонапартом и Фульдом? В данном случае дело идет не о минутных намерениях отдельных лиц. Дело идет об *экономических жизненных условиях* реставрированной монархии. Мошенническая система финансов могла бы превратиться в прозаическую финансовую систему только путем устранения коррупции как всеобщего средства управления, путем сокращения состава армии и флота до уровня мирного времени и, следовательно, путем отказа современного режима *от наполеоновского характера*, наконец путем полного отречения от проводившегося до сих пор плана, заключающегося в том, чтобы привязать к существующему правительству некоторую часть буржуазии (Mittelklasse) и городского пролетариата посредством возведения огромных государственных сооружений и других общественных работ. Но разве выполнение этих условий не обозначало бы: «Et propter vitam vivendi perdere causas!» [ради жизни губить источники жизни]? В самом деле, разве можно поверить, что под наполеоновской фирмой можно снова восстановить скромную систему Луи-Филиппа? Это столь же мало вероятно, как учреждение июльской монархии под сенью белого знамени.

Поэтому мы с самого же начала называли coup d'éclat [блестящий номер] 14 ноября комедией и ни одной минуты не сомневались, что эта комедия преследует лишь две цели: справиться с затруднениями данного момента и благополучно пережить зиму. Если обе эти цели будут достигнуты, то весной раздастся гром военных литавр и будет сделана попытка устроить так, чтобы на этот раз война сама окупала связанные с ней расходы. Не следует забывать, что до сих пор — и это было неизбежным следствием простой *игры* в наполеонизм — Франция декабрьского переворота покупала всю свою славу за счет *французского же государственного кошелька*.

Английская пресса после недолгих колебаний пришла к тем же самым выводам относительно серьезности обещаний, данных 14 ноября, и возможности их исполнения.

Так, сегодняшний «Times» в цитированной выше передовой статье говорит:

«Император отказывается от пользования чрезвычайными кредитами. Это проявление самоотверженной добродетели обычно предшествует новому французскому займу, но редко переживает его». А в биржевой статье той же газеты говорится: «Весьма сомнительно, чтобы вызванная финансовым кризисом внезапная финансовая святость долго просуществовала после того, как пароксизм кончится, государственная касса снова наполнится и новый заем будет обеспечен... Говорят, что общественное мнение заставит императора выполнить программу Фульда вопреки его собственной воле. Но не правильнее ли было бы сказать, что каждый готов предаться этой иллюзии, в то время как поставщики армии и флота и спекулянты твердо уверены, что весной, после преодоления грозящей сейчас опасности, «Moniteur» найдет достаточно веские основания, — каковыми могут быть либо «изменившееся положение Европы», либо необходимость что-то исправить, либо опасность, грозящая чести Франции, либо интересы католической веры, либо интересы свободы и цивилизации человечества, — чтобы возвратиться к старой финансовой системе, — от которой вообще нельзя на долгое время отказаться в стране, где господствует военная диктатура и где не существует общепризнанного и ненарушимого конституционного права?»

В таком же духе высказывается и «Economist». Свою аргументацию он заканчивает словами: «Несмотря на декрет, *политический риск* всегда будет оставаться руководящей точкой зрения для человека, который нисколько не сомневается в том, что малейший промах может лишить всяких корней его династию».

До сих пор Луи Бонапарт подвергал Европу только опасностям, потому что ему самому во Франции всегда грозила опасность. Можно ли думать, что опасность, создаваемая им для Европы, будет уменьшаться по мере того, как во Франции будет расти опасность, грозящая ему самому? Лишь в том случае, если для внутренней опасности наступит время взрыва.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 322
от 23 ноября 1861 г.*

Без подписи.

АМЕРИКА. — ОТРЕШЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТИ ФРЕМОНА.

Отрешение Фремона от должности главнокомандующего армией на Миссури представляет собой узловый пункт в истории американской гражданской войны. Фремону приходится отвечать за два больших греха. Он был первым кандидатом республиканской партии на должность президента (1856 г.), и он же первый генерал Севера, который пригрозил рабовладельцам освобождением рабов (30 августа 1861 г.). Таким образом, он остается соперником будущих кандидатов в президенты и помехой для теперешних сторонников компромисса.

За последние два десятилетия в Соединенных Штатах выработалась своеобразная практика не выбирать в президенты людей, которые занимали выдающееся положение в своей партии. Правда, имена таких людей используют для предвыборных демонстраций, но когда доходит до дела, их заменяют неизвестными посредственностями, имеющими влияние лишь в местном масштабе. Таким способом Польк, Пирс, Бьюкенен и др. стали президентами. Таким же способом был избран и А. Линкольн. Генерал Эндрью Джексон — действительно последний президент Соединенных Штатов, обязанный избранием своему личному значению, в то время как все его преемники, наоборот, обязаны этим своей личной незначительности.

На выборах 1860 г. наиболее выдающимися именами республиканской партии были Фремон и Сьюард. Известный своими приключениями во время мексиканской войны, смелой экспедицией в Калифорнию и кандидатурой 1856 г., Фремон был слишком заметной фигурой, чтобы его имели в виду, когда дело шло не только о республиканской демонстрации, но также и о республиканском успехе. Он поэтому не выступил в качестве кандидата. Иное дело Сьюард, республиканский сенатор вашингтонского конгресса, губернатор штата Нью-Йорк, а после возникновения республиканской партии — ее безусловно лучший оратор. Потребовался ряд обидных поражений, чтобы заставить г. Сьюарда отказаться от собственной кандидатуры и покровительствовать в качестве оратора тогда еще

малоизвестному А. Линкольну. Но когда он увидел, что его попытки выставить свою кандидатуру потерпели крушение, он отдал себя в качестве республиканского Ришелье человеку, которого он считал республиканским Людовиком XIII. Он содействовал избранию президентом Линкольна, поставив при этом условие, что Линкольн назначит его государственным секретарем, — пост, который в известной степени можно сравнить с постом английского министра-президента. И действительно, едва Линкольн был избран президентом, как звание государственного секретаря было обеспечено за Сьюардом. И тотчас же произошла странная перемена в позиции Демосфена республиканской партии, в свое время прославившегося предсказанием на счет «irrepressible conflict» [неустранимого конфликта] между системой свободного труда и системой рабства. Будучи избран 6 ноября 1860 г., Линкольн должен был, однако, вступить в должность президента лишь 4 марта 1861 года. За этот промежуток времени, во время зимней сессии конгресса, Сьюард стал центром всех попыток компромисса; северные органы Юга, как, например, «New-York Herald», для которых до сих пор Сьюард являлся *bête noire* [пугалом], внезапно принялись восхвалять его как государственного деятеля примирения, и действительно, не его вина, что мир не был заключен на каких угодно условиях. Сьюард явно считал звание государственного секретаря лишь предварительной ступенью и был занят не столько теперешним «неустранимым конфликтом», сколько будущим президентским постом. Он дал новое доказательство того, что виртуозы лжи являются опасно-посредственными государственными деятелями. Стоит почитать его государственные депеши. Что за противная смесь пышных фраз и духовного убожества, сильной мимики и слабых дел!

Итак, для Сьюарда Фремон являлся опасным соперником, которого следовало погубить, — предприятие, казавшееся тем более легким, что Линкольн, по своей адвокатской традиции и чуждый всякой гениальности, боязливо придерживается буквы конституции и страшится всякого шага, который мог бы встревожить «лояльных» рабовладельцев пограничных штатов. Характер Фремона совсем иной. Он явно человек с пафосом, несколько высокопарный и надменный, не без мелодраматического оттенка. Сначала правительство пыталось путем ряда мелочных придинок заставить его добровольно подать в отставку. Когда это не удалось, оно лишило его командования в тот момент, когда организованная им же армия как раз выступила против неприятеля на юго-западе Миссури и предстояла решительная битва.

Фремон — кумир северо-западных штатов, чествующих его как «pathfinder» [следопыта] ¹. Они смотрят на его смещение как на личное оскорбление. Если федеральное правительство потерпит еще несколько неудач, вроде Булль-Рена или Болл-Блефа, оно само даст в лице Фремона вождя оппозиции, которая тогда выступит против него и сломит теперешнюю дипломатическую систему ведения войны. Что же касается опубликованного вашингтонским военным министерством обвинительного акта против смещенного генерала, то к нему мы еще вернемся позднее.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 325

от 26 ноября 1861 г.

Без подписи.

---

¹ Прозвище, полученное Фремоном за его исследования Западной Америки. *Ред.*

ИНЦИДЕНТ С «ТРЕНТОМ».

Лондон, 28 ноября [1861 г.]

Столкновение английского почтового парохода «Трент» с североамериканским военным судном «Сан-Хасинто» в узком проходе Старого Багамского канала является злобой дня. 8 ноября после полудня почтовый пароход «Ла-Плата» привез известие об этом инциденте в Соутгемптон, откуда телеграф немедленно же разнес его по всем частям Великобритании. В тот же вечер лондонская биржа стала ареной бурных сцен, наподобие тех, какие разыгрались в момент объявления итальянской войны. Курсы государственных бумаг упали на $\frac{3}{4}$ — 1 $\frac{1}{2}$ %. Самые дикие слухи распространялись по Лондону. Говорили, будто американскому посланнику Адамсу были вручены паспорта, что на все американские суда, стоящие на Темзе, якобы наложено эмбарго и т. д. Одновременно с этим на ливерпульской бирже купцы созвали митинг протеста с целью призвать английское правительство к принятию мер для отмщения за поруганную честь британского флага. Каждый средний англичанин ложился спать в убеждении, что заснет он при мирном, а проснется уже при военном положении.

Но несмотря на все это, можно почти категорически утверждать, что столкновение между «Трентом» и «Сан-Хасинто» не таит в себе *никакой войны*. Полуофициальная пресса вроде «Times» и «Morning Post» призывает к спокойствию и обливает пламя страстей юридически-холодными дедукциями. Газеты вроде «Daily Telegraph», которые при малейшем призыве к порядку поднимают рев в защиту британского льва, представляют настоящий образец умеренности. Только торийская оппозиционная пресса — «Morning Herald» и «Standard» — выходит из себя. Факты эти заставляют всякого разбирающегося в делах притти к выводу, что министерство уже приняло решение не делать из этого «untoward event» [неприятного эпизода] повода для войны.

К тому же это событие, если и не в деталях, можно было предвидеть заранее. Гг. Слайдель, посол Конфедерации во Францию, и Месон, посол Конфедерации в Англию, вместе со своими секретарями

рями Кестисом и Мак-Фарленом, прорвали 18 октября на пароходе «Теодора» блокаду Чарльстона и отплыли в Гаванну, чтобы сделать там попытку перебраться в Европу под английским флагом. Прибытие их ожидалось в Англии со дня на день. Северо-американские военные суда отплыли из Ливерпуля, чтобы перехватить этих господ вместе с их депешами по эту сторону Атлантического океана. Английское министерство предложило на рассмотрение своим официальным юрисконсультам вопрос о том, имеют ли северо-американцы право предпринять подобный шаг. Эти юрисконсульты, повидимому, дали утвердительный ответ.

Юридически вопрос вращается в узком кругу. Со времени образования Соединенных Штатов Северная Америка усвоила *английское* морское право во всей его строгости. Основное положение этого морского права гласит, что *все нейтральные торговые суда подлежат осмотру* со стороны воюющих держав. «Это право, — сказал лорд Стоуэль в своем ставшем знаменитым судебном решении, — является единственной гарантией против того, чтобы на нейтральных судах не перевозилось никакой контрабанды». Величайший американский авторитет *Кент* высказывается в том же смысле: «Право это вытекает из права воюющей нации на самосохранение. Доктрина *английских* адмиралтейских судов относительно права осмотра и обыска полностью признана судами нашей страны». Вовсе не борьба с правом обыска, как это иногда ошибочно утверждают, вызвала англо-американскую войну 1812 — 1814 годов. На самом деле Америка объявила войну потому, что Англия незаконно присвоила себе право обыска даже американских военных кораблей под предлогом поимки беглых английских матросов.

Итак, «Сан-Хасинто» имел право обыскать «Трент» и конфисковать находящуюся на нем контрабанду. Что *депешы*, имевшиеся у Месона, Слайделя и К^о, относятся к категории контрабанды, признают даже «Times», «Morning Post» и т. п. Остается невыясненным лишь вопрос о том, подходят ли сами господа Слайдель, Месон и К^о, под категорию контрабанды и нужно ли на этом основании конфисковать их! Пункт этот довольно щекотлив, и по поводу его доктора права придерживаются различных точек зрения. *Прайт*, самый крупный английский авторитет по вопросу о «контрабанде», в отделе «*Квази-контрабанда — депешы, пассажиры*» упоминает «пересылку информации и приказов какого-либо воюющего правительства его иностранным агентам или перевозку военных пассажиров». Господа Месон и Слайдель, хотя и не офицеры, не являлись в то же время и посланниками, так как их правительства не признаны ни

Англией, ни Францией. Что же они представляют собой? Уже Джефферсон, в оправдание чрезвычайно широкого понятия контрабанды, которое применяла Англия во время англо-французских войн, заметил в своих мемуарах, что по самой своей природе контрабанда исключает всякое окончательное определение и неизбежно оставляет широкий простор произволу. Но во всяком случае видно, что этот юридический вопрос с почвы английского права переносится на почву дунс-скотовских контроверз, рассмотрение которых не выйдет за границы дипломатических нот.

Политическую сторону северо-американской процедуры «Times» совершенно правильно характеризует следующими словами: «Даже г. Сьюард должен согласиться, что доносящиеся из плена голоса южных комиссаров будут звучать в Лондоне и Париже в тысячу раз убедительнее, чем если бы они раздавались в Сент-Джемсе или Тюильри». Да и кроме того, разве Конфедерация уже не представлена в Лондоне гг. Янси и Менном?

Мы рассматриваем эту последнюю операцию г. Сьюарда как одну из характерных бестактностей сознательной слабости, которая надевает на себя маску силы. Если эта морская авантюра ускорит удаление Сьюарда из вашингтонского кабинета, то у Соединенных Штатов не будет никакого основания заносить этот эпизод в летописи своей гражданской войны как «untoward event» [неприятный эпизод].

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 331
от 2 декабря 1861 г.*

Без подписи.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ КОНФЛИКТ ¹.

Лондон, 29 ноября [1861 г.]

Коронные адвокаты должны были вчера высказать свое мнение по поводу морского инцидента в Багамском канале. Их процессуальные документы состояли из письменных показаний оставшихся на борту «Трента» английских офицеров и из устного показания командора Вильямса, находившегося на борту «Трента» в качестве агента адмиралтейства; прибыв 27 ноября с пароходом «Ла-Плата» в Суутгемптон, он был немедленно вызван оттуда по телеграфу в Лондон. Коронные адвокаты признали право «Сан-Хасинто» подвергнуть обыску «Трент». По этому пункту не могло быть никаких сомнений, так как прокламация королевы Виктории о нейтралитете, выпущенная в начале американской гражданской войны, совершенно ясно зачисляет *депешии* в категорию контрабанды. Оставался, следовательно, вопрос о том, представляли ли собою контрабанду и в качестве таковой сами подлежали ли конфискации господа Месон, Слайдель и К^о. Коронные адвокаты придерживаются, повидимому, такого взгляда, ибо целиком оставили в стороне рассмотрение материальной стороны юридического вопроса. Судя по отчету «Times», в своем заключении они обвиняют командира «Сан-Хасинто» только в процессуальной ошибке. Вместо того, чтобы захватывать господ

¹ Статья Маркса предпослано следующее введение от редакции «Die Presse»:

«Если еще требовалось доказательство того, что парижский кабинет восгорженнее всех приветствовал превращение эпизода с «Трентом» в настоящую англо-американскую морскую войну, то таковым является поведение официальной и официозной парижской прессы. Не успела еще «Patrie» торжествующе сообщить своим читателям, что население северных штатов устроило демонстрации, настаивая на энергичном отпоре всем требованиям об удовлетворении, исходящим от англичан, как она уже передает не менее воинственные слухи из Лондона. Так, она сообщает, будто на заседании совета министров, состоявшемся в Лондоне 30 ноября, было решено, в случае неблагоприятного приема вашингтонским кабинетом ноты лорда Лайонса, признать южные штаты и аккредитировать при президенте Джефферсоне Девисе британского поверенного в делах. Но науськиванием и травлей занимается не только «Patrie». «Moniteur» работает в том

Месона, Слайделя и К^о, он должен был взять на буксир пароход «Трент» в качестве приза, отвести его в ближайший американский порт и там передать его на рассмотрение северо-американского призового суда. Такова, бесспорно, процедура, соответствующая английскому, а следовательно и северо-американскому морскому праву.

Столь же бесспорно, что во время антиякубинской войны англичане часто нарушали это правило, а в инциденте с «Сан-Хасинто» истолковали его самым общим образом. Как бы то ни было, благодаря этому решению коронных юристов весь конфликт сведен к *технической ошибке* и потому потерял всякое непосредственное значение. Для союзного правительства принятие такого истолкования и представление формального удовлетворения облегчается двумя обстоятельствами. Во-первых, командир «Сан-Хасинто» капитан Вилькс не мог получить из Вашингтона никаких прямых инструкций. Возвращаясь из Африки в Нью-Йорк, он высадился 2 ноября в Гаванне, а 4 ноября оставил ее, между тем как столкновение с «Трентом» произошло 8 ноября в открытом море. Двухдневное пребывание капитана Вилькса в Гаванне не давало ему никакой возможности обменяться мнениями со своим правительством. Союзный консул был единственным представителем американской власти,

же духе. Из Суутгемптона пишут в «Moniteur» следующее: «В Суутгемптоне придерживаются мнения, что это событие может повлечь за собой серьезные последствия. Взгляд этот, впрочем, разделяется всеми. А так как южные штаты пользуются в Англии большими симпатиями, то этот инцидент не преминет еще больше увеличить число их сторонников».

Сейчас еще нет никаких положительных данных, указывающих, каким образом французское правительство рассчитывает использовать возможную войну между Англией и американским Союзом, но распространяемые из Парижа зловещие слухи как будто свидетельствуют о том, что такая война была бы весьма на руку тюильрийским политикам и что последние искренно желают этого бедствия. Подобная позиция Франции служит предостережением для сент-джемского кабинета, и вряд ли можно думать, что последний не заметит этого. Следует также подчеркнуть то обстоятельство, что, за исключением «Morning Post», поведение лондонской прессы, и особенно «Times», весьма умеренно и осторожно. От нашего лондонского корреспондента, прекрасно знакомого с англо-американскими отношениями, мы получили письмо, датированное 29 ноября, в котором эпизод с «Трентом» изображается во многих отношениях гораздо менее опасным для мира на Западе, чем это можно было предполагать на основании первых депеш из Лондона, заявлений «Morning Post» и официальных парижских газет. Сообщение нашего лондонского корреспондента прежде всего проливает свет на *решение коронных юристов*, опровергает мнение, будто «Сан-Хасинто» насильственно арестовал гг. Месона, Слайделя и К^о по поручению вашингтонского кабинета и вскрывает истинное значение пресловутого ливерпульского митинга протеста. Предоставляем слово нашему корреспонденту». *Ред.*

с которым он мог вести переговоры. Во-вторых, он, очевидно, потерял голову, как это доказывает его отказ в выдаче депеш.

Важность этого события заключается в том моральном влиянии, которое оно оказало на английский народ, и в том обстоятельстве, что английские хлопчатобумажные друзья сецессионистов могут легко нажать на этом политический капитал. Для характеристики этих последних может служить устроенный ими ливерпульский митинг протеста, о котором я уже упоминал раньше. Митинг состоялся 27 ноября в 3 часа пополудни в хлопковом аукционном зале ливерпульской биржи, через час после того, как из Соутгемптона пришла тревожная телеграмма.

После напрасных попыток навязать председательство Кенарду, владельцу кенардских пароходов, совершающих рейсы между Ливерпулем и Нью-Йорком, и другим крупным представителям торговли, место председателя занял один молодой купец по имени *Спенс*, известный тем, что он издал брошюру в защиту рабовладельческой республики. Вопреки правилам английских митингов сам председатель внес предложение «потребовать, чтобы правительство защитило достоинство британского флага, настояв на скорейшем удовлетворении за нанесенное оскорбление». Это было встречено громкими знаками одобрения, аплодисментами и бесчисленными возгласами: браво, браво! Главный аргумент защитника рабовладельческой республики заключался в том, что американский флаг защищал до сих пор провозившие рабов корабли от осмотра со стороны Англии, — право, которое та признавала за собой. И этот филантроп разразился бешеными выходками по адресу торговли рабами! Он признал, что войну 1812 — 1814 гг. с Соединенными Штатами вызвала Англия, так как она настаивала на праве обыска военных судов Союза с целью обнаружения дезертировавших английских матросов. «Но, — продолжал он удивительно диалектически, — но какая большая разница существует между правом обыска в целях поимки дезертиров, бежавших из английского флота, и правом насильственного захвата таких глубокоуважаемых людей, как господ *Месон* и *Слайдель*, пользующихся охраной английского флага». Однако главный козырь он приберет к концу своей тирады: «Недавно, — ревел он, — я был на европейском континенте. Я краснел со стыда от замечаний, которые делают там по поводу нашего отношения к Соединенным Штатам. Что говорит каждый интеллигентный человек на континенте? Говорят, что мы решили рабски переносить всякую несправедливость, всякое оскорбление нашего достоинства со стороны правительства Соединенных Штатов. Что

мог я на это ответить? Только краснеть. Но повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить (*Aber der Krug geht so lange zu Wasser, bis er bricht*). Терпение наше длилось достаточно долго, столь долго, насколько это возможно было, чтобы держать его под контролем. В настоящее время мы стоим наконец лицом к лицу с фактами (!), и это очень неприятный и поразительный факт (!), и долг каждого англичанина — осведомить правительство, насколько решительно и единодушно чувство этой великой страны по поводу нанесенного ее флагу оскорбления».

Это бессмысленное словоизвержение было встречено громом одобрений. Возражения противников тонули в криках, шиканьи и грохоте. На замечание некоего господина Кемпбелла, что весь этот митинг «ведется не по правилам», неумолимый Спенс ответил: «Пусть так, но сам факт, который мы должны рассмотреть, также противоречит правилам». В ответ на предложение некоего господина Тернера перенести митинг на следующий день, «дабы город Ливерпуль мог принять участие в нем и имя его не узурпировалось кликой хлопчатобумажных маклеров», со всех сторон послышались голоса: «Схватите его за шиворот, вышвырните его вон!» Нисколько не смущаясь, господин Тернер повторил свое предложение, которое, вопреки всем правилам английских митингов, не было поставлено на голосование. Спенс победил. Но на самом деле ничто так не способствовало охлаждению настроения в Лондоне, как известие об этой победе г. Спенса.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 332

от 3 декабря 1861 г.

Без подписи.

ГЛАВНЫЕ АКТЕРЫ ДРАМЫ «ТРЕНТА».

Лондон, 4 декабря [1861 г.]

В настоящий момент представляет известный интерес ознакомиться с главными фигурами, выступающими в драме, разыграншейся на «Тренте». С одной стороны, выступает активный герой, командир «Сан-Хасинто», капитан *Вилькс*, с другой стороны — пассивные герои — *Дж. М. Месон* и *Джон Слайдель*. Капитан Чарльз Вилькс — прямой потомок брата знаменитого английского демагога Вилькса, который одно время грозил поколебать трон Георга III. Борьба с северо-американскими колониями спасла тогда ганноверскую династию от взрыва английской революции, симптомы которой проявлялись с одинаковой ясностью как в криках Вилькса, так и в письмах Юннуса. Капитан Вилькс, родившийся в Нью-Йорке в 1805 г., пробыл сорок три года на службе в американском флоте и командовал эскадрой, которая в 1838 — 1842 гг. производила разведки на севере и юге Тихого океана по поручению правительства Союза. Он опубликовал отчет об этой экспедиции в пяти томах. Далее, он является автором сочинения о Западной Америке, единственного ценного источника, сообщающего сведения о Калифорнии и Орегонской области. В настоящее время твердо установлено, что Вилькс импровизировал свое выступление самостоятельно и без указаний со стороны Вашингтона.

Оба захваченных комиссара Южной конфедерации — гг. *Месон* и *Слайдель* — являются во всех отношениях его противоположностями. *Месон*, родившийся в 1798 г., происходит из старинной аристократической виргинской семьи, которая бежала из Англии после того, как роялисты потерпели поражение в битве при Вустере. Дед нашего героя принадлежит к кругу тех людей, которых американцы наряду с Вашингтоном, Джефферсоном и др. называют «the revolutionary fathers» [отцами революции]. *Джон Слайдель* не аристократического происхождения, как его коллега, и не является, как *Месон*, рабовладельцем по рождению. Родной город его — Нью-Йорк, где его дед и отец были честными tallow-chandlers [торговцами сальных свечей]. После нескольких лет изучения юриспруденции

Месон выступил на политической сцене. С 1826 г. он несколько раз был членом виргинской палаты депутатов, в 1837 г. в течение одной сессии был членом палаты представителей американского конгресса, но приобрел влияние только после 1847 года. В этом году Виргиния избрала его в американский сенат, в котором он и оставался до весны 1861 года. Слайдель, которому сейчас 68 лет, должен был оставить Нью-Йорк еще в свои ранние годы вследствие нарушения супружеской верности и дуэли, — словом, вследствие какой-то давней скандальной истории. Он отправился в Новый Орлеан, где жил сначала карточной игрой, а затем адвокатурой. Сначала простой член Луизианского законодательного собрания, он затем пробил себе дорогу в палату представителей и, наконец, в сенат американского конгресса. Руководитель избирательными мошенничествами во время президентских выборов 1844 г., позднее участник в мошеннических спекуляциях государственными землями, он до известной степени шокировал даже тот вид морали, который общераспространен в Луизиане.

Месон унаследовал влияние, Слайдель добился его. Оба они нашли свое настоящее место и дополняли друг друга в американском сенате, этой цитадели рабовладельческой олигархии. Согласно американской конституции, сенат выбирает особый комитет по иностранным делам, играющий приблизительно такую же роль, какую раньше играл в Англии тайный совет (privy council) до того, как функции его были узурпированы так называемым кабинетом, величиной, теоретически неизвестной английской конституции. Месон был долгое время председателем этого комитета, а Слайдель — его выдающимся членом.

Месон, твердо убежденный в том, что каждый виргинец есть полубог, а каждый янки — плебей и прохвост, никогда не старался скрывать своего презрения к своим северным коллегам. Надменный, заносчивый, наглый, он умел мрачно морщить лоб, подобно Зевесу, и фактически переносил в сенат манеры, сложившиеся на плантации. Фанатичный панегирист рабства, бесстыдный клеветник Севера и особенно северного рабочего класса, любитель громовых тирад против Англии, Месон утомлял сенат неустанной назойливостью своего упрямого словоизвержения, которое напрасно старалось бессодержательной пышностью слов прикрыть полную пустоту содержания. В виде демонстрации он в последние годы одевался в серый парусиновый костюм домашнего виргинского производства, но, — и это характеризует человека, — серый сюртук был украшен бросавшимися в глаза пуговицами, сделанными в штате Новой Англии — Коннектикуте.

В то время как Месон держался на авансцене, играя роль Юпитера-громовержца рабовладельческой олигархии, Слайдель работал за кулисами. Обладая редким талантом к интригам, неутомимостью и выдержкой, бессовестностью и бесцеремонностью, но в то же время осторожный, скрытный, никогда не выступающий прямо, а всегда идущий извилистыми путями, — Слайдель был душой конклава южных заговорщиков. О репутации этого человека можно судить уже по тому, что когда в 1848 г., незадолго до начала войны с Мексикой, его послали туда в качестве посланника, Мексика отказалась иметь какое бы то ни было дело с подобным субъектом. Благодаря интригам Слайделя президентом был избран Польк. Он же был одним из самых пагубных советников президента Пирса и злым гением правительства Бьюкенена. Оба они — Месон и Слайдель — выступали в качестве главных ораторов, отстаивавших закон о беглых рабах; оба они устраивали кровавые бани в Канзасе и оба были тайными инициаторами всех тех мероприятий, благодаря которым правительство Бьюкенена предоставило Югу все средства для отделения, в то время как Север оно сделало совершенно беззащитным.

Уже в 1855 г. Месон заявил на одном публичном собрании в Южной Каролине, что «для Юга остался только один путь — немедленное, абсолютное и вечное отделение». В марте 1861 г. он заявил в сенате, что «он не обязан allegiance (верностью) правительству Союза», но, тем не менее, остался на своем месте в сенате и продолжал получать свое жалованье сенатора, пока чувствовал там себя в личной безопасности. Таким образом, он играл роль шпиона в высшем совете нации и роль вероломного нахлебника у государственного казначейства.

Прабабушка Месона была дочерью знаменитого сэра Вильяма Темпля. Таким образом, он является дальним родственником Пальмерстона. Для народа Севера Месон и Слайдель были не только политическими противниками, но и *личными врагами*. Этим и объясняется всеобщее ликование по поводу их поимки, заглушившее в первые дни даже внимание к грозящей опасности со стороны Англии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 337

от 8 декабря 1861 г.

Без подписи.

СПОРЫ ВОКРУГ ДЕЛА «ТРЕНТА»¹.

Лондон, 7 декабря [1861 г.]

Пальмерстоновская пресса, — а я как-нибудь в другой раз покажу, что Пальмерстон в области иностранных дел так же держит под своим *безусловным* контролем девять десятых английской прессы, как Луи Бонапарт держит под своим контролем девять десятых французской, — пальмерстоновская пресса чувствует, что она работает в обстановке «дружеских препятствий». С одной стороны, она признает, что коронные юристы свели все обвинения по адресу Соединенных Штатов к *процессуальной ошибке, к технической оплошности*. С другой же стороны, она хвастливо заявляет, что на основании этих чисто адвокатских хитросплетений Соединенным Штатам должен быть поставлен *грозный ультиматум*, который можно было бы обосновать лишь значительным нарушением права, а отнюдь не формальной ошибкой, допущенной при осуществлении признанного права. Поэтому пальмерстоновская пресса сейчас опять поднимает вопрос о *материальной стороне* юридического вопроса. Чрезвычайная важность этого дела заставляет нас вкратце обрисовать эту *материальную сторону* права.

Предварительно заметим, что ни одна английская газета не осмеливается ставить в упрек «Сан-Хасинто» визит и обыск «Трента». Следовательно, этот пункт вне споров.

Затем припомним одно имеющее большее значение место из прокламации королевы Виктории о нейтралитете от 13 мая 1861 года. Место это гласит:

«Виктория королева. Так как мы находимся в мире с Соединенными Штатами..., то мы предостерегаем всех наших возлюбленных подданных, чтобы они нарушением законно признанной блокады или *перевозкой офицеров... депеш...* или какой-либо другой военной контрабанды не поступали вопреки нашей прокламации... Все лица, совершающие подобное нарушение права, подлежат различным наказаниям, установленным по отношению к ним английским муниципальным правом и международным правом... Лица эти никоим образом не получают

¹ Заглавие статьи принадлежит редакции. *Ред.*

нашей *защиты* от последствий их поведения, наоборот, они должны будут испытать последствия нашего нерасположения».

Итак, эта прокламация королевы Виктории с самого же начала объявляет депеши контрабандой и подвергает корабль, везущий такую контрабанду, «наказаниям согласно международному праву». Каковы же эти наказания?

Американский писатель по международному праву *Уитон*, авторитет которого одинаково признается по обе стороны Атлантического океана, говорит в своих «*Elements of International Law*» [«Элементы международного права»], стр. 565:

«Перевозка неприятельских депеш влечет за собой для перевозящего их *нейтрального судна захват в плен и конфискацию*. Последствия подобной услуги па много превышают последствия перевозки обычной контрабанды... Английский судья сэр *В. Скотт* говорит, что перевозка военного материала по самой своей природе ограничена, тогда как перевозка депеш представляет собою акт, который может расстроить весь план кампании неприятеля... Конфискация запрещенных предметов, являющаяся обычным наказанием за контрабанду, была бы смешной в отношении к депешам. За депеши не уплачивается никакого фрахта. Следовательно, конфискация их совершенно не затрагивает владельца судна, не наказывает перевозящее их судно. Поэтому «конфисковано должно быть само их перевозящее судно».

Уокер в своем «*Introduction of American Law*» [«Введение в американское право»] говорит:

«Подданные нейтральных держав не должны участвовать в перевозке *неприятельских депеш* под страхом *конфискации* корабля и его груза».

Кент, признанный выдающийся авторитет в *английском* суде, в своих «*Commentaries*» [«Комментарии»] говорит:

«Если при обыске корабля окажется, что он везет *неприятельские депеши*, то он подлежит захвату и конфискации по приговору призового суда».

Д-р Роберт Филлимор, «*Advocate of Her Majesty in Her Office of Admiralty*» [«Адвокат ее величества в адмиралтейском суде»] в своей последней работе по международному праву, стр. 370, говорит:

«Официальные сообщения должностного лица (*official*), касающиеся дел воюющего правительства, являются *депешами* и характеризуют перевозящих их лиц (*carriers*) как неприятелей. Вредные последствия подобной услуги неисчислимы и выходят далеко за пределы обычной контрабанды, ибо ясно, что благодаря перевозке подобных депеш можно содействовать успеху важнейших планов воюющей армии или, наоборот, сокрушить их... Наказанием за это является конфискация не только корабля, перевозящего депеши, но и его груза».

Итак, твердо установлены два пункта. Прокламация королевы Виктории от 13 мая 1861 г. грозит *английским* судам, перевозящим

депеш Конфедерации, наказаниями согласно международному праву. Международное же право, согласно его английским и американским истолкователям, в качестве наказания определяет арест и конфискацию этих судов.

Поэтому пальмерstonовские органы *мгали*, исполняя поручение свыше, — а мы были достаточно наивны, веря в эту ложь, — что капитан «Сан-Хасинто» не искал депеш на «Тренте» и потому не обнаружил их; что поэтому «Трент», благодаря такому недосмотру, должен был остаться неприкосновенным. Наоборот, американские газеты от 17 — 20 ноября, которые еще не могли знать об английской лжи, *единогласно* утверждают, что депеш *были захвачены* и уже перепечатываются для представления их конгрессу в Вашингтоне. Это меняет все дело. Ввиду наличности этих депеш «Сан-Хасинто» имел право взять «Трент» на буксир, а каждый американский призывной суд обязан был конфисковать пароход и его груз. Вместе с «Трентом» ведению американской юрисдикции неизбежно подлежали и его пассажиры.

Г-да Месон, Слайдель и К^о, немедленно по прибытии «Трента» в Монроэ, подпали бы как мятежники под действие американской юрисдикции. Поэтому, если капитан «Сан-Хасинто» ограничился лишь захватом депеш и перевозивших их лиц, вместо того, чтобы увести и «Трент» в американскую гавань, то этим он несколько не ухудшил положения Месона, Слайделя и К^о, между тем как пароходу, его грузу и его пассажирам эта *ошибка в процедуре* принесла только пользу. Было бы поистине невероятно, если бы Англия пожелала объявить войну Соединенным Штатам на том основании, что капитан Вилькс совершил процессуальную ошибку, вредную для Соединенных Штатов, но выгодную для Англии.

Вопрос о том, являются ли контрабандой сами Месон, Слайдель и К^о, был поставлен и мог быть поставлен только потому, что пальмерstonовские газеты распространяли *ложь*, будто капитан Вилькс не искал депеш и не захватил их. В этом случае Месон, Слайдель и К^о являлись бы на пароходе «Трент» действительно единственным объектом, который можно включить в категорию контрабанды. Но отвлечемся на минуту от этого обстоятельства. Прокламация королевы Виктории называет контрабандой «офицеров» воюющей стороны. Являются ли «офицерами» только военные офицеры? Были ли Месон, Слайдель и К^о «офицерами» Конфедерации? «Officers», — говорит *Самюэль Джонсон* в своем словаре английского языка, — это «men employed by the public» [люди, находящиеся на общественной службе], т. е. по-немецки «öffentliche Beamte» [официальные чинов-

ники]. То же объяснение дает и *Уокер* (см. его словарь, издание 1861 года).

Итак, согласно английскому словоупотреблению, Месон, Слайдель и К^о, являющиеся эмиссарами, т. е. чиновниками Конфедерации, попадают в категорию «офицеров», которых королевская прокламация объявляет *контрабандой*. Капитан «Трента» *знал*, что они являются таковыми, и потому подвергал себя, свой корабль и своих пассажиров риску конфискации. Если, согласно Филлимору и всем прочим авторитетам, корабль, *перевозящий* неприятельские депеши, подлежит конфискации, так как он нарушает нейтралитет, то в еще большей степени конфискации подлежит *лицо*, перевозящее депеши. Согласно *Уитону*, даже посланник неприятельской державы подлежит задержанию, пока он находится в пути. Вообще основой всего международного права является положение, что всякое лицо, принадлежащее к воюющей стороне, может рассматриваться противоположной стороной как «лицо, ведущее войну», и подлежит соответствующему обхождению. «Пока человек,— говорит *Ваттель*,— продолжает оставаться гражданином своей страны, он является врагом для всех тех, с которыми его нация находится в состоянии войны». Итак, мы видим, английские коронные юристы свели спорный пункт к простой *процессуальной ошибке* — не к ошибке по существу, а к ошибке по форме, так как в действительности не было никакого *нарушения материального права*. Пальмерстоновские органы снова поднимают вопрос о материальной стороне права только потому, что процессуальная ошибка, да притом еще *в пользу «Трента»*, не может служить веским предлогом для предъявления высокомерного ультиматума.

Между тем, в этом же смысле высказались влиятельные люди из двух диаметрально противоположных лагерей: — с одной стороны — гг. *Брайт* и *Кобден*, с другой стороны — *Давид Уркарт*. Они — принципиальные и личные враги. Двое первых — миролюбивые космополиты, а Уркарт — «*последний англичанин*»; первые всегда готовы принести в жертву международной торговле все международное право, а последний, ни минуты не колеблясь, признает принцип «*fiat justitia, pereat mundus*» [пусть гибнет мир, но торжествует правосудие], причем под «правосудием» он разумеет «английское» правосудие. Мнения *Брайта* и *Кобдена* важны потому, что лица эти представляют сильную фракцию буржуазии и представлены в министерстве Гладстоном, Мильнером-Гибсоном и в большей или меньшей степени сэром Корнуоллом Льюисом. Мнение Уркарта важно потому, что международное право он изучал в течение всей

своей жизни, и его признают *неподкупным* истолкователем этого международного права.

Речь Брайта в пользу Соединенных Штатов и письмо Кобдена, составленное в том же духе, будут переданы через обычные источники газетной информации. Поэтому на них я останавливаться не буду.

Орган *Уркорта* «Free Press» в последнем номере от 4 декабря говорит следующее:

«Мы должны бомбардировать Нью-Йорк!» Эти безумные крики восемь дней назад можно было слышать на всех улицах Лондона в тот вечер, когда пришло известие о совершенно незначительном военном событии. Подобный акт захвата на борту нейтрального судна лиц и имущества враждебной державы *Англия совершала во всякой войне как нечто само собой разумеющееся*.

«Free Press» говорит далее, что в 1856 г. на Парижском конгрессе Пальмерстон, без каких-либо полномочий от короны или парламента, поступился английским морским правом *в интересах России*, и продолжает:

«Для того, чтобы оправдать эту жертву, газеты Пальмерстона заявляли тогда следующее: *«Если бы мы сохранили за собой право осмотра и обыска, то при первой же войне в Европе мы неизбежно вступились бы в войну с Соединенными Штатами»*. А теперь на страницах тех же газет Пальмерстон требует бомбардировки Нью-Йорка на том основании, что Соединенные Штаты действуют на основе того самого права, которое одинаково признается и нами, и ими».

Относительно позиции «органов общественного мнения» «Free Press» замечает:

«Ослиный крик оттаявшего почтового рожка, о котором повествует барон Мюнхгаузен, ничто по сравнению с разногласием британской прессы по поводу взятия в плен Месона и Слайделя».

Затем газета юмористически сопоставляет в «строфах» и «анти-строфах» те противоречивые положения, которыми английская пресса хочет доказать «нарушение права» Соединенными Штатами.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 340

от 11 декабря 1861 г.

Без подписи.

ПРОЦЕСС О КЛЕВЕТЕ.

Лондон, 19 декабря [1861 г.]

Древние египтяне, как известно, довели до высокой степени совершенства *разделение труда*, поскольку речь идет обо всем обществе в целом, а не об отдельной мастерской. Почти каждая часть тела подлежала лечению особого врача, врачебная деятельность которого по закону ограничивалась только данной определенной областью. Воровство было родом особой профессии, старшина которой считался признанным должностным лицом. Однако, как жалко выглядит древне-египетское разделение труда по сравнению с современным английским! Странность отдельных видов заработка в Лондоне поражает нас не менее, чем их градация.

Одной из таких курьезных отраслей промышленности является *шпионаж*. Он подразделяется прежде всего на две больших отрасли — *гражданский шпионаж* и *политический шпионаж*. Последний мы в данном случае совершенно оставляем в стороне. Гражданский шпионаж в свою очередь распадается на два больших отдела — *официальный шпионаж* и *частный*.

Официальным шпионажем, с одной стороны, занимаются *detectives* [сыщики], которые оплачиваются государством либо городскими властями, и, с другой стороны, — *common informers* [простые осведомители], которые шпионят на свой собственный страх и риск и оплачиваются полицией *jobwork* [сдельно].

Область частного шпионажа распадается на многообразные подразделения, которые, однако, можно в общем свести к двум главным рубрикам. Одна рубрика охватывает *некоммерческие* частные отношения, другая — *коммерческие*. По первой рубрике, в которой чрезвычайно большую роль играет выслеживание супружеской неверности, стяжал себе европейскую известность институт *Фильда*. О работе *коммерческого шпионажа* можно составить себе более близкое представление по следующему инциденту.

Во вторник на прошлой неделе Court of Exchequer [суд казначейства] рассматривал дело о клевете, в котором в качестве обвиняемого выступала здешняя еженедельная газета «Lloyd's Weekly News»,

а в качестве обвинителя — фирма *Стеббс и К^о*. Стеббс и К^о издавала еженедельную газету под названием «*Stubbs' Gazette*», орган «Общества Стеббса по охране торговли». Газета эта рассылается подписчикам, уплачивающим 3 гинеи в год, но в противоположность прочим газетам не продается отдельными номерами у книготорговцев, на улице, на железных дорогах и т. д. В сущности, она представляет собою проскрипционный лист на несостоятельных должников, окончательно впавших в это состояние. «Общество по охране торговли» Стеббса выслеживает неплатежеспособность частных индивидуумов, а газета Стеббса печатает их фамилии черным по белому. Число подписчиков достигает двадцать тысяч.

И вот еженедельник *Ллойда* опубликовал статью, где между прочим говорилось: «Долг каждого честного человека — положить конец этой постыдной системе *шпионажа*». За эту клевету Стеббс потребовал судебного возмездия.

После того как адвокат истца, доктор Ши, излил поток своего ирландского красноречия, истцу Стеббсу пришлось выдержать *перекрестный допрос* (в сущности перекрестный огонь, которому подвергаются свидетели во время допроса) доктора Баллантайна, адвоката еженедельника Ллойда. Состоялся следующий юмористический диалог.

Баллантайн: Требуете ли вы от ваших подписчиков определенной информации?

Стеббс: Я требую от подписчиков сообщать мне имена лиц, которых они считают обманщиками. Затем мы расследуем дело. Сам я расследованиями не занимаюсь. У меня имеются агенты в Лондоне и в других крупных городах. В Лондоне я держу девять или десять агентов, получающих годовое жалованье.

Баллантайн: Сколько получают эти джентльмены за собиранье информации?

Стеббс: От 150 до 200 фунтов стерлингов.

Баллантайн: И кроме того новый костюм? Ну, а что же происходит, если одному из этих столь хорошо оплачиваемых джентльменов удастся поймать обманщика?

Стеббс: Мы публикуем его имя.

Баллантайн: Лишь в том случае, если это закоренелый обманщик? — Да. — Ну, а если он обманщик только наполовину? — Тогда мы вносим его в наш реестр. — До того времени, когда он не распустится полным цветом, после чего вы публикуете его имя? — Да. — Вы публикуете автографы обманщиков? — Да. — И в интересах торговли вы еще более повышаете за это сумму из-

держек. Вы публикуете фотографии обманщиков? — Да. — Вы не содержите тайного полицейского бюро? Вы не стоите в связи с господином Фильдом? — Я рад, что могу сказать: нет! — Но в чем же разница между вами? — Я отказываюсь отвечать на этот вопрос. — Что вы подразумеваете под вашими «легальными агентами»? — Это связано с взысканием долгов. Под этими лицами я подразумеваю солиситоров (нечто среднее между адвокатом и судебным приставом), которые исполняют поручения подписчиков на условиях, упомянутых в проспектах. — Итак, вы являетесь также взыскателем долгов? — Я взыскиваю долги через 700 солиситоров. — Боже мой! Вы держите 700 солиситоров, и мир все еще существует! Но скажите — вы содержите солиситоров или солиситоры содержат вас? — Они сами содержат себя. — Приходилось ли вам вести и другие судебные дела? — Да, около полдюжины. — Доводили ли вы их до судебного решения? — Да. — Выносилось ли когда-либо решение в вашу пользу? — Один раз. — Что означает в вашей газете рубрика «Запрашиваемые адреса», после которой следует целый список имен? — Это сбежавшие должники, местопребывание которых не могли обнаружить ни мы, ни наши подписчики. — Как организовано ваше дело? — Наше центральное бюро находится в Лондоне, а филиальные бюро — в Бирмингеме, Глазго, Эдинбурге и Дублине. Дело это перешло мне по наследству от отца. Первоначально он вел его в Манчестере.

После этого адвокат Баллантайн в своей речи безжалостно набросился на Стеббса, «смешное и самодовольное поведение которого во время дачи показаний во всяком случае доказывает, что он, подобно навозному жуку, совершенно не понимает всей грязи той стихии, в которой он вращается». Английская торговля, должно быть, очень глубоко пала, раз она нуждается в подобных охранителях. Эта недостойная система шпионства дает в руки Стеббсу страшное оружие для денежных вымогательств и т. д.

Лорд-председатель суда (Chief Baron), судивший в этом процессе, в своем резюме стал на сторону защиты. Он закончил свою речь следующими словами: «Присяжные многим обязаны свободе прессы, но не потому присяжные пользуются независимостью, что пресса свободна, а, наоборот, пресса свободна потому, что присяжные пользуются независимостью. Вы должны взвесить, не переходит ли инкриминируемая статья границ местной критики. Стеббс занимает общественный пост и поэтому подлежит критике. Если вы думаете, что еженедельник Ллойда перешел границы честной критики, тогда вы должны присудить истцу *соответствующее* возмещение».

Присяжные удалились в совещательную комнату. После пятнадцатиминутного обсуждения они снова появились в зале суда с решением: право на стороне истца Стеббса, которому и присуждается возмещение за оскорбление его чести в размере *1 фартинга*. Фартинг — самая мелкая английская монета, соответствующая французскому сантиму и немецкому пфеннигу. Стеббс вышел из Гильд-Голла под оглушительный хохот многочисленной аудитории и под восторгом нескольких свдих поклонников, от навязчивых оваций которых его скромная особа спаслась только бегством.

Написана К. Марксом

Напечатана в «Die Presse» № 353

от 24 декабря 1861 г.

Без подписи.

ВАШИНГТОНСКИЙ КАБИНЕТ И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ.

Одной из замечательнейших неожиданностей столь богатой неожиданностями англо-франко-русской войны бесспорно явилась принятая в Париже весной 1856 г. «Декларация о морском праве». Когда началась война с Россией, Англия не пустила в ход своего страшнейшего оружия — конфискации принадлежащих неприятелю товаров на нейтральных судах и каперства. По окончании войны Англия разбила это оружие и возложила обломки его на алтарь мира. Россия, мнимо побежденная сторона, получила уступку, которой она упорно, но тщетно добивалась со времен Екатерины II путем ряда «вооруженных нейтралитетов», войн и дипломатических интриг. Напротив, Англия, мнимый победитель, отказалась от мощных наступательных и оборонительных средств, созданных ее морским могуществом и отстаиваемых ею в течение полутора столетия лет против всего вооруженного мира.

Гуманистические мотивы, послужившие предлогом для декларации 1856 г., исчезают при самой поверхностной проверке. Каперство отнюдь не является большим *варварством*, чем действия партизанских отрядов или герильеров в сухопутной войне. Каперские суда — это морские герильеры. Конфискация частных имуществ воюющей нации производится и во время сухопутной войны. Разве, например, военные реквизиции затрагивают только неприятельскую казну, а не также и имущество частных лиц? Природа сухопутной войны защищает безопасность неприятельского имущества, находящегося на нейтральной территории, тем самым под суверенитетом нейтральной державы. Природа морской войны стирает эти грани, ибо море, как общая большая дорога всех наций, не может находиться под суверенитетом какой-либо нейтральной державы.

Но на деле под филантропическими фразами декларации 1856 г. скрыта большая бесчеловечность. Декларация принципиально превращает войну из войны народов в войну правительств. Она присваивает имуществу неприкосновенность, в которой отказывает

личности. Она освобождает торговлю от ужасов войны и тем самым делает торговые и промышленные классы равнодушными к ужасам войны. Впрочем, само собой понятно, что гуманистические предлоги декларации 1856 г. были предназначены лишь для европейской галлерки, совершенно так же, как и религиозные предлоги Священного союза.

Общезвестный факт, что лорд *Кларендон*, который на Парижском конгрессе вычеркнул английское морское право, об этом предварительно не уведомил королеву и не получил на это полномочий, как он впоследствии признался в верхней палате. Все его полномочия заключались в *частном письме* Пальмерстона. Последний еще и до сих пор не решился испросить у английского парламента ратификации парижской декларации и подписи Кларендона под нею. Не говоря уже о прениях по существу декларации, были основания опасаться прений по конституционному вопросу — может ли английский министр узурпировать право и независимо от короны и парламента одним росчерком пера смести прочь древнюю основу английского могущества на море. Если этот министерский *coup d'état* [государственный переворот] не привел к бурным запросам, а, напротив, был молчаливо принят как *fait accompli* [совершившийся факт], то этим Пальмерстон обязан влиянию манчестерской школы. Она нашла, что представляемым ею интересам, а следовательно и филантропии, цивилизации и прогрессу, вполне соответствует новшество, которое позволит английским купцам продолжать вести без всяких помех торговлю с неприятелем на нейтральных судах, в то время как матросы и солдаты будут драться за честь нации. Манчестерские мужи ликовали по поводу того, что министр, действуя вопреки конституции, обязал Англию пойти на международные уступки, добившись которых конституционным, парламентским путем было немислимо. Отсюда теперешнее возмущение английской манчестерской партии разоблачениями Синей книги, представленной Сьюардом вашингтонскому конгрессу!

Как известно, Соединенные Штаты являются единственной великой державой, отказавшейся присоединиться к парижской декларации 1856 г. Если бы Соединенные Штаты отказались от каперства, им пришлось бы построить большой государственный военный флот. Всякое ослабление их морских военных сил угрожало им кошмаром постоянной сухопутной армии европейского масштаба. Несмотря на это, президент Бьюкенен выразил согласие принять парижскую декларацию, если будет гарантирована одинаковая неприкосновенность всякого имущества, как неприятельского, так и

нейтрального, находящегося на судах, за исключением военной контрабанды. Его предложение было отвергнуто. Теперь из Синей книги Сьюарда видно, что Линкольн, став президентом, тотчас предложил Англии и Франции, что Соединенные Штаты примкнут к парижской декларации, поскольку ею отменяется каперство, но под тем условием, что запрещение каперства будет распространено также на мятежные части Соединенных Штатов, т. е. на Южную конфедерацию. Практическим ответом, который он получил, было признание за Южной конфедерацией прав воюющей стороны.

«Гуманность, прогресс и цивилизация» подсказали кабинетам Сент-Джемса и Тюильри, что запрет каперства необычайно понизит шансы сецессионистов, а тем самым и распада Соединенных Штатов. Поэтому Конфедерацию в спешном порядке признали воюющей стороной, с тем, чтобы ответить затем вашингтонскому кабинету, что Англия и Франция не могут, разумеется, признать предложение одной из воюющих сторон законом, обязательным для другой из воюющих сторон. Такой же «благородной искренностью» проникнуты все дипломатические переговоры Англии и Франции с правительством Соединенных Штатов со времени начала гражданской войны; если бы «Сан-Хасинто» не задержал «Трента» в Багамском канале, то какой-нибудь иной инцидент послужил бы достаточным поводом для конфликта, на который рассчитывал лорд Пальмерстон.

Написана К. Марксом

*Напечатана в «Die Presse» № 354
от 25 декабря 1861 г.*

Без подписи.

МНЕНИЕ ГАЗЕТ И МНЕНИЕ НАРОДА.

Лондон, 25 декабря [1861 г.]

Континентальные политики, воображающие, будто лондонская печать является термометром настроений английского народа, неизбежно делают в настоящий момент ложные выводы. При первом известии об инциденте с «Трентом» английская национальная гордость стала на дыбы, и призыв к войне с Соединенными Штатами прозвучал почти во всех слоях общества. Лондонская пресса, напротив, проявляла подчеркнутую сдержанность, и даже «Times» сомневался, имеется ли вообще налицо *casus belli* [повод к войне]. Откуда это явление? Пальмерстон не был уверен, удастся ли коронным юристам выкопать какой-либо законный предлог к войне. Дело в том, что за полторы недели до прибытия «Ла-Платы» в Соутгемптон агенты Южной конфедерации в Ливерпуле обратились к английскому правительству с доносом, что американские крейсера намерены отплыть из *английских* портов и захватить господ Месона, Слайделя и др. в открытом море и просили вмешательства английского правительства. Согласно заключению коронных юристов, правительство отвергло ходатайство. Отсюда мирный и умеренный тон английской печати на первых порах в противоположность воинственному нетерпению народа. Но как только коронные юристы — генерал-атторней и генерал-солиситор, оба члены кабинета, — выкопали технический предлог для ссоры с Соединенными Штатами, роли народа и прессы взаимно переменились. Военная лихорадка в печати усиливалась по мере того, как она ослабевала в народе. В настоящий момент война с Америкой настолько же непопулярна во всех слоях английского народа, — за исключением друзей хлопка (*Baumwollfreunde*) и провинциальных дворян (*Krautjunker*), — насколько оглушителен воинственный вой печати.

Взглянем, однако, на лондонскую прессу! Во главе ее стоит «Times», главный редактор которого *Боб Лоу* некогда был демагогом в Австралии, призывая ее к отделению от Англии. Он второстепенный член кабинета, нечто вроде министра просвещения, и простая креатура Пальмерстона. «Punch» — это придворный шут «Times», превращающий

его sesquipedalia verba [высокопарные слова] в плоские острооты и бездарные карикатуры. Одного из старших редакторов «Punch» Пальмерстон пристроил в Board of Health (Комиссия здравоохранения) на годовой оклад в 1 000 фунтов стерлингов.

«Morning Post» только отчасти является частной собственностью Пальмерстона. Другая часть этого странного института продана французскому посольству. Остаток принадлежит «haute volée» [высшему классу] и поставляет точнейшие сведения придворным подхалимам и дамским портным. «Morning Post» поэтому английский народ зовет *Джескинсом* (тип лакея) печати.

«Morning Advertiser» является общей собственностью «licensed victuallers», т. е. трактиров, которым разрешено продавать не только пиво, но и водку. Она является также органом английских *пиэтистов*, а также — sporting characters, т. е. людей, которые наживаются на скачках, пари, боксе и т. п. Редактор газеты г. Грант, раньше работавший для газет в качестве стенографа, в литературном отношении совершенно неграмотный человек, удостоился чести получить доступ на частные вечера Пальмерстона. С того времени он бисером рассыпается перед «truly English minister» (истинно английским министром), которого он же разоблачал в начале русской войны как «русского агента». Надо добавить, что набожные покровители этой водочной газеты находятся под командой графа Шефтсбери и что Шефтсбери — зять Пальмерстона. Шефтсбери — папа lowchurch men [сторонников Низкой церкви], которые мирской спирт (profaner spiritus) бравого «Advertiser» закупоривают Sanctus Spiritus (святым духом).

«Morning Chronicle»: Quantum mutatus ab illo! [До чего изменилась!] На протяжении почти полу столетия — крупный орган партии вигов и не неудачный соперник «Times», но звезда газеты потускнела со времени войны вигов. Газета проделала всевозможные метаморфозы, превратилась в реппу raree [газету-копейку], пыталась жить «сенсациями», так, например, стала на сторону отравителя *Пальмера*. Затем продана французскому посольству, которому, однако, вскоре стало жаль бросать деньги на ветер. Тогда газета ударилась в антибонапартизм, однако и здесь не с большим успехом. Наконец она нашла долгожданного покупателя в лице гг. Янси и Менна — агентов Южной конфедерации в Лондоне.

«Daily Telegraph» представляет собой частную собственность некоего *Ллой*. Сама английская печать заклеяла его газету прозвищем mob paper of Palmerston (пальмерстоновский орган черни). Наряду с этой функцией газета занята chronique scandaleuse [скандальной

хроникой]. Для этого «Telegraph» характерно, что по прибытии известия о «Тренте» газета, по приказу свыше, заявила, что война невозможна. В навязанной ей роли достоинства и сдержанности газета показала себя самой себе столь странной, что с тех пор опубликовала полдюжины статей на тему о проявленных ею по этому случаю сдержанности и достоинстве. Как только был дан приказ перестроиться, «Telegraph» постарался вознаградить себя за навязанную ему сдержанность, пытаясь дикими военными воплями перекрычить всех сотоварищей.

«Globe» — министерская вечерняя газета, которая получает официальные субсидии от всех вигских министерств.

Позиция торийских газет «Morning Herald» и «Evening Standard», принадлежащих одной и той же лавочке, определяется двумя мотивами: с одной стороны, — врожденной традиционной ненавистью к «мятежным английским колониям», с другой стороны, — хроническим отливом в их кошелек. Они знают, что война с Америкой должна взорвать теперешний коалиционный кабинет и проложить путь торийскому кабинету. А вместе с торийским кабинетом вернутся официальные субсидии для «Herald» и «Standard». Поэтому и голодные волки так громко не воют, чуя добычу, как завывают эти торийские газеты, предчувствуя американскую войну и золотой дождь в результате этой последней!

Из лондонской ежедневной прессы стоит еще только упомянуть «Daily News» и «Morning Star», которые выступают против военных трубачей. «Daily News» стеснена в своем движении связью с лордом Джоном Росселем, а влияние «Morning Star» (орган Брайта и Кобдена) умаляется ее позицией как органа, стоящего за «мир любой ценой».

Большинство лондонских еженедельников является простым эхом ежедневных газет, следовательно в подавляющей части настроены воинственно. «Observer» находится на *содержании* у министерства. «Saturday Review» гонится за esprit [остроумием] и воображает, что овладела им, если подчеркнуто цинически издевается над «гуманитарными» предрассудками. Чтобы проявить остроумие, продажные адвокаты, попы и учителя, пишущие в этом журнале, с самого начала гражданской войны в Америке зубоскалили, одобряя рабовладельцев. Потом, разумеется, вместе с «Times» они затрубили в военные трубы. Они уже составляют план похода против Соединенных Штатов; от грубого невежества этих планов волосы встают дыбом.

В качестве более или менее достойных исключений следует упомянуть «Spectator», «Examiner» и особенно «Mac Millan's Magazine».

Итак, мы видим: в общем и целом лондонская пресса, — провинциальные газеты, за исключением хлопчатобумажных органов, представляют похвальный контраст, — это не что иное, как Пальмерстон и опять Пальмерстон. Пальмерстон хочет войны, английский народ ее не хочет. Ближайшие события покажут, кто одержит верх в этом поединке—Пальмерстон или народ. Во всяком случае он [Пальмерстон] ведет игру более опасную, чем Луи Бонапарт в начале 1859 г.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 360
от 31 декабря 1861 г.*

Без подписи.

ВРАНЬЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ. — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ.

Лондон, 31 декабря [1866 г.]

Повидимому, вера в чудеса исчезает из одной области только для того, чтобы обосноваться в другой. Изгнанная из мира природы, она воскресает в политике. Так, по крайней мере, думают парижские газеты и их союзники в телеграфном агентстве и в лавочках газетной информации. Вчерашние парижские вечерние газеты, например, сообщали следующее: лорд Лайонс заявил г. Сьюарду, что он будет ждать до вечера 20 декабря, а затем уедет в Лондон, если только вашингтонский кабинет откажется выдать арестованных. Стало быть, парижские газеты знали уже *вчера*, какие шаги были предприняты лордом Лайонсом *после* получения депеш, посланных ему с «Европой». А между тем сегодня еще в Европе не получено известий о прибытии «Европы» в Нью-Йорк. «Patrie» и К°, еще *до* получения известий о прибытии «Европы» в Америку, уже оповещают Европу о событиях, происшедших после прибытия «Европы» в Соединенные Штаты. «Patrie» и К°, очевидно, думают, что проворство не есть колдовство (*Geschwindigkeit ist keine Hexerei*). Одна здешняя газета замечает в статье о бирже, что эти парижские выдумки, точно так же, как поджигательные статьи некоторых английских газет, служат не только политическим спекуляциям известных носителей власти, но и *биржевым спекуляциям* некоторых частных лиц.

«Economist», до сих пор один из самых громких крикунов военной партии, публикует в своем последнем номере *письмо одного ливерпульского купца* и передовую, в которых английская публика предостерегается от недооценки опасности войны с Соединенными Штатами. Англия ввезла в течение 1861 г. хлеба на сумму в 15 380 301 ф. ст., из которых на долю Соединенных Штатов пришлось почти 6 миллионов. Англия страдает больше от невозможности покупать хлеб, чем Соединенные Штаты от невозможности продавать его. Далее, Соединенные Штаты имели бы преимущество *более быстрой информации*. Если бы они решили воевать, сейчас же полетели бы телеграммы из Вашингтона в Сан-Франциско, и американские суда в Тихом

океане и в китайских водах начали бы военные действия за много недель до того, как Англия смогла бы оповестить о начавшейся войне Индию.

С тех пор как началась гражданская война, американо-китайская, точно так же, как и американо-австралийская торговля сократилась в огромной степени. Но поскольку торговля продолжается, она оплачивает стоимость транспорта с помощью английских векселей, т. е. с помощью английского капитала. Английская же торговля с Индией, Китаем и Австралией, всегда очень значительная, возросла еще больше после прекращения торговли с Соединенными Штатами. Поэтому у американских каперских судов было бы широкое поле деятельности, а у английских сравнительно небольшое. Вложения английского капитала в Соединенных Штатах превосходят весь капитал, вложенный в английскую хлопчатобумажную промышленность, вложения же американского капитала в Англии равны нулю. Английский флот затмевает американский, но далеко не в такой мере, как это было во время войны 1812—1814 годов.

Если уже тогда американские каперские суда обнаружили огромное превосходство над английскими, то каково будет теперь? Об эффективной блокаде северо-американских портов, особенно зимой, не может быть и речи. На внутренних водных путях между Канадой и Соединенными Штатами,—а преобладание на них имеет решающее значение для сухопутной войны в Канаде,—Соединенные Штаты были бы в момент открытия военных действий безусловными господами положения.

Словом, ливерпульский купец приходит к следующему заключению:

«Никто в Англии не решится настаивать на войне ради одного хлопка. Для нас было бы менее убыточно три года кормить все хлопчатобумажные округа на государственный счет, чем один год воевать ради них с Соединенными Штатами».

Ceterum censeo [впрочем полагаю], что *инцидент с «Трентом»* не приведет к войне.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 3
от 4 января 1862 г.*

Без подписи.

АМЕРИКАНОФИЛЬСКИЙ МИТИНГ.

Лондон, 1 января [1862 г.]

Антивоенное движение в *английском народе* растет и усиливается с каждым днем. Открытые митинги в самых различных частях страны настаивают на *третьей* разрешении конфликта между Англией и Америкой. Составленные в этом духе меморандумы, как из рога изобилия, сыплются на главу кабинета, и независимая *провинциальная* печать почти единодушна в своей оппозиции против воинственного азарта лондонской прессы.

Ниже следует подробный отчет о митинге, состоявшемся в прошлый понедельник в *Брайтоне*; он особенно интересен потому, что был созван по инициативе рабочего класса и что оба главных оратора, выступивших на нем, гг. *Кеннингем* и *Уайт*, — влиятельные члены парламента, принадлежащие к *правительственной* части палаты.

Первый проект резолюции, внесенный г. *Вудом* (рабочий), гласил, «что настоящий конфликт между Англией и Америкой имеет своим источником неправильное толкование международного права, а не умышленное оскорбление британского флага; что поэтому данный митинг высказывается за то, чтобы весь спор был передан на третейское решение какой-нибудь нейтральной державы; что при данных условиях война с Америкой ничем не может быть оправдана, — наоборот, она была бы осуждена всем английским народом». В обоснование своего предложения г. Вуд между прочим заметил: «Говорят, что это новое оскорбление есть лишь последнее звено в длинной цепи оскорблений, которые наносились Англии Америкой. Допустим даже, что это так; как бы следовало в таком случае отнестись к бряцанию оружием в настоящий момент? Следовало бы сказать, что, пока Америка была единой и сильной, мы спокойно принимали ее оскорбления, а теперь, в опасную для нее минуту, мы спешим использовать свою выгодную позицию, чтобы отомстить ей за оскорбления. Разве подобное поведение не заклеимило бы нас в глазах цивилизованного мира как жалких трусов?»

Г-н Кеннингем: «...В настоящий момент в недрах Союза развивается ярко выраженная *политика освобождения* (аплодисменты),

и я высказываю твердую надежду, что никакая интервенция со стороны английского правительства не будет допущена (аплодисменты)... Неужели вы, свободнорожденные англичане, дадите вовлечь себя в антиреспубликанскую войну? Ведь именно таковы намерения «Times» и стоящей за ним партии. ... Я призываю английских рабочих, которые особенно заинтересованы в сохранении мира, поднять свой голос, а в случае надобности и руку, для предотвращения столь преступного дела (громкие аплодисменты)... «Times» пустил в ход все средства, чтобы разжечь воинственное настроение в нашей стране и своими издевательскими выпадами вызвать враждебное настроение среди американцев... Я не принадлежу к так называемой мирной партии. «Times» поддерживает политику России и все свои силы напрягал (в 1853 г.), чтобы заставить нашу страну смотреть спокойно на военные захваты русских варваров на Востоке. Я был с теми, кто возвысил свой голос против этой ложной политики. Когда в парламент был внесен *билль о заговорах*, имевший своей целью облегчить выдачу политических эмигрантов, «Times» не щадил усилий, чтобы форсировать прохождение этого билля в нижней палате. Я был одним из 99 членов палаты, которые воспротивились этому посягательству на свободы английского народа и свергли министра. Этот министр находится теперь во главе кабинета. Я предсказываю ему, что если он попытается вовлечь нашу страну без серьезных и достаточных оснований в войну с Америкой, то его план потерпит самое позорное фиаско. Я обещаю ему новое позорное поражение, еще более жестокое, чем понесенное им в связи с биллем о заговорах (громкие аплодисменты)... Я незнаком с официальным посланием, отправленным в Вашингтон, но, по общераспространенному мнению, коронные юристы правительства посоветовали ему стать на чисто юридическую точку зрения, что арест южных комиссаров без суда, на котором они ехали, был незаконен. На этом основании в качестве *conditio sine qua non* [непременного условия] выставляется требование выдачи Слайделя и Месона.

Допустим, что народ, живущий по ту сторону Атлантического океана, не позволит своему правительству выдать этих лиц. Неужели вы пойдете на войну из-за этих двух господ, являющихся посланцами рабовладельцев?.. В нашей стране существует антиреспубликанская военная партия. Вспомните о последней войне с Россией. Из опубликованных в Петербурге тайных депеш выяснилось с полной несомненностью, что печатавшиеся «Times» в 1855 г. статьи были написаны лицом, имевшим доступ к секретным русским государственным бумагам и документам. Г-н *Лайард* прочел тогда в нижней палате наиболее разительные места из этих статей, и ошеломленный «Times» тотчас

же переменял тон и на следующее же утро затрубил в военные трубы. «Times» не раз нападал на императора Наполеона и поддерживал наше правительство в его требовании неограниченных кредитов на сухопутные укрепления и пловучие батареи. И вот после этого, после поднятой им военной тревоги против Франции, «Times» хочет теперь обнажить наш берег перед французским императором путем вовлечения нашей страны в заатлантическую войну... Есть основание опасаться, что нынешние военные приготовления делаются не только ввиду инцидента с «Трентом», но и на случай возможного признания правительства рабовладельческих штатов. Если Англия пойдет на это, она навеки покроет себя несмываемым позором».

Г-н Уайт: «Мы должны отметить, что рабочий класс является инициатором этого митинга и что все расходы по его устройству взял на себя комитет рабочих... Нынешнее правительство никогда не отличалось хорошим тактом откровенного и правдивого обращения с народом... Я никогда ни на одно мгновение не верил даже в отдаленную возможность войны в связи с инцидентом «Трента». Я открыто высказывал свое мнение не одному члену правительства, что никакой отдельно взятый член правительства не верит в возможность войны из-за инцидента с «Трентом». К чему же эти обширные приготовления? Я думаю, что Англия и Франция договорились между собой признать независимость южных штатов ближайшей весной. К тому времени Великобритания сможет сосредоточить огромный флот в американских водах. Канада будет совершенно подготовлена к обороне. И если северные штаты захотят рассматривать признание южных штатов как *casus belli* [повод к войне], Великобритания будет готова к войне»... Оратор подробно остановился далее на опасностях войны с Соединенными Штатами, напомнил о сочувствии, проявленном Америкой по поводу смерти генерала Хавелока, о помощи, которую американские матросы оказали английским судам во время несчастного сражения на Пейхо, и т. д. В заключение он заявил, что гражданская война закончится отменой рабства и что поэтому Англия безусловно должна стоять на стороне Севера.

После того как первоначальный проект резолюции был единогласно принят собранием, был предложен, подвергнут обсуждению и утвержден меморандум Пальмерстону.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 4

от 5 января 1862 г.

Без подписи.

К ИСТОРИИ СОКРЫТИЯ ДЕПЕШИ СЬЮАРДА.

Лондон, 14 января [1862 г.]

Покойный инцидент с «Трентом» снова восстал из мертвых, но на сей раз как *casus belli* [повод к войне] не между Англией и Соединенными Штатами, а между английским народом и английским правительством. Новый *casus belli* будет разрешен парламентом, который соберется через месяц. Вы, без сомнения, уже обратили внимание на полемику «Daily News» и «Star» против «Morning Post» по поводу сокрытия и отрицания мирной депеши Сьюарда от 30 ноября, которая была прочитана лорду Джону Росселю 19 декабря американским послом г. Адамсом. Позвольте мне вернуться еще раз к этому эпизоду. В результате заявления «Morning Post», что депеша Сьюарда не имеет ни малейшего касательства к трентскому инциденту, началось падение биржевых бумаг, и миллионные состояния стали переходить из рук в руки, неся потери одним, выигрывая другим: Поэтому в торговых и промышленных кругах полуофициальная ложь «Morning Post», ни на чем не основанная и разоблаченная опубликованием депеши Сьюарда, вызвала величайшее негодование.

8 января днем в Лондоне было получено известие о мирном исходе конфликта. В тот же вечер «Evening Star» (вечернее издание «Morning Star») обратилась к правительству с запросом по поводу сокрытия телеграммы Сьюарда от 30 ноября. На следующее утро, 9 января, «Morning Post» дает такой ответ: «Задают вопрос, почему раньше ничего не было слышно о депеше Сьюарда, полученной г. Адамсом в течение декабря? Объясняется это очень просто. Полученная г. Адамсом депеша *не была сообщена (not communicated) нашему правительству*».

Вечером того же дня «Star» полностью опровергла «Post», объяснив ее «разъяснение» жалкой уверткой. И действительно, депеша Сьюарда была Адамсом не «сообщена» лорду Пальмерстону и лорду Росселю, а «прочитана» им.

На следующий день, в субботу 11 января, выступила на сцену «Daily News», доказавшая на основании статьи «Morning Post» от 21 декабря, что эта газета и правительство были в то время отлично

знакомы с депешей Сьюарда и умышленно фальсифицировали ее. Тогда правительство стало готовиться к отступлению. Вечером 11 января полуофициальная «Globe» заявила, что хотя г. Адамс действительно сообщил правительству депешу Сьюарда еще 19 декабря, но что в ней «не заключалось никакого предложения со стороны вашингтонского кабинета», равно как и никакого «прямого извинения по поводу оскорбления английского флага». Это стыдливое признание того факта, что английский народ был в течение трех недель жертвой сознательного обмана, только подлило масла в огонь вместо того, чтобы потушить его. По всем газетам промышленных округов Великобритании разнесся крик негодования, эхо которого раздалось, наконец, вчера и в торийских газетах. Заметим при этом, что весь этот вопрос был поставлен в порядок дня не политическими деятелями, а торговой публикой. Сегодняшний «Morning Star» замечает по этому поводу:

«Лорд Джон Россель, без сомнения, тоже повинен в сокрытии истины; он также ничего не сделал для опровержения лживой информации «Morning Post», но все-таки он не мог продиктовать столь противоречащую истине, бесконечно вредную статью этой газеты от 21 декабря. На это способен лишь *один* человек: министр, сфабриковавший афганскую войну, один только способен был утаить мирное послание Сьюарда. Бессмысленное снисхождение нижней палаты простило ему одно преступление; неужели парламент и народ не объединятся, чтобы покарать его за второе преступление?»

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 17

от 18 января 1862 г.

Без подписи.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ЛОРДА ДЖ. РОССЕЛЯ.

Лондон, 17 января [1862 г.]

Положение лорда *Джона Росселя* во время последнего кризиса было весьма неприятно, даже для человека, вся парламентская жизнь которого доказывает, что он редко колебался, когда нужно жертвовать действительной властью ради официального поста. Никто не позабыл, что лорд Джон Россель должен был уступить место премьера Пальмерстону, но никто, повидимому, не вспомнил о том, что он получил от Пальмерстона пост министра иностранных дел. Все считали самоочевидной аксиомой, что Пальмерстон от своего имени руководит кабинетом, а от имени Росселя — иностранной политикой. Когда из Нью-Йорка пришло первое известие о мире, виги и тории принялись наперебой прославлять государственную мудрость Пальмерстона, а министр иностранных дел лорд Джон Россель не удостоился даже скромной похвалы в качестве его помощника. Его попросту игнорировали. Но лишь разразился скандал по поводу *утраченной* американской депеши от 30 ноября, как имя Росселя воскресло из мертвых.

Противники и защитники сделали вдруг открытие, что *ответственный* министр иностранных дел зовется лордом *Джоном Росселем*! Но тут, наконец, и у Росселя лопнуло терпение. Не дожидаясь открытия парламента, вопреки министерским обычаям, он тотчас же опубликовал в официальной «*Gazette*» от 12 января свою собственную переписку с лордом Лайонсом. Из этой переписки видно, что депеша Сьюарда от 30 ноября была прочитана г. Адамсом лорду Джону Росселю 19 декабря, что Россель определенно истолковал эту телеграмму как *извинение* за действие капитана Вилькса и что после объяснений Росселя г. Адамс считал мирный исход конфликта обеспеченным. Что сказать после этого *официального* разоблачения о «*Morning Post*» от 21 декабря, которая отрицала получение какой бы то ни было депеши Сьюарда по поводу трентского инцидента? Что сказать о «*Morning Post*» от 9 января, которая обвинила г. Адамса в сокрытии этой депеши? Что сказать о всем воинственном шуме пальмерстоновской прессы за все время от 19 декабря 1861 г. вплоть до

8 января 1862 г.? Больше того! Деша лорда Джона Росселя лорду Лайонсу от 19 декабря 1861 г. доказывает, что английский кабинет не предъявлял *никакого ультиматума*; что лорд Лайонс *не* получал предписания покинуть Вашингтон через семь дней после вручения «этого ультиматума»; что Россель приказал послу избегать малейшей видимости угрозы; и, наконец, что английский кабинет решил принять *окончательное постановление* только *после получения* американского ответа. Таким образом, вся та политика, о которой так шумела пальмерстоновская печать и которая вызывала так много угодливых откликов на континенте, оказалась пустой химерой. Ее никогда не существовало в действительности. Она доказывает только, по словам одной сегодняшней лондонской газеты, что Пальмерстон «пытался действовать наперекор официальной и обязательной политике *ответственных* советников короны».

Что *coup de main* [смелый ход] лорда Джона Росселя поразил пальмерстоновскую печать, как гром среди ясного неба, разительнее всего показывает следующий факт. Вчерашний «Times» прошел мимо переписки Росселя, не упомянув о ней ни словом. Только сегодня он впервые перепечатывает ее из «Londoner Gazette» с введением и предисловием в виде передовой статьи, которая тщательно обходит настоящую суть спора, *спора между английским народом и английским кабинетом*, бросив по этому поводу только ворчливую фразу, что «лорд Джон Россель, видимо, переусердствовал, вычитав из депеши Сьюарда от 30 ноября какое-то *извинение*». Зато гнев олимпийского громовержца из Принтингхауз-сквера изливается в другой передовице, в которой доказывается, что г. Гильпин, член министерства, председатель Board of trade [торговой палаты] и сторонник манчестерской школы, не достоин своего места в министерстве. Гильпин, бывший книготорговец, демагог, апостол умеренности, которого никто не примет за героя, в прошлый вторник, на публичном митинге в Нортгемптоне, парламентским представителем которого он является, преступно призывал английский народ к устройству публичных демонстраций против преждевременного признания Южной конфедерации, которую он беспощадно заклеил как порождение рабовладельческого строя. Как будто, — с негодованием восклицает «Times», — как будто Пальмерстон и Россель («Times» опять вспоминает о существовании лорда Джона Росселя) не боролись всю жизнь с рабством! Конечно, со стороны г. Гильпина было нескромностью, *умышленной* нескромностью, призывать английский народ к борьбе против рабовладельческих симпатий министерства, к которому он сам принадлежит. Но г. Гильпин, как уже сказано, не герой. Вся

его карьера свидетельствует о том, что он весьма мало склонен к мученичеству. Его нескромное выступление произошло *в тот самый день*, в который лорд Джон Россель сделал свой *coup de main*. Отсюда мы можем заключить, что английский кабинет далек от «happy family» [«семейного счастья»] и что отдельные члены его давно уже думают о «разводе».

Не менее чем финал драмы «Трента», разыгравшийся в английском министерстве, замечателен и ее *русский эпилог*. Россия, которая во время всей этой суматохи молча стояла позади, скрестив руки, вдруг выскакивает на авансцену, похлопывает г. Сьюарда по плечу и заявляет, что, наконец, наступил момент для окончательного урегулирования морского права. Россия считает себя, как известно, призванной выдвигать в подходящую минуту и в подходящем месте неотложные вопросы цивилизации в порядок дня мировой истории. Россия станет неуязвимой для морских держав, как только эти последние откажутся от своих военных прав по отношению к нейтральным странам, а тем самым и от контроля над экспортной торговлей России. Парижская конвенция от 16 апреля 1856 г., местами *дословно* копирующая *русский* договор 1780 г. о «вооруженном» нейтралитете против Англии, пока еще не стала в Англии законом. Какова была бы ирония судьбы, если бы *англо-американский* конфликт закончился тем, что английский парламент и английская корона санкционировали бы уступку, которую два английских министра сделали России на свой собственный риск и страх после окончания *англо-русской* войны.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 20
от 21 января 1862 г.*

Без подписи.

РАБОЧИЙ МИТИНГ В ЛОНДОНЕ.

Лондон, 28 января [1862 г.]

Рабочий класс, составляющий такую преобладающую часть в обществе, в котором давно уже не существует *крестьянского сословия*, не имеет, как известно, своих представителей в парламенте. Тем не менее он не лишен политического влияния. Ни одно серьезное нововведение, ни одна решающая мера не была проведена в Англии без *pressure from without* [давления извне]: то оппозиции приходилось оказывать «давление» на правительство, то правительству использовать «давление» против оппозиции. Под «*pressure from without*» англичанин понимает большие внепарламентские народные демонстрации, которых, конечно, нельзя инсценировать без живого участия рабочего класса. *Питт* сумел во время антиякобинской войны использовать народные массы против вигов. Эмансипация католиков, билль о реформе, отмена хлебных законов, билль о 10-часовом рабочем дне, война с Россией, отклонение пальмерстоновского билля о заговорах— все они были плодом бурных внепарламентских демонстраций, в которых рабочий класс, то искусственно подстрекаемый, то действуя по собственному побуждению, выступал либо как *persona dramatis* [действующее лицо], либо в качестве хора и играл то главную роль, то, смотря по обстоятельствам, роль шумливой толпы. Тем поразительнее представляется поведение рабочего класса по отношению к гражданской войне в Америке.

Нужда рабочих в северных промышленных округах, вызванная закрытием фабрик и сокращением рабочего времени *под предлогом* блокады рабовладельческих штатов, невероятно велика и возрастает с каждым днем. Другие слои рабочего класса страдают не в такой мере, но и на них тяжело отражается обратное влияние хлопчатобумажного кризиса на прочие отрасли промышленности, сокращение вывоза их собственной продукции в северные области Америки в связи с тарифом Морриля и полное прекращение этого вывоза в южные области в результате блокады. Поэтому английское вмешательство в американские дела является в данный момент для английского рабочего класса вопросом желудка (*Messer- und Gabelfrage*). К тому же *natural superi-*

orgs (естественные начальники) рабочих не гнушаются никакими средствами для возбуждения в них ярости против Соединенных Штатов. Единственный существующий еще большой и широко распространенный рабочий орган «Reynold's Newspaper» был нарочито подкуплен и вот уж шесть месяцев как из недели в неделю повторяет свои шумные тирады о необходимости английской интервенции. Рабочий класс вполне понимает, что правительство только и ждет воплей об интервенции снизу, ждет этого «давления извне», чтобы положить конец американской блокаде и нужде английского населения. При таких обстоятельствах нельзя не удивляться выдержке рабочего класса, который хранит упорное молчание, а если нарушает его, то лишь для того, чтобы возвысить свой голос против интервенции и за Соединенные Штаты. Это — новое блестящее доказательство неисчерпаемой внутренней силы английской народной массы, силы, которая составляет тайну величия Англии и благодаря которой во время Крымской войны и индийского восстания рядовой английский солдат, выражаясь гиперболическим языком Мадзини, производил впечатление полубога.

Для характеристики «политики» рабочего класса мы опишем большой *рабочий митинг*, имевший место вчера в Мэрилебоне, одном из самых населенных районов Лондона.

Председатель *г. Стедман* открыл собрание заявлением, что существует намерение устроить *гг. Месону* и *Слайделю* встречу от имени английского народа. «Мы должны разобратить вопрос, приезжают ли эти господа для того, чтобы освободить рабов от их цепей, или же для того, чтобы приковать к этим цепям еще одно новое звено».

Г-н Ятс: «Рабочий класс не может молчать в такую минуту. Два джентльмена, направляющиеся через Атлантический океан в нашу страну, являются агентами рабовладельческих и тиранических штатов. Они находятся в состоянии открытого мятежа против законной конституции своей страны и приезжают к нам с целью склонить наше правительство к признанию независимости рабовладельческих штатов. Долг рабочего класса — высказать теперь свое мнение, чтобы английское правительство не думало, будто мы являемся равнодушными зрителями его внешней политики. Мы должны показать, что бесполезная растрата денег, отданных нашим народом для освобождения негров, не будет допущена нами. Если бы наше правительство действовало честно, оно всей душой поддержало бы северные штаты в деле подавления этого страшного мятежа». После обстоятельной защиты северных штатов и заявления, что «пылкое выступление *г. Ловджоя* против Англии было вызвано оскорбительными

выпадами английской прессы», оратор предложил следующую резолюцию: «Настоящее собрание установило, что агенты мятежников Месон и Слайдель, находящиеся теперь на пути из Америки в Англию, совершенно не достойны моральных симпатий со стороны английского рабочего класса, ибо они являются рабовладельцами, открытыми агентами тиранической партии, которая поднимает мятеж против американской республики и является заклятым врагом социальных и политических прав рабочего класса во всех странах».

Г-н Винн выступил в защиту этой резолюции. Само собою разумеется, — прибавил он, — что во время пребывания Месона и Слайделя в Лондоне необходимо избегать всяких личных оскорблений по их адресу.

Г-н Никольс, житель «крайнего севера Соединенных Штатов», как он сам себя отрекомендовал, а на самом деле advocatus diaboli¹ гг. Янси и Менна, специально подосланный на митинг, заявил протест против предложенной резолюции. «Я приехал сюда потому, что здесь существует свобода слова. В нашей стране вот уже три месяца как правительство не позволяет никому открыть рта. Свобода подавлена не только на Юге, но и на Севере. На Севере очень много противников войны, но они не смеют говорить. Не менее двухсот газет закрыто или разгромлено чернью. Южные штаты имеют такое же право на сецессию, каким обладали Соединенные Штаты, отделяясь от Англии».

Однако, несмотря на красноречие г. Никольса, предложенная резолюция была принята единогласно. Тогда он поднялся снова: «Если вы упрекаете гг. Месона и Слайделя в том, что они рабовладельцы, то ведь то же самое следует сказать о Вашингтоне и Джефферсоне и т. д.».

Г-н Биль опровергнул Никольса в пространной речи и предложил затем вторую резолюцию:

«Ввиду плохо скрываемых усилий «Times» и других недобросовестных газет фальсифицировать английское общественное мнение относительно всех американских дел и втянуть нас под любым предлогом в войну с миллионами наших братьев, использовать временные затруднения республики для клеветы на демократические учреждения, — настоящее собрание считает, что рабочие, поскольку они не представлены в сенате нации, особенно обязаны выразить свои сим-

¹ «Адвокат дьявола» — латинское выражение из практики католической церкви, означает адвоката, который на деле не защищает, а обвиняет своего клиента. *Ред.*

птии Соединенным Штатам в их гигантской борьбе за сохранение Союза; заклеить позорную бесчестность и защиту рабовладельцев «Times» и родственных ему аристократических газет; самым настойчивым образом высказаться за строжайшее невмешательство во внутренние дела Соединенных Штатов и за передачу всех могущих возникнуть конфликтов на рассмотрение назначаемых обеими сторонами уполномоченных или третейских судов; заклеить военную политику органа биржевых мошенников и высказать свое самое горячее сочувствие стремлениям аболиционистов добиться окончательного разрешения вопроса о рабстве».

Эта резолюция была принята единогласно, равно как и заключительное предложение «о передаче американскому правительству через г. Адамса копии принятых решений как выражения чувств и взглядов рабочего класса Англии».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 32

от 2 февраля 1862 г.

Без подписи.

АНТИИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ.

Лондон, 31 января [1862 г.]

Своим коммерческим могуществом *Ливерпуль* обязан *торговле рабами*. Единственный вклад Ливерпуля в поэтическую литературу Англии — это оды в честь работорговли. Пятьдесят лет тому назад *Вильберфорс* не мог бы появиться на ливерпульской почве без опасности для жизни. И как в прошлом веке торговля рабами, так в настоящем столетии торговля продуктом рабского труда — хлопком — составляет материальную основу могущества Ливерпуля. Не удивительно поэтому, что Ливерпуль является центром друзей сецессионизма. Это действительно *единственный* город в Соединенном королевстве, где во время последнего кризиса удалось устроить якобы публичный митинг за войну с Соединенными Штатами. А что говорит Ливерпуль теперь? Послушаем один из его больших ежедневных органов — «Daily Post».

В передовой, озаглавленной «The cute Yankee» («Хитроумный янки»), мы, между прочим, читаем: «С обычной своей ловкостью янки превратили кажущийся проигрыш в реальный выигрыш и заставили Англию служить своим интересам... Великобритания, правда, достигла огромного могущества, но к чему это? Со времени основания Соединенных Штатов янки всегда настаивали на привилегии нейтрального флага служить охраной для плавающих под ним пассажиров от всякого посягательства и нападения со стороны воюющих государств. Мы всячески оспаривали подобную привилегию во время антиякобинской войны, англо-американской войны 1812 — 1814 гг., еще недавно, в 1842 г., во время переговоров между лордом Эшбертоном и статс-секретарем Даниэлем Вебстером. Теперь наша оппозиция должна прекратиться. *Принцип янки победил*. Г-н Сьюард констатирует этот факт; он заявляет, что принципиально мы сдались и что благодаря инциденту с «Трентом» Соединенные Штаты добились от нас такой уступки, которой они до сих пор тщетно добивались всеми дипломатическими и военными средствами».

Еще важнее признание «Daily Post» относительно поворота общественного мнения, даже в Ливерпуле.

«Конфедераты, — говорит она, — не совершили ничего такого, что могло бы лишить их прежних симпатий. Наоборот! Они мужественно сражались и принесли огромные жертвы. Если они и не добьются независимости, все же каждый должен признать, что они ее заслуживают. А между тем общественное мнение обратилось теперь против их притязаний. Еще четыре недели тому назад они были бравыми молодцами (fine fellows). Теперь их называют жалкой бандой (a very sorry set)... Да, действительно перелом наступил. Антирабовладельческая секта, столь присмирившая во время последних народных волнений, теперь распоясалась и мечет громы и молнии против торговли людьми и мятежных рабовладельцев!.. Не видим ли мы даже в нашем городе больших стенных плакатов с инсинуациями и ядовитыми нападками на гг. Месона и Слайделя, «авторов проклятого закона о беглых рабах»?.. Конфедераты потеряли на инциденте с «Трентом». Они думали выиграть на нем, а вышло так, что он стал их погибелью. Сочувствие нашей страны потеряно ими, и они должны как можно скорее сделать выводы из этого странного факта. С ними обошлись очень скверно, но это так, и тут ничего не поделаешь (there will be no redress)».

После этого признания дружественной сепсессионистам ливерпульской газеты легко понять, почему некоторые влиятельные органы Пальмерстона вдруг заговорили теперь, перед открытием парламента, совсем другим языком. Так, в «Economist» появилась в прошлую субботу статья под заглавием: «*Должно ли соблюдать блокаду?*»

Автор статьи исходит из аксиомы, что блокада *существует только на бумаге* и что поэтому ее нарушение разрешается международным правом. Франция требует насильственного прекращения ее. Практическое решение вопроса зависит поэтому от Англии, у которой имеются очень важные мотивы для такого шага. Именно, она нуждается в американском хлопке. Между прочим, не совсем ясно, как это блокада, которая «существует только на бумаге», может воспрепятствовать провозу хлопка.

«И все-таки, — восклицает «Economist», — Англия должна соблюдать блокаду». Приведа сначала в пользу этого взгляда целый ряд мнимых аргументов, автор переходит затем к сути вопроса. «В таком деле, — говорит он, — правительство должно иметь за собой всю страну. Но широкие массы английского народа еще *не подготовлены* для вмешательства, которое хотя бы даже внешне выглядело так, будто мы способствуем созданию рабовладельческой республики. Социальная система Конфедерации покоится на

рабовладении; федералисты сделали все, чтобы убедить нас, что рабовладение явилось причиной сепессии, что они враги рабства, — а рабство внушает нам наибольшее отвращение... Здесь подлинная причина ложного народного возбуждения. На самом деле распадение, а не восстановление Союза, независимость, а не поражение Юга, — единственный верный путь к освобождению негров. Как-нибудь в другой раз мы постараемся разъяснить это нашим читателям. Но пока еще это не для всех ясно. Большинство англичан думает иначе. И пока оно упорствует в этом предрассудке, всякая интервенция нашего правительства, которая сделала бы нас активными противниками Севера и мнимыми союзниками Юга, не имела бы опоры в сердечном содействии английского народа». Другими словами: попытка подобной интервенции привела бы к падению министерства. И отсюда вполне ясно, почему «Times» так решительно высказывается против всякой интервенции и за нейтралитет Англии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 34

от 4 февраля 1862 г.

Без подписи.

К ХЛОПЧАТОБУМАЖНОМУ КРИЗИСУ.

Несколько дней тому назад состоялось годовичное собрание *манчестерской торговой палаты*. Она представляет Ланкашир, этот крупнейший промышленный округ Соединенного королевства и центр английской хлопчатобумажной промышленности. Председатель собрания г. *Дж. Поттер* и главные докладчики гг. *Безли* и *Тернер* представляют Манчестер и часть Ланкашира в нижней палате. Из прений на собрании мы таким образом *официально* узнаем, какую позицию в отношении американского кризиса займет в «сенате нации» важнейший центр английского хлопчатобумажного производства.

На *прошлом* году собрании торговой палаты один из крупнейших хлопчатобумажных баронов Англии г. *Эшворт* с пиндаровской выпренностью прославлял неслыханный рост хлопчатобумажной промышленности за последнее десятилетие. Он подчеркнул при этом, что даже торговые кризисы 1847 и 1857 гг. не вызвали заминки в вывозе английской хлопчатобумажной пряжи и ткани. Он объяснил это явление чудодейственной силой введенной в 1846 г. системы свободной торговли. Уже тогда казалось странным, как это возможно, что та самая система, которая не смогла предохранить Англию от кризисов 1847 и 1857 гг., сумела уберечь от их влияния одну особую отрасль английской промышленности — хлопчатобумажное производство. Но что же мы слышим сегодня? Все ораторы, в том числе и г. Эшворт, признают, что с 1858 г. произошло небывалое переполнение азиатских рынков и что вследствие массового и все растущего *перепроизводства* нынешний застой должен был бы наступить, даже если бы не было американской гражданской войны, тарифа Морриля и блокады. Дошла ли бы убыль вывоза в этом году и без этих отягчающих обстоятельств до 6 миллионов фунтов стерлингов, остается, конечно, под вопросом, но в этом нет ничего невозможного, если принять во внимание, что главные рынки Азии и Австралии обеспечены на 12 месяцев английскими хлопчатобумажными изделиями.

Таким образом, нынешний кризис английской хлопчатобумажной промышленности вызван, согласно признанию авторитетной в *этом*

вопросе манчестерской торговой палаты, не американской блокадой, а английским перепроизводством. Но к чему привело бы дальнейшее продолжение американской гражданской войны? На этот вопрос мы получаем снова единодушный ответ: к безмерным бедствиям для рабочего класса и к разорению более мелких фабрикантов. «В Лондоне, — заметил г. Читем, — говорят, что у нас еще хватит хлопка для продолжения производства. Но дело не в одном только хлопке. Дело прежде всего в его *цене*. А при нынешних ценах капитал фабрикантов быстро бы растаял».

Тем не менее торговая палата решительно высказалась *против всякой интервенции* в Соединенных Штатах, хотя большинство ее членов, находясь под сильным влиянием «Times», склонно считать распадение северо-американского Союза неизбежным. «Меньше всего, — сказал г. Поттер, — могли бы мы рекомендовать интервенцию. Меньше всего склонен к подобному призыву Манчестер. Ничто не заставит нас призывать к тому, что безнравственно». Г-н *Безли*: «В отношении американской распри должен соблюдаться строжайший принцип невмешательства. Народ этой великой страны должен иметь возможность без помех устроить свои собственные дела». Г-н *Читем*: «Господствующее мнение нашего округа восстает самым решительным образом против всякого вмешательства в американскую распри. Необходимо ясно высказать это, ибо в случае малейшей неясности противная сторона оказала бы на правительство огромное давление».

Что же предлагает торговая палата? Она требует от английского правительства устранения всех препятствий, все еще стесняющих культуру хлопка в *Индии*. Она требует, прежде всего, отмены 10% ввозной пошлины, которой обложены английские хлопчатобумажные пряжа и ткань в Индии. Не успела закончиться ликвидация режима Ост-индской компании, не успела Ост-Индия войти в состав Британской империи, как Пальмерстон ввел, через посредство г. Вильсона, ввозную пошлину на *английские* изделия в Индии, как раз тогда, когда он продал за англо-французский торговый договор Савойю и Ниццу. Французский рынок был этим до некоторой степени раскрыт для английской промышленности, но одновременно в еще большей степени закрылся для нее ост-индский рынок.

Г-н *Безли* заметил по этому поводу, что со времени введения названной пошлины множество английских машин было вывезено в Бомбей и Калькутту и что в этих городах были построены фабрики английского типа. Эти фабрики готовятся теперь захватить лучший индийский хлопок. Если к 10% пошлине на ввоз прибавить еще 15% фрахтовых издержек, то окажется, что искусственно созданные по

инициативе английского правительства соперники манчестерских фабрикантов защищены пошлиной в 25%.

На собрании магнатов английской промышленности вообще обнаружилось крайнее недовольство протекционистской тенденцией, которая все больше и больше распространяется в колониях, в том числе и в Австралии. Господа промышленники забывают, что колонии уже полтора столетия тщательно протестуют против «колониальной системы» метрополии. Прежде колонии требовали свободной торговли, Англия настаивала на ограничительных мерах. Теперь Англия проповедует свободную торговлю, но колонии находят, что протекционизм против Англии более соответствует их интересам.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 38

от 8 февраля 1862 г.

Без подписи.

ПРЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТЕ ПО ПОВОДУ ОТВЕТНОГО АДРЕСА.

Лондон, 7 февраля [1862 г.]

Открытие парламента представляло бесцветную церемонию. Отсутствие королевы и прочтение тронной речи лордом-канцлером лишили его всякого театрального эффекта. Сама тронная речь коротка, не будучи от этого выразительной. Она резюмирует faits accomplis [совершившиеся факты] иностранной политики, а для оценки их отсылает к уже представленным парламенту документам. Одна только фраза вызвала известную сенсацию,—фраза, в которой королева «trusts» (надеется, верит), что «нет оснований опасаться нарушения мира в Европе». Эта фраза на деле означает, что европейский мир относится к области надежды и веры.

Господа, выступившие в обеих палатах с предложениями ответа на тронную речь, получили, согласно парламентской практике, соответствующее задание от министров еще за три недели до этого. Их ответ состоит, как полагается, из многословного эхо на тронную речь и из льстивых похвал, которыми министры награждают сами себя от имени парламента. Когда в 1811 г. сэр *Френсис Бердетт* выступил против официального проекта адреса и воспользовался случаем, чтобы подвергнуть тронную речь резкой критике, это поставило, казалось, под угрозу существование самой Великой хартии. С тех пор подобные ужасы уже не повторялись.

Интерес прений о тронной речи сводится поэтому к «намекам» («Winke») официальной оппозиции и «контрнамекам» («Gegenwinke») министров. На этот раз, однако, прения представляли скорее академический, чем политический интерес. Речь шла о том, кто произнес лучшее надгробное слово в память принца Альберта, который при жизни весьма неохотно подчинялся игу английской олигархии. Vox populi [глас народа] присудил академическую пальму первенства Дерби и Дизраэли: первому — как оратору от природы (Naturredner), второму — как ритору (Kunstredner).

«Деловая» часть прений вращалась вокруг *Соединенных Штатов, Мексики и Марокко*.

В вопросе о *Соединенных Штатах* «outs» [находящиеся вне власти] расхваливали «ins» (*beati possidentes*¹). *Дерби*, лидер консерваторов в палате лордов, и *Дизраэли*, лидер консерваторов в нижней палате, выступали не против кабинета, а друг против друга.

Дерби излил прежде всего свое неудовольствие по поводу отсутствия «pressure from without» [«давления извне»]. Он «восхищается», — сказал он, — стоическим и полным достоинства поведением фабричных рабочих. Что же касается фабрикантов, то он их похвалить не может. Для них американский конфликт оказался чрезвычайно кстати, ибо перепроизводство и переполнение всех рынков все равно заставило бы их свернуть промышленность.

Дерби очень резко высказался, далее, против союзного правительства, которое подвергло себя и свой народ позорному унижению и поступило не как «джентльмен», ибо не проявило инициативы, не выдало добровольно Месона, Слайделя и К^о и не выразило раскаяния. Его соратник в нижней палате г. *Дизраэли* тотчас же понял, какой вред наносит выпад *Дерби* министерским чаяниям консерваторов. Поэтому он и высказался в противоположном смысле: «Когда я думаю об огромных трудностях, стоявших перед государственными деятелями Северной Америки, я прихожу к выводу, что они справились с ними мужественно и смело».

С другой стороны, *Дерби* с обычной для него последовательностью протестовал против «новых учений» о морском праве. Англия истари отстаивала права воюющих государств против претензий нейтральных стран. Правда, лорд *Кларендон* сделал в 1856 г. в Париже опасную уступку. Но, к счастью, она не была ратифицирована короной, так что «в положении международного права ничего не изменилось». Г-н *Дизраэли*, явным образом по соглашению с правительством, не коснулся вовсе этого пункта.

Дерби одобряет министерскую политику невмешательства. Время признания Южной конфедерации еще не наступило, но он требует достоверных документов для суждения о том, «в какой мере блокада эффективна и поэтому юридически обязательна». Лорд *Джон Россель* заявил на это, что союзное правительство отрядило достаточное количество судов для блокады, но не повсюду строго проводит ее.

---

¹ *Beati possidentes* — счастливые обладатели, т. е., в данном случае — партия, находящаяся у власти. *Ред.*

Г-н *Дизраэли* воздерживается от суждения о характере блокады, но требует от министров предъявления документов в целях информации. Он тем более предостерегает от слишком поспешного признания Конфедерации, что в настоящий момент Англия компрометирует себя угрозами по адресу одного государства (Мексики), независимость которого она сама же первая признала.

После *Соединенных Штатов* наступила очередь *Мексики*. Ни один член парламента не осудил войну, начатую без объявления, но протестовали против вмешательства во внутренние дела страны под маской «антиинтервенционистской политики» и против коалиции Англии с Францией и Испанией в целях подавления полубезоружной страны. Своими речами оппозиция только показала, что она намерена использовать Мексику в качестве предлога для своих партийных маневров. *Дерби* требует документов, касающихся как конвенции между тремя державами, так и способа их выполнения. Он одобряет конвенцию, ибо, по его мнению, правильный путь для каждой из договаривающихся сторон заключается в том, чтобы отстаивать свои притязания *независимо* от других. Определенные слухи заставляют его опасаться, что по крайней мере одна из трех держав (Испания) замышляет операции, выходящие из рамок договора. Как будто *Дерби* действительно допускает мысль, что великая держава Испания осмелится действовать *вопреки* видам Англии и Франции! Лорд *Джон Россель* ответил: Все три державы преследуют *одну и ту же* цель и ни в коем случае не помешают мексиканцам самостоятельно урегулировать дела своего собственного правительства.

Г-н *Дизраэли* в нижней палате воздерживается от всякого суждения до знакомства с предъявленными документами. Тем не менее он находит «заявление правительства *подозрительным*». Англия первая признала независимость Мексики. Это признание заставляет вспомнить об одном замечательном периоде английской внешней политики, периоде оппозиции против Священного союза, и об одном замечательном человеке, *Каннинге*. По какой непонятной причине Англия решила первая нанести удар мексиканской независимости? К тому же предлог для интервенции был изменен в самый короткий срок. Сначала речь шла о компенсации за ущерб, причиненный английским подданным. Теперь вдруг стали поговаривать об установлении новых принципов управления и о провозглашении новой династии. Лорд *Пальмерстон* ссылается на предъявленные документы, на конвенцию, которая якобы воспрещает союзникам «покорение» Мексики и насиль-

ственное введение неугодной народу формы правления. Но в то же время он оставляет за собой дипломатическую лазейку. Он знает по слухам, что в Мексике есть партия, стремящаяся к превращению республики в монархию. Он не знает, насколько сильна эта партия. Он, «со своей стороны, желает только, чтобы в Мексике была установлена *какая бы то ни было форма правительства*, с которым иностранные правительства могли бы вести переговоры». Именно *поэтому* он желает установления «новой» формы правительства. Он заявляет, что *нынешнее правительство Мексики не существует*. Он признает за коалицией Англии, Франции и Испании прерогативу Священного союза решать вопрос о бытии или небытии чужих правительств. «Это самое большое, — скромно прибавляет он, — чего хотело бы добиться правительство Великобритании». Больше оно ничего не желает!

Последний «открытый вопрос» внешней политики касался *Марокко*. Английское правительство заключило конвенцию с Марокко, чтобы дать ему возможность уплатить свой долг Испании, — долг, которого Испания никогда не могла бы навязать Марокко без разрешения той же Англии. Повидимому, некоторые лица предоставили Марокко денежную ссуду для обеспечения ее платежей Испании, отняв таким образом у этой последней предлог для дальнейшей оккупации Тетуана и для возобновления войны. Английское правительство гарантировало этим лицам, в той или другой форме, исправное получение процентов по их ссуде, а в качестве гарантии для себя оно берет теперь в свои руки заведывание марокканскими таможнями. Дерби нашел этот способ обеспечения независимости Марокко «rather strange» (довольно странным), но не добился от министров ответа. Г-н *Дизраэли* в нижней палате остановился несколько подробнее на этом деле, носящем «довольно неконституционный» характер, поскольку министры за спиной парламента навязывают Англии новые денежные обязательства. *Пальмерстон* просто сослался на предъявленные «документы».

Внутренних дел почти не касались. Дерби предостерегал только от «волнующих» спорных вопросов, вроде парламентской реформы, из внимания «к душевному состоянию королевы». Он готов регулярно уплачивать дань своего восхищения английскому рабочему классу, если только тот будет переносить свое лишение избирательных прав с таким же самоотверженным стоицизмом, как американскую блокаду.

Было бы большой ошибкой заключать на основании идиллического открытия парламента, что его ждет идиллическое будущее.

Наоборот! Роспуск парламента или роспуск министерства — таков лозунг открывшейся сессии. Обоснованием этой альтернативы мы займемся в одной из следующих статей.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 42

от 12 февраля 1862 г.

Без подписи.

АМЕРИКАНСКИЕ ДЕЛА.

Президент Линкольн никогда не решается на серьезный шаг, прежде чем объективная конъюнктура и всеобщий голос общественного мнения не сделают дальнейшее промедление невозможным. Но стоит «старому Абе» убедиться, что такой поворотный момент наступил, как он поражает одинаково и друзей, и врагов какой-нибудь внезапной, по возможности бесшумно проведенной операцией. Так на-днях он самым незаметным образом выкинул штуку, которая полгода назад, возможно, стоила бы ему президентского кресла, а еще несколькими месяцами раньше вызвала бы бурю дебатов. Мы имеем в виду *устранение Мак-Клеллана* с поста главнокомандующего всеми армиями Союза. Линкольн, прежде всего, заменяет военного министра *Камерона* энергичным и бесцеремонным юристом г. *Эдвином Стентоном*. Стентон тотчас же разослал генералам Бьюэлю, Галлеку, Бетлеру, Шерману и другим командующим отдельных армий и начальникам экспедиционных отрядов распоряжение о том, что впредь все приказы, как гласные, так и личные, будут получаться ими непосредственно от военного министерства, каковому они в свою очередь должны непосредственно представлять свои доклады. Наконец, Линкольн отдал лично несколько приказов, подписав их полагающимся ему по конституции титулом «Commander in chief of the Army and Navy» [главнокомандующий армии и флота]. Таким «бесшумным» способом у «молодого Наполеона» было отнято командование *всеми* армиями и оставлено лишь командование армией на Потомаке, хотя он и сохранил *титул* «главнокомандующего» («Commander in chief»). Успехи в Кентукки, Теннесси и на атлантическом побережье счастливо ознаменовали собою переход главного командования к президенту Линкольну.

Должность главнокомандующего, которую до сих пор занимал *Мак-Клеллан*, перешла в Соединенные Штаты из Англии и соответствует приблизительно званию «великого коннетабля» в старо-французской армии. Во время Крымской войны даже Англия убедилась в нецелесообразности этого старомодного института. Состоялся

компромисс, в результате которого часть прерогатив главнокомандующего была передана военному министерству.

У нас нет еще необходимого материала для суждения о фабианской тактике Мак-Клееллана на Потомаке. Но что его влияние действовало подобно тормозу на военные операции в целом, это не подлежит никакому сомнению. О Мак-Клееллане можно сказать то же самое, что Маколей говорит об Эссексе: «Военные недостатки Эссекса вытекали главным образом из его политической нерешительности. Он был честен, но отнюдь не был горячо предан интересам парламента, и наряду с крупным поражением он больше всего на свете боялся крупной победы». Мак-Клееллан, подобно большинству кадровых офицеров, выпущенных из Вест-Пойнта ¹, более или менее тесно связан общим *esprit de corps* [кастовым духом] со своими старыми товарищами во вражеском лагере. Все они испытывают одинаковую неприязнь к высколкам из среды «Zivilsoldaten» [штатских солдат]. Война, с их точки зрения, должна вестись чисто деловым образом, постоянно ориентируясь на восстановление Союза на его *старой* основе, а поэтому прежде всего — без каких-либо принципиальных и революционных тенденций. Прекрасный взгляд на войну, которая в сущности является войной принципов! Первые генералы английского парламента впали в ту же ошибку. «Но, — говорил *Кромвель* в своей речи к парламентскому охвосту 4 июля 1653 г., — как все изменилось, лишь только во главе встали люди, провозгласившие *a principle of godliness and religion!*» [принцип благочестия и религии].

«Washington Star», офицер Мак-Клееллана, еще в одном из своих последних номеров пишет: «Целью всех военных операций генерала Мак-Клееллана является восстановление Союза в *точно* таком же виде, в каком он существовал до начала мятежа». Не удивительно, если на Потомаке, на глазах у верховного главнокомандующего, армия была использована для поимки рабов! Еще недавно Мак-Клееллан особым приказом удалил из лагеря семейство музыкантов Кетчинсонов за то, что они распевали... антирабовладельческие песни!

Помимо этих «антитенденциозных» демонстраций, Мак-Клееллан брал под свою высокую защиту предателей в союзной армии. Так, например, он перевел на более высокий пост *Мейнара*, хотя Мейнар, как это видно из документов, опубликованных следственной комиссией палаты представителей, работал в качестве агента сецессионистов.

¹ Военная академия Соединенных Штатов, находящаяся недалеко от Нью-Йорка. *Ред.*

От генерала Петерсона, измена которого была причиной поражения под Манассасом, до генерала Стона, который *вызвал* поражение при Бол-Блеффе путем прямого соглашения с неприятелем, всех предателей в армии Мак-Клееллан сумел спасти от военного суда и большей частью даже от увольнения. Следственная комиссия конгресса раскрыла в этом отношении самые поразительные факты. Линкольн путем энергичных мероприятий решил доказать, что с переходом главного командования в его руки пробил час возмездия для изменников в генеральских эполетах и наступил *поворот* в военной политике. По его приказу генерал Стон был арестован 10 февраля в два часа ночи в своей постели и препровожден в форт Лафайет. Несколько часов спустя был опубликован, за подписью *Стентона*, приказ об его аресте, в котором сообщалось, что арестованный обвиняется в государственной измене и предается военному суду. Арест Стона и предание его суду состоялись без предварительного уведомления генерала Мак-Клееллана.

Мак-Клееллан явным образом намеревался, оставаясь в бездействии и пожиная лавры лишь в кредит, не уступать первого места никому из других генералов. Генералы Галлек и Поп постановили произвести комбинированную операцию, чтобы принудить к решающему бою генерала Прайса, один раз уже спасенного под Фремоном благодаря вмешательству Вашингтона. Мак-Клееллан по телеграфу воспретил им произвести этот удар. Аналогичной телеграммой генералу Галлеку было приказано воздержаться от взятия форта Колумбуса в такой момент, когда этот форт был наполовину затоплен водой. Мак-Клееллан определенно запретил генералам на западе сноситься друг с другом. В случае подготовки комбинированных операций каждый из них должен был обращаться сначала в Вашингтон. Теперь президент Линкольн вернул им необходимую свободу действий.

Как выгодна была вся военная политика Мак-Клееллана для сепсессионистов, яснее всего видно из тех панегириков, которые рстачает ему «New-York Herald». Он — тот герой, который по душе «Herald». Пресловутый *Беннет*, владелец и главный редактор «Herald», прежде распоряжался в Вашингтоне правительствами Пирса и Бьюкенена через своих «специальных представителей», иначе говоря — корреспондентов. При Линкольне он пытался добиться такого же положения окольным путем: его «специальный представитель» д-р *Джозс*, южанин и брат одного перебежавшего к конфедератам офицера, втерся с этой целью в доверие к Мак-Клееллану. Велики были, очевидно, по милости Мак-Клееллана

привилегии этого Джоэса в то время, когда во главе военного министерства стоял Камерон. От Стентона он ждал тех же поблажек и 8 февраля явился в военное ведомство, где военный министр, его главный секретарь и несколько членов конгресса как раз обсуждали ряд военных мероприятий. Ему указали на дверь. Он встал на дыбы, но в конце концов удалился, пригрозив, что «Herald» откроет огонь против нынешнего военного министерства, если будет лишен своей «специальной привилегии» знакомиться в военном ведомстве с результатами правительственных совещаний, телеграммами, официальными сообщениями и военными известиями. На следующее утро, 9 февраля, весь генеральный штаб Мак-Клееллана собрался у д-ра Джоэса на завтрак с шампанским. Но тут случилась беда. В комнату вошел унтер-офицер с шестью солдатами, арестовал могущественного Джоэса и отвел его в форт Мак-Генри, где он, согласно приказу военного министра, «будет содержаться под строгим надзором как шпион».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 61

от 3 марта 1862 г.

Без подписи.

ДРУЗЬЯ СЕЦЕССИОНИСТОВ В НИЖНЕЙ ПАЛАТЕ. — ПРИЗНАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ БЛОКАДЫ.

Лондон, 8 марта [1862 г.]

Parturiunt montes ¹! Английские друзья сецессии с самого открытия парламента грозили «запросом» по поводу американской блокады. Запрос, наконец, внесен в нижнюю палату в очень скромной форме предложения, которым правительство приглашается «представить дальнейшие документы о состоянии блокады», — и даже это скромное предложение было отвергнуто без соблюдения формальности поименного голосования.

Внесший запрос г. *Грегори*, депутат от Гальвея, уже в прошлогоднюю сессию парламента, вскоре после начала войны, выступил с предложением о признании Южной конфедерации. Его теперешней речи нельзя отказать в известной софистической ловкости. Но, к сожалению, эта речь неблагоприятна в том отношении, что она распадается на две части, из которых одна отрицает другую. В одной части изображается пагубное действие блокады на английскую хлопчатобумажную промышленность и *поэтому* содержится требование о снятии блокады. Другая часть, на основании представленных министерством бумаг, в том числе двух заявлений гг. Янси и Менна и г. Месона, доказывает, что блокады, кроме как на бумаге, вообще *не существует*, и поэтому она не должна более признаваться. Г-н Грегори приправлял свою аргументацию непрерывным цитированием «Times». «Times», которому напоминание о его оракульских изречениях в данный момент чрезвычайно не к стати, благодарит г. Грегори в *передовой*, где выставляет его на публичное осмеяние.

Запрос г. Грегори был поддержан г. *Бентинком*, крайним торием, который уже в течение двух лет тщетно старался вызвать в консервативном лагере сецессию от г. Дизраэли.

Сама по себе защита мнимых интересов английской промышленности г. Грегори, представляющим Гальвей, незначительную

¹ Начало латинской пословицы: «Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus» [Гора рождает мышь]. *Ред.*

гавань на западе Ирландии, и Бентинком, представителем от Норфолька, округа чисто земледельческого, была весьма забавным зрелищем.

Против них обоих выступил г. *Форстер*, представитель Бредфорда, одного из центров английской промышленности. Речь Форстера заслуживает более подробного рассмотрения, так как она окончательно доказывает бессодержательность разговоров, пущенных по Европе друзьями сецессионистов относительно характера американской блокады. Прежде всего, сказал он, Соединенные Штаты выполнили все требуемые международным правом формальности. Ни одной гавани они не объявили в состоянии блокады без предварительного заявления, без специального извещения о времени начала блокады, без установления 15 дней, по истечении которых запрещается вход и выход всем иностранным нейтральным судам.

Разговоры о «недействительности» блокады с точки зрения закона основываются, таким образом, на мнимо-частых случаях ее нарушения. До открытия парламента говорилось, что 600 судов нарушили блокаду. Г-н Грегори теперь уменьшает эту цифру до 400. Материал его доказательств основывается на двух списках, которые были вручены 30 ноября правительству комиссарами Юга *Янси* и *Менном*, и на одном дополнительном списке, врученном *Месонам*. По Янси и Менну с момента объявления блокады и до 20 августа ее прорвали более 400 судов, входивших в гавани и вышедших из них. Однако общее количество вошедших и вышедших судов достигает, по официальным отчетам местных таможен, лишь 322 судов. Из этого числа 119 вышли до объявления блокады, 56 — до истечения разрешенного срока в 15 дней. Остается 147 судов. Из этих 147 судов 25 были речными барками, плившими изнутри страны в Новый Орлеан, где они остались неиспользованными; 106 судов были каботажными и все, за исключением трех, по выражению самого Месона, «как бы речные». Из этих 106 судов 66 плавали между Мобилем и Новым Орлеаном. Для всякого, знающего эти берега, ясно, что нелепо называть прорывом блокады плавание какого-нибудь судна по лагунам, когда оно почти не выходит в открытое море и все время ползет вдоль берега. То же относится и к плаванью между Саваной и Чарльстоном, где суда скользят между островами и береговыми косами. По словам английского консула Бенча, эти плоскодонные суда появлялись в открытом море лишь в течение нескольких дней. За вычетом 106 каботажных судов остаются 16 выходов в иностранные гавани, из них 15 в американские, главным образом в Кубу, и 1 — в Ливерпуль. «Корабль», отправившийся

в Ливерпуль, был шкуной, точно так же, как и все остальные «корабли», за исключением одной лодки. Много говорилось, — воскликнул г. Форстер, — о мнимой блокаде. Но не является ли этот список гг. Янси и Менна мнимым списком? Подобному же анализу он подверг дополнительный список г. Месона и вдобавок показал, что число прорвавшихся крейсеров достигло всего 3—4, тогда как в последнюю англо-американскую войну не менее чем 516 крейсеров прорвали английскую блокаду и беспокоили английские берега. «Наоборот, эта блокада была изумительно эффективной начиная с самого ее объявления».

Дальнейшие доказательства дают отчеты английских консулов, а особенно южные преискуранты. 11 января премия за вывоз хлопка в Англию достигала в Новом Орлеане 100 %, за ввоз соли — 1 500 %, а прибыль на военную контрабанду была еще несравненно выше. Несмотря на столь соблазнительные прибыли, было столь же невозможно вывозить хлопок в Англию, как и ввозить соль в Новый Орлеан или Чарльстон. На самом деле г. Грегори жалуется не на то, что блокада была неэффективна, но на то, что она была чересчур эффективна. Он предлагает нам положить конец блокаде, чтобы тем самым прекратить падение промышленности и торговли. Достаточно простого ответа: «Кто предлагает палате уничтожить блокаду? Представители страдающих округов? Раздается ли этот крик из Манчестера, где принуждены закрывать фабрики, или из Ливерпуля, где корабли стоят на приколе в доках из-за отсутствия фрахтов? Наоборот. Он раздается из Гальвея и поддерживается Норфольком».

Среди друзей сецессионистов обращал на себя внимание еще г. *Линдсей*, крупный судостроитель в Северном Шильдсе. Линдсей предложил свои верфи Союзу, для чего он ездил в Вашингтон, где ему пришлось пережить огорчения из-за того, что его деловые предложения были отклонены. С этой поры он обратил свои симпатии на страну Сецессии.

Прения были завершены исчерпывающей речью сэра *Р. Пальмера*, верховного прокурора, который говорил от имени правительства. Он юридически обоснованно доказал допустимость блокады с точки зрения международного права. Пользуясь этим случаем, он действительно вдребезги разбил, как его упрекал лорд Сесиль, «новые основы», провозглашенные Парижской конвенцией 1856 года. Между прочим, он выразил свое удивление, что г. Грегори и К^о позволяют себе ссылаться в английском парламенте на авторитет господина *Отсфейля*. Этот с игопочки новый авторитет открыт

в бонапартистском лагере. Статьи Отефейля в «Revue Contemporaine» о морском праве нейтральных стран доказывают полное невежество либо злонамеренность по приказанию свыше.

Вместе с полным фиаско парламентских друзей сепессионистов в вопросе о блокаде устраняются всякие виды на возможность разрыва между Англией и Соединенными Штатами.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 70

от 12 марта 1862 г.

Без подписи.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АМЕРИКЕ.

I.

С какой бы точки зрения ни рассматривать гражданскую войну в Америке, она является зрелищем, не имеющим равного в летописях военной истории. Огромное протяжение спорной территории; широко растянутый фронт операционных линий; громадные массы неприятельских армий, при создании которых едва ли можно было опереться на какую-нибудь ранее существовавшую организационную базу; баснословные расходы на содержание этих армий; способ руководства ими и общие тактические и стратегические принципы ведения войны — все это совершенно ново для европейского наблюдателя.

Сецессионистский заговор, организованный задолго до его взрыва, пользовавшийся покровительством и поддержкой правительства Бьюкенена, дал Югу преимущество, с помощью которого он только и мог надеяться на достижение своей цели. Находясь под угрозой со стороны своего рабского населения и сильных унионистских элементов среди самих белых, имея на две трети меньше свободных жителей, чем Север, но зато более агрессивный благодаря множеству авантюристических бездельников, находящихся на его территории, Юг мог рассчитывать на успех только в случае быстрого, смелого, почти дерзкого наступления. Если бы южанам удалось занять Сен-Луи, Цинциннати, Вашингтон, Балтимору и, быть может, Филадельфию, то они могли бы рассчитывать на панику, во время которой дипломатия и подкуп обеспечили бы независимость всех рабовладельческих штатов. В случае же неудачи этой первой атаки, по крайней мере в решающих пунктах, их положение с каждым днем неизбежно должно было бы ухудшаться при одновременном усилении Севера. Это обстоятельство было правильно учтено лицами, истинно по-бонапартовски организовавшими сецессионистский заговор. Они открыли кампанию соответствующим образом. Их авантюристские банды ринулись на Миссури и Теннесси, в то время как более регулярные войска в это же время напали на

Восточную Виргинию, подготавливая смелый удар против Вашингтона. Неудача этого удара означала проигрыш всей кампании южан с *военной точки зрения*.

Север выступил на арену военных действий неохотно, вяло, как этого и следовало ожидать при его более высоком промышленном и торговом развитии. Социальная машина здесь несравненно сложнее, чем на Юге, и потребовалось гораздо больше времени, чтобы направить ее движение по этому необычному пути. Вербовка добровольцев сроком на три месяца была большой, но, быть может, неизбежной ошибкой. Политика Севера заключалась в том, чтобы на первых порах ограничиваться обороной на всех решающих пунктах, организовывать свои силы, тренировать их посредством мелких операций, не втягиваясь в решительные бои, с тем, чтобы потом, когда организация будет достаточно укреплена, а армия более или менее очищена от предательских элементов, перейти в энергичное неустанное наступление и прежде всего отвоевать Кентукки, Теннесси, Виргинию и Северную Каролину. Превращение граждан в солдат должно было потребовать на Севере больше времени, чем на Юге. Но, раз добившись этого превращения, можно было рассчитывать на индивидуальное превосходство северянина.

В общем и целом, за вычетом ошибок, проистекавших скорее из политических, чем из военных источников, Север действовал в согласии с вышеупомянутыми принципами. Малая война в Миссури и Западной Виргинии, охраняя унионистское население, приучала в то же время войска к полевой службе и к огню, не подвергая их опасности серьезных поражений. Позор под Буль-Реном был до известной степени результатом прежней ошибки вербовать добровольцев на три месяца. Было нелепо бросить необученных рекрутов в лобовую атаку против сильной позиции, в неудобной местности, при наличии лишь незначительно уступающего по численности неприятеля. Паника, которая в решительную минуту овладела унионистской армией — причины этой паники до сих пор еще не выяснены, — не могла удивить людей, хоть сколько-нибудь знакомых с историей народных войн. Подобные вещи случались очень часто с французскими войсками в 1792—1795 гг., что, однако, не помешало тем же войскам одержать победы под Жемашпом и Флерюсом, Монтенотте, Кастильоне и Риволи. Плоские шутки европейской печати по поводу паники под Буль-Реном можно извинить только одним — предшествующим бахвальством части северо-американской прессы.

Шестимесячная передышка, последовавшая за поражением под Манассасом, была лучше использована Севером, чем Югом. Северные

войска не только получили более значительные пополнения, чем южные, — их офицерам были даны более правильные инструкции; дисциплина и обучение войск не наталкивались у них на такие препятствия, как у южан. Предатели и негодные элементы, втершиеся в армию, были постепенно удалены, и период булль-ренской паники отошел в прошлое. К армиям обоих противников нельзя, конечно, прилагать мерку больших европейских армий или хотя бы даже прежней регулярной армии Соединенных Штатов. Наполеон мог в свое время обучить батальон свежих рекрутов в течение первого месяца в лагерях, чтобы на второй месяц отправить его в поход, а в третий — пустить в бой, но ведь каждый такой батальон получал достаточное количество опытных офицеров и унтер-офицеров, каждая рота — несколько старых солдат, а в день боя молодые рекруты соединялись в общие бригады с ветеранами и, так сказать, обрамлялись ими. Все эти условия в Америке отсутствуют. Без значительного военного опыта, привнесенного в Америку в результате европейских революционных волнений 1848—1849 гг., организация унионистской армии потребовала бы гораздо большего времени. Очень небольшое число убитых и раненых сравнительно с общим количеством участвующих в бою людей (обыкновенно один на двадцать) доказывает, что в большинстве сражений, даже в последних боях в Кентукки и Теннесси, применялось главным образом огнестрельное оружие на достаточно значительном расстоянии и что случайные штыковые атаки либо быстро прерывались огнем противника, либо обращали противника в бегство, прежде чем дело доходило до рукопашной. Между тем, благодаря успешному продвижению Бьюэля и Галлека через Кентукки в Теннесси, началась новая кампания при более благоприятных предзнаменованиях.

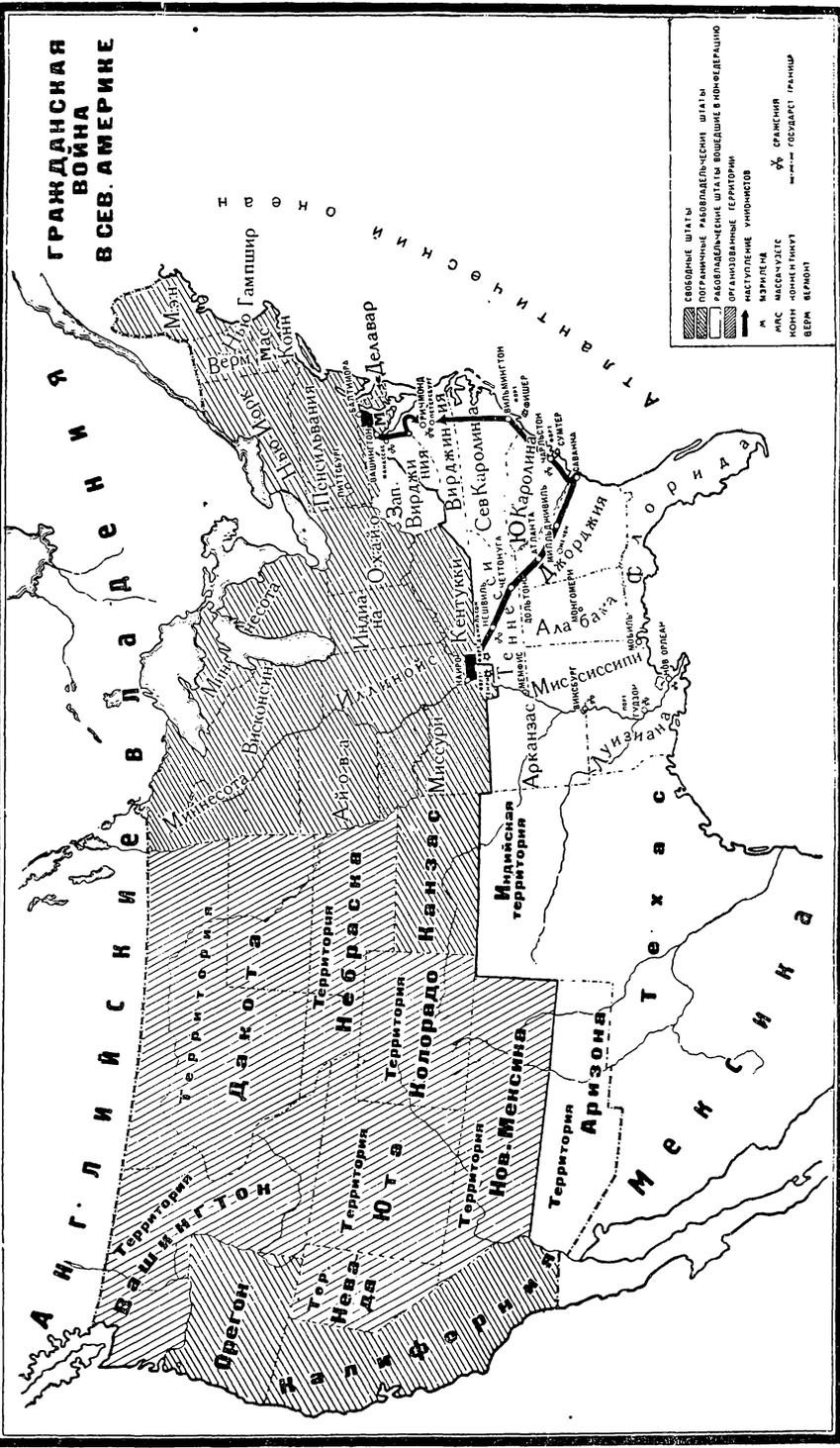
Взяв обратно Миссури и Западную Виргинию, Союз открыл поход продвижением в Кентукки. Здесь сецессионисты имели три сильных позиции: Колумбус на Миссисипи — на левом фланге, Боулинг-Грин — в центре и Милль-Спринг на реке Кемберленд — справа. Их фронт тянулся на 300 миль с запада на восток. Растянутость этой линии отнимала у трех корпусов возможность поддерживать друг друга и позволяла унионистским войскам нападать на каждый из них в отдельности с превосходящими силами. Главная ошибка в расположении сил сецессионистов заключалась в том, что они пытались занимать все позиции. Один единственный укрепленный сильный центральный лагерь, выбранный в качестве места для будущего решающего боя и занятый главной массой войск, был бы несравненно выгоднее для обороны Кентукки. Он или привлек

бы к себе главные силы унионистов, или поставил бы их в опасное положение, если бы они попытались двигаться вперед, не считаясь с такой сильной концентрацией неприятельских войск.

При данных обстоятельствах унионисты решили атаковать три названных лагеря по порядку, выбить из них неприятеля и затем принудить его к бою в открытой местности. Этот план, соответствовавший всем правилам военного искусства, был выполнен быстро и энергично. К середине января унионистский корпус, приблизительно в 15 000 человек, двинулся на Милль-Спринг, где стояло 20 000 сецессионистов. Унионисты маневрировали таким образом, что противник решил, что перед ним лишь слабый разведочный отряд. Генерал Цолликофер попался на эту удочку, вышел из своего укрепленного лагеря и атаковал унионистов. Он тотчас же убедился, что имеет дело с превосходящим его неприятелем. Он пал, а его войска потерпели такое же полное поражение, как унионисты под Булль-Реном. Но на этот раз победа была использована совершенно иначе. Победители жестоко преследовали разбитую армию по пятам, покуда она не добралась до своего лагеря в Милль-Спринге, разбитая, деморализованная, без полевой артиллерии и обоза. Этот лагерь был расположен на северном берегу реки Кемберленд, так что в случае нового поражения войска не имели бы другого пути к отступлению, кроме переправы через реку на немногих пероходах и лодках. Вообще мы видим, что почти все свои лагеря сецессионисты разбивали на *неприятельском* берегу реки. Такое расположение, когда в тылу есть мост, не только формально правильно, но и весьма практично. Лагерь служит в таком случае предметным укреплением, и стоящие в нем войска могут быть при желании брошены на оба берега реки, чем обеспечивается полное господство над последней. Но зато нахождение лагеря на неприятельской стороне реки без моста в тылу отрезывает в случае неудачного боя путь к отступлению и вынуждает войска к капитуляции или же обрекает их на бойню или гибель в воде, как это случилось с унионистами при Болл-Блеффе на неприятельском берегу Потомака, куда завело их предательство генерала Стона.

Добравшись до своего лагеря в Милль-Спринге, разбитые сецессионисты тотчас же поняли, что либо надо отбить атаку противника на их укрепления, либо в скором времени придется капитулировать. После утреннего урока они потеряли доверие к своим силам. И когда унионисты двинулись на следующий день в атаку, они увидели, что неприятель использовал ночь, чтобы переправиться через реку, оставив позади лагерь, обоз, артиллерию и все припасы. Таким

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВ. АМЕРИКЕ

КАРТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ.

образом, крайний правый фланг сецессионистской линии был отодвинут к Теннесси, а восточный Кентукки, где масса населения настроена враждебно к рабовладельческой партии, снова перешел в руки унионистов.

К этому же времени — около середины января — начались приготовления к вытеснению сецессионистов из Колумбуса и Боулинг-Грина. Была снаряжена сильная флотилия из мортирных лодок и броненосных канонерок, и всюду разглашалось, что она должна сопровождать многочисленную армию, идущую вдоль Миссисипи из Каиро в Мемфис и Новый Орлеан. Однако все демонстрации на Миссисипи были только ложным маневром. В решающую минуту канонерки были переправлены на Огайо, а оттуда на Теннесси, по которому они поднялись до форта Генри. Этот пункт, вместе с фортом Доннельсон на реке Кемберленд, составлял вторую оборонительную линию сецессионистов в Теннесси. Позиция была выбрана удачно, ибо, в случае отступления за Кемберленд, эта река прикрывала бы их фронт, левым флангом которого является Теннесси, узкая же полоса земли между обоими реками была достаточно защищена обоими вышеназванными фортами. Однако быстрым ударом унионистов вторая линия была прорвана раньше, чем подверглись нападению левый фланг и центр первой линии.

В первую неделю февраля канонерки унионистов появились перед фортом Генри, который после короткой бомбардировки сдался. Гарнизон ускользнул в форт Доннельсон, ибо сухопутных сил экспедиционного отряда было недостаточно для окружения сдавшихся. После этого канонерки вернулись вниз по Теннесси, поднялись по Огайо, а оттуда направились вверх по Кемберленду к форту Доннельсон. Одна только канонерка смело поплыла вверх по Теннесси, через самый центр штата Теннесси, миновала штат Миссисипи и дошла до Флоренса на севере Алабамы, где ряд болот и мелей (известных под названием *Mussle-shoals*) мешает дальнейшему плаванию. То обстоятельство, что одинокая канонерка могла проделать этот длинный, не менее чем в 150 миль, путь и затем вернуться обратно, ни разу не подвергшись нападению, доказывает, что вдоль реки преобладают унионистские настроения и что унионистские войска выигрывают очень много, если им удастся проникнуть так далеко.

Речная экспедиция на Кемберленде комбинировала свои движения с движением сухопутных сил, которыми командовали генералы Галлек и Грант. Сецессионисты в Боулинг-Грине были обмануты передвижениями унионистов. Они продолжали спокойно

сидеть в своем лагере, между тем как через неделю после падения форта Генри форт Доннельсон уже был обложен со стороны суши 40-тысячным отрядом унионистов, а с реки ему угрожала сильная флотилия канонерок. Подобно лагерю в Милль-Спринге и форту Генри, форт Доннельсон тоже упирался тылом в реку, без моста на случай отступления. Это была самая сильная из всех позиций, какая до сих пор атаковалась унионистами. Укрепления этого форта были возведены весьма тщательно, а в нем самом было достаточно простора для размещения его 20-тысячного гарнизона. В первый день атаки канонерки заставили замолчать огонь батарей, направленных на реку, и обстреляли внутренние части укреплений, в то время как сухопутные войска оттеснили неприятельские форпосты и принудили основную массу сецессионистов искать спасения около своей собственной крепостной артиллерии. На второй день канонерки, сильно пострадавшие накануне, действовали, повидимому, слабо. Зато сухопутным войскам пришлось выдержать продолжительный и местами очень горячий бой с отрядом гарнизона, пытавшимся прорвать правый фланг неприятеля, чтобы обеспечить себе линию отступления на Нешвилль. Однако энергичный натиск унионистского правого фланга на левый фланг сецессионистов и значительные подкрепления, полученные левым флангом унионистов, решили исход сражения в пользу наступающих. Ряд внешних укреплений был взят штурмом. Гарнизон, загнанный за внутреннюю крепостную линию, без шансов на отступление и явно неспособный оказать на следующее утро сопротивление новому натиску, сдался на другой же день без всяких условий.

II.

С падением форта *Доннельсон* артиллерия, обоз, военные припасы противника оказались в руках унионистов; 13 000 сецессионистов сдались в день взятия форта, еще 1 000 человек — на следующий день, и как только передовые части победителя появились у Кларквилля, города, лежащего выше по течению Кемберленда, он тотчас же раскрыл им свои ворота. Здесь тоже оказалось большое количество провианта, припасенного в свое время для сецессионистов.

Во взятии форта *Доннельсон* загадочным является лишь одно обстоятельство: бегство генерала Флойда с 5 000 человек на второй день бомбардировки. Группа бежавших была слишком многочисленна, чтобы ускользнуть ночью на пароходах. При известных мерах предосторожности со стороны нападавших она не могла бы уйти.

Спустя семь дней после капитуляции форта Доннельсон федералисты заняли Нешвилль. Расстояние между двумя этими пунктами составляет около 100 английских миль, и переход по 15 миль в день, по отвратительным дорогам, в самое неблагоприятное время года, делает честь унионистским войскам. Узнав о падении форта Доннельсон, сецессионисты очистили Боулинг-Грин; неделю спустя они ушли из Колумбуса, отступив на 45 миль к югу, на один из островов Миссисипи. Таким образом, штат Кентукки целиком отвоеван унионистами. В Теннесси же сецессионисты смогут удержаться только в том случае, если они дадут и выиграют большое сражение. С этой целью они действительно уже как будто сосредоточили 65 000 человек. Ничто, однако, не мешает унионистам противопоставить им еще более крупную силу.

Руководство кентуккской кампанией от Сомерсета до Нешвилля заслуживает величайшей похвалы. Обратное завоевание столь обширной области, переход от Огайо до Кемберленда в течение одного лишь месяца свидетельствуют об энергии, решительности и быстроте, редко достигавшихся регулярными армиями в Европе. Сравните, например, медленное продвижение союзников от Мадженты до Сольферино в 1859 г., — без преследования отступающего противника, без всяких попыток отрезать отстающих или обойти и окружить целые войсковые части неприятельской армии.

Галлек и Грант в особенности представляют прекрасные образцы решительного военного командования. Нисколько не считаясь ни с Колумбусом, ни с Боулинг-Грином, они концентрируют свои силы против решающих пунктов, форта Генри и форта Доннельсон, быстро и энергично овладевают ими и этим ставят в безвыходное положение Колумбус и Боулинг-Грин. Затем они тотчас же идут на Кларквилль и Нешвилль, не дав времени отступающим сецессионистам занять новые позиции в Северном Теннесси. Во время этого стремительного преследования сецессионистский корпус в Колумбусе оставался совершенно отрезанным от центра и правого фланга своей армии. Английские газеты несправедливо критиковали эту операцию. Если бы даже атака на форт Доннельсон окончилась неудачей, сецессионисты у Боулинг-Грина, угрожаемые генералом Бьюзлем, все равно не могли бы выделить такое количество людей, которое позволило бы гарнизону преследовать потерпевших неудачу унионистов или угрожать их отступлению. Что же касается Колумбуса, то он удален настолько, что никак не мог бы помешать движениям Гранта. В самом деле, после того как унионисты очистили от сецессионистов Миссури, Колумбус потерял для них всякое

значение. Войска, составлявшие его гарнизон, должны были в самом спешном порядке отступить к Мемфису или Арканзасу, чтобы избежать опасности бесславной сдачи.

В результате очищения Миссури и отвоевания Кентукки театр военных действий сузился настолько, что различные армии получили возможность по всей операционной линии до известной степени действовать совместно и добиваться определенных результатов. Другими словами, война только теперь начинает принимать *стратегический* характер, и географическое положение страны приобретает новый интерес. Задача северных генералов заключается теперь в том, чтобы отыскать ахиллесову пяту хлопковых штатов.

До самого взятия Нешвилля между кентуккской армией и армией на Потомаке не могло быть никакого стратегического единства. Они были слишком далеки друг от друга. Они занимали один и тот же фронт, но их операционные линии были совершенно различны. Лишь после победоносного наступления в Теннесси движения кентуккской армии приобрели значение для всего театра военных действий.

Инспирируемые Мак-Клеелланом американские газеты очень носятся с теорией «удавного» («Anaconda») окружения. Согласно этой теории, огромная линия армий должна окружить мятежников, все более и более стягивать свои звенья и в конце концов задушить противника. Это — чистое ребячество. Это — возрождение изобретенной в Австрии около 1770 г. так называемой «*кордонной системы*», которая с таким большим упрямством и всегда так неудачно применялась в 1792—1797 гг. против французов. Под Жемаппом, Флерюсом и особенно при Монтенотте, Миллезимо, Дего, Кастильоне и Риволи этой системе был положен конец. Французы рассекали «удава» пополам, ударяя в одном пункте, где они сосредоточивали превосходящие силы. Затем отдельные части «удава» разрубались по очереди.

В густо населенных и более или менее централизованных государствах всегда имеется центр, занятие которого неприятелем должно сломить возможность дальнейшего сопротивления нации. Блестящий пример — Париж. Но в рабовладельческих штатах нет такого центра. Они заселены редко, в них мало крупных городов, а те, какие есть, лежат на побережьях. Спрашивается: существует ли у них все-таки военный центр тяжести, с потерей которого был бы сломлен спинной хребет их сопротивления, или же они, подобно России в 1812 г., не могут быть завоеваны без занятия каждой

отдельной деревни и отдельной местности, — словом, без занятия всей периферии?

Бросим взгляд на географический облик отложившейся территории с ее длинной береговой полосой вдоль Атлантического океана и такой же длинной полосой вдоль Мексиканского залива. Пока конфедераты держали в своих руках Кентукки и Теннесси, занятая ими территория составляла большую компактную массу. Потеря двух этих штатов вгоняет в их территорию огромный клин, отделяющий штаты у северного Атлантического океана от штатов у Мексиканского залива. Прямая дорога из Виргинии и обеих Каролин в Техас, Луизиану, Миссисипи и отчасти даже в Алабаму ведет через Теннесси, который занят теперь унионистами. *Единственная* дорога, которая после полного завоевания Теннесси унионистами будет связывать обе группы рабовладельческих штатов, лежит через Георгию. Это доказывает, что *Георгия служит ключом к сецессионистской территории*. С потерей Георгии Конфедерация оказалась бы разрезанной на две части, лишённые всякой взаимной связи. Обратное же завоевание Георгии сецессионистами было бы едва ли возможно, потому что унионистские боевые силы сосредоточились бы в одном центральном пункте, в то время как их противники, разделенные на два лагеря, не смогли бы предоставить достаточно сил для общего наступления.

Потребовалось ли бы для подобной операции завоевание всей Георгии, включая побережье Флориды? Совсем нет. В стране, где сообщение, особенно между отдаленными пунктами, в гораздо большей мере зависит от железных дорог, чем от шоссе, достаточно захватить железные дороги. Самая южная железнодорожная линия между штатами у Мексиканского залива и атлантическим побережьем проходит через Мекон и Гордон при Миллледжвиле.

Занятие этих обоих пунктов разрезало бы сецессионистскую территорию на две части и дало бы унионистам возможность разбить их по очереди. Из вышеизложенного также следует, что ни одна из южных республик не жизнеспособна без обладания Теннесси. Без Теннесси жизненный нерв Георгии оказался бы на расстоянии всего лишь восьми-или десятидневного перехода от границы; Север все время держал бы тогда кулак над самой головой Юга, и при малейшем нажиме Юг должен был бы отступить, либо снова начать бороться за свое существование в таких условиях, когда одно единственное поражение отняло бы у него всякие виды на успех.

Из изложенного следует:

Потомак *не* является важнейшей позицией на театре военных

действий. Взятие Ричмонда и дальнейшее наступление потомакской армии к югу, — затрудненное многочисленными реками, которые пересекают путь, — могло бы произвести огромное моральное впечатление. С чисто военной точки зрения это *ничего* не решило бы.

Решение исхода кампании принадлежит кентуккской армии, находящейся ныне в Теннесси. С одной стороны, эта армия ближе всего к решающим пунктам, с другой — она занимает территорию, без которой сецессионистская сторона не жизнеспособна. А потому эту армию следовало бы усилить за счет всех остальных, жертвуя для этой цели всеми мелкими операциями. Ближайшими объектами для ее действий были бы Четтенуга и Дольтон в верхнем Теннесси, эти важнейшие железнодорожные центры на всем юге. После их занятия связь между восточными и западными сецессионистскими штатами ограничилась бы коммуникационными линиями Георгии. Дальнейшая задача заключалась бы в том, чтобы, захватив Атланту и Георгию, отрезать другую железнодорожную линию и, наконец, захватив Мекон и Гордон, уничтожить последнюю связь между обеими группами.

Если же вместо этого будет принят план «удавного» окружения, то, несмотря на все успехи в отдельных пунктах, даже на Потомаке, война затянется до бесконечности, открывая в то же время широкий простор финансовым затруднениям и дипломатическим интригам.

Написана К. Марксом и Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «Die Presse» №№ 84 и 85
от 26 и 27 марта 1862 г.*

Без подписи.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ АФЕРА МИРЭ.

Лондон, 28 апреля [1862 г.]

Главной темой разговоров в здешних дипломатических кругах служит выступление Франции в Мексике. Находят загадочным то обстоятельство, что Луи Бонапарт усилил свои экспедиционные войска как раз в тот момент, когда он обещал сократить их, и что он собирается наступать, когда Англия идет на-попятную. Здесь превосходно знают, что толчок к мексиканской экспедиции исходил от сен-джемского, а не от тюильрийского кабинета. Так же хорошо знают, что Луи Бонапарт предпочитает осуществлять свои замыслы, в особенности же свои заокеанские авантюры, под английской эгидой. Реставрированная империя, как известно, не усвоила еще умения своего оригинала вводить французские войска в современные европейские столицы. За неимением лучшего она постаралась ввести их в столицы древней Европы — в Константинополь, Афины, Рим, а вдобавок еще и в Пекин. Так неужели же отказаться от театрально-эффектной прогулки в столицу ацтеков и от удобного случая заняться военно-археологическим коллекционерством à la Монтобан? Однако, если присмотреться к теперешнему состоянию французских финансов и вдуматься в будущие серьезные конфликты с Соединенными Штатами и Англией, к которым может привести выступление Луи Бонапарта в Мексике, то становится ясно, что объяснить его шаг вышеуказанным мотивом, как это охотно делают различные английские газеты, решительно невозможно. Мне думается, я могу сообщить вам разгадку вопроса.

В период действия конвенции от 17 июля 1861 г., когда должны были быть урегулированы претензии английских кредиторов, причем, однако, английский уполномоченный потребовал предъявления ему списка всех мексиканских долгов или «грехов», мексиканский министр иностранных дел определил долг, следуемый Франции, в 200 000 долларов, т. е. в пустяковую сумму в 40 000 ф. ст. Счет, предъявленный *теперь* Францией, отнюдь не укладывается в эти скромные рамки.

При католическом правительстве Зулоаги и Мирамона были выпущены через посредство швейцарского банкирского дома И. Б. Иеккера и № мексиканские государственные облигации на сумму 14 000 000 долларов. Вся сумма, реализованная при первом выпуске

этих облигаций, составила только 5% номинального выпуска, или 700 000 долларов. Все выпущенные облигации очень скоро попали в руки выдающихся французов, в том числе родственников императора, и людей причастных к «haute politique» [высокой политике]. Фирма Иеккер и К^о сбывла этим господам названные облигации гораздо дешевле их первоначальной номинальной цены.

Мирамон заключил этот долг в то время, когда столица была в его руках. Позднее, когда он спустился до роли простого вождя партизанских отрядов, он снова выпустил через своего так называемого министра финансов, сеньора Пеца-и-Пеца, государственные облигации на номинальную сумму в 38 000 000 долларов; посредником при этом выпуске опять-таки явился банкирский дом Иеккер и К^о, ограничивший, однако, на этот раз свои кредиты скромной суммой около 500 000 долларов, или 1—2 процентами на доллар. И снова швейцарские банкиры постарались как можно скорее отделаться от своего мексиканского имущества, и снова облигации попали в руки «выдающихся» французов, в том числе нескольких завсегдатаев императорского двора, имена которых будут жить так же долго, как и афера Мира, в летописях европейской биржи.

Вот этот-то долг в 52 000 000 долларов, из которых до сих пор не внесено даже 4 200 000, и отказывается признать правительство президента Хуареса, с одной стороны — потому, что оно ничего о нем не знает, с другой — потому, что господа Мирамон, Зулоага и Пеца-и-Пеца не имели конституционных полномочий для заключения такого государственного долга. Однако вышеупомянутые «выдающиеся» французы сумели провести в решающей инстанции противоположную точку зрения. В свою очередь лорд Пальмерстон был своевременно уведомлен некоторыми членами парламента, что все это дело может привести к крайне неприятным запросам в нижней палате. Между прочим, следует опасаться вопроса, допустимо ли использование сухопутного и морского могущества Великобритании для поддержки финансовых спекуляций некоторых «красно-черных» политиков по ту сторону канала. Пальмерстон жадно ухватился поэтому за конференцию в Орицабе, чтобы выйти сухим из дела, грозящего превратиться в грязную интернациональную аферу Мира.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 130

от 12 мая 1862 г.

Без подписи.

АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА И ПАДЕНИЕ НОВОГО ОРЛЕАНА.

Лондон, 16 мая [1862 г.]

При первых слухах о падении Нового Орлеана «Times», «Herald», «Standard», «Morning Post», «Daily Telegraph» и прочие английские «sympathisers» [сочувствующие] южным рабовладельцам тотчас же стали доказывать на основании стратегических, тактических, филологических, эвзегетических, политических, моральных и фортификационных соображений, что полученное известие — одна из тех «уток» («canards»), какие так часто пускаются Рейтером, Гавасом, Вольфом и их подголосками. Естественные оборонительные средства Нового Орлеана были усилены, — писали газеты, — не только вновь сооруженными фортами, но и всякого рода подводными адскими машинами и броненосными канонерками. Газеты подчеркивали далее спартанский дух новоорлеанцев и их смертельную ненависть к наемникам Линкольна. И, наконец, разве не под Новым Орлеаном было нанесено в свое время поражение Англии, положившее поворный конец ее второй войне с Соединенными Штатами (1812—1814 гг.)? Не остается сомнения, таким образом, что Новый Орлеан будет увековечен в истории как вторая Сарагосса или как Москва Юга («des Südentums»). К тому же он таил в себе 15 000 кип хлопка, с помощью которых так легко было зажечь неугасимый костер для самосожжения, хотя напомним, что в 1814 г. хорошо смоченные кипы хлопка оказались более стойкими против зажигательных снарядов, чем земляные укрепления Севастополя. Итак, ясно, как день, что падение Нового Орлеана — очередное хвостовство янки.

Когда через два дня, с прибытием пароходов из Нью-Йорка, первые слухи о победе северян подтвердились, большинство английских сочувствующих рабовладельцам газет продолжало упорствовать в своем скептицизме. «Evening Standard», например, была так несокрушимо тверда в своей неверии, что в одном и том же номере этой газеты в передовой черным по белому была доказана неприступность города Полумесяца¹, а в отделе «последних известий»

¹ «Город Полумесяца» (Crescent City) — название Нового Орлеана, расположенного на крутом изгибе реки Миссисипи. *Ред.*

большими буквами сообщалось о падении этого неприступного города. Наоборот, «Times», всегда считавший осторожность важнейшей частью храбрости, переменял тон. Правда, газета еще продолжала сомневаться, но в то же время была уже готова ко всему, ибо ведь Новый Орлеан — город негодяев («rowdies»), а не героев. «Times» оказался на этот раз прав. Новый Орлеан был основан отбросами французской богемы, это в полном смысле слова французская колония преступников, и он ни разу за все время своего существования не отрекался от своего происхождения. Жаль только, что «Times» задним числом пришел к этому довольно распространенному взгляду.

В конце концов, однако, fait accompli [совершившийся факт] должен был убедить даже самого неверующего Фому. Как быть? Английская пресса, сочувствующая рабовладельцам, доказывает теперь, что падение Нового Орлеана выгодно для конфедератов и является поражением федералистов.

Падение Нового Орлеана дало возможность генералу Лоуэллу усилить своими войсками армию Борегара, который тем более нуждается в этом подкреплении, что на его фронте Галлеком будто бы сосредоточено 160 000 человек (цифра явно преувеличенная), а с другой стороны, связь Борегара с Востоком отрезана генералом Митчелем, который прервал железнодорожное сообщение из Мемфиса в Четтенугу, т. е. на Ричмонд, Чарльстон и Савану. После этого прорыва (на стратегическую необходимость которого мы указывали еще задолго до коринфской битвы) Коринф остался у Борегара без всякой железнодорожной связи, если не считать двух линий, соединяющих его с Мобилем и Новым Орлеаном. А когда после падения Нового Орлеана он остался при единственном железнодорожном пути в Мобиль, он уже не мог, конечно, снабжать свои войска необходимым провиантом и отошел поэтому в Мемфис, и, по мнению английской сочувствующей рабовладельцам прессы, его перспективы снабжения повысились с прибытием войск Лоуэлла!

С другой стороны, — заявляют те же оракулы, — федералисты в Новом Орлеане будут истреблены желтой лихорадкой, а если Новый Орлеан в конце концов и не Москва, зато не является ли его бургомистр Брутом? Прочтите только (ср. сообщение из Нью-Йорка) его мелодраматически-храброе послание командующему Фаррету. «Brave words, Sir, brave words!» [«Смело сказано, сэр, смело сказано!»], но крепкими словами костей не перешибешь (harte Worte brechen keine Knochen).

Газеты южных рабовладельцев смотрят, однако, на падение

Нового Орлеана не так оптимистично, как их английские утешители. В этом можно убедиться из следующих выдержек.

«Richmond Dispatch» пишет: «Что случилось с броненосными канонерками, с «Миссисипи» и «Луизианой», которые должны были спасти город Полумесяца? Их боевой эффект оказался таким же, как если бы они были сделаны из стекла. Бесмысленно отрицать, что падение Нового Орлеана — тяжёлый удар. Правительство Конфедерации отрезано теперь от Западной Луизианы, Техаса, Миссури и Арканзаса».

«Norfolk Day Book» замечает: «Это — самое серьезное поражение с начала войны. Оно повлечет за собой лишения и тяготы для всех слоев общества и, что хуже всего, оно ставит под угрозу снабжение наших армий».

«Atlantic Intelligencer» жалуется: «Мы ожидали другого результата. Приближение врага не было неожиданно; мы это давно предвидели, и нас уверяли, что если он даже обойдет форт Джексон, то страшный артиллерийский огонь принудит его к отступлению или даже истребит его. Все это оказалось самообманом, как и всякий раз, когда безопасность какого-нибудь пункта или города считалась обеспеченной крепостными сооружениями. Новейшие изобретения уничтожили, повидимому, сопротивляемость крепостей. Броненосные канонерки сокрушают их или преспокойно проплывают мимо. Мы опасаемся, что Мемфис разделит судьбу Нового Орлеана. Разве не глупо обольщаться пустыми надеждами?»

Наконец, «Petersburg Express» заявляет: «Взятие Нового Орлеана федералистами — самое важное и роковое событие за всю войну».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 138

от 20 мая 1862 г.

Без подписи.

ДОГОВОР ПРОТИВ РАБОТОРГОВЛИ.

Лондон, 18 мая [1862 г.]

Американские газеты полностью публикуют теперь договор о борьбе с работорговлей, заключенный 7 апреля т. г. в Вашингтоне между Соединенными Штатами и Англией. Главные пункты этого важного документа следующие. Право обыска взаимно, но может осуществляться с обеих сторон только теми военными судами, которые специально уполномочены на это одной из договаривающихся держав. Договаривающиеся державы время от времени представляют друг другу исчерпывающую статистику о той части своего флота, которая выделена для надзора за торговлей неграми. Право обыска имеет силу только по отношению к торговым судам, на расстоянии 200 миль от африканского берега, к югу от 32 градуса северной широты и на расстоянии не менее 30 морских миль от берегов Кубы. Обыск судов — как английских судов американскими крейсерами, так и американских английскими — не допускается в той части моря (т. е. на расстоянии трех морских миль от берега), которая принадлежит к английской или к американской территории; не допускается обыск также и перед портами или колониями чужих держав.

Дела об арестованных судах рассматриваются смешанными судебными трибуналами, состоящими наполовину из англичан, наполовину из американцев и находящимися в Сиерра-Леоне, Капштадте и Нью-Йорке. В случае признания судна виновным, его судовая команда, поскольку это осуществимо без слишком больших расходов, выдается судебным властям той нации, под флагом которой судно плавало. И не только судовая команда (капитан, рулевой и т. д.), но и владельцы судна несут в таком случае установленное наказание. Торговые суда, оправданные смешанными судами, получают в течение года возмещение от той державы; под флагом которой плавало захватившее их военное судно. Законным поводом для ареста судов считается не только присутствие на них пленных негров, но и наличие в снаряжении судна специальных приспособлений для работорговли, ручных кандалов, цепей и прочих орудий для того, чтобы держать негров под стражей, наконец съестных

припасов, в количестве, явно превышающем потребности команды. Судно, на котором обнаружены подобные подозрительные вещи, должно доказать свою невиновность, причем даже в случае оправдания не имеет права на возмещение.

Командир крейсера, превысивший свои предусмотренные договором полномочия, отвечает перед правительством соответствующей страны. Если командир крейсера одной из договаривающихся держав заподозрит какое-нибудь торговое судно в том, что оно под прикрытием одного или нескольких военных судов другой договаривающейся державы везет негров или что оно участвовало в торговле африканскими рабами или было снаряжено для такой торговли, — то он должен сообщить свои подозрения командиру эскортирующих судов и вместе с ним обыскать заподозренное судно, которое должно быть затем отведено в место пребывания одного из смешанных судебных трибуналов, если оно, согласно условиям договора, подходит под категорию подозрительных судов. Находившиеся на осужденном судне негры поступают в распоряжение правительства, под флагом которого состоялась поимка. Они немедленно отпускаются на свободу, и их дальнейшая свобода гарантируется тем правительством, на территории которого они находятся. Договор может быть расторгнут только через десять лет. Он остается в силе в течение целого года с момента заявки о его расторжении одной из договаривающихся сторон.

Настоящим англо-американским договором — который является результатом гражданской войны в Америке — торговле неграми нанесен смертельный удар. Действие договора будет усилено внесенным недавно сенатором Семнером законопроектом, которым отменяется закон 1808 г. о торговле неграми в прибрежных городах Соединенных Штатов и перевозка рабов из одного порта Соединенных Штатов в другой наказуется как преступное деяние. Этим законопроектом будет парализована большая часть торговли, ведшейся между штатами, которые разводят негров (*border slave states*) и штатами, которые их потребляют (*slave states* в собственном смысле слова).

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 140

от 22 мая 1862 г.

Без подписи.

ПОЛОЖЕНИЕ НА АМЕРИКАНСКОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ.

Как выясняется из только что полученных подробных сообщений, взятие Нового Орлеана является прямо небывалым, блестящим подвигом флота. Флот унионистов состоял из одних деревянных судов: у них было всего около шести военных судов, вооруженных от 14 до 25 пушек каждое, с многочисленной вспомогательной эскадрой канонерок и мортирных лодок. Этот флот имел перед собой два форта, преграждавших проход в Миссисипи. В сфере действия 100 орудий этих фортов река была преграждена мощной цепью, за которой были нагромождены торпеды, зажигательные плоты и другие орудия разрушения. Чтобы пройти между фортами, нужно было преодолеть эти первые препятствия. Но за фортами имелась еще вторая грозная линия обороны из броненосных канонерок, в числе которых был «Манассас», железный таран, и «Луизиана», мощная пловучая батарея. После того как в течение первых шести дней унионисты без всякого результата обстреливали оба форта, целиком господствующие над рекой, они решили пробиться сквозь их огонь, тремя дивизионами форсировать железный барьер, подняться вверх по течению и ввязаться в бой с «железнобокими» («ironsides»). Эта отважная попытка удалась. А как только флотилия появилась перед Новым Орлеаном, победа, естественно, была решена.

После этого Борегару нечего уже было защищать в Коринфе. Его позиция там имела смысл только до тех пор, пока она прикрывала Миссисипи и Луизиану, в особенности же Новый Орлеан. Теперь его стратегическое положение таково, что в результате проигранного сражения ему ничего не оставалось бы, как разбить свою армию на мелкие партизанские отряды, ибо без большого города с сосредоточенными в нем железнодорожными линиями и средствами снабжения в тылу своей армии он не сможет долее удержать под своей командой массы.

Мак-Клееллан неопровержимо доказал, что он — военная бездарность, случайно вознесенная на высокий и ответственный пост, и что в военных операциях он стремится не к тому, чтобы разгромить

врага, а чтобы избежать лишь собственного разгрома и таким образом не выпустить из рук свою узурпированную власть. Он ведет себя, как старые, так называемые «маневрирующие генералы», которые оправдывали свой страх перед всяким решительным тактическим шагом тем, что они-де путем стратегического обхода вынуждают врага к сдаче своих позиций. Конфедераты всегда ускользают от него, потому что он никогда не ударяет по ним в решительную минуту. Так, он дал им спокойно отступить из Манассаса в Ричмонд, хотя об их готовящемся отступлении сообщалось за десять дней до того даже в нью-йоркских газетах (например, в «Tribune»). Затем он разделил свою армию и стратегически обошел противника с флангов, укрепившись с одним корпусом перед Иорктауном. Крепостная война всегда является поводом для проволочек и уклонения от боя. Как только он сосредоточил силы, численно превосходящие конфедератов, он позволил им отойти от Иорктауна к Вильямсбургу и дальше, так и не принудив их к бою. Ни одна война не велась столь жалким образом. И если арьергардный бой при отступлении от Вильямсбурга не закончился для унионистских войск вторым Булль-Реном, а привел к поражению сепсессионистского арьергарда, то Мак-Клеллан совершенно не повинен в этом результате.

Сделав переход приблизительно в 12 миль (английских), под 24-часовым проливным дождем и по самым грязным дорогам, 8 000 унионистских солдат подошли, под командой генерала *Гейнцельмана* (немец по происхождению, но уроженец Пенсильвании), к Вильямсбургу и натолкнулись там лишь на слабые пикеты противника. Последний, однако, убедившись в малочисленности подошедшего отряда, стал высылать подкрепления из Вильямсбурга, из числа отборных войск, и постепенно довел свои силы до 25 000 человек. К 9 часам утра бой принял серьезный характер; в половине первого генерал Гейнцельман заметил, что шансы склоняются в пользу противника. Он стал посылать одного ординарца за другим к генералу Кирни, который находился в 8 милях позади него, но мог двигаться лишь крайне медленно по совершенно «разжиженной» дороге. Гейнцельман оставался целый час без подкрепления, и 7-й и 8-й джерсейские полки, расстрелявшие весь свой запас пороха, уже начали удирать в лес в обе стороны от главной дороги. Тогда Гейнцельман приказал полковнику Мениллию занять с пенсильванским кавалерийским эскадроном обе опушки леса, пригрозив дезертирам, что они будут расстреляны. Это заставило солдат снова стать в ряды.

Помимо этого, порядок был восстановлен примером одного из массачусетских полков, который тоже расстрелял свой порох. но, примкнув штыки к ружьям, спокойно поджидал врага. Наконец издали показался авангард генерала Кирни, под командой бригадира *Берри* (из штата Мейн). Армия Гейнцельмана встретила спасителей бурными криками «ура»; Гейнцельман приказал полковым музыкантам играть «Yankee Doodle»¹ и расположил прибывший отряд Берри на фронте своих утомленных войск на участке почти в полмилю длиной. После предварительного огневого боя бригада Берри бросилась в стремительную штыковую атаку и прогнала неприятеля с поля битвы в его траншеи, из которых самая большая, переходя несколько раз из рук в руки, осталась за унионистами. Таким образом равновесие было восстановлено. Прибытие Берри спасло унионистов. В 4 часа, с прибытием бригад Джемсона и Бирни, победа унионистов была решена. В 9 часов вечера начался отход конфедератов из Вильямсбурга, продолжавшийся и на следующий день — по направлению к Ричмонду — под энергичным преследованием кавалерии Гейнцельмана. Уже в 6—7 часов утра, на другой день после боя, Гейнцельман занял Вильямсбург частями генерала Джемсона. Арьергард бежавшего врага ушел из города с противоположного конца всего за полчаса до того. Выигранное Гейнцельманом сражение было в полном смысле слова пехотным сражением. Артиллерия в нем почти не участвовала. Ружейный огонь и штыковая атака решили дело. Если бы вашингтонский конгресс захотел выразить благодарность, то, конечно, ее следовало бы адресовать генералу Гейнцельману, спасшему янки от второго Булль-Рена, а не Мак-Клеллану, который, по своему обыкновению, уклонился от «тактического решения» и в третий раз дал уйти численно более слабому противнику.

Армия конфедератов в Виргинии находится в более благоприятных условиях, чем армия Борегара, — во-первых, потому, что она имеет своим противником не Галлека, а Мак-Клеллана, а затем потому, что линию отхода пересекают многочисленные реки, сбегające с гор в море. Но чтобы не дать этой армии *от бездействия* превратиться в банды, ее генералы рано или поздно будут вынуждены принять решающий бой — совершенно так же, как русские были вынуждены драться под Смоленском и Бородиным *против* воли генералов, правильно оценивавших положение. Как ни бездарно

¹ «Yankee Doodle» — национальный гимн САСШ. *Ред.*

1862

Die ... von ... ist ein ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...

Die ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...

... die ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...

... die ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...

... die ...
 ... die ...
 ... die ...
 ... die ...

Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу от 23 мая 1862 г. об американской гражданской войне.

общее командование Мак-Клеллана, но постоянные отступления с потерей артиллерии, снарядов и других военных припасов, а также с рядом мелких неудачных арьергардных стычек, крайне деморализовали армию конфедератов, что даст себя знать в день решающего боя. Итак, мы приходим к следующему выводу.

Если Борегар или Джефферсон Девис потерпят поражение в решающем бою, армии их разложатся и превратятся в банды. Если же одна из них одержит решающую победу — что совершенно невероятно, — разложение их армий будет в лучшем случае только отсрочено. Они не в состоянии извлечь ни малейшей длительной пользы даже из победы. Они не могут продвинуться и 20 английских миль вперед, не застряв на месте и вновь не очутившись перед необходимостью выжидать повторного наступления противника.

Остается еще взвесить шансы партизанской войны. И тут приходится отметить тот крайне удивительный факт, что именно в этой войне против рабовладельцев население принимало весьма слабое участие или, вернее, не принимало никакого участия. В 1813 г. коммуникационные линии французов то и дело прерывались и разрушались Ксломбом, Людовым, Чернышевым и двадцатью другими партизанскими и казачьими командирами. В 1812 г. в России население совершенно исчезло с пути французских войск; в 1814 г. французские крестьяне вооружались и убивали патрули и оставших солдат союзников; здесь мы не видим решительно ничего. Покорно мирятся с *исходом крупных боев* и утешают себя тем, что «*victrix causa diis placuit, sed victa Catoni*» [«боги были за победителей, но Катон за побежденных»]. Хвастливые речи о войне на море рассеиваются, как дым. Правда, едва ли можно сомневаться, что «white trash» («белая дрянь», как сами плантаторы называют «белых бедняков») попытает свои силы в партизанской войне и налетах. Но эта попытка очень быстро превратит имущих плантаторов в *унионистов*. Они даже призовут на помощь войска янки. Разговоры о том, что на Миссисипи сжигались большие количества хлопка и т. д., основаны исключительно на свидетельстве двух жителей Кентукки, будто бы приехавших в Луизвиль, — но приехавших, конечно, не по Миссисипи. Пожар в Новом Орлеане не трудно было организовать. Фанатизм новоорлеанских купцов объясняется тем, что они вынуждены были взять массу государственных облигаций конфедератского правительства за наличные деньги. Пожар Нового Орлеана найдет подражателей и в других городах, и, вероятно, еще что-нибудь будет сожжено,

но все эти театральные эффекты смогут только до последней крайности обострить раздор между плантаторами и «белой дрянью», и тогда — *Finis Secessiae!* [Конец сецессии!]

Написана К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Напечатана в «Die Presse» № 148

от 30 мая 1862 г.

Без подписи.

АНГЛИЙСКАЯ ГУМАННОСТЬ И АМЕРИКА.

Лондон, 14 июня [1862 г.]

Гуманность служит теперь в Англии, как свобода во Франции, экспортным товаром для *traders in politics* [торговцев политикой]. Нам вспоминается время, когда царь Николай приказал своим солдатам выпороть польских дам и когда лорд Пальмерстон нашел «неполитичным» нравственное возмущение этим событием со стороны некоторых парламентских деятелей. Нам вспоминается, что лет десять тому назад на Ионийских островах вспыхнул мятеж, в связи с которым тамошний английский губернатор приказал высесть не малое количество женщин. *Probatum est* [правильно], — сказали тогда Пальмерстон и его тогдашние коллеги-виги, находившиеся у власти. Совсем недавно в парламенте было доказано на основании официальных документов, что в Индии сборщики налогов применяют против жен крестьян (*ryots*) такие средства принуждения, мерзость которых не позволяет нам подробно распространяться о них. Пальмерстон со своими коллегами не решился, правда, оправдывать эти гнусности, но какой бы крик подняли они, если бы какое-нибудь *иностранное* правительство дерзнуло открыто заявить о своем возмущении этими английскими мерзостями, а не только неясно намекнуть на вмешательство в случае отказа Пальмерстона и его коллег немедленно дезавуировать индийских сборщиков налогов. А между тем, сам Катон Старший не мог бы ревнивее следить за нравами римских граждан, чем английские аристократы и их министры следят за «гуманностью» воюющих янки!

Лэди из Нового Орлеана, безвкусо увешанные брильянтами, желтые красавицы, похожие на жен древних мексиканцев, с тем разве отличием, что не съедают своих рабов живьем, — вот кто явился на этот раз поводом (прежде таковым служили портовые учреждения Чарльстона) для пышного расцвета британско-аристократической гуманности. Английские женщины (правда, не лэди и не рабовладелицы), голодающие в Ланкашире, не удостоились до сих пор упоминания ни в одной парламентской речи; вопли ирландских женщин, которых все усиливающийся процесс концентрации мелких арендных

ферм на Зеленом Эрине¹ полуголыми выбрасывает на улицу, сгоняет с насиженных мест, словно на их родину обрушилось татарское нашествие, вызвали до сих пор только один отклик со стороны лордов, общин и правительства ее величества — проповедь об абсолютном праве земельной собственности. Но лэди из Нового Орлеана — это, конечно, совсем другое дело! Эти лэди слишком просвещены, чтобы, подобно олимпийским богиням, принять участие в военной передражке или, подобно женам сагунтинцев, броситься в пылающий костер. Они изобрели новую и безопасную форму героизма — форму, которая могла быть изобретена только рабовладелицами, да еще рабовладелицами в такой стране, где свободная часть населения состоит из лавочников по профессии, из торговцев хлопком, сахаром или табаком, не владеющих, в отличие от граждан античного мира, собственными рабами. Когда мужья этих лэди разбежались из Нового Орлеана или забились в укромные уголки своих домов, сами лэди выскочили на улицы и стали плевать в лицо победоносным унитаристским войскам, показывать им язык или вообще, подобно Мефистофелю, делать «неприличные жесты», сопровождая их оскорбительными выражениями. Эти мегеры были уверены, что смогут бесчинствовать «безнаказанно».

Таков был их героизм. Генерал Бетлер издал прокламацию, в которой дал им понять, что с ними будет поступлено, как с уличными девками, если они будут продолжать вести себя, как уличные девки. Бетлер, хотя и адвокат по профессии, повидимому, недостаточно внимательно изучал английское статутное право, а то он, в подражание ирландским законам Кестльри, наверное, запретил бы им вообще показываться на улицах. Предостережение Бетлера по адресу новоорлеанских «лэди» привело в такое негодование графа Карнарвона, сэра Дж. Уэлш (игравшего столь смешную и некрасивую роль в Ирландии) и г. Грегори, уже в течение целого года требовавшего признания Конфедерации, что граф в верхней палате, рыцарь и человек *without a handle to his name* [без приставки к своему имени] в нижней — обратились к правительству с запросом, какие шаги намерено оно предпринять в интересах оскорбленной «гуманности». Россель и Пальмерстон оба обрушились на Бетлера, оба выразили уверенность, что он будет дезавуирован вашингтонским правительством: а столь нежно чувствующий Пальмерстон, который за спиной королевы и без ведома своих коллег, из одного лишь «гуманного» восхищения, сразу признал декабрьский *coup d'état* [государственный пере-

¹ Эрин — древне-кельтское название Ирландии. *Ред.*

ворот] 1851 г. (при каковом перевороте некоторые «лэди» были даже застрелены, а другие изнасилованы зуавами), — этот чувствительный виконт прямо назвал предостережение Бетлера «*позором*». В самом деле, лэди, да еще лэди с собственными рабами, не могут даже безнаказанно излить свою желчь и злобу на простых унионистских солдат — на мужиков, ремесленников и прочий сброд! Это ли не «позор»!

Никто здесь не обманывается этим гуманистическим фарсом. Цель его та, чтобы отчасти вызвать, отчасти поддержать настроение в пользу интервенции, прежде всего со стороны Франции. После первых мелодраматических излияний рыцари гуманности в верхней и нижней палатах сбросили, как по команде, свои трогательные маски. Их декларация оказалась только прологом к вопросу, не обратился ли император французов к английскому правительству с предложением о посредничестве и не было ли оно, как они хотят надеяться, благожелательно принято английским правительством. Россель и Пальмерстон оба заявили, что ничего не знают о подобном предложении. Россель заявил, что он считает настоящий момент крайне неблагоприятным для какого бы то ни было посредничества. Пальмерстон, более осторожный и сдержанный, ограничился сообщением, что английское правительство в *настоящий* момент не думает о посредничестве.

План таков: во время каникул английского парламента Франция выступает в роли посредницы, а осенью, когда будет обеспечено положение в Мексике, она начинает интервенцию. Приостановка действий на американском театре войны пробудила вновь интервенционистских спекулянтов в Сен-Джемсе и Тюильри из их оцепенения. Сама эта приостановка явилась результатом стратегической ошибки военного командования северян. Если бы кентуккская армия после своих побед в Теннесси не дала отвлечь себя к югу, вниз по Миссисипи, а быстро двинулась бы на железнодорожные центры в Георгии, то Рейтер и К^о не могли бы теперь наживаться на слухах об «интервенции» и «посредничестве». Как бы то ни было, Европа ничего так горячо не желает, как того, чтобы *суп д'этат* попытался восстановить порядок в Соединенных Штатах и также и там «спасти цивилизацию».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 169

от 20 июня 1862 г.

Без подписи.

КИТАЙСКИЕ ДЕЛА.

Незадолго до того, как начали плясать столы¹, в Китае, в этой живой окаменелости, началось революционное брожение. Само по себе это явление не явилось чем-то исключительным, ибо в восточных государствах мы постоянно наблюдаем неподвижность социальной базы при неустанной смене лиц и племен, захватывающих в свои руки политическую надстройку. В Китае властвует чужеземная династия. Почему бы после 300 лет не начаться движению, направленному к свержению этой династии? Движение с самого начала имело религиозную окраску; но это черта — общая всем восточным движениям. Непосредственными причинами для волнений, очевидно, послужили: европейское вмешательство, войны из-за опиума, вызванное ими потрясение существующего правительственного режима, утечка серебра за границу, нарушение экономического равновесия в результате ввоза иностранных товаров и т. д. Парадоксально, что опиум вместо усыпляющего оказал пробуждающее действие. Оригинальными в этой китайской революции в действительности являются только ее носители. За исключением смены династии, они не ставят себе никаких задач. У них нет никаких лозунгов. Народным массам они внушают еще больший ужас, чем старым властителям. Все их назначение сводится как будто к тому, чтобы консервативному маразму противопоставить разрушение в уродливо отвратительных формах, разрушение без какого-либо зародыша созидательной работы. Для характеристики этих «бичей божиих» приведем следующие выдержки из письма г. Гарвея (английского консула в Нинпо) к г. *Брусу*, английскому послу в Пекине.

Вот уже три месяца, — пишет Гарвей, — как Нинпо находится в руках революционных тайпинов. Здесь, как и везде, где воцарялись эти разбойники, разрушение было единственным результатом их господства. Ставят ли они себе еще какие-нибудь цели? Власть неограниченных и необузданных эксцессов кажется для них

¹ Имеется в виду увлечение спиритизмом («столоверчение»), бывшее весьма модным в аристократических кругах Европы в начале 1850-х годов. *Ред.*

столь же важной, как уничтожение чужих жизней. Этот взгляд тайпинов никак не вяжется с иллюзиями английских миссионеров, сочиняющих басни о том, что тайпины осуществляют «освобождение Китая», «возрождение империи», «спасение народа» и «введение христианства». В результате своей десятилетней трескучей и пустой деятельности они все разрушили и ничего не создали.

Правда, — говорит г. Гарвей, — в официальных сношениях с иностранцами тайпины выгодно отличаются от мандаринов известной прямоотой поведения и энергичной суровостью, но этим и исчерпывается список их добродетелей.

Как оплачивают тайпины свои войска? Их солдаты не получают жалованья, а живут добычей. Когда завоеванные ими города богаты, солдаты утопают в изобилии; когда города бедны, они проявляют образцовое терпение. Г-н Гарвей спросил одного хорошо одетого солдата-тайпина, любит ли он свое ремесло. «А почему бы и нет? — ответил тот. — Я забираю все, что мне нравится; а если кто оказывает сопротивление, то...», — и он сделал рукой жест, означающий отсечение головы. И это не пустая фраза. Человеческая голова для тайпина не более, чем кочан капусты.

Ядро революционной армии составляют регулярные войска — старые, прослужившие много лет и закаленные в боях партизаны. Остальная масса состоит из молодых рекрутов или крестьян, насильственно забранных в войска во время походов. Вожаки систематически отсылают набранные в какой-нибудь завоеванной провинции отряды в другую, отдаленную провинцию. Так, мятежники в Нинпо говорят в настоящий момент на сорока различных диалектах, в то время как диалект Нинпо впервые раздается в отдаленных районах. Все местные оборванцы, бродяги и негодяи добровольно присоединяются к тайпинам. Дисциплина требует только повиновения во время службы. Вступление в брак и курение опиума запрещены тайпинам под страхом смертной казни. Жениться можно будет только тогда, «когда будет восстановлено царство». В качестве возмещения тайпины в течение первых трех дней после взятия города, жители которого не успели бежать, получают *carte blanche*¹ на учинение каких угодно насилий над женщинами и девушками. По истечении трех дней все лица женского пола насильственно удаляются из городов.

Внушать ужас — такова вся тактика тайпинов. Их успех

---

¹ Т. е. «полную свободу действий». «*Carte blanche*» — бланк об аресте за подписью короля, но без указания фамилии арестуемого, которым пользовались министры в дореволюционной Франции. *Ред.*

зависит исключительно от действия этой пружины. Средствами для устрашения служат: прежде всего появление сразу большими массами в определенном месте. Сперва высылаются эмиссары, чтобы тайно нащупать почву, посеять тревожные слухи, произвести то здесь, то там поджоги. Если мандаринам удастся схватить и казнить этих эмиссаров, им на смену тотчас появляются другие, покуда либо мандарины вместе с городским населением не удержат, либо, как это было в Нинпо, наступившая деморализация не облегчит победу повстанцам.

Крупнейшим средством устрашения служит пестрая шутовская одежда тайпинов. На европейцев она оказала бы смехотворное действие. Но на китайцев она действует как талисман. Эта шутовская одежда дает тайпинам больше преимуществ в бою, чем могли бы дать им нарезные пушки. Прибавьте ко всему еще длинные, косматые, черные или выкрашенные в черный цвет волосы, безумный взгляд их глаз, их унылый вой и напускную ярость и неистовство, — и вот вам все, что необходимо, чтобы на смерть перепугать чопорного, смиренного, геометрически размеренного китайского обывателя.

Вслед за эмиссарами, сеющими панику, появляются нарочно преследуемые беженцы из деревень, рисующие в преувеличенном виде число, силу и свирепость приближающегося войска. И когда посреди города вспыхивает пожар и городской гарнизон выходит для боя под впечатлением этого ужасного зрелища, издали показываются, наводя ужас, отдельные пестрые чудовища, появление которых действует магнетически. В надлежащую минуту сотни тысяч тайпинов, вооруженных ножами, пиками и охотничьими ружьями, дико бросаются на полуживого от страха противника и сметают все на своем пути, если только не наталкиваются на сопротивление, как это имело место недавно в Шанхае.

«Сущность тайпинства, — говорит г. Гарвей, — это зияющая пустота (nothingness)».

Тайпин — это, очевидно, сам дьявол во плоти, каким его должна рисовать себе китайская фантазия. Но только в Китае и возможен такого рода дьявол. Он есть порождение окаменелой общественной жизни.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 186
от 7 июля 1862 г.*

Без подписи.

СКАНДАЛ.

Лондон занят сейчас одним из тех характерных скандалов, которые только и возможны в стране, где старые аристократические традиции врастают в новейшее буржуазное общество. *Corpus delicti* [состав преступления] — «Синяя книга» парламентского комитета, содержащая в себе доклад о сооружении плотины на Темзе и о проведении вдоль берега реки, в центре города, новой улицы, которая соединяла бы Вестминстерский мост с Блекфрайерским. Этот план, требующий огромных затрат, одним махом убивает несколько мух: благоустройство Лондона, очищение Темзы, улучшение санитарных условий, великолепный проспект и, наконец, новое русло уличного движения, что освободило бы Стренд, Флитстрит и другие параллельные Темзе улицы от перегруженности экипажами и т. п., перегруженности, которая становится с каждым днем все более и более опасной и напоминает нам сатиру Ювенала о римлянине, пишущем перед выходом из дому свое завещание, потому что он имеет все шансы быть раздавленным или погибнуть от обвала. Так вот в этом месте, которому предстоит такая метаморфоза, — на северном берегу Темзы, к востоку от Вестминстерского моста и в конце Уайтхолла, — расположены городские владения нескольких крупных аристократов с дворцами и спускающимися до самой Темзы парками. Эти господа в общем и целом, конечно, приветствуют план, ибо осуществление этого плана *за государственный счет* улучшило бы непосредственное окружение их «mansions» [вилл] и повысило бы таким образом ценность этих последних. Но их тревожит лишь одно.

Они требуют, чтобы проектируемое строительство *было прервано* в тех местах, где вновь пролагаемая городская улица как раз намечалась вдоль их собственных владений и привела бы их таким образом в соприкосновение с «*miseram contribuentem plebem*» [жалкой трудовой чернью]. Олимпийская отрешенность этих «*fruges consumere nati*» [рожденных для потребления] не должна быть тревожима ни видом, ни шумом, ни дыханием делового вульгарного мира. Во главе этих благородных сибаритов находится *герцог Беклей*, который, будучи самым богатым и могущественным, пошел дальше

всех в своих «скромных» требованиях. И что же? Парламентский комитет составляет свой доклад в духе требований герцога Беклея! Новое строительство должно быть прервано там, где оно было бы неудобно для герцога Беклея. В состав этого комитета нижней палаты входят лорд Роберт Монтегю, родственник герцога, и сэр Джон Шелли, депутат от одной части Лондона, от Вестминстера. Этому последнему уже пора позаботиться о железном панцире для защиты себя на ближайших выборах от приготовленных для него армстронговских бомб из гнилых яблок и отдающих сероводородом яиц.

Вот что пишет о докладе комитета даже «Times»:

«Эта «Синяя книга» — настоящий лабиринт. Самый доклад состоит из восьми строк. Остальное представляет собою хаос большей частью никуда не годных, пристрастных высказываний разных свидетелей и экспертов. Нет ни указателя, ни анализа, ни аргументов. Какой-то бесконечный поток болтовни, и ни одного факта, который можно было бы проверить, ни одного суждения, на которое можно было бы положиться. Иногда кажется, что вот сейчас услышишь, наконец, какое-нибудь действительно деловое мнение, — но тут внезапно вторгается комитет и отказывается выслушать отзыв, не соответствующий желаниям герцога Беклея. Книга представляет собой объемистое и тяжеловесное «*suppressio veri*» [сокрытие истины]. Она составлена с явной целью воспрепятствовать всяким деловым прениям в парламенте по этому вопросу. Для этого из нее выброшены даже все чертежи, которые обещано опубликовать *post festum* [впоследствии] — надо полагать, уже после парламентских дебатов».

Этот скандал заставил жителей Лондона поставить два вопроса. Во-первых, кто этот герцог Беклей, этот великан, личные прихоти которого противопоставляются интересам трех миллионов человек? Кто этот гигант, который один вызывает на поединок весь Лондон? С именем этого человека не связано воспоминание ни об одной парламентской битве. Он сидит в верхней палате, но принимает так же мало участия в ее работах, как евнух в радостях сераля. Ответы, которые он давал комитету, свидетельствуют о совершенно исключительном недостатке фосфора в его мозговом веществе. Так кто же такой «*that man of Bussleuch*» [этот Беклей]? как бесцеремонно вопрошает лондонский обыватель. Ответ: отпрыск внебрачных детей, которых «*merry monarch*» (веселый монарх) Карл II прижил с Люси Парсонс, с этой самой бесстыдной и порочной из своих любовниц. Вот кто такой «*that man of Bussleuch*». Второй вопрос, вставший перед лондонцами, гласил: как приобрел этот герцог Беклей свою виллу на Темзе? Ибо лондонцы помнят, что земля под этой виллой принадлежит короне и еще восемь лет назад находилась в заведывании королевского министерства земель и лесов.

Ответ на этот второй вопрос не заставил себя долго ждать. Здеш-

няя печать не стесняется в подобных случаях. Для характеристики не только самого положения по существу, но и того тона, в каком английская печать обсуждает столь щекотливые вопросы, я приведу *дословно* цитату из «Reynolds' Newspaper» от прошлой субботы:

«Привилегия герцога Беклея препятствовать благоустройству Лондона не так уж старинна: она возникла меньше чем семь-восемь лет тому назад. В 1854 г. герцог получил в аренду дом Монтегю в Уайтхолле, употребив для этого маневр, который бедного человека наверное привел бы на скамью подсудимых. Но господин герцог имеет годовой доход в 300 000 ф. ст. и кроме того еще ту великую заслугу, что он потомок Люси Парсонс, бесстыдной фаворитки «веселого монарха». Дом Монтегю составлял собственность короны, и в 1854 г. все отлично знали, что участок, на котором он стоит, решено отвести под общественные здания. Поэтому г. Дизраэли, бывший тогда канцлером казначейства, отказался подписать составленный для герцога арендный договор. Тем не менее, договор как-то был подписан. Г-н Дизраэли пришел в негодование и прямо заявил в нижней палате, что его премьер *Гладстон* жертвует интересами публики ради частных интересов герцога. Г-н Гладстон ответил в свойственном ему иронически-елейном тоне, что подписывать названный договор действительно не следовало. Однако имелись, повидимому, какие-то основания, сделавшие этот шаг необходимым. Было назначено парламентское расследование, и — о ужас! — оказалось, что подписан договор не кем иным, как *самим господином Дизраэли*.

Но тут-то мы и сталкиваемся с вышеупомянутым, отдающим уголовщиной вплоть до Old Vaily¹ маневром благородного отпрыска Люси Парсонс! Г-н Дизраэли заявил, что он решительно не помнит, чтобы договор был им подписан. В то же время, однако, он признал подлинность своей подписи. Никто не сомневается в честности г. Дизраэли. Как же разрешить эту загадку? Оказывается, что благородный потомок Люси Парсонс поручил какому-то агенту или другу *протащить контрабандой* свой договор об аренде дома Монтегю через кучу бумаг, подписываемых канцлером машинально. Так г. Дизраэли подписал документ, не имея ни малейшего понятия о его содержании! И таким-то путем потомок Люси Парсонс приобрел возможность противопоставлять свои прихоти интересам трех миллионов лондонцев. Парламентский комитет сыграл роль раболопного орудия его наглости. Если бы вместо воровски приобретенной виллы *одного* Беклея на пути стояли жилища 1 000 рабочих, они были бы тотчас же безжалостно снесены, а их владельцы выброшены на улицу без единого гроша вознаграждения».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 190

от 11 июля 1862 г.

Без подписи.

---

¹ Тюрьма для уголовных преступников в Лондоне. *Ред.*

НЕДОПУЩЕНИЕ ПРЕНИЙ О МЕКСИКЕ И СОЮЗ С ФРАНЦИЕЙ.

Лондон, 16 июля [1862 г.]

Одним из самых удивительных изобретений английского парламентаризма является «count out» (подсчет). Что такое «count out»? Если в нижней палате присутствует меньше 40 членов, то они не составляют *кворума*, т. е. собрания, правомочного принимать решения. Когда какой-нибудь независимый депутат вносит предложение, которое одинаково неприятно для *обеих* олигархических фракций, для ins и outs (для тех, кто у власти, и для тех, кто в оппозиции), тогда обе они по взаимному соглашению устраивают так, что в день прений депутаты с той и с другой стороны постепенно и потихоньку удаляются. Как только опустошение скамей достигает необходимого максимума, government whip (правительственная плетка), т. е. член парламента, назначенный данным министерством для надзора за партийной дисциплиной, делает знак заранее выбранному для этой цели собрату. Собрат-парламентарий поднимается и самым невинным тоном просит chairman'a (председателя) произвести подсчет присутствующих депутатов. Подсчет производится, и что же? оказывается, что налицо меньше 40 членов. На этом дело кончается. Неприятное предложение *устранено*, причем обе партии, и правительственная и оппозиционная, избегли тяжелой и компрометирующей необходимости голосовать против него.

Во вчерашнем заседании «count out» был применен особенно любопытным способом. Лорд *Р. Монтегю* заявил в этот день, что он выступит с требованием об оглашении новых дипломатических документов по поводу *интервенции в Мексике*. Он начал свою речь следующими словами: «В прошлую субботу палате была предъявлена последняя Синяя книга о Мексике, так что теперь депутаты уже в состоянии обсуждать мексиканский вопрос. Я *знаю*, что правительственная и оппозиционная партии согласились между собой воспрепятствовать моему выступлению посредством «count out». Но я надеюсь, что палата, в сознании лежащего на ней долга, не потерпит подобного маневра в столь важном деле». Однако лорд

Р. Монтегю сделал свой расчет без хозяина. Когда после его речи *Лайард* ответил ему от имени правительства, а *Финдджеральд* сказал несколько официальных пустяков от имени ториев, поднялся *Кинглек* (либеральный депутат). Вступительную часть своей речи он закончил такими словами:

«Все эти переговоры, разоблаченные теперь благодаря предъявленным документам, служат разительным примером тех приемов, какими французское правительство пытается использовать свои связи с нашей страной в качестве средства для поддержания императорского трона.

«Для французского правительства крайне важно отвлечь внимание французского народа от внутренних дел, поэтому оно указывает ему на свои великие подвиги за границей, и, что еще важнее для французского правительства, так это показать, что оно совершает эти подвиги по соглашению с одной из великих почтенных держав».

Не успел *Кинглек* произнести эти слова, как один «*достопочтенный*» член палаты внес предложение «*подсчитать*» число присутствующих депутатов. И что же? — Оказалось, что палата растаяла и в ней осталось всего-навсего 33 человека. Внесенное лордом Р. Монтегю предложение было убито тем самым «*count out*», против которого он протестовал при открытии прений.

Кроме прерванной речи *Кинглека*, деловой интерес представляла только речь *Р. Монтегю*. Он высказал, между прочим, следующее важное соображение по поводу фактического положения дел:

«Сэр Чарльз Уайк заключил с Мексикой договор. Из раболепства перед Луи Бонапартом этот договор не был ратифицирован лордом Джонсом Росселем. Сэр Ч. Уайк заключил названный договор после того, как Франция, завязав сношения с главой реакционной партии Альмонте, вступила тем самым на путь, уничтожавший общее соглашение между Англией, Францией и Испанией. Лорд Джон Россель сам заявил в одной официальной телеграмме, что этот договор удовлетворяет всем справедливым требованиям Англии. Но в своей переписке с Тувенелем он обещал, согласно желанию Бонапарта, пока договора *не* ратифицировать. Он разрешил Тувенелю сообщить об этом Законодательному корпусу. Мало того, лорд Россель унижился настолько, что обещал Тувенелю прервать всякие сношения с сэром Ч. Уайком до 1 июля 1862 г. — срок, в течение которого Тувенель мог бы дать ему ответ. Тувенель ответил, что Бонапарт не оспаривает право Англии действовать изолированно, но возражает против заключенного сэром Ч. Уайком англо-американского договора. Тогда Россель отказался ратифицировать этот договор».

«Англия, — сказал лорд Монтегю далее, — пользуется своим влиянием для того, чтобы взыскать с мексиканского казначейства суммы по обязательствам, незаконно добытым *Морни* и, *«может быть, еще более высокопоставленными лицами во Франции»* через посредство швейцарского биржевого маклера *Иеккера*».

«Все переговоры с Мексикой, — продолжал он, — были начаты без ведома парламента. Первая внепарламентская война происходила в 1857 году. Пальмерстон оправдывал это тем, что война ведется в Азии. Теперь тот же самый принцип применяется к Америке. Кончится тем, что он будет применен к Европе. Парламентский режим превращается таким образом в пустой фарс, поскольку вместе с контролем над войнами народное представительство теряет и контроль над денежным кошельком».

Лорд *Монтегю* заключил свою речь следующими словами:

«Я обвиняю правительство в том, что оно сделало нас союзниками палача французской свободы, а теперь дает возможность этому бессовестному авантюристу утверждать деспотизм в чужой стране. Оно связывает нашу судьбу с судьбой человека, который вызывает обращение людей и дождетя мести неба».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 199

от 20 июля 1862 г.

Без подписи.

К КРИТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ В АМЕРИКЕ.

Кризис, охвативший сейчас Соединенные Штаты, вызван двоякого рода причинами: военными и политическими.

Если бы последняя кампания велась по *единому* стратегическому плану, то, как уже указывалось в нашей газете, главная западная армия должна была использовать свои успехи в Кентукки и Теннесси для вторжения через северную часть Алабамы в Георгию и для овладения там железнодорожными центрами в Декатуре, Милледжвилле и т. д. Этим была бы уничтожена связь между восточной и западной армиями сецессионистов и отнята у них возможность взаимной поддержки. Вместо этого кентуккская армия двинулась вниз по Миссисипи, на юг, по направлению к Новому Орлеану, и ее победа неподалеку от Мемфиса привела лишь к тому, что большая часть войск Борегара была отправлена в Ричмонд; в результате конфедераты неожиданно оказались здесь в условиях численного и позиционного превосходства над армией Мак-Клеллана, который не использовал поражения неприятельских войск под Иорктауном и Вильямсбургом и в то же время с самого начала распылил свои собственные силы. Одного только командования Мак-Клеллана, уже охарактеризованного нами ранее, было вполне достаточно, чтобы обеспечить гибель крупнейшей и наилучше дисциплинированной армии. Наконец, и военный министр Стентон сделал непростительную ошибку. В расчете на благоприятный эффект за границей он, после завоевания Теннесси, приостановил вербовку солдат и обрек таким образом армию на непрерывное ослабление в тот самый момент, когда последняя более всего нуждалась в подкреплениях для быстрого и решительного натиска. Несмотря на стратегические промахи и на командование Мак-Клеллана, война была до сих пор, благодаря постоянному притоку свежих рекрутов, если и не выиграна окончательно, то все же на пути к быстрой победоносной развязке. Шаг Стентона был особенно губителен потому, что именно в тот момент Юг призвал под ружье всех мужчин в возрасте от 18 до 35 лет, поставив таким образом на *одну* карту все. Именно эти уже получившие некоторую подготовку люди почти повсюду дают теперь перевес

конфедератам, обеспечивая за ними инициативу. Они взяли в плен Галлека, вытеснили из Арканзаса Кертиса, разбили Мак-Клеллана и, под руководством Стонуолла Джексона, дали сигнал к партизанским набегам, доходящим теперь уже почти до Огайо.

Военные причины кризиса связаны отчасти с политическими. Влиянием демократической партии объясняется то, что такая бездарность, как Мак-Клеллан, был возведен в сан главнокомандующего всех вооруженных сил Севера только потому, что в свое время он был сторонником Брекинриджа. Трусливое внимание к желаниям, выгодам и интересам лидеров border slave states (пограничных рабовладельческих штатов) до сих пор отнимало у гражданской войны ее принципиальное острие и, так сказать, лишало ее души. «Лойяльные» рабовладельцы этих штатов добились того, что продиктованные Югом fugitive slaves laws (законы о беглых рабах) оставались в силе, чем было насильственно подавлено сочувствие негров к Северу; что ни один из генералов не осмеливался сформировать негритянскую роту и что рабовладение превратилось в конце концов из ахиллесовой пяты Юга в его неуязвимый панцирь. Благодаря рабам, выполняющим всю производительную работу, Юг может выставить под ружье все свое боеспособное население!

В настоящий момент, когда акции сецессионистов поднимаются, лидеры пограничных штатов начинают повышать свои притязания. Однако воззвание, с которым обратился к ним Линкольн, где он угрожает бурным ростом аболиционистской партии, показывает, что дело принимает революционный оборот. Линкольн знает то, чего не знает Европа; он знает, что вовсе не апатией и не уступчивостью под впечатлением поражения объясняется такой холодный отклик на его призыв выставить 300 000 рекрутов. Новая Англия и Северо-запад, давшие армии ее основной человеческий материал, решили принудить правительство к революционному ведению войны и начертать на звездном флаге боевой лозунг «долой рабство!» Линкольн уступает этому pressure from without [давлению извне] медленно и с опаской, но он знает, что не сможет сопротивляться ему долго. Отсюда его умоляющий призыв к пограничным штатам добровольно и на взаимно выгодных условиях отказаться от института рабства. Он знает, что только сохранение рабства в пограничных штатах оставляет нетронутым рабство на Юге и лишает Север возможности пустить в ход действительно радикальные средства борьбы. Он ошибается только, если воображает, что «лойяльных» рабовладельцев можно убедить доброжелательными речами и разумными доводами. Они уступят только насилию.

Мы присутствовали пока только при первом акте гражданской войны: войны, которая велась на *конституционных* началах. Второй акт — *революционного* ведения войны — еще впереди. Между тем, распущенный ныне конгресс декретировал во время своей первой сессии ряд важных мероприятий, которые мы здесь вкратце охарактеризуем.

Оставляя в стороне финансовые законы, изданные конгрессом, отметим прежде всего, что он принял, наконец, так долго ожидавшийся народными массами Севера Homesteadbill [билль о земельных участках], согласно которому часть государственных земель безвозмездно предоставляется для обработки колонистам, туземным или пришлым. Он отменил рабовладение в Колумбии и в столице Союза с денежным возмещением бывших рабовладельцев. На всех *территориях* Соединенных Штатов рабство объявлено «навсегда невозможным». Закон, которым в Союз принимается новый штат, *Западная Виргиния*, предписывает постепенную отмену рабства и объявляет всех негров-детей, родившихся после 4 июля 1863 г., свободными. Условия постепенного освобождения негров в общем заимствованы из закона, который был издан 70 лет тому назад с подобной же целью в Пенсильвании. Согласно четвертому закону объявляются свободными все рабы мятежников как только они попадают в руки республиканской армии. Другой закон, *впервые* проводимый теперь в жизнь, разрешает организацию освобожденных негров в военные отряды и отправку их в бой против южан. Признана независимость негритянских республик Либерии и Гаити и, наконец, заключен договор с Англией об отмене торговли рабами.

Таким образом, как бы ни повернулось военное счастье, уже теперь можно с уверенностью сказать, что рабство негров во всяком случае не надолго переживет гражданскую войну.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 219

от 9 августа 1862 г.

Без подписи.

АБОЛИЦИОНИСТСКИЕ ДЕМОНСТРАЦИИ В АМЕРИКЕ.

На столбцах нашей газеты уже отмечалось, что президент *Линкольн*, — человек, юридически щепетильный, ищущий примирения на почве конституции, родом из пограничного рабовладельческого штата *Кентукки*, — лишь с трудом высвобождается из-под контроля «лояльных» рабовладельцев, всячески пытается избежать открытого разрыва с ними и тем самым вступает в конфликт с принципиально последовательными партиями Севера, все более выдвигаемыми на передний план ходом событий. Прологом к этому конфликту можно считать речь, произнесенную *Венделем Филиппом* в Эбингдоне (Массачузетс) по случаю годовщины освобождения негров в английской Вест-Индии.

Вендель Филипс, наряду с *Гаррисоном* и *Дж. Смитом*, — глава аболиционистов в Новой Англии. В течение тридцати лет он неутомимо и с опасностью для жизни провозглашал лозунг освобождения рабов, одинаково равнодушный к насмешкам газет, к улюлюканью продажных хулиганов (*rowdies*) и к предостережениям заботливых друзей. Как один из крупнейших ораторов Севера, как человек железной воли, соединяющий могучую энергию с самым ясным сознанием, он пользуется признанием даже среди своих противников. Лондонский «*Times*» — а что может сильнее характеризовать эту великодушную газету? — в сегодняшнем номере *доносит* вашингтонскому правительству о речи Венделя Филиппа в Эбингдоне. «*Times*» считает эту речь «злоупотреблением» свободой слова. «Невозможно, — говорит «*Times*», — придумать что-нибудь более необузданное. Никогда столь безумные вещи не произносились во время гражданской войны ни в одной стране, ни одним человеком, находящимся в здравом уме и хоть сколько-нибудь ценящим свою жизнь или свободу. Читая эту речь, почти невозможно отделаться от мысли, что оратор поставил себе целью добиться преследования со стороны правительства». И «*Times*», несмотря на свою ненависть к правительству Сокса, — а может быть, именно благодаря ей, — повидимому, не прочь выступить в роли государственного обвинителя!

Речь Венделя Филиппа в Эбингдоне в нынешней обстановке

имеет большее значение, чем какая-либо военная сводка. Мы приведем поэтому наиболее яркие места из этой речи.

«Правительство, — сказал между прочим Вендель Филипс, — борется за сохранение рабства, и поэтому борьба его бесполезна. Линкольн ведет политическую войну. До сих пор он боится штата Кентукки больше, чем всего Севера. Он верит в Юг. Негры, сражавшиеся на стороне южан, на вопрос, не страшен ли им град пушечных ядер и бомб, взрывающих кругом землю и превращающих деревья в щепки, отвечали: «Нет, масса¹; мы знаем, что они предназначены не для нас!» То же самое могли бы сказать мятежники о бомбах Мак-Клеллана. Южане знают, что эти бомбы вовсе не предназначены для того, чтобы причинить им зло. Я не утверждаю, что Мак-Клеллан изменник, но я утверждаю, что если бы он был изменником, то он должен был бы действовать именно так, как он действовал. Не бойтесь за Ричмонд, Мак-Клеллан не возьмет его. Если война будет и впредь вестись таким же образом, без разумной цели, то это будет бесполезным расточением крови и золота. Лучше пусть уж сегодня Юг станет независимым, чем пожертвовать хотя бы еще одной человеческой жизнью ради войны, которая ведется на основе нынешней отвратительной политики. Для продолжения войны в прежнем масштабе требуется 125 000 человек в год и миллион долларов ежедневно. Но от Юга вы все равно не избавитесь.

«Джефферсон как-то сказал о рабстве: «У южных штатов волк под самым носом, но они не могут ни поймать его, ни прогнать его прочь». Так и у нас Юг под самым носом, но мы не можем его ни поймать, ни прогнать. Признайте его завтра, и все-таки вы не добьетесь мира. Целых 80 лет жил он вместе с нами, боясь нас все это время, ненавидя нас на протяжении половины этого периода, вечно причиняя нам хлопоты и преследуя нас клеветой. Упоенный своим успехом в случае уступки его нынешним требованиям, он не продержался бы и года за своей воображаемой границей, — нет, в тот момент, когда мы заговорим о мирных условиях, он станет кричать о своей победе. У нас не будет мира до тех пор, пока не будет искоренено рабство. Пока вы держите во главе нашего правительства теперешнюю черепуху, вы одной рукой делаете дыру, чтобы затыкать ее другой рукой. Пусть вся нация санкционирует решения Нью-йоркской торговой палаты, и тогда у армии будет нечто такое, за что стоит

Масса — искаженное английское слово «Master» [хозяин], употребленное неграми на юге Соединенных Штатов. *Ред.*

сражаться. Если бы Джефферсон Девис был даже в силах, он все же не взял бы Вашингтон. Он знает, что бомба, которая упала бы в этот Содом, пробудила бы всю нацию.

«Весь Север загремел бы тогда в один голос: «Долой рабство, долой все, что мешает спасению республики!» Джефферсон Девис вполне удовлетворен своими успехами. Да, эти успехи на много превзошли его ожидания! Если только он доплывет на них до 4 марта 1863 г., то Англия — и это будет в порядке вещей — признает Южную конфедерацию... Президент не выполнил акта о конфискации. Он, может быть, честный человек, но какое нам дело до его честности! Он не умеет ни видеть, ни предвидеть. Когда я был в Вашингтоне, я удостоверился, что Линкольн еще три месяца тому назад написал прокламацию о всеобщей отмене рабства, но что Мак-Клееллан принудил его отказаться от этого решения, а представители Кентукки вынудили его оставить на верховном посту Мак-Клееллана, которому он не верит. Годы будут нужны для того, чтобы Линкольн выучился сочетать свои юридическо-адвокатские сомнения с требованиями гражданской войны. В этом страшная ограниченность демократического правления и его величайшее зло.

«Во Франции 100 человек, убежденных в своей правоте, увлекли бы за собой весь народ, но чтобы наше правительство решилось на один шаг, должны сперва раскататься 19 миллионов. А скольким из этих миллионов годами внушалось, что рабство есть богоустановленный порядок! При таких предрассудках, с парализованными руками и сердцами, вы требуете от президента, чтобы он спас вас от негра! Если эта теория правильна, то только рабовладельческий деспотизм может дать нам временный мир... Я знаю Линкольна. В Вашингтоне я снял с него мерку. Он — первоклассная посредственность («a first-rate second-rate man»). Он честно дожидается того момента, когда нация возьмет его в руки, как метлу, и выметет с его помощью рабовладение... В минувшие годы, недалеко от этой трибуны, с которой я сейчас говорю, виги стреляли в воздух, чтобы заглушить мой голос, а каковы результаты?

«Сыновья этих вигов спят теперь вечным сном в болотах Чикагомини! Уничтожьте, ради бога, этот Союз и создайте вместо него другой, на фундаменте которого было бы начертано: «политическое равенство для всех граждан мира»... В бытность мою в Чикаго я спрашивал у юристов Иллинойса, среди которых Линкольн занимался в свое время адвокатской практикой, что он за человек? Может ли он сказать когда-нибудь «нет»? Ответ гласил: «Он человек без хребта. Если американцы хотели выбрать человека, абсолютно не способ-

ного к руководству, к инициативе, они должны были выбрать Авраама Линкольна. Никто не слышал, чтобы он когда-нибудь сказал «нет!» Я спросил: а Мак-Клееллан способен сказать «нет»? Директор Чикагской центральной железной дороги, на которой служил Мак-Клееллан, ответил: «Он не способен принять какое-либо решение. Спроси его о чем-нибудь — и пройдет час, прежде чем он надумает ответ. За все время, пока он имел дело с правлением центральной железной дороги, он ни разу не разрешил ни одного серьезного спорного вопроса».

«Таковы эти два человека, в руках которых, больше, чем у кого бы то ни было, находятся сейчас судьбы северной республики! Лица, отлично знакомые с состоянием армии, уверяют, что Ричмонд мог бы быть взят уже пять раз, если бы этому не мешал бездельник, стоящий во главе потомакской армии; но он предпочел выгребать нечистоты из чикагоминских болот, чтобы потом позорно покинуть это место вместе с навозными кучами. Линкольн, из жалкой трусости перед пограничными рабовладельческими штатами, оставляет этого человека на его теперешнем посту; но недалек тот день, когда Линкольн признается, что он никогда не верил Мак-Клееллану... Будем надеяться, что война продолжится достаточно долго, чтобы превратить нас в настоящих людей, и тогда мы быстро добьемся победы. Бог вложил в наши руки громовую стрелу освобождения, чтобы поразить мятежников...»

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 240
от 30 августа 1862 г.*

Без подписи.

МИТИНГ В ЧЕСТЬ ГАРИБАЛЬДИ.

В настоящий момент в Лондоне готовится митинг в честь Гарибальди; другой такой же митинг состоялся вчера в Гейтсхеде, третий назначен в Бирмингеме. Серию этих народных демонстраций открыл в прошлый вторник *Ньюкестль*. Ниже мы даем краткий отчет о митинге в *Ньюкестле* для характеристики своеобразного настроения, господствующего здесь. Подобные митинги всегда любопытны. Г-н *Ньютон* (городской советник) открыл собрание речью, в которой сказал, между прочим, следующее:

«Пока Италия не свободна, никакая свобода невозможна в Европе. Пока Франция держит в центре Европы большую армию, нет гарантии даже для тех свобод, которыми мы теперь гордимся. Нельзя ни на минуту забывать, что настоящую причину поражения Гарибальди следует искать не столько в Италии, сколько в Париже. Французский властелин — вот кто действительный виновник этого несчастья (громкие аплодисменты). Это та же сила, которая заставила молчать печать и трибуну, которая задушила, связала, выхлостила всю Францию. Я не сомневаюсь, что наступит день возмездия, день мести за государственный переворот, что провидение потребует расплаты за все грехи и преступления этого переворота! Требуется большое самообладание, чтобы спокойно говорить о поведении Франции по отношению к Италии. Со времен Карла VIII она постоянно стремилась к тому, чтобы разрушить Италию и сделать ее предлогом к нарушению европейского мира... Я читал где-то, что древние римляне не посмели судить Манлия перед лицом Капитолия. Найдется ли клочок итальянской земли, который допустит, чтобы на нем судили Гарибальди?..»

Джоз. Коуэн внес предложение обратиться к лорду Росселю с меморандумом о том, чтобы английское правительство настаивало перед французским императором на эвакуации Рима. «Рим, — сказал он, — старая достолавная столица Италии... Как могло случиться, что этот древний центр цивилизации захвачен войсками чужеземного насильника? Почему французские войска имеют больше прав на Рим, чем на Неаполь, Турин или Лондон? (Громкие апло-

дисменты.) Папа бежал, отказался вернуться, оставил Рим на три месяца без правительства. Тогда римляне сами выбрали себе правительство. И в то время как они были еще заняты его организацией, на них обрушились те самые французы, которые за год до того первые подали им пример.

«Назвать такое поведение непоследовательным было бы слишком слабо. Оно подло (бурные аплодисменты), и история заклеянит каждого француза, принявшего участие в этом гнусном деле. Может быть, за исключением раздела Польши, никогда еще все принципы национальной независимости и международного права не были попорчены так бесстыдно, как при убиении римской республики французскими преторианскими бандами! Рим пал в июне 1849 г., и Луи Бонапарт держит его в своих руках по сей день целых 13 лет!.. Когда его министры заявили французскому Национальному собранию, что римская экспедиция была вызвана анархией, имевшей место в Риме, они лгали! (Слушайте, слушайте!) Когда его офицеры заявляли в Тулоне войскам, не желавшим поднять руку на братскую республику, что борьба ведется не с Римом, а с Австрией, — они лгали. После высадки армии в Чивита-Векия они снова лгали, выдавая себя не за врагов, а за друзей народа, и лицемерно переплетая французские флаги с итальянскими! Французский уполномоченный и его агенты лгали, когда добивались свидания с триумвирами под предлогом ведения переговоров, на деле же для того, чтобы обследовать состояние городских укреплений. Генерал Удино лгал, когда объявлялся не атаковать город раньше 4 июня, а сам напал на него 2-го, застигнув римлян врасплох. Все поведение французов в этом бессовестном деле было сплошь рассчитанной и лицемерной ложью (гром аплодисментов).

«Начиная с Луи Бонапарта и кончая его последним агентом, все они обманывали Рим, французский народ и Европу. Луи Бонапарту никогда не была нужна свободная Италия. То, чего он хочет, это сардинское королевство на севере, другое королевство на юге с королем Мюратом и третье в центре, куда он мог бы посадить своего кузена Плон-Плона (аплодисменты и смех). Эти три маленькие монархии, связанные родственными узами с домом Бонапарта и вдохновляемые из Тюильри, обеспечили бы Луи Бонапарту значительное усиление его могущества в Европе. План был не плох, и его выполнение сделало бы честь его ловкости, но Гарибальди сорвал его (бурные аплодисменты). Сам Гарибальди сейчас обезоружен. Это возлагает тем большую обязанность на английский народ положить конец захватам французского деспотизма и запереть ворота Рима

перед преторианскими ордами узурпатора... Бонапартизм — источник всех бедствий в Европе. Но дни его могущества сочтены... Непреклонная воля, сотни тысяч солдат, изобилие всех смертоносных орудий войны, сенат, набитый раболепными искателями доходных мест, сколоченная жандармами и префектами палата представителей, — зато на другой стороне — человеческая природа, обязанная защищать свои вечные права!» (Бурные аплодисменты.)

Затем г. Коуэн мотивировал и зачитал адресованный лорду Росселю меморандум, который был принят единогласно. Неудачная попытка некоего г. Руля выступить в защиту «нашего высокого союзника по ту сторону канала» была встречена свистом, шипением, ревом и хохотом.

Г-н Ретерфорд (пастор) внес второе предложение, сформулированное так: «Настоящее собрание приглашает генерала Гарибальди переехать на жительство в Англию и заверяет его в неизменном и все возрастающем восхищении английского народа». Мотивируя свое предложение, г. Ретерфорд, между прочим, заметил: «Если бы в Риме оказалось для папы слишком жарко, то и он сможет найти приют в Англии. Мы даже будем его приветствовать — не как светского государя, а как главу величайшей церкви».

Предложение прошло единогласно. Председатель закрыл собрание резкой репликой против «парижского деспота». «Пусть он вспомнит о древней Италии с ее Брутом и Кассием; пусть вспомнит о Немезиде, стоящей за его спиной; пусть подумает вместе с Макбетом о том, что вооруженный с ног до головы мститель может вдруг вырасти из-под земли и что не у всех Орсини отрублены головы». Так заявил господин городской советник *Ньютон*.

В настоящий момент язык английских газет и митингов напоминает первые дни после *coup d'état* [государственного переворота], представляя резкий контраст по сравнению с позднейшими гимнами в честь «спасителя общества».

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 258
от 17 сентября 1862 г.*

Без подписи.

НУЖДА РАБОЧИХ В АНГЛИИ.

Уже два месяца в здешней печати ведется полемика, данные которой представят для будущего историка английского общества несравненно больший интерес, чем все каталоги великой выставки¹, как иллюстрированные, так и неиллюстрированные.

Вспомним, что незадолго до окончания парламентской сессии через обе палаты в самом спешном порядке и под давлением крупных промышленников был прогнан билль о повышении налога для бедных по муниципалитетам Ланкашира и Йоркшира. Это мероприятие, само по себе имеющее очень ограниченное значение, затрагивает главным образом мелкую буржуазию фабричных округов, в то время как *landlords* (крупные землевладельцы) и *cottonlords* (хлопчатобумажные лорды) едва им затронуты. Во время обсуждения билля Пальмерстон резко отозвался о *cottonlords*, рабочие которых мрут с голода на улице, в то время как сами они путем спекулятивных сделок с хлопком невероятно богатеют. Их «masterly inaction» (мастерскую бездеятельность) во время кризиса он также объяснял «спекулятивными» мотивами. Еще при открытии сессии лорд Дерби заявил, что дефицитность хлопка явилась для фабрикантов *deus ex machina* [чудесной развязкой], ибо чудовищное переполнение рынков должно было вызвать ужаснейший кризис, если бы американская гражданская война не прервала внезапно доставки сырья. Кобден в качестве лидера промышленников ответил трехдневной диатрибой [едкой критикой] внешней политики Пальмерстона.

После закрытия парламентской сессии борьба продолжалась в печати. Воззвания к английской публике о помощи страдающему рабочему населению и непрестанно растущая нищета в фабричных округах давали каждый день все новые поводы для продолжения борьбы. «Morning Star» и другие органы промышленников напоминали о том, что граф Дерби и целый рой аристократов получают по 300 000 ф. ст. и больше земельной ренты с земельных владений,

---

¹ Имеется в виду Лондонская всемирная выставка, открытая 1 мая 1862 года. *Ред.*

расположенных в фабричных районах; они не участвуют в промышленной деятельности, но обязаны ей тем, что земля, раньше не имевшая никакой ценности, по какому-то волшебству достигла теперешней цены. «Morning Star» дошла до того, что определила, какие благотворительные взносы надлежит сделать Дерби и прочим крупным лендлордам. В качестве примера газета обложила Дерби в размере 30 000 фунтов стерлингов.

Лорд Дерби действительно вскоре после закрытия парламента созвал в Манчестере митинг для сбора благотворительных взносов. Он обложил себя в сумме 1 000 ф. ст.; другие крупные землевладельцы также подписались на соответствующие суммы. Результат получился не блестящий, но земельная аристократия хоть что-то сделала. Она била себя в грудь: «*Salvavi animam meam*» [Я спас свою душу].

Высшие сановники хлопчатобумажной промышленности между тем упорно сохраняли свою «стоическую» позу. Их нигде нельзя найти — ни в местных комитетах помощи нуждающимся, ни в лондонском комитете. «*They are neither here nor there, but they are on the Liverpool-Market*» (Их нет ни здесь ни там, они на ливерпульском рынке), — пишет одна лондонская газета. Торийские газеты и «*Times*» теперь изо дня в день мечут громы против хлопковых деспотов, которые, высосав миллионы «из крови и плоти рабочих», отказываются теперь дать хотя бы грош на сохранение «источника их богатства». «*Times*» послал собственных репортеров в фабричные округа; их весьма подробные описания едва ли могут способствовать популярности «хлопчатобумажных лордов». Зато промышленные органы — «*Morning Star*», «*Economist*», «*Manchester Guardian*» — обвиняют «*Times*» в разжигании классовой борьбы с целью замазать вину правительства, его хозяйничанье в Индии и т. д. «*Times*», очевидно, весьма обрадовавшись случаю восстановить свою популярность, конечно возражает с едкой иронией: если «хлопчатобумажные лорды», с одной стороны, поступают весьма экономично, а именно — используют теперешний недостаток хлопка в целях спекуляции, то, с другой стороны, они завзятые коммунисты, и притом «коммунисты самого противного сорта». Эти богатые господа требовали, чтобы Англия открыла карманы с тем, чтобы сохранить для них драгоценнейшую часть их капитала без каких бы то ни было затрат с их стороны. Их капитал состоит ведь не только из фабрик, машин и банковского актива, а в еще большей степени из хорошо дисциплинированной рабочей армии Ланкашира и Йоркшира. И в то время как эти господа закрывали свои фабрики для того, чтобы продавать сырье с

500% прибыли, они требовали, чтобы английский народ содержал распушенные ими армии.

В продолжение этой странной распри между земельной аристократией и фабричной аристократией — кто из них больше высосал соков из рабочего класса и кто из них меньше всего обязан помочь нуждающимся рабочим — с самими пациентами происходят такие вещи, о которых континентальные поклонники «great exhibition» [великой выставки] и понятия не имеют. Событие, о котором скажу в следующих строках, было официально засвидетельствовано.

В маленьком коттедже в Гауксхольме, вблизи Падмондена (Вестрайдинг, Йоркшир) жил отец с двумя дочерьми; отец был стар и немощен, дочери добывали хлеб работой на хлопчатобумажной фабрике г. Галливеля. Они занимали жалкую комнату в нижнем этаже, в нескольких футах от грязной канавы; над их окном находилась лестница, которая служила ходом для жильцов верхнего этажа. Эта лестница лишила их жалкую конуру света. В самые лучшие времена они зарабатывали лишь столько, что «еле-еле кормились» («Leib und Seele zusammenzuhalten»), но за последние пятнадцать недель исчез единственный источник заработка. Фабрика закрылась; у семьи не оказалось средств на обед. Шаг за шагом нищета затягивала их в бездну. Каждый час приближал их к могиле. Пришел черед скудной мебели, платья, белья, — всему, что можно было продать или заложить, чтобы превратить все это в хлеб. Определенно известно, что в течение четырнадцати недель они, не зарабатывая ни гроша, ни разу не обращались за помощью к приходу.

В довершение беды старик уже месяц болел и не был в силах встать с постели. Трагедия Уголино и его сыновей повторилась лишь без каннибализма в падмонденской хижине. Дней восемь тому назад (12-го числа), дойдя до крайнего отчаяния, более крепкая из обеих девушек, наконец, собралась, пошла к попечителю бедных и рассказала ему кошмарную повесть. Этот господин, как это ни покажется невероятным, ответил, что он ничего не может сделать для семьи до будущей среды. Пусть несчастные страдальцы потерпят еще пять дней, пока могущественный приходский попечитель не соблаговолит, наконец, оказать помощь. Семья стала ждать, ничего другого делать ей не оставалось. Наконец, наступила долгожданная среда, когда официальная благотворительность должна была кинуть голодающей семье кроху хлеба; тут жители села были встревожены слухом, что одна из сестер умерла с голода. Жуткий слух оказался правильным. Распростертый на жалкой скамье, окруженный символами ужасающей нищеты, лежал труп девушки, умершей от голода; отец ее,

истощенный, беспомощный, рыдал, лежа в постели; у оставшейся в живых сестры еле хватило сил рассказать историю своих страданий. Мы знаем по опыту, чем кончится этот ужасный случай, в наше время отнюдь не исключительный. Будет произведен осмотр мертвого тела. Коронер (осмотрщик мертвого тела) станет распространяться насчет благожелательного духа английского закона о бедных, вновь сошлется на превосходный аппарат для проведения закона в жизнь, чтобы *prima facie* [прежде всего] доказать, что никак нельзя возложить на закон ответственность за этот печальный случай. Попечитель выйдет сухим из воды, и если суд не наговорит ему комплиментов, то все же для собственного успокоения он узнает, что за ним нет ни малейшей погрешности. Наконец, присяжные увенчают торжественную комедию приговором: «Died by the visitation of God» (скончалась по воле божьей).

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 268

от 27 сентября 1862 г.

Без подписи.

БУРНЫЙ МИТИНГ.

Лондон, 29 сентября [1862 г.]

Вчера (в воскресенье) произошло своеобразное побоище между английскими гарибальдистами и ирландскими приверженцами папы. Еще несколько дней тому назад организованный лондонскими рабочими комитет по сбору денег для Гарибальди назначил митинг под открытым небом на воскресенье, в 3 часа дня, в Гайд-Парке. К назначенному времени собралось около 20 000 человек, в большинстве рабочих. Холм между Гровенорскими воротами и Мраморной аркой, на котором умещается около 200 человек, должен был служить ораторской трибуной. Почти ровно в 3 часа у подошвы холма появился комитет; но незадолго до его прибытия холм был занят ирландской толпой, ирландскими поденщиками самого низкого сорта, явно задавшимися целью устроить побоище. Программа митинга — демонстрация в честь Гарибальди и протест против оккупации Рима французами — пришлось им не по душе. Кроме ирландцев, занявших холм, другая ирландская шайка, приблизительно в 500 человек, расположилась у его подошвы, заявила, энергично жестикулируя, что «не сдвинется с места», и произнесла троекратное «ура» в честь папы. Участники митинга ответили на это троекратным «ура» в честь Гарибальди. Комитет решил отстоять свое право. Поддерживаемый многочисленной толпой, он взял холм под приветственные клики (cheers) одной стороны и возмущенный рев (groans) — другой.

Г-н Уэд Меррей, выбранный в председатели, предоставил г. Бредлафу слово для обоснования первой резолюции. Но не успел Бредлаф начать свою речь, как ирландская сторона, вооруженная большей частью дубинками, ринулась в атаку и удалила с холма председателя, оратора и еще нескольких членов комитета. Гарибальдисты бросились в контр-атаку, и после ожесточенной драки им удалось водворить председателя на его почетное место. Дело начало принимать тревожный оборот, потому что ирландцы, повидимому, решили не останавливаться ни перед чем, чтобы помешать ходу собрания. Бредлаф опять пытался говорить, но тщетно, так как борьба за обладание холмом продолжалась. Он ограничился поэтому

прочтением соответствующей резолюции. Г-н Клег выступил в защиту предложения, но не успел он произнести и двух слов, как ирландцы, подкрепленные несколькими сотнями «неприятных личностей» («unheimlicher Gestalten»), с кличем «Да здравствует папа!» снова очистили холм от гарибальдистов. Завязалась отчаянная драка, во время которой холм переходил то в руки гарибальдистов, то в руки ирландцев. Оружием в бою служили палки, зонты и камни. Многие были серьезно ранены. Между тем, число зрителей увеличилось почти вдвое. Сторонники Гарибальди могли бы одной своей массой задавить приверженцев папы, но комитет обратился к ним с усердной просьбой оставить позор за произведенное бесчинство (riot) на совести ирландцев и ограничиться одной обороной. Однако более темпераментные из гарибальдистов отвергли этот призыв к миру, и борьба разгорелась снова с еще большим ожесточением. В конце концов паписты полностью овладели, благодаря своим дубинкам, местом боя; но, не довольствуясь этой победой, они стали бросать камни в собравшуюся внизу толпу народа. Несколько человек получило довольно тяжелые раны. Одно из этих метательных орудий попало в грудь караульному солдату.

Не колеблясь ни минуты, он устремился на холм, ворвался в толпу ирландцев, подошел к тому, кто бросил камень, и одним сильным ударом кулака повалил его наземь. Но тут его окружило около дюжины ирландцев, и жизнь его уже была в опасности, когда несколько его товарищей, в сопровождении 20 рабочих, поспешили ему на помощь и после пятиминутного бокса смели папистов с холма и бросились преследовать их в парке. Здесь они наткнулись на полицейский отряд, который арестовал главных вожаков бежавшей шайки. Толпа на руках отнесла солдат на вершину холма, который перешел теперь в бесспорное обладание гарибальдистов. Секретарь комитета выступил с заявлением, что ввиду позорного побоища, инспирированного из невидимого источника, митинг переносится на следующее воскресенье. Он прибавил, что будут приняты меры предосторожности против повторения подобных инцидентов. Это заявление было встречено громким «ура», после чего секретарь объявил митинг закрытым. Но возбуждение толпы все возрастало, и под руководством солдат был импровизирован довольно сильный боевой отряд для примерного наказания еще не разошедшейся толпы ирландских скандалистов. Отчаянное побоище с человеческими жертвами казалось неизбежным, но вдруг полил проливной дождь, быстро охладивший страсти обеих сторон и заставивший гарибальдистов и папистов в беспорядочном бегстве искать пристанища под крышей.

Тем временем в парк вошел форсированным маршем сильный полицейский отряд, явившийся, однако, уже после того, как роль полиции была выполнена дождем.

Многие католические «джентльмены», присутствовавшие на митинге, громко протестовали против безобразий со стороны их единоверцев, поддавшихся ложному руководству.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 274

от 3 октября 1862 г.

Без подписи.

МИТИНГИ ГАРИБАЛЬДИСТОВ. — НУЖДА СРЕДИ РАБОЧИХ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Лондон, 30 сентября [1862 г.]

После гарибальдистского митинга в Ньюкестле, описанного мною в одном из предшествующих писем, состоялись подобные же митинги в Сендерленде, Денди, Бирмингеме, Лондоне и других местах. Общий характер этих митингов был повсюду один и тот же, и их последнее слово неизменно гласило: «французы должны очистить Рим». Сейчас во всех кварталах Лондона решили выбрать депутатов и послать их всей массой к лорду Джону Росселю, чтобы принудить его к выступлению против продолжающейся оккупации Рима французскими войсками. «Pressure from without» (давление извне — ultima ratio [последнее средство] англичанина в его борьбе со своим правительством.

А между тем тюильрийский кабинет взирает на эти народные демонстрации в Англии без особого удовольствия и далеко не равнодушно, как об этом можно судить по следующей выдержке из «Newcastle Journal»:

«Император французов обратил внимание английского правительства на тон речей, преобладавший на последнем гарибальдистском митинге в Ньюкестле. Было подчеркнуто, что два оратора, и в том числе председатель собрания, городской советник Ньютон, намекали на заговоры против жизни императора и самым недвусмысленным образом угрожали ему смертью за его итальянскую политику. Правительство сочло поэтому нужным выступить с заявлением, что законы Англии будут применяться со всей строгостью как для предупреждения, так и для наказания всех заговоров вроде заговора Орсини, д-ра Бернара и других, — тем более, что на вышеупомянутом митинге было совершенно открыто высказано намерение повторить покушение Орсини. Свое выступление правительство обосновывает тем, что в последнее время в маджинистских кружках произносились речи, раздавались угрозы и делались глухие намеки, подобные тем, которые предшествовали заговору Орсини. В заключение мы можем сообщить нашим читателям, что судебными вла-

стями уже предприняты первые шаги в связи с митингом в Нью-кестле».

Таковы сведения «Newcastle Journal». Кто хоть сколько-нибудь знаком с английскими делами и с господствующими здесь настроениями, тот знает, что всякое вмешательство нынешнего кабинета в народные демонстрации может окончиться только его собственным падением, как это было и во время заговора Орсини.

Ввиду приближающейся зимы положение в фабричных округах становится с каждым днем все более угрожающим. «Morning Star» предупреждает сегодня, что если нынешние методы «официальной благотворительности» будут сохранены, то этой зимой мы станем свидетелями волнений, которые далеко оставят за собой бурные сцены 1842—1843 годов. Ближайшим поводом для этого вопля Кассандры послужило перепечатанное во всех английских газетах заявление одного манчестерского рабочего, прежде занятого в машинном производстве (хлопчатобумажных) тканей, а теперь выброшенного на мостовую. Чтобы понять это заявление, содержание которого я вкратце передам ниже, нужно знать, что такое «Labour test» (трудо-вое испытание). Английское законодательство о бедных 1835 г., пытавшееся искоренить пауперизм применением к нему карательных мер как к позорному преступлению, требует, чтобы хлопочущий о пособии бедняк доказал сначала свое «желание работать», для чего он бьет камни или «oakum picks» (рассучивает старые корабельные канаты и т. д.) — бессмысленные операции, которыми изводят присужденных к «принудительному труду» преступников в английских тюрьмах. После этого «трудо-вого испытания» нуждающийся получает шиллинг в неделю на каждого члена своей семьи, причем полшиллинга выдается деньгами и полшиллинга хлебом.

Обратимся теперь к «заявлению» английского ткача. Его семья состоит из шести человек. Прежде он имел хороший заработок. Но вот уже восемнадцать недель, как его рабочее время сократилось вдвое и вчетверо. За это время недельный доход семьи составлял едва 8 шиллингов. В последнюю неделю фабрика, на которой он работал, была совсем закрыта. За свое жилье он платит 3 шиллинга 3 пенса в неделю. Он заложил все, что только можно было вынести из дома, и остался без гроша в кармане; угроза голодной смерти повисла над ним и над его семьей. Пришлось добиваться пособия в попечительстве о бедных. Рано утром в прошлый понедельник он явился к «попечителям» («guardians»).

После «сурового допроса» они направили его к соответствующему чиновнику его округа. Прошел целый час, прежде чем

чиновник допустил его к своей сиятельной особе. Затем он снял с него вторичный допрос и... отказал ему в пособии на том основании, что он за прошлую неделю заработал 3 шиллинга, хотя «пациент» дал ему подробный отчет о том, как он израсходовал это «состояние». Несчастному рабочему и его семье предстояло, таким образом, голодать до следующей среды. В среду он отправился опять в бюро «попечительства». Здесь он узнал, что для получения пособия он должен сначала подвергнуться «трудоу испытанию». Пришлось пойти в workhouse (бастилия для бедных) и с пустым желудком рассучивать там канаты до половины шестого вечера вместе с 300 другими рабочими, битком набитыми в тесном помещении приблизительно в тридцать ярдов. Здесь, в невыносимой жаре, припертые друг к другу на скамейках, среди удушливых испарений и пыли, «пациенты трудового испытания» — эти искусные рабочие, столпы национального богатства Англии, — должны были производить самые унижительные операции, к каким только можно приневолить человеческое существо. С таким же правом можно было бы требовать от часовщика, чтобы он ковал подковы, или от органиста, чтобы он сам раздувал мехи своего органа. Закончив эту операцию, наш «ткач» получил ровно 5 шиллингов — наполовину деньгами и наполовину хлебом. За вычетом квартирной платы у него осталось, таким образом, неполных 2 пенса (около двух прусских грошей) на суточное пропитание шести человек. А в следующую среду ему предстояло снова выдержать «божье испытание», которое обычно производится раз в неделю. Но ткач теперь публично заявил, что он предпочитает умереть со своей семьей голодной смертью, чем вторично подвергнуться такому позору.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 275
от 4 октября 1862 г.*

Без подписи.

ПРОИЗВОДСТВО ХЛЕБА.

Гарибальди, гражданская война в Америке, революция в Греции, хлопчатобумажный кризис, банкротство Вьельяра — все это отступает сейчас в Лондоне на задний план перед... *хлебным вопросом*, перед вопросом о хлебе в буквальном смысле слова. Англичане, которые так гордятся своими «идеями железа и пара», вдруг открыли, что «staff of life» (основу жизни) они фабрикуют по древне-франкским методам, как во времена вторжения норманнов. Единственный существенный шаг вперед заключается в том, что современная химия облегчает фальсифицирование продукта. Старая английская поговорка гласит, что каждый человек, даже самый лучший, должен в своей жизни поглотить «a peck of dirt» [мерку грязи]. Но ведь это понимается в моральном смысле. Джон Булль и не подозревает, что он изо дня в день поглощает в самом грубом физическом смысле невообразимую смесь муки, квасцов, паутины, тараканов и человеческого пота. При его твердом знании библии ему было, конечно, известно, что человек зарабатывает себе хлеб в поте лица; но для него явилось совершеннейшей новостью, что человеческий пот входит в качестве приправы в печеный хлеб.

Последовательность, в какой крупная промышленность овладевает различными областями, где она застаёт ручной труд, ремесло и мануфактуру, представляется на первый взгляд весьма капризной. Так, например, производство пшеницы есть сельское занятие, а выпечка хлеба — городское. Не следовало ли ожидать, что промышленность овладеет сначала городским производством, а потом уже сельским? А между тем действительный ход развития был обратный. Куда бы мы ни взглянули, мы увидим, что непосредственные потребности до сих пор более или менее упорно отстранялись от влияния крупной промышленности, что удовлетворение этих потребностей осуществляется посредством старозаветных, беспомощно громоздких ремесленных приемов. И не Англия, а Северная Америка впервые пробрала брешь в этой традиции, да и то лишь в наши дни. Янки начал первый применять машины в портняжном, сапожном и тому подобных производствах и даже перенес их с фабрики в частную

квартиру. Впрочем, это явление объясняется очень просто. Промышленность требует массового производства, производства в большом масштабе, для торговли, а не для собственного потребления, и по самой сути дела сырье и полуфабрикаты составляют *первую*, а готовые товары, предметы непосредственного потребления — *последнюю* область ее завоевания.

Однако теперь в Англии пробил, повидимому, час гибели *пекарей-хозяев* и настает эра *хлебных фабрикантов*. Но одного только громадного возмущения, вызванного разоблачениями г. *Тременхира* по поводу «хлебных тайнств» (*Mysterien des Brodes*), было бы недостаточно для подобной революции, если бы капитал, широко вытесняемый американским кризисом из давно монополизированных им областей, не искал так жадно новой сферы для своего приложения.

Поденные рабочие лондонских пекарен наводнили парламент жалобами на свое исключительно бедственное положение. Министр внутренних дел назначил г. *Тременхира* докладчиком, а отчасти и следователем по вопросу об этих жалобах. Доклад г. *Тременхира* и явился сигналом к буре.

Этот доклад распадается на два главных отдела. В первом изображается крайняя нищета рабочих пекарного производства; вторая содержит разоблачения об отвратительных тайнах самого процесса хлебопечения.

Первая половина доклада характеризует рабочих пекарен как «белых рабов цивилизации». Их обычный рабочий день начинается в 11 часов вечера и продолжается до 3—4 часов пополудни. Работа увеличивается к концу недели. В большинстве лондонских пекарен она продолжается без перерывов с 10 часов вечера в четверг до ночи на воскресенье. Средний возраст этих рабочих, большею частью умирающих от изнурения, составляет 42 года.

Что касается самого процесса выпечки хлеба, то он обыкновенно протекает в тесных, подвальных, плохо или совсем не проветриваемых помещениях. Отсутствие вентиляции дополняется тлетворными испарениями из скверных сточных труб, и «хлеб во время брожения впитывает в себя вредные газы, обволакивающие его со всех сторон». Паутина, тараканы, крысы и мыши «сочетаются с тестом» («*vermählen sich mit dem Teige*»). «С величайшим отвращением, — говорит г. *Тременхир*, — я был вынужден притти к выводу, что тесто почти всегда впитывает в себя пот, а часто и еще более вредные выделения месильщиков». Даже лучшие хлебопекарни не свободны от этого отвратительного безобразия, но оно достигает невероятной степени в тех дырах, в которых изготовляется хлеб для бедноты и где фаль-

сификация муки посредством квасцов и костяной муки процветает также наиболее пышно.

Г-н Тременхир предлагает издать более строгие законы против фальсификации хлеба; далее он предлагает взять хлебопекарни под правительственный надзор, ограничить продолжительность рабочего дня «для молодых людей» (т. е. не достигших 18-летнего возраста) временем от 5 часов утра до 9 часов вечера и т. д. При этом, однако, он вполне разумно считает, что вскрытые им язвы, вытекающие прямо из старого способа производства хлеба, могут быть устранены не парламентом, а только крупной индустрией.

И действительно, в некоторых местах для приготовления теста уже введена машина *Стивена*. Другая машина такого же рода имеется на промышленной выставке. Но обе они оставляют еще слишком значительную часть процесса хлебопечения для ручной работы. Зато д-р *Деглиф* революционизировал всю систему производства хлеба. С того момента, как мука выходит из амбара, и вплоть до посадки хлеба в печь человеческая рука не касается его ни разу. Д-р Деглиф отбрасывает дрожжи, осуществляя брожение с помощью углекислоты. Он сокращает продолжительность всего процесса производства хлеба, включая и выпечку, с восьми часов до тридцати минут. Ночная работа отпадает совершенно. Применение углекислого газа исключает всякую возможность фальсификации. Большая экономия достигается благодаря новому способу вызывать брожение, а особенно благодаря тому, что машина д-ра Деглифа соединена с изобретенным в Америке способом удалять жесткую оболочку зерна, не разрушая при этом, как до сих пор, до трех четвертей клейкой оболочки, составляющей, согласно французскому химику Меж-Мури, самую питательную часть зерна. Д-р Деглиф вычислил, что его новый способ производства хлеба дал бы Англии возможность сберечь ежегодно на муке 8 миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, была бы достигнута экономия и в потреблении угля. Расходы на уголь, считая и паровую машину, снижаются с 1 шиллинга до 3 пенсов на печь. Углекислый газ, приготовленный из лучшей серной кислоты, стоит около 9 пенсов на мешок, между тем как дрожжи обходятся теперь хозяевам пекарен больше 1 шиллинга.

Хлебопекарня по методу д-ра Деглифа, теперь значительно улучшенному, была раньше уже открыта в одной части Лондона, в Докхеде (Бермондси), но вследствие неблагоприятных местных условий она вскоре закрылась. Сейчас хлебопекарни этого типа работают в Портсмуте, Дублине, Лидсе, Бате, Ковентри и, как говорят, работают весьма успешно. В Ислингтоне (пригород Лондона) недавно

пущена в ход, под личным наблюдением д-ра Деглифа, особая хлебопекарня, предназначенная больше для выучки рабочих, чем для продажи хлеба. Подготовительные работы для введения машин ведутся в широком масштабе в муниципальной хлебопекарне Парижа.

Всеобщее распространение метода д-ра Деглифа превратит большинство теперешних пекарей-хозяев в простых агентов нескольких крупных хлебных фабрикантов. Сами они будут заниматься только розничной продажей, не имея никакого отношения к производству, что, впрочем, для большинства из них будет не слишком чувствительной потерей, ибо они уже и теперь фактически являются простыми агентами более крупных мукомолов. Победа машинного хлеба явится переломным пунктом в истории крупной промышленности, которой будут таким образом завоеваны до сих пор наиболее защищенные потаенные уголки средневекового ремесленного производства.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Die Presse» № 301

от 30 октября 1862 г.

Без подписи.

К ПОЛОЖЕНИЮ В АМЕРИКЕ.

Лондон, 4 ноября [1862 г.]

Генерал Брегг, командующий южной армией в Кентукки — остальные имеющиеся там боевые силы южан состоят из партизанских банд — издал при своем вторжении в этот пограничный штат прокламацию, которая проливает значительный свет на последние комбинированные шахматные ходы Конфедерации. Эта прокламация, обращенная к северо-западным штатам, изображает успех Брегга в Кентукки как нечто само собой понятное и явно рассчитана на случай победоносного вторжения в Огайо, центральный штат Севера. Прежде всего Брегг заявляет о готовности Конфедерации гарантировать свободное судоходство по Миссисипи и Огайо. Эта гарантия имеет смысл лишь постольку, поскольку рабовладельцы держат в своих руках пограничные штаты. Следовательно, в Ричмонде полагают, что одновременное вторжение Ли в Мэриленд и Брегга в Кентукки сразу обеспечило бы обладание пограничными штатами. Далее Брегг пытается доказать правоту Юга, который будто бы сражается лишь за свою независимость, вообще же хочет мира; но самый гвоздь прокламации, — это предложение сепаратного мира с северо-западными штатами, призыв к ним отколоться от Союза и примкнуть к Конфедерации, так как экономические интересы Северо-запада и Юга настолько якобы совпадают между собой, насколько противоположны интересы Северо-запада и Северо-востока. Мы видим, таким образом, что не успел Юг вообразить себя господином положения в пограничных штатах, как он уже официально выболтал свою дальнейшую цель — план реконструкции Союза с исключением из него штатов Новой Англии.

Но как вторжение в Мэриленд, так и вторжение в Кентукки потерпело крах: первое — в битве при Антитем-Крике, второе — в битве при Перивиле под Луизвилем. Как там, так и здесь конфедераты были наступающей стороной и атаковали авангард армии Бьюэля. Своей победой федералисты обязаны начальнику авангарда, генералу Мак-Куку, который выдерживал натиск численно на много превосходящего неприятеля до тех пор, пока Бьюэль не смог

двинуть в бой свои главные силы. Не подлежит ни малейшему сомнению, что поражение при Перивилле повлечет за собой эвакуацию Кентукки. Крупнейший партизанский отряд, состоявший из наиболее фанатических сторонников рабовладельческой системы в Кентукки и находившийся под командой генерала Мсргана, был уничтожен приблизительно тогда же под Франкфуртом (между Луизвилем и Лексингтоном). И, наконец, Розенкранцем была одержана под Коринфом решающая победа, после которой разбитой армии генерала Брегга осталось только быстро отступить из захваченной области.

Таким образом, широко и удачно с военной точки зрения задуманный и при самых благоприятных условиях предпринятый поход конфедератов с целью отвоевания потерянных пограничных штатов полностью провалился. Помимо непосредственных военных результатов, все эти бои содействуют устранению главной трудности и в другом отношении. То, что собственно рабовладельческие штаты цепляются за пограничные штаты, объясняется, конечно, наличием рабовладельческого элемента в этих последних, того самого элемента, который вынуждает союзное правительство к дипломатической и конституционной осторожности в его борьбе против рабовладения. Но самый этот элемент на главной арене гражданской войны, в пограничных штатах, фактически уничтожается самой же гражданской войной. Значительная часть рабовладельцев все время переселяется со своим «black chattel» («черным скотом») на Юг, чтобы обеспечить сохранение своего имущества. После каждого поражения конфедератов это переселение принимает все большие размеры.

Один из моих друзей¹, немецкий офицер, сражавшийся под звездным флагом в Миссисипи, Арканзасе, Кентукки и Теннесси, пишет мне, что эта эмиграция весьма напоминает исход ирландцев в 1847—1848 годах. Кроме того, наиболее энергичные элементы среди рабовладельцев — молодежь, с одной стороны, политические и военные вожакИ, с другой, — выделяются из основной массы своего класса и либо организуют в своих собственных штатах партизанские банды, которые как банды быстро подвергаются уничтожению, либо покидают свою родину и вливаются в армию или в административный аппарат Конфедерации. И вот результат: с одной стороны, огромное сокращение рабовладельческого элемента в пограничных штатах, где ему всегда приходилось бороться с «encroachments» (вторжениями) конкурирующего свободного труда, и, с другой стороны, высе-

¹ Имеется в виду Иосиф Вейдемейер, см. именной указатель. *Ред.*

ление активной части рабовладельцев с их белой свитой. Остается, таким образом, только группа «умеренных» рабовладельцев, которые очень скоро жадно ухватятся за грешные деньги (Sündengeld), предлагаемые им Вашингтоном в качестве выкупа за их «черный скот», который все равно обесценится, как только для него закроется южный рынок сбыта. Таким образом, война сама содействует решению вопроса, поскольку она фактически преобразует социальный уклад в пограничных штатах.

Для Юга наиболее благоприятное в военном отношении время года уже миновало; для Севера же оно только начинается, ибо внутренние реки теперь снова становятся судоходными и открывается возможность уже испробованного с таким успехом комбинирования военных действий на суше и на воде. Север очень ревностно использовал передышку. Постройка десяти «броненосцев» («Eisenganzerte») для западных рек быстро подходит к концу; в добавление к этому для мелких вод в удвоенном, по сравнению с этим, количестве изготавливаются полубронированные лодки. На востоке много новых бронированных судов уже выпущено из верфей, между тем как другие еще строятся. Все они будут готовы к 1 января 1863 года. Эрикссон, изобретатель и строитель «Монитора», руководит постройкой девяти новых судов того же типа. Четыре из них уже «плавают».

Армия на Потомаке, в Теннесси и в Виргинии, а также в разных пунктах на юге, в Норфолке, Ньюберне, Порт-Рояле, Пенсиколе и Новом Орлеане, получает ежедневно новые подкрепления. Первый контингент в 300 000 человек, призванный Линкольном в июне, полностью набран и частью находится уже на театре военных действий. Второй контингент в 300 000 человек, сроком на девять месяцев, постепенно набирается. В некоторых штатах набор заменен вербовкой добровольцев, но нигде не наталкивается на серьезные затруднения. Невежество и злоба объявили набор рекрутов неслыханным событием в истории Соединенных Штатов. Нет ничего более вздорного! Во время войны за независимость и второй войны с Англией (1812—1815 гг.) производился набор больших войсковых масс; это же имело место и во время разных мелких войн с индейцами, и никогда это не вызывало сколько-нибудь серьезных протестов.

Замечательно, что в текущем году Европа дала Соединенным Штатам приток эмигрантов приблизительно в 100 000 человек и что половина этих переселенцев состоит из ирландцев и англичан. На последнем съезде английского «Общества поощрения наук» («Association for the advancement of science») в Кембридже экономисту

Меривейлю пришлось напомнить своим соотечественникам об одном факте, о котором «Times», «Saturday Review», «Morning Post», «Morning Herald», не говоря уже о *dii minorum gentium* [богах второго разряда], совершенно позабыли или который они хотели бы вытравить из памяти английской публики, — именно, что большинство избыточного населения Англии находит себе новую родину в Соединенных Штатах.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 312
от 10 ноября 1862 г.*

Без подписи.

СМЕЩЕНИЕ МАК-КЛЕЛЛАНА.

Смещение Мак-Клееллана — таков ответ Линкольна на избирательные победы демократов.

Демократические газеты заявляли с полнейшей уверенностью, что избрание *Сеймура* губернатором штата Нью-Йорк немедленно повлечет за собой аннулирование прокламации, в которой Линкольн провозгласил отмену рабства на сецессионистской территории с 1 января 1863 года. Но не успела высохнуть типографская краска на их пророческих столбцах, как их любимый генерал — любимый за то, что «наряду с серьезным поражением он ничего так не боялся, как серьезной победы», — был лишен поста командующего и удален в частную жизнь.

Читатели помнят, что на упомянутое воззвание Линкольна Мак-Клееллан ответил контрвозванием — приказом по своей армии, которым, правда, воспрещались какие бы то ни было демонстрации против объявленного президентом шага, но который в то же время содержал в себе следующие роковые слова: «Задача граждан — пользоваться избирательной урной для исправления ошибок правительства или для влияния на его политику». Таким образом, Мак-Клееллан, командовавший главной армией Соединенных Штатов, апеллировал от президента к предстоящим выборам. Он бросил на чашку весов авторитет своего высокого положения. Если не считать прононциаменто в испанском стиле, он не мог более резким способом проявить свою враждебность к политике президента. Поэтому после избирательной победы демократов Линкольну оставалось только одно из двух — либо самому опуститься до уровня орудия в руках дружественной рабовладельцам компромиссной партии, либо вырвать у нее из-под ног почву в армии, удалив Мак-Клееллана.

Смещение Мак-Клееллана в *настоящий* момент является, таким образом, политической демонстрацией. Но и без того оно стало неизбежным. Главнокомандующий *Галлек* в одном докладе военному министру обвинил Мак-Клееллана в прямом неповиновении. Дело в том, что вскоре после поражения конфедератов в Мэриленде, 6 октября, Галлек отдал распоряжение о переправе через Потомак —

в частности потому, что низкий уровень воды в Потомаке и его притоках создавал тогда благоприятные условия для военных операций. Вопреки этому приказу Мак-Клееллан не сдвинулся с места, сославшись на неспособность своей армии вследствие недостатка провианта выступить в поход. В вышеупомянутом докладе Галлек доказывает, что это была пустая отговорка, что в смысле снабжения восточная армия пользовалась большими привилегиями по сравнению с западной и что недополученная часть провианта могла бы быть с таким же успехом доставлена к югу, как и к северу от Потомака. К этому докладу Галлека присоединился еще другой доклад, в котором комиссия по расследованию дела о сдаче конфедератам арсенала Гарперс-Ферри обвиняла Мак-Клееллана в том, что он с невероятной медлительностью стягивал к названному арсеналу находившиеся поблизости унионистские войска (они двигались со скоростью всего лишь 6 английских миль, т. е. около $1\frac{1}{2}$ немецких миль в день). Оба доклада — доклад Галлека и доклад комиссии — были в руках президента еще до избирательной победы демократов.

О командовании Мак-Клееллана так часто говорилось на столбцах нашей газеты, что здесь достаточно будет напомнить о том, как он пытался заменять тактическое решение задачи стратегическим обходом и как он был неутомим в подыскании высших штабистских соображений, мешавших ему либо использовать собственную победу, либо предотвратить победу противника. Короткий мэрилендский поход окружил его имя незаслуженным ореолом. Следует заметить, что общий порядок наступления он получал от генерала *Галлека*, которым был составлен и план первой кентуккской кампании, и что победой на поле битвы унионисты были обязаны исключительно храбрости подчиненных командиров, в особенности павшего генерала *Рено* и еще теперь не вполне оправившегося от полученных ран *Гукера*. Наполеон писал когда-то своему брату Жозефу, что опасность на поле битвы повсюду одинакова и что самый верный способ угодить ей в пасть — это пытаться убежать от нее. Мак-Клееллан, очевидно, проникся истинностью этой аксиомы, но не сделал из нее того практического вывода, который Наполеон хотел внушить своему брату. За всю свою военную карьеру Мак-Клееллан ни разу не появился на поле битвы, ни разу не был в огне — особенность, которую резко подчеркнул генерал *Кирни* в одном письме, опубликованном его братом уже после того, как *Кирни* пал в отряде Попа в одном из боев под Вашингтоном.

Мак-Клееллан умел скрывать свою посредственность под маской сосредоточенной серьезности, лаконической молчаливости и замкну-

того достоинства. Самые его недостатки обеспечивали ему непоколебимое доверие демократической партии на Севере и «лояльное признание» со стороны сецессионистов. Среди высшего офицерства своей армии он приобрел многочисленных сторонников тем, что создал генеральный штаб таких размеров, каких до сих пор не знала летопись военной истории. Часть старших офицеров, служивших в прежней союзной армии и получивших военное образование в вестпойнтской академии, встречала у Юга сочувствие своей ревнивой неприязни к новоявленным «штатским генералам» и своим тайным симпатиям к «товарищам» в лагере противника. Что же касается солдат, то они знали о его военных достоинствах только понаслышке, но относились на его счет заслуги интендантства и отзывались с большой похвалой о его сдержанной обходительности. Из необходимых для полководца дарований Мак-Клееллан обладал только одним: умением обеспечить себе популярность в своей армии.

Преемник Мак-Клееллана, *Бернсайд*, слишком мало известен, чтобы о нем можно было высказать какое-либо суждение. Он принадлежит к республиканской партии. Зато *Гукер*, к которому переходит командование особым армейским корпусом Мак-Клееллана, бесспорно является одним из самых способных воинов Союза. «*Fighting Joe*» («рубака Джо»), как его называют войска, играл крупнейшую роль в успехах в Мэриленде. Он — *аболиционист*.

Те же американские газеты, из которых мы узнали о смещении Мак-Клееллана, сообщают о решительном заявлении Линкольна, что он ни на волос не отступит от своего воззвания.

«Линкольн, — справедливо замечает «*Morning Star*», — показал себя медлительным, но стойким человеком, который действует чрезвычайно осторожно, но никогда не отступает назад. Каждый шаг его правительственной деятельности был правилен, и каждый свой шаг он энергично отстаивал. Исходя из решения удалить рабство с территории, он пришел, наконец, к высшей цели всякого антирабовладельческого движения, к искоренению этого чудовища с лица земли Союза, и уже сейчас ему принадлежит та великая заслуга, что он снял с *Союза* ответственность за дальнейшее существование рабства».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «*Die Presse*» № 331
от 29 ноября 1862 г.

Без подписи.

АНГЛИЙСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ. — К ПОЛОЖЕНИЮ В ЮЖНЫХ ШТАТАХ.

Лондон, 29 ноября [1862 г.]

Переговоры между лондонским кабинетом и вашингтонским правительством по поводу каперского судна «Алабама» еще продолжаются, а в это время уже начались новые переговоры по поводу возобновившегося снабжения военных судов конфедератов в английских гаванях. Профессор *Френсис В. Ньюман*, один из теоретических представителей английского радикализма, опубликовал сегодня в «Morning Star» письмо, в котором он, между прочим, говорит:

«Американский консул в Ливерпуле, получив справку от одного английского юриста о нелегальности «Алабамы», тотчас же подал официальное заявление лорду Джону Росселю. Коронные адвокаты, которые были запрошены по этому поводу, тоже подтвердили незаконность снабжения «Алабамы»; но предпринятое расследование затянулось настолько, что пират успел тем временем ускользнуть. В настоящий момент в Ливерпуле стоит флотилия более или менее бронированных судов, готовая к отплытию для насильственного прорыва американской блокады. Кроме того, имеется целый рой пиратских судов, только и ждущих удобной минуты, чтобы последовать за «Алабамой» по ее позорному пути. Неужели наше правительство опять закроет глаза и даст свободно уйти и этим последователям «Алабамы»? Боюсь, что так. Г-н *Гладстон* в своей речи в Ньюкестле заявил, что, по его сведениям, президент мятежных штатов, которого он всячески восхвалял, *вскоре будет иметь собственный флот*. Не намек ли это на суда, построенные его ливерпульскими друзьями?.. Лорд Пальмерстон и Россель, как и тории, воодушевлены против республиканизма такой ненавистью, которая ломает всякие сомнения и колебания, а г. *Гладстон*, быть может в ближайшем будущем премьер-министр, открыто выражает свое восхищение вероломными узурпаторами, поклявшимися увековечить и распространить рабство».

Из полученных сегодня американских газет, пожалуй, самая интересная — орган конфедератов «Richmond Examiner». В нем по

мещена обширная статья о настоящем положении в Америке, из которой я привожу наиболее существенное:

«Чрезвычайный и внезапный рост неприятельских морских сил внушает мрачные мысли. Этот рост вооружения настолько велик, что во многих отношениях это представляется нам опаснее сухопутных сил противника. Число военных судов у янки теперь на 200 единиц больше по сравнению с началом войны. Делаются большие приготовления для морских операций в наступающий зимний период, и, кроме уже готовых к бою, строится еще около пятидесяти броненосных военных судов. Мы имеем все основания думать, что флот янки, который нападет этой зимой на наше побережье, в смысле вооружения и структуры судов далеко превзойдет своих предшественников. Цели предстоящего наступления чрезвычайно важны. Дело идет об отнятии у нас наших последних морских портов, о завершении блокады, наконец об отыскании пунктов для вторжения в южные районы, чтобы в будущем году провести там в жизнь законы об освобождении негров. Было бы безрассудно отрицать преимущества, которые получит противник после взятия наших последних морских портов, или легкомысленно утешаться тем, что и после этого несчастья мы еще сможем победить в сухопутных боях... С переходом Чарльстона, Саваны и Мобилиа в руки неприятеля блокада стала бы осуществляться с такой строгостью, о какой не могут дать представление даже все наши донныне перенесенные страдания. Нам пришлось бы отказаться от всякой мысли построить флот на этой стороне Атлантического океана, и мы были бы снова поставлены перед неприятельским выбором между выдачей наших судов или уничтожением их своими собственными руками. Густая сеть наших железнодорожных сообщений в хлопковых штатах была бы более или менее прорвана, и мы, быть может слишком поздно, убедились бы тогда, что сухопутную войну, на которую возлагаются такие надежды, приходится продолжать в условиях, при которых содержание, снабжение и концентрация больших армий станут невозможны... Эти пагубные последствия, неизбежные в случае захвата наших морских портов, отступают, однако, перед еще большей опасностью, перед величайшей опасностью этой войны — занятием отдельных пунктов в хлопковых штатах, откуда противник мог бы осуществить свой план освобождения негров. Огромные усилия прилагаются к тому, чтобы обеспечить выполнение этого излюбленного плана аболиционистов, к тому, чтобы дух мести, запрятанный г. Линкольном до 1 января в бутылку, не развеялся безвредным сельтерским шипением... Усилия противника направлены сейчас против самого

слабого нашего места; намереваются отравить самое сердце Юга... Предсказывание грядущих бед вызывает недовольство массы, которая слепо верит правительству и бахвальство принимает за патриотизм... Мы не утверждаем, что Чарльстон, Савана и Мобиль не обороноспособны. На Юге наверное имеется не мало военных авторитетов, которые считают эти порты более неприступными, чем Гибралтар; но военные и их подголоски слишком часто усыпляли наш народ живыми заверениями... Такие же речи слышали мы и в отношении Нового Орлеана. Судя по тогдашним описаниям, он был укреплен сильнее, чем Тир против Александра. Тем не менее, в одно прекрасное утро народ проснулся и увидел неприятельский флаг развевающимся в его гавани... Степень обороноспособности наших гаваней составляет тайну официальных кругов. Но события последнего времени далеко не утешительны. Несколько недель тому назад *Гальвестон* перешел в руки неприятеля почти без боя. Местным газетам было запрещено писать о мерах обороны этого города. Со стороны не раздалось ни одного голоса, который дошел бы до слуха инертного правительства. Народ не волновался. От его патриотизма требовали, чтобы он довольствовался своим неведением, доверял вождям и подчинялся воле провидения. И в результате еще один трофей достался противнику... Метод облачения всех военных вопросов в покров глубокой тайны принес Югу скверные плоды. Он, правда, умертвил критику и замаскировал ошибки правительства; но он не ввел в заблуждение неприятеля. Последний всегда был в точности осведомлен о состоянии наших крепостей, между тем как наш народ узнает об их слабости лишь тогда, когда они уже попадают в руки янки».

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «Die Presse» № 336
от 4 декабря 1862 г.*

Без подписи.

Фридрих Энгельс
СТАТЬИ ИЗ «THE VOLUNTEER
JOURNAL FOR LANCASHIRE
AND CHESHIRE»
1860—1862 ГГ.

J. H. M. M. M.
ESSAYS

ADDRESSED TO VOLUNTEERS.

CONTENTS:

THE HISTORY OF THE RIFLE. .
THE FRENCH LIGHT INFANTRY.
VOLUNTEER ARTILLERY.
VOLUNTEER ENGINEERS.
A REVIEW OF ENGLISH RIFLEMEN.

[REPRINTED FROM THE "VOLUNTEER JOURNAL FOR LANCASHIRE
AND CHESHIRE."]

LONDON:

W. H. SMITH AND SON, 186, STRAND;
AND 12, BROWN STREET, MANCHESTER.

1861.

•

ПРЕДИСЛОВИЕ К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ «СТАТЕЙ ДЛЯ ВОЛОНТЕРОВ» (1861 Г.).

Нижеследующие статьи были первоначально написаны для «Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire» [«Журнал волонтеров Ланкашира и Чешира»] и ныне переиздаются в их настоящем виде по желанию издателей этой газеты, которые находят, что они заслуживают более широкого распространения среди волонтеров, чем это может выполнить периодический орган, носящий более или менее местный характер. Справедливо ли это мнение, предоставляется судить читателю.

Едва ли нужно оговаривать, что факты, изложенные в статьях о винтовке, о французской легкой пехоте и т. д., не новы и не оригинальны; наоборот, эти статьи в значительной мере неизбежно представляют собой компиляцию из других источников, которые нет надобности здесь перечислять. Единственная часть этих статей, которую можно считать оригинальной, это заключения автора и высказываемые им суждения.

Ф. Э.

Манчестер, 9 марта 1861 г.

ИСТОРИЯ ВИНТОВКИ.

I.

Винтовка является немецким изобретением, относящимся к концу XV столетия. Первые винтовки были сделаны с очевидной целью облегчить зарядание оружия почти плотно пригнанной пулей. Для этого были сделаны прямые нарезы, без каких бы то ни было винтообразных оборотов, просто лишь с целью уменьшения трения пули в дуле ружья. Сама пуля была обернута кусочком просаленной шерстяной или полотняной материи (пластырь) и таким образом забивалась без особой трудности. Эти винтовки, как они ни были примитивны, давали гораздо лучшие результаты стрельбы, чем гладкоствольное ружье того времени с пулями значительно меньшего диаметра, чем дуло.

Позднее характер винтовки был коренным образом видоизменен приданием нарезам винтообразной формы, которая превратила дуло ствола в своего рода винтовую гайку. Пуля, благодаря плотно прилегающему пластырю, направлялась по нарезам и, приобретая винтообразное вращение, сохраняла его во время полета. Вскоре было установлено, что этот способ, при котором пуле придавалось вращательное движение, значительно увеличивал как дальность полета, так и меткость стрельбы, и, таким образом, вскоре прямые нарезы были заменены винтообразными.

Это и был тот вид винтовки, которая оставалась в общем употреблении более двухсот лет. Если исключить курок и более тщательную внешнюю отделку, то это оружие почти не подверглось каким-либо усовершенствованиям вплоть до 1828 года. Оно в значительной мере превосходило гладкоствольный мушкет в отношении меткости, но не в смысле дальности полета пули; за пределами 400—500 ярдов рассчитывать на меткость было трудно. Вместе с тем, зарядание прежней винтовки являлось делом сравнительно трудным. Забивание пули представляло довольно утомительную операцию; порох и завернутая в пластырь пуля вкладывались в ствол отдельно, и, в общем, можно было делать не более одного выстрела в минуту. Эти

отрицательные стороны винтовки делали ее непригодной для широкого применения в армиях, особенно в такое время, как XVIII век, когда все сражения решались усиленной перестрелкой развернутых линий. При такой тактике старый гладкоствольный мушкет со всеми его очевидными недостатками считался все же более предпочтительным оружием. Поэтому винтовку главным образом предпочитали охотники за красным зверем и горными козами, в качестве же военного оружия она употреблялась лишь в виде исключения в немногих стрелковых батальонах, в тех армиях, которые имели возможность вербовать эти батальоны из достаточного числа тренированных спортсмен.

Войны американской и французской революций внесли значительные изменения в тактику военных действий. Со времени этих войн был введен определенный порядок боя: сочетание передовых стрелковых цепей с колоннами в тылу сделалось основной характерной формой современного боя. Главные силы в течение большей части дня держатся в тылу; их держат в резерве или употребляют для маневрирования с тем, чтобы сосредоточить на слабом пункте противника; их бросают только в решительные моменты, — в то время как стрелковые цепи и их непосредственные подкрепления ведут непрерывный бой на фронте. Они расходуют массу боевых припасов, а между тем, объекты их огня редко превышают фронты роты; во многих случаях им приходится стрелять в отдельных бойцов, хорошо укрытых за прикрывающими предметами. И все же действие ружейного огня стрелковых цепей является существенно важным условием, так как стрелки готовят атаку и первыми встречают ее; от них ждут не только ослабления сопротивления противника, занимающего отдельные фермы и деревни, но и отражения контр-атаки противника. Но со старой «смуглой Бетси» («Brown Bess») ни одна из этих задач не могла быть выполнена удовлетворительно. Всякий, кто находился под огнем стрелков, вооруженных гладкоствольными мушкетами, не мог вынести иного впечатления, кроме глубокого презрения к эффективности мушкетного огня на средних дистанциях. Все же винтовка в ее старой форме была непригодна для вооружения всей массы стрелков. Старая винтовка для ускорения заряжания должна была быть короткой, настолько короткой, что она уже не подходила в качестве рукоятки для штыка. Вследствие этого стрелков старались использовать только на таких позициях, на которых они были бы обеспечены от пехотных и штыковых кавалерийских атак.

При таких обстоятельствах сама собой выдвигалась следующая

проблема: изобрести оружие, которое сочетало бы в себе дальность полета пули и меткость огня винтовки с быстротой и легкостью заряжания и длиной ствола гладкоствольного мушкета, — оружие, которое было бы одновременно огнестрельным и холодным и могло бы быть дано в руки каждому пехотинцу.

Таким образом, мы видим, что с введением стрелковых цепей в новейшую тактику возник и спрос на усовершенствованное военное оружие. В XIX столетии всякий раз, как только появляется спрос на какой-либо предмет и дальнейшие обстоятельства его оправдывают, спрос непременно удовлетворяется. Так же был удовлетворен спрос и в данном случае. Почти все усовершенствования ручного оружия, сделанные с 1828 г., были направлены на то, чтобы удовлетворить именно эту потребность.

Однако, прежде чем попытаться дать отчет о тех усовершенствованиях, которые сделали столь большие и многочисленные перемены в нарезном огнестрельном оружии после отказа от старой системы забивания пули, мы позволим себе бросить взгляд на попытки произвести усовершенствования ружья на основе старого метода заряжания.

Винтовка с овальным дулом, известная в Англии под названием ланкастерской винтовки, была в употреблении на континенте в продолжение сорока лет. Так, например, мы находим упоминание о ней в одной немецкой военной книге, напечатанной в 1818 году. В Брауншвейге полковник Бернер усовершенствовал ее, и в 1832 г. вся пехота герцогства была вооружена такой винтовкой. Овальность была незначительная, и овальная пуля заряжалась старым способом забивания. Эта овальная пуля употреблялась только при одиночной стрельбе. Для стрельбы залпами солдаты были снабжены круглыми пулями меньшего калибра, которые скатывались вниз по стволу так же легко, как всякая мушкетная пуля. Все же неудобства этой системы очевидны. Мы можем отметить этот факт только как первую попытку вооружения нарезными мушкетами всей пехоты в одной из армий.

В Швейцарии гражданский инженер и пехотный офицер г. Вильд значительно усовершенствовал винтовку. Его пуля была меньше обычного размера по отношению к дулу, и плотное задвигание ее производилось только посредством пластыря; диск на зарядательном шомполе препятствовал пуле слишком глубоко проникать в дуло и плотно прилегать к заряду, чтобы исключить возможность дробления пороха; спиральность нарезов была уменьшена, и заряд увеличен. Винтовка Вильда давала очень хорошие результаты

на дистанции около 500 ярдов, при весьма отлогой траектории, причем позволяла делать более чем 100 выстрелов, не загрязняясь. Она была принята в Швейцарии, Вюртемберге и Бадене, но, конечно, в настоящее время это ружье устарело и заменено другим.

Самой современной и лучшей винтовкой, сконструированной по принципу забивания заряда, является новейшая швейцарская казенная стрелковая винтовка. Это оружие, в соответствии с американским принципом, имеет весьма малый калибр; дуло винтовки не более 10,50 миллиметров, или 0,42 дюйма; длина ствола равна 28 дюймам с восемью пологими нарезами (один оборот в 34 дюйма); шомпол снабжен диском Вильда; пуля цилиндрично-стрельчатая, очень длинная, забивается посредством просаленного пластыря; заряд сравнительно сильный, с крупно-зернистым порохом. Это оружие дало изумительные результаты; при испытании различных ружей, недавно произведенном голландским правительством, его дальность, меткость и отлогость траектории были признаны непревзойденными. Действительно, при дальности стрельбы в 600 ярдов высшая точка траектории выстрела равна всего 8 футам 6 дюймам, так что при этой дальности все пространство является поражаемым для кавалерии, а последние 100 ярдов являются опасными даже для пехоты; другими словами, при определении дистанции до цели ошибка на 100 ярдов при дальности в 600 ярдов вовсе не препятствует пуле поражать предмет вышиною в 6 футов. Это — результат, далеко превосходящий тот, который дает какой бы то ни было нарезной мушкет; самый лучший из них требует возвышения, которое поднимает высшие точки траектории для 600 ярдов от 13 до 20 футов, и, следовательно, значительно уменьшает поражаемое пространство от 60 до 25 ярдов. Эта чрезвычайная отлогость траектории является результатом малого калибра оружия, дающего возможность вместить в себя стрелообразную пулю очень удлиненной формы и сравнительно сильный заряд; при небольшом калибре винтовка может действовать очень сильно, не будучи громоздкой, пуля может быть длинной, не будучи тяжелой, заряд — сильным и сравнительно без слишком большой отдачи. Ясно, что замечательная стрельба этого оружия нисколько не зависит от забойного заряжания; на самом деле такое заряжание является лишь отрицательным моментом, препятствующим использованию винтовки в качестве всеобщего оружия пехоты. Швейцарцы поэтому ограничились вооружением этим ружьем лишь рот своих отборных стрелков, в руках которых оно станет, без сомнения, чрезвычайно хорошим оружием.

Ниже мы покажем, как усовершенствовалась винтовка, чтобы

превратиться, наконец, в оружие, которое могло бы быть дано в руки каждого пехотинца.

II.

Французский офицер Дельвинь первый сделал попытку превратить винтовку в оружие, пригодное для вооружения всей пехоты. Он ясно видел, что для достижения этого необходимо, чтобы пуля скользила внутри ствола так же свободно или почти так же свободно, как пуля гладкоствольного мушкета, и чтобы она была такой формы, которая позволяла бы ей войти в нарезы.

Чтобы добиться этой цели, он сконструировал уже в 1828 г. винтовку с камерой в казенной части, т. е. крайний конец ствола в казенной части, куда вкладывается порох, был сделан значительно меньше в диаметре, чем остальная часть ствола.

Форма названной камеры была заимствована от гаубиц и мортир, имевших всегда такую конструкцию; но в то время как в артиллерии она просто служила для того, чтобы прочно удерживать маленькие заряды, употребляемые для гаубиц и мортир, в винтовке Дельвиня камера отвечала совершенно другому назначению. После того как порох всыпался в камеру, пуля меньшего диаметра, чем дуло, скатывалась вслед за ним, но, дойдя до края камеры, она не могла проходить далее и, задерживаемая ею, останавливалась, и несколько хороших ударов щомполом было достаточно для того, чтобы вогнать мягкий свинец пули в нарезы и расширить ее диаметр настолько, чтобы плотно пригнать к стенкам ствола.

Величайшим неудобством этой системы было то, что пуля теряла свою круглую форму и делалась несколько сплюсненной, вследствие чего она имела склонность терять винтообразное вращение, приданное ей нарезами, что значительно уменьшало ее меткость. Чтобы исправить это, Дельвинь изобрел продолговатую пулю (цилиндроконическую), и хотя опыты с подобного рода пулей во Франции не были вначале очень успешными, они оказались весьма удовлетворительными в Бельгии, Австрии и Сардинии; в последних странах винтовка Дельвиня с различными улучшениями и была введена в стрелковых батальонах вместо старого ружья. Хотя эта винтовка в настоящее время почти везде отменена, усовершенствования Дельвиня заключают в себе два величайших принципа, на которых должны были базироваться все последующие изобретатели. Во-первых, тот, что в винтовках, заряжающихся с дула, пуля должна опускаться по стволу с известным зазором для того, чтобы облегчить заряжание, и что она должна изменить свою форму, чтобы войти в нарезы только

после того, как будет крепко забита; и, во-вторых, тот, что продолговатые пули являются единственными, которые следует принять для новейших винтовок. Таким образом, Дельвинь сразу поставил вопрос на его настоящую основу и вполне заслуживает названия отца новейшей винтовки.

Преимущества продолговатой пули над круглой весьма многочисленны, поскольку обеспечено ее боковое вращение (вокруг ее продольной оси), что удовлетворительным образом выполняется почти каждой системой современной винтовки. Продолговатая пуля представляет значительно меньшее сечение пропорционально своему весу и, следовательно, встречает меньшее сопротивление атмосферы, чем круглая пуля. Ее конец может иметь такую форму, чтобы довести это сопротивление до минимума. Как дротик или стрела, она до известной степени поддерживается воздухом. Следствием этого является то, что она теряет гораздо меньше своей начальной скорости от сопротивления воздуха и что, следовательно, она достигнет своего назначения при гораздо более отлогой траектории (т. е. при линии полета, гораздо более опасной для противника), чем какая-либо круглая пуля того же диаметра.

Следующим преимуществом является то, что продолговатая пуля представляет гораздо большую поверхность соприкосновения со стенками ствола, чем круглая пуля. Это дает возможность более легкого заряжания продолговатой пулей и допускает поэтому меньшую крутизну, равно как и уменьшение глубины нарезков. Оба эти обстоятельства облегчают чистку оружия и в то же самое время позволяют пользоваться полными зарядами без увеличения отдачи ружья.

И, наконец, поскольку вес продолговатой пули значительно больше, чем круглой, самый калибр винтовки, или диаметр ствола, может быть значительно уменьшен, в то время как оружие продолжает сохранять способность стрелять снарядом, равным по весу старой круглой пуле. Теперь, если вес старого гладкоствольного мушкета и вес его пули рассматривать как стандартные величины, то винтовка с продолговатой пулей того же веса может быть сильнее старого мушкета — пропорционально тому, насколько будет уменьшено дуло, — и при этом винтовка не будет тяжелее старого мушкета. Будучи более сильным оружием, она лучше выдерживает более крупный заряд, имеет меньшую отдачу, и поэтому уменьшенный калибр винтовки допускает относительно более сильные заряды, давая большую начальную скорость пули и обеспечивая тем самым более низкую линию полета.

Следующее усовершенствование было сделано другим французским офицером, полковником Тувененом. Он ясно заметил неудобство, заключающееся в том, что пуля во время забивания шомполом в нарезы поддерживается кругообразным выступом, касающимся ее краев. Поэтому он удалил края камеры, высверлив внутренность дула и сделав его гладким, как прежде. В середине винта, закрывающего дно канала, он укрепил короткий, крепкий, стальной стержень или гвоздь, который выступал в канал и вокруг которого ложился всыпаемый порох; пуля поддерживалась притупленной верхушкой стержня, а в то же время удары шомпола вводили ее в нарезы. Преимущества этой системы были значительны. Расширение пули от ударов шомпола было гораздо более правильное, чем в винтовке Дельвина. Оружие было в состоянии дать большой зазор, который облегчал заряжание. Результаты, достигнутые этим усовершенствованием, были настолько удовлетворительны, что около 1846 г. французские пешие стрелки (*chasseurs à pied*) были вооружены винтовками Тувенена; вслед за ними были вооружены зуавы и прочая легкая африканская пехота; и как только было установлено, что старые гладкоствольные мушкеты могут быть при небольших расходах переделаны в винтовки Тувенена, то карабины французской пехотной артиллерии все были соответственно видоизменены. Прусская стрелковая пехота была вооружена винтовками Тувенена в 1847 г., баварская — в 1848 г., и вскоре большая часть малых государств Северной Германии последовала их примеру, в некоторых случаях вооружив этим великолепным оружием даже часть линейных войск. Во всех этих винтовках имеется, повидимому, некоторое приближение к единой системе, несмотря на все их вариации в калибре и пр.; число нарезов было уменьшено (почти до четырех), и степень крутизны их вообще была от трех четвертей оборота до одного во всю длину ствола.

Но все же винтовка Тувенена имела отрицательные стороны. Усилия, которые требовались для того, чтобы вогнать повторными ударами свинец пули в ствол, а потом в нарезы, встречали препятствие в длине ствола, который в обыкновенном мушкете линейной пехоты должен служить удобной рукояткой для штыка. К тому же для стрелков было очень трудно делать такие усилия для забивания пули при положении лежа или с колена. Сопротивление, производимое при выстреле взрывчатой силой пороховых газов, надавливало на нарезы в том месте, где находился порох, что увеличивало отдачу и вынуждало поэтому пользоваться относительно малым зарядом. Наконец, стержень всегда оставался нежелательным усложнением

оружия; прочистка пространства вокруг стержня являлась очень затруднительной и его просто невозможно было приводить в порядок.

Таким образом, принцип вдавливания пули ударами шомпола дал в свое время весьма удовлетворительные результаты в системе Дельвина и еще лучшие результаты в системе Тувенена. Но пока еще невозможно было доказать превосходство винтовки как оружия, годного для вооружения всей пехоты, перед старым гладкоствольным мушкетом. Для винтовки, пригодной для каждого солдата, в основу должны быть положены другие принципы.

III.

Дельвинь, ружье которого мы описывали в предыдущей статье, нашел необходимым высверлить внутренность своей продолговатой пули со стороны основания, чтобы таким образом свести ее вес к весу старой круглой пули. Хотя он скоро открыл, что эта высверленная пуля была несовместима с системой механического забивания, но опыты достаточно ему доказали, что газ, развивающийся при взрыве, войдя в образованное углубление в пуле, имел тенденцию расширять стенки этой полый части пули, так что она плотно прилегалась к стволу и шла по нарезам.

Это и было то открытие, которым в 1849 г. воспользовался капитан Минье. Он окончательно уничтожил стержень или гвоздь на дне ствола и возвратил винтовку к той первоначальной простоте, которой она обладала до Дельвина и Тувенена, полагаясь исключительно на действие пороховых газов после воспламенения, расширявших полую часть пули. Его пуля была цилиндро-стрельчатая, с двумя кольцеобразными желобками * вокруг цилиндрической части и высверлена конусообразно со стороны основания; чашеобразная пустая железная втулка (culot) закрывала полую часть и вгонялась туда силою пороховых газов после воспламенения, расширяя таким образом с достаточной силой свинец. Самая пуля, обернутая в просаленный бумажный патрон, имела достаточный зазор, чтобы свободно проходить по стволу.

Теперь, наконец, мы получили винтовку и пулю, сконструированные по принципам, которые давали возможность вручить такое оружие каждому пехотинцу. Новое оружие заряжалось так же легко,

* Эти желобки (cannelures) изобрел французский офицер Тамизье. Кроме уменьшения веса пули и ее трения о стенки ствола, они уравновешивали полет пули в воздухе, наподобие крыльев стрелы, и таким образом делали траекторию более отлогой.

как гладкоствольный мушкет, и в то же время далеко превосходило старую винтовку, с которой оно имеет одинаковую меткость, но превосходит ее по дальности полета. Винтовка с расширяющейся пулей из всех систем ружей, заряжающихся с дула, является бесспорно наилучшим оружием как для всеобщего употребления, так и для отборных стрелковых батальонов. Именно этому обстоятельству обязана она своим громадным успехом и своим распространением в самых различных частях войск, с последующими многочисленными попытками, направленными к улучшению формы пули или нарезов. Ввиду того, что пуля Минье была полой внутри, она могла быть сделана немного тяжелее прежней круглой пули того же калибра; в силу того, что пуля свободно лежала на порохе и лишь при выстреле постепенно расширялась, проходя по стволу, отдача была гораздо меньше, чем в старых винтовках Дельвиня или Тувенена, в которых крепко забитая в ствол пуля могла быть сдвинута лишь при помощи всей силы пороховых газов; в результате этого в ружье Минье можно употреблять сравнительно сильный заряд. Нарезы делаются очень неглубокие, что облегчает чистку ствола. Длина оси, по которой проходил полный оборот нарезов, довольно велика, вследствие чего число оборотов пули и ее сопротивление воздуху (который имеет место при всяком вращении) уменьшаются и лучше сохраняется начальная скорость. Полюй конец пули у ее основания переносит центр тяжести значительно более вперед, и все эти условия, взятые вместе, дают сравнительно отлогую траекторию.

Но фактически другое обстоятельство повлекло всеобщее распространение винтовки Минье, а именно то, что при помощи весьма простой переделки все старые гладкоствольные мушкеты могли быть превращены в винтовки, пригодные для пуль Минье. В Пруссии, когда Крымская война потребовала, чтобы вся пехота немедленно была вооружена нарезными мушкетами, а достаточного числа игольчатых ружей еще не было изготовлено, у 300 000 старых мушкетов были сделаны нарезы, и они были приспособлены для пуль Минье менее чем в течение одного года.

Французское правительство первым вооружило винтовками Минье несколько батальонов; в них были сделаны прогрессивные нарезы, т. е. эти нарезы были глубже в казенной части ружья, чем в дуле, и пуля, входя в нарезы казенной части, снова сжималась при своем дальнейшем прохождении через ствол менее глубокими нарезами, в то время как изнутри на нее продолжала действовать сила пороховых газов. Таким образом создавалось такое трение, что очень часто прочная головка пули отрывалась и вылетала из ствола,

между тем как полое основание оставалось крепко сидящим в нарезках. Как этот, так и другие недостатки заставили правительство отказаться от дальнейшей попытки ввести в армию винтовку Минье.

В Англии уже в 1851 г. было изготовлено 28 000 винтовок точно такого же типа, как и во Франции; английские пули имели слегка коническую со стрелообразным кончиком форму, с круглой полой втулкой и без всяких желобков, так как пули были рассчитаны на известное *сжатие* их. Результаты оказались крайне неудовлетворительными, главным образом из-за формы пули. Только в 1852 г. были произведены новые опыты, результатом которых появились, наконец, винтовка и пули Энфильд, о чем мы будем говорить дальше. Винтовка Энфильд является лишь видоизменением винтовки Минье. С 1854 г. она окончательно заменила все гладкоствольные мушкеты в британской армии.

В Бельгии винтовка Минье с легкими изменениями была введена с 1854 г. в стрелковых, а позднее также и в линейных войсках.

В Испании в 1853 г. винтовку Минье получили стрелковые, а потом, в том же году, линейные войска.

В Пруссии, как уже было сказано, в 1855—1856 гг. винтовки Минье были временно даны линейным войскам, но затем окончательно заменены игольчатыми ружьями.

В мелких германских государствах винтовка Минье была введена почти повсеместно, за очень немногими исключениями.

В Швейцарии винтовка Прелà, предназначенная для вооружения всей пехоты, за исключением стрелков, представляет собою лишь видоизменение винтовки Минье.

И, наконец, в России правительство в настоящий момент занято заменой старых гладкоствольных мушкетов винтовками Минье очень хорошего образца.

Почти в каждой из этих стран число, глубина и пологость нарезов, а также форма пули подверглись различным изменениям в деталях. Описание наиболее важных изменений составит предмет следующей главы.

IV.

Мы снова вкратце повторим принципы системы Минье. Нарезное ружье с неглубокими нарезами заряжается продолговатой пулей, диаметр которой настолько меньше диаметра дула, что она свободно скользит вниз по стволу. Эта пуля высверливается со стороны основания, т. е. с конца, лежащего на порох. При выстреле быстро развивающиеся благодаря взрыву газы входят в эту полую

часть и своим давлением на сравнительно тонкие стенки полый части расширяют свинец настолько, что он заполняет нарезы. Пуля, таким образом, должна направиться по оборотам этих нарезов и сохранить приданное ей винтообразное вращение, характерное для каждой нарезной ружейной пули. Это главная и самая существенная часть во всех разнообразных винтовках, стреляющих расширяющимися пулями; это общее всем им свойство. Что же касается деталей, то разными изобретателями, конечно, сделано много различных видоизменений.

Втулку ввел сам Минье. Эта втулка представляет собой маленький, круглый, чашеобразный кусочек листового железа, вогнанный в конец отверстия полый части пули. Имелось в виду, что дальнейшее проникновение втулки в полое пространство произойдет при помощи пороховых газов и таким образом придаст большую вероятность расширению пули. Вскоре, однако, убедились, что эта чашеобразная втулка имела большие неудобства: она часто отделялась от пули, вылетая из дула, и благодаря неправильности линии полета иногда ранила своих же солдат, расположенных немного впереди или в стороне. Кроме того, втулка часто перевертывалась в то время, когда ее вгоняли в пулю, и являлась, таким образом, причиной неправильного расширения пули и, следовательно, отклонения полета пули от линии прицела. Когда доказали, что расширение пули может быть достигнуто без всяких втулок, то стали производить опыты для того, чтобы установить лучшую форму расширяющейся пули без втулки. Прусский капитан Нейендорф первый, кажется, предложил такую пулю (в 1852 г.). Полое пространство его пули имеет цилиндрическую форму, но расширяющуюся к основанию наподобие воронки. Эта пуля дала очень хорошие результаты как в отношении дальности своего полета, так и в отношении меткости, но вскоре обнаружили, что втулка служила, кроме расширения пули, еще и другому назначению: она предохраняла тонкие стенки полый части пули от разрушения во время перевозки и при небрежной передаче из рук в руки, в то время как пули Нейендорфа деформировались во время перевозки, что имело плохой результат. Поэтому в большинстве немецких армий полая железная втулка сохранилась, но ей была придана длинная заостренная форма в виде сахарной головы, и в таком виде она вполне отвечала своему назначению: никогда не перевертывалась и почти никогда не отделялась от свинцовой пули. Пуля Энфильд, как уже известно, имеет крепкую деревянную втулку.

Тем не менее, в некоторых государствах продолжались опыты

с пулями без втулок, и в ряде армий такие пули были введены в употребление. Это имело место в Бельгии, Франции, Швейцарии и Баварии. Главной целью всех этих опытов было стремление установить такую форму для полого пространства пули, которое предохраняло бы ее от разрушения, не препятствуя в то же время ее расширению. Этому полному пространству придавали вид или колокола (Тиммергауз в Бельгии), или трехсторонней призмы (Несслер во Франции) с крестообразным сечением (Пленис в Дармштадте) и т. д. Но, повидимому, почти невозможно соединить эти два элемента — прочность и расширяемость — в каком-либо из тех видоизменений, которым подвергалась расширяющаяся пуля без втулки, пока значительно не будет уменьшен калибр. Новая баварская пуля (майора Подевиля) с простой цилиндрической выемкой и очень прочными стенками, кажется, пока что наилучшим образом отвечает этому требованию, но баварская винтовка имеет очень небольшой калибр.

В странах, где старые гладкоствольные мушкеты были нарезаны для пуль Минье, большой калибр старого мушкета, конечно, становился обязательным. Но там, где армия снабжалась новыми ружьями, их калибр был значительно уменьшен, по соображениям, на которые мы ссылались в предыдущей статье. Английская винтовка Энфильд имеет калибр 14,68 миллиметра, южно-германская винтовка (введенная в Вюртемберге, Баварии, Бадене, Гессен-Дармштадте) — 13,9 миллиметра. Одни французы для винтовок своей гвардии сохранили калибр прежних гладкоствольных мушкетов (17,80 миллиметра).

Винтовка Энфильд представляет собою прекрасный образец системы стрельбы расширяющимися пулями. Ее калибр является настолько небольшим, что допускает стрельбу пулями, по своей длине в два раза превосходящими ее диаметр и в то же время по своему весу не более тяжелыми, чем старые круглые мушкетные пули. Винтовка эта хорошо сделана и превосходит почти все винтовки, существующие на вооружении континентальных войск. Ее пуля очень пропорциональна; правда, были возражения против деревянной втулки, указывавшие, что она может разбухать и тем самым увеличивать диаметр пули или сжиматься и выпадать, но мы полагаем, что эти возражения являются неосновательными. Если бы разбухание втулки создавало какие-либо неудобства, то это было бы обнаружено гораздо ранее; в случае же сжатия втулки наличие патрона предохраняет ее от выпадения. В общем результаты, достигнутые винтовкой Энфильд, приблизительно равняются тем результатам,

которые были достигнуты лучшими континентальными винтовками, стреляющими расширяющимися пулями.

Возражения против винтовки Энфильд, как ружья с расширяющимися пулями, следующие: калибр мог бы быть еще меньше, давая возможность иметь более длинную пулю и более крепкий ствол при том же весе; было доказано, что пять нарезов лучше, чем три; длинный ствол винтовки Энфильд все же слаб для его калибра, чтобы его использовать как рукоятку для штыка; пуля, не имея кольцеобразных желобков, должна претерпевать слишком большое трение в канале и поэтому подвергается риску, что плотный конец может оторваться, а кольцеобразная полая часть плотно заклинить в нарезах.

Изменение калибра является делом очень серьезным, но без этого очень трудно придать дульной части ствола большую прочность. Это кажется нам самым серьезным возражением. Все же остальные возражения несущественны; число нарезов и форма пули могут быть изменены во всякое время без затруднения; но даже в том виде, как она существует, винтовка Энфильд показала себя как очень полезное военное оружие.

До сих пор мы сравнивали винтовку Энфильд лишь с ружьями, которые заряжаются расширяющимися пулями; сравнение же с винтовками, сделанными по другим принципам, мы должны оставить до следующего раза, когда мы будем рассматривать другие различные конструкции, находящиеся ныне в употреблении.

V.

В 1852 г. английский ружейный мастер г. Вилькинсон и австрийский артиллерийский офицер капитан Лоренц одновременно, но каждый самостоятельно, изобрели другой способ увеличивать диаметр свободно лежащей продолговатой пули силою пороховых газов, которые вгоняли ее плотно в ствол и заставляли идти по нарезам. Этот способ состоял в том, что пороховые газы компрессировали пулю в длину вместо простого расширения ее.

Возьмите мягкий, эластичный мяч, положите его на стол и сильным ударом руки заставьте его отлететь прочь. Первое действие удара, прежде чем заставить мяч отлететь, изменит его форму. Как ни мал вес мяча, он оказывает достаточно сопротивления, чтобы сплюснуться со стороны, откуда он получает удар; он сжался в одном направлении, и, следовательно, его объем должен увеличиться в другом направлении; подобное видоизменение произойдет и в том случае, если вы его совсем сплющите. Как удар действует на эластичный

мяч, так взрыв пороховых газов должен действовать на *сжимающуюся пулю* Лоренца и Вилькинсона. Вес, сила инерции пули служит средством, которое своим сопротивлением силе пороховых газов компрессирует пулю в длину и этим расширяет ее в стороны. После выстрела пуля становится уже более короткой и более толстой, чем она была до выстрела.

Продолговатая массивная свинцовая пуля для того, чтобы оказать должное сопротивление и быть, таким образом, достаточно компрессируемой для вхождения в нарезку, должна бы быть очень тяжелой, — другими словами, очень длинной по отношению к своей толщине. Но даже для ружья небольшого калибра такая пуля была бы слишком тяжеловесной во время войны, так как обычный носимый запас боевых припасов переобременил бы солдат. Во избежание этого были вырезаны в цилиндрической части пули два глубоких кольцеобразных желобка. Возьмите пулю Энфильд, удалите втулку, наполните углубление расплавленным свинцом и, когда он охладится, вырежьте у плоского конца цилиндрической части пули близко друг к другу два желобка, оставив три образовавшиеся части пули укрепленными, как они и были, на общей оси плотного свинца. Пуля тогда будет состоять из двух очень плоских усеченных конусов, направленных вперед, и из тяжелого плотного острия пули; все эти части крепко соединены между собой. Эта пуля будет представлять тип сжимающейся пули. Сопротивление пороховым газам оказывает тяжелая передняя часть, или острие пули; передняя часть заднего конуса вгоняется силою пороховых газов в основание следующего конуса, а в свою очередь головка последнего вгоняется в основание остроконечной части пули, и таким образом пуля, укороченная и сжатая в длину, становится настолько толще, что плотно прилегает к каналу ствола и входит в нарезку.

Из этого, очевидно, следует, что прочное острие является самой главной частью компрессируемой пули. Чем длиннее и тяжелее пуля, тем большее она окажет сопротивление и тем вероятнее будет компрессирующее действие силы порохового взрыва. Пока калибр винтовки мал или, лучше сказать, гораздо меньше калибра винтовки Энфильд, компрессирующиеся пули возможно делать из металла, не более тяжелого, чем тот, который употребляется для расширяющихся пуль. Но с калибром увеличивается поверхность основания пули или, другими словами, поверхность, подвергающаяся непосредственному действию пороховых газов; и это является причиной, почему при больших калибрах компрессирующиеся пули будут слишком тяжелы, чтобы их можно было применять с пользой; иначе

говоря, сила пороховых газов, преодолев сопротивление пули, выбросит ее из ствола, прежде чем она успеет как следует сжаться. Таким образом, гладкоствольные мушкеты большого калибра могут быть переделаны в ружья с расширяющимися пулями, но ни в коем случае не в ружья для компрессирующихся пуль.

Система ружья с сжимающимися пулями при их малых калибрах и пологих нарезах дает прекрасные результаты. Расположение центра тяжести впереди является очень благоприятным для отлогой траектории. В отношении легкости и быстроты заряжания, а также незначительностью отдачи компрессирующаяся пуля имеет все преимущества перед системой с расширяющимися пулями. Эта пуля прочна и может довольно хорошо выдерживать перевозку и достаточно грубое обращение; ее форма допускает проталкивание ее через канал ствола вместо простого выбрасывания. Единственной отрицательной стороной пули является лишь то, что она требует очень маленького зазора, не более чем около 0,01 дюйма, и большой точности как в отношении калибра ствола, так и пули, ибо ясно, что компрессирующее действие не увеличивает окружности пули в такой же приблизительно степени, как при расширительном действии. Таким образом, при наличии большого зазора или при прежних стволах сомнительно, получила ли бы пуля достаточное сжатие для захвата нарезов. Но этот малый зазор не является большим препятствием, так как много ружей с расширяющимися пулями не имеют большого зазора (например, винтовка Энфильд имеет зазор только в 0,01 дюйма), и теперь не представляет большой трудности изготовить ствол и пулю очень точного и правильного размера.

Австрийская армия приняла компрессирующуюся пулю для всей пехоты. Калибр ее мал: 13,9 миллиметра, или 0,546 дюйма (на 0,031 меньше пули Энфильд); ствол имеет четыре очень пологих нареза (хотя четное число нарезов для ружей с расширяющимися пулями встречает решительное возражение, но в ружьях с компрессирующимися пулями оно считается лучше, чем нечетное число) с одним оборотом приблизительно в 6 дюймов (почти так же, как у винтовки Энфильд). Пуля весит около 480 гран (на 50 гран меньше, чем у Энфильд), а заряд составляет $\frac{1}{3}$ ее веса (у Энфильд — около $\frac{1}{8}$ веса пули). Эта винтовка подверглась испытанию в итальянской кампании 1859 г., и большинство французских солдат, в особенности офицеры, которым пришлось быть под ее огнем, свидетельствуют о ее превосходных качествах. Она имеет значительно более отлогую траекторию, чем винтовка Энфильд, что является следствием пропорционально более сильного заряда, меньшего калибра, дающего

возможность стрелять удлиненной пулей, а может быть, и наличия двух кольцеобразных желобков.

Саксония, Ганновер и одно или два мелких немецких государства также ввели для легкой пехоты винтовки, которые стреляют компрессирующимися пулями системы Лоренца.

В Швейцарии, кроме винтовки, употребляемой в батальонах отличных стрелков, о которой мы уже упоминали, была введена винтовка того же калибра (10,51 миллиметра, или 0,413 дюйма, на 0,164 меньше, чем винтовка Энфильд) с компрессирующейся пулей. Этой винтовкой вооружены легкие роты пехотных батальонов. Пуля системы Лоренца и результаты, получаемые этой винтовкой по отлогости траектории, дальности полета и меткости стрельбы, ставят ее на второе место после упомянутой швейцарской стрелковой винтовки, пуля которой загоняется в ствол старым способом и имеет самую отлогую траекторию из всех известных нам ружей. При стрельбе на 500 ярдов эта винтовка, заряженная швейцарской компрессирующейся пулей, дает поражаемое пространство в 130 ярдов*.

Пока несомненно одно, что система компрессирующихся пуль дала лучшие результаты, чем система с расширяющимися пулями, так как она до сих пор давала безусловно самую отлогую траекторию. Тем не менее, также несомненно и то, что это последнее обстоятельство обязано не самой системе, а другим причинам, среди которых малый размер калибра является главной. При одинаково малом калибре расширяющаяся пуля может дать такую же отлогую траекторию, как и ее имевшая до сих пор больший успех соперница. Это скоро станет очевидным. Винтовки четырех южных государств Западной Германии (Бавария и пр.) имеют тот же калибр, что и австрийские, так что они в случае необходимости могут пользоваться австрийскими пулями, и наоборот. Но введя у себя одинаковый диаметр канала ствола, все эти государства в то же время приняли расширяющиеся пули; таблицы практической стрельбы обеими пулями наилучшим образом показывают достоинства каждой из них. И если, как мы того ожидаем, расширяющаяся пуля даст такие же хорошие результаты, как и ее соперница, то она заслуживает предпочтения:

---

* Под поражаемым пространством понимается та часть полета пули, которая не выше человеческого роста, — скажем, 6 футов. Так, например, пуля, направленная на цель вышиною в 6 футов и на расстояние в 500 ярдов, попадает во всякий предмет вышиною в 6 футов, находящийся на линии прицела, где-либо между 370 и 500 ярдами. Другими словами, при дистанции в 500 ярдов ошибка в оценке расстояния может быть сделана в 130 ярдов, но попадание все же будет, если было правильное направление прицела.

во-первых, наиболее вероятно, что она войдет в нарезы при всяких обстоятельствах; во-вторых, она может быть сделана легче сжимающейся пули при том же размере дула; и в-третьих, на нее оказывает меньшее влияние расширение дула, имеющее место у всех ружейных стволов, которые были некоторое время в употреблении.

VI.

Все винтовки, которые мы до сих пор описывали, заряжались с дула. Тем не менее, в прежнее время существовал ряд видов огнестрельного оружия, заряжавшегося с казенной части. Заряжание пушек с казны предшествовало заряжанию с дула, и в большинстве старых арсеналов имеются ружья и пистолеты, которые насчитывают по 200 — 300 лет, с подвижной казенной частью, куда вкладывали заряд, не вводя его через дуло шомполом. Наибольшая трудность заключалась в таком сцеплении затвора со стволом, чтобы их легко можно было разъединить и снова соединить и чтобы самое сцепление было достаточно прочно против давления пороховых газов. Ничего нет удивительного, что при несовершенстве техники того времени оба эти требования нельзя было сочетать: или части, сцепляющие затвор со стволом, были недостаточно прочны и солидны, или самый процесс разъединения и соединения был чрезвычайно медленный. Ничего нет удивительного, что это оружие было оставлено, так как заряжание с дула являлось делом гораздо более быстрым, и поэтому шомпол продолжал занимать господствующее положение.

Когда же в новейшее время военные лица, а равно и оружейные мастера, поставили своей задачей сконструировать такое огнестрельное оружие, которое сочетало бы в себе быстроту и легкость заряжания старого мушкета с дальностью полета пули и меткостью винтовки, то, естественно, заряжание с казны снова привлекло к себе внимание. С созданием надлежащей системы сцепления в казенной части все трудности были бы преодолены. Пуля несколько большего диаметра, чем канал ствола, могла бы быть вложена вместе с зарядом в казенную часть и, направляемая вперед силою взрыва, проталкивалась бы пороховыми газами через канал ствола, где, наполнив нарезы излишком свинца, пошла бы по ним, исключив всякую возможность зазора. Единственной трудностью представлялся самый способ сцепления казенной части. Но что было невозможным в XVI и XVII столетиях, то не может считаться безнадежным в настоящее время.

Громадные преимущества заряжания с казны, считая, что эта

трудность преодолена, очевидны. Время, необходимое для заряжания, значительно сокращается. Никакого вытаскивания шомпола, поворачивания его кругом и нового вкладывания обратно. Одним движением открывается затвор, другим — вкладывается патрон на свое место и третьим — затвор опять закрывается. Таким образом, частый огонь стрелков или ряд частых залпов, столь важный во многих решительных случаях, обеспечивается в такой степени, с которой никак не может сравниться оружие, заряжающееся с дула.

Во всех заряжающихся с дула ружьях способ заряжания делается еще более затруднительным, как только солдат во время перестрелки становится на колено или ложится, укрываясь за каким-либо местным предметом. Располагаясь за прикрытием, он не может держать свое ружье в вертикальном положении, отчего большая часть заряда во время прохождения вниз по стволу пристает к его стенкам; если же он будет держать ружье прямо вверх, то он обнаружит себя. Ружье, заряжающееся с казенной части, он может заряжать в любом положении, даже не отрывая глаз от противника, так как он может заряжать, не глядя на свое ружье. В цепи он может заряжать его во время наступательного движения; давая выстрел за выстрелом во время движения вперед, он подойдет к противнику все же с ружьем, постоянно заряженным. Пуля может быть простейшей конструкции, чрезвычайно плотная, с ней не может произойти случайностей, благодаря которым она сорвалась бы с нарезов, — как это бывало с компрессирующей и расширяющейся пулей, — или чтоб она вообще подверглась другим неприятным случайностям. Чистка ружья необыкновенно облегчается. Камера, или место, куда кладутся порох и пуля, являющаяся частью, всегда наиболее подверженной загрязнению, совершенно открыта; ствол или канал открыт с обоих концов и может быть легко просмотрен и отлично прочищен. Части, помещающиеся около казны, будучи в силу необходимости более тяжелыми, так как иначе они не могли бы выдержать давления пороховых газов, переносят центр тяжести ружья к плечу и в силу этого дают устойчивость при прицеливании.

Мы видели, что единственная трудность представляется в прочном сцеплении казенной части. Не может быть сомнения, что эта трудность теперь полностью преодолена. Число заряжающихся с казны ружей, изготовленных за последние двадцать лет, огромно и, по крайней мере, некоторые из них оправдывают все сколько-нибудь разумные ожидания как в отношении эффективности и прочности приспособления для заряжания с казны, так и в отношении легкости и быстроты, с которой казенная часть может быть соединена

и разъединена. Тем не менее, в настоящее время в качестве военного оружия употребляются лишь три различных системы.

Первая — это ружья, употребляемые в настоящее время пехотой в Швеции и Норвегии. Приспособление для заряжания с казны является достаточно удобным и прочным. Заряд воспламеняется посредством капсюля, причем курок и боек находятся в *нижней* части камеры. О практическом применении этого ружья мы не могли получить каких-либо подробностей.

Второе — это револьвер. Револьвер, так же, как и винтовка, является весьма старым немецким изобретением. Столетия тому назад делались пистолеты с несколькими стволами, снабженными вращающимся приспособлением, которое после каждого выстрела поворачивало новый ствол в положение, требующееся для действия на него замка. В Америке полковник Кольт снова воспользовался этой идеей. Он отделил камеры от стволов, так что для всех вращающихся камер существовал один ствол, и сделал таким образом оружие заряжающимся с казны. Так как большинство из наших читателей имело дело с пистолетом Кольта, то нет необходимости описывать его; кроме того, сделать детальное описание сложной системы механизма без объяснительного чертежа не представлялось бы возможным. Заряд этого оружия воспламеняется посредством капсюля; круглая пуля, немного больше канала ствола, при вдавливании в него входит в нарезы. После того как изобретение Кольта стало известным, было сделано много изобретений ручного оружия с вращающимся приспособлением, но только Дин и Адамс действительно упростили и усовершенствовали его как военное оружие. Тем не менее, эта система является чрезвычайно сложной, и для военных целей она применима только к пистолетам. Но при некоторых усовершенствованиях этот револьвер станет необходимой принадлежностью для всей кавалерии и моряков, на случай abordаж, в то время как для артиллерии он был бы значительно более полезен, чем любой карабин. В самом деле, его действие в рукопашном бою ужасно; револьверами снабжена не только американская кавалерия, они были введены в британском, американском, французском, русском и других флотах.

В шведском ружье, так же, как и в револьвере, воспламенение заряда производится извне посредством обыкновенного ударного капсюля.

Третью группу ружей, заряжающихся с казны, составляет столь нашумевшее прусское игольчатое ружье, которое окончательно вытесняет оружие двух первых систем; заряд его воспламеняется изнутри.

Игольчатое ружье было изобретено штатским лицом, г. Дрейзе из Заммерда, в Пруссии. После первоначального изобретения метода воспламенения заряда посредством иглы, мгновенно проникающей в взрывчатый состав, помещенный в патроне, Дрейзе около 1835 г. усовершенствовал свое изобретение, сконструировав ружье, заряжающееся с казны, снабженное прибором с иглой, воспламеняющей заряд. Прусское правительство сразу же купило секрет изобретения, который ему удалось сохранить для себя до 1848 г., когда это изобретение стало общеизвестным. В то же время прусское правительство решило в случае войны вооружить этим оружием всю свою пехоту, приступив к массовому производству игольчатых ружей. В настоящее время вся линейная пехота и большая часть ландвера вооружены ими, а вся легкая кавалерия вооружается теперь заряжающимися с казны игольчатыми карабинами.

Относительно заряжающегося с казны механизма мы можем только сказать то, что он, кажется, является простейшим, удобным и наиболее прочным из всех предлагавшихся до сих пор. Он подвергался испытаниям уже в течение ряда лет, и единственный недостаток его нашли лишь в том, что этот механизм быстро изнашивается и не может выдержать такого количества выстрелов, как неподвижная казенная часть ружья, заряжающегося с дула. Но это недостаток, неизбежный во всех заряжающихся с казны механизмах, и необходимость заменять некоторые детали казенной части несколько чаще, чем в старых ружьях, ни в коем случае не могут умалить больших достоинств этого ружья.

Патрон содержит в себе пулю, порох, а также воспламеняющийся состав и вкладывается *неоткрытым* в камеру, которая несколько шире, чем нарезной ствол. Затвор закрывается простым движением руки, и в то же самое время взводится курок. Однако курок помещается не с наружной стороны. Сзади заряда, в полном железном цилиндре, лежит крепкая остроконечная стальная игла, приводимая в действие спиральной пружиной. Введение курка состоит в простом оттягивании этой пружины назад, сжатии ее и крепком удержании в этом положении; когда спусковой крючок спущен, то пружина разжимается и быстро направляет иглу вперед, прокалывает патрон и, мгновенно воспламеняя взрывчатый состав, зажигает заряд. Таким образом, заряжание и самый выстрел из этого ружья совершаются только при помощи пяти движений: открывания затвора, вкладывания в него патрона, закрывания затвора, прицеливания и выстрела. Нет ничего удивительного, что из такого ружья,

при хорошем прицеливании, можно произвести пять метких выстрелов в минуту.

Пуля, первоначально употреблявшаяся для стрельбы из игольчатого ружья, была неподходящей формы, вследствие чего получалась очень высокая траектория. Несколько времени тому назад этот дефект был очень удачно исправлен. Теперешняя пуля значительно длиннее и имеет форму жолудя, вынутого из чашечки. Диаметр пули значительно меньше диаметра дула: ее основание вставлено в своего рода чашечку из мягкого металла для того, чтобы придать пуле требуемую толщину. Эта чашечка, насаженная на пулю, находясь в стволе, идет по его нарезам и таким образом придает пуле вращательное движение и в то же самое время значительно уменьшает трение в канале ствола и совершенно уничтожает зазор. Вследствие этого стрельба из ружья дала настолько улучшенные результаты, что с прицелом, при котором раньше стреляли на 600 шагов (500 ярдов), теперь стреляют на 900 шагов (750 ярдов); несомненно, это — громадное понижение траектории.

Ничего нет более далекого от истины, чем утверждение, будто игольчатое ружье имеет очень сложную конструкцию. Детали, составляющие приспособление для заряжания с казны и игольчатый замок, не только значительно меньше числом, но и значительно прочнее, чем части, составляющие обыкновенный ударный замок, которые, конечно, никто не предполагает теперь усложнять, имея в виду войну и небрежное обращение. Кроме того, чтобы разобрать на части обыкновенный ударный замок, требуется значительное время и различные инструменты, между тем как игольчатый замок может быть разобран и собран в невероятно короткое время и без всяких инструментов, лишь при помощи десяти солдатских пальцев. И только одна часть замка подвержена ломке: сама игла. Но каждый солдат носит с собой запасную иглу, которую он может сразу же вставить в замок, не разбирая его на части, — и даже во время стрельбы. Нам также известно, что г. Дрейзе сделал поломку иглы редким явлением благодаря усовершенствованию замка, который отводит иглу обратно на ее прежнее место тотчас же по воспламенении заряда.

Траектория данного прусского игольчатого ружья почти такая же, как и винтовки Энфильд; калибр его немножко больше калибра Энфильд. С уменьшением калибра до калибра австрийского ружья или, еще лучше, до швейцарской стрелковой винтовки, не может быть сомнения, что он сравняется с любым из них по дальности полета пули, меткости и отлогости траектории, между тем как другие огромные преимущества игольчатого ружья останутся за ним.

Приспособление для заряжания с казны может быть сделано еще более прочным, а центр тяжести ружья может быть перенесен еще ближе к плечу прицеливающегося солдата.

Введение в армию оружия, способного к такой быстрой стрельбе, естественно вызывает многочисленные размышления на тему о том, какие перемены произведет это оружие в тактике; особенно у народа, столь склонного к теоретизированию (*so fond of speculating*), как северо-германцы. Не было конца спорам о предполагаемой революции в тактике, которую произведет игольчатое ружье. В Пруссии большинство военных пришло, наконец, к выводу, что против батальона, стреляющего частыми залпами из игольчатого ружья, никакая атака невозможна и что, следовательно, со штыком покончено. Если бы эта глупая мысль восторжествовала, то игольчатое ружье принесло бы пруссакам не мало жестоких поражений. К счастью, итальянская война доказала всем, кто способен видеть, что огонь современных винтовок не является уже столь грозной опасностью для мужественно атакующего батальона, и принц Фридрих-Карл Прусский воспользовался случаем напомнить своим коллегам, что пассивная оборона даже при наличии хорошего вооружения всегда ведет к верному поражению. Направление военного общественного мнения изменилось; опять начинают понимать, что человек, а не мушкеты, должен выигрывать сражения; если же новое ружье и внесет существенное изменение в тактику, то это будет возвращение к еще большему применению развернутых линий (где это позволяет местность) и даже к той атаке линиями, которая после того, как она дала выигрыш большинству сражений Фридриха Великого, сделалась почти неизвестной прусской пехоте.

VII.

Сделав обзор разных систем, по которым были сконструированы различные винтовки, находящиеся в употреблении в современных европейских армиях, мы не можем закончить рассмотрение нашего предмета, не сказав несколько слов относительно винтовки, которая хотя и не введена нигде в качестве официального военного оружия, но пользуется вполне заслуженной популярностью по своей удивительной меткости и большой дальности. Мы имеем в виду, конечно, винтовку Витворта.

Г-н Витворт, если мы не ошибаемся, претендует на введение им двух новых оригинальных принципов в конструкцию своего огнестрельного оружия, а именно: шестиугольного канала ствола и механического прилегания пули к каналу. Канал ствола вместо круглого

имеет насквозь шестиугольное сечение и очень крутые нарезы или обороты, что видно по поверхности шестиугольных пуль. Сама пуля, сделанная из твердого металла, прилегает к каналу ствола с наибольшей плотностью, и поэтому форма ее не изменяется от давления пороховых газов, так как шесть сторон пули будут направляться по оборотам нарезов с безошибочной точностью.

Для того, чтобы предупредить зазор и сделать ствол гладким, между порохом и пулей помещается кусочек или кружочек просаленной материи; это сало, проходя вслед за пулей по направлению к дулу, растапливается от тепла при пороховом взрыве.

Несмотря на несомненно прекрасные результаты, которых достиг г. Витворт в конструкции своей винтовки, мы все же полагаем, что этот принцип менее важен, чем принцип расширения или компрессирования пули или зарядание с казны пулей более широкого диаметра, чем дуло. То есть, мы думаем, что винтовка с расширяющейся или с компрессирующейся пулей или ружье, сконструированное по системе прусского игольчатого ружья, будут иметь превосходство над винтовкой Витворта, если выделка их будет одинаково хороша, калибр одинаково мал и если будут одинаково соблюдены все прочие условия. Как бы ни было точно механическое прилегание пули г. Витворта, она все же не может прилегать с такой плотностью, как это делают пороховые газы, изменяя форму пули как во время воспламенения, так и после этого. Его винтовка с твердой пулей имеет то, чего следует вообще полностью избегать в винтовках, а именно зазор и, как следствие этого, прорыв пороховых газов; даже растопленный жир не сможет совершенно уничтожить этот зазор, особенно в ружье, ствол которого от долгого употребления сделается хотя бы незначительно шире. Существует очень точный предел для всех механических прилеганий такого рода, — другими словами прилегание должно быть свободным настолько, чтобы пуля проходила легко и быстро вниз по каналу даже после производства нескольких десятков выстрелов. Следствием является то, что шестиугольные пули пригоняются неплотно, и хотя мы точно не знаем величины зазора, но тот факт, что пуля, обернутая бумажкой, проходит вниз по стволу легко без всякой смазки, заставляет предполагать, что зазор немногим меньше (если он вообще меньше), чем у пули Энфильд, у которой он равен 0,01 дюйма. Г-н Витворт, изобретая свою винтовку, видимо, руководствовался преимущественно двумя задачами: во-первых, уничтожить всякую возможность обременения нарезов и, во-вторых, совершенно уничтожить случайности, которые могут препятствовать цилиндрической пуле идти по наредам, — такие

случайности действительно препятствуют как расширению, так и компрессированию пули, — пригонкой заранее формы канала ствола и снаряда одного к другому. Засорение нарезов частицами свинца, отщепляющимися от пули, имеет место у *всех* винтовок с мягкими свинцовыми пулями; случайности, препятствующие пуле правильно идти по нарезам, могут иметь место как у ружей с компрессирующей, так и с расширяющейся пулями, но не в заряжающихся с казны ружьях прусского образца. Но ни одно из этих затруднений не является настолько большим, чтобы его нельзя было преодолеть и чтобы в целях избежания этих затруднений надо было жертвовать основным принципом производства винтовки, т. е. что пуля должна проходить по нарезам, не оставляя никакого зазора.

Говоря так, мы опираемся на большой авторитет, а именно на самого г. Витворта. Мы осведомлены, что г. Витворт отказался от своего принципа механического прилегания, поскольку это касалось его винтовки, и известно, что в настоящее время большинство стреляет из его винтовки не твердой, плотной шестиугольной пулей, а мягкой свинцовой цилиндрической пулей. Эта пуля — полая в своем основании, наподобие пули Энфильд, но без втулки; она очень длинна (одна — 480 гран — в три раза длиннее своего диаметра, другая — 530 гран — в три с половиной раза длиннее своего диаметра) и *сдавливается в нарезы силою пороховых газов при их воспламенении*. Итак, мы видим, что принцип *механического прилегания* пули г. Витворта совершенно оставлен во имя принципа *расширения*, и винтовка Витворта заняла подчиненное положение, превратившись в род винтовки Минье, совершенно так же, как это когда-то было с винтовкой Энфильд. Остается шестиугольный ствол; насколько он будет пригоден для ружья с расширяющейся пулей?

Шестиугольный канал ствола имеет, конечно, шесть нарезов, и мы видели, что четное число нарезов было признано для расширяющихся пуль не настолько отвечающим их цели, как нечетное число нарезов, так как нежелательно, чтобы два нареза были диаметрально противоположны друг другу. Затем нарезы у большинства ружей с расширяющимися пулями очень мелки; так, у Энфильд они, например, едва заметны. В шестиугольнике разница между диаметром внутреннего круга (представляющего канал вообще) и диаметром внешнего круга (проведенного через шесть углов) равна около двух тринадцатых или немного менее чем одна шестая часть внутреннего круга; или, другими словами, свинец должен затратить около одной шестой своего диаметра перед тем, как он сможет надлежащим образом войти в углы нарезов шестиугольного ствола. Из этого должно бы вытекать

то, что шестиугольный ствол, хотя и чрезвычайно остроумен для системы механического прилегания пули, но, казалось бы, не должен удовлетворять системе с расширяющейся пулей.

Но все же он является, до известной степени, удовлетворительным, как показывают результаты испытания почти каждой винтовки. Как же случилось, что г. Витворт, отказавшись от важнейшего пункта своего принципа, теперь применяет принцип, из-за которого его винтовка не принята?

Прежде всего, это — превосходство выделки. Хорошо известно, что по точности в большинстве мельчайших и даже микрометрических деталей г. Витворт не имеет соперников. Как его инженерные инструменты, так и его винтовки являются превосходными образцами по конструкции своих деталей. Взгляните на мушку на дуле его винтовки и сравните ее с винтовками других систем! Нет никакого сравнения, а для ружей, имеющих дальность 1 000 ярдов, это огромное преимущество.

Во-вторых, и это самое главное: калибр винтовки Витворта равен 0,451 дюйма в наименьшей части канала (то, что мы называем внутренним кругом). Винтовка Энфильд имеет калибр — 0,577 дюйма; швейцарская стрелковая винтовка, о которой мы много раз упоминали как о ружье, дающем самую отлогую траекторию, имеет калибр 0,413 дюйма. Теперь посмотрите на разницу в формах пули. Расширяющаяся пуля Витворта в 530 гран почти на три восьмых дюйма длиннее пули Энфильд, имеющей тот же вес; в то время как первая в три с половиной раза длиннее своего диаметра, вторая едва только вдвое длиннее своего диаметра. Очевидно, что при одинаковом весе и при одинаковом заряде та пуля будет легче преодолевать сопротивление воздуха, т. е. давать более отлогую траекторию, которая тоньше и длиннее, чем та, которая короче и толще. Затем, заряд пороха у винтовки Энфильд весит 68 гран; у Витворта употребляется заряд в 60, 70 и 80 гран, но нам говорили хорошие стрелки, которые пользовались этой винтовкой, что для того, чтобы заставить пулю достаточно расшириться и дать хороший результат на большую дистанцию, требуется 80 гран. Итак, мы имеем заряд у Витворта на одну шестую больше, чем у Энфильд, и этот заряд должен бы действовать лучше (даже при одинаковом весе); так как он воспламеняется в более ограниченном пространстве и действует на значительно меньшую поверхность пули.

Здесь, следовательно, мы имеем другой пример огромного преимущества малого калибра, дающего длинную, тонкую, остроконечную пулю. Любой из моих читателей, кто внимательно следил за нашим

исследованием преимуществ различных систем винтовок, должен был давно прийти к выводу, что форма пули имеет более важное значение, чем система, по которой сконструирована сама пуля или винтовка; и для того, чтобы иметь портативную солдатскую пулю лучшей формы, мы должны иметь *маленький калибр дула*. Этот урок вновь дает нам винтовка Витворта.

Отсюда мы также можем сделать вывод, что при малом калибре длинный, тяжелый, острый конец пули оказывает достаточно сопротивления, чтобы позволить полую часть ее должным образом расширяться без помощи втулки. Пуля Витворта имеет лишь маленькое углубление в своем основании, не имея втулки. Она должна расширяться по крайней мере в три раза более других расширяющихся пуль; и все же при 80 гранах пороха (которые ружье выдерживает без большой отдачи) она вполне удовлетворительно идет по нарезам.

Мы сильно сомневаемся, чтобы винтовка Витворта стала когда-либо военным оружием; напротив, мы думаем, что шестиугольный ствол скоро совсем выйдет из употребления. Если бы волонтеры, которые убедились на практике в превосходстве винтовки Витворта над нынешней винтовкой Энфильд, предложили бы вооружить их первой, то они, конечно, ударились бы в крайность. Мы думаем, что будет крайне несправедливо сравнивать эти два вида оружия. Винтовка Витворта является оружием роскоши, изготовление которой стоит по крайней мере вдвое дороже винтовки Энфильд. В своем настоящем виде она представляет собою слишком деликатное оружие для того, чтобы дать его в руки каждому солдату; а между тем, удалите, например, ее тонкую мушку и замените ее другой, приспособленной для более грубого употребления, и меткость ружья при стрельбе на дальнее расстояние значительно уменьшится. Чтобы вооружить и армию, и волонтеров винтовками Витворта, нужно сделать одно из двух: или калибр ручного оружия, принятого в качестве официального образца, должен остаться таким же, как в настоящее время, и тогда винтовка Витворта с калибром Энфильд дала бы гораздо худшие результаты, чем современная винтовка Витворта; или калибр должен быть уменьшен, скажем, до размеров нынешнего ружья Витворта, — и тогда очень вероятно, что винтовка Энфильд с уменьшенным калибром, на изготовление которого было бы истрачено столько же, сколько и на винтовку Витворта, дала бы такие же хорошие, если не лучшие, результаты.

VIII.

В заключение перечислим вкратце различные системы винтовок, находящиеся ныне в употреблении в европейских армиях, и те принципы, которые мы можем считать установленными для этого оружия.

Различные системы винтовок следующие:

1. Система забойного заряжания, при которой плотно пригнанная пуля, обернутая в пластырь, загоняется с дула ударами молотка по шомполю. Это самый старый способ направления пули по нарезам. В настоящее время для военного оружия он почти нигде не применяется; наиболее важным и заслуживающим внимания исключением является новая швейцарская стрелковая винтовка, имеющая очень маленький калибр и длинную остроконечную пулю и дающая из всех существующих ныне ружей самую отлогую траекторию. Винтовка эта предназначена не для вооружения всей массы пехоты, а лишь для вооружения отборных частей, и требует тщательного заряжания для того, чтобы получились благоприятные результаты, которые и отличают ее от всех известных ружей.

2. Система сплющивания свободно входящей в ствол пули о какое-нибудь препятствие на дне казенной части (край суживающейся камеры—Дельвинь—или стержень, ввинченный в середину камеры,—Тувенен), чтобы таким образом вогнать ее в нарезы. Этот способ, одно время принятый повсеместно, теперь более или менее вытесняется другими системами. Между прочим, заметим, что для него требуется довольно большой калибр ружья, так как иначе камера будет очень узкой.

3. Система расширения свободно пригнанной продолговатой пули, полый со стороны своего основания. Пороховые газы, образующиеся при воспламенении заряда, входят в его углубление, расширяют его в стороны, пригоняют пулю плотно к каналу ствола и заставляют ее идти по нарезам. Эта система в настоящее время находит себе повсеместное применение и способна на дальнейшие крупные улучшения, как недавно показали прекрасные результаты, достигнутые г. Витвортом с своей винтовкой с тех пор, как он ввел в нее принцип расширения.

4. Система компрессирования пули, при которой достигается тот же самый результат посредством снабжения пули глубокими кругообразными желобками, которые позволяют силе пороховых газов, при одновременном сопротивлении веса тяжелой передней части пули, сжать ее по длине и таким образом придать необходимо

увеличение ее в диаметре. Этот способ, хотя и менее безопасный, чем принцип расширения, дал прекрасные результаты при малых калибрах, как это уже было доказано в Швейцарии и Австрии, но все же компрессирующаяся пуля, если ею стреляют из вышеупомянутой швейцарской стрелковой винтовки, не дает тех хороших результатов, которые получаются при стрельбе плотно пригнанной и обернутой в пластирь пулей из того же самого ружья.

5. Система заряжания с казенной части, сама по себе имеющая преимущества над всеми остальными системами ружей в самом способе заряжания и стрельбы, в то же самое время дает наибольшую вероятность того, что пуля должным образом пойдет по нарезам, так как камера и сама пуля делаются несколько большего размера, чем остальная часть ствола, и, таким образом, пуля не может иначе войти в канал ствола, как будучи вдавлена в нарезы. Этой системе суждено, видимо, постепенно вытеснить все остальные.

Мы не принимаем в расчет системы механической пригонки пули г. Витворта, так как эта система более не применяется, по крайней мере поскольку это касается ручного стрелкового оружия, и, таким образом, мы будем иметь дело только с вышеупомянутыми системами.

Если классифицировать различные системы согласно их достоинствам, то мы бы сказали, что заряжающееся с казны игольчатое ружье выше всех; следующей за ним идет система расширяющихся пуль; затем уже система компрессирующихся пуль. Первые же две системы можно считать вышедшими из употребления, потому что, если зарядание посредством вколачивания пули, как в Швейцарии, дает пока лучшие результаты при том же калибре, чем зарядание компрессирующимися пулями, мы все же совсем не склонны приписывать *самой системе* подобные результаты без предварительного тщательного изучения ее, да к тому же обернутая пластирем пуля швейцарской стрелковой винтовки признана непригодной для всей массы пехоты.

В то же время мы уже видели, что с введением продолговатой пули сама система, по которой конструировались ружье или пуля, являлась вопросом лишь второстепенной важности в отношении дальности полета, отлогости траектории и меткости ружья. Пока пули были круглые, система нарезов представлялась гораздо более важной, потому что тогда все пули встречали сопротивление воздуха почти при равных условиях; влияние более сильных нарезов, более глубоких или многочисленных желобков и т. д. было сравнительно гораздо более существенным, чем теперь. Но с введением продолговатой пули появляется новый элемент. Пуля может быть сделана

длиннее или короче, причем эти пределы довольно обширны, и теперь весь вопрос сводится к тому, какая форма пули является наиболее выгодной? По теоретическим выкладкам ясно, что та же самая масса свинца, выбрасываемая с той же начальной скоростью, лучше сохранит эту скорость в том случае, если ее форма длинна и тонка, чем если она коротка и толста, предполагая, конечно, что имеется налицо приданное пуле каналом ствола винтообразное вращение, которое предохранит ее от кувыркания. Сопротивление воздуха является задерживающей силой; оно постепенно уменьшает начальную скорость, приданную пуле силою пороховых газов, и таким образом дает все более увеличивающуюся силу тяжести, так сказать, большую задержку пули. Начальная скорость зависит от заряда и, в известной мере, от конструкции оружия; это последнее обстоятельство мы можем считать точно определенным; сила тяжести тоже установлена и является известной данной величиной; таким образом, остается изменяемой лишь форма пули, которую надо лучше приспособить для полета, чтобы воздух оказывал ей наименьшее сопротивление, а для уменьшения сопротивления атмосферы, как мы уже говорили, длинная и тонкая пуля является гораздо более пригодной, чем короткая и толстая того же веса.

Наконец, максимальный вес пули военного ружья является также величиной известной. Солдат должен быть в состоянии носить на себе по крайней мере шестьдесят патронов, не считая самого оружия, при полном обмундировании. Таким образом, чтобы изготовить свинцовую пулю лучшей формы данного веса (скажем, в 530 гран), нужно увеличить ее длину и уменьшить толщину; другими словами, калибр канала ствола винтовки должен быть уменьшен. До известной степени это допустимо для всех систем без исключения. Посмотрите на пулю Энфильд в 530 гран и на пулю Витворта того же веса; одного взгляда достаточно, чтобы понять, почему пуля Витворта имеет гораздо более отлогую траекторию (т. е. лучше сохраняет свою начальную скорость) и потому легко попадает в цель на тысячу ярдов, тогда как на попадание пуль Энфильд на той же дистанции рассчитывать нельзя. А между тем, обе эти пули принадлежат к системе расширяющихся пуль, причем устройство пули Витворта является не лучшим образцом из всех пуль, приспособленных для расширения. Или посмотрите на швейцарскую стрелковую винтовку со стволом еще меньшего калибра, чем у ружья Витворта, и все же дающую еще лучшие результаты и еще более отлогую траекторию, независимо от того, забивается ли в него пластырем обернутая пуля при помощи шомпола, или она проходит совершенно свободно и компрессируется

силою пороховых газов. Или возьмите прусское игольчатое ружье; уменьшив диаметр и увеличив длину пули и введя ее в широкое дуло при помощи кружка или пыжа, при том же самом прицеле, при котором раньше стреляли на 600 ярдов, теперь можно стрелять на 900 ярдов. Таким образом, мы с достаточной уверенностью можем установить тот факт, что вообще эффективность огня винтовки, по какой бы системе она ни была сконструирована, является обратно пропорциональной диаметру канала ствола. Чем меньше канал ствола, тем лучше винтовка, и наоборот.

Этими замечаниями мы заканчиваем тему, которая, может быть, показалась многим из наших читателей довольно сухой. Все же она является очень важной. Ни один сознательный солдат не должен быть в неведении относительно того, по каким принципам сконструировано его оружие и как оно должно действовать. Предполагается, что все, что мы попытались изложить здесь, известно унтер-офицерам большинства континентальных армий; и конечно, огромное большинство волонтеров, представляющих «мозг страны» («the intelligence of the country»), должно хорошо знать свое огнестрельное оружие как таковое!

Напечатаны

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

от 3 и 17 ноября,

8, 15 и 29 декабря 1860 г.

и 5, 12 и 19 января 1861 .

Без подписи.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛЕГКАЯ ПЕХОТА.

Если когда-либо нашим волонтерам придется обменяться пулями с противником, то этим противником будет — всякий это знает — французская пехота; и beau idéal [самый совершенный тип] французского пехотинца представляет собой солдат легкой пехоты, особенно *шассер* (chasseur).

Французский шассер является образцом не только для своей собственной армии: в вопросах, касающихся службы легкой пехоты, французы являются до известной степени как бы законодателями для всех европейских армий; таким образом, шассер сделался в некотором смысле образцом для всей европейской легкой пехоты.

С той и другой стороны, т. е. как возможный противник и в то же время как совершенный образец солдата легкой пехоты, французский шассер является особенно интересным для британского волонтера. И чем скорее наш волонтер познакомится с ним, тем будет лучше.

I.

Вплоть до 1838 г. во французской армии не было в употреблении винтовки. Старая винтовка с ее плотно пригнанной пулей, которую надо было заколачивать, что делало зарядание трудной и медленной операцией, не являлась оружием для французов. Наполеон, осматривая однажды ружья в батальоне немецких карабинеров, воскликнул: «Конечно, это самое злополучное оружие, какое только может быть дано в руки солдата!» Безусловно, старое ружье было непригодно для всей массы пехоты. Правда, в Германии и Швейцарии некоторые отборные батальоны были всегда вооружены этим ружьем, но они использовались исключительно в качестве отборных стрелков для стрельбы по отдельным офицерам, для стрельбы по саперам во время стройки мостов и т. п., причем прилагались все старания к тому, чтобы формировать эти части из сыновей лесничих или молодых людей, которые умели обращаться с ружьем еще до поступления в армию. Альпийские охотники за козами, лесничие, охранявшие большие леса с красной дичью в Северной

Германии, давали прекрасный материал для этих батальонов, являвшихся образцом также и для карабинеров английских линейных войск.

То, что французы прежде обычно называли легкой пехотой, были солдаты, снаряженные и обученные совершенно так же, как линейные полки; поэтому в 1854 г. декретом Луи-Наполеона эти 25 полков были лишены звания легкой пехоты и включены в линейные войска, где они составляют номерные полки, от 76-го по 100-й.

Правда, в каждом батальоне пехоты было по роте вольтижеров, сформированных из лучших и наиболее развитых солдат маленького роста; а так называемые «отборные войска» (*élite*), из солдат большого роста, образовали роты гренадеров. Ими пользовались в первую голову в том случае, когда требовалось рассыпание в стрелковые цепи, в остальном же они были вооружены и обучены, как прочие части батальонов.

После завоевания в 1830 г. Алжира французы стали лицом к лицу с противником, вооруженным длинным мушкетом, общим для большинства восточных наций. Гладкоствольные французские мушкеты были слабее их в отношении дальности полета пули. В походе французские колонны окружали со всех сторон конные бедуины на равнинах и кабилские стрелки в горах; пули противника били по колоннам, тогда как он сам был вне сферы французского огня. Стрелковые цепи на равнинах не могли далеко отходить от своих колонн из боязни, что их застигнет врасплох и уничтожит быстрая арабская конница.

Когда английская армия попала в Афганистан, она познакомилась с теми же самыми длинными мушкетами. Афганские стрелки, хотя они и вооружены только кремневыми ружьями, производили ужасные опустошения в английских рядах, как в лагере, в Кабуле, так и во время отступления, по горам, на расстояниях, совершенно недоступных для бедной старой «смуглой Бетси». Урок был жестоким; можно было ожидать затяжной борьбы с племенами на северо-западной границе Британской Индии; и все же ничего не было сделано для того, чтобы снабдить посылаемых на эту границу английских солдат оружием, которое могло бы померяться дальностью с восточными кремневыми ружьями.

Не так обстояло дело у французов. Как только недостаток был обнаружен, немедленно же были предприняты шаги к его устранению. Герцог Орлеанский, сын Луи-Филиппа, во время своего свадебного путешествия по Германии в 1836 г. воспользовался случаем изучить организацию двух карабинерных батальонов прусской гвардии. Он

сразу же увидел, что именно здесь находится та отправная точка, исходя из которой ему удастся создать тип войска, требующегося для Алжира. Он немедленно занялся сам этим вопросом. Однако много препятствий ставилось на его пути в силу старых предрассудков против нарезного ружья. К счастью, изобретения Дельвина и Путьшара на его родине пришли ему на помощь; они изобрели винтовку, которая могла быть заряжаема точно так же быстро и легко, как и гладкоствольный мушкет, и в то же время значительно превосходила последний дальностью и меткостью. В 1838 г. герцог получил разрешение сформировать роту по своему замыслу; в том же году эта рота была развернута в целый батальон; в 1848 г. батальон был послан в Алжир для того, чтобы выяснить, насколько он применим в настоящей войне, и он так хорошо выдержал испытание, что в том же году были сформированы еще девять батальонов шассеров. Наконец, в 1853 г. были организованы еще десять батальонов, так что в настоящее время всего шассеров во французской армии насчитывается двадцать батальонов.

Своеобразные военные качества бедуинов и кабилдов, которые, несомненно, являлись образцами легкой кавалерии и пеших стрелков, побудили французов вербовать себе на службу туземцев и завоевать Алжир, предоставляя арабу сражаться против араба. Эта мысль дала, между прочим, начало для образования корпуса зуавов. Зуавы были сформированы главным образом из туземцев, около 1830 г., и составляли преимущественно арабский корпус вплоть до 1839 г., когда они массами дезертировали в лагерь Абд-эль-Кадера, только что поднявшего знамя священной войны. Таким образом, остались только кадры да по двенадцать французских солдат в каждой роте, кроме двух исключительно французских рот, прикомандированных к каждому батальону. Вакансии надо было заполнить французами, и с этого времени зуавы стали исключительно французскими корпусами, предназначенными для постоянных гарнизонов в Африке. Но первоначальный кадр старых французских зуавов так много позаимствовал от туземного характера, что с тех пор весь корпус остался по своему духу и навыкам особым алжирским корпусом, со своими особыми национальными чертами, совершенно отличными от остальных частей французской армии. Он комплектуется большей частью из добровольцев, и таким образом большинство из них является профессиональными солдатами на всю жизнь. Они целиком принадлежали к легкой пехоте и поэтому давно уже были снабжены винтовками. В настоящее время их имеется в Африке три полка, или девять батальонов, и один полк (два батальона) гвардейских зуавов.

Начиная с 1841 г. делались новые попытки вербовки туземцев Алжира для местных войск. Были образованы три батальона, но они были слабы и не укомплектованы вплоть до 1852 г., когда запись туземцев во французские войска стала усиленно поощряться и достигла такого успеха, что в 1855 г. удалось сформировать три полка, или девять батальонов. Это так называемые *тюроксы* или *туземные стрелки* (*tirailleurs indigènes*), о которых мы так много слышали во время Крымской и Итальянской войн.

Таким образом, не считая иностранного легиона (в настоящее время распущенного, но, по всем имеющимся данным, вновь формирующегося) и трех дисциплинарных батальонов, французская армия имеет 38 батальонов, особо организованных и обученных для службы в легкой пехоте. Из всех этих частей шассеров, зуавов и тюроксов каждая имеет свои отличительные особенности. Два последних типа имеют слишком сильно выраженный местный характер, чтобы оказывать большое влияние на остальную массу французской армии; но все же их яростные атаки, — во время которых (как это имело место в Италии) они остаются в руках начальника и даже проявляют должную инициативу, предупреждая приказание начальника, — навсегда останутся блестящим примером для остальных войск. Несомненным является также и то, что французы фактически в значительной степени переняли от арабов и самый способ использования местности. Но типом легкой пехоты, который остался исключительно французским и сделался, как мы уже выше говорили, образцом для армии, являются шассеры.

II.

Первая же страница французского устава 1831 г. для обучения войск показывает, из каких малорослых солдат состоит французская армия:

Медленный шаг: каждый шаг 65 сантиметров (25 дюймов) и 76 шагов в минуту.

Скорый шаг: та же длина шага и 100 шагов в минуту.

Шаг для атаки (*pas de charge*): та же длина шага и 130 шагов в минуту.

Шаг в 25 дюймов является несомненно самым коротким, а скорость 100 шагов в минуту — самая медленная, какая может быть принята для армии при маневрировании. Пока французский батальон продвинется вперед на 208 футов в минуту, английский, прусский, австрийский батальоны продвигаются более чем на 270 футов, т. е. на 30% больше. Наш широкий шаг в 30 дюймов был бы слишком велик для коротких ног французов. То же самое во время атаки: фран-

цузский солдат продвигается в минуту на 271 фут, или сколько пройдет английский солдат простым быстрым шагом, тогда как своим двойным 36-дюймовым шагом, делая их 150 в минуту, англичанин достигает свыше 450 футов, или на 60% больше. Один этот факт показывает, что стандартный рост солдата не может быть уменьшен до известного предела без того, чтобы это не отразилось на подвижности и дееспособности армии.

С такими короткими ногами, короткими шагами и медленным продвижением нельзя было сформировать легкой пехоты. Когда впервые начали организовывать полки шассеров, то прежде всего обратили внимание на то, чтобы выбрать для них в стране лучший пехотный материал; все они были хорошо сложенные, широкоплечие, расторопные мужчины от 5 футов 4 дюймов до 5 футов 8 дюймов роста, набранные в большинстве в горных частях страны. Уставом для обучения и действия шассеров (опубликованным в 1845 г.) длина шага для скорого марша была оставлена та же, но скорость увеличена до 110 шагов в минуту; двойной шаг (*pas gymnastique*) был установлен в 33 дюйма (83 сантиметра) каждый при 165 шагах в минуту; но для развертывания, построения в карре или других ускоренных перестроений скорость должна была быть увеличена до 180 шагов в минуту. Даже этим последним шагом шассер опередит английского солдата при его двойном шаге лишь на 45 футов в минуту. Но шассер достигает необыкновенных результатов не исключительной быстротой движений, а продолжительностью времени, в течение которого он может продолжать эти ускоренные движения; кроме того, в случае крайней спешности, как то: сосредоточение сил и т. п., шассеры получают приказание бежать с предельной скоростью.

Двойной шаг — это самое главное, чему обучают во французских шассерских батальонах. Сперва солдат обучают бегу на месте, заставляя их делать от 165 до 180 шагов в минуту, причем солдаты должны кричать: «раз!» «два!» или «правая!» «левая!», предполагается, что этим регулируется работа легких и предупреждается возможность воспаления их. Затем солдат заставляют маршировать тем же шагом, причем расстояние постепенно увеличивается до тех пор, пока они смогут пройти 4 000 метров (2 $\frac{1}{2}$ мили) в 27 минут. Если замечают, что некоторые из рекрутов обладают слишком слабым дыханием или органами, то их возвращают обратно в линейную пехоту. Следующей ступенью обучения являются упражнения в прыжках и беге, в которых достигается наивысшая скорость на короткие расстояния; это гимнастический шаг и бег, которыми сначала занимаются на ровном учебном

плацу или на дороге, а затем уже по местности с перепрыгиванием через изгороди и канавы. Только после такой подготовки солдатам вручают оружие, причем опять проходится весь курс двойного шага, бега и прыжков, но уже с винтовкой в руке и в полном походном снаряжении; ранец и патронная сумка имеют полную походную выкладку; и таким образом они ходят целый час гимнастическим шагом, пройдя по крайней мере пять миль. Один иностранный офицер, одетый в обыкновенный костюм, пытался однажды итти наравне с таким батальоном шассеров в полном походном снаряжении, но, не будучи натренирован, он не отставал от батальона лишь в течение часа; шассеры же, двигаясь попеременно то скорым шагом, то гимнастическим, прошли за этот день свыше 22 миль.

Все полевые движения и повороты должны производиться двойным шагом; движение цепью, построение в колонны и карре, повороты, развертывание и пр. делаются так, чтобы солдаты сохраняли свои места как при этом шаге, так и при обыкновенном скором шаге. Скорость для всех этих движений — 165 шагов в минуту, и только при развертывании и поворотах (кругом, направо и налево) увеличивается до 180 шагов.

Приводим нижеследующее мнение прусского штаб-офицера о шассерах:

«На Марсовом поле я видел несколько маневрировавших рот шассеров рядом с линейным полком. Какая разница в их подвижности, во всем стиле их движений по сравнению с этим полком! С первого же взгляда на них вы видите, что это отборные части, лучшие люди из населения горных и лесных областей; все они хорошо сложены, коренасты, сильны и в то же время удивительно проворны. Когда они передвигаются с поразительной быстротой, вы чувствуете их предприимчивый дух, их дерзкую отвагу, их быструю сообразительность, их неутомимую выносливость, хотя, конечно, вы также видите их огромное самомнение и французское тщеславие. И где бы вы их ни видели, — в Страсбурге, Париже или каком-либо ином гарнизоне, они всегда производят то же самое впечатление, они выглядят как бы вылитыми из одной и той же формы. Во главе их я видел только молодых офицеров; лишь некоторым из капитанов можно было дать 35 лет; большинство же из них гораздо моложе, и даже штаб-офицеры не казались старше этих лет. Их большая подвижность не обнаруживает ни принуждения, ни усилия; постоянные упражнения, казалось, сделали подвижность их второй природой, — с такой легкостью и так свободно прodelьвают эти батальоны все свои движения. Их кровь, повидимому, течет более спокойно, и дыхание менее прерывисто, чем у других. Отдельные посыльные на улице быстро обгоняют всех, идущих далеко впереди них; и тем же быстрым шагом целый батальон, под веселые звуки рожка, дефилирует по улицам. Где бы вы ни видели их — на учебном плацу, в походе или дома, — никогда они не кажутся усталыми. Честолюбие в этом отношении может итти рука об руку с привычкой.

«Если скорость движения и правильность прицеливания кажутся несо-

вместимыми, то шассеры, повидимому, преодолели эту кажущуюся несовместимость. Я сам не видел их практической стрельбы по мишеням, но, по мнению опытных офицеров, выполнение ими этих упражнений должно считаться неплохим. Если их точность прицеливания когда-либо нарушается, то это, конечно, происходит в степени, очень мало оказывающей влияние на эффективность огня на поле сражения. В Африке, где много стычек начиналось подобными маршами двойным шагом, они всегда умели напасть на противника; и это доказывает, что специальная система тренировки, которую они проходили, служит собственно для развития физических сил и не нарушает точности прицеливания. С войсками, не столь тренированными, дело обстоит бы, конечно, совсем иначе.

«Большие преимущества этой системы тренировки очевидны. На войне бывает много случаев, когда чрезвычайно важно, чтобы ваша пехота была способна делать более быстрые переходы, чем это вообще делается, чтобы, например, предупредить противника в занятии важной позиции; быстро захватить важный пункт, поддержать часть, атакованную превосходными силами, или поразить противника неожиданностью, внезапным появлением отряда с той стороны, с которой он его не ожидает».

Война в Алжире с очевидностью показала французскому военному командованию огромное превосходство пехоты, обученной такому длительному бегу. С 1853 г. обсуждался вопрос о том, не следует ли ввести эту систему для всей армии. Генерал Люрмелль (убитый под Севастополем 5 ноября 1855 г.) специально обращал на это внимание Луи-Наполеона. Вскоре после Крымской войны гимнастический шаг был введен во всех французских полках. Правда, скорость фактически была несколько медленнее, да и самый шаг короче, чем у шассеров, к тому же длительность бега шассеров значительно была уменьшена для линейных войск. Это было необходимо: неодинаковая физическая сила и неодинаковый рост в линейных войсках делали то, что обучение всей части приходилось вести соответственно способностям более слабого физически и более низкого ростом солдата. Но все же старая медлительность передвижения в случае нужды может быть теперь уменьшена; миля, или около этого, иногда может быть пройдена бегом, а главным образом скорость может быть увеличена благодаря способности солдат совершать движения и перестроения двойным шагом, что также позволяет на дистанции 600 или 800 ярдов атаковать бегом; французы во время такой атаки в прошлом году пробежали в несколько минут то самое расстояние, на котором отличная австрийская винтовка была наиболее опасна. Гимнастический шаг в значительной степени содействовал выигрышу сражений у Палестро, Мадженты и Сольферино. Самый бег дает солдатам сильный моральный подъем; наступающий батальон, двигаясь скорым шагом, может заколебаться, но тот же батальон, достаточно тренированный,

чтобы пройти это расстояние не запыхавшись, в большинстве случаев будет мужественно идти вперед, подойдет относительно нерасстроенным и, конечно, произведет гораздо большее впечатление на регулярного противника, если пойдет в атаку бегом.

Столь отличное усовершенствование в беге может пригодиться только специальным родам войск, вроде шассеров, но это было бы непрактично и бесполезно для всей массы линейной пехоты. Тем не менее, английские линейные войска, с их превосходным людским материалом, могут быть обучены так, чтобы далеко превзойти в этом отношении французские линейные войска, и, как всякое здоровое упражнение, это произведет прекрасное физическое и моральное действие на солдат. Пехота, которая не сможет в течение нескольких часов попеременно мило бежать и мило идти, скоро будет рассматриваться как неповоротливая. Что касается волонтеров, то большая разница в возрасте и физической силе, существующая в их рядах, сделала бы затруднительным достижение даже этих результатов, но не может быть сомнения, что постепенная тренировка в двойном шаге, на дистанциях от полумили до одной мили, не повредит ничьему здоровью и чрезвычайно увеличит эффективность волонтеров на поле сражения.

III.

Во Франции ничем не пренебрегают для того, чтобы развить физические, умственные и моральные силы каждого отдельного рекрута, и особенно каждого шассера, в такой степени, чтобы из него сделать, насколько это возможно, более совершенного солдата. Прилагаются все старания к тому, чтобы сделать его крепким, живым и проворным, что может дать ему умение быстро оценивать выгоды местности или быстро находить решения для выхода из трудных положений; все это будет повышать его веру в себя, своих товарищей и свое оружие. Поэтому муштра во Франции является только небольшой частью солдатской службы, и, по нашему мнению, французский батальон на отведенном учебном плацу марширует, учится поворотам и делает ружейные приемы возмутительно небрежным образом. Но это является следствием национального характера и не имело до сих пор никаких плохих последствий. Английские же и немецкие войска предпочитают более строгую систему обучения; они быстрее исполняют команду и после некоторого обучения будут всегда выказывать большую отчетливость во всех своих движениях, чем та, которой когда-либо достигнет французский солдат. В остальном система тактических движений на плацу

во Франции почти та же, что и в Англии, хотя она очень отлична от последней на поле сражения.

Одним из главнейших занятий французского солдата являются гимнастические упражнения. В Париже имеется центральная военно-гимнастическая школа, которая выпускает учителей для всей армии. От 15 до 20 офицеров от различных полков и, кроме того, по одному сержанту от каждого линейного полка или батальона шассеров обучаются там в продолжение 6 месяцев и затем заменяются другими. Проходимый там курс упражнений не особенно отличается от соответствующего курса в других странах; повидимому, существует лишь одно особенное упражнение — это взлезание на стену, которое производят или упираясь ногами и руками в отверстия, образовавшиеся от пушечных ядер, или при помощи шеста, приставленного к стене, или же посредством веревки, снабженной с одного конца крючком и перекинутой через стену. Упражнение этого рода несомненно имеет ценность и сильно способствует тому, что солдаты приучаются пользоваться своими ногами и руками. В этой школе обучают также штыковому упражнению, но последнее ограничивается лишь обучением действию штыком в разных положениях; обучаемых совершенно не приучают защищаться друг против друга или от кавалерии.

Во Франции каждый гарнизон имеет необходимые приспособления для гимнастических упражнений. Прежде всего везде имеется специально отведенное где-нибудь в стороне место для обыкновенной гимнастики со всеми необходимыми принадлежностями; туда поочередно направляются все солдаты для прохождения регулярного курса обучения гимнастике, которая является частью их служебных обязанностей. Подобного рода упражнения введены не очень давно и переняты всецело от шассеров, которых первыми стали обучать гимнастике, и после того, как эта система для них оказалась столь удачной, ее распространили на всю армию.

Кроме того, в каждой казарме имеется фехтовальный и танцевальный залы. В первом обучаются фехтованию на рапирах и эспадронах; во втором обучаются танцам и борьбе, которую французы называют «боксом» («la boxe»). Каждый солдат может выбирать упражнение, какому он хочет обучаться, но одно из них он обязан изучить. Обыкновенно предпочитают танцы и рапиру. Иногда также обучают игре в палки (single-stick).

Всем этим упражнениям, равно как и гимнастике в полном смысле этого слова, они обучаются не потому, что все это считается само по себе необходимым; эти упражнения проходят потому, что они

развивают физическую силу и ловкость солдата вообще и придают ему большую уверенность в себе. Фехтовальный и танцевальный залы далеко не являются местом, где выполняются скучные обязанности, — они, наоборот, представляют собою нечто привлекательное, направленное к тому, чтобы удержать солдата в казармах даже в свободное от занятий время; он идет туда для развлечения; если в шеренге он был не более как машина, то здесь, со шпагой в руке, он независимый человек, пришедший померяться с товарищами своей индивидуальной ловкостью; и вся эта уверенность в своей быстроте и ловкости, которые он приобретет здесь, окажется также приобретением для его действий на аванпостах и в рассыпном строю, где он более или менее предоставлен своим собственным силам.

Новая система рассыпного строя, введенная у шассеров, была, таким образом, с этого времени введена не только во всей французской армии, но послужила также образцом для многих европейских армий и, между прочим, для улучшенного обучения, введенного в британской армии как во время Крымской войны, так и после нее. Мы отметим лишь немногие из главных черт этой системы, в особенности потому, что в бою французы очень часто действуют совершенно иначе, чем они обучены, отчасти оттого, что они выполняют общие приказания (как в 1859 г. в Италии), частью потому, что офицерам предоставляется свобода действий сообразно обстановке, а частью потому, что вообще все уставы об обучении неизбежно должны подвергнуться значительным коррективам во время боя. Стрелки в рассыпном строю действуют группами по 4 человека, причем каждая группа рассыпается в одну линию с интервалами в 5 шагов между каждым солдатом. Интервалы между группами равняются по меньшей мере 5 шагам (образуя, таким образом, непрерывную линию с интервалами в 5 шагов от человека к человеку) и самое большее — 40 шагов от группы до группы. Унтер-офицеры занимают места в 10 шагах позади своих отделений, офицеры же, каждый в сопровождении 4 солдат и 1 трубача, становятся в 20 или 30 шагах позади. Если только часть роты рассыпается, то капитан становится посередине между стрелковой цепью и резервом. Самое главное, на что должно быть обращено внимание, — это использование местных предметов в целях укрытия; этому приносится в жертву как равенство, так и точное соблюдение интервалов. Стрелковая цепь управляется при помощи сигнальных рожков: всего насчитывается двадцать два сигнала; кроме них, каждый батальон шассеров и даже каждая из рот имеет свой собственный, от-

личный от других, сигнал, который предшествует сигналу команды. Офицеры носят при себе свисток, который, однако, они могут употреблять только в исключительных случаях; свистком подается пять сигналов: «осторожно!» «вперед!» «стой!» «назад!» «собирайся!» Этот свисток является образцом того свистка, который некоторые волонтеры ввели у себя как неотъемлемый предмет своего снаряжения, лишая, таким образом, офицеров возможности употреблять свисток, когда это может быть необходимо. При атаке кавалерией стрелки собираются в группы по четыре, а также в отделения и прочие подразделения в неправильных компактных массах; части, находящиеся в резерве, образуют род ротного карре; в батальонах они действуют, в случае необходимости, в развернутом строю или образуют карре. Этими различными построениями в сомкнутые формы занимаются очень много, и французы превосходно исполняют их; разнообразие их не создает никакого беспорядка, так как солдатам указано, что в случае неизбежной опасности они могут собираться каким угодно способом, и тогда они пользуются наиболее удобными движениями для того, чтобы присоединиться к более крупной части, которую указывает сигнал. Карре иногда строится в две, иногда в четыре шеренги.

Сравнивая старую систему обучения, принятую почти во всех армиях до сформирования шассеров, мы видим, что этот новый метод обучения имеет огромные преимущества. Но не следует забывать, что все это, в конце концов, не что иное, как ряд уставов для обучения. Здесь нет места для развития инициативы в каждом отдельном солдате, и если этот метод применяется на ровной местности, то он осуществляется с таким педантизмом, которое способно удовлетворить самого строгого и взыскательного служаку. Шеренги на положенных интервалах двигаются вперед, назад, меняют фронт и направление так же, как и во всяком батальоне линейных войск, и солдаты передвигаются по сигналу рожка так же, как приводят в движение марионеток, дергая за проволоку. Настоящее же упражнение на местности для стрелков — это действия против неприятеля, и тут французы имеют для своей легкой пехоты превосходную школу в сильно пересеченной местности Алжира, защищаемой кабилами, храбрейшими, наиболее упорными и наиболее осторожными стрелками, каких когда-либо видел свет. Здесь именно французы развили в высокой степени тот инстинкт к действиям на растянутом фронте и умение использовать выгоды укрытия, которые они обнаруживали в каждой войне, начиная с 1792 г.; и здесь зуавы особенно использовали, с наилучшей для себя выгодой, уроки, преподанные

им туземцами, и, таким образом, послужили образцом для всей армии.

Предполагается, что вообще стрелковые цепи должны наступать как-то наподобие развернутой линии, собираясь более кучно, может быть только там, где есть возможность для укрытий, и двигаться редкой цепью там, где приходится проходить открытые пространства; стрелков противника стараются занять с фронта, иногда только используя изгородь или что-нибудь в этом роде, для того, чтобы открыть небольшой фланговый огонь, ничего от него не ожидая, а пытаясь лишь привлечь им внимание противника. Не таковы зуавы. Обычный способ их действия — это самостоятельные действия малых групп, подчиненных общей цели; постоянное стремление использовать выгоды, как только представится к этому возможность; подойдя неожиданно и открыто к главным силам противника, произвести там беспорядок хорошо выдержанным огнем; мелкие стычки часто решаются ими без всякого соединения в массы. Неожиданность и засада являются основой их действий. Они пользуются прикрытием не только для того, чтобы открыть огонь из-за сравнительно укрытой позиции; они употребляют его, чтобы незаметно подползти вплотную к неприятельским стрелкам, мгновенно вскочить и прогнать их в беспорядке; они применяют его, продвигаясь на флангах противника и появляясь там неожиданно густой массой, для того, чтобы отрезать часть их линии или оставить засаду, на которую они потом заманивают неприятельских стрелков, если те слишком скоро бросятся преследовать симулирующих отступление зуавов. При решительных действиях такие уловки были бы применимы во время многочисленных перерывов между теми напряженными действиями, когда стремятся привести дело к определенному решению. Но особенно большое значение получают эти качества зуавов в мелких боях, при столкновении отдельных отрядов, сторожевых постов, а равно при разведке противника или охранении расположения своих войск на отдыхе. Что такое зуавы — покажет следующий пример. Во всех армиях существует правило, что в сторожевом охранении, особенно ночью, часовые не должны сидеть, а тем более лежать, и обязаны, как только появится противник, открыть стрельбу, для того чтобы поднять тревогу в пикетах. Теперь прочтите описание бивуака зуавов, сделанное герцогом Омальским*:

«Ночью даже одиночный зуав, находящийся на вершине вон того холма и наблюдающий за лежащей впереди местностью, и тот укрыт. Вы не видите

* «Revue des deux Mondes», 15 марта 1855 года.

сторожевых постов, но подождите до тех пор, пока офицер начнет проверять их, и вы увидите его разговаривающим с зуавом, который лежит, растянувшись на земле, непосредственно за вершиной, и бдительно за всем наблюдает. Вы видите вон ту группу кустарника? Я ничуть не удивился бы, если, осматривая ее, вы нашли бы там скрытыми несколько человек зуавов; в случае, если бы бедуин пробрался ползком в эти кусты для того, чтобы высмотреть, что делается в лагере, они не стали бы стрелять, а тихо закололи бы его штыком, чтобы не обнаружить засады.

Что представляют собою солдаты, которые обучаются сторожевой службе только в гарнизонах, в условиях мирной обстановки, и которых нельзя заставить бодрствовать иначе, как стоя или находясь в движении, по сравнению с солдатами, получившими тренировку в войне с бедуинами и кабилами, где применяются всякие хитрости и всевозможные уловки? И при всех этих отклонениях от установленной системы зуавы лишь однажды были застигнуты врасплох своим осторожным врагом.

На северо-западной англо-индийской границе имеется один округ, очень похожий, с военной точки зрения, на Алжир. Климат там почти такой же, такая же природа местности и таково же пограничное население. Там часто случаются набеги и всякого рода враждебные столкновения; и этот-то округ и дал лучших людей для британской военной службы. Но почему эти продолжительные и в высшей степени поучительные столкновения не оказали должного влияния на способы выполнения различных сторон службы в легкой пехоте британской армии, — что после двадцати или более лет борьбы с афганцами и белуджами эти стороны службы оказались все же столь несовершенными, что надо было поспешить взять пример с французов для того, чтобы сделать пехоту в этом отношении дееспособной, — все это, несомненно, очень странно.

Французские шассеры ввели во французскую армию: 1) новую систему обмундирования и снаряжения: мундир, легкий кивер, поясную португую вместо портуши через плечо; 2) винтовку и умение ею пользоваться: современную систему стрелкового дела; 3) применение двойного шага на больших расстояниях, а также при перестроениях; 4) штыковое упражнение; 5) гимнастику и 6) вместе с зуавами — современную систему рассыпного строя. И если мы хотим быть искренними, то надо признаться: скольким же из этих явлений, поскольку они существуют в британской армии, обязаны мы французам?

Все же остается еще очень много, что надлежит усовершенствовать. Почему бы британской армии и не получить этой доли усовершенствования? Почему бы на северо-западной границе Индии даже

теперь не сформировать из действующих там войск целый корпус, способный сделать для английской армии то, что шассеры и зуавы сделали для французской?

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

*от 21 сентября и
5 и 20 октября 1860 г.*

Без подписи.

Артиллерия волонтеров.

Вопрос об артиллерии волонтеров имеет большое значение и должен быть всесторонне обсужден,—тем более, что то участие, которое должна принять артиллерия волонтеров в обороне страны, повидимому, еще до сих пор не определено с полной ясностью.

Итак, очевидно, что первый вопрос, который должен быть решен, это вопрос о точной сфере деятельности артиллерии волонтеров. Без разрешения этого вопроса никогда не будет однородной системы обучения в различных артиллерийских частях; так как наука об артиллерии содержит в себе самые разнообразные предметы, совокупность которых было бы трудно преподавать как теоретически, так и практически всем волонтерам — офицерам и рядовым солдатам, — то поэтому, в случае призыва, они явились бы с очень разнообразными понятиями о тех обязанностях, которые они должны были бы нести, и многие роты, получив определенное задание, не всегда смогли бы оказаться соответствующими своему назначению.

В нижеследующих заметках мы ни в коем случае не берем на себя смелости заявлять, чем должна быть или чем не должна быть артиллерия волонтеров; мы просто хотим указать на некоторые условия, при которых артиллерия волонтеров, точно так же, как и всякая другая артиллерия, должна формироваться, чтобы этим открыть дискуссию по поднимаемому нами вопросу, в результате которой должно быть достигнуто понимание точной сферы для деятельности артиллерийских частей волонтеров.

Вся артиллерия разделяется на полевую артиллерию, которая должна действовать вместе с пехотой и кавалерией в поле и должна быть снабжена конной артиллерией, и осадную или крепостную артиллерию, имеющую тяжелые орудия, находящиеся в неподвижных и защищенных батареях, для атаки или обороны укрепленных пунктов. Если в регулярной армии срок службы солдат и специальное научное образование офицеров дают возможность обучить всю часть обеим отраслям службы, по крайней мере настолько, что в случае нужды каждая рота сможет быть привлечена к исполнению тех и других обязанностей, то не так обстоит дело с волонтерами,

которые, как офицеры, так и солдаты, могут посвящать только лишь часть своего времени военному обучению. Во Франции, Австрии и Пруссии полевая артиллерия держится совершенно особо от гарнизонной или осадной артиллерии. Если таково положение вещей в регулярных армиях, то для этого несомненно имеются особые причины, которые должны действовать гораздо сильнее в армии волонтеров.

Сущность заключается в следующем: само по себе обращение с полевыми орудиями не настолько уже отлично от обращения с тяжелыми батарейными орудиями, чтобы средний рядовой солдат волонтерской роты не мог легко обучиться тому и другому. Но самый характер обязанностей офицеров в каждом случае настолько различен, что только специальное образование и продолжительная практика смогут подготовить их одинаково хорошо к исполнению обязанностей для обоих видов. В офицере полевой артиллерии главными достоинствами являются: умение быстро оценить военную ситуацию, правильная оценка местности и расстояний, совершенное знание свойств своих орудий, дающее ему возможность противодействовать атаке до последней минуты, не теряя ни одного орудия, многолетний опыт, указывающий ему на то, что можно потребовать от лошадей, и умение обращаться с ними на театре военных действий и, наконец, должная отвага, соединенная с благоразумной осторожностью. От офицера же гарнизонной или осадной артиллерии требуются: научные познания, теоретическое знание артиллерии во всех ее отраслях, — фортификация, математика и механика, — умение все использовать, терпеливое и неослабное внимание к возведению и исправлению разного рода земляных укреплений, а также к действию сосредоточенным огнем и, наконец, мужество, более стойкое, чем простая отвага. Дайте командование бастионом какому-либо капитану 9-фунтовой батареей, даже лучшему из них, и потребуются много тренировки, прежде чем он будет в состоянии хорошо справиться со своей работой; поставьте офицера, имевшего дело в продолжение нескольких лет только с осадными орудиями, во главе батареи конной артиллерии, и ему потребуются много времени, прежде чем он отделается от своей методичной медлительности и приобретет должную быстроту в действиях, требующуюся для нового рода оружия. Что же касается унтер-офицеров, у которых не будет научной подготовки, как у их начальников, тут трудность увеличивается еще более.

Из двух типов артиллеристов легче создать гарнизонного артиллериста. Гражданские инженеры обладают всеми предварительными научными познаниями, требующимися для этого дела, и быстро выучиваются прилагать к артиллерии те научные принципы, с ко-

торами они уже знакомы. Они скоро научаются обращению с различными механизмами, служащими для передвижения тяжелой артиллерии, устройству батарей и правилам фортификации. Поэтому они образуют тот контингент, откуда главным образом и должны набираться артиллерийские офицеры-волонтеры, специально пригодные для гарнизонной артиллерии. То же самое можно сказать относительно унтер-офицеров и простых канониров. Все, кто долго имеет дело с машинами, как то: инженеры, механики, кузнецы, являются лучшим материалом для артиллерии, и поэтому большие промышленные центры должны дать лучшие части. Учебная стрельба из тяжелых орудий невозможна внутри страны, но море не так уж далеко от наших ланкаширских и иоркширских находящихся внутри страны городов, чтобы нельзя было организовать поездок на берег моря для этой цели; кроме того, в тяжелых батареях, где после каждого выстрела видно падение снаряда и солдаты сами могут прекрасно корректировать стрельбу, действительная стрельба по цели не является вопросом такой большой важности.

Может быть сделано другое возражение против попытки иметь полевую артиллерию волонтеров — это высокая стоимость орудий и их конского состава. В самом деле, несколько рот, собравшись вместе, были бы в состоянии найти средства на приобретение лошадей для нескольких орудий в летние месяцы и затем обучаться по очереди на них, но все же надо признать, что ни из солдат, ни из офицеров не выработается настоящих полевых артиллеристов. Расход по снаряжению полевой батареи в шесть орудий считается обыкновенно равным расходу по снаряжению целого батальона пехоты; ни одна рота артиллерии волонтеров не сможет позволить себе подобных расходов и, принимая во внимание позор, сопряженный с потерей орудия на поле сражения, можно сильно сомневаться в том, что какое-либо правительство будет склонно, в случае вторжения неприятеля, доверить полевые орудия с лошадьми и ездовыми артиллеристами волонтерам на тех же основаниях, на которых волонтеры-стрелки снабжаются ручным оружием.

Как по этим, так и по другим соображениям, мы не можем не прийти к заключению, что настоящая сфера деятельности для артиллерии волонтеров — это комплектование ими тяжелых орудий для неподвижных береговых батарей. Попытки обучать волонтеров полевой артиллерии во внутренних городах неизбежно будут производиться для того, чтобы поддержать интерес к этому делу, и, без сомнения, ни офицерам, ни солдатам не повредит знакомство, поскольку это возможно, с легкими полевыми орудиями; но — на основании

нашего личного опыта с этими орудиями — мы сильно сомневаемся в реальных успехах этого в обстановке полевой службы. Все же волонтеры научатся многому, что будет им полезно при обращении с тяжелыми орудиями, и они сделаются достаточно сведущими в обращении с ними, коль скоро им придется иметь с ними дело.

Есть еще другой вопрос, о котором нам хочется упомянуть. Артиллерия гораздо более, чем пехота и кавалерия, является по своему существу оружием, требующим научных познаний, и как таковая она нуждается для получения хороших результатов в теоретических и практических познаниях офицеров. Мы не сомневаемся, что в скором времени «Руководство для артиллеристов» майора Гриффита будет в руках каждого офицера артиллерии волонтеров. Содержание этой книги показывает, с каким количеством разнообразных предметов должен ознакомиться артиллерийский офицер и даже унтер-офицер, прежде чем он сможет претендовать сколько-нибудь на знание своего оружия, а ведь эта книга представляет собою всего лишь краткие выдержки того, что должен знать искусный артиллерист. Кроме обычного обучения в ротах и батальонах, общего для пехоты и артиллерии, нужно знание множества различных калибров артиллерийских орудий, их лафетов и платформ, зарядов; дальноточности разнообразных снарядов; нужно знать устройство батареи, учение об осаде крепостей; постоянные и полевые укрепления; изготовление боевых припасов и пиротехнических средств и, наконец, знание орудия, которое в настоящий момент совершенствуется благодаря таким замечательным изобретениям, как введение нарезных пушек. Все эти предметы должны быть изучены как теоретически, так и практически, и все они представляются совершенно одинаково важными, ибо, если когда-либо волонтеры артиллерии будут призваны на действительную службу, они все равно окажутся бесполезными, раз не будут знакомы со всеми этими отраслями артиллерийской науки. Из всех волонтерских частей артиллерия является такого рода войском, где роль офицеров имеет особенно важное значение, и мы надеемся и уверены, что они напрягут все свои силы для того, чтобы достичь того практического опыта и теоретических познаний, без которых им будет многого недоставать в день испытания.

Напечатана

*в «Volunteer Journal»
for Lancashire and Cheshire»
от 13 октября 1860 г.*

Без подписи.

ИНЖЕНЕРЫ-ВОЛОНТЕРЫ.

С некоторого времени армия волонтеров уже имеет довольно многочисленную пехоту и артиллерию и небольшой состав кавалерии, а теперь начинает, наконец, создаваться и последняя отрасль военного дела — инженерная. В настоящее время вопрос об инженерах-волонтерах обсуждается очень широко, и он вполне заслуживает этого внимания.

Корпус королевских инженерных войск во всяком случае недостаточен для выполнения тех многочисленных задач, которые стоят перед ним как в метрополии, так и в колониях. А что же будет в случае войны или возможного вторжения? Многочисленные возводимые теперь укрепления, при посредстве которых порты будут окружены обширными укрепленными лагерями, потребуют тогда для своих гарнизонов значительного числа саперных офицеров и солдат; полевая армия, после включения в свои ряды призванных волонтеров, увеличится вдвое или втрое против настоящей своей численности и также будет нуждаться в известном количестве саперов для того, чтобы получить полную свободу действий против неприятеля. Без значительного увеличения корпуса королевских инженерных войск эта отрасль работы будет выполняться недостаточно хорошо или она должна выполняться заранее обученными для этого волонтерами.

Число саперов, которое должно быть придано полевой армии, в конце концов, не столь уж велико; на каждый корпус из двух дивизий (от 16 до 24 батальонов пехоты с соответствующим количеством кавалерии и артиллерии) совершенно достаточно придать три или четыре роты. Если предположить, что полевая армия будет состоять из 40 000 линейных войск, 20 000 милиции и 100 000 волонтеров — всего из 160 000 человек, или 200 батальонов, что составит от 8 до 10 корпусов, то для них потребуется около 30 саперных рот. Предположим, что 10 рот будут состоять из королевских инженерных войск, тогда 20 рот остается пополнить волонтерами. Такое же количество саперов-волонтеров потребовалось бы придать в помощь королевским саперам для обороны укреплений портов; таким

образом, около 40 инженерных рот явится тем количеством, которое необходимо для теперешних сил пехоты и артиллерии волонтеров. Если бы количество волонтеров было настолько увеличено, что позволило бы применять их для действия в поле, за вычетом находящихся в гарнизонах, т. е. было бы призвано более 100 000 человек, то тогда было бы достаточно иметь одного добавочного сапера на каждые 100 человек дополнительных стрелков; в общем потребовалось бы 200 саперов (или 3 роты) на каждый армейский корпус в 20 000 человек.

Следовательно, в настоящее время 40 рот или около 3 000 человек были бы тем максимальным числом саперов, которые желательно было бы набрать. Но для того, чтобы сделать их саперами не только по названию, но и на деле, придется затратить не мало энергии. Мы уже и теперь видим, что у артиллеристов-волонтеров большая часть времени посвящается ротной и батальонной муштре с карабином в руке, хотя вся эта работа служит только для парадных целей и никогда ни на одну иоту не будет применена ими в действующей армии при работе с полевыми орудиями и в укреплениях. И мы боимся, что то же самое случится и с саперами. Они прежде всего должны помнить о том, что каждый час, потраченный на ротную муштру, в течение которого им стремятся придать воинский вид, научить быстро и с готовностью исполнять приказания и приучить совершать походные движения в полном порядке, является для них потерянным временем; что на самом деле они должны были бы учиться совершенно другому и что от этого другого, а не от твердой маршировки, зависит их боеспособность. Они должны были бы познакомиться — как солдаты, так и офицеры — с основами полевой и постоянной фортификации; они должны были бы практиковаться в устройстве траншей и батарей и в проведении и исправлении дорог. Если бы нашлись средства, они должны были бы строить военные мосты, равно как и учиться минному делу. Есть опасение, что некоторые из этих отраслей инженерного дела могут быть изучены только теоретически, так как в Англии нет достаточного количества крепостей, а также понтонов, и не каждый волонтер может надеяться попасть в Портсмут или Чатам, чтобы изучить фортификацию или практиковаться в наведении понтонного моста. Но есть еще много других отраслей инженерного дела, которые каждая рота может изучать практически. Если бы саперная рота была сформирована здесь в Манчестере, мы могли бы показать им большое количество проселочных дорог, находящихся в таком же плохом состоянии, как и те, по которым походной колонне придется двигаться

на войне, и те, кто в них заинтересован, были бы, вероятно, только очень рады позволить им сколько угодно практиковаться в прокладывании дорог. Кроме того, не представило бы затруднений найти для саперов небольшой участок земли, на котором они могли бы строить некоторые полевые укрепления, рыть траншеи и возводить батареи, так как такой участок земли предоставил бы возможность артиллерийским и пехотным волонтерам практиковаться вместе на таких практических занятиях, которые при других обстоятельствах не могли бы быть пройдены. Они могли бы даже найти места, где было бы позволено перекинуть маленький мост на козлах через одну из тех рек с высокими берегами в нашей округе, которые дают прекрасную возможность возведения подобного рода мостов там, где дно этих рек имеет твердый грунт. Подобные упражнения, а равно и многие другие в том же роде, должны были бы составлять главную практику саперов: строевое ротное обучение следовало бы быстро пройти с самого начала, а затем вернуться к нему опять лишь тогда, когда часть вполне ознакомится со своими настоящими саперными обязанностями; тогда, во вторую зиму, вечера могли бы быть с выгодой использованы для муштры. Но если саперы с самого начала ставят себе целью соперничать со стрелками в маршировке и батальонных перестроениях в ущерб своему специальному обучению, если внимание инженерного офицера будет направлено больше к выполнению обязанностей пехотного офицера, чем к профессиональному образованию, тогда инженеры-волонтеры могут быть уверены, что во время войны они будут гораздо чаще использованы как пехотинцы, чем как саперы.

Найти действительно подходящих офицеров было бы не трудно, если бы они брались только из числа пригодных для такой деятельности, а именно из числа гражданских инженеров. Несколько месяцев теоретических занятий и поездка время от времени в Чагам, Портсмут или Альдершот очень быстро сделали бы их сведущими в большинстве отраслей военно-инженерного дела; военное обучение ими своих рот также помогло бы им в этом. Они будут учиться, обучая других. Собственная профессия побуждает их знать принципы военно-инженерного дела, и так как они *должны* быть интеллигентными и хорошо образованными людьми, то приложение этих принципов к военным предметам представило бы для них мало трудностей.

Мы читали в «Army and Navy Gazette» статью относительно некой огромной военно-инженерной организации, которая должна охватывать все железнодорожные линии страны, что обещает дать

большие результаты в случае вторжения неприятеля. Форма, в которой этот план преподнесен обществу, чрезвычайно неопределенна; пока мы не видим больших преимуществ, приписываемых этому плану, и скорее склонны думать, что здесь смешаны два совершенно разных предмета. Несомненно, что чрезвычайно важно изучение стратегической провозоспособности каждой отдельной железнодорожной линии королевства, так же как и всей железнодорожной сети в целом. Это настолько важно, что мы считали бы большой ошибкой, если бы это не было сделано ранее и если бы в архивах Главного штаба, так же как и в архивах различных командующих округами, не лежали очень пространные документы, заключающие в себе результаты этого изучения. Но это обязанность штаба, а не инженеров. От образования отдельных частей инженерных войск из машинистов, кочегаров, укладчиков рельс и землекопов на каждой железнодорожной линии мы не ждем больших преимуществ. Эти люди уже имеют, так сказать, военную организацию и более строгую дисциплину, чем любая часть волонтеров в стране. Ту работу, которая от них требуется как от инженеров-волонтеров, они способны выполнить в своем настоящем положении. Но что касается военного времени, то присутствие их на своих постоянных местах было бы значительно более необходимо, чем теперь, — поэтому, может быть, и нет никакой необходимости обучать их специальным отраслям военно-инженерного дела.

Эти замечания относятся только к плану, поскольку он был опубликован; если бы оказалось потом, что он носит другой характер, то мы тогда, конечно, должны изменить наше мнение. Тем не менее, нам, может быть, позволено будет указать на другую выгоду, которая может быть извлечена из многочисленных инженерных сил страны. Большинство армий имеет, кроме офицеров, — саперов и минеров, — некоторое количество офицеров-инженеров, не входящих в состав каких-либо рот и исполняющих специальные обязанности. Почему не дать возможность гражданским инженерам Англии подготовиться самим для этой службы? Колледж гражданских инженеров мог бы изыскать пути, чтобы осуществить эту цель. Несколько курсов лекций по военно-инженерному делу и короткий практический курс работы с инженерной ротой сделали бы все, что требуется; экзамен, строго ограниченный военными предметами и теми, которые были бы в этом случае абсолютно необходимы, мог бы стать главным испытанием для принятия в офицерский корпус волонтеров-инженеров, не входящих в состав частей; правительство, конечно, имеет возможность отстранить тех кандидатов, которые бу-

дут признаны неподходящими. Такие офицеры были бы очень полезны, потому что в данном случае все зависит от знаний офицера, и в случае надобности они с большим успехом могли бы выполнить с несколькими пехотинцами или артиллеристами-волонтерами под своей командой какую-либо работу, чем инженерные офицеры регулярных войск с одним или двумя отделениями линейной пехоты, приданными им для такого же рода работы.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

от 24 ноября 1860 г.

Без подписи.

СМОТР АНГЛИЙСКИХ СРЕЛКОВ-ВОЛОНТЕРОВ ¹.

Англия, как и Германия, вооружается для отражения бонапартистских наступательных планов; та же самая причина, в силу которой Пруссия удвоила число своих линейных батальонов, породила и британских стрелков-волонтеров. Поэтому немецкому военному обществу будет интересно получить некоторые более точные сведения о теперешнем состоянии и боеспособности британской армии волонтеров, так как эта армия в силу своего возникновения и по своей основной идее является врагом бонапартизма и союзником Германии.

За исключением нескольких батальонов, волонтерская армия ведет свое начало со второй половины прошлого (1859) года; большая часть ее обмундирована и обучена не больше года тому назад. В настоящее время ее численность достигает по спискам 120 000 человек; но если мы позволим себе вывести заключение из тех фактов, которые имеются налицо в некоторых округах, то увидим, что армия имеет не более 80 000 человек действительно боеспособных и обученных людей, на которых можно рассчитывать; остальные не

---

¹ В «Volunteer Journal» статье было предпослано следующее введение от редакции:

«Выходящая в Дармштадте «Allgemeine Militär-Zeitung», считающаяся одной из первых военных газет в Германии, поместила в номере от 8 сентября отчет своего корреспондента о смотре стрелков-волонтеров в Ньютоне и о волонтерском движении вообще. Нижеследующая статья является переводом этого отчета (сделанного специально для «Volunteer Journal»), который, несомненно, будет интересным для волонтеров Ланкашира и Чешира, и в особенности для тех, кто присутствовал на смотре. Как можно было ожидать, эта статья не состоит целиком из неограниченных похвал, к которым британская пресса обычно расточает как дань этому движению; однако характер газеты, о которой идет речь, должен быть достаточной гарантией того, что статья написана достаточно компетентным человеком, а сочувственный тон всей статьи доказывает, что автор не имеет склонности к необоснованному выискиванию недостатков. Что же касается предложенный, заключающийся в статье, мы предоставляем читателям самим составить себе мнение о них». *Ред.*

представляют никакого интереса, и было бы лучше их вовсе вычеркнуть из списков.

Организация этой армии чрезвычайно проста. Там, где в одном месте наберется от 60 до 100 волонтеров (в артиллерии от 50 до 80), они образуют роту, которая представляется на утверждение лорд-лейтенанта (Lord Lieutenant) данного графства. Волонтеры выбирают кандидатов в офицеры (капитана, поручика и прапорщика), которых лорд-наместник обычно и назначает в соответствующие роты, хотя бывали случаи и неутверждения кандидатов. Несколько рот могут формироваться в батальон, в этом случае лорд назначает майора и подполковника, в большинстве случаев согласно желанию или всех офицеров, или только старших из них, а именно — капитанов. Таким образом, есть части, у которых количество рот колеблется от одной до восьми и более, числящихся в соответствующих графствах в порядке своего формирования; подполковник назначается лишь в полный батальон, имеющий восемь рот. Все офицеры могут быть назначаемы из среды волонтеров, не подвергаясь никакому испытанию. Но адъютант должен быть офицером линейных войск или милиции, и только он один получает регулярное жалованье¹. Снабжение волонтеров обмундированием и т. п. производится на свой счет, но, по желанию, правительство ссужает их винтовкой и штыком. Цвет и покрой формы обмундирования определяются самими частями и представляются на утверждение лорда графства. Наконец, каждая часть должна сама заботиться об учебных плацах и стрельбищах, а также боевых припасах, инструкторах и музыке.

Мундиры различных пехотных или стрелковых частей в большинстве случаев темно-зеленого, темно- или светло-серого или коричневого цвета. Покрой представляет собой нечто среднее между французской и английской формой; в качестве головного убора они носят по большей части французское кепи или же фуражку французских или английских офицеров. Артиллерия одета в темно-синий цвет. Она ввела у себя, больше для внешнего вида, довольно неудобные и громоздкие меховые шапки или кивер (busby) конной артиллерии. Имеется также небольшое число конных стрелков, форма которых является подражанием форме английской кавалерии, но они представляют собою не более как предмет роскоши.

---

¹ В немецком тексте далее следует примечание: «К отпускаемому правительством содержанию в 180 фунтов большинство батальонов добавляет еще значительные суммы от себя; я знаю адъютантов из лейтенантов регулярной армии, получающих жалованье в 300 фунтов, или 2 000 талеров, и больше». *Ред.*

Когда впервые началась агитация за формирование этих стрелковых частей, вся затея сильно отдавала нашей национальной или гражданской гвардией; было много похожего на игру в солдатики; самый способ выбора офицеров¹, а также внешний вид и беспомощность некоторых из этих офицеров при исполнении своих служебных обязанностей были довольно забавны. Вполне понятно, что не всегда выбирались самые способные или даже те, которые наиболее сочувствовали волонтерскому движению. В течение первых шести месяцев почти все роты и батальоны производили на наблюдателя такое же впечатление, как и наша собственная покойная гражданская гвардия² 1848 года.

Таков был материал, который вручался унтер-офицерам для того, чтобы превратить его в боеспособные полевые войска. Обучение ружейным приемам и взводное учение проходило два или три раза в неделю, большей частью по вечерам, между семью и девятью часами, в закрытых помещениях при газовом освещении. Если представлялось возможным, то по субботам, после полудня, вся часть совершала короткий марш и производила ротное учение. Обучаться по воскресеньям было запрещено как по закону, так и в силу обычая. Инструкторами были сержанты и капралы³ линейных войск, милиции или пенсионеры-инвалиды; они же должны были готовить и офицеров для исполнения их обязанностей. Но английский унтер-офицер представляет своего рода прекрасный образец. В английской армии грубый язык и ругательства употребляются во время учения гораздо реже, чем в какой-либо другой; с другой стороны, там гораздо чаще применяются наказания. Унтер-офицер подражает офицеру, и таким образом его манеры гораздо выше по сравнению с нашими унтер-офицерами. Но он и не служит ведь ради перспективы получения впоследствии какой-нибудь мелкой должности на гражданской службе, как это практикуется у нас; он добровольно поступил на службу сроком на 12 лет, и повышение его даже до должности фельдфебеля (serjant-major) предоставляет ему значительное преимущество на каждой новой ступени сравнительно с предшествующей; в каждом батальоне одна или две

¹ В немецком тексте: «Кумовство (Klüngel) при выборах офицеров», после чего следует примечание редакции «Allgemeine Militär-Zeitung»: «Klüngel» — выражение, которое для многих наших читателей не вполне понятно, хотя наш корреспондент не забыл его в Манчестере. Оно древне-кельнского происхождения и означает связи наиболее знатных семей с городским полком». *Ред.*

² В немецком тексте: «гражданское ополчение» (Bürgerwehr). *Ред.*

³ В немецком тексте: «унтер-офицеры». *Ред.*

должности (адъютанта и казначея) большей частью замещаются старыми унтер-офицерами, а при службе в действующей армии каждый унтер-офицер имеет возможность прикрепить золотую звездочку к своему воротнику за отличие в действиях против неприятеля. Инструктора, вышедшие из состава этих унтер-офицеров, сделали в конце концов из волонтеров все, что из них можно было сделать в такое короткое время; они не только обучили их действиям в составе роты, но и дали элементарную подготовку офицерам.

Между тем, отдельные роты, по крайней мере в больших городах, сформировались в батальоны и получили адъютантов из регулярных войск. Английский младший офицер, подобно австрийскому, гораздо менее теоретически образован, чем немецкий офицер Северной Германии, но, подобно австрийцу, если он любит свою профессию, он превосходно усваивает свои обязанности. Среди адъютантов, перешедших из линейных войск в волонтерские, имеются лица, которые в качестве инструкторов не оставляют желать ничего лучшего; результаты, достигнутые ими за очень короткое время в своих батальонах, удивительны. Тем не менее, до настоящего времени лишь меньшинство войск волонтеров сведено в постоянные батальоны, — само собой разумеется, что эти последние стоят значительно выше по сравнению с прочей массой рот, не образующих батальонов.

11 августа волонтеры Ланкашира и Чешира организовали смотр в Ньютоне, на полпути между Манчестером и Ливерпулем, причем командование над ними принял командующий округом генерал сэр Джордж Уэзеролл. Собравшиеся волонтеры были из промышленных районов, расположенных около Манчестера; среди присутствовавших было очень мало людей из Ливерпуля или из соседних земледельческих округов Чешира. Если судить по нашему опыту рекрутских наборов в Германии, эти части должны были бы быть физически ниже среднего уровня, но не надо забывать, что значительное меньшинство волонтеров принадлежит к рабочему классу.

Почва ньютонского ипподрома, сама по себе достаточно рыхлая, еще более размякла от непрерывных дождей и сделалась очень неровной и весьма вязкой. По одной стороне ипподрома течет маленький ручеек, по берегам которого растет густой дикий терновник. Место как раз подходило для парада молодых волонтеров; большинство из них стояло по щиколку в воде и грязи, а лошади офицеров часто погружались в глину по самый мослак.

Прибывшие пятьдесят семь частей были разделены на четыре бригады; первая — в составе четырех батальонов, а остальные —

по три; каждый батальон — в составе восьми рот. Подполковники линейных войск командовали бригадами; офицеры-волонтеры были назначены командирами батальонов. Первая бригада развернула в одну линию три батальона, имея четвертый батальон, построенный в колонну, позади центра. Три остальные бригады стояли во второй линии, развернув девять батальонов — в ротных колоннах — в одну линию, на четверть дистанции между ротами, равнение направо.

После встречи генерала надо было произвести перестроение фронта налево, под прикрытием батальона, который стоял в колонне за первой линией. Для того, чтобы произвести перестроение, две центральные роты этого батальона вышли вперед и повернулись — одна направо, другая налево, после чего колонна прошла через образовавшийся таким образом проход, и четыре роты рассыпались в цепь вдоль ручья, а четыре составили резерв. Почва и кустарник были так мокры, что нельзя было ожидать от солдат правильного использования местности; кроме того, следует иметь в виду, что большинство волонтерских батальонов занималось до этого лишь азбукой рассыпного строя и полевой службы, а потому было бы несправедливо по отношению к ним применять слишком строгую меру оценки. Между тем, развернутая линия производила перемену фронта вокруг центра среднего батальона, как вокруг оси; две центральных роты среднего батальона сделали поворот на четверть круга: одна — двигаясь вперед, другая — назад, после чего остальные роты выравнивались по новому направлению. Два фланговых батальона образовали колонны на четверть дистанции¹, вышли на эту линию и снова развернулись. Можно себе представить, сколько времени занял этот сложный и довольно неуклюжий маневр. Одновременно правофланговый батальон линии колонн продолжал двигаться прямо вперед, пока не подошел в затылок новообразованного правого фланга первой линии; остальные батальоны, повернутые направо, следовали вдвоенными рядами до места, первоначально занятого правым батальоном; здесь они построили фронт, после чего каждый батальон следовал за предшествующим ему батальоном. Когда последняя колонна вышла таким путем на линию нового построения, то каждая из них, независимо друг от друга, сделала поворот налево и здесь вновь восстанавливала фронт линии колонн.

¹ В немецком тексте далее в скобках следует: «самая сомкнутая колонна, ккую знают англичане». *Ред.*

После этого из центра линии колонн выдвинулась вперед третья бригада; не доходя около 200 шагов до первой или развернутой линии, три батальона, в свою очередь, сами развернулись на надлежащей дистанции. Так как стрелковая цепь за это время продвинулась значительно вперед, то это дало возможность продвинуться и обеим развернутым линиям на несколько сот шагов, причем вторая линия сменила первую. Это достигается таким образом: обе линии поворотом направо сдвигают ряды; в первой линии голова колонны каждой роты делает заход направо; во второй линии голова колонны каждой роты делает заход налево, и таким образом обе линии проходят одна через фронт другой, после чего роты выстраиваются и вновь развертываются в линию. Это одно из тех перестроений учебного плаца, которые являются совершенно излишними там, где их можно производить, а там, где они необходимы, их, к сожалению, нельзя производить. После этого все четыре бригады были сведены в одну большую колонну, и войска прошли мимо генерала в развернутых ротных колоннах (от 25 до 35 рядов по фронту).

Мы не хотим критиковать здесь эту систему перестроений¹, которая несомненно покажется довольно устарелой нашим читателям. Одно очевидно, что какова бы ни была ее ценность для линейных войск с их двенадцатилетним сроком службы, она, конечно, совершенно непригодна для волонтеров, которые могут посвятить военному обучению лишь несколько свободных часов в неделю. Что в данном случае нас больше всего интересует, так это характер выполнения этих перестроений волонтерами, и мы должны сказать, что хотя кое-где и были легкие заминки, в общем же все движения были проделаны стройно и без путаницы. Самым несовершенным было захождение в составе колонны и развертывание, причем последнее исполнялось очень медленно; при выполнении обоих передвижений было видно, что офицеры не были достаточно подготовлены и не вполне еще освоились со своими обязанностями. Но, с другой стороны, наступление развернутым строем, — это главное и кардинальное движение британской тактики, — сверх всяких ожиданий было выполнено хорошо; англичане, кажется, проявляют исключительную способность к такого рода движениям и обучаются они им необыкновенно быстро. Церемониальный марш был произведен также очень хорошо, но забавнее всего то, что он происходил под проливным дождем. Было совершено несколько

¹ В немецком тексте: «этот вид элементарной тактики». *Ред.*

погрешностей против британского военного этикета, и, кроме того, по вине офицеров плохо держали дистанцию ¹.

Если не считать инсценированного боя, организованного в Лондоне некоторыми чересчур пылкими командирами волонтеров и выполненного довольно хаотично, то это был первый случай, когда большой отряд волонтеров производил перестроения, имевшие в виду нечто большее, чем простая парадная маршировка. Если мы примем во внимание, что большая часть войск, бывших в Ньютоне, состояла из частей, имевших каждая одну-две или самое большое три роты, что они не были сведены в постоянные батальоны, не имели офицеров из регулярных войск, обучались только унтер-офицерами и только время от времени сводились в батальоны, то можно сказать, что волонтеры сделали все, что только было возможно, и что они больше уже не стоят на одном уровне с нашей гражданской гвардией. Само собой разумеется, что части, сведенные в постоянные батальоны и руководимые адъютантами из линейных войск (адъютанты пока что являются фактическими командирами батальонов), проделывали всякие перестроения на смотре гораздо лучше, чем остальные.

Волонтеры в общем выглядели хорошо. Было, конечно, несколько рот, которые имели таких же слабых на вид людей, как французы; но прочие превосходили средний рост теперешних солдат британских линейных войск. Тем не менее, большинство волонтеров было неодинакового роста и различного объема в груди. Бледность, свойственная городским жителям, придавала большинству из них довольно неприятный, невоинский вид, но какая-нибудь неделя лагерной жизни все это быстро изменила бы. Форма одежды, у некоторых кое-где излишне разукрашенная, в общем производила очень хорошее впечатление.

Обучение первого года элементарным движениям так много сделало в смысле выучки волонтеров, что они могут теперь уже перейти к обучению рассыпному строю и стрельбе. Они будут значительно более пригодными для этих обоих видов работы, чем английские линейные войска, так что до лета 1861 г. волонтеры могли бы образовать вполне пригодную армию, если бы только их офицеры лучше знали свое дело.

В этом кроется слабая сторона всей организации. Офицеры не могут получить должной подготовки в течение того же срока и при

¹ В немецком тексте последняя фраза читается так: «хотя не обошлось без некоторых наивных нарушений довольно сложного английского военного этикета; лишь о соблюдении дистанции, опять-таки по вине офицеров, не могло быть и речи». *Ред.*

тех же средствах, что и рядовые. До сих пор считалось доказанным, что можно положиться на добрую волю и усердие масс, чтобы сделать из каждого человека достаточно подготовленного солдата. Но этого недостаточно для офицера. Мы уже видели, что даже при простых перестроениях батальона, захождениях в колонне, развертываниях, соблюдении дистанций (столь важных в английской системе перестроений, где развертывание колонн применяется очень часто) офицеры оказываются далеко не достаточно подготовленными. Что же с ними будет при полевой службе и в рассыпном строю, где оценка местности составляет все и где надо принять во внимание так много других сложных обстоятельств? Как можно доверить таким офицерам обеспечение безопасности армии в походе? Правительство обязало каждого офицера из волонтеров отправиться в Хайт, в стрелковую школу, по крайней мере на три недели. Пока и это хорошо, но это не выучит его ни вести дозор, ни командовать заставой. А ведь волонтеры будут главным образом использованы для службы легкой пехоты — именно для такого рода службы, которая требует весьма способных и наиболее надежных офицеров.

Если волонтерское движение должно к чему-либо привести, то это зависит от вопроса, который требует вмешательства правительства. Все роты, которые существуют еще в отдельности или сведены по две и по три, следует заставить объединяться в постоянные батальоны, с приглашением адъютантов из регулярных войск. Этим адъютантов следует обязать преподавать всем офицерам их батальонов правильный курс обучения элементарной тактике, службе легкой пехоты во всех ее отраслях и уставам в части внутреннего распорядка службы в батальоне. Этим офицеров надо обязать, кроме пребывания в Хайте, пройти по крайней мере трехнедельную службу в каком-нибудь лагере в линейном полку или милиции и, наконец, через некоторое время обязать всех пройти испытание, в котором они должны доказать, усвоили ли они, по крайней мере, наиболее необходимую часть своих обязанностей. Таков курс обучения испытания офицеров. Затем надо вести медицинское освидетельствование людей для того, чтобы исключить тех из них, которые окажутся физически непригодными для полевой службы (а таких не мало), и ежегодный пересмотр ротных списков с целью удаления тех волонтеров, которые не посещают занятий, а только играют в солдатики и не изучают своего дела; если бы это было сделано, то число в 120 000 человек, числящихся теперь по спискам, сократилось бы значительно, но мы имели бы армию в три раза более ценную, чем та, которая теперь насчитывает 120 000 человек на бумаге.

Вместо этого нам сообщают, что военные власти¹ заняты обсуждением такого важного вопроса — не было ли бы желательным, при первом же удобном случае, одеть всех стрелков-волонтеров в столь желанный² кирпичный цвет линейных войск.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»
от 14 сентября 1860 г.*

Без подписи.

---

¹ В немецком тексте: «военное министерство». *Ред.*

² В немецком тексте: «практичный». *Ред.*

ФРАНЦУЗСКИЕ ВООРУЖЕНИЯ.

По данным «Almanach de Gotha», являющегося наиболее авторитетным источником по данному вопросу, штаты военного времени французской армии на 1860 — 1861 г. определены следующими данными:

1. *Пехота*: гвардия — 12 гренадерских батальонов, 16 батальонов вольтижеров, 2 батальона зуавов, 1 батальон шассеров,— всего 31 батальон. Линейных полков—103 по 4 батальона,—всего 412 батальонов; 3 полка зуавов, 2 полка иностранного легиона, 3 полка тюрксов (или туземных алжирских стрелков) по 3 батальона в каждом, а всего 24 батальона; шассеров — 20 батальонов; зефиров или легких африканских (дисциплинарных) батальонов — 3; пожарных г. Парижа—1 батальон.

Всего 491 батальон в военное время, или	515 037 чел.
2. <i>Кавалерия</i> : гвардия — 6 полков, или 37 эскадронов; линейных войск—58 полков, или 358 эскадронов,—всего 395 эскадронов	100 221 »
3. <i>Артиллерия</i> : 22 полка — 227 батарей (из которых 146 шестиорудийных батарей,—всего 876 орудий—составляют полевую артиллерию)	66 007 »
4. <i>Инженерных войск</i>	15 443 »
5. <i>Обозы</i> : санитарные войска, интендантство	24 561 »
6. <i>Жандармов</i>	24 172 »
7. Штабы, инвалиды, военные школы и пр.	17 324 »

В с е г о . . . . . 762 765 чел.

Таковы штаты военного времени. Штаты мирного времени следующие:

Пехота	255 248 чел.
Кавалерия	61 023 »
Артиллерия	39 023 »
Инженерные войска	7 467 »
Обозы и т. д.	11 489 »
Жандармы, инвалиды и т. п.	41 496 »

В с е г о . . . . . 415 746 чел.

В январе 1859 г., незадолго до начала Итальянской войны, в «Constitutionnel» было опубликовано официальное положение о французской армии, согласно которому штаты военного времени

составляли 568 000 человек, а штаты мирного времени — 433 000 человек. Каким же образом оказалось возможным на протяжении двух лет увеличить штаты военного времени на 200 000 человек при фактическом сокращении штатов мирного времени?

Ежегодный контингент пригодных к несению военной службы молодых людей, которым может располагать армия, равняется, как и прежде, примерно 160 000 человек. Из них при Луи-Филиппе фактически призывалось от 40 000 до 60 000 человек, что считалось достаточным для сохранения численности армии, несмотря на потери в Алжире. Позже потребовалось призывать 80 000 и даже 100 000 человек и более. Империя, несмотря на заявление, что она означает собой мир, израсходовала в 2 раза больше пушечного мяса, чем конституционная монархия или республика. Срок службы установлен в 7 лет, но даже если предположить, что за последнее время призывалось ежегодно лишь 100 000 человек (что превышает среднюю цифру), это дало бы за 7 лет только 700 000 человек. А после того, как мы вычтем из этой цифры потери во время кампаний и по другим причинам, то остается едва 600 000 человек. Откуда же взялись остальные 163 000 человек?

Ответ на эти два вопроса находится в последних декретах французского императора. Перед Итальянской войной полки, формировавшиеся до тех пор из 3 батальонов по 8 рот в каждом, формируются из 4 батальонов по 6 рот в каждом. Таким образом, благодаря только изменению в распределении 24 рот, входящих в состав полка, получается 4 батальона вместо трех. Численность батальона имеет свой максимальный предел. Если в нем свыше 1 000 человек, то численность его становится слишком большой для того, чтобы один человек мог командовать им голосом, и такой батальон слишком громоздок для быстрого маневрирования. Но численность роты значительно более поддается изменению. Будет ли рота состоять из 100 или 250 человек, это вопрос выбора, а не необходимости. Создание вышеуказанным образом четвертых батальонов с тем же числом офицеров и унтер-офицеров дало возможность увеличить полк до 4 000 вместо 3 000 человек, как только были найдены нужные для этого люди. Во время войны численность полка равнялась трем боевым батальонам, четвертый же батальон составлял пункт формирования (*dépôt*). Таким образом, в эти четвертые батальоны линейных полков удалось вместить на 100 000 человек больше, чем это можно было сделать при прежних кадрах. После войны эти батальоны были расформированы, но недавно их снова восстановили. Было вновь сформировано три пехотных полка (101-й, 102-й и 103-й),

куда вошло еще 17 000 человек. Эти новые формирования дают при нашем подсчете 112 000 человек, а 51 000 человек, которых нам еще недостает для полного счета, вероятно, являются той цифрой, на которую армия вследствие прежних потерь уменьшилась в январе 1859 г. по сравнению с ее полной боевой численностью. Это показывает, что в настоящее время в одной только французской пехоте имеются кадры, достаточные для того, чтобы организовать громадное число людей, о которых мы говорили выше, не прибегая к новым формированиям. Но откуда взять людей для заполнения этих кадров?

От регулярных призывов за последние семь лет осталось непризванных в армию от 550 000 до 600 000 человек. Призыв одного года дает около 160 000 человек, пригодных к службе. Призыв одного лишь года освобождает в худшем случае 50 000 человек, а в случае надобности имеются молодые люди, которые за последние шесть лет были окончательно освобождены от военной службы благодаря тому, что вытянули льготные номера при наборе. Их можно было бы использовать по крайней мере в числе 300 000, но поскольку люди эти привыкли считать себя навсегда освобожденными от военной службы, так как часть из них поженилась, часть рассеялась по всей стране, в силу чего их трудно отыскать, — такая мера была бы и непопулярной и трудно выполнимой.

Откуда же Луи-Наполеон восполняет это недостающее ему число людей? Он делает это путем введения видоизмененной прусской резервной системы. Каждый год из 160 000 человек годных призывников, часть, скажем — половина, берется на вакансии, имеющиеся в постоянной армии. Остальные зачисляются в резерв, их формируют в специальные части и обучают первый год в течение двух месяцев, второй и третий годы — по одному месяцу. Они продолжают оставаться военнообязанными и могут быть призваны в течение семи лет так же, как и находящиеся в строю. Теперь мы имеем основание полагать, что если военные врачи не будут слишком строги при медицинском осмотре, — а во время войны они часто становятся чрезвычайно снисходительными, — то ежегодный контингент в 160 000 человек, пригодных к военной службе, мог бы быть при известном напряжении доведен до 200 000 человек, но пока мы не будем касаться этого вопроса. 160 000 ежегодно призываемых в течение семи лет дали бы армию в 1 112 000 человек, а за вычетом из них круглой цифры на потери остался бы полностью *1 миллион солдат*. Таким образом, мы видим, что благодаря новой, недавно введенной резервной системе войска Луи-Наполеона через несколько

лет численно настолько увеличатся, что перерастут штаты уже организованных частей. Однако это обстоятельство тоже предусмотрено. В будущем все четыре батальона полка будут боевыми батальонами, а пятый батальон формируется под названием учебного батальона под предлогом обучения резервистов. Эта новая организация обеспечивает место еще для 103 000 человек, увеличивая число людей, которые могут быть рационально вмещены в существующие постоянные кадры до 863 000 бойцов.

Не удовлетворяясь этим, французское правительство предполагает сформировать еще один гвардейский полк и 17 полков линейной пехоты. Эти 18 полков дают 90 новых батальонов, или 90 000 человек.

Таким образом, судя по тому, что известно даже теперь, мы уверены, что до конца текущего года французская армия будет организована таким образом, что сможет свободно вместить в своих батальонах, эскадронах и батареях не менее 953 000 человек. Что же касается людей, которыми будут пополняться эти формирования, то мы видим, что около 700 000 человек можно найти даже и в этом году, не прибегая к призывникам, освобожденным в предшествующие годы. Но если будет принята всеобщая воинская повинность для прохождения службы либо в строю, либо в резерве, то будет достаточно легко применить тот же принцип к лицам, освобожденным от воинской повинности за последние шесть лет (Наполеон в свое время неоднократно делал это), и тогда без всякого сомнения все 953 000 человек скоро будут собраны.

Итак, мы видим, что человек, непреднамеренно вызвавший волонтерское движение, отвечает на него тем, что спокойно и без шума организует миллионную армию и в то же самое время строит двадцать бронированных фрегатов — возможно для того, чтобы сопроводить часть этой армии через Ламанш.

Напечатана

*в «Volunteer Journal»
for Lancashire and Cheshire»
от 2 февраля 1861 г.*

Без подписи.

ГЕНЕРАЛЫ-ВОЛОНТЕРЫ.

Волонтерскому движению до сих пор не доставало одного — разумной и справедливой, но в то же время откровенной и честной критики со стороны компетентных лиц, не принадлежащих к этому движению. Волонтеры были до такой степени любимцами общества и прессы, что такая критика сделалась абсолютно невозможной. Никто не стал бы слушать ее, всякий признал бы ее несправедливой, неблагородной и несвоевременной. Недостатки волонтеров почти всегда обходились молчанием, тогда как за все, что каждая часть выполняла более или менее удовлетворительно, они превозносились до небес. Беспристрастное мнение людей, даже мягко выраженное, вызывало резкое осуждение. Всюду, где им приходилось высказываться о той или иной операции волонтеров, они всегда рисковали прослыть самонадеянными выскочками, если только они не рсточали грубую лесть или незаслуженную похвалу. Как часто волонтеров оскорбляли глупыми льстивыми фразами о том, что они способны сражаться против любой армии в мире! Сколько раз им говорили, что никакая линейная дивизия не могла бы действовать лучше, чем действовали они в Гайд-парке, Эдинбурге, Ньютоне или Ноусли!

Теперь, оставив в стороне такую бессмысленную лесть, которая во всякое время показалась бы нелепой, мы вполне готовы признать, что волонтерам сначала надо было дать достаточно времени для опытов, прежде чем составить верное мнение об их пригодности. Но время для этого уже давно прошло. Если после двухлетнего существования волонтерское движение все еще не выносит критики, то оно никогда не будет в состоянии примириться с ней. По нашему мнению, большие смотры прошлого лета являются переходным периодом от детской стадии развития этого движения к юношеской стадии. Этими смотрами сами волонтеры вызвали против себя критику, однако эта критика, за одним или двумя исключениями, не высказывалась публично теми, кто должен был бы это сделать.

Результаты отсутствия честной и откровенной критики при наличии в то же время грубой лести теперь достаточно очевидны.

Едва ли найдется хотя бы одна волонтерская часть, существующая 18 месяцев, которая втайне не убеждена в том, что она находится по своей подготовке на должной высоте. Рядовые волонтеры, пройдя лишь простейшие виды батальонных перестроений, — обучение рассыпному строю на ровной местности и небольшую тренировку в стрельбе из винтовок, — спешат заявить, что они могут справляться со всем этим с таким же успехом, как и линейные войска. А что думают о себе офицеры, видно из погони за производством в капитаны, майоры и подполковники, погоне, которая происходила почти в каждой части. Всякий считал себя вполне пригодным для любой должности, которой бы ему удалось добиться, а так как в большинстве случаев люди несомненно выдвигались не по заслугам, то не следует удивляться тому, что очень часто они совершенно не соответствовали занимаемым ими должностям. Офицеры и рядовые так твердо верили тому, что называли совершенным в их действиях благосклонные к ним пресса и общество, что стали смотреть на военное искусство как на дело необычайной легкости. И еще удивительно, как их собственное наскоро испеченное совершенство не заставило их смотреть на регулярную армию, состоящую из прошедших длительный срок обучения офицеров и солдат, как на совершенно лишнюю в стране, где прекрасные солдаты могут быть сфабрикованы гораздо проще по волонтерскому принципу.

Первым явным доказательством вреда, причиненного волонтерскому движению его друзьями в прессе, были маневры, происходившие прошлым летом в Лондоне. Несколько предприимчивых полковников из волонтеров решили, что настало время показать своим солдатам, что представляет собою бой. Конечно, многие сведущие люди из регулярных войск покачивали головой, но на них не обращали внимания. Ведь эти «регулярные» относились недоброжелательно к волонтерскому движению: они завидовали волонтерам, успех смотра в Гайд-парке чуть не свел их с ума, они боялись, что маневры волонтеров превзойдут все прежние маневры регулярной армии и т. п. Разве волонтеры не прошли устав? Разве они не обучались взводному и батальонному учениям и рассыпному строю? А их офицеры, хотя еще только недавно были простыми штатскими, не были ли они теперь опытными капитанами, майорами и полковниками? Почему бы им не командовать бригадой или дивизией так же удачно, как и батальоном? Почему бы им не поиграть немножко в генералы, раз они с таким успехом действовали, будучи в более низких чинах?

Маневры прошли так, что по всем отчетам это было настоящей

комедией. Маневры производились с полнейшим пренебрежением к рельефу местности, без малейшего внимания к действию огня, с крайне нелепыми преувеличениями всех элементов нереального, присущего всяким маневрам. Волонтеров это ничему не научило; они унесли с собой понятия, совершенно противоположные действительному ходу боя, пустой желудок и усталость в ногах. Последние два обстоятельства можно, пожалуй, считать единственными результатами маневров, принесшими какую-либо пользу начинающим свою военную карьеру воинам.

Такое ребячество было простительно в детской стадии развития этого движения. Но что сказать, если к подобным попыткам возвращаются в настоящее время? Наши неутомимые лондонские самодельные генералы-волонтеры опять за работой. Их лавры прошлого лета не дают им покоя. Маневры обыкновенного масштаба уже не удовлетворяют их честолюбие. На этот раз должен быть проведен решающий бой. Армия из 20 000 волонтеров будет переброшена из Лондона на южное побережье, отразит вторжение и возвратится в Лондон в тот же вечер, чтобы быть в состоянии приступить к своим обычным делам на следующее утро. Все это, по справедливому замечанию «Times», без всякой предварительной организации, без штаба, интендантства, сухопутного транспорта, полкового обоза и — и даже больше — без ранцев и всего того необходимого для похода, что солдат регулярной армии носит в ранце! Однако это лишь одна сторона вопроса; она является только поразительным доказательством той невероятной самонадеянности, которой наши генералы-волонтеры имеют счастье обладать. «Times» не задается вопросом, как приобрести простые тактические знания и овладеть искусством водить войска. А ведь это вопрос не меньшей важности. Обучение волонтеров до сих пор проходило только на ровной местности; но поля сражения представляют собой нечто иное, чем ровную и непересеченную местность, и как раз использование этой пересеченной и волнистой местности составляет основу всей прикладной тактики, всего искусства расположения войск в бою. Теперь спрашивается, откуда же генералы, полковники и капитаны из волонтеров знают это искусство, которое необходимо изучать как теоретически, так и практически? Где их обучали этому искусству? На эту основу прикладной тактики обращалось так мало внимания, что мы не знаем ни одной части, которая была бы обучена на практике рассыпному строю на пересеченной местности. Во что же, в таком случае, превратятся все эти попытки маневрирования, как не в представления, которые, может быть, и удовлетворяют невежественных зрителей, но

будут безусловно бесполезны для людей, вынужденных участвовать в них, и которые не могут не способствовать тому, чтобы представить волонтерское движение смешным в глазах военных, присутствующих на таком спектакле.

К нашему удивлению, мы видим, что даже в деловом Манчестере сделана попытка сфабриковать генералов-волонтеров. Мы, несомненно, не так далеко ушли вперед по сравнению с нашими друзьями лондонцами; у нас не будет маневров, а лишь полевые занятия при участии всех манчестерских волонтеров, что-то, повидимому, вроде смотра в Ньютоне, причем эти занятия должны быть проведены на сравнительно ровной местности. Здесь мы хотим пояснить, что мы не только не порицаем этих попыток организации полевых учений, но, наоборот, считаем, что полдюжина таких тактических упражнений каждый год принесла бы манчестерским волонтерам большую пользу. Мы хотели бы лишь добавить, что было бы желательным, чтобы эти упражнения проходили на местности, несколько более пересеченной, с целью внесения в маневры (против предполагаемого противника) большего разнообразия, а также постепенного развития у офицеров и солдат навыков маневрировать на пересеченной местности. Такие маневры дали бы адъютантам прекрасную возможность впоследствии, на офицерских учебных занятиях, увязать их с рядом практических уроков на тему о способе использования местности во время боя. Таким образом, мы не только одобряем этот план, но желали бы даже увидеть его в расширенном и более организованном виде. Между тем, из статьи, появившейся в прошлом воскресенье в местной газете, мы узнаем, что на этих маневрах волонтеры все будут делать своими силами. Другими словами, у них будет волонтер — главнокомандующий, волонтеры — бригадные генералы и волонтерский штаб. Здесь, таким образом, мы имеем попытку импорта в Манчестер лондонской системы фабрикации генералов-волонтеров, и против этого мы решительно возражаем. Относясь с должным уважением к офицерам, командующим полками в Манчестере, мы говорим, что им еще многому надо научиться, — здесь мы не делаем никаких исключений, — прежде чем они станут действительными командирами батальонов. Если же, еще не оправдав ответственности, уже взятой на себя, они стремятся принять хоть на один день высшее командование, то мы утверждаем, что они этой своей игрой в солдатики причиняют величайший вред волонтерскому движению и унижают его. Находясь во главе своих батальонов, они были бы на своем месте, смогли бы посмотреть за своими людьми и сами бы чему-нибудь научились.

В качестве же поддельных (Brummagem) генералов они не принесли бы реальной пользы ни своим людям, ни самим себе. Честь и слава нашим манчестерским полковым адъютантам, главная заслуга которых состоит в том, что их полки стали такими, какими они есть в настоящее время, но их место в их собственных полках, где пока без них нельзя обойтись, и, наоборот, они не принесли бы никакой реальной пользы этим полкам, если бы хоть на один день стали разыгрывать роль адъютанта, генерала или бригадного майора, что и лично им, наверное, не дало бы особого удовлетворения.

Когда в Манчестере мы имеем штаб Северной армейской дивизии с многочисленным и опытным личным составом и когда здесь расквартированы пехотный и кавалерийский полки, мы определенно считаем, что нет никакой надобности прибегать к таким необычным шуткам. Мы полагаем, что было бы более удобным, как в отношении военной субординации, так и в интересах самих волонтеров, не собираться в таком количестве и в полном вооружении, не предоставив руководства командующему округом, равно как и право выбора им по своему усмотрению и назначения штабных и строевых офицеров для дивизии и бригад. Несомненно, волонтеры были бы встречены таким же дружеским образом, как и прежде. У них были бы тогда во главе дивизии и бригад люди, знающие свое дело и способные устранить ошибки, если таковые будут иметь место, и они также сохранили бы несломленной свою собственную организацию. Это мероприятие исключало бы то, чтобы полковники действовали в качестве генералов, майоры — в качестве полковников, а капитаны — в качестве майоров; оно принесло бы огромную пользу тем, что устранило бы фабрикацию в Манчестере поддельных генералов, созданием которых Лондон приобретает теперь незавидную славу.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»
от 16 марта 1861 г.*

Без подписи.

БРАЙТОН И ВИМБЛЬДОН.

Действия волонтерских частей Лондона и его окрестностей в пасхальный понедельник, кажется, полностью подтвердили наши предположения, изложенные в статье «Генералы-волонтеры». Попытка лорда Ренлафа собрать под своим командованием на один день всех волонтеров своего округа сразу вызвала раскол между различными частями. Конкурирующий кандидат на пост главнокомандующего явился в лице лорда Бери; маневрам в Брайтоне он противопоставил однодневное полевое занятие в Вимбльдоне. Разлад среди различных частей был велик, и следствием этого было то, что одни пошли в Брайтон под начальство лорда Ренлафа, другие — в Вимблдон под начальство лорда Бери, третьи — в этот же пункт, но не подчиняясь никому, некоторые — в Ричмонд, а некоторые — в Уэнстед. От одного этого рассеивания вреда еще не было бы. Каждая часть совершенно не зависит от другой и имеет право использовать праздники по своему желанию. Но от этих резких споров, личных пререканий и проявлений враждебности, которые предшествовали этому расколу и которые, наверное, продлятся еще некоторое время, должен был получиться и получился большой вред. Командиры присоединились либо к одной, либо к другой стороне; их солдаты приняли также участие в этом, но не всегда вместе со своими командирами, так что большинство лондонских волонтеров расколосось на две больших партии — группировку Ренлафа и группировку Бери. Очень большое количество солдат из частей, получивших распоряжение явиться в Вимблдон, явилось в Брайтон без оружия, но в форме, с целью протестовать против решения и распоряжения своих непосредственных начальников; и лорд Ренлаф, изумительно благосклонно отнесясь к этому выражению симпатии, сформировал из них даже временный батальон и с изысканным военным вкусом, до сих пор не встречавшимся ни в одной армии, разрешил им пройти церемониальным маршем наравне с его собственными солдатами. Так, по крайней мере, сообщает «Daily Telegraph».

Но какое право, спросим мы, имеют лорд Ренлаф или лорд Бери выдвигать сами себя в качестве кандидатов на чин волонтерских

генералов и этим вызывать раздор в частях, действовавших до сего времени совместно? Оба эти офицера служили в регулярных войсках; если у них было честолюбивое желание стать генералами, то в их распоряжении был обычный для всех путь добиваться этого положения; и благодаря своему социальному положению они имели в десять раз больше шансов, чем большинство их товарищей. Они очень хорошо знали, когда поступали в волонтерские части, что высшим чином, допускаемым в этих войсках, является чин подполковника; что если волонтеры будут когда-нибудь призваны к действию, то они будут сведены в бригады вместе с линейными и милиционными войсками и поставлены под командование линейных бригадных генералов; что самая природа британской военной организации делает невозможным назначение генералов из какого-либо другого вида войск, кроме как из линейных. Добиваясь положения временных волонтерских генералов, они стремятся к таким должностям, на которые ни они, ни всякий иной волонтерский офицер никогда не будут назначены и которые они и не могут занимать из-за отсутствия опыта в управлении большими массами войск. Но если они только из-за того, чтобы в течение одного дня «сыграть в генералы», расстраивают единство между различными частями своего округа и рискуют нанести движению серьезный ущерб, то они заслуживают тем более сурового и недвусмысленного осуждения.

До сих пор при всех крупных сборах волонтеров было традицией предлагать пост главнокомандующего и право назначения бригадных и дивизионных генералов командующему войсками округа. В нашей предыдущей статье мы говорили, что мы полностью одобряем этот порядок как соответствующий военному этикету и субординации и обеспечивающий получение годных командиров. Теперь мы видим, что это нечто большее. Если бы командование пасхальными сборами было поручено соответствующим военным властям, раскола бы не получилось и мы были бы избавлены от всех этих пререканий. Но лондонские командиры, повидимому, вдохновили своих солдат в высшей степени нелепым страхом перед Главным штабом. «Ради бога, не допускайте Главный штаб!» — такова их мольба. Мы на севере не были такими партикуляристами. Мы всегда были в превосходных отношениях с нашими настоящими военными начальниками и извлекли из этого пользу; мы надеемся также, что останется в силе прежняя система, которая избавит нас от этих смешных ссор, разъединяющих в данное время лондонские войска.

Насколько недоверчивы были лондонцы к Главному штабу,

показывает шум, вызванный присутствием в Брайтоне генерала Скарлетта, который был командирован Главным штабом для доклада о ходе дела. Мудрецы из различных частей самым серьезным образом покачивали головами. Посылка сюда этого генерала была попыткой Главного штаба «вбить клин». Предсказывались самые ужасные последствия, если бы допустили провести это как нормальное явление. Волонтеры должны протестовать и действительно было предложено заявить, что генерал Скарлетт не имеет права на салют, который полагается только лорду-наместнику графства. Вопрос был в конце концов разрешен тем, что они появились оба сразу и совместно принимали салют. Но тот факт, что такие вопросы могли быть предметом дискуссии, показывает, до какой степени некоторые волонтеры не понимают своего положения.

Таким образом, мы видим, что ни в отношении дисциплины внутри частей, ни в отношении субординации или хотя бы уважения к старшим офицерам этот пасхальный сбор не послужил на пользу лондонским волонтерам.

Обращаясь к различным фазам полевых маневров, мы должны предупредить, что мы можем исходить только из сообщений лондонской прессы, которые чрезвычайно неполны и неясны в отношении военных деталей; поэтому, если у нас будут ошибки в фактах, это не может быть нам вменено в вину.

Пять бригад лорда Ренлафа, пройдя церемониальным маршем, заняли позицию к востоку от Брайтона фронтом к городу. Эти бригады были очень небольшими, каждая насчитывала 3 батальона по 400 человек в среднем; этими силами нужно было занять ряд высот, слишком обширных для такого небольшого количества. В данном случае, если 7 000 человек принимают бой, предполагается, что неприятель имеет не слишком большое численное превосходство, так как в противном случае войска отошли бы к своим резервам. Следовательно, командир расположил бы свои войска, как обычно, в первой и во второй линии и в резерве, обеспечивая наилучшим образом свой фланг и поручив своим резервам и главным силам (расположение которых предполагается у него в тылу) отражение всяких обходных движений со стороны неприятеля. Но, как видно почти из всех сообщений, лорд Ренлаф растянул все свои 7 000 солдат в одну единственную линию! У него была программа, разработанная для количества в три раза большего, а так как пришло лишь 7 000 вместо 20 000, то он занял этим малым числом людей весь фронт участка, который был предназначен для ожидавшегося большего числа. Если это им было действительно сделано, то этим раз

навсегда заканчиваются претензии лорда Ренлафа на чин генерала, волонтерского или иного. Мы меньше всего склонны думать, чтобы он совершил такую нелепость, но мы никогда не видели такого почти единодушного сообщения обычно разноречивой прессы и поэтому должны поверить, что это было именно так. Нам даже сказали, что небольшой резерв из нескольких рот *был*, но что две трети из них были сразу вызваны в первую линию, так что на поле действий едва ли был даже намек на вторую линию или резерв.

Эта первая линия со своей *предполагаемой* второй линией и *предполагаемым* резервом была атакована предполагаемым неприятелем, который был встречен одиночным огнем стрелков и после этого был отброшен шереножной стрельбой рот правого фланга. Почему волонтеры обучались шереножной стрельбе во время маневров, трудно сказать. Мы полагаем, что все солдаты, которые были на военной службе, согласятся с нами, что шереножная стрельба, находившая некоторое применение в те времена, когда шеренги двигались вперед маршировкой (*at the goose step*), теперь совершенно устарела, что она никогда не принесет никакой пользы при наличии перед фронтом неприятеля и что промежуточное звено между огнем одиночных стрелков и залпом нецелесообразно.

Воображаемый противник прорвал оборонительную линию. Как были изображены действия второй линии и резервов (которые, в конце концов, *предполагались* для поддержки первой линии), мы понять затрудняемся. Батальоны должны были представить себе, что они не только были отброшены, но что им была и оказана помощь. Вторая линия холмов в тылу затем занята и потеряна, но когда наступил третий этап операции и появились воображаемые подкрепления, неприятель был отброшен, но серьезно не преследовался.

«Times» нам говорит, что производившиеся движения были самого простого порядка. Ниже мы приводим данные, которые корреспондент «Telegraph» получил от офицера и которые являются донесением о маневре его батальона:

«Прибыв в строю по четыре в ряд, шеренги образовали перед фронтом № 1 колонну с дистанцией в одну четверть; колонна стала заходить влево и снова развернулась на № 1, продвинулась в линию, прикрываемой № 1, и остановилась, после чего был дан сигнал к сбору и начали действовать одиночные стрелки; огонь справа от рот; линии дан приказ отступать, и она отошла в тыл по четыре в ряд с крайнего правого фланга рот; фронт перестроился в колонну; образовал колонну с дистанцией в одну четверть сзади № 1; взводами прошел вокруг центра; развернулся для захождения на дистанцию из тыла; зашел налево вперед в линию и дал залп; продвинулся в ротных колоннах справа вдоль тыла; выстроился в шеренгу с № 1;

образовал колонну впереди № 1 с дистанцией в одну четверть, развернулся на № 2; затем № 1 продвинулся на линию фронта, и остаток зашел направо вперед; образовал колонну сзади № 1 с дистанцией в одну четверть, по четыре налево, и таким образом батальон оставил холм».

Из того способа, каким были выполнены эти движения, мы знаем только, что, как обычно это было у волонтеров, дистанции очень часто терялись, и роты, при построении линии, приходили порознь.

В Вимбльдоне лорд Гровенор маневрировал своим батальоном ранним утром и выступил, когда прибыли две бригады лорда Бери (менее 4 000 человек). Эти бригады произвели очень простое построение, но очень хорошо приспособленное для того, чтобы дать солдатам представление о действиях и перестроениях, которые будут иметь место в случае настоящей войны. Все это так хорошо изложено в обращении полковника Мак-Мердо, что мы только должны добавить, что и здесь мы встретились с шереножной стрельбой, примененной для заполнения времени между отступлением одиночных бойцов и открытием огня залпами — вещь, которую мы самым решительным образом считаем ошибочной во всех отношениях. Герцог Веллингтон скорей позволил бы своим солдатам растянуться в такие моменты на земле, чем встать для того, чтобы быть расстрелянным артиллерией и вернуться к слабому, неэффективному и их самих деморализующему шереножному огню.

В отношении всего остального мы полностью разделяем мнение полковника Мак-Мердо, высказанное им в его великолепном обращении, которым мы и заканчиваем эту заметку. Мы надеемся, что все волонтеры обратят внимание и поразмыслят над тем, что он говорит о ротном учении. Первоначальное обучение волонтеров должно быть в силу необходимости менее совершенным, чем обучение регулярного солдата, но тем не менее оно имеет громаднейшее значение в вопросе придания батальонам устойчивости. Только величайшее внимание к ротному учению может до известной степени восполнить этот неизбежный дефект.

Полковник Мак-Мердо говорит:

«Волонтеры! Понимающим людям нет необходимости детально разъяснять тех движений, которые вы произвели сегодня, но я считаю необходимым обратить ваше внимание на характер тех двух позиций, которые вы занимали во время выполненных вами полевых движений. Первая позиция, которую вы занимали, была безусловно очень сильной позицией — столь сильной, что две трети неприятеля оказались бессильны против нее. Его кавалерия не смогла бы действовать успешно, его артиллерия оказалась бы не в состоянии нанести вам вред, кроме как навесным огнем. Предполагалось, что неприятель, обнаружив слишком большую силу этой позиции, попытается достичь плато, на котором мы теперь находимся,

путем обхода нашего фланга вверх по одной из тех длинных долин в направлении к Вимбльдону. Следовательно, оказалось необходимым, чтобы вы оставили сильную позицию, которую вы прежде удерживали, путем перестройки вашего фронта налево. Неприятель имел в виду двойную цель. Он хотел напасть врасплох на ровный, открытый участок, благодаря чему он мог пустить в ход как свою артиллерию, так и кавалерию и пехоту; он хотел также обходом вашего левого фланга достичь Вимбльдонской дороги, по которой он мог идти срывом ваш фронт на Лондон. Моим желанием является указать вам на разницу в обеих позициях, которые вы удерживали. Совсем иное дело, когда вы находились вдоль этого неровного гребня холма, где вас не могла достать ни кавалерия, ни артиллерия. Там вы остановили неприятеля, и там любое число смелых солдат остановило бы неприятеля; но здесь вы оказались, так сказать, как бы на бильярдном столе, где вы можете подвергнуться операциям со стороны, быть может, самых лучших войск в Европе. При построении линий я здесь заметил, что некоторые батальоны были немного неустойчивы. Я их в этом не упрекаю, так как они до сего времени имели очень мало практики. До сих пор они были неустойчивы; и если они были неустойчивы сегодня при занятии линии, то что же получилось бы, если бы эта равнина сметалась огнем неприятельской артиллерии, если бы вы изнемогали от жажды, многие ваши товарищи падали бы вокруг вас и если внезапно, среди пыли и дыма, вы почувствовали бы, как сама земля затряслась под вами от стремительной атаки неприятельской кавалерии? Подумайте, как легко при таких обстоятельствах оказаться неустойчивыми молодым войскам. Что же может преодолеть все это? Дисциплина и только дисциплина. Под термином «дисциплина» я не имею в виду исправление дурного поведения, я разумею обычное соединение, сочетание духа и тела, направленное к осуществлению определенной цели, — то сочетание духа и тела, которое приводит в действие всю совокупность и заставляет роту, батальон или бригаду действовать подобно машине. И вот, это может быть достигнуто только ротным учением; это может быть достигнуто только уделением большого внимания одиночному обучению, так как я рассматриваю роту как определенную единицу армии, и если единичные бойцы хорошо обучены и стойки, то и рота будет стойкая, и стойкой будет вся армия. Все, чему вы научились путем стрельбы, все ваше рвение, весь ваш патриотизм окажутся бесполезными в день битвы, если у вас не будет полного знания ротного учения. Помочь может ротное учение, и только оно, и поэтому я прошу вас подумать над тем, что отличная стрельба — это еще не все, что у вас ничего не получится до тех пор, пока вы не приобретете совершенной устойчивости при построении под огнем неприятеля. Джентльмены, вам досталась сегодня тяжелая работа на сырой почве, и поэтому я не хочу вас больше задерживать, предоставляя вам возможность разойтись по домам, которые вы с таким успехом способны защищать».

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»
от 6 апреля 1861 г.*

Подпись: Ф. Э.

РОТНОЕ УЧЕНИЕ.

В предпоследнем номере нашего журнала мы обратили особое внимание волонтеров на замечания полковника Мак-Мердо о ротном учении. Теперь мы вновь возвращаемся к этому вопросу, полагая, что настало время, когда важность ротного учения должна быть в полной мере оценена каждым стрелком в стране.

На-днях нам представился случай быть свидетелями батальонного учения одной волонтерской части, которая, в общем, стоит безусловно выше среднего уровня среди войск этого округа в отношении числа обучающихся, хорошего выполнения учения, внимательного отношения к своим обязанностям со стороны офицеров и, следовательно, по боеспособности в целом. К нашему большому удивлению, мы нашли очень незначительный прогресс по сравнению с тем, что мы видели в этой же части каких-нибудь шесть месяцев тому назад. Батальонные перестроения производились несколько лучше, чем в конце прошлого сезона, но ружейные приемы и взводные перестроения производились крайне неряшливо. Даже в приеме держать ружье «на плечо» каждый выглядел так, точно он не сознавал, что должен действовать совместно с 400 человеками, находящимися от него справа, слева и сзади. При изготовке и прицеливании каждая винтовка, казалось, гордилась тем, что принимала определенное положение независимо от своих целей; а совершенно спокойное пренебрежение к «раз-два!» или «раз-два-три!», которыми должно характеризоваться выполнение всякой команды, было, казалось, обычным явлением.

В одном углу казарменного двора, на котором это происходило, нам случайно удалось увидеть взвод линейного полка, построенный для учения под командой сержанта. Мы полагаем, что это была отстающая группа батальона новобранцев, построенная для добавочного учения. Но какая разница! Люди стояли, как статуи, ни один сустав не двигался, пока не подавалась команда, и тогда двигались только те органы, которые должны были выполнять команду, — остальные части тела оставались совершенно неподвижными. Когда команда доходила до их слуха, каждое ружье двигалось одновременно

с другими, каждое движение, на которое расчленилось выполнение команды, было совершенно отчетливым и производилось всеми в одно и то же время! Действительно, весь взвод двигался как один человек. Джентльменам, которые так любят хвастать тем, что волонтеры могут выполнять все так же хорошо, как и линейные войска, не мешало бы немного познакомиться с линейными войсками; тогда они скоро увидели бы, что между самыми лучшими волонтерами и наиболее плохо обученным линейным полком до сих пор существует огромная разница.

Но какая польза,— могут сказать,— для волонтеров в таком совершенстве строевого обучения? Они не предназначены для этого, от них нельзя этого и ожидать, да оно от них и не потребуется. Несомненно, все это совершенно правильно. Самая попытка заставить волонтеров соперничать с линейными войсками в совершенстве строевого обучения привела бы к развалу этого движения. Но волонтеры должны быть обученными, и притом так, чтобы общее одновременное действие стало совершенно механическим, совершенно естественным для них, так, чтобы все их движения и действия происходили совершенно устойчиво, одновременно и с некоторой долей военной выправки. По всем этим пунктам линейные войска останутся образцом, по которому волонтеры должны будут равняться, а ротное строевое учение должно стать тем средством, благодаря которому только и может быть достигнут требуемый эффект.

Возьмем обучение ружейным приемам и взводное учение. Что все винтовки в батальоне на всякую поданную команду должны двигаться одновременно и согласно команды, это не есть дело простой внешности. Мы должны предположить, что все волонтерские части сделали теперь такие успехи, что солдаты могут проделать это упражнение, не задевая один другого и не сталкиваясь своими винтовками. Но даже независимо от этого просто неряшливый способ выполнения различных движений имеет несомненно большее влияние на обучаемый батальон. Зачем любому из этих солдат быть особенно внимательным к команде, если он видит ошибки, совершаемые справа и слева, и если винтовки ходят вразброд вверх и вниз еще долго после того, как он уже выполнил команду? Какое доверие может иметь солдат на левом фланге к своим товарищам на правом, перед лицом неприятеля, если он не будет знать, что они будут заряжать винтовки, делать на изготовку и прицеливаться вместе с ним по одной команде и снова будут готовы совместно с ним открыть стрельбу или броситься в атаку? Больше того, всякий опытный солдат вам скажет, что привычка к такому

одновременному действию — уверенность офицерской команды, сопровождаемой двумя или тремя краткими отчетливыми звуками, которые указывают, что каждый солдат действует одновременно, как и его товарищи, — имеет очень большое моральное влияние на батальон. Это внедряет в сознание солдата тот факт, что они действительно составляют как бы одно тело; что они целиком находятся в руках командира, который может применить их силу в самый короткий срок и с наибольшим результатом.

С другой стороны, возьмем движения больших или малых войсковых частей. До тех пор, пока каждый солдат не будет обучен так твердо, что всякое движение, выполнение которого от него может потребоваться, будет производиться им почти механически по отдаваемой команде, батальон никогда не будет уверенно продвигаться. Солдат, который все еще должен порываться в памяти или в уме, чтобы понять, чего требует от него поданная команда, принесет батальону больше вреда, чем пользы. Это случится с солдатом, который в силу привычки или каких-нибудь иных причин склонен думать, что за некоторыми движениями обязательно следуют другие; часто он будет получать команду, совершенно отличную от той, которую он ожидал, и тогда он, весьма вероятно, будет путаться. И вот эти недочеты могут быть преодолены только систематическим ротным обучением. Там офицер сможет заставить свою небольшую часть в каких-нибудь четверть часа выполнить столько различных движений и построений, сможет до такой степени разнообразить порядок перехода от одного к другому, что солдаты, никогда не знающие, что последует дальше, быстро научатся быть внимательными и совершенно механически будут отвечать на команду. В батальоне все движения будут вообще гораздо более медленными и в целом, следовательно, менее поучительны для солдат, хотя более поучительны для офицеров; но общепризнанным фактом является то, что солдаты, достигшие совершенства в ротном учении, за очень короткое время под командой хороших офицеров прекрасно изучат батальонные движения. Чем больше солдаты будут тренироваться в ротных перестроениях под руководством знающего, расторопного инструктора, тем устойчивее они будут впоследствии в батальоне. И нет необходимости указывать, как важна в батальоне полная устойчивость: залп может быть дан до некоторой степени беспорядочно и все же иметь результат; но батальон, пришедший в замешательство при построении карре, развертывании, захождении плечом в колонне и т. д., может во всякое время безнадежно растеряться перед активным и знающим неприятелем.

Затем важен вопрос о дистанциях. Бесспорным является тот факт, что ни один волонтер-офицер или солдат не имеют навыков в определении дистанции на-глаз. Марш при полной или в одну четверть дистанции колонны на каждое развернутое батальонное учение показывает, как трудно офицерам сохранять правильную дистанцию. При построении колонны из карре солдаты центральных отделений почти всегда теряют свою дистанцию; они отступают слишком далеко или слишком близко, и, следовательно, захождение получается очень неправильное. Офицеры могут научиться сохранять дистанции только в батальоне, хотя и ротные движения во взводах и отделениях будут иметь тенденцию к их усовершенствованию; но солдаты, чтобы научиться, как нужно построить колонну из карре (маневр громаднейшей важности на виду у неприятеля), должны практиковать это в своих ротах.

Нужно рассмотреть еще другой вопрос: это — вопрос военной выправки солдат. Мы имеем в виду не только прямое, гордое и все же свободное положение каждого солдата в отдельности под ружьем, но и то быстрое одновременное действие при ротных и батальонных перестроениях, которое так же необходимо всякой воинской части при движении, как и действующему винтовками батальону во время остановки. Волонтеры, кажется, бывают вполне удовлетворены, если им удастся как-нибудь встать на предназначенные им места приблизительно в требуемое время, включая обычно несколько секунд на передышку. Несомненно, что этот пункт является главным, и в первый год существования волонтерских частей всякий был бы совершенно удовлетворен этим. Но для каждого движения имеется определенный, установленный способ выполнения, требуемый уставами, причем предполагается, что этот способ есть тот, при котором нужная цель может быть достигнута в кратчайшее время с максимальной выгодой для всех участников и, следовательно, в полнейшем порядке. Вывод отсюда тот, что всякое отклонение от предписанного способа неизбежно связано с некоторым нарушением дисциплины и отсутствием последовательности, что создает для зрителя не только впечатление неряшливости, но и предполагает определенную потерю времени и заставляет солдат думать, что отдельные караграфы уставов — это пустой вздор. Дайте какому-нибудь солдату посмотреть на волонтерскую часть, когда она двигается сдвоенными шеренгами от центра и фронта, строится по-ротно или производит какое-либо другое перестроение, и он сразу увидит, до каких небрежных привычек мы дошли. Но такие ошибки, которые могут быть терпимы в старом линейном полку.

который имеет хороший фундамент солидного обучения и который можно заставить снова пройти то же учение и освободиться от своих развязных манер, значительно более опасны в волонтерской части, где этот солидный фундамент детального обучения неизбежно отсутствует. Их неряшливые привычки, которые могут быть терпимы вначале, когда солдаты *должны* спешно пройти весь элементарный курс, будут возрастать и умножаться, если не будут остановлены регулярным, неумолимым и точным ротным учением. Устранить совершенно такие привычки будет невозможно, но во всяком случае они могут и должны быть остановлены так, чтобы не получить дальнейшего распространения. Что касается индивидуальной выправки солдат, то она, мы полагаем, будет постепенно улучшаться, хотя мы очень сильно сомневаемся, исчезнет ли когда-нибудь эта свойственная волонтерам волнистость фронта при шаге на месте, которая замечается на всех волонтерских учениях. Мы имеем в виду определенную привычку двигать верхней частью тела при шаге на месте, присущую, кажется, всем волонтерам, которых мы наблюдали. Правая нога поднимается не раньше, чем поднимается правое плечо и опустится левое; вместе с левой ногой двигается вверх и левое плечо, и таким образом весь фронт волнуется взад и вперед, подобно зрелому хлебному полю под напором яростного ветра, что мало похоже на отряд стойких солдат, готовых встретить врага.

Мы думаем, что достаточно сказали для того, чтобы привлечь внимание к этому вопросу. Каждый волонтер, который принимает волонтерское движение близко к сердцу, согласится с нами в том, что касается необходимости регулярного и четкого ротного учения; так как на волонтерскую армию, позвольте нам это повторить, неизбежно не обращалось должного внимания во время ее первоначального воспитания, то требуется много внимания и большая работа, чтобы до некоторой степени восполнить этот недостаток.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»
от 20 апреля 1861 г.*

Подпись Ф. Э.

ВИНТОВКИ И СТРЕЛЬБА ИЗ ВИНТОВОК.

ВИНТОВКИ ЛАНКАСТЕР И ЭНФИЛЬД.

Недавнее состязание между лейтенантом Уоллингером и сержантами инженерных войск, о котором мы сообщали в номерах от 6 и 13 апреля, вновь привлекло общественное внимание к качествам винтовки Ланкастер, особенно как военного оружия. Во время состязания в Чатаме сержанты стреляли из обыкновенного военного карабина Ланкастер 577 с овальным каналом стоимостью около 4 фунтов стерлингов. Сравнить такое оружие с отлично изготовленной винтовкой Витворта стоимостью около 25 фунтов явно невозможно. Гораздо справедливее было бы провести сравнение между карабином Ланкастер и обыкновенной винтовкой Энфильд, так как разница в цене между этими двумя видами оружия не столь велика, а стоимость винтовки Ланкастер снизилась бы до стоимости винтовки Энфильд, если бы она производилась в таких же больших количествах на правительственных заводах. Остается вопрос — является ли Ланкастер лучшим оружием? Один из сотрудников «London Review», исходя из общих принципов и основываясь также на действительном опыте, отвечает на этот вопрос утвердительно; мы обращаем внимание читателей на следующие выдержки из его статьи по этому предмету:

«Закон точной стрельбы из винтовок очень прост. Необходимо только установить определенное соотношение между длиной и диаметром пули и придать последней достаточное вращательное движение вокруг ее продольной оси, чтобы получить безошибочную меткость, совершенно независимо от того, каким способом это вращательное или винтовое движение сообщается пуле. Это значит, что канал ствола может иметь любое число нарезов любой формы или вовсе не иметь нарезов, но пока выдержано указанное соотношение и пуля приобретает надлежащее вращательное движение, — меткость во всех случаях будет одинакова. Однако при выборе определенного оружия для солдата необходимо руководствоваться прежде всего тем, что вес и длина оружия не должны превосходить определенную величину, оно должно легко заряжаться и легко чиститься. Из этого следует, что для того, чтобы оружие легко заряжалось, величина поверхности трения во время заряжания должна быть возможно меньше и что при выборе формы нарезов следует по возможности избегать углов. Мы не знаем другой

формы, которая бы удовлетворяла этим требованиям лучше, чем овальная спираль, поскольку при такой форме канала во время заряжания имеются лишь две поверхности трения и никакая другая форма не представляет таких удобств при чистке теми скудными средствами, которыми располагает солдат в боевой обстановке. Это мнение, повидимому, подтверждается результатами кампании в Индии и испытаний на Мальте, в Гибралтаре и на других заграничных стоянках. Говорят, что в Индии винтовки Энфильд «отказывались стрелять» во многих критических периодах кампании. Газеты, частные письма и официальные донесения изобилуют подобными жалобами; однако с такими же боевыми припасами и при такой же обстановке винтовки с овальным каналом, которыми были вооружены инженерные войска, никогда не отказывались стрелять к полному удовлетворению офицеров и солдат.

«Винтовка Энфильд при уменьшенном канале и с применением удлиненной пули дает такие же хорошие результаты, как и винтовка Витворта; все же существующий Энфильд строевого образца представляет собой попытку удовлетворить невозможным условиям. Офицеры, на которых было возложено конструирование этого оружия, не разрешили уменьшить его калибра ниже известного предела. Поэтому был принят стандартный калибр в 0,577 дюйма. В результате этого слишком большого калибра возникло присущее ему затруднение, а именно — трудность добиться полного и безусловного герметического прилегания пули к стенкам канала ствола при движении пули по каналу под действием взрыва пороха. Рассмотрим результаты этих несовершенных условий, проявляющиеся в винтовке Энфильд. Вес пули установлен в 530 гран, пороховой заряд — 70 гран, калибр, как уже сказано, равен 0,577 дюйма. Давление газов, образующихся от взрыва 70 гран пороха и действующих на большую площадь поперечного сечения пули, недостаточно и не может быть достаточным, чтобы обеспечить во всех случаях полное расширение пули и наполнение ею нарезов. Тщательно поставленные опыты показали, что нет и 10% всех пуль, которые были бы одинаковы и полностью расширились во все стороны. Иногда на пуле отчетливо виден след только одного нарезка, иногда двух, и только одна десятая общего числа выпущенных пуль расширяется полностью; отсюда — малая меткость при стрельбе из 0,577-линейной винтовки строевого образца.

«Идеальные условия точной стрельбы из винтовок с нарезами *любой формы* состоят в следующем: калибр ствола должен равняться 0,5 дюйма, длина пули — 1,12 дюйма, крутизна нарезки или полный оборот на протяжении 18 дюймов, заряд пороха — 90—100 гран (№ 6) при том же весе пули, т. е. 530 гран. При этих условиях вся сила, приложенная к поперечному сечению пули, может считаться положительной величиной, а следовательно достигается полное и надежное прилегание пули к стенкам канала благодаря тому, что уменьшение диаметра позволяет увеличить длину пули, причем отпадает необходимость деревянного пыжа для выбрасывания металлической пули, как в винтовке строевого образца. Поэтому дуля представляет собой однородное тело длиной около трех диаметров. При взрыве сила пороховых газов прилагается сначала к задней части пули (а),

Чертеж пули.

а передача движущей силы хотя и происходит почти мгновенно, но все же встречает сопротивление в виде инертности массы металла, образующей пулю, — сопротивление, оказываемое по всей длине пули (от a до b) и усиленное сопротивлением воздуха в канале ствола. С первого же взгляда ясно, что это сопротивление должно проявиться в средней части пули или в плоскости наибольшего сопротивления (c), а следовательно, получая здесь вполне естественное расширение, пуля слегка укоротится, примерно на 0,1 дюйма, в то время как средняя часть ее увеличится в диаметре и примет совершенно точно форму канала ствола, какова бы ни была эта форма.

«Если эти идеальные условия выполнены, то ни в одном случае из пятисот не наблюдается недостаточного расширения, пуля неизменно принимает форму канала ствола, и в результате получается отличная меткость стрельбы.

«Эти замечания относятся к винтовкам всех образцов.

«Что же дают винтовке эти благоприятные условия и почему они повышают меткость стрельбы? Показав, каким образом пуля в точности принимает форму канала, постараемся проследить результаты этого. Одним из главных достижений при конструкции винтовки является получение «отлогой траектории»; это значит, что кривая, описываемая пулей во время полета, приближается, насколько возможно, к прямой, для чего безусловно необходима высокая начальная скорость, уменьшающая до минимума влияние силы тяжести, которая понижает пулю во время полета. Первая цель достигается уменьшением калибра, а самая высокая начальная скорость и наилучшая меткость получаются увеличением порохового заряда при уменьшении площади поперечного сечения пули.

«Относительно системы нарезки можно вывести из сказанного нами то заключение, что, поскольку пуля приобретает вращательное движение при вылете из ствола, в сущности совершенно безразлично, каким образом ей сообщается это вращение: шестиугольной ли формой канала ствола, как у Витворта, или овальной спиралью, как у Ланкастера, или тремя нарезками, как у Энфильда. Не играет также роли и число нарезов, так как если даже *один* нарез захватывает пулю с достаточной силой, чтобы придать ей вращательное движение, — необходимое условие будет достигнуто. Однако легко доказать, что некоторым системам нарезки присущи недостатки. Если нарезки представляют углы, то часть силы газов теряется на то, чтобы заполнить эти углы, не говоря уже о возможном прорыве газов в этих местах. Кроме того, каждый угол является слабым местом канала ствола; эта слабость проявляется при любом числе нарезов и пропорциональна их глубине. Поэтому теоретически наилучшей формой является овальная спираль ружья Ланкастер, представляющая такую форму, которая легче всего может быть заполнена пулей при минимальном ее расширении.

«Что винтовка Ланкастер имеет большие достоинства, это явствует из того факта, что до принятия на вооружение образца Энфильд, конкурировавшего в то время с ней, она была рекомендована четырьмя разными комиссиями. Она была представлена на одобрение главнокомандующему и препровождена последним для окончательного утверждения в Хайт. Первый отчет офицеров тамошней стрелковой школы был весьма благоприятным, но во втором отчете они высказались в пользу Энфильд. Причина, почему в то время было принято это решение, заключалась в том, что пули не получали вращательного движения («stripped»). Однако впоследствии, как говорят, выяснилось следующее. Первые 10 000 пуль Притчета, с которыми производились первые испытания, были надлежащего стандартного калибра. С этими патронами были получены отличные результаты. Во время

второй серии опытов стрельба велась уже другими пулями; первые были изготовлены в 1853 г., а вторые в 1854 г.; при этом офицеры, производившие опытную стрельбу в Хайте, не отдавали себе отчета в разнице между этими пулями, так как их не осведомили о том, что диаметр пуль более позднего изготовления был на 0,07 линии меньше диаметра пули выделки 1853 года.

«Это обстоятельство обнаружилось лишь спустя полтора года после принятия окончательного решения в пользу Энфильда, когда полковник (тогда капитан) Фицрой-Сомерсет испытывал образец карабина с овальным каналом для инженерных войск. Легко понять, что, так как диаметр уменьшенной пули Притчета был меньше надлежащего стандарта, она во многих случаях, особенно при некоторой твердости свинца, должна была вылетать из дула, не приобретая вращательного движения, т. е. она недостаточно расширялась, чтобы заполнить всю внутренность канала, будь это винтовка Ланкастер или какого-либо другого образца.

«Мы полагаем, что едва ли кто усомнится в том, что винтовка Витворта слишком дорога для вооружения его армии и требует более тщательного ухода, чем это возможно в боевой обстановке; поэтому следует произвести сравнительные испытания винтовок Ланкастер и Энфильд или других пригодных для тяжелой службы в условиях военного времени. Однако эти испытания надо проводить не в виде стрелковых состязаний, а стрельбой с неподвижного станка, с одинаковыми пороховыми зарядами и с пулями одинакового веса и формы, так, чтобы все условия были равны и результаты испытания зависели только от качеств самого оружия».

Вышеприведенные замечания касаются двух разных вопросов: 1) каково наивыгоднейшее соотношение между диаметром и длиной удлиненной ружейной пули для стрельбы из *любой* винтовки, и 2) какими достоинствами обладает винтовка Ланкастер с овальным нарезом канала ствола?

Что касается первого вопроса, мы далеко не согласны с автором, что размеры его идеальной пули следует предпочесть всем прочим. Обе винтовки, давшие до настоящего времени лучшие результаты — швейцарская и Витворта — имеют калибр менее 0,5 дюйма и относительно большую длину пули. Однако мы не можем входить здесь в рассуждения по вопросу столь общего характера.

В отношении же второго вопроса мы не видим, чтобы автор давал *какие-нибудь* положительные доказательства превосходства винтовки Ланкастер над Энфильдом. То обстоятельство, что карабины инженерных частей «отказывали» не так часто, как пехотные винтовки Энфильд, легко объясняется тем, что во всех армиях пехота в сто раз многочисленнее, чем инженерные войска, и что последние пользуются своими карабинами в сотню раз реже, чем линейные части своими винтовками, так как инженеры имеют совершенно иные задачи, чем пехота.

Что длинную и трудно расширяющуюся пулю с достаточным углублением в конце, при полном заряде, можно заставить принять почти любую форму нарезки, доказано на примере Витворта; здесь

требуется очень большое расширение, и все же даже задняя часть пули принимает шестиугольную форму. Поэтому можно, несомненно, сделать такую пулю, которая расширялась бы достаточно для того, чтобы заполнить поперечное сечение овального канала, если разница между обоими диаметрами его не слишком велика. Но мы не понимаем, почему на этом основании можно считать, что инженерный карабин лучше Энфильда. Идеальная пуля нашего автора не имеет никакого отношения к этому карабину — она не подошла бы к нему; и если даже при уменьшении калибра автор полагает необходимым иметь заряд, увеличенный до 90 — 100 гран, чтобы заставить пулю принять овальную форму сечения канала, то мы считаем, что это похоже на молчаливое признание того, что ныне принятый заряд в 70 гран *не* всегда обеспечивает полное расширение пули в овальном канале инженерного карабина. Наш автор не говорит о том, как быть с усилением отдачи при увеличенном заряде, а мы знаем, что заряд весом в 80 — 90 гран, как у Витворта, вызывает довольно неприятную отдачу, которая при учащенной стрельбе очень скоро сказывается на устойчивости прицеливания.

Необычайно удачные результаты, полученные с карабином инженерных войск на состязаниях в Чатаме, а также отличные стрельбы, проведенные с винтовкой Ланкастер некоторыми частными лицами, упоминавшимися не раз в печати, делают весьма желательными повторение испытания качеств винтовки с овальным каналом и расширяющимися пулями и пригодности ее для принятия на вооружение армии. Со своей стороны, мы полагаем, что она также окажется не свободной от недостатков и что вопрос о нарезах является весьма второстепенным в отношении военного стрелкового оружия. Вместо того, чтобы придирааться к Энфильду из-за таких мелочей, почему бы не перейти сразу к сути дела и не сказать, что его самым большим и важнейшим недостатком является его *слишком большой калибр*? Измените его, и вы увидите, что все прочие усовершенствования будут касаться лишь деталей.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

от 4 мая 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

АЛЬДЕРШОТ И ВОЛОНТЕРЫ.

Герцог Кембриджский в своей речи на обеде Лондонской стрелковой бригады сказал, что он был бы очень рад видеть волонтеров в Альдершоте. Единственное затруднение заключается, по его мнению, в том, каким образом их туда привлечь. Мы попытаемся дать несколько указаний о том, как преодолеть это затруднение.

Без сомнения, не может быть и речи о том, чтобы послать волонтеров в Альдершот или в любой другой лагерь целыми частями. Элементы, из которых состоят эти части, исключают всякую возможность этого. Нет ни одной роты, а тем более батальона, в которых большинство личного состава могло бы одновременно освободиться для этого хотя бы на две недели.

Но если нельзя привлечь волонтеров в Альдершот целыми частями, то не могли ли бы они отправляться туда в одиночном порядке и все-таки многому научиться? Мы полагаем, что могли бы, если бы дело было поставлено так, чтобы волонтерам были предоставлены все удобства для использования этой возможности.

Мы полагаем, что значительное большинство волонтеров состоит из людей, которые время от времени могут освободиться от своих обычных занятий недели на две в году. Очень многие регулярно пользуются отпусками такой или даже большей продолжительности. Среди них наверное найдется значительное число лиц, которые не откажутся — и даже наоборот, — охотно согласятся провести время и истратить деньги в Альдершоте, если только они будут туда допущены. Таким образом, можно было бы без всяких затруднений иметь в Альдершоте от мая до конца сентября текущий состав волонтеров, в количестве всякий раз равном по меньшей мере хорошему батальону. Если мы можем привлечь в лагерь такой текущий личный состав, то каким образом можно использовать его?

Мы предлагаем выделить ряд барачных или палаточных, примерно на 600 волонтеров, и назначить командиром этого волонтерского лагеря капитана или, еще лучше, майора линейных войск, дав ему в помощь адъютанта и фельдфебеля. Лагерь должен открываться, скажем, в мае, как только запишется достаточное число волонтеров;

если лагерь заполнен, то дальнейших кандидатов следует допускать постольку, поскольку для них будет место, причем все эти волонтеры должны быть сведены в батальон; чтобы иметь в целом единообразный вид, волонтеры должны носить поверх рубаш блузу установленного покроя и цвета. Так как наверняка будет избыток офицеров, то не может быть иного выхода, как заставить этих офицеров временно исполнять обязанности унтер-офицеров и даже рядовых. Мы отнюдь не считаем это неудобством; наоборот, мы полагали бы, что это представляет определенные выгоды. Ни один офицер-волонтер не настолько хорошо лично знает строй, чтобы временное возвращение в строй не могло принести ему пользы; пусть он вспомнит, что каждому офицеру линейных войск приходится из года в год на некоторое время брать на плечо винтовку. Распределение временных офицерских должностей в батальоне не может представить затруднений: можно начать со старших из присутствующих капитанов, а затем остальные могут по очереди занимать их должности. Командиру батальона может быть предоставлена известная свобода назначения на эти должности по своему усмотрению так, чтобы обеспечить живое соревнование среди присутствующих офицеров. Однако это все детали, проведение которых не встретит больших затруднений, раз серьезно будет принята сама идея.

Такой батальон с текучим личным составом никогда не сможет достигнуть очень высокого уровня боевой подготовки, и задача командира и его помощников будет не из легких. Но во всяком случае была бы достигнута одна цель, а именно: в волонтерской армии вообще, и среди ее офицеров и унтер-офицеров в частности, было бы создано ядро из людей, которые хотя бы в течение двух недель были настоящими солдатами. Две недели могут показаться ничтожным сроком, однако мы не сомневаемся в том, что, покидая лагерь, каждый почувствует громадную разницу по сравнению с тем, чем он был до прибытия в Альдершот. Огромная разница — обучаться строю раз или два раза в неделю после целого дня, занятого разными делами, или проходить строевую службу утром, днем и вечером хотя бы в течение двух недель в лагере. За эти две недели ни у одного из находящихся в лагере волонтеров не будет другого дела, кроме занятий военной подготовкой: каждый из них укрепит свое знание строя в такой мере, в какой это совершенно недостижимо при современных строевых учениях волонтеров, сколько бы времени они ни продолжались; кроме того, он получит гораздо большую практику в военной службе, чем он мог бы надеяться получить в своей части, если только она не будет специально выведена в лагерь. Покидая

Альдершот, каждый почувствует, что за эти две недели он приобрел по крайней мере столько же знаний, сколько за всю свою предшествующую службу волонтером. Через определенный срок не будет почти ни одной роты волонтеров, в которой один или несколько человек не побывали бы в Альдершоте; и все должны понимать, насколько такая прививка более подготовленных элементов должна повысить стойкость и военную сноровку различных волонтерских частей.

Мы исходили из того, что продолжительность курса обучения для каждого волонтера составляет две недели, просто потому, что почти все могут найти способ посвятить этому такое короткое время. Но ничто не может помешать разрешить тем волонтерам, которые могут себе это позволить, оставаться в лагере целый месяц.

Само собой разумеется, что волонтеры должны будут содержаться в лагерях за свой собственный счет. Правительство должно дать палатки и лагерное оборудование и, быть может, принять меры к снабжению продовольствием за счет волонтеров. Таким образом, почти без всяких расходов для государства обучение в лагере будет обходиться дешево и самим волонтерам, и все дело будет поставлено действительно на военную ногу.

Мы не сомневаемся, что если хоть раз проделать этот опыт, он найдет живейший отклик со стороны волонтеров; батальон будет всегда укомплектован полностью, и, может быть, вскоре возникнет необходимость формирования подобных батальонов в других лагерях или в том же самом Альдершоте. Если бы избыток офицеров оказался слишком большим, можно было бы сформировать в одном из лагерей специальный «офицерский батальон» с более продолжительным сроком обучения, и мы полагаем, что такой батальон вполне оправдал бы себя, по крайней мере в течение одного сезона.

Однако существует и другой способ использования лагерей и вообще линейных войск для офицеров-волонтеров: он заключается во временном прикомандировании таких офицеров к батальонам регулярной армии. Это можно было бы сделать, не заставляя офицеров уезжать слишком далеко от их постоянного местожительства; во время этого прикомандирования (скажем — на месяц) офицер-волонтер должен нести службу, как если бы он действительно служил в данной войсковой части. Несомненно, можно было бы изыскать способ прикомандировать к батальону хотя бы одного офицера-волонтера, нисколько не нарушая привычек и положения офицеров действительной службы, которые всегда проявляют самое лучшее отношение к волонтерам. Если бы наше предложение было принято,

мы считали бы полезным прикомандировать к линейным частям только таких офицеров, которые тем или иным путем доказали, что они могут извлечь из этого пользу, так как они получали бы такие командировки не для приобретения начатков военных знаний, а для укрепления и усовершенствования уже приобретенных ими знаний и для изучения того, чему они не могут научиться в своих частях.

Оба наши предложения — сформирование в лагерях батальонов с текучим личным составом и разрешение достаточно квалифицированным офицерам-волонтерам прикомандировываться на месяц к линейным частям — имеют в виду главным образом подготовку офицеров. Еще и еще раз повторяем, что офицеры являются слабым местом армии волонтеров; добавим, что в настоящее время всем должно быть ясно, что существующая система обучения волонтеров *не может создать настоящего офицерского корпуса* и что поэтому необходимо найти новые способы обучения, если хотят, чтобы эта армия не шла назад в своем развитии, а совершенствовалась бы.

Мы выступаем с нашими предложениями только для того, чтобы привлечь внимание к этому вопросу. Мы не стремимся дать публике точный план, разработанный во всех подробностях, предусматривающий все возможные случаи и готовый к немедленному проведению в жизнь. Это явилось бы делом других лиц, если бы этот вопрос был поднят серьезно. Но нужно сказать, что все волонтерское движение было экспериментом, и если не пожелают продолжить этот эксперимент немного дальше, чтобы найти верный путь к усовершенствованию новой армии, явившейся результатом этого опыта, все движение должно в конце концов зайти в тупик.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

от 11 мая 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО И ВОЛОНТЕРЫ.

Мы полагаем, что среди волонтеров всей Великобритании нигде не было проявлено большей готовности и стремления сообразоваться в своей работе со всеми распоряжениями и постановлениями военного министерства, занять правильную позицию по отношению к регулярной армии и направить движение в соответствии с требованиями военных властей, как в Ланкашире, а среди других городов — в Манчестере. Когда был отдан приказ обеспечить себя вооружением, то он был выполнен, хотя в большом городе это неизбежно предполагало не малые затруднения. Какие бы приказы ни отдавались, они немедленно и безропотно выполнялись. Собравшись крупными массами, наши волонтеры предвосхитили желание герцога Кембриджского и обратились к окружным военным властям с просьбой взять на себя командование и организацию бригад. Желание достичь действительных результатов заставило наших ланкаширских волонтеров благожелательно критиковать всякое правительственное вмешательство; они знали, что единообразие и регулярность требовались больше всего, и смотрели на всякий циркуляр военного министерства как на шаг, направленный к обеспечению этих требований. «Volunteer Journal» с первого же номера не переставал рекомендовать добровольное и бодрое повиновение приказаниям военного министерства и подчеркивал значительные преимущества при наличии полного согласия между волонтерами и военными властями как местными, так и центральными. В то время как в других местностях, особенно в Лондоне, распространялись таинственные слухи относительно пагубного влияния Главного штаба, попыток властей «вбить клин» и т. д., — такие соображения никогда, ни на один момент не оказывали на нас влияния. Мы со всей искренностью верили главнокомандующему, военному министру и всем их подчиненным, когда они заявляли о своей готовности поддерживать волонтерское движение всевозможными способами.

Но мы не можем закрывать глаза на тот факт, что недавно произошло одно или два небольших обстоятельства, которые производят такое впечатление, точно и в самом деле произошла какая-то пере-

мена во взгляде людей, стоящих у власти, на волонтерское движение, особенно с тех пор, как лорд де-Грей и Рипон перестали быть помощниками военного министра. Несколько недель тому назад, — кажется это было в Духов день, — лорд Ренлаф производил в Риджент-парке смотр тем лондонским волонтерам, которые захотели отозваться на его приглашение. Мы не один раз резко осуждали попытки лорда Ренлафа играть в генералы. Он мог бы обратиться к генеральному инспектору волонтеров, полковнику Мак-Мердо, с просьбой произвести смотр его солдатам или поручить это дело другому квалифицированному офицеру. Как бы там ни было, правильно или неправильно — это дело приличия, — он явился в парк со своими солдатами; о смотре было объявлено публично, и весть о нем разнеслась настолько, что собралась большая толпа зрителей. Среди этой толпы были лица, которые вели себя в высшей степени скандально; они сгрудились вокруг волонтеров, расстроили их шеренги, лишили их возможности передвигаться, бросали камни, а некоторые даже, как это установлено, пытались ранить офицерских лошадей острыми предметами. Как только это началось, присутствовавшие офицеры, естественно, пытались найти полицию, но из 6 000 человек, составляющих армию сэра Ричарда Мейна, говорят, там не было ни одного! В результате смотр лорда Ренлафа потерпел полный провал, которым он был обязан вмешательству толпы. Весьма вероятно, что если бы всему этому делу была дана возможность идти своим естественным путем, то оно по заслугам потерпело бы такое же крушение, как это неизменно имело место с предшествующими попытками лорда Ренлафа. Но как бы то ни было, лорд Ренлаф оказался мучеником и приобрел горячие симпатии всех волонтеров.

Не может быть сомнения в том, что полное отсутствие полиции на публично объявленном смотре было не совсем случайным. В прессе было отмечено, что полиция, вероятно, имела распоряжение держаться в стороне, а мы знаем, что в Лондоне среди волонтеров вообще очень распространено мнение о том, что Главному штабу нужно было как-то покончить с этим делом и что в Главном штабе хотят подорвать волонтерское движение всевозможными способами. Настроение в Лондоне по этому поводу очень определенное, и мы должны признать факт, что этот случай, в отношении которого, насколько мы осведомлены, не предпринималось никакой попытки оправдать или разъяснить его, — очень способствует созданию такого настроения.

На этой неделе мы должны отметить и другое происшествие, из которого отнюдь не вытекает, что власти намереваются, как они

обещали, сделать все, что в их силах, чтобы поддержать волонтеров. Некоторое время тому назад было объявлено, что одна из наших манчестерских частей намерена на короткий срок выйти в лагерь. Мы уверены, что это объявление было сделано не раньше, чем удостоверились, что оно может быть выполнено. Настойчиво утверждают, что к властям обращались с устной просьбой предоставить палатки и т. д. и что было получено согласие выполнить эту просьбу; более того, были даже зафиксированы условия, на которых соглашались ее выполнить. Мы думаем, что эти соглашения были заключены не далее, чем две или три недели тому назад. В силу этого было приступлено к заключению и всех прочих соглашений: об участке для лагеря, о солдатской лавке, офицерской столовой и по другим вопросам, а когда все было налажено и была заявлена официальная просьба отпустить палатки, власти сразу пошли на попятную и заявили, что они вообще не могут доставить никаких палаток!

В сущности говоря, это опрокинуло весь план, а ведь причиненные частям издержки и хлопоты были весьма убыточны; мы знаем, что волонтерские части имеют все основания беспокоиться за свой маленький баланс, если он у них имеется в банкирской конторе. Нам сообщили, что столько волонтерских частей обратилось за палатками к правительству, что последнее не может найти палаток для всех и что поэтому ни одна часть не будет снабжена ими. Так это или нет, но правительство должно знать, что сделка есть сделка и что последующие события не могут освободить его от уже принятых на себя обязательств. Но молва, которая начинает теперь делать свое дело в Манчестере точно так же, как и в Лондоне, гласит, что это лишь предлог и что правительство не хочет, чтобы волонтеры вообще находились в лагере; что даже если бы части, о которых идет речь, обеспечили себя палатками или бараками за свой собственный счет и из самостоятельного источника, все же в высоких сферах смотрели бы на лагерь недоброжелательно.

Такие случаи, конечно, не способствуют созданию той сердечности в отношениях между властями и волонтерами, которая так необходима для дальнейшего успеха движения. Движение слишком сильно, чтобы какое бы то ни было правительство могло его подавить; но недостаток доверия к властям со стороны волонтеров и скрытая оппозиция со стороны властей могут очень быстро создать значительный беспорядок и задержать на время его развитие. Этого допустить нельзя. В парламенте имеется очень много офицеров-волонтеров. Пусть они используют свое положение и примут меры, чтобы прави-

тельство дало такие объяснения, которые бы сразу выяснили положение и показали волонтерам, что они могут надеяться на сердечную поддержку вместо скрытой враждебности.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

от 8 июня 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

ГЕНЕРАЛ ВАЛЬДЕРЗЕЕ О ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ.

I.

Недавно в Берлине была опубликована книга «Французская армия на учебном плацу и в поле», вызвавшая большую сенсацию и быстро выдержавшая несколько изданий. Хотя автор называет себя лишь «старым офицером», все же не тайна, что книга написана генералом графом Вальдерзее, бывшим прусским военным министром. Это человек, занимающий очень высокое положение в прусской армии, где он особенно выделился тем, что произвел коренную ломку старой педантичной системы обучения солдата стрельбе, разведке, дозорной службе и вообще обязанностям легкой пехоты. Его новый метод, к которому мы, может быть, вернемся когда-нибудь при удобном случае, теперь введен в этой армии. Он замечателен тем, что полностью лишен всякого педантизма в формах, построен исключительно на умственных способностях солдата при несении службы, которая может быть хорошо выполнена только путем разумного и гармоничного взаимодействия определенного количества людей.

Вполне естественно, что офицер, который обращает так много внимания на умственную тренировку каждого отдельного солдата, сильно заинтересовался прежде всего французской армией как армией, которая наиболее славится индивидуальными военными способностями своих солдат; не приходится поэтому изумляться тому факту, что он сделал эту армию особым предметом своих исследований и что в ее рядах у него много друзей и знакомых, от которых он может получать ценную информацию. После успехов французов против одной из лучших и храбрейших европейских армий в Итальянскую кампанию 1859 г. выяснение того, каким обстоятельствам были обязаны такие исключительные и неизменные победы, стало вопросом европейской важности. В вышеупомянутом издании генерал Вальдерзее объясняет нам причину данного явления.

Нижеследующее взято из обзора общего характера французской армии:

«Она включает все хорошие качества, равно как и все недостатки и слабости французского характера. Одушевляемая неподдельным воинственным духом, она

полна боевого задора, жажды действий и славы, храбра и отважна, что она доказывала во все времена, а совсем недавно — на полях сражений Алжира, Крыма, Италии. Всюду были случаи, когда и офицеры и солдаты — особенно среди отборных частей — совершали чудеса храбрости, и действия французских солдат в этих кампаниях вообще заслуживают величайшего внимания.

«Обладая большой физической подвижностью и умственной гибкостью, которая, однако, довольно часто возрастает до неугомонности, французский солдат неутомим и настойчив в бою так же, как и при всякой тяжелой работе.

«В высшей степени самоуверенный, полный честолюбия и тщеславия, каждый отдельный солдат желает лишь одного — наступать против неприятеля. Он не знает никаких трудностей: он поступает по старой французской пословице: «Если дело возможно, то оно почти сделано; если оно невозможно, оно все же будет как-нибудь сделано». Без особого раздумья, часто на самом деле очень незначительно, он продвигается вперед, убежденный в том, что нет таких трудностей, которых он не мог бы преодолеть. Поэтому с порывом и горячностью, присущими его нации, он всегда бросается в атаку, и в этом заключается его главная сила. Кроме того, французский солдат смышлен, искусен, в особенности приспособлен для одиночного боя и приучен действовать под свою личную ответственность. Он изобретателен и ловок в затруднительных положениях; он обладает особенной сноровкой комфортабельно устраиваться на бивуаке, исправлять под огнем мосты и т. д., моментально приводить дома и деревни в оборонительное состояние и затем защищать их с величайшим упорством.

«Война есть жизненный элемент армии. Французское правительство весьма разумно считает войну нормальным состоянием для войска, и при всех обстоятельствах оно обращается с ними с той же строгостью и суровостью, как и во время действительной кампании. Полки возможно чаще собираются в лагерях и, кроме того, постоянно меняют места расквартирования, дабы не допустить возникновения среди них никаких мирных привычек. В том же духе и обучение солдат приспособлено исключительно к целям войны, и ничего не делается для парадных целей. Ни об одной части никогда не выносятся суждения по ее манере проходить церемониальным маршем, и поэтому для иностранных офицеров довольно удивительно видеть, как французские батальоны проходят церемониальным маршем — даже перед императором — веряшливой походкой, колеблющимися шеренгами и с солдатами, идущими не в ногу и марширующими вольно с ружьем на плече.

«Но картина имеет наравне с светлой и свою темную сторону. Все эти хорошие военные качества, которые побуждают французского солдата стремительно двигаться вперед, дают свои блестящие результаты *только до тех пор, пока вы позволите ему продвигаться. Это чувство индивидуализма, которое является источником всех его наступательных качеств, имеет и свои большие невыгоды.* Солдат, будучи занят главным образом сам собой, идет вместе со всей массой лишь до тех пор, пока она успешно продвигается; но если эта масса под давлением и, может быть, неожиданно должна отступить, то их сплоченность, связь каждого индивидуума со своим товарищем, быстро рвется, тем более, что в таком случае небрежное тактическое обучение войск, о котором речь будет ниже, делает невозможной какую бы то ни было устойчивость и приводит к полному разложению.

«Прибавьте к этому, что французы, естественно, поддаются зависти и со всем своим национальным легкомыслием в критические моменты склонны

подозревать других. Французский солдат со всем пылом и готовностью следует за своими офицерами в бой, но только до тех пор, пока эти офицеры идут впереди его и буквально его ведут. Это то, чего ждут солдаты, и когда они идут вперед под огнем, они выражают это криком: «Эполеты, вперед!» Вот почему штаб-офицеры и генералы должны обычно идти в атаку впереди своих войск — настоящее место, конечно, для генерала, — и этим объясняются те исключительные потери, которые французы всегда несли в офицерском составе. Но если отступление становится неизбежным, доверие к офицерам быстро исчезает и в крайних случаях уступает даже место открытому неповиновению. В силу этих причин отступление, энергично навязанное французской армии, всегда было и всегда будет для нее катастрофическим».

Генерал Вальдерзее мог бы прибавить значительно больше к характеристике той легкости, с какой доверие французского солдата к своим офицерам исчезает при неблагоприятных обстоятельствах. Доверие солдата к своим непосредственным начальникам, даже после повторных неудач, является лучшим показателем дисциплины. С этой точки зрения французы не на много превосходят совершенно недисциплинированных рекрутов. Им кажется несомненным фактом, что они никогда не могут быть побеждены иначе, как вследствие «измены», и всякий раз, как они проигрывали сражение и бывали вынуждены отступить более чем на несколько сот ярдов, или бывали застигнуты врасплох неожиданным продвижением неприятеля, они неизменно издавали крик: «Нас предали!» Это настолько неотделимо от национального характера, что Наполеон в своих мемуарах (написанных на острове св. Елены долго спустя после событий) смог, инсинуируя, обвинить большую часть своих генералов в чем-то вроде изменнических действий, а французские историки — военные и другие — смогли расширить эти инсинуации до самых удивительных вымыслов. Что нация думает о генералах, то же самое думает солдат о своих полковых и ротных офицерах. Несколько крепких ударов, и с дисциплиной совершенно покончено; вот почему из всех армий французская совершала всегда самые губительные отступления.

II.

О системе комплектования солдатского и офицерского состава Вальдерзее сообщает следующее:

«Французский солдат вербуются из среды молодых людей страны путем вытягивания жребия; но каждый мужчина имеет право учлатить установленную правительством сумму за заместителя. Эта сумма поступает в фонд, находящийся в распоряжении правительства, из которого заместитель получает небольшую сумму в качестве премии при поступлении на службу, а остаток — по истечении своего срока, причем проценты уплачиваются ему в течение всего срока службы.

Следующая ему сумма может, однако, быть по частям или полностью конфискована за преступление или дурное поведение. Поэтому правительство держит подбор заместителей целиком в своих собственных руках и обыкновенно зачисляет в солдаты, при малейшей к тому возможности, только тех людей, которые уже отслужили один семилетний срок и доказали свою надежность и хорошее поведение. Поэтому армия обеспечена очень большим числом старых солдат, и из них же отбирается большинство унтер-офицеров. Срок службы семилетний: из этого срока, однако, большая часть солдат действительно служит в армии только четыре-пять лет, проводя остальное время в отпуску.

«Унтер-офицеры отбираются с большой тщательностью и подвергаются офицерами испытанию с большим вниманием. Они по большей части выделяются не только своим отличным поведением и превосходным знанием всех деталей своей службы, но и сообразительностью, самостоятельностью, прекрасной солдатской выправкой и определенными достоинствами, особенно в своем обращении с рядовыми, по отношению к которым они очень хорошо знают, как нужно использовать ту большую власть, которую им дают уставы. Так как каждый капрал может быть произведен в офицеры, они стараются держать рядовых на почтительном расстоянии от себя, в то время как, с другой стороны, они прилагают все усилия, чтобы отличиться и подать хороший пример своим подчиненным.

«В настоящее время большинство унтер-офицеров состоит из заместителей. Лишь немногие среди них стали капралами и сержантами в течение своего первого срока службы, и это преимущественно молодые люди, которые, имея хорошее образование и оказавшись исключенными вследствие большого наплыва из числа кандидатов на поступление в военную школу, добровольно поступают в армию, чтобы стать кандидатом на офицерский чин. Эти молодые люди очень скоро продвигаются до унтер-офицерских должностей и, пройдя практическое военное испытание, требуемое от сержантов, прежде чем они могут стать сублейтенантами, очень часто получают офицерский чин, прослужив от 2 до 4 лет.

«Большинство офицеров, произведенных из рядовых, получает свои чины только после срока от 9 до 12, а часто и от 15 до 20 лет. Из 170 таких офицеров, взятых на выборку, 16 получили чин после службы от 2 до 4 лет, 62 — после службы от 5 до 8 лет, 62 — от 9 до 12 лет и 30 — от 13 до 20. Первые 16 принадлежали к группе образованных молодых людей; 62 получивших чин после службы от 5 до 8 лет были произведены за отличия против неприятеля. Поэтому в мирное время производство из рядовых даже во Франции происходит медленно.

«Офицеры комплектуются частью из рядовых, как указано выше, а частью (главным образом в мирное время) из военных школ, где молодые люди должны проучиться два года, после чего, пройдя суровый экзамен, они сразу получают офицерский чин. Эти две категории офицеров держатся одна от другой на большом расстоянии; воспитанники военных учебных заведений и образованные люди, произведенные из рядовых, смотрят презрительно сверху вниз на старых сублейтенантов и лейтенантов, получивших свои эполеты долголетней службой; офицеры даже одного батальона составляют все что угодно, только не ту сплоченную корпорацию (*compact body*), которую они образуют почти в каждой другой армии. Несмотря на это, те, кто выдвинулся из сравнительно менее образованной части рядовых (и которые теперь, после тяжелых потерь в Крыму и в Италии, составляют большую часть младших офицеров), очень полезны. Хотя они весьма часто положительно невежественны, порой грубы и едва ли стоят выше сержанта по своему поведению или манерам, они обычно искусны в своей работе,

в совершенстве знают свои обязанности, добросовестны, точны, пунктуальны; они очень хорошо знают, как обращаться с солдатом как во время гарнизонной службы, так и под огнем неприятеля. Кроме того, в настоящее время они в большинстве обладают солидным опытом лагерной, походной и боевой жизни.

«В целом французский офицер сведущ и жаждет войны; он знает, что ему нужно делать, знает — особенно под огнем — как действовать под свою личную ответственность и как возбудить солдат, давая пример своей собственной храбростью. Прибавьте к этому — для большинства из них — большой походный и боевой опыт, и мы должны сказать, что они обладают такими качествами, которые ставят их очень высоко в их профессии.

«Производство в чинах дается либо по старшинству, либо по отбору. В мирное время — два по старшинству и один по отбору; в военное — наоборот. Но отбор вообще ограничивается образованной группой офицеров, тогда как масса офицеров, выдвинутых из рядовых, производится только по старшинству и поэтому достигают своего капитанского чина в довольно преклонном возрасте. Этот чин является почти самой высокой ступенью, которой они когда-либо достигают, и обыкновенно они бывают совершенно удовлетворены, если могут уйти в отставку с капитанской пенсией.

«Вот почему во французской армии вы видите очень много младших офицеров в возрасте от 36 до 40 лет и порядочное число капитанов, приближающихся к 50 годам, тогда как среди штаб-офицеров и генералов имеется очень много сравнительно молодых людей. Это является, несомненно, большим преимуществом, и непрерывные войны в Африке, Крыму и в Италии, значительно ускорив производство, дали еще больше молодых людей на высшие командные должности.

«Интересно прочесть нижеследующий перечень убитых и раненых офицеров или занимавших высокие командные должности в Италии, — перечень, показывающий соотношение, по которому распределяется производство в более высокие чины между двумя категориями офицеров: из военных школ: 34 генерала, 25 полковников, командовавших полками, 28 других штаб-офицеров, 24 капитана, 33 лейтенанта и сублейтенанта. Из рядовых: 3 генерала, ни одного полковника, 8 штаб-офицеров, 66 капитанов, 95 младших офицеров.

«Генералы производятся вообще реже из штабов, ученого или отборного офицерского корпуса, чем из основной массы штаб-офицеров. Поэтому им не хватает главным образом военного образования более высокого порядка; лишь немногие из них имеют *les vues larges* [широкий кругозор]. Слабые в стратегии, они крайне плохо управляют большими войсковыми соединениями и в силу этого очень нуждаются в приказах сверху или в помощи знающего человека, так что очень часто в поле, как и на учебном плацу, они получают самую настоящую программу движений, которые должны быть совершены для того, чтобы вступить в действие. С другой стороны, у них много здравого смысла, и они быстро ориентируются в обстановке; они знают практическую сторону своей службы, усердны, честолюбивы и преданы службе. Их привычка действовать самостоятельно дает им необходимую энергию под огнем. Они не знают трудностей: при всякой обстановке, требующей решительных мер, они действуют без промедления, не ожидая и не посылая за приказами; не боятся ответственности; и, будучи храбрыми, как всякий француз, они всегда лично ведут свои войска.

«Большая часть из них сражалась в Алжире, Крыму и в Италии и поэтому обладает ценным запасом боевого опыта. Из генералов, сражавшихся в Италии

в 1859 г., было 28 старых «африканцев», из них 18 сражались также и в Крыму. Только один генерал (Партуно) совершал в Италии свой первый боевой поход.

«Эти непрерывные сражения наделили французскую армию более молодым составом генералов, чем может похвастаться какая-либо иная армия. Чтобы сохранить это положение в мирное время, генерал-лейтенанты уходят в отставку на половинном окладе в возрасте 65, а генерал-майоры 60 лет.

«Короче говоря, французские генералы должны рассматриваться как сравнительно молодые и физически деятельные, сведущие, энергичные, опытные на войне и хорошо к ней приспособленные, хотя и до сих пор лишь немногие показали себя необыкновенно способными и хорошо знакомыми с управлением крупными войсковыми соединениями, и ни Крымская, ни Итальянская войны не дали ни одного выдающегося военного гения».

III.

Переходя к практике строевого обучения французов, наш автор говорит:

«Мужиковатый и неуклюжий рекрут, каким он бывает, когда прибывает в свой полк, тем не менее, довольно часто, раньше, чем пройдут две недели, и иногда даже раньше, чем он получит полностью обмундирование, стоит на часах с достоинством и авторитетом старого боевика и очень скоро приобретает должный вид благодаря тщательному *одиночному обучению*, которое он проходит. Хотя ротное и батальонное учение оставляет желать счень многого, однако каждый стдельный солдат заботливо обучается гимнастике и штыковым приемам, фехтованию рапирой и продолжительно бегу с удвоенной скоростью... На учебном плацу пехота обычно достаточно уверена, развязна и поэтому несколько медлительна; но в походе она чрезвычайно проворна и приучена к долгим переходам, значительная часть которых совершается бегом (*at the double*); такой ускоренный шаг очень часто и не без успеха применяется в бою. По этим данным во Франции оценивают качество подготовки войсковых частей; о них никогда не судят ни по их муштровке, ни, тем более, по одному прохождению церемониальным маршем. Французы в самом деле не могут проходить церемониальным маршем в должном порядке, так как им нехватает того обстоятельного обучения строю, которое, в конце концов, необходимо для всякой хорошей войсковой части».

Говоря о строевом обучении, наш автор приводит следующий анекдот про Наполеона I.

«Наполеон хорошо знал недостатки, присущие этой свободной системе обучения, и стремился всеми силами ее улучшить. Под его железной дисциплиной четкость обучения внедрялась в той мере, в какой это было возможно по отношению к французам, хотя сам он был не очень хорошим инструктором. Однажды в Шенбрунне, в 1809 г., ему пришла в голову мысль самому обучить батальон своей гвардии, заставить его *faire la théorie* [заняться теорией], как говорят французы. Он вытащил шпагу и подал команду; но после нескольких перестроений он привел своих солдат в такой совершеннейший беспорядок, что воскликнул, вкладывая шпагу в ножны: «Чорт бы побрал вашу теорию! Выправьте эту пачкотню!» («*Que le diable emporte votre théorie. Redressez cette cochonnerie!*»).

Относительно «тюрокосов», туземных алжирских войск, мы находим следующее замечательное заявление:

«Согласно сведениям, полученным от французских офицеров, тюрокосы больше всего не любили стычек с австрийскими стрелковыми частями. Когда бы они их ни встречали, они не только отказывались идти вперед, но сами бросались на землю, и принудить их подняться для атаки не было возможности ни угрозами, ни побоями, точно это были верблюды в пустыне».

Об обучении пехотного полка автор говорит:

«Обучение рекрутов производится очень педантично, но все же еще очень поверхностно; выправке отдельных солдат уделяется небольшое внимание, и поэтому уставы выполняются (в ротном и батальонном учении) определенно неряшливо. Очень мало заботятся о том, чтобы солдаты стояли «смирно», чтобы было хорошее равнение, шеренга была хорошо сомкнута или даже чтобы солдаты шли в ногу. Считается, повидимому, достаточным, чтобы солдаты были *на месте* и чтобы они так или иначе могли совместно ходить. Армия, привыкшая к такой развязной системе обучения, конечно, не обнаружит в сколько-нибудь значительной степени присущие ей недостатки, пока она продолжает продвигаться вперед. Однако эта система должна оказать очень плохое влияние на дисциплину и порядок в бою; и всякий раз, как отступление под огнем неприятеля становится неизбежным, она может привести к самым серьезным последствиям. Вот почему попытка отступления в должном порядке так часто оказывалась опасной для французов, и вот почему отступление, навязанное им крепкой, хорошо обученной армией, будет всегда для них губительным».

Покончив с обучением, генерал Вальдерзее дает выдержку из принципов боя маршала Бюжо (тех самых, которые мы в значительной части разобрали в предыдущих номерах «Volunteer Journal», под заглавием «О моральных элементах в бою»). С этими принципами он вполне соглашается, пытаясь в то же время доказать — и не без успеха, — что большая часть из них является старыми практическими правилами, уже встречавшимися в инструкциях Фридриха Великого. Мы это опускаем, точно так же, как и длинную стратегическую критику Итальянской кампании 1859 г. (в которой раскрыто не менее 18 явных грубых промахов генерала Дьюлая), чтобы перейти к рассмотрению способа ведения боя французами в этой кампании.

Наиболее существенными принципами этого метода являются:

1) Действовать наступательно всякий раз, когда это только возможно.

2) Относиться пренебрежительно к длительному ведению огня и как можно скорее переходить в штыковую атаку бегом.

Когда стали известны эти принципы, то обычно начали выводить заключение, что французы всюду и всегда, с полным пренебре-

жением ко всем тактическим формам, стремительно бросались на австрийцев и мгновенно, без особого напряжения, опрокидывали их или гнали их прочь.

Однако история кампании доказывает, что это было далеко от истины. Она показывает, наоборот:

1) Что французы, правда, в большинстве случаев, но не всегда, стремительно наступали на своих противников бегом, но что вряд ли они когда-нибудь наносили им поражение первым ударом. Обычно они не только не имели в этом успеха, но чаще всего терпели неудачу, неся потери при многих повторных атаках, так что в течение боя они отступали почти так же часто, как и продвигались вперед.

2) Что довольно часто они атаковали без огневой поддержки, но если их атака отбивалась, то они были вынуждены продолжать вести некоторое время огневой бой, хотя и прерываемый повторными штыковыми атаками. При Мадженте и Сольферино такие перестрелки длились несколько часов.

Затем автор, пользуясь сведениями, полученными как от французских, так и от австрийских офицеров, дает обзор тактических форм, применявшихся французами в Итальянской кампании, выдержками из которых мы и закончим эту статью.

IV.

Наш автор, описав общий характер и принципы боя французской армии, переходит к изложению тактических построений, применявшихся ею в Итальянскую кампанию 1859 года.

«Французская армейская дивизия состоит из двух бригад, первая из которых имеет стрелковый батальон (*chasseurs*) и два линейных полка (каждый из трех батальонов), тогда как второй имеет только два линейных полка (или шесть батальонов). Каждый батальон имеет шесть рот.

«В боевой линии первая бригада образует первую линию, причем батальоны построены в колонны, стоящие на полудистанции одна от другой и имеющие между собой полные интервалы, и прикрываются цепью стрелков. Вторая бригада стоит во второй линии, 250 ярдов назад, с батальонами тоже в колоннах на полудистанции, но только с половинными интервалами между ними; они обычно находятся за одним из *флангов* первой линии.

«Построение колонны, которое обычно применялось в Итальянской войне, было тем, что французы называют дивизионной колонной — две роты в колонне назывались дивизионом. Эти шесть рот располагаются так: две впереди, две в полудистанции, за ними снова две роты в полудистанции позади второй пары рот. Эта колонна может быть построена или в затылок двум центральным ротам, или у двух крайних рот каждого фланга. В гвардии, состоявшей целиком из

отборных людей, она строилась всегда за двумя центральными ротами, и благодаря этому (так же, как в английской двойной колонне, строящейся в затылок двум центральным подразделениям) время как для построения колонны, так и для развертывания было сокращено наполовину; но когда имелись линейные войска, они обычно строились в затылок двум правофланговым ротам. Основанием такого построения было то, что при таком порядке «гренадерская» рота (№ 1) располагалась впереди колонны, тогда как легкая или «вольтижерская» рота (№ 6) находилась в тылу. Таким образом, две эти роты, состоявшие из отборных солдат, образовывали, так сказать, остов, в котором были заключены менее надежные четыре «центральных роты»; и кроме того, в случае, если двум тыловым ротам отдавался приказ развернуться в стрелковую цепь, то легкая рота была одной из них, в то время как гренадерская рота в первой линии оставалась не развернутой до тех пор, пока весь батальон не был развернут.

«Для армии, ведущей бой преимущественно не в линии, а путем комбинации стрелковых цепей и колонн, такое построение имеет большие преимущества. Треть солдат (две передних роты) постоянно готовы пустить в ход свое огнестрельное оружие, причем в то же самое время можно просто и быстро развернуться. Большая дистанция между составными частями колонн (половина ротной дистанции, или около 40 ярдов) имеет целью значительно уменьшить потери, которые производит артиллерия в более сомкнутых колоннах; и если принять во внимание, что, как правило, две роты развертываются, а вся остальная колонна состоит из двух рот первой линии и двух — в 40 ярдах позади, то станет ясно, что такое построение приближается к линейному в максимальной степени; две тыловых роты действуют скорей в качестве резерва или второй линии в отношении двух фронтовых рот, чем в качестве той действительной поддержки, которая, как обычно предполагается, должна быть оказана фронтовой линии со стороны тыловой в континентальных атакующих колоннах. Сверх того, хотя в Итальянскую кампанию время от времени и происходили развертывания в линию, но местность в Ломбардии такова, что бой линейной положительно невозможен. На этих небольших полях, пересеченных живыми изгородями, рвами и каменными стенами и покрытых, кроме хлебов, туглыми деревьями, перевитыми между собой виноградными ветвями, в стране, где дорожки, идущие между высокими стенами, так узки, что две телеги с трудом могут разъехаться, — в такой местности всякое нормальное построение часто прекращается, как скоро войска продвигаются для столкновения с неприятелем. Единственно, что необходимо, это — иметь большое количество стрелков перед фронтом и стремительно ударить компактными массами по самым важным пунктам. И вот, для такой цели не может быть лучшего построения, чем то, которое выбрано французами. Треть батальона в стрелковой цепи — поддержек нет, колонна в 100 ярдах в тылу является достаточной поддержкой, — все это быстро двигается вперед, и стрелки, когда они достаточно близко, обеспечивают фронт батальона и нависают на его флангах; первая линия дает залп и идет в атаку; вторая, в 40 ярдах в тылу, следует в качестве резерва и сохраняет порядок настолько, насколько это позволяет местность. Мы должны признать, что этот метод является очень пригодным для всех видов наступления в такой местности и, насколько это возможно, будет удерживать солдат вместе и под контролем офицеров.

«Всюду, где местность была достаточно открытой, чтобы допустить правильные движения, наступление производилось следующим образом. Стрелковая цепь вела перестрелку с неприятелем до тех пор, пока не отдавался приказ колонне

итти вперед; поддержки, — если они были, — строились на флангах стрелковой цепи и сами развертывались на каждом фланге с целью охватить и открыть перекрестный огонь по наступающему неприятелю; когда колонна выходила на линию стрелковой цепи, последняя заполняла промежутки между батальонами, продвигаясь вперед в одной линии с головой колонны; в 20 ярдах от неприятеля голова колонны давала залп и шла в атаку. Если местность была сильно закрытая, то в цепь развертывались даже три или четыре роты батальона, и сообщают случаи (тюркосы у Мадженты), когда в стрелковую цепь развертывались целые батальоны.

«Против австрийской штыковой атаки применялся порой метод, подобный предписанному британскими уставами для уличной стрельбы (батальонное обучение, раздел 62). Головные роты колонны давали залп, делали поворот в стороны от линии фронта и отходили в тыл, где заново строились; последующие роты делали то же самое до тех пор, пока последние роты не дали свой залп и очистили фронт, а затем весь батальон атаковал неприятеля.

«В решительные моменты солдатам давался приказ сложить свои ранцы на землю, обеспечив себя лишь некоторым количеством хлеба и всеми боевыми припасами, которые помещались в ранце и которые они укладывали у себя где только могли. Вот откуда происхождение басни, что «зуавы носили свои патроны обычно в карманах шаровар».

«У Мадженты зуавы и 1-й гренадерский полк развернулись на некоторое время и вели одиночный огонь и шеренгами. У Сольферино дивизия гвардейских вольтижеров (12 батальонов) также развернулась в одну линию, перед тем как итти в бой, но когда батальоны действительно вступили в бой, они, кажется, были в обычной колонне. Так как оба этих развертывания были совершены под непосредственным командованием и в присутствии Луи-Наполеона, то едва ли может быть какое-нибудь сомнение, что он приказал это произвести под некоторым влиянием воспоминания об английских линейных маневрах; но в обоих случаях склонность французских офицеров к своему собственному национальному способу ведения боя и свойства местности, кажется, получили преобладание, как только наступила решительная борьба.

«При наступлении на деревню бросалось несколько колонн, предшествуемых густой стрелковой цепью; более слабая колонна, предназначенная для наступления против фронта позиции, держалась позади до конца, в то время как более сильные колонны обходили деревню с флангов. Войска, которые брали деревню, сразу занимали и укрепляли ее, тогда как *резервы* преследовали неприятеля. При защите деревни французы больше надеялись на резервы сзади деревни или на ее флангах, чем на гарнизон в самих домах».

Этим извлечением из тактических построений французской армии в Италии в 1859 г. мы заканчиваем рассмотрение работы графа Вальдерзее. Хотя Англия является гораздо менее неровной местностью для боя, чем Ломбардия, однако ее многочисленные изгороди, рвы, группы деревьев и лесные участки, в сочетании с волнистым характером местности и глубокими прорезающими ее лесистыми оврагами, делают ее гораздо более трудным полем боя, чем обширные равнины Северной Франции, Бельгии и Германии. Если бы французская армия когда-нибудь попыталась высадиться на английской почве,

не может быть большого сомнения в том, что построения ее пехоты были бы очень похожи на построения, применявшиеся в Италии; вот почему мы считаем эти построения небезынтересными для английских волонтеров.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

*от 22 июня, 6 и 2 июля
и 8 ноября 1861 г.*

Подпись: Ф. Э.

ВОЕННАЯ КРИТИКА СМОТРА В НЬЮТОНЕ.

Прошлогодний смотр в Ньютоне имел большой успех, тем больший, что он происходил среди разного рода затруднений. Это была первая попытка собрать волонтеров Ланкашира в одну целую часть; железнодорожные порядки были чем угодно, только не тем, чем они должны быть; плац был в отвратительном состоянии; погода была очень плохой. Несмотря на все это, смотр прошел необыкновенно удачно, и наши волонтеры пошли домой мокрые, голодные, томимые жаждой, но с гордым сознанием того, что они всех удивили своим крепким, уверенным воинским видом, с каким они пределали свою работу.

Можно ли сказать то же самое о смотре в этом году? Мы боимся, что нельзя. Порядок на железных дорогах был отличный; плац — в превосходном состоянии; погода — прекрасная; волонтеры прошли уже обучение второго года; и все же мы уверены, что многие из них пошли домой менее удовлетворенные своей работой и своими успехами за этот день, чем в прошлом году. Кто виноват в этом?

Когда войска прибыли на плац, флажки, отмечающие места различных бригад, были на своих местах, и батальонные вспомогательные части были в общем сразу поставлены по местам. Но очень многие батальоны, особенно из тех, которые прибыли первыми, долгое время двигались взад и вперед, останавливались, опять двигались и опять останавливались, прежде чем встали на назначенные им места. В результате части, которые явились на плац за полчаса или за час до начала смотра, не могли найти времени, чтобы поставить винтовки в козлы и распустить солдат хотя бы на несколько минут, чтобы подкрепиться пищей. В этом была, конечно, вина не командиров батальонов.

После обычного салюта начались перестроения. Но вряд ли это были перестроения. Первая бригада развернулась и произвела ряд стрельб — одну очередь по-ротно, от центра к флангу, один залп — по-батальонно, три очереди шереножной стрельбы. Тем временем развернулась вторая бригада и по окончании стрельбы сменила первую линию. Это было сделано путем перестроения обеих линий по

четыре в глубину и прохождения четверок второй линии через промежутки первой. Сами уставы характеризуют это движение как пригодное лишь для *парадных целей* и никогда не применяющееся в бою (§ 113). Затем вторая бригада прошла тот же курс стрельбы, в то время как третья бригада развернулась для образования второй линии, а первая бригада в колонне отошла в тыл. Мы заметили, что первая бригада в продолжение всего этого проявляла чрезмерную медлительность и отошла в сторону только тогда, когда стрельба второй бригады почти окончилась. Затем выдвинулась третья, а за ней четвертая бригада, поочередно прошедшие стрельбу, после которой все войска построились в большое количество колонн и прошли церемониальным маршем.

Таким образом, совершенно очевидно, что вместо перестроений налицо имелись лишь два момента, в которых выступавшие волонтеры могли показать свои знания,— стрельба и прохождение церемониальным маршем. Здесь мы протестуем против того, что стрельба холостыми патронами была сделана критерием для суждения о таких частях, как волонтеры, собравшиеся в Ньютоне. Там были части, которые перестреляли огромное количество холостых патронов и которые, следовательно, давно имели значительный успех в четких, дружных залпах. Были там и другие части, которые в такой же степени, а возможно и в большей, были сильны в ротном и батальонном учении и в практике стрельбы в цель, но которые едва ли когда-нибудь до этого стреляли холостыми патронами. Там было также большое число мелких провинциальных частей, сведенных ради этого случая в батальоны; эти части никогда не имели удобного случая для стрельбы залпом в составе батальона по той очень простой причине, что до этого времени они не были в состоянии пройти даже батальонное учение. Залповая стрельба, насколько о ней можно судить только по звуку, но не по результатам, является самой легкой из всех обязанностей солдата; крепкий в других отношениях батальон изучит ее в очень короткое время, и если подавляющее большинство выступавших батальонов давало в действительности очень плохие залпы, то мы должны сказать, что мы скорей довольны этим обстоятельством, так как это показывает, что батальоны не тратили зря свое время на практику в таком искусстве, которое они могут изучить в любое время в течение недели и которое очень подходит к числу тех, которым предаются как игрушке и ради рекламы.

Единственным хорошим пунктом программы было то, что она дала возможность всей выступавшей пехоте что-нибудь сделать. В других отношениях она была действительно очень бедной. Не было

стрелкового боя, почти не производились перестроения, а критерий для оценки действия был создан такой, который является не только обманчивым, но положительно несправедливым по отношению к массе выступавших частей. Что касается храброй атаки кавалерии, которой закончились маневры, то лучше о ней не говорить. Публика приняла ее за превосходную шутку.

При прохождении церемониальным маршем мы снова заметили обычный недостаток волонтеров — полное пренебрежение к дистанциям. Только одна часть прошла, сохраняя некоторое подобие правильных дистанций, и это *не* была часть, которая отличалась бы сколько-нибудь сильно своими залпами. Мы же полагаем, что сохранение правильных дистанций на данном этапе обучения волонтеров более трудно и более важно, чем отчетливые залпы. В общем, прохождение церемониальным маршем показало, что улучшения в сравнении с прошлым годом меньше, чем мы имели право ожидать, но мы обязаны сказать, что в этом отношении наиболее мелкие части из провинции сделали наибольшие успехи. Это заслуживает тем большего общественного признания, что эти небольшие части должны преодолевать величайшие затруднения, лишены большей частью помощи адъютантов и не имеют при своем обучении больших военных начальников, чем их учебные сержанты.

Мы с сожалением заметили среди ланкаширских волонтеров рост количества ярко-красных курток и даже шапки из медвежьего меха; это, повидимому, указывает на страстное стремление к показной внешности, что не может принести движению какую-либо пользу. Однако это такая тема, которая завела бы нас слишком далеко от Ньютона, и поэтому мы вернемся к ней при другом удобном случае.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»
от 10 августа 1861 г.*

Подпись: Ф. Э.

ОФИЦЕРЫ-ВОЛОНТЕРЫ.

«Лейтенант А. Б. с позором уволен; младший лейтенант С. Д. вычеркнут из списков; капитан Э. Ф. уволен со службы Соединенных Штатов» — вот несколько примеров из последних военных новостей, которые мы в большом количестве получаем из Америки.

Соединенные Штаты за последние восемь месяцев имели на поле сражения очень большую армию волонтеров; они не жалели ни хлопот, ни расходов, чтобы сделать эту армию сильной, и, кроме того, эта армия имела еще то преимущество, что почти все это время она была расположена на виду у застав неприятеля, который никогда не осмеливался атаковать ее в целом или преследовать ее после поражения. Эти благоприятные обстоятельства должны были весьма значительно восполнить те недостатки, которые имели место при организации волонтеров в Соединенных Штатах: очень слабую поддержку, которую они получили от весьма небольшой линейной армии, образующей их ядро, и отсутствие опытных адъютантов и инструкторов. Однако мы не должны забывать, что в Америке было много людей, готовых помочь организации волонтеров и годных для этого дела, — частью немецкие офицеры и солдаты, которые прошли регулярное обучение и служили в кампаниях 1848—1849 гг., частью английские солдаты, эмигрировавшие в течение последних десяти лет.

И вот, если при таких обстоятельствах становится необходимой регулярная чистка офицерского состава, то это признак некоторой слабости, присущей не волонтерской системе самой по себе, но системе комплектования офицеров-волонтеров, избираемых без достаточного отбора самими волонтерами из своей среды. И только после 8-месячной кампании правительство Соединенных Штатов перед лицом неприятеля отваживается призвать офицеров-волонтеров квалифицировать себя до некоторой степени для тех обязанностей, которые возлагаются на них при получении соответствующего чина; и смотрите, как много добровольных или вынужденных прошений об отставке, какая масса более или менее позорных увольнений явились следствием этого. Несомненно, что если бы армия Соединенных Штатов у Потомака имела против себя стойкие силы, спянные долж-

ным количеством профессиональных солдат, то она давно бы уже разбежалась, несмотря на свою численность и несомненную индивидуальную храбрость солдат, входящих в ее состав.

Эти факты могут служить хорошим уроком для волонтеров Англии. Некоторые из наших читателей могут припомнить, что с самого возникновения «Volunteer Journal» мы утверждали, что офицеры являются слабым местом волонтерской системы, и настаивали на испытании для офицеров по истечении определенного срока, чтобы проверить, находятся ли они, по крайней мере, на правильном пути, чтобы стать годными для исполнения взятых на себя обязанностей.

Большая часть джентльменов, взявших на себя ответственность за командование и обучение солдат тому, в чем они были в то время такими же несведущими, как и сами солдаты, относилась с пренебрежением к этой мысли. Это был период, когда пренебрегали одинаково как правительственной помощью, так и правительственным вмешательством. Но с того времени обращение к кошелькам джентльменов стало для последних довольно обременительным и заставило их обратиться за денежной поддержкой к правительству; а так как правительство пришло на помощь, то это означало в то же время и призыв к правительственному вмешательству. Кроме того, двухлетний опыт довольно ясно выявил дефекты существующей системы комплектования офицерами частей волонтеров. Ныне мы получили сообщение от одного лондонского офицера, имеющего, очевидно, на это полномочие, что офицеры-волонтеры вскоре будут призваны для проверки перед экзаменационным столом их способностей к командованию.

Мы искренно желаем, чтобы это было так. Не подлежит сомнению, что английские офицеры-волонтеры тоже требуют известной чистки. Взгляните на линейную часть на ученьи и сравните ее с батальоном волонтеров. То, на что волонтерам требуется полтора часа, линейные солдаты проделывают меньше чем в полчаса. Мы видели очень много построений в карре, производившихся некоторыми лучшими частями волонтеров, и мы должны сказать, что плоха будет та кавалерия, которая всякий раз не разгромит их раньше, чем их фланги будут готовы к стрельбе. Это не было виной солдат. Они явно знали свои обязанности так хорошо, как этого можно было ожидать, и даже выполняли их временами столь же механически, как вы видите это в линейной части. Но солдаты должны были выжидать ротных офицеров, которые явно колебались как в отношении команды, так и в отношении момента, когда они должны были ее подать. Таким образом, вносились колебания, а подчас и путаница в построение,

которое больше, чем все остальные, требует как от команды, так и от ее исполнителей быстроты, приобретаемой лишь долгой практикой. И если это имеет место после двухлетней практики, то разве это не является доказательством того, что многие офицеры-волонтеры занимают в настоящее время такие ответственные посты, к которым они не подготовлены?

С другой стороны, командиры батальонов недавно получили очень высокую похвалу из уст весьма компетентных военных авторитетов. Было указано, что они, повидимому, справляются со своей работой, тогда как у ротных офицеров это не всегда так. Мы вообще не склонны, как это видно из вышесказанного, обсуждать последнее заявление; но мы должны сказать, что если бы упомянутые высокие авторитеты видели подполковников и майоров не на большом смотре, а на обыкновенном батальонном учении, то данное мнение было бы, вероятно, несколько иным. На большом смотре ни один командующий батальоном штаб-офицер, если он не знает отлично своих обязанностей, не рискнул бы действовать под свою личную ответственность. У него есть адъютант в качестве суфлера, который знает, что нужно делать; он пользуется его подсказываниями и добросовестно передает их, тогда как несчастный капитан должен лично, без всякого суфлера, выкарабкиваться из положения. Но взгляните на того же штаб-офицера во время батальонного учения. Там у него нет зоркого генеральского глаза, наблюдающего за ним; там он — высшая власть; и там адъютант довольно часто должен занимать место, определенное ему королевскими уставами, и держать свой совет при себе, пока у него его не спросят или пока не наступит полный беспорядок. Вот где вы видите штаб-офицера-волонтера в его истинном свете. Здесь он должен руководить своими солдатами при батальонном учении; но так как сам он несовершенен в этой науке, то он пользуется присутствием солдат, чтобы самому попрактиковаться. Это, как говорится, «docendo discimus» [уча учимся]. Но если учитель не тверд на ногах в искусстве, которому он должен обучать, то могут произойти, и, к несчастью, довольно часто происходят, промахи и путаница. Это не будет способствовать ни успехам волонтеров в батальонном учении, ни доверию их к своему командиру, если только солдаты обнаружат, что батальонное учение для них ничего иного не означает, кроме предоставления их командиру штаб-офицеру случая самому пройти это учение, в то время как они мечутся бесцельно вперед и назад, надеясь превосходством своих знаний выправить промахи своего старшего офицера.

Мы не думаем сказать этим, что офицеры, командующие волон-

терами, не прилагали некоторых усилий, чтобы изучить свои обязанности; но мы хотим сказать, что если ротные офицеры не могут быть сфабрикованы из штатских людей с той же легкостью, как простые солдаты, то получить штаб-офицеров еще труднее. Основываясь лишь на опыте батальонного учения, мы должны прийти к заключению, что командовать батальонами может лишь профессионал. И если мы считаем, что учение есть только часть обязанностей штаб-офицера, что командир батальона, который может быть послан для самостоятельной операции, где он должен действовать под свою личную ответственность, нуждается в знании высшей тактики, то мы должны также сказать, что было бы очень печально видеть, что шеренги в 600 или 1 000 человек будут доверены руководству таких штатских людей, из каких теперь состоит огромное большинство командиров батальонов.

Будьте уверены, что если английские волонтеры когда-либо встретятся лицом к лицу с неприятелем, то это будет происходить не при таких благоприятных обстоятельствах, которые позволяют ныне американскому правительству очищать ряды своих офицеров-волонтеров от наиболее непригодных субъектов. Если английские волонтеры будут призваны, то сражаться придется не с волонтерской армией, как они сами, но с наиболее дисциплинированной, наиболее активной армией в Европе. Самые первые бои будут решающими, и будьте уверены, что если произойдет какое-нибудь колебание или путаница, будь то от неправильной команды полковников или от неуверенности капитанов, — это сразу же будет использовано неприятелем. Перед лицом противника не будет времени для чистки, и поэтому мы надеемся, что она будет сделана, пока еще есть время.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

от 22 ноября 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

УРОКИ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Когда несколько недель тому назад мы обратили внимание на процесс чистки, ставший необходимым в американской волонтерской армии, мы были лишены возможности полностью исчерпать ценные уроки, которые постоянно дает данная война волонтерам по эту сторону Атлантического океана. Мы просим поэтому позволения снова вернуться к этому вопросу.

Способ ведения войны, происходящей в настоящее время в Америке, действительно не имеет прецедентов. От Миссури до Чизапикской бухты миллион солдат, разделенных почти поровну на два враждебных лагеря, стоят друг против друга вот уже около шести месяцев, не прибегая ни к какому значительному сражению. В Миссури эти две армии продвигаются, отступают, дерутся и снова по очереди продвигаются и отступают без всякого видимого результата: даже теперь, после семи месяцев маршей и контр-маршей, которые должны были страшно опустошить страну, ход событий, кажется, так же далек от какого бы то ни было разрешения, как и раньше. В Кентукки, после длительного периода кажущегося бездействия, в действительности же подготовки, становится, повидимому, неизбежным подобное же положение вещей; в Западной Виргинии происходят непрерывные второстепенные сражения без всякого видимого результата, а у Потомака, где сосредоточены крупнейшие силы обеих сторон почти на виду одна у другой, ни одна из сторон не стремится к наступлению, доказывая этим, что при данном положении дел даже победа была бы вообще бесполезна. И до тех пор, пока обстоятельства, не имеющие отношения к данному положению вещей, не внесут серьезного изменения, эта безрезультатная система войны, возможно, продлится еще целые месяцы.

Как мы должны расценивать все это?

И на 'той и на другой стороне у американцев имеются почти исключительно волонтеры. Маленькое ядро прежней регулярной армии Соединенных Штатов либо растворилось, либо слишком слабо, чтобы переварить огромную массу необученных рекрутов, собранных в процессе военных действий. Для придания всем этим лю-

дям вида солдат нет даже достаточного числа унтер-офицеров. Следовательно, обучение должно идти очень медленно, и действительно, нельзя даже предсказать, как долго продлится это обучение, пока высококачественный людской материал, собранный на обоих берегах Потомака, не станет пригодным, чтобы его двинуть крупными массами и дать или принять сражение соединенными силами.

Но даже если солдаты смогли бы пройти свое обучение в относительно короткое время, то нет достаточного количества офицеров для руководства ими. Не говоря о ротных офицерах, которые по необходимости не могут быть взяты из штатского населения, не хватает офицеров в качестве командиров батальонов, даже если каждый лейтенант и прапорщик регулярной армии будут назначены на эти должности. Значительное число штатских полковников поэтому неизбежно; и ни один человек, кто знает наших собственных волонтеров, не сочтет ни Мак-Клеллана, ни Борегара слишком робкими, если они уклоняются начать решительные действия или сложные стратегические маневры с этими шестимесячными штатскими полковниками в качестве исполнителей их приказаний.

Предположим, однако, что это затруднение было в общем преодолено; что штатские полковники, вместе со своими мундирами, приобрели и знания, опыт, такт, требуемые при исполнении их обязанностей, — по крайней мере, поскольку это касается пехоты. Но как будет обстоять дело с кавалерией? Обучение кавалерийского полка требует большего времени и большего опыта от обучающих офицеров, чем придание отчетливой формы пехотному полку. Предположим, что все люди придут в свои части с достаточным знанием искусства верховой езды, т. е. что они могут крепко сидеть на своей лошади, управлять ею и знать, как ухаживать за нею и кормить ее, — все же и это едва ли сократит время, необходимое для обучения. Военная верховая езда, управление вашей лошадью, благодаря которому вы заставляете ее проделывать все движения, необходимые при перестроениях кавалерии, — это совсем иное, чем верховая езда, в которой обычно практикуются штатские. Наполеоновская кавалерия, которую сэр Вильям Непир («History of the Peninsular War»¹) считал лучшей по сравнению с английской кавалерией того времени, состояла, как это общеизвестно, из самых плохих всадников, которые когда-либо украшали седло, а многие из наших лучших признанных наездников, вступая в волонтерские кавалерийские части, находили, что им еще многому нужно учиться. Нам нет поэтому надобности выражать

¹ «История Пиренейской войны». Ред.

изумление при обнаружении того факта, что американцы испытывают острый недостаток в кавалерии и что то небольшое, что они имеют, состоит из чего-то вроде казаков или индийских иррегулярных кавалерийских частей (rangers), неспособных на атаку в сомкнутом строю.

В отношении артиллерии дело должно обстоять еще хуже; точно так же и с инженерными войсками. Оба эти рода войск являются высоко техническими видами оружия и требуют длительного и тщательного обучения как офицерского, так и унтер-офицерского состава, а также, конечно, большего обучения и солдат, чем в пехоте. Артиллерия, кроме того, является более сложным родом войск, чем даже кавалерия; вам нужны пушки, лошади, объезженные для этого рода передвижения, и две категории обученных солдат — канониры и ездовые (gunners and drivers); вам нужно, кроме того, большое количество повозок со снарядами и большие лаборатории для боевых припасов, литейные заводы, мастерские и т. д.; и все это должно быть оборудовано сложными машинами. Утверждают, что федералисты имеют на фронте 600 орудий, но как они будут обслуживаться, мы легко можем себе представить, зная, что сформировать в шесть месяцев из ничего 100 полных, хорошо снабженных и хорошо обслуживаемых батарей совершенно невозможно.

Но предположим снова, что все эти трудности были преодолены и что боевая часть двух враждебных американских группировок находится в прекрасных условиях для своей работы, — смогли бы они двигаться даже в этом случае? Конечно нет. Армия должна питаться, а большая армия в такой сравнительно слабо населенной местности, как Виргиния, Кентукки и Миссури, должна питаться главным образом со складов. Снабжение ее боевыми припасами должно пополняться; за ней должны следовать оружейные мастера, шорники, столяры и другие мастера для поддержания ее боевых принадлежностей в должном порядке. Все эти необходимые условия отсутствуют в Америке; они должны быть организованы почти из ничего, и у нас нет никаких данных утверждать, что даже в настоящее время интендантство и транспорт обеих армий вышли из младенческого состояния.

Америка, как Север, так и Юг, федеральная и конфедератская, не имела, вообще говоря, военной организации. Линейная армия по своей численности совершенно не подходила для борьбы против серьезного неприятеля; милиционная армия почти отсутствовала. Превыше войны Союза никогда не подвергали испытанию военную силу страны; Англия между 1812 и 1814 гг. не могла выделить много

войск, а Мексика защищалась главным образом простой толпой. Благодаря географическому положению Америки, у нее в действительности не было врагов, которые могли бы где-нибудь напасть на нее в самом худшем случае большими силами, чем 30 или 40 тысяч солдат регулярной армии, и огромные пространства страны скоро оказались бы для армии такой численности более страшным препятствием, чем любые войска, которые Америка могла бы выставить против них; между тем, ее армия была достаточно, чтобы образовать ядро для 100 000 волонтеров и обучить их в надлежащее время. Но когда гражданская война потребовала больше миллиона людей, то вся система рухнула, и все надо было начинать сначала. Результаты налицо. Две огромных, громоздких человеческих массы, одна опасаясь другой, боясь победы почти так же, как и поражения, стоят друг против друга, пытаясь путем огромных издержек создать что-то наподобие регулярной организации. Огромная трата денег, как бы она ни была страшна, совершенно неизбежна благодаря полному отсутствию того организационного основания, на котором могло бы быть построено новое здание. При том незнании и неопытности, которые преобладают в каждом ведомстве, и могло ли быть иначе? С другой стороны, польза от этих издержек, в смысле продуктивности и организации, исключительно мала; но и в этом отношении разве могло бы быть иначе?

Британские волонтеры должны быть благодарны своей судьбе, что они с самого начала нашли многочисленную, хорошо дисциплинированную и опытную армию, которая взяла их под свое покровительство. Учитывая предрассудки, свойственные всем профессиям, эта армия хорошо приняла их и хорошо с ними обращалась. Нужно надеяться, что ни волонтеры, ни публика никогда не подумают, что новая служба когда-нибудь заменит в какой бы то ни было степени старую. Если такие люди имеются, то мимолетный взгляд на состояние двух американских волонтерских армий должен доказать им их собственное невежество и глупость. Никакая армия, заново организованная из штатских людей, никогда не сможет существовать в действительном состоянии до тех пор, пока она не будет обучена и поддержана огромными интеллектуальными и материальными ресурсами, которые имеются в распоряжении соответственно сильной регулярной армии, и главным образом — той организацией, которая образует основную силу регулярной армии. Предположите, что Англии угрожает вторжение, и сравните то, что в этом случае произошло бы, с тем, что неизбежно случилось в Америке. В Англии военное министерство с помощью немногих лишних чиновников,

которых легко можно найти среди опытных военных людей, приступило бы к выполнению всей той дополнительной работы, которую потребовала бы армия в 300 000 волонтеров; достаточно взять запасных офицеров, поручить три или четыре батальона волонтеров их особому наблюдению, и при некотором усилении каждый батальон сможет быть обеспечен одним линейным офицером в качестве адъютанта и одним — в качестве полковника. Кавалерия, конечно, не могла бы быть создана методом импровизации, но решительная реорганизация волонтерской артиллерии — с офицерами и ездоками из королевской артиллерии — помогла бы укомплектовать много полевых батарей. Гражданские инженеры страны ждут только удобного случая, чтобы обучиться военной стороне их профессии, что сразу превратило бы их в первоклассных офицеров инженерных войск. Интендантство и транспортная служба организованы и быстро оказались бы в состоянии удовлетворять потребности 400 000 человек с той же легкостью, как и потребности 100 000. Ничто не было бы дезорганизовано, ничто не было бы нарушено; всюду была бы помощь и поддержка волонтерам, которым нигде не нужно было бы бродить ощупью в потемках; и — исключая некоторые из тех промахов, без которых Англия не сможет обойтись, вступая впервые в войну, — мы не видим причины, почему бы через шесть недель все это не работало довольно гладко.

Теперь взгляните на Америку, и вы поймете, какую ценность представляет регулярная армия в деле создания армии волонтеров.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»*

от 6 декабря 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

ВОЙНА В АМЕРИКЕ.

Фактическое открытие кампании в этой войне берет свое начало со времени наступления унионистских войск в Кентукки. Это наступление началось не раньше, чем были, наконец, отвоеваны Миссури и Западная Виргиния. Войска сецессионистов удерживали три сильные позиции — укрепленные лагеря — в штате Кентукки: Колумбус на реке Миссисипи — на левом фланге, Боулинг-Грин — в центре, и Милль-Спринг на реке Кемберленд — на правом фланге. Их фронт был таким образом растянут по прямой линии на 250 миль. По дорогам же фронт наверное простирался на 300 миль с запада на восток. Такая растянутость фронта исключала всякую возможность для этих трех корпусов поддерживать друг друга и дала возможность федеральным войскам атаковать каждый из них в отдельности превосходящими силами. В таком действии не было большого риска, потому что ни один из трех сецессионистских корпусов не был достаточно силен для наступления, даже не встречая сопротивления, за реку Огайо. Главная ошибка сецессионистов заключалась в их попытке занять войсками все, что было возможно, и в вызванном этим распылении сил. Один сильно укрепленный лагерь в центре, предназначенный быть подготовительным местом для решительного действия и занятый главными силами, был бы несравненно выгоднее для обороны Кентукки. Он либо привлек бы на себя главные силы федералистов, либо поставил бы их в невыгодное положение, если бы они попытались обойти этот лагерь, не считаясь с такой сильной концентрацией неприятельских войск. При данных обстоятельствах федералисты решили атаковать эти три лагеря один за другим, выбить из них противника, с тем, чтобы принудить его к бою на открытой местности. Этот план полностью соответствовал требованиям военного искусства и был выполнен с энергией и быстротой, которые заслуживают похвалы, равно как и того отличного результата, который был ими достигнут. К середине февраля отряд федералистов силой в 15 000 человек двинулся на Милль-Спринг, который удерживался конфедератами силою около 10 000 человек. Федералисты маневрировали так, чтобы внушить противнику мысль, что перед ним лишь

весьма слабый неприятельский отряд, и генерал конфедератов Цолликоффер тотчас же попался на эту закинутую для него удочку. Он вышел из своего укрепления и атаковал первый встретившийся ему федералистский отряд, но вскоре убедился, что имеет дело с противником, численно превосходящим его собственные силы и уж во всяком случае равным им по воодушевлению и дисциплине. Он сам погиб в бою, а его войска потерпели не менее решительное поражение, чем федералисты под Буль-Реном. Но на этот раз победа была использована совершенно иначе. Разбитая армия неотступно преследовалась, пока она не добралась — разгромленная, деморализованная и лишенная полевой артиллерии и обоза — до своего лагеря в Милль-Спринге. Этот лагерь был возведен на северном берегу реки Кемберленд, так что в случае нового поражения войска не имели бы другого пути к отступлению, кроме переправы через реку на немногих пароходах и лодках. Вообще мы видим, что почти все лагеря сецессионистов были расположены на неприятельском берегу реки. Такое расположение вполне правильно и в высшей степени практично; когда в тылу есть мост. Лагерь служит в таком случае предмостным укреплением (bridge-head), и стоящие в нем войска могут, по желанию, быть брошены на любой берег реки, чем обеспечивается полное командование над последней. Но делать это при отсутствии моста — это значит поставить свои войска в положение, когда они в случае неудачи не имеют пути отступления, и когда поэтому они будут вынуждены сдаться или подвергнуться резне и потонуть, как это случилось с федералистами, которых предательство генерала Стона бросило через Потомак у Болл-Блеффа. Точно так же, когда разбитые сецессионисты добрались до своего лагеря в Милль-Спринге, им тотчас же стало ясно, что им придется весьма быстро капитулировать, если они не сумеют отбить атаку противника на их укрепления. После утреннего урока они больше не верили в силу собственного сопротивления; и когда на следующее утро федералисты двинулись в атаку на укрепленный лагерь, то они увидели, что неприятель воспользовался ночью для переправы через реку, бросив лагерь, обоз, артиллерию и припасы. Таким образом, крайний правый фланг линии конфедератов был отброшен внутрь Теннесси, и восточная часть Кентукки, где большинство населения настроено унионистски, снова перешла в руки федералистов.

К этому же времени — вторая половина января — начались приготовления к вытеснению сецессионистов из Колумбуса и Боулинг-Грина. Была снаряжена сильная флотилия из мортирных лодок и броненосных канонерок, и всюду распространялись слухи,

что они должны сопровождать сильную армию вниз по Миссисипи из Каиро в Мемфис и Новый Орлеан. До смешного очевидная рекогносцировка была произведена в направлении на Колумбус. Отступление этого сильного отряда войск, ничего не достигшего, было даже похоже на серьезное поражение унионистских войск. Но кажется, все эти демонстрации на Миссисипи были просто маскировкой. Когда все было готово, канонерки были спокойно переправлены на Огайо, а оттуда в реку Теннесси, по которой они поднялись до форта Генри. Этот пункт вместе с фортом Доннельсон на реке Кемберленд составлял вторую оборонительную линию сецессионистов в Теннесси. Позиция была ими выбрана весьма удачно, ибо если бы они отступили за реку Кемберленд, то она прикрывала бы их фронт, а река Теннесси — их левый фланг; узкая же полоса земли между этими двумя реками была бы достаточно защищена обоими указанными выше фортами. Но быстрые действия федералистов прорвали вторую линию раньше, чем левый фланг и центр первой линии были атакованы.

В первую неделю февраля канонерки федералистов появились перед фортом Генри и подвергли его такому обстрелу, что он немедленно сдался. Гарнизон ускользнул в форт Доннельсон, ибо сухопутных сил экспедиционного отряда было недостаточно для окружения сдавшихся. Затем канонерки вернулись вниз по Теннесси, поднялись на Огайо и вверх по Кемберленду к форту Доннельсон. Одна только канонерка смело поплыла вверх по Теннесси, прямо через самый центр штата Теннесси, миновала штат Миссисипи и проникла до Флоренса на севере Алабамы, где ряд болот и топей (так называемых *mussle shoals*) препятствует дальнейшему плаванию. То обстоятельство, что одинокая канонерка могла проделать этот длинный путь, по меньшей мере 150 миль, и затем вернуться обратно, ни разу не подвергшись нападению, доказывает, что, во всяком случае, вдоль этой реки преобладает унионистское настроение — факт, который будет иметь огромное значение, если федералистам удастся проникнуть так глубоко.

Речная экспедиция вверх по Кемберленду сочетала теперь свои движения с движением сухопутных сил под командой генералов Галлека и Гранта. Сецессионисты в Боулинг-Грине были введены в заблуждение движениями федералистов и продолжали спокойно и самоуверенно сидеть в своем лагере; между тем, через неделю после падения форта Генри форт Доннельсон уже был обложен со стороны суши 40-тысячным отрядом федералистов, а с реки ему угрожала сильная флотилия канонерок. Подобно Милль-Спрингу и форту Генри укрепленный лагерь форта Доннельсон тоже опирался тылом на

реку, без моста на случай отступления. Это была самая сильная из всех позиций, атаковавшихся до сих пор федералистами. Укрепления этого форта были не только возведены более тщательно, но в нем, кроме того, было достаточно простора для размещения 20-тысячного гарнизона. В первый день наступления канонерки привели к молчанию огонь батарей, обстреливавших реку, и обстреляли внутренние части укреплений в то время, как сухопутные войска оттеснили неприятельские заставы и принудили основную массу противника искать спасения непосредственно у своей крепостной артиллерии. На второй день канонерки, сильно пострадавшие накануне, действовали, повидимому, слабо, но зато сухопутным войскам пришлось выдержать продолжительный и местами очень горячий бой с отрядом гарнизона, пытавшимся прорвать их правый фланг, чтобы обеспечить себе путь отступления на Нешвилль. Однако энергичный натиск федералистского правого фланга на левый фланг сецессионистов и сильные подкрепления, посланные к левому флангу федералистов, решили исход сражения в пользу атаковавших. Ряд внешних укреплений был взят штурмом, гарнизон, загнанный за внутреннюю крепостную линию, без всякого шанса на отступление и явно неспособный оказать сопротивление атаке на следующее утро, сдался на третий день без всяких предварительных условий. По слухам, генералу Флойду удалось бежать к вечеру второго дня с 5 000 человек. Не совсем ясно, как это могло случиться; цифра слишком велика, чтобы погрузиться за ночь на пароходы, но возможно, что им удалось перебраться благополучно через реку и уйти по правому берегу. Вся артиллерия, обоз и военные припасы вместе с 13 300 пленных достались федералистам; еще 1 000 человек были ими захвачены на следующий день, и при появлении авангарда федералистов перед Кларквиллем, городом, расположенным выше по течению реки, последний тотчас же сдался им с большим количеством провианта, собранного там для сецессионистских войск.

Еще очень не ясно, пал ли также и Нешвилль, и мы считаем это мало вероятным. Как бы то ни было, успехи, одержанные федералистами в течение каких-нибудь трех недель, вполне достаточны, чтобы быть довольными ими. Колумбус, единственное место, которое сецессионисты удерживали еще в Кентукки, они смогут удерживать лишь с большим риском. Если они проиграют решительный бой в Теннесси, гарнизон Колумбуса не сможет спастись и должен будет сдаться — при том, конечно, условии, если федералисты не наделают слишком грубых ошибок. А что сецессионисты будут теперь вынуждены ввязаться в решающий бой в Теннесси, это один из

важнейших результатов побед федералистов. Сецессионисты сосредоточили, по имеющимся у нас сведениям, в Нешвилле и его окрестностях 65 000 человек; возможно, что им удалось стянуть туда даже еще более крупные силы. Но соединенные войска Галлека, Гранта, Бьюэля и Томаса вместе с резервами, спешно прибывающими из учебных лагерей в Кентукки, Огайо, Индиане и Иллинойсе, дадут федералистам возможность иметь численное превосходство; и если к этому прибавить их *моральное состояние*, естественно поднявшееся по сравнению с настроением их противников благодаря последним успехам и при наличии крепкого сочувствия унионистам среди населения, которое хорошо будет информировать их о передвижениях неприятеля, мы не видим, чтобы они имели какие-либо основания опасаться за исход кампании.

Напечатана

*в «Volunteer Journal
for Lancashire and Cheshire»
от 14 марта 1862 г.*

Без подписи.

Фридрих Энгельс
СТАТЬИ ИЗ «ALLGEMEINE
MILITÄR-ZEITUNG»
1862 — 1864 ГГ.

СМОТР ВОЛОНТЕРОВ В АНГЛИИ.

1.

С тех пор как вы дали мне возможность поместить в вашей газете мой отчет ¹ о смотре волонтеров в Ньютоне в августе 1860 г., прошло два года. Может быть, вашим читателям будет интересно после столь долгого времени услышать опять кое-что о состоянии и тактической подготовке *английского народного ополчения*.

На численности и нынешней организации волонтеров я остановлюсь, быть может, в другой связи; теперь же ограничусь сообщением, что официально наличный состав волонтерской армии исчисляется в 162 800 человек, являясь, таким образом, более многочисленным, чем когда-либо, и сразу же перейду к описанию тактической подготовки этой армии на одном примере.

2 августа генеральный инспектор всех волонтерских войск, полковник Мак-Мердо, производил в Хитон-парке, лежащем на расстоянии одного часа пути от Манчестера, смотр контингента волонтеров, выставленного этим городом. Войска состояли из 1-го, 2-го и 3-го манчестерских «полков» (8-й, 28-й и 40-й ланкаширские батальоны) и из «полков», выставленных пригородами — Ардриком и Сальфордом (33-й и 56-й ланкаширские батальоны). Однако из этих так называемых «полков» только три (1-й и 9-й манчестерские и ардрикий) явились каждый в составе батальона; остальные два составляли вместе один батальон. В этих батальонах число рядов в роте колебалось от 18 до 21; каждые 8 рот составляли батальон численностью, в среднем, включая и офицеров, до 400 человек. Кроме того, была представлена еще волонтерская кавалерия (32 человека) и артиллерия (две одолженные г. Витвортом

---

¹ Отчет Энгельса об августовском смотре 1860 г. волонтеров в Ньютоне был напечатан в «Allgemeine Militär-Zeitung» № 36 от 8 сентября 1860 года. Текст этого отчета, переведенного затем Энгельсом на английский язык, см. в статьях из «Volunteer Journal», стр. 462—470 настоящего полутoma. *Ред.*

однофунтовые амюзеты¹ и около 150 человек пехоты в качестве прикрытия к орудиям) тоже из Манчестера. В большинстве батальонов можно было бы выставить на 100—150 человек больше; но командиры позаботились, повидимому, о том, чтобы недостаточно обученные люди остались дома.

Местность, на которой производился смотр (южная часть принадлежащего графу Вильтону парка, в котором прежде происходили скачки), представляет собою покатый с запада на восток отрог холма; справа и слева он ограничен лощинами, которые соединяются перед восточной подошвой холма в ровный луг, величиной, примерно, в 800 шагов в квадрате. Ручей, который течет вдоль северного отрога холма, за которым равнина вновь повышается, ограничивает местность с этой стороны; по всем остальным направлениям она замыкается кустарником, расположенным вдоль стены парка. Совершенно открытый характер местности нарушается только огороженными или открытыми группами мелкого кустарника, а также отдельными деревьями и кое-где болотистыми местами.

Смотры полковника Мак-Мердо, в противоположность большинству обычных волонтерских смотров, всегда производятся без заранее установленной и сообщенной войскам программы: волонтеры (Neger) никогда не знают заранее, что им придется делать. Зато движения, совершаемые под его командой, бывают лишь такие, какие действительно применяются пред лицом врага и исключают всякое тактическое мудрствование. Мак-Мердо, зять завоевателя Синда, сэра Чарльза Непира, и начальник его штаба в Индии, не педант, а глубоко практический солдат, и вся его деятельность с волонтерами доказывает, что он в этой должности вполне на месте.

Бригада по обыкновению встретила инспектора построения в линию. После вступительных формальностей он приказал построиться в колонны на одну четверть дистанции (обычная колонна англичан при движениях войск вне сферы неприятельского огня), сомкнуться к середине и изменить фронт линии колонны вправо вперед, так что упомянутый ровный луг и кустарник вдоль восточной стены парка оказались перед фронтом. Во время этих перестроений, произведенных быстро и без какого-либо замешательства, кавалерия рассыпалась в одну линию, промчалась через кустарник и открыла огонь по воображаемому неприятелю, но скоро вернулась обратно. После этого правофланговый батальон (8-й ланкаширский)

---

¹ Легкие пушки, не составлявшие самостоятельных батарей, но придававшиеся частям легкой пехоты и кавалерии. *Ред.*

был выдвинут вперед, причем четыре его роты рассыпались в цепь, а четыре остались в качестве поддержки; два следующих батальона (смешанный 28-й и 56-й ланкаширский и 33-й ланкаширский) развернули фронт, в то время как левофланговый батальон (40-й ланкаширский) остался в колонне и вместе с кавалерией расположился сзади, на расстоянии 200 шагов, в качестве резерва. Обе пушки стояли на краю холма, на правом фланге стрелковой цепи. До отдачи приказа о наступлении стрелки, резерв и развернутые в линию батальоны лежали на земле. В таком положении бригада представляла очень воинственное зрелище, какое мы не привыкли видеть во время обычных волонтерских маневров; сразу было видно, что командует настоящий солдат.

Но вот раздался сигнал для стрелковой цепи двинуться вперед и открыть огонь. Бой в рассыпном строю был проведен не совсем удачно. Волонтеры, привыкшие схематически рассыпаться на открытой местности своего учебного плаца, слишком заботились о сохранении направления, чтобы думать о прикрытии. Действия на пересеченной местности с группами деревьев были им незнакомы. Особенно сбивали их с толку огороженные кустарники, через которые нельзя было проходить, и они совершенно терялись; одна рота остановилась перед таким кустарником в тесной долине и преспокойно стреляла в него, между тем как остальная цепь уже давно его обошла и находилась перед ним. Кроме того, стрелковая цепь постепенно передвинулась на левый фланг, так что группа кустарников, откуда была выброшена кавалерия, почти совсем не подверглась наступлению, и фронт развернутых батальонов обнажался все больше и больше. Так как весь план и ход маневра отнюдь не требовали такого движения, то я полагаю, что это произошло по недосмотру. Артиллерия подвигалась вперед, все время стреляя, вместе с правым флангом стрелков, причем оставалась часто неприкрытой, и если мой бинокль меня не обманул, то колеса орудий очень часто стояли косо на склоне холма.

Затем стрелки были на мгновение подкреплены ротами резерва, рассыпавшимися в цепь, после чего были отозваны обратно; а тем временем развернутые батальоны продвинулись вперед и открыли огонь шеренгами. Огонь на правом фланге, особенно со стороны 28-го ланкаширского батальона, был очень энергичный и, пожалуй, слишком торопливый; в центре, на правом фланге 33-го ланкаширского батальона, перестрелка шла вяло и прерывалась длительными паузами; на левом фланге стреляли довольно беспорядочно. Часть фронта оказалась здесь за гребнем, превышавшим почти вдвое рост человека, что, однако, не мешало им оживленно стрелять прямо

перед собой. Тем временем 40-й ланкаширский батальон подтянулся из резерва к боевой линии на расстояние 200 шагов и развернулся; справа от него расположился уже вновь собранный 6-й ланкаширский батальон. В обоих батальонах левофланговые взводы рот произвели захождение назад, чтобы освободить место для прохождения первому эшелону, который начал теперь отходить по-ротню, сдвоенными рядами. Признаюсь, я не могу согласиться с этим уставным движением; на этот раз оно нравилось мне меньше, чем когда-либо. Устав требует, чтобы отступающий первый эшелон повернулся кругом и подошел бы в линию ко второму, тоже развернутому эшелону на дистанцию длины фронта роты, а затем по-ротню проходил через образованные вышеуказанным способом интервалы. Если первый эшелон отходит только из-за недостатка боевых припасов, когда он не расстроен и нет оснований опасаться немедленной атаки, тогда такой маневр можно, пожалуй, совершить бегом; но для активного противника это был бы самый удобный момент, чтобы бросить вперед свои массы. Здесь же все это было сделано даже не по уставу. Первый эшелон тотчас же разбился по-ротню, и при этом построении, к тому же весьма неряшливо выполненном, ему пришлось отступить целых 200 шагов без всякого стрелкового прикрытия.

6-й и 40-й ланкаширские батальоны открыли теперь в свою очередь стрельбу шеренгами, причем на этот раз огонь был более равномерным и насыщенным, чем у первых двух батальонов. Когда было расстреляно по 4 — 5 патронов на человека (артиллерия все время вела огонь с правого фланга каждого первого эшелона), раздался сигнал к отбою, и первая часть маневров на этом окончилась. До сих пор полковник Мак-Мердо рассматривал свою бригаду как отдельный корпус, вступивший в самостоятельный бой с предполагаемым неприятелем; вся расстановка сил и движения войск были направлены против впереди лежащей местности, занятой неприятелем. С этого момента он построил все четыре батальона в одну линию, которая должна была играть роль первого эшелона какого-то более крупного отряда. Недостаток пространства не позволял ему теперь считаться с впереди лежащей местностью, и, чтобы удержать людей в своих руках для массового маневра, он должен был также отказаться от всякого дальнейшего применения стрелковых цепей.

II.

Сначала первый эшелон произвел перемену фронта налево вперед, благодаря чему он оказался на продолжении вышеупомянутой северной долины. Остальные батальоны маршировали слева от него,

и вся линия открыла стрельбу шеренгами. Затем всю линию начали все более и более удлинять влево, для чего батальоны правого фланга по-ротно переходили позади фронта на левый фланг и там снова построились. После того как левый фланг был таким путем подтянут почти до кустов у западной стены парка, фронт был отведен направо назад на четверть круга, причем осью захождения служил левофланговый батальон. За исключением левофлангового батальона, это движение было выполнено, как обыкновенно, путем свертывания батальонов в колонны на четверть дистанции, переходом на новую линию фронта и развертыванием на ней, при этом очень быстро и в полном порядке, несмотря на крутой косогор. В то время как батальоны вновь развертывались, я как раз проходил вдоль фронта 40-го ланкаширского батальона, видел, как роты выходили на линию фронта, и должен сказать, что даже самые лучшие из наших континентальных линейных частей выполнили бы это, быть может, элегантнее и «молодцеватее», но наверняка не так спокойно и быстро. Во время перестроения полковник Мак-Мердо несколько раз громко выражал батальону свое полное одобрение. 6-й ланкаширский батальон также развернулся быстро и в полном порядке; мне приходилось видеть, как французские линейные войска исполняли этот маневр гораздо неряшливее. После нескольких залпов бригада слева по-эшелонно выдвинулась вперед, с дистанциями в 100 шагов между батальонами, затем остановилась и беглым шагом построилась в каре. Местами это было исполнено не особенно четко, так как во время движения через кустарник порядок был несколько нарушен. Батальоны снова развернулись, выдвинулись на линию левофлангового батальона, выпустили каждый по залпу, в общем достаточно стройному, и затем вся бригада перешла в наступление одной линией. Мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь из столь многочисленных офицеров Германии, придерживающихся взгляда, будто движения в одну линию невыполнимы с молодыми войсками, видел этот фронтальный марш линии в 640 рядов. Местность была крайне неровная. Фронт проходил поперек отрога холма, довольно круто обрывавшегося с трех сторон; почва была изрыта ямами и кочками; кроме того, было много отдельно стоящих деревьев. Тем не менее, люди прошли несколько сот шагов в полном порядке, с достаточно хорошим равнением, сомкнуто и без колебаний, особенно два батальона в центре (6-й и 40-й), и полковник Мак-Мердо выразил как на месте, так и позднее штаб-офицерам свое полное удовлетворение этим движением. В заключение он приказал трубить сигнал к атаке, и тогда вся масса с чисто волонтерским рвением пробежала полным бегом,

примерно, сотню шагов под гору на открытое поле; это было похоже скорее на состязание в беге, чем на атаку. Когда прозвучал сигнал к отбою, 40-й ланкаширский батальон остановился, хотя и не очень хорошо выравненный, но в компактном, сомкнутом построении, а 6-й в несколько худшем порядке. Зато на флангах, особенно на левом, был сильный беспорядок; люди основательно перемешались, многие попадали, один волонтер первого ряда даже был ранен в икру ноги, так как здесь часть второй шеренги держала штыки наперевес. На этом маневры закончились, войска построились к церемониальному маршу, продефилировали и разошлись по домам.

Мне кажется, что такой пример даст читателям «A[llgemeine] M[ilitär]-Z[ei]tung» гораздо более наглядное представление о характере и уровне подготовки этих волонтеров, чем всякие доктринерские рассуждения. Хотя в данном случае численность сосредоточенных для смотра войск была невелика, но именно это и позволило произвести ряд практических движений, которые были бы невозможны при сосредоточении большого числа волонтеров; здесь для них никогда нехватает места. К тому же батальоны, участвовавшие в смотре, дают хорошее представление о среднем уровне английских волонтерских частей; два батальона, как мы видели, значительно опередили в смысле подготовки оба другие и представляли собой крепко сколоченные батальоны самых крупных городов; два другие, более отсталые по подготовке, хотя бы в силу своего более смешанного состава, представляли скорее волонтерские части, сформированные в деревне и в небольших городах. В общем, можно сказать, что волонтеры достаточно освоились с главнейшими батальонными движениями; они строятся в колонны и развертываются, двигаются в колонне и в линии с достаточной, иногда даже с большой уверенностью. Однако хорошо бы сделали, если бы избавили их от искусственных развертываний и контрмаршей, которые еще содержатся, как и многое другое в этом роде, в английском уставе. Бой в рассыпном строю, который всегда был слабым местом англичан, волонтеры знают настолько, насколько их можно было научить этому на учебном плацу; но и здесь сказывается заметная разница между различными батальонами. Ошибки, допущенные во время этого смотра, как мы видели, ничем не отличаются от ошибок, которые можно ежедневно наблюдать на занятиях в наших континентальных постоянных армиях, хотя эти армии и имеют то преимущество, что ими командуют офицеры, поседевшие на учебном плацу. Однако все же нельзя отрицать, что офицеры английских волонтеров все еще представляют слабое место во всей организации, хотя и в этом отношении заметно значительное

улучшение. Тот, кто находит удовольствие в *церемониальных маршах*, найдет, что и в этом искусстве волонтеры сделали гораздо большие успехи, чем можно было ожидать. Наконец, что касается их достижений на стрельбище, то они безусловно могут померяться силами с любой из европейских постоянных армий и, несомненно, имеют в среднем на батальон больше хороших стрелков, чем большая часть линейных войск. В конечном итоге теперь, через три года, можно считать опыт вполне удавшимся. Почти без всяких расходов со стороны государства Англия создала для обороны страны армию в 160 000 человек, которая уже настолько подготовлена, что ей достаточно будет позаниматься в лагерях от трех до шести недель, в зависимости от различной степени подготовки отдельных батальонов, чтобы стать вполне боеспособной полевой армией. А столько времени англичане будут иметь в своем распоряжении даже в самом худшем случае при любой попытке иноземного вторжения.

Напечатана

в «Allgemeine Militär-Zeitung»

№№ 44 и 45 от 1 и 8 ноября 1862 г.

Подпись: Ф. Э.

КИНГЛЕК О БИТВЕ ПРИ АЛЬМЕ.

Книга Кинглека о Крымской войне ¹ заслуженно вызвала большой интерес как в самой Англии, так и вне ее. Она содержит много ценных и новых материалов; это и не может быть иначе, так как в распоряжении автора были документы английского штаба (Haupt-quartier), множество заметок высших английских офицеров и не мало специально для него составленных мемуаров русских генералов. Но, несмотря на это, книга в отношении изложения событий является не историческим трудом, а скорее романом, — романом, герой которого — английский главнокомандующий лорд Раглан, а конечная цель — возвеличение английской армии, доведенное до абсурда.

Изложение Кинглека вполне подходит для того, чтобы оказать в Германии большое влияние. В то время как эта книга низводит до минимума участие французов в победе при Альме, к русским она относится с видимым почтительным беспристрастием; она ссылагается на известные уже всем источники трех участвовавших в войне наций и свободна от специфически французского хвастовства, которое у Тьера и его компании выглядит столь же отвратительным, как и смешным. Однако наши друзья англичане тоже непрочь похвастать, и хотя они свое хвастовство преподносят более умело, чем французы, но все же краски здесь, по крайней мере, так же сгущены, как и у последних. Уже поэтому интересно снять беллетристическую вуаль с описания военных событий в вышедших двух томах о битве при Альме и отделить действительно новый исторический материал от украшений, хвастовства и догадок, которыми г. Кинглек заполняет свою картину.

Но, кроме этого, битва при Альме представляет совершенно особый тактический интерес, который до сих пор был недостаточно оценен. В этой битве снова сталкиваются, впервые со времен Ватерлоо, две различных тактических системы, одна из которых

---

¹ Энгельс имеет в виду книгу Кинглека «Invasion of the Crimea» [«Вторжение в Крым»], два первых тома которой были опубликованы в 1863 г.; последний, VIII, том был опубликован в 1887 году. *Ред.*

принята всеми европейскими армиями, а другая — отброшена всеми, за исключением одной английской армии. На Альме английская линия двинулась на русские колонны и опрокинула их без особых усилий. Во всяком случае, это признак того, что старая линия не отслужила еще свой век, как это утверждают континентальные учебники тактики, и во всяком случае стоит того, чтобы рассмотреть этот вопрос несколько подробнее.

I.

Данные относительно вооруженных сил обеих сторон у Кинглека приведены чрезвычайно небрежно. Для англичан он имеет под рукой официальные данные и устанавливает по ним число сражавшихся — 25 404 пехотинца и артиллериста, немного более 1 000 кавалеристов и 60 орудий. Это можно считать достоверным. Число французов он указывает круглым числом в 30 тысяч человек с 68 орудиями, кроме того — еще 7 тысяч турок. Если округлить цифру, получается 63 500 союзников с 128 орудиями, что в общем, вероятно, довольно правильно. Но с русскими у г. Кинглека начинаются трудности. Мы имеем, правда, в «Крымской кампании» Аничкова (немецкий перевод — Берлин, Миттлер, 1857, выпуск 1-й) перечень с названиями и нумерацией полков, батальонов, эскадронов и батарей, очевидно основанный на официальных ¹ источниках и не опровергнутый до сих пор ни по одному существенному пункту. Согласно этому источнику, у русских было на Альме 42 батальона, 16 эскадронов, 11 казачьих сотен и 96 орудий в 10¹/₂ батареях; в общем 35 000 человек. Но это ни в какой степени не удовлетворяет г. Кинглека. Он производит особый ² подсчет, причем постоянно ссылается на Аничкова, как на свой авторитет, но дает совершенно иные результаты, не считая, однако, нужным обосновать свои отличные от этих [Аничкова] данные. Вообще для всей книги характерно, что в ней авторитеты цитируются там, где описываются общеизвестные факты, а в случаях новых и важных утверждений, наоборот, это тщательно избегается.

В отношении пехоты оба описания имеют лишь незначительные различия. Аничков приводит 40 линейных батальонов, 1 батальон стрелков и полубатальон морской пехоты. Кинглек превращает этот последний в 2 батальона и ссылается при этом на Ходасевича (майор Тарутинского пехотного полка), который их будто

¹ Зачеркнуто: «русских». *Ред.*

² Зачеркнуто: «точный». *Ред.*

бы видел. Но этот пункт не важен, так как Кинглек сам допускает, что сами русские считали эти части весьма слабыми. Кроме того, он превращает упомянутые у Аничкова две саперные роты в целый батальон и одновременно причисляет их везде к пехоте.

Но в кавалерии преувеличения Кинглека выступают значительно резче. Во всем описании боя и при каждом удобном случае он подчеркивает, что у русских на поле было «3 400 пик» и на каждом плане за правым русским крылом фигурирует огромная колонна, с примечанием, что в этом месте находились русские кавалерийские силы в 3 000 человек. Удивительная бездеятельность этих 3 000 человек и опасность этой их близости для англичан, имевших лишь немногим более тысячи кавалеристов, каждую минуту приходят на память. Кинглек ловко старается не обращать наше внимание на то, что свыше одной трети этой кавалерии состояло из казаков, о которых каждый знает, что в сомкнутом строю они неспособны сражаться с регулярной кавалерией¹. При том незнании всех военных обстоятельств, которое проходит через всю книгу, эту грубую ошибку следует приписать скорее невежеству, чем злой воле.

В отношении артиллерии Кинглек оказывается ниже всякой критики. Аничков, как сказано выше, называет круглую цифру в 96 орудий — в десяти подробно перечисленных легких и тяжелых полевых батареях, к которым присоединяется еще четыре морских пушки в запряжках. Он так же точно знает, где находилась во время сражения каждая из этих батарей. У Кинглека фигурируют все эти батареи (с отдельными незначительными отклонениями в номерах), но кроме того и еще три других. 5-я батарея 17-й бригады, которая встречается и у Аничкова, фигурирует у Кинглека дважды на первоначальной позиции: раз на левом фланге (стр. 231) и вслед же за этим — еще раз в главном резерве (стр. 235)! Таким же образом 3-я батарея той же 17-й бригады, которой, по Аничкову, *там вовсе не было*, фигурирует у Кинглека *дважды*: один раз на левом² фланге (стр. 231) и во второй раз в центре как «позиционная батарея»! Общеизвестно, что, согласно организации русской артиллерии во время Крымской войны (ср. Гакстгаузен — «Очерки о России»), в каждой артиллерийской бригаде была только одна тяжелая батарея в 12 орудий, но ввиду того, что сводились батареи по 8 орудий, могла появиться первая и вторая, *но никогда не третья* тяжелая батарея в бригадах, — однако нашему историку нет до этого никакого

¹ Далее зачеркнуто: «В действительности русские имели». *Ред.*

² Зачеркнуто: «на правсм». *Ред.*

дела. Для него дело заключается лишь в том, чтобы геройские подвиги англичан на Альме сделать возможно более необычайными, а для этого необходимо иметь как можно больше русских пушек. Там, где он находит в русских отчетах (которые все, кроме Аничкова, в большей или меньшей мере непригодны для таких деталей) упоминание о какой-либо батарее, которую не упоминает Аничков, он считает, что Аничков ее забыл, и совершенно спокойно прибавляет ее к батареям, указанным А[ничковым]. Если он эту же самую батарею находит в разных источниках на двух различных местах поля сражения, то он спокойно засчитывает ее дважды и, в крайнем случае, считает, что один раз имеется в виду легкая, второй раз тяжелая батарея.

Со всеми этими фокусами Кинглек получает все же лишь 13^{1/2} батарей, в каждой по 8 пушек, итого 108 орудий, и так как он упускает из вида, что по Аничкову три батареи 16-й бригады были организованы еще по-старому — в 12 орудий (видно, как поверхностно работает человек), то по сравнению с А[ничковым] это дает увеличение лишь на 12 орудий. Итак, Кинглеку приходится делать чрезвычайное усилие, чтобы усеять высоты у Альмы русскими орудиями. В этом ему помогает полевое укрепление, которое англичане высокопарно называли «Большим редутом». Аничков об этом просто говорит: «Вправо от дороги была установлена на выгодной позиции батарея № 1 той же бригады (16-й) и прикрывалась траверсом». Кинглек дает совершенно верное описание этого незначительного сооружения, но он никак не может понять, что за ним были установлены простые 12-фунтовые орудия, и утверждает, что это были якобы тяжелые орудия из Севастополя. Ходасевич утверждает, правда, что там стояли орудия 2-й батареи 16-й бригады (он смешивает 1-ю и 2-ю батарею), но калибр пушек и гаубицы, которые и теперь еще находятся в Вульвиче, доказывает, что эти орудия не принадлежали к обычной полевой артиллерии (стр. 233). Кинглек знает еще больше. На странице 229 он говорит совершенно определенно: «Это были тридцатидвух- и двадцатичетырех-фунтовые гаубицы».

В 1849 г., во время восстания в Пфальце, некоторые предводители инсургентов мотивировали постоянные отступательные движения своих частей тем, что их обстреливали «24-фунтовыми огненными бомбами». Авторы этой мотивировки никогда, конечно, не ожидали, что гаубицы, из которых вылетали эти ужасные ¹ бомбы,

¹ Зачеркнуто: «опасные». *Ред.*

будут завоеваны г. Кинглеком на Альме. Что [значат] те 24-фунтовые ядра орудий, отделенных дистанцией в 1 500 шагов от Канробера, дивизия которого была нейтрализована русскими орудиями, в то время как его собственная артиллерия старалась добраться до него обходом по меньшей мере в половину немецкой мили; наконец, принц Наполеон, застрявший в долине на расстоянии 1 200 шагов от Канробера и медливший перейти реку¹... Такая разбросанность его войск на фронте в 6 000 шагов и, особенно, расположенная напротив позиция Боске настолько беспокоили маршала Сент-Арно; что он прибегнул к отчаянному средству — выдвинуть вперед весь свой резерв. Бригада Люрмеля была послана вслед за Буа, а бригада Д'Ореля закрывала принца Наполеона. Тем, что Сент-Арно направил оба своих резерва именно в те два дефиле, которые и без того уже были забиты войсками, он завершил разбрасывание своих боевых сил. Если бы все это не стояло во французском официальном отчете («Atlas historique de la guerre d'Orient»²), то вряд ли этому можно было бы поверить.

Как это выглядело с русской стороны, и что выручило французов из этого опасного положения?

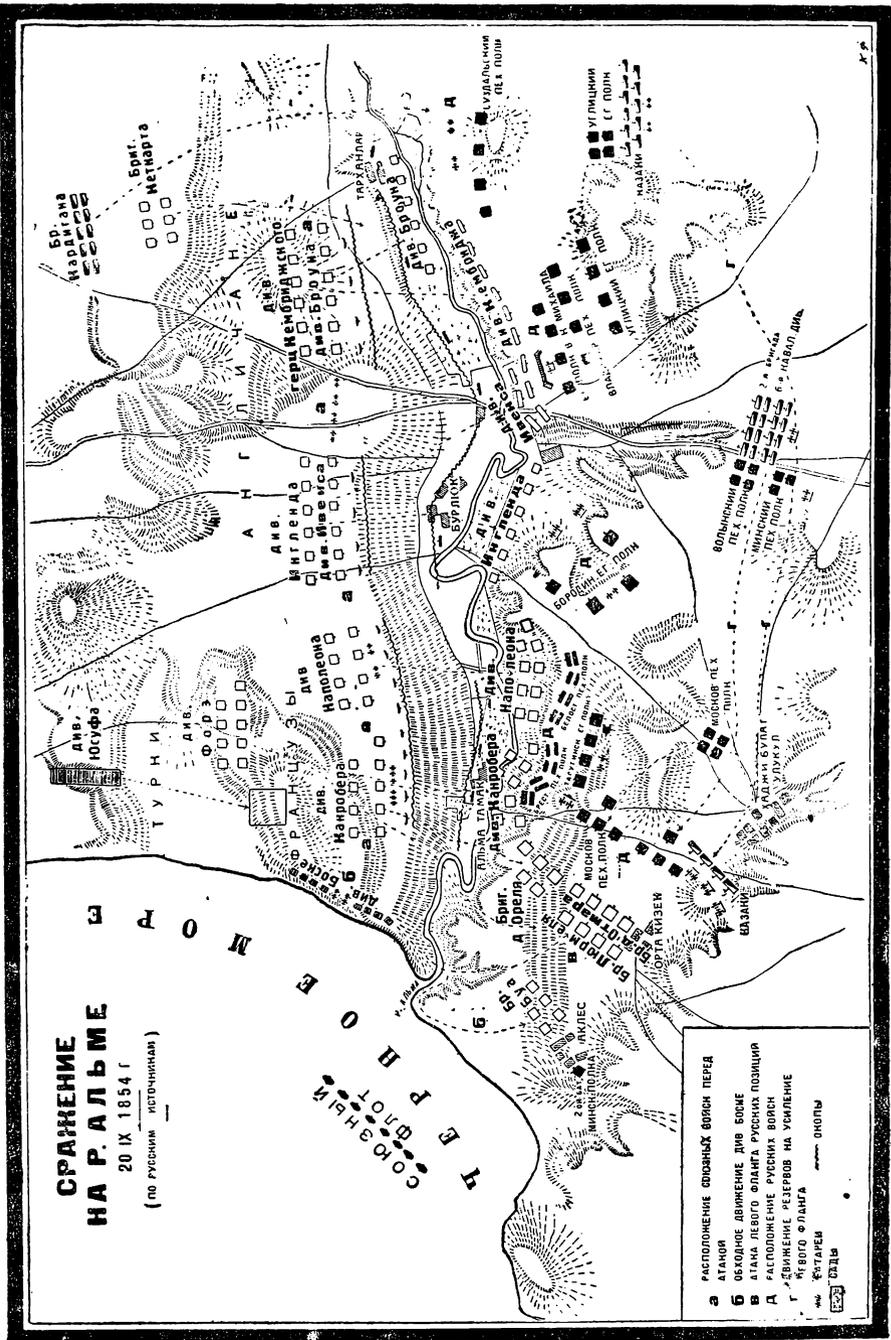
Русским левым флангом командовал Кирьяков. У него в первой линии против Канробера и принца Наполеона было 4 запасных батальона среднего качества (из Брестского и Белостокского полков); во второй — 4 батальона Тарутинского полка, в резерве — 4 батальона Московской и Минской бригады. Второй батальон был выделен еще дальше влево с четырьмя орудиями (4-я батарея 17-й артиллерийской бригады) для наблюдения за берегом моря. Четыре батальона Бородинского полка, находившиеся тоже под его командой, и другие далее к востоку, непосредственно у дороги на Севастополь, если они вообще и привлекались исключительно как стрелки, — сражались почти только против англичан. В общем французам противостояло 13 батальонов с 8 орудиями.

Когда на плато к югу от Альмы стала видна обходная колонна Боске, князь Меншиков сам перешел на левый фланг; он привел с собой из главного резерва остальные 3 батальона Минского пехотного полка, 2 конных батареи, а также 6 эскадронов гусаров. До этого времени сражение ограничивалось ружейной и орудийной перестрелкой; русские войска большей частью отступили немного назад, французские — Наполеон и Канробер — даже еще не

¹ В оригинале фраза не закончена. *Ред.*

² «Исторический атлас Восточной войны». *Ред.*

**СРАВНЕНИЕ
НА РА АЛЬМЕ**
20 IX 1954 г
(по русским источникам)

- а РАСПОЛОЖЕНИЕ СОЗДАНЫХ ВОЙСК ПЕША
- б АГЛАНОЕ ЛВЧЕНИЕ ДВА БОСЧЕ
- в АГЛАНА ЛЕВОГО ФЛАГА РАССКАТ ПОЗИЦИА
- д РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК
- г РВЖИЕНИЕ РЕЗЕРВОВ НА УМЛЕНИЕ
- и ВОГО ФЛАГА
- ж СТАРЕМ
- з ОЮПЫ

КАРТА СРАВНЕНИЯ ПРИ АЛЬМЕ.
РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК ПРОТИВНИКОВ ПО РУССКИМ ИСТОЧНИКАМ.

появлялись на плато или же отстояли так далеко (Боске, Буа, Люрмель), что пока не могли вступить в бой. Так как части принца Наполеона так упорно сражались в дефиле, что еще не выходили из него до сих пор, то для русских не оставалось другого объекта для наступления, кроме как на дивизию Канробера, стоявшую под прикрытием на краю плато. Против нее Меншиков сформировал «чудовищную» колонну (Monstre-Kolonne) из 8 минских и московских батальонов — два батальона по фронту и четыре батальона в глубину, все в штурмовых колоннах с равнением на середину. Отозванный к своему центру, он передал эту беспомощную массу Кирьякову, с приказанием немедленно наступать. Когда эта колонна подошла к французам на ружейный выстрел, последние «не могли дольше выдерживать тяжести, которая давит на сердце континентального солдата при приближении большой пехотной колонны» (стр. 400). Они отступили еще несколько назад от склона. Но в этот момент через балку немного правее появились обе батареи Канробера, совместно с батареями Боске; они быстро стали на позицию и открыли огонь по левому флангу русской массы с таким эффектом, что последняя тотчас же поспешила укрыться. Французская пехота ее не преследовала.

Четыре резервных батальона Кирьякова, по выражению Ходасевича, «растворились» («aufgelöst») под действием стрелкового и оружейного огня; четыре Тарутинских батальона понесли тоже большие потери: восемь батальонов «чудовищной» колонны не имели, повидимому, намерения возобновить атаку. Французская пехота Д'Ореля и Канробера¹ развернулась теперь на плато под прикрытием своей артиллерии, и Боске приблизился к ней; войска принца Наполеона (остаток 2-го полка зуавов, который уже присоединился к Канроберу) начали, наконец, подниматься на высоты. Превосходство сил стало необычно большим; русские батальоны, сконцентрированные на «Телеграфной высоте», таяли под перекрестным огнем французской артиллерии; наконец, русский правый фланг «начал весьма определенное отступательное движение», как говорит сам Кирьяков. При таких обстоятельствах он начал отступление «не преследуемый врагами» (Рукопись мемуаров Кирьякова).

Во французских изложениях последовавшее теперь общее наступление французов увеличивается мнимым штурмом телеграфной башни, причем дошло будто бы до рукопашной, и, таким образом, всей операции был придан красивый мелодраматический финал.

¹ Зачеркнуто: «Боске». *Ред.*

Русские ничего не знают об этом сражении, и К[ирьяков] совершенно отрицает, что оно имело место. Между тем, возможно, что башня была занята стрелками и ее надо было штурмовать и что, кроме того, около нее могли находиться и другие русские стрелки, которых надо было прогнать; только для этого нужен был, конечно, не штурм, а тем более не бег взапуски целой дивизии; история эта в «Atlas historique» [Историческом атласе] во всяком случае сильно преувеличена.

На этом битва закончилась, и Сент-Арно отклонил требование Раглана о преследовании, «потому что войска оставили свои ранцы на той стороне реки» (стр. 492).

Геройские подвиги, о которых после сражения повествовал нам Сент-Арно и затем Базанкур, заметно тают под влиянием этого описания. Вся французская армия вместе с турками силою в 37 000 человек и 68 орудий имела... ¹

III.

Англичане наступали на левом фланге союзников. Их первая линия (Treffen) состояла из дивизии Эванса и легкой дивизии Броуна; ее второй линией были дивизии Ингланда и герцога Кембриджского. Дивизия Кеткарта, из которой были выделены батальон и кавалерийская бригада, двигались уступом слева за открытым левым флангом в качестве резерва. Каждая дивизия состояла из шести батальонов в двух бригадах. Фронт атаки англичан, который соприкасался у деревни Бурлюк с левым флангом принца Наполеона, составлял около 3 600 шагов, так что на каждый из 12 батальонов линии приходилось по 300 шагов.

Выйдя на спускающийся к Альме склон, колонны попали под огонь расположенных против них русских батарей, и по английскому обычаю первая линия сейчас же развернулась. Но при слишком малом протяжении фронта получилось, что правый фланг легкой дивизии был перекрыт левым флангом дивизии Эванса; таким образом, целый батальон (7-го полка) был вытеснен из боевой линии. Артиллерия развернулась перед фронтом. Во второй линии дивизия герцога Кембриджского тоже развернулась, и так как ее батальоны (гвардия и горно-шотландские части) были сильнее, то она одна почти целиком образовала вторую линию; дивизия Ингланда осталась в колоннах вне сферы артиллерийского огня точно так же, как и резерв. Русские открыли огонь в половине второго. Пока развивалось французское наступление, ан-

¹ В оригинале далее следует пропуск. *Ред.*

гличане, чтобы меньше страдать от огня, легли на землю. В кустарниках и виноградниках долины, медленно оттесняя русских, сражались стрелки; последние при своем отступлении подожгли деревню Бурлюк и сузили этим еще больше английский фронт наступления.

Англичане имели перед собой остальную часть русской армии, т. е. 25¹ (Аничков) или 27 (Кинглек) батальонов и 64 орудия. Сами они наступали с 29 батальонами и 60 орудиями; их батальоны были сильнее русских. Русские имели в первой линии два Суздальских полка (крайний правый фланг) и Казанский (или великого князя Михаила Николаевича, правая часть центра), к которому примыкал Бородинский полк. Во второй линии находился Владимирский полк, в специальном резерве — Углицкий полк, в главном резерве оставался Волынский полк, каждый по 4 батальона, и, кроме того, 1 стрелковый батальон и морские стрелки.

К трем часам французское наступление развилось настолько, что колонны Боске и Канробера вышли на плато, а колонны принца Наполеона — в долину; резервам, как мы видим, было также приказано двинуться. Тогда Раглан приказал англичанам наступать. Первая линия поднялась и пошла линией, как и была, вниз на долину. Виноградники и кустарники быстро нарушили порядок частей даже там, где они — как это предписывается для подобных случаев в Англии — разбивались повзводно в сдвоенную колонну. Дивизия Эванса выделила 2 батальона и 1 батарею вправо в обход горящей деревни, а остальная часть пошла влево от деревни и вдоль по дороге на Севастополь. Здесь она вскоре попала под ближний огонь двух русских батарей, установленных для прикрытия дороги и остановивших ее, несмотря на огонь 18 английских орудий. Находившаяся против нее русская пехота состояла из четырех батальонов Бородинского полка и 6-го стрелкового батальона; об их действиях нам ничего не известно.

Легкая дивизия продвигалась дальше влево. Против нее стояли 4 батальона Казанского полка, вправо и влево от 1-й батареи 16-й артиллерийской бригады, занявшей позицию за траверсом; во второй линии 4 батальона Владимирского полка, все в колоннах, и, по данным Кинглека, даже в колоннах по два батальона. Англичане, насколько возможно, успешно перешли реку по многочисленным бродам и на южном берегу обнаружили естественную берму¹ шагов 15 шириной и с обрывом высотой в 8—10 футов; под этим прикрытием они могли снова построиться. По ту сторону склона

---

¹ Берма — уступ, искусственно устраиваемый у подошвы наружного укрепления рва. *Ред.*

местность была открытой и слегка повышалась к батарее, стоявшей приблизительно в 300 шагах. Сопротивление оказывалось им в некоторых местах лишь стрелками; их собственные редко разбросанные застрельщики отошли далеко влево и обнажили весь фронт. Но сами они не высылали стрелков вперед, равно как и не произвели нового построения. Броун сам отказался от этой попытки и приказал двигаться вперед, «полагаясь на мужество войск» (стр. 315). В то время как бригадир левого фланга оставил в своих руках 2 батальона для отражения возможного флангового наступления русской кавалерии, остальные 4 батальона вместе с присоединившимся к ним батальоном дивизии Эванса (95-й полк) двигались вперед на батарею, наполовину в линии, наполовину беспорядочными группами.

Едва только они взобрались по склону, как были встречены обеими колоннами Казанского полка. И здесь наш автор начинает один из своих прекраснейших дифирамбов о несравненности британских войск. «Здесь обнаружилось, что, несмотря почти на сорок лет мира, наши солдаты все еще обладают теми неоценимыми свойствами, которые препятствуют им в такой же степени, как иностранцам, чувствовать тяжесть пехотной колонны... они начали стрелять на свой английский лад, полувесело, полураздраженно, в плотную солидную массу, торжественно надвигавшуюся на них. Колонна не волновалась, но она являлась возможно перемущтрованной частью, неумело или слабо управляемой. Во всяком случае, ее начальники не могли внушить впечатление ее силы тем кучкам английских юнцов (lads), которые весело шли ей навстречу и дразнили ее пулями. Вскоре колонна была остановлена, пошла назад и скрылась за пригорком» (стр. 325).

Мы не станем больше заниматься этим хвастовством и лишь укажем, что эти «юнцы» и «молодые войска», как их любит называть Кинглек и которых мы достаточно часто видим (33-й полк, сражавшийся здесь, перед самым его отправлением в Крым), при двенадцатилетнем сроке службы в Англии и при частых продолжениях срока службы еще на 9 лет — были тогда в среднем в возрасте минимум 27 лет, и что со времени Крымской войны и Ост-индского восстания, где эти великолепные полки были уничтожены, каждый английский офицер тщетно хотел бы опять получить под свое начальство таких старых «юнцов». Но довольно. Эта колонна (восточная, находившаяся перед правым флангом русских) после слабой попытки произвести штыковую атаку была, повидимому, вынуждена отступить именно из-за огня беспорядочной линии. Другая повела наступление на 7-й полк, но перешла вскоре к огневому бою и долго продолжала

вести последний не развертываясь, причем, естественно, понесла огромные потери.

Три английских батальона, находившиеся в центре, двигались на батарею, огонь которой был, повидимому, слабым и не задерживал наступление. Когда части подошли достаточно близко, чтобы броситься в атаку на орудия, батарея дала залп, стала на передки и ускакала. Одна 7-фунтовая гаубица была найдена в укреплении, другая, 32-фунтовая, запряженная только тремя лошадьми, была задержана и захвачена капитаном 23-го полка Беллом. Англичане заняли внешний парапет траверса и держались сомкнуто на правом и левом флангах. Владимирский полк подошел теперь ближе, но вместо того, чтобы ударить в штыки по расстроенной массе, также поддался соблазну вести огонь и остановился. Густая колонна подверглась бы под огнем гораздо более широкого фронта англичан, вероятно, той же участи, что и Казанский полк, но тут у англичан дважды раздался сигнал к отступлению и дважды был повторен по всей линии; части начали, сперва в отдельных местах, затем повсюду, отступать, что производилось местами спокойно, а местами в полном беспорядке. Четыре участвовавших здесь батальона потеряли вместе 46 офицеров и 819 рядовых.

Вторая линия герцога Кембриджского следовала за первой весьма медленно и за время всего этого боя перешла сначала реку и затем стояла под прикрытием вышеупомянутого рубежа. Только теперь она двинулась вперед. Средний батальон правой бригады, шотландские гвардейские стрелки, выдвинулся первым, но его левый фланг был смят отступающими беглецами легкой дивизии. Правый фланг не выдержал огня Владимирского полка, и этот батальон, не получив своевременной поддержки, отошел в беспорядке назад. Это было в то самое время, когда французское наступление начало замедляться, и против Канробера сформировалась колонна из восьми батальонов.

Этот момент, когда союзникам везде приходилось плохо, для г. Кинглека является самым подходящим, чтобы показать нам чудо, не уступающее «Тысяче и одной ночи» и придающее лорду Раглану неожиданную славу. Мы пропустили бы это обстоятельство, если бы оно действительно не оказало некоторого влияния на ход сражения и не получило бы известного значения еще потому, что Кинглек здесь говорит как *очевидец*, — правда, весьма мало разбирающийся в деле.

Когда английская линия перешла в движение, чтобы перейти реку, Раглан со своим штабом поехал к месту соприкосновения английской и французской линии через Альму и на противоположном

берегу стал подниматься вверх по ущелью, почти не встречая какого-либо сопротивления, исключая отдельных немногих застрельщиков. Вскоре он встретил перед собой круглую вершину, на которую поднялся и с которой мог рассмотреть с фланга все расположение русской армии против англичан, включительно до резервов. Как ни странно, чтобы генерал наступающей армии располагался лично, без всякого прикрытия, на холме у фланга неприятеля, но поскольку это происходило на глазах многочисленных «юнцов», можно в этом не сомневаться. Однако Кинглек, не удовлетворяясь расположением своего героя непосредственно перед вражеским флангом или на его продолжении, переносит холм, о котором идет речь, за неприятельский фронт, между ним и русскими резервами, и заставляет оттуда Раглана одним своим появлением парализовать всю русскую армию. Текст книги в отношении этого пункта ни на волос не мелодраматичнее, чем рисунок, где красная звезда изображает лорда Раглана находящимся в 1 200 шагах перед русским правым флангом среди зеленых русских колонн, которые прямо-таки оказывают ему почтение, в то время как он, подобно «Зевсу-громовержцу», руководит сражением.

Этот холм, точного указания месторасположения которого мы дать не можем, но который, во всяком случае, находится не там, куда его ставит Кинглек, — этот холм представлял, однако, хорошую позицию для артиллерии, и Раглан сейчас же посылает за орудиями, а также за пехотой. Несколько времени спустя, приблизительно одновременно со взятием батареи англичанами, прибыли два орудия. Одно из этих орудий якобы разогнало русский резерв (который, по К[инглеку], был лишь на расстоянии в 1 100 шагов), другое же взяло под фланговый обстрел батарею, прикрывавшую мост на дороге в Севастополь. После нескольких выстрелов эта батарея, уже давно обстреливаемая превосходящей ее артиллерией (18 орудий) с фронта, снялась, и таким образом был открыт путь для продвижения дивизии Эванса. Последняя медленно погнала перед собой русскую пехоту, сражавшуюся здесь, большей частью разрозненно, и вместе с дивизией Ингланда, артиллерия которой соединилась с ее артиллерией, установила свои орудия на первом гребне холма.

Между тем далее налево дивизия герцога Кембриджского вела решающий бой. Из трех гвардейских батальонов ее правого крыла средний (шотландские стрелки) слишком рано выдвинулся вперед и пришел в беспорядок. Теперь справа начали наступление в линию гвардейские гренадеры, слева гвардейский Колдстримский батальон

против вновь занятого Владимирским полком траверса ¹; между ними находился промежуток для фронта батальона, который должен был быть заполнен шотландскими стрелками, но который был лишь до некоторой степени прикрыт остатками этого батальона и легкой дивизии, собиравшимися еще далее позади. Влево от Колдстримского батальона шли 4 верхне-шотландских батальона Колина Кемпбелла также в линии, в эшелонах от правого фланга, в отличном порядке.

Против гвардейских grenадеров находились оба левофланговых батальона Казанского полка, которые были уже отброшены огнем 7-го полка, и оба левофланговых батальона Владимирского, которые наступали теперь против левого фланга в стык, между гренадерами и Колдстримским батальоном; гренадеры задержались, отодвинули левый фланг немного назад и огнем заставили колонну сейчас же остановиться. Естественно, что через короткий промежуток времени колонна была так потрясена огнем линии, что даже сам князь Горчаков, который командовал русским правым флангом, не мог заставить ее перейти к штыковой атаке. Благодаря незначительным изменениям фронта английских гренадеров колонна попала под огонь всей их линии; она заколебалась и, когда англичане пошли вперед, — отступила ². Между тем, оба других владимирских батальона вели перестрелку с батальоном Колдстрима, пока, наконец, на ту же высоту не прибыла шотландская бригада. Расположенные на русском крайнем правом фланге четыре батальона Суздальского полка продвинулись теперь ближе к решающему пункту боя, к брустверу батареи, но внезапно, во время этого флангового марша, оказались под огнем шотландских линий и отступили без серьезного сопротивления.

Генерал Крицинский, командир 16-й дивизии, после того как князь Горчаков выбыл из строя вследствие падения с убитой лошади, командовал правым флангом. Английское линейное построение было для него так ново, что лишило его всякой возможности судить о силе противника. В своих, имеющихся у Кинглека, мемуарах он сам говорит, что видел наступление англичан в трех перекрывающих друг друга линиях (очевидно, это были три шотландских эшелона), и перед таким превосходством он должен был

¹ Далее зачеркнуто: «Владимирцы продвигались в двух колоннах, слабо поддерживаемые справа и слева двумя колоннами стрелков Казанского полка. Левая колонна продвинулась». *Ред.*

² Далее зачеркнуто: «Одновременно Крицинский (командир 16-й дивизии) дал приказ обоим батальонам Владимирского полка и другим находящимся поблизости войскам». *Ред.*

отступить, после того как было отбито наступление четырех Владимирских батальонов. Четыре батальона Углицкого полка продвинулись вперед лишь настолько, насколько это было необходимо для задержки бегущих. Артиллерия и кавалерия больше вовсе не использовалась, и русские, не преследуемые англичанами, которые хотели сберечь свою кавалерию, начали отступление. Дивизия герцога Кембриджского потеряла несколько меньше 5 000 человек.

Итак, в решающий момент здесь сражались 6 батальонов дивизии герцога Кембриджского при поддержке остатков легкой дивизии, в общем 11 батальонов (оба левофланговых батальона легкой дивизии не продвинулись вперед и позднее) против 12 русских батальонов Казанского, Владимирского и Суздальского полков, и, если мы присоединим еще 4 Углицких батальона, хотя их активное вмешательство в сражении остается весьма проблематичным, — против 16 русских батальонов, которые после очень короткого сражения и были отброшены.

Автор даже утверждает, что все сражение пехоты⁴ продолжалось не более 35 минут; во всяком случае, к 4 часам исход боя был полностью решен. Чем же объясняются эти быстрые успехи против почти равных, а быть может, и более сильных масс пехоты на сильной оборонительной позиции?

Ксмандование англичан также было не безупречным. Помимо того, что Эванс не делал ни малейшей попытки ударить по левому флангу противника, а ограничивался слабым фронтальным боем, каждому должно быть ясно, что герцог Кембриджский в качестве начальника второй линии не сделал того, что было его обязанностью. Когда первая линия взяла штурмом бруствер батареи, то второй не было там в качестве подкрепления; она подошла лишь после того, как первая была уже отброшена и должна была начать действия сначала. Но как только какой-либо английский начальник подходил к противнику, и у него не было никаких определенных контр-приказов, он стремился совместно с соседними частями наступать на противника, и это придавало обоим главным наступлениям решительность, которая обеспечила успех.

Русские, напротив, показали большую неуверенность в командовании. Правда, Меншиков имел несчастье находиться во время краткого решающего периода далеко от главного пункта, но ни Горчаков, ни Крицинский, по их собственному признанию, не приняли никаких мер для более энергичной встречи наступления. Первое наступление производилось четырьмя батальонами Казанского полка против пяти английских и было отбито; второе — опять

четырьмя батальонами (Владимирский полк) и тоже было отбито. О серьезном наступлении четырех батальонов Углицкого полка у нас нет никаких сведений. Четыре батальона Суздальского полка допустили противника захватить их огнем при фланговом марше. Находившийся в главном резерве Волынский полк, кажется, совсем не был использован. Артиллерия быстро замолчала, а кавалерия совсем ничего не делала. Была ли это боязнь ответственности, приказ ли не рисковать армией, но и на английском фланге русские вели себя без энергии и активности, которые одни лишь могут обеспечить победу более слабой стороне.

Конечно, была еще и другая причина, облегчившая англичанам победу. Русские сражались в глубоких и густых колоннах, англичане — в линии. Русские несли огромные потери от артиллерии противника; англичане же, вплоть до картечного огня, — очень небольшие. Когда пехотные массы сблизились, колонны можно было спасти от беспорядочного огня линий противника только мощной, кровопролитной штыковой атакой, но повсюду мы видели замирание наступления, превращение его в перестрелку. Что же затем? Если развернуться под огнем противника, то ни один человек не может сказать, как это пройдет, а если оставаться в колоннах — *одно* стреляющее оружие против *четырёх* неприятельских, — то колонна наверне погибла. Это последнее происходило в каждом отдельном случае на Альме. Даже более того. Колонну, раз попавшую в перестрелку, *никогда* нельзя было заставить решительно идти вперед; ведущую огонь линию, наоборот, — *каждый раз*.

Оба противника — и русские, и англичане — действовали, как известно, плохо в рассыпном бою; сражение решалось благодаря этому исключительно массами; если мы не хотим согласиться с Кинглеком, что англичане являются своего рода полубогами, то мы должны будем признать, что для наступления и для обороны на открытой местности линия обладает в известной мере более значительными преимуществами перед колонной.

Вся современная военная история англичан... ¹

Написана в 1863 г. для

«Allgemeine Militär-Zeitung».

Печатается по рукописи, написанной

Энгельсом.

---

¹ На этом рукопись обрывается. *Ред.*

АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ.

Недавно «Allg[emeine] Mil[itär]-Zeit[ung]», подробно разбирая небольшую работу Петри и Джемса ¹, описала организацию английской армии, а после того, в другой статье — положение этой армии в английском государстве. Теперь остается только рассмотреть самую армию ² в ее историческом развитии за последние 70 лет, ее современное состояние, людской материал, внутренний распорядок, тактическую подготовку и ее своеобразные формы боя. Это и является целью настоящих строк.

Английская армия представляет для военного наблюдателя совершенно исключительный интерес. Это единственная в мире армия, которая все еще упорно придерживается старой линейной тактики, до сих пор совершенно не зная колонн в пределах действия огня пехоты (за исключением боя в дефиле). Она не только ведет огонь линией, но и идет в штыки тоже лишь линией. Несмотря на это, — или может быть именно поэтому, — она бесспорно является той армией, которая потерпела наименьшее число поражений. Во всяком случае, стоит заняться более подробным изучением способов ведения боя такой армией, и именно теперь, когда — к изумлению всего мира — представлявшееся невозможным становится возможным: Англия угрожает нам, немцам, войной.

I.

Мы начнем, естественно с *пехоты*. *Robur peditum* [отборная пехота] составляет главную силу и гордость английской армии. Со времени Вильяма Нспира во всей Англии стало символом веры, что массовый огонь английской линии превосходит огонь всякой другой части войска и что британскому штыку нельзя противостоять; действительно, англичане — как, впрочем, и другие народы — своими победами прежде всего обязаны пехоте.

¹ Имеется в виду работа «The Organisation, Composition and Strength of the Army of Great Britain» [«Организация, состав и сила армии Великобритании»], выпущенная Петри и Джемсом в 1863 году. *Ред.*

² Далее в рукописи зачеркнуто: «развитие ее в целом». *Ред.*

Handwritten title at the top of the page.

Handwritten text in the first paragraph, starting with "Lieber Herr..."

Handwritten text in the second paragraph, continuing the letter's content.

Handwritten text in the third paragraph, concluding the main body of the letter.

Handwritten text in the fourth paragraph, appearing to be a separate section or a closing note.

Handwritten text in the fifth paragraph, possibly a signature or a final note.

Английская пехота состоит из 3 гвардейских полков с 7 батальонами, 109 линейных полков, из которых №№ 1 — 25 имеют по 2 батальона, № 60 (егеря) — 4 батальона, а все остальные — только по 1 батальону. Кроме того, имеется еще егерская бригада из 4 батальонов; в общем 141 батальон. Число батальонов в линейном полку — один или же два — зависит исключительно от потребности: как только позволят обстоятельства, вторые батальоны первых 25 полков будут, наверное, опять расформированы. Чинопроизводство офицеров происходит и в полку, из-за чего часто возникают фатальные помехи, если, — как, например, и теперь в 13-м полку, — первый батальон расположен в Ямайке, а другой стоит в Новой Зеландии.

Резервными и отборными частями считаются в первую очередь гвардия и 8 верхне-шотландских полков, которые своими действиями всегда оправдывали эту репутацию. Легкой пехотой считаются 9 так называемых «легких» и 5 «стрелковых» полков, однако они отличаются от линейных частей лишь немногим, и только 8 егерских батальонов являются действительно легкой пехотой. Полки №№ 101 — 109, бывшие европейские полки Ост-индской компании, служат только в Индии.

Кроме этих 141 батальонов британской пехоты, внутри страны имеются еще различные части, к которым мы вернемся позднее, и в колониях:

В Северной Америке — 1 батальон и 2 роты (британских войск)	1 350 чел.
» Вест-Индии — 4 батальона негров и мулатов	3 700 »
На острове Св. Елены — 1 британский батальон	560 »
» Мальте — туземная крепостная артиллерия	640 »
» Мысе Доброй Надежды — конные егеря, $\frac{5}{8}$ готтентотов, $\frac{1}{8}$ европейцев, большей частью немцы и швейцарцы	900 »
» Цейлоне — 3 батальона туземных егерей	1 460 »

В с е г о . . . . . 8 610 чел.¹

И, наконец, в Индии туземная армия, 151 батальон общей численностью 110 000 человек. Эти части управляются, за немногими исключениями, британскими офицерами и всей своей организацией весьма схожи с английскими линейными частями. Только индийская армия имеет еще со времен Ост-индской компании кое-что своеобразное; так, например, в ней неизвестна покупка должностей, по

¹ В рукописи итог ошибочно дается: «8 510». Ред.

крайней мере официально, хотя косвенно подобные вещи там тоже имеют место.

Английской пехоты на 5 февраля с. г. было в Индии 58 батальонов, в Китае — 3, на о-ве Маврикия (Иль-де-Франс) — 2, на Мысе Доброй Надежды — 4, в Канаде и других северо-американских владениях — 12, в Бермуде — 1, в Вест-Индии — 2, в Новой Зеландии (из-за войны с туземцами) — 10, в Гибралтаре — 5, на Ионических островах — 4, на Мальте — 5, в Англии и в пути на родину — 42. Из этих последних в Лондоне были — 6, в Альдершотском лагере — 9, Портсмуте, Плимуте и Дувре — 10, на Джерси — 1, внутри Англии — 2, в Шотландии — 2, в Ирландии — 10, на обратном пути — 2. Здесь можно видеть ту огромную поддержку, которая оказывается армии со стороны флота; без его защиты и тех быстрходных транспортных средств, которые он предоставляет, этих слабых гарнизонов было бы далеко не достаточно. Там же, где флот может оказать лишь слабую защиту, как в Индии и Канаде, там мы встречаем сильные гарнизоны, равно как и на стратегических позициях Средиземного моря, где нужно быть готовым к столкновениям с европейскими войсками.

Раньше было правилом посылать гвардию за пределы страны лишь в случае войны; однако теперь два гвардейских батальона находятся в Канаде.

Общая численность действующей пехоты достигает в настоящее время 133 500 человек, т. е. в среднем 884 человека на батальон, разделенный на 10 рот¹, каждая с капитаном, одним лейтенантом и одним прапорщиком — *ensign* (соответствует нашему младшему лейтенанту). Кроме того, каждый батальон, за исключением гвардии, имеет еще 2 кадровых роты (*depot compagnien*) для обучения рекрутов; от 6 до 8 этих рот объединяются в кадровый батальон, каковых имеется 23 с общим количеством около 18 000 человек. Все эти кадровые части расположены внутри страны, большей частью у моря или вблизи него. Таким образом, общая численность английской пехоты составляет немного более 150 000 человек.

II.

Офицеры рекрутируются из всех образованных классов нации. От кандидатов не требуется большого теоретического школьного образования: на установленных экзаменах предъявляются требования, которые заставили бы смеяться прусского портупей-прапор-

¹ Зачеркнуто: «действующих» (*aktive*). *Ред.*

щика. Между прочим, пытаются привлечь все большее количество молодых людей из военной школы в Сендхерсте, и именно тем, что лицам, которые лучше всего выдержат экзамены, предоставляется *без покупки* место прапорщика. Знание языков требуется лишь небольшое, и при этом кандидату предоставляется большая свобода выбора между многими европейскими и индийскими языками; математические требования чрезвычайно низки; но на хороший, ясный, простой способ выражений в английских сочинениях на практические темы обращается гораздо большее внимание, чем у нас, где почти каждая немецкая армия пишет на своем особом немецком языке, и не всегда на немецком языке, достаточно вразумительном с точки зрения здравого смысла. То, что не допытываются до политических убеждений¹, само собой понятно в стране, где обе главных партии имеют почти одинаковое число своих представителей среди аристократии; знаменитая военная фамилия Англии, Непиры, состояла и состоит почти исключительно из откровенных радикалов. В общем, внимание обращается не столько на знания, сколько на мужественность характера, и так как английский офицер наверняка может рассчитывать на командировку во все концы мира и скоро попасть в бой, то можно себе ясно представить, что английская армия не становится в такой мере, как другие армии, институтом призрения людей, которым недостает почти всех физических и моральных качеств солдата. Но это последнее и является главной гарантией для хорошего офицерского корпуса; ибо, несмотря на все вышеприведенные прекрасные правила, нигде не существует такого кумовства и семейного протекционизма, как в английской армии. Без влиятельных связей никто не может попасть в офицерский корпус, а без денег никто не продвигается вверх, если не выйдет такое счастье, что его предшественник будет убит в бою. Правда, и здесь бывают славные исключения; сын сапожника из Глазго умер в прошлом году как фельдмаршал лорд Клайд, после того как вновь покориł потерянную Индию; зато бедный Колин Кемпбелл должен был проделать еще в 1807 г. поход на Буэнос-Айрес офицером, а в 1854 г., когда отправился в Крым, был лишь незадолго перед тем назначен полковником, причем без некоего отдаленного родственника, командовавшего полком, он никогда не стал бы офицером.

Английские офицеры образуют, особенно в самой Англии, весьма замкнутую корпорацию. У них даже есть, как и в Пруссии,

¹ Зачеркнуто: «что политические убеждения абсолютно не оказывают влияния». *Ред.*

свой собственный диалект; или, скорее, произношение (Akzent), и они очень мало связаны с населением городов, где расположены их гарнизоны. Эта замкнутость усиливается тем, что холостые офицеры живут в казарме (т. е. в отдельном здании во дворе казармы) и должны питаться за общим офицерским столом. В стране, где армия подсудна гражданским судам по всем проступкам, не являющимся строго военными, это совместное проживание в казарме является необходимостью. Молодые офицеры сурово наказываются за сумасбродные выходки в городе, которые могли бы вызвать столкновение с гражданскими властями, но зато в самих казармах господствует довольно широкая свобода. Доступ всякого рода женщинам совершенно свободен, бывают основательные выпивки и азартные игры, и молодые люди разыгрывают друг над другом самые грубые шутки. Если к ним попадет какой-нибудь тихоня, то тем хуже для него. Несколько лет тому назад эти «practical jokes» [проделки], доведенные в некоторых полках до крайностей, вызвали скандальные процессы в военных судах, и с тех пор против этого издано несколько строгих приказов; в действительности же на подобные шутки в большинстве случаев смотрят с удовольствием, лишь бы не было публичного скандала. На ¹ офицерский стол правительство отпускает ежегодно по 25 ф. ст. на роту; он должен быть приличен, но экономен, с тем, чтобы менее обеспеченные офицеры не вынуждались производить расходы сверх своих средств. Несмотря на это, все же имеется достаточно поводов для траты денег, и ростовщики путем векселей и расписок вводят в несчастье и здесь столько же молодых офицеров, как и во всяком другом месте.

Такой образ жизни накладывает на поведение английского офицера вне казармы свой отпечаток. По отношению к штатским, — хотя вне службы он сам почти всегда носит штатское платье, — он по большей части аристократически сдержан; высокомерный, заносчивый тон по отношению к гражданским лицам встречается лишь в виде исключения в таких гарнизонных городах, как Портсмут, или в стрелковых школах, где скопляется много офицеров и где они задают тон. В общем, офицер должен показать, что он «офицер и джентльмен»; каждый момент он может предстать перед военным судом, быть уволенным и даже разжалованным «за поведение, недостойное офицера и джентльмена»; и это происходит без всякой пощады, как только какой-нибудь офицер своим публичным поведением вызвал скандал и если только он сам не подаст в отставку. Затумашивание

¹ Далее зачеркнуто: «полковой». *Ред.*

публичных скандальных историй, что, как известно, происходит в Германии, в Англии невозможно, и дух армии от этого может только выиграть.

Право офицера носить вне службы штатское платье, как это ни непривычно для нас, немцев, все же имеет свои очень хорошие стороны, и то, что это ни в коем случае не оказывает неблагоприятного влияния на военный дух офицерства, достаточно доказывается на примере Англии. Впрочем, надо заметить, что в главных гарнизонах, как то: Чатам, Портсмут и т. п., где много служебной работы, офицеры редко появляются в штатском.

Дуэль совершенно исчезла из английской армии. Последняя дуэль между офицерами состоялась 20 лет назад между двумя зятями майором и лейтенантом; майор был убит, а лейтенант был оправдан присяжными ввиду того, что он подвергся неслыханной провокации. Взгляды на честь, которые установились в английском офицерстве, — и никем так ревностно не поддерживались, как самим Веллингтоном, — покоятся на принципе, что тот, кто без повода оскорбляет кого-либо другого, лишает чести самого себя, а не оскорбленного, и что он может восстановить свою честь лишь исправлением своего несправедливого поступка, насколько это в его силах. Следовательно, тот, кто первым оскорбляет товарища¹, подвергается обвинению в поведении, недостойном джентльмена, если он не исправит своей вины или же если оскорбление вообще такого рода, что не может быть исправлено; военный суд быстро приводит дело в порядок. Эти взгляды в некоторых кругах, особенно прусской армии, могут показаться достаточно странными, но в них больше здравого смысла, чем это имеет место у некоторых людей, фанатически превозносящих дуэль как «дело чести» (*point d'honneur*). Что при этом прекрасно может существовать чувство воинской чести, доказывают сами английские офицеры, которые в этом отношении не боятся никакого сравнения.

Производство в чины происходит в полку по старшинству службы, связанному с покупкой мест, а именно так. Как только открывается вакансия, за старшим офицером следующего чина остается право выбирать, покупает ли он это место или нет; если он отказывается, что бывает лишь при недостатке денежных средств, то очередь переходит ко второму по старшинству и т. д. Эта покупка мест является одним из самых скверных порядков в английской армии, с которым никогда не примирились бы офицеры других армий.

¹ Далее зачеркнуто: «не будучи вызван на это». *Ред.*

Положение остается нелепым и отвратительным, даже если учесть все смягчающие доводы, приводимые англичанами в его защиту: что благодаря этому молодые офицеры быстрее продвигаются по службе, что это является древним традиционным институтом, трудно упразднимым, и т. д. Для английской армии остается позором, что она не смогла преодолеть этой системы, и духу офицерства безусловно в высшей мере вредит то, что дельные офицеры должны киснуть в низших чинах из-за того, что они располагают только своим жалованьем, но не имеют капитала.

Цена патента на прапорщика (т. е. суб-лейтенанта) линейной пехоты — 450 ф. ст. (3 000 талеров); если прапорщик хочет продвигнуться в лейтенанты, он должен заплатить еще 250 ф. ст. (1 700 талеров); за капитанский патент — опять 1 100 ф. (7 030 талеров); майорский патент — опять 1 400 ф. (9 030 талеров); патент на подполковника (обер-лейтенант) — еще 1 300 ф. (8 700 талеров). Этот патент стоит, следовательно, в общем 4 540 ф. ст., или свыше 30 000 талеров, которые его владелец получает обратно от своего заместителя, когда он достигнет чина полковника. В гвардии и в кавалерии цены еще выше; в артиллерии и в инженерных войсках покупки мест нет. Если офицер умирает, то весь вложенный капитал теряется, и ближайший по старшинству службы заступает его место без покупки. Начиная с полковника, покупка уже не имеет места; каждый подполковник, пробывший в этой должности на действительной службе три года, становится по праву полковником. Под угрозой отставки за офицерское место запрещено платить более установленной цены, однако на практике это происходит сплошь и рядом.

Так как требования для экзамена на прапорщика вообще не включают никаких военных знаний, то перед производством в лейтенанты и в капитаны бывает еще специальный экзамен, ограничивающийся знанием практики службы, уставов, военного законодательства и строевого учения. Теоретические знания по тактике не требуются.

В гвардии офицеры имеют более высокие чины: прапорщик гвардии соответствует лейтенанту линейных войск, лейтенант — капитану, капитан — подполковнику. Это вызывает много недовольства среди линейных офицеров.

Унтер-офицеры производятся в офицеры лишь в исключительных случаях. Основная повседневная работа в батальоне ложится на трех офицеров: адъютанта, квартирмейстера и казначея. Поэтому на эти должности обыкновенно берутся старые надежные унтер-офицеры, которые никогда не идут выше чина лейтенанта, предоставлен-

ного им бесплатно. Вообще же производство в офицеры случается весьма редко, только за особые отличия в боях. Характер английской наемной армии, обуславливающий весьма значительную примесь низких и грубых элементов, зависящий от этого тон в войсках и необходимый при этом вид дисциплины — вызывают то, что офицеры принадлежат, само собой понятно, к более высокому классу общества, чем солдаты. Расстояние¹ между офицером и солдатом в Англии поэтому больше, чем где бы то ни было. А потому и производство в чине снизу вверх здесь очень затруднено и впредь будет оставаться редким исключением, пока, с одной стороны, будет продолжаться покупка мест, а с другой — система вербовки. Случаи, когда молодые образованные люди добровольно вступают в армию, чтобы дослужиться до производства в офицеры, как это часто бывает в Пруссии и Франции, в Англии не могут иметь места; характер войска таков, что все бы подумали — молодой человек берется за солдатское ремесло совсем по другим мотивам, о которых он предпочитает умалчивать. Поэтому становится вполне понятным, что английское офицерство состоит почти исключительно из людей, воспитанных как джентльмены, и что солдатская масса больше уважает офицеров, заранее являющихся их «природными начальниками» («natürlichen Vorgesetzten»), как говорят в Англии.

Соответственно этому и тон, господствующий между офицерами и солдатами, холоден и деловит. Оба класса связаны друг с другом лишь отношениями приказывания и повиновения. Никогда не бывает ни искренности, ни шуток, ни проявления чувства. Похвала и порицание солдату со стороны офицеров производится непосредственно очень редко и всегда тем же спокойным, деловым тоном. Это относится, конечно, только к служебным взаимоотношениям, при строевых занятиях и т. п.; при случае английские офицеры могут ругаться весьма основательно, о чем могли бы достаточно рассказать их денщики.

Одной из присущих английской армии особенностей является то, что офицер может иметь два чина: более низкий в своем полку и более высокий — в армии. Этот второй чин, если он дается на все время и безусловно, называется «чином по патенту» (Brevet-Rang). Таким образом, капитан может быть в армии бreve-майором или бreve-подполковником; бывало даже так (особенно с командирами индийских иррегулярных частей), что в своем полку они были только лейтенантами, а в армии — майорами. Такой капитан и бreve-майор

¹ Зачеркнуто: «Различие». *Ред.*

в своем полку исполняет обязанности капитана, но по гарнизонной или лагерной службе считается штаб-офицером. Этот более высокий чин может быть также пожалован только на определенное время или в определенной колонии или на определенном театре военных действий. Так, за последнее десятилетие некоторые полковники были на время Крымской войны или на время их пребывания в Леванте переименованы в «бригадные генералы» или «генерал-майоры»; то же и в Индии. Эта система является средством повышения некоторых, избранных или особо полезных людей помимо старшинства, но она, очевидно, влечет за собою много недоразумений и неприятностей. Англичане никак не могли растолковать французам в Крыму, что один и тот же человек может быть одновременно и капитаном, и майором.

При повышении в чине существует правило, что никто не может стать капитаном полностью, не послужив прапорщиком и лейтенантом по меньшей мере два года, и майором — не пробыв офицером шесть лет.

Военная подготовка офицеров, которые не выходят из Сендхерстской школы, происходит во взводных и ротных школах совершенно так же, как и подготовка солдат; лишь после экзамена, производимого батальонным командиром, они освобождаются от строевого учения и допускаются к службе как офицеры. Все младшие офицеры ежегодно до начала гесенного обучения батальона объединяются во взвод под начальством штаб-офицера и с ружьем в руке должны пройти полностью курс одиночного, взводного и ротного обучения. Но это может быть пройдено лишь весьма поверхностно.

III.

Как известно, пополнение унтер-офицерского и солдатского состава происходит путем вербовки и исключительно в Великобритании и Ирландии. Только полк № 100 вербуется в Канаде. Вербовочная служба подчинена генерал-адъютанту армии и производится двумя способами: 1) отдельные полки и кадровые батальоны могут вербовать в своих собственных гарнизонах и 2) независимо от этого имеется организованная вербовочная служба по всей стране, разделенной для этой цели на 9 вербовочных участков (Англия — 4, Шотландия — 2, Ирландия — 3). Каждый участок подчинен инспектирующему штаб-офицеру (обычно бреше-полковнику) и, в случае необходимости, разделяется на более мелкие участки, подчиненные лейтенантам или капитанам. В общем на этой службе

состоят: 8 штаб-офицеров, 9 адъютантов, 9 казначеев, 9 врачей, 11 рекрутирующих младших офицеров (на половинном окладе), 8 фельдфебелей, 48 сержантов и соответствующее число рядовых. Кроме того, гвардия набирает исключительно для своего собственного пополнения. Каждый рекрут имеет право выбирать часть, где он хочет служить. В качестве благого пожелания говорится, что каждая часть по возможности должна пополняться в том графстве, имя которого она носит. Иностранцы должны приниматься лишь с особого разрешения, почему они часто пропускаются под маркой «шотландцев».

В военное время милиция должна служить главным образом питомником для линейных войск; за твердо установленное всякий раз число людей, переходящих из милиции в линейные части, офицер соответствующего полка милиции получает патент на чин в линейных частях. Во время восстания в Индии в 1857 г. пошли даже так далеко, что каждому тогдашнему или прежнему штаб-офицеру, набравшему 1 000 рекрутов, давался патент на чин подполковника.

Каждый рекрут или сверхсрочно-служащий получает бесплатное обмундирование и задаток, размер которого меняется в зависимости от потребности в рекрутах, но никогда не бывает ниже 1 и очень редко выше 10 ф. ст. (67 талеров). Для различных войск этот задаток обычно бывает различным; в инженерных войсках платят больше всего, так как здесь применимы только самые отборные люди. Задаток частью выплачивается при засвидетельствовании (Attestation), но большей частью только при вступлении в полк и по принятии рекрута его начальником. Это «засвидетельствование» состоит в том, что рекрут — не раньше, чем через 24 часа после зачисления — приводится к полицейскому судье и объявляет здесь под присягой, что он вступает добровольно и что для вступления его в войска нет никаких законных препятствий.

Для кавалерии, ездových артиллерии, инженерных войск, обоза и для пехотных частей, стоящих в Индии, Китае, Австралии и на острове св. Елены, рекруты принимаются в возрасте от 18 до 25 лет, в остальные артиллерийские и пехотные части — от 17 до 25 лет. Рост установлен следующий:

Кавалерия:

Гвардейские кирасиры:	5 ф.	10 дм.	до 6 ф.
Тяжелые драгунские полки:	5 »	8 »	» 5 » 11 дм.
Средние драгуны и уланы:	5 »	7 »	» 5 » 9 »
Гусары:	5 »	6 »	» 5 » 8 »

Артиллерия:

Канониры — минимум: 5 ф. 7 дм.; если моложе 18 лет, то 5 ф. 6 дм.

Ездовые: от 5 ф. 4 дм. до 5 ф. 6 дм.

Наводчики — минимум: 5 ф. 6 дм.

Пехота — минимум: гвардия — 5 ф. 8 $\frac{1}{2}$ дм., линейные части — 5 ф. 6 дм.

Все же этот минимум сильно изменчив; каждая серьезная опасность войны вынуждает правительство сейчас же снижать его; того обстоятельства, что из-за уменьшения срока службы с 12 до 10 лет в ближайшем будущем освободится большое количество солдат, оказалось достаточным для правительства, чтобы — несколько недель тому назад — снизить минимум для пехоты до 5 ф. 5 дм. В общем и здесь, как и в других местах, норма все больше снижается, хотя само собою понятно, что при наемной армии можно в среднем получить более рослых солдат, чем при всеобщей воинской повинности или при рекрутском наборе (Konskription). Что это имеет место также и в Англии, видно из вышеприведенных цифр, которые легко свести к рейнской мере, если из установленной нормы от 5 ф. до 5 ф. 6 дм. вычесть 2 $\frac{1}{4}$ дм., а из 5 ф. 7 дм. до 6 ф. — 2 $\frac{1}{2}$ дм., что является достаточно точным.

Кроме роста, определена также минимальная норма объема груди: при росте 5 ф. 6 дм. до 5 ф. 8 дм. — 33 дм.; от 5 ф. 8 дм. до 5 ф. 10 дм. — 34 дм.; свыше 5 ф. 10 дм. — 35 дм. Ездовые, обозные и стрелки обязательно должны иметь объем груди не менее 34 дм. Впрочем ездовые принимаются и тогда, когда они полностью не удовлетворяют этим условиям, но зато имеют опыт ухода за лошадьми.

В барабанщики и горнисты вербуются мальчики не моложе 14 лет, с согласия их родителей. Они не получают никакого задатка.

Срок службы составляет 10 лет для пехоты, 12 для кавалерии, артиллерии, инженерных войск и обоза, по истечении которых отслуживший, если он признан еще годным, может продлить наем еще на 11 лет в пехоте и на 9 лет в других родах оружия. По истечении этого второго срока он может служить дальше с предупреждением об окончании службы за 3 месяца. Если при истечении срока службы данная часть находится за границей, то местный командующий офицер имеет право удлинить этот срок до 2 лет.

Каждый солдат хорошего поведения, как правило, получает разрешение откупиться. Сумма выкупа зависит от прослуженного уже и остающегося еще срока службы, от поведения и т. д. и достигает, максимум, в кавалерии — 30 фунтов, в пехоте — 20 фунтов, для цветных солдат в колониальных частях — 12 фунтов.

После двадцати одного года службы каждый солдат имеет пра-

во на пенсию. Размер пенсии зависит от срока службы, поведения и от телесных недостатков, приобретенных на службе; он составляет для солдат и унтер-офицеров не менее 8 пенсов (6 зильбергрошей — 8 пфеннигов) и не более 3 шиллингов 6 пенсов (1 талер — 5 зильбергрошей) ежедневно. Смотри по обстоятельствам, пенсия дается и при более коротком сроке службы.

Сержанты-вербовщики с сопровождающими их солдатами держатся большей частью в худших кварталах больших городов и ведут главным образом наблюдение за трактирами. Часто они ходят также по улицам, с лентами на фуражках¹, в сопровождении нескольких барабанщиков и флейтистов, собирают таким образом толпу народа и стараются поймать среди нее свою добычу. Если искомая дичь находится, то ее стараются немедленно заманить в трактир, где прилагается все искусство, чтобы побудить ее принять символический шиллинг, который закрепляет контракт. Если новый кандидат на славу уже взял этот шиллинг, то он может освободиться, лишь заплатив перед полицейским судьей 1 ф. ст. в качестве особой «отступной платы» (smart money). Закон, правда, предписывает, что будущий герой должен, по истечении по меньшей мере 24 часов после завербования, заявить судье, что он вступает добровольно и остается при своем решении. Закон при этом вполне правильно считает, что завербованный обычно бывает нетрезв, когда он берет шиллинг, и дает ему возможность сначала протрезвиться. Но плохим вербовщиком был бы тот сержант, который так легко упустил бы свою дичь. Он и его люди не спускают рекрута с своих глаз, и прежде чем он попадет к судье, водка и вино уже снова окажут достаточное действие. Интереснее же всего то, что значительная часть кутежа оплачивается самим же рекрутом, которого сержант широко авансирует в счет его задатка. При таких условиях наивным, но правильным является прямое предписание, чтобы для вербовочной службы применялись лишь холостые солдаты и барабанщики и только в крайнем случае женатые сержанты, но во всяком случае исключительно здоровые, крепкие люди. Кто не может хорошо пить — не подходит для этой службы.

Думаешь, что попадаешь форменным образом в XVIII век, когда смотришь на эту вербовку. Несмотря на охраняющие формальности, которыми закон ограничивает эту практику, установлено, что огромное большинство «целиком состоящей из добровольцев» английской армии попадает в это учреждение весьма недобровольно;

¹ Далее зачеркнуто: «и обнаженными саблями». *Ред.*

к своему ли собственному конечному благу в общем — это вопрос другой.

Какие слои населения попадают таким образом в армию — достаточно ясно. В большой мере войско это, как и наши прежние наемные войска, остается *refugium peccatorum* [убежище для грешников], в котором собирается большая и лучшая часть всех авантюристических элементов народа, чтобы быть здесь укрощенной тяжелым обучением и очень строгой дисциплиной. Поэтому английская армия и стоит гораздо ниже — в отношении морального и интеллектуального качеств — всех тех армий, которые комплектуются по системе рекрутского набора (даже с заместителями) или целиком всеобщей воинской повинностью без заместительства. Только французский иностранный легион и те французские части, которые составляются главным образом из заместителей, как, например, зуавы, могут быть поставлены, примерно, на один уровень с ней, хотя нельзя отрицать, что вся французская армия, благодаря растущим преимуществам в строю для солдата-профессионала, все более и более приближается к характеру английской. Но даже французский заместитель (*Remplaçant*) по общественному внешнему образованию стоит много выше грубого, распущенного парня из отбросов больших городов, который задает тон в английской казарме. Во французскую армию еще может вступить образованный молодой человек в качестве добровольца, чтобы выслужить производство в офицерский чин, и срок испытания в качестве рядового солдата не покажется ему слишком невыносимым; в Англии надо быть сумасшедшим, чтобы сделать подобный шаг. Насколько англичанин гордится своей армией в целом, настолько же им презирается отдельный рядовой солдат; даже в низших слоях населения все еще считается до некоторой степени предосудительным быть завербованным или же иметь родственником солдата. Впрочем, за последние десять¹ лет сос ав вербуемых безусловно значительно улучшился. В отношении прошлого рекрутов стремятся получить возможные сведения, чтобы таким образом избежать вконец испорченных субъектов. Большие вербовки, вызванные Крымской войной и восстанием в Индии, вскоре исчерпали нравственно опустившийся класс людей, из которого армия пополнялась, как правило, в течение длительного мирного периода. Пришлось не только снизить минимум роста (раз даже до 5 ф. 3 дм. для пехоты), но и жизнь солдата сделать более привлекательной и поднять самый тон казармы для того, чтобы более солид.

¹ Зачеркнуто: «двадцать». *Ред.*

ный класс рабочих мог быть также втянут в сферу вербовки. К этому присоединялся недостаток пригодных лиц для многих новых унтер-офицерских должностей (в Крымской войне батальоны были почти удвоены по численности). Кроме того, увидели, что ведение войны, как вел ее Веллингтон в Испании, с обязательным разграблением всех взятых крепостей, в настоящее время не подходит более для Европы. Участие в солдатах приняла пресса, и вскоре среди высшего офицества стало модным распространять филантропию на войска ¹. Солдату старались сделать жизнь приятнее, дать ему средства на расходы в свободные часы и дать возможность развлечения и самодеятельности в казарме или в лагере с тем, чтобы удержать его подальше от трактира. Так возникли, особенно за последние семь лет, большею частью по частной подписке, библиотеки ², читальни, общие залы с различными играми, солдатские клубы и т. д. В лагерях, по французскому образцу, солдатам по возможности отводился участок с садом, и делались попытки театральных постановок, лекций и время от времени устраивались выставки различных мелких художественных вещей, изготовленных самими солдатами. Все это еще в зародыше, но находит все большее распространение. И это безусловно необходимо. Во время Крымской и Индийской кампаний рекруты стояли безусловно на значительно более высокой ступени, чем в прежнее время, так как обе войны были весьма популярны в массах. Они сильно улучшили тон в армии. Соприкосновение с французскими солдатами в Крыму также сделало свое дело. Теперь все сводится к сохранению этого духа, с тем, чтобы в течение длительного мирного периода получать таких же хороших рекрутов и не быть опять зависимыми исключительно от бродяжнических элементов населения, которые в мирное время всегда первыми предлагают свои услуги.

Несмотря на это, последние все еще составляют большую часть армии, и к ним приспособлен весь внутренний распорядок. Английская казарма с флигелями и двором со всех сторон окружена высокими стенами, имеющими, как правило, только одни ворота. Отдельное здание занимают офицерские квартиры, в одном или нескольких других помещаются солдаты. Та часть здания, где окна солдатских помещений выходят на улицу, при новых постройках обычно замыкается глубоким рвом и прочной железной изгородью по его внешнему краю. В казармах больших городов, а именно в

¹ Зачеркнуто: «рядовых солдат». *Ред.*

² Зачеркнуто: «полковые и». *Ред.*

казармах милиции, где помещены цейхгаузы (милиция собирается лишь на четыре недели в год), бывает, что весь уличный фасад здания снабжен ружейными бойницами вместо окон, а углы — башенками, устроенными для фланкирования ружейным огнем, — доказательство того, что рабочие восстания считаются не так уже невозможными. В этой большой казарме-тюрьме солдат проводит всю свою жизнь, за исключением свободных часов. Доступ для штатских лиц строго контролируется, и все здание, насколько возможно, ограждено от взглядов извне, так что солдат, по возможности, находится под контролем и обособлен от штатских. Простые, душевные отношения между гражданским населением и солдатами, обычные для Германии, легкость доступа в казармы для каждого — здесь совершенно отсутствуют, а для того, чтобы не устанавливалось никаких продолжительных связей, гарнизоны обычно ежегодно меняются.

Наиболее распространенные ¹ дисциплинарные проступки легко угадать по характеру армии. Это — пьянство, отсутствие после вечерней зори без разрешения, воровство у товарищей, драки, сопротивление и оскорбление действием начальников. За более легкие проступки наказывает вообще батальонный командир. Он имеет исключительное право взысканий, но может передать ротному командиру право налагать до 3 дней арест в казарме. Его собственное право взысканий распространяется на следующее: 1) тюрьма до 7 дней, в одиночном или общем заключении, со штрафной работой или без нее. Солдаты, приговоренные к этому, имеют право через батальонного командира апеллировать к военному суду; 2) заключение в темной камере (black hole) до 48 часов; 3) арест в казарме до 1 месяца, причем арестованный несет службу и сверх того должен выполнять все дополнительные работы, порученные ему специально командиром. Кроме того, каждый арест в казарме влечет за собой штрафное строевое учение в полном снаряжении до 14 дней. Такое штрафное учение не должно быть продолжительнее 1 часа без перерыва, но может быть повторено до четырех раз в день. В случаях 2) и 3) командир *может* разрешить апелляцию к военному суду. Одиночное заключение или заключение в темной камере должно, по возможности, применяться в случаях пьянства, драк и оскорблений начальника и в серьезных случаях может комбинироваться с арестом в казарме таким образом, чтобы вся продолжительность ареста не превышала одного месяца.

¹ Зачеркнуто: «главнейшие». Ред.

Как видим, у английского командира батальона имеется в руках достаточно средств для поддержания порядка среди своих буйных парней. Если этих средств недостаточно, вступает военный суд, где в последней инстанции бунтующему открывается перспектива девятихвостой кошки. Это одно из самых варварских орудий наказания, какие только существуют: плетка с коротким кнутовищем и девятью длинными, твердыми и узловатыми веревками. Наказуемый обнажается до пояса, привязывается к треугольной раме и получает удары чрезвычайной силы¹. Уже первый удар рассекает кожу до крови. После нескольких ударов плетка и бьющий сменяются, чтобы преступник не получал никакого облегчения. Врач при этом, конечно, всегда присутствует. Пятьдесят подобных ударов постоянно влекут за собой длительное лечение в лазарете. И все же часто встречаются люди, которые переносят эти пятьдесят ударов без единого стога, так как показывать боль считается большим позором, чем получить побои.

Двенадцать лет тому назад плетка применялась очень часто, и допускалось до 150 ударов. Если я не ошибаюсь, даже командир полка мог в то время назначать некоторое число ударов. Затем число ударов было ограничено до 50 и право назначать их предоставлено исключительно военным судам. Наконец, после Крымской войны, было введено, главным образом по настоянию принца Альберта, разделение солдат на два разряда по прусскому образцу, и только те солдаты, которые уже были переведены во второй разряд из-за *прежних* проступков и не поднялись безупречным поведением в течение одного года в первый разряд, могут за новые проступки подвергаться телесному наказанию. Это различие прекращается, однако, на поле битвы; здесь каждый рядовой солдат вновь находится под властью плетки. В 1862 г. в армии было 126 телесных наказаний, из которых 114 человек получили максимальное законное число в 50 ударов.

В общем видно, что как потребность, так и желание применять плетку сильно уменьшилось, и так как те же самые причины продолжают действовать в армии и теперь, то можно думать, что так будет и впредь, и что кошка все больше и больше будет считаться чрезвычайным, исключительным средством запугивания, которое держится в запасе для тяжелых случаев в боевой обстановке². Пришли к выводу, что обращение к чувству чести солдата помогает

¹ Зачеркнуто: «в пехоте от барабанщика». *Ред.*

² Далее зачеркнуто: «Дальше в Англии, повидимому, скоро не пойдут».

больше, чем обеспечивающие наказания, и вся английская армия держится единогласно того мнения, что высеченный солдат после этого уже ничего не стоит. Несмотря на это, в Англии в ближайшее время не произойдет полной отмены кошки. Мы все знаем, как сильны были предрассудки по отношению к телесному наказанию и как они частью и теперь еще сильны, даже в армиях, состоящих из гораздо лучших социальных элементов, чем английская; при наемной же армии подобное крайнее средство запугивания может еще до известной степени быть оправдано. Англичане, конечно, правы в том, что если уж должно существовать телесное наказание, то они применяют его лишь как крайнее средство, но зато очень серьезно. Вечное битье палкой в меньшем масштабе, как оно встречается в некоторых, к сожалению и в немецких, армиях и которое может послужить лишь к уменьшению страха перед наказанием...¹

Написана в 1864 г.

для «Allgemeine Militär-Zeitung».

*Печатается по рукописи,
написанной Энгельсом.*

---

¹. На этом рукопись обрывается. *Ред.*

ВОЕННЫЕ СИЛЫ АНГЛИИ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ.

Манчестер, 27 июня [1864 г.]

Происходит самое невероятное событие: Англия угрожает Германии войной. Как сообщает «United Service Gazette», уже отдан приказ военному магазину в Пимлико (Лондон) и арсеналу в Вульвиче держать наготове необходимое обмундирование и снаряжение для 30 000 человек, и в ближайшие дни мы можем рассчитывать на то, что услышим об отплытии ламаншской эскадры в Зунд или Бельты. (?)

О боевых силах Англии, имеющихсЯ налицо в данный момент, нам дает сведения «Army and Navy Gazette». В номере от 25 июня говорится:

«Морские силы, которыми мы располагаем и которым можем немедленно приказать сняться с якоря, следующие:

	Лох. сил	Орудий	Тоннаж	Команда
«Эдгар», деревянный корабль	500	71	3 094	810
«Уорриор» [«Боец»], броненосец	1 250	40	6 109	705
«Блэк Принс» [«Черный Принц»], броненосец	1 250	41	6 109	705
«Принц Консорт», броненосец	1 000	35	4 045	605
«Гектор»	800	28	4 089	530
«Дефенс» [«Оборона»], броненосец	600	16	3 720	457
«Аврора», деревянный фрегат	400	35	2 558	515
«Галатей»	800	26	3 227	515
«Уольверин» [«Россобаха»], деревянный кор- вет	400	21	1 703	275
«Резерч» [«Разведка»], броненосец	200	4	1 253	135
«Энтрепрайз» [«Предприятие»], броненосец.	160	4	993	121
«Гейзер», деревянный колесный пароход . .	280	6	1 054	175
«Саламин», деревянный корабль	200	4	681	90
«Тринкуло», деревянная канонерка	60	2	268	2

Далее, чтобы иметь особые суда с меньшей осадкой для мелко-водных и узких фарватеров Балтийского моря и датского побережья, адмиралтейство дало приказ подготовить к выходу в море следующие суда:

	Лох. сил	Орудий	Тоннаж	Команда
«Корделия», деревянный корвет	150	11	579	130
«Фаун»	100	17	751	175
«Рейсер»	150	11	579	130

Далее, вскоре будут закончены следующие строящиеся суда:

	Лош. сил	Орудий	Тоннаж	Команда
«Ахилл», броненосец	1 250	30	6 121	705
«Ройаль Совереп», броненосец с башнями	800	5	3 963	500
«Каледония», броненосец	1 000	35	4 125	605
«Океан» »	1 000	35	4 047	605

К ним надо добавить многочисленные суда парового резерва и, наконец, суда береговой обороны, в том числе 15 канонерок мощностью в 80 лошадиных сил, вооруженных 2 тяжелыми орудиями. Последние, по мнению «Army and Navy Gazette», будут докучать врагу, как оводы лошади, от них нельзя будет никак отделаться (как будто у пруссаков нет в Балтийском море 22 точно таких же овода).

Вот и все, что говорится о флоте в «Army and Navy Gazette». В прошлом году мы побывали на нескольких судах броненосного флота и, кроме того, внимательно следили за их судьбами и учебными плаваниями. Выяснилось, что ни один из этих броненосцев не может в бурную погоду плавать в открытом море.

«Принц Консорт» чуть не потонул зимой в Ирландском проливе во время бури, которую легко выдерживает любое деревянное судно. Таким образом, эти суда можно пускать в ход лишь для отдельных, заранее намеченных операций (морские битвы или атака сухопутных укреплений), после которых они всякий раз должны возвращаться обратно в порт. Для блокад и т. п. они непригодны. Броня у них, по большей части, 4¹/₂-дюймовая, из прокатного железа различного качества, накладывается разными методами, но во всех случаях на деревянную подстилку 2 фута толщиной, даже на судах, целиком состоящих из железа. Никакая броня не выдержит 70-фунтового спереди плоско срезанного стального снаряда Витворта, большинство не выдерживает и 70-фунтовой стальной бомбы Витворта, имеющей ту же форму, что и снаряд. В Пруссии теперь отливают нарезные пушки того же калибра, что и старое 48-фунтовое орудие, что соответствует приблизительно калибру упомянутого орудия Витворта. Цилиндрические стальные снаряды, спереди плоско срезанные (*без конусообразного наконечника*), выпущенные из этих пушек, пробьют деревянную броню, даже если задняя половина у них полая и содержит разрывной заряд. Для таких разрывных снарядов *не требуется зажигательных трубок* (как показали опыты Витворта); при стрельбе по железной броне пробивание брони вызывает столь высокую температуру, что снаряды накаляются до-бела и находящийся внутри порох воспламеняется.

Вооружение броненосцев состоит обычно из гладкоствольных 68-фунтовых орудий (8-дюймового калибра) на боках и 110 фунтовых орудий Армстронга (7-дюймового калибра), вращающихся на стержне и помещенных на носу и на корме. На некоторых из этих судов на боках имелись также 40-фунтовые и 70-фунтовые орудия Армстронга, но неизвестно, не заменяются ли они 68-фунтовыми орудиями. Старое 68-фунтовое орудие — орудие весьма почтенное, солидное и для своего калибра удобное, оно отлично бьет на расстоянии до 2 000 шагов и несомненно — лучшее орудие в английском флоте. Напротив, армстронговские пушки, заряжающиеся с казенной части, весьма ненадежны, потому что нарезы в стволах из-за плохого прикрепления свинцовой оболочки снарядов быстро свинцовываются, а в особенности потому, что камерный затвор никуда не годится. Он состоит из вставляемого сверху, доходящего до нижней стенки дула прямоугольного куска железа, который привинчивается позади. Если принять во внимание, что при 7-дюймовом калибре снаряд весит 110 фунтов, а затвор всего лишь 135 фунтов, то становится понятным, что после нескольких выстрелов последний из-за порохового нагара не пригоняется вплотную и поэтому должен выскочить и взлететь высоко на воздух, как только газы при взрыве охватят его снизу. Это и случается регулярно, и поэтому во флоте очень недолголюбивают армстронговские орудия, несмотря на их отличную меткость.

На «Ройяль Соверен» в четырех куполах или башнях будет помещено пять очень тяжелых пушек, свойства которых еще неизвестны. Броня у него не на деревянной подстилке. Стоит ли чего-нибудь этот корабль в открытом море, покажет будущее.

Более мелкие и вообще деревянные суда имеют на боках главным образом гладкоствольные 32-фунтовые пушки 9 дюймов 6 линий и 10 дюймов длиной — отличные пушки, которые хорошо выдерживают уменьшение до $\frac{1}{3}$ заряда, не в пример 68-фунтовым орудиям, и для своего калибра очень хорошо бьют. Но и на тяжелых судах встречаются по нескольку легких 5-дюймовых пушек на боках. Орудия, вращающиеся на стержне, бывают или 8-дюймовые-гладкоствольные, легкой или более тяжелой конструкции, или же орудия Армстронга, заряжающиеся удлиненными снарядами весом в 40, 70 и 110 фунтов.

Осадка крупных броненосцев по меньшей мере 25 футов, так что в этом отношении их следует приравнять к линейным кораблям и самым тяжелым фрегатам.

Поэтому они не пригодны для мелких и тесных вод, кроме

глубокого фарватера узких бухт и устьев рек, где могут пригодиться для обстрела береговых батарей и фортов. Здесь они могут представлять опасность, если орудия у обороняющейся стороны будут слишком легкие, а снаряды не стальные. Можно усомниться, пробьет ли их броню стальной снаряд, пущенный из прусской нарезной 24-фунтовой пушки. Но для 48-фунтового нарезного орудия это во всяком случае выполнимо, если орудие выдержит уменьшенный заряд в $\frac{1}{6}$ и до $\frac{1}{4}$ и если стрелять с расстояния 600-800 шагов. 7—8-дюймовые нарезные пушки, которые нам ведь не трудно будет изготовить из крупновской литой стали, расставленные в надлежащих пунктах даже в небольшом количестве, вскоре сделали бы тяжелые английские броненосцы безвредными для наших берегов. Но только снаряд должен быть из стали и цилиндрическим, без всякого конусообразного или округленного наконечника для того, чтобы даже при косом разрыве он попадал в железную броню острым ребром. Витворт даже при угле падения свыше 56 градусов пробивал броню такими снарядами. Равным образом, лучше всего в отношении столь тяжелых орудий воздержаться от всяких экспериментов с заряданием с казенной части, несомненно вредных свыше определенного калибра; а для продолжительных опытов уже нет времени.

Вот что говорится о флоте; послушаем, что «Army and Navy Gazette» сообщит нам об имеющихся налицо сухопутных силах:

Кавалерия. 4, 5, 6-й гвардейские полки, 1 и 2 (драгунские), 3, 4, 8 (гусарские), 9 (уланские), 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16-й (гусарские) полки. В каждом по 650 человек, включая офицеров, всего 10 700 человек.

Артиллерия. 10 конных батарей (по 6 орудий), 26 полевых батарей (пеших) также по 6 орудий и 25 крепостных батарей. Всего 216 полевых орудий и 13 700 человек.

Инженерные войска. 20 рот и 2 обозных роты, всего 2700 человек.

Пехота. Первые батальоны 2, 3, 5, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 24, 26, 29, 31, 32, 37, 41, 45, 49, 53, 58, 59, 60, 61, 64, 69, 73, 74, 75, 83, 84, 85, 86, 87-го полков, вторые батальоны 1, 12 и 60-го полка. Кроме того, находящиеся в пути из Америки первые батальоны 21, 39 и 62-го полков, всего 39 батальонов. За вычетом кадровых рот на батальон приходится около 80 человек при выступлении в поход или всего 30 000 обученных людей. Добавим еще кадровые части по всей армии, всего 18 000 человек, в качестве первого пополнения и, наконец, гвардейские войска (1 300 кавалеристов и 6 000 пехотинцев).

Итого: кавалерия 12 000, артиллерия 13 700, инженерные войска 2 700, пехота 54 000 человек, в общем 82 000 человек. Но для того, чтобы установить, какие силы могут немедленно выступить в поход, надо, во-первых, вычесть 18 000 кадровых, затем еще 25 % на нестроевых и на войска, без которых нельзя обойтись внутри страны. Тогда останется все же 48 000 человек, хорошо обученных и имеющих боевой опыт, готовых куда угодно пойти и что-то сделать, если их как следует поддержат вспомогательные и административные органы. Следующий

резерв новобранцев составит около половины этой цифры. Нам неизвестно, какова была численность *милиции* на только что закончившемся учебном сборе этого года, но, повидимому, численность ее превосходит ту, которую она имела в 1863 г., когда на смотры явилось 102 000 человек. Наконец, волонтеров насчитывается около 160 000 человек».

Вот что сообщает «Army and Navy Gazette». На сегодня этой статистики достаточно, ибо мы имеем ввиду помимо этого дать вашим читателям точные сведения об английской армии. Но в одном ваши немецкие войска должны быть уверены: если они столкнутся с англичанами, им придется иметь дело с противником совсем иного рода, чем хотя и с храбрыми, но плохо обученными и неуклюжими датчанами.

Напечатана в «Allgemeine Militär-Zeitung» № 27 от 6 июля 1864 г.

Подпись: Ф. Э.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Абд-Эль-Кадер (1807—1883) — предводитель алжирских арабов в войнах против Франции; в 1847 г. был взят в плен, после чего жил во Франции — 118, 441.

Абу, Эдмон (1828—1885) — французский публицист и беллетрист, бонапартист — 66, 74, 75, 114.

Адамс, Джон (1735—1826) — второй президент Северо-Американских Соединенных Штатов (1797—1801), один из лидеров партии федералистов — 175.

Адамс, Чарльз-Френсис (1807—1886) — посол САСШ в Лондоне (1861—1868) — 210, 217, 272, 303, 305, 311.

Адамс, Юлиус-Уокер (род. в 1812 г.) — американский офицер и военный конструктор, усовершенствовал револьвер Кольта — 427.

Адольф (1817—1905) — герцог нассауский (с 1839 г.), великий герцог люксембургский (с 1890 г.) — 73.

Александр (Великий) - царь Македонский (356—323 до н. э.) — создатель так называемой греко-македонской империи (336—148 до н. э.) — 402.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881); казнен народолюбцами — 12, 73, 110, 111, 153, 159.

Альберт, Френсис-Чарльз-Огюст-Эммануэль («Принц-консорт») (1819—1861) — принц Саксен-Кобургский, муж английской королевы Виктории — 72, 318, 577.

Альвенслебен, Густав фон (1803—1886) — прусский генерал; в 1858 г. был прикомандирован к крон-принцу; участник франко-прусской войны 1870—1871 гг. — 72.

Альмонте, Хуан (1804—1869) — мексиканский генерал, сторонник реакционного правительства Мирамона, участник французской оккупации в Мексике в 1862—1863 гг., глава регентства (1863—1864) — 367.

Андерсон, Роберт (1805—1871) — генерал американской федеральной армии, командир гарнизона форта Семтер — 235.

Аничков, Виктор Михайлович (1830—1877) — русский генерал и военный писатель, написал: «Описание осады и обороны Севастополя» (1856) — 543, 544, 545, 553.

Анфантен, Бартеlemi-Проспер (1796—1864) — французский социалист, один из ближайших учеников Сен-Симона — 17.

Армстронг, Вильям Джордж (1810—1900) — английский инженер, владелец оружейных заводов, автор многих усовершенствований в области промышленности и военной техники; известен изобретением особой нарезной пушки — 50, 51, 52, 53, 581.

В.

Баденский великий герцог — см. Фридрих (Вильгельм-Людвиг) и Леопольд (Карл-Фридрих).

Базанкур, Сезар (1810—1865) — французский военный писатель-новеллист, официальный историограф при Наполеоне III, автор «Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol. chronique de la guerre d'Orient» [«Крымская экспедиция до взятия Севастополя, хроника Восточной войны»] (1857) — 552.

Баллантайн, Вильям (1812—1887) — английский юрист, доктор права — 288, 289.

Барклей — владелец пивоваренного завода в Лондоне — 222.

Барои, Пьер-Жюль (1802—1870) — французский адвокат и политический деятель, при июльской монархии принадлежал к умеренной либерально-монархической оппозиции, далее бонапартист, входил в качестве министра в несколько правительств Наполеона III — 17.

Баттьяни, Людвиг, граф фон (1809—

- 1849) — венгерский либеральный политический деятель, глава конституционного министерства 1848 г.; расстрелян по приговору военного суда в октябре 1849 г. — 168.
- Бедфорд — английская аристократическая фамилия, из которой происходил Дж. Россель (см.) — 225.
- Безли, сэр Томас (1797—1885) — английский фабрикант и политический деятель, фритредер, член парламента (1858—1880) — 315, 316.
- Бекер, Роберт — английский фабричный инспектор — 83, 90, 91, 92, 94.
- Беккер, Николай (1809—1845) — немецкий поэт, автор так называемого «Рейнского гимна» (1840 г.) — 115.
- Беклей (Bussleuch), Уолтер-Френсис-Монтегю-Дуглас-Скотт, герцог (1806—1884), — английский аристократ, член палаты лордов, торий — 363, 364, 365.
- Белл, сэр Джордж (1794—1877) — английский офицер, участник Крымской войны, позднее генерал — 555.
- Беннет, Джеймс-Гордон (1775—1872) — американский журналист, владелец и главный редактор «New-York Herald» — 325.
- Бентинк, Джордж-Вильям (род. в 1803 г.) — английский торий, член парламента (с 1852 г.) — 327, 328.
- Бенч — английский консул в САСШ — 328.
- Бердетт, сэр Френсис (1770—1844) — английский политический деятель, член парламента, радикал — 318.
- Береншпрунг — начальник полиции в Познани (Пруссия) — 69, 70.
- Бери, виконт, Вильям-Коутс-Кеннель (1832—1894) — английский аристократ, член парламента (1857—1859, 1860—1865 и 1868—1874), либерал; принимал участие в организации английских волонтеров — 481, 484.
- Беринг и Ко — банкирский дом в Лондоне — 196.
- Беркли, Джордж-Гренфильд (1753—1818) — английский адмирал — 223.
- Бернар, Симон-Франсуа («Клубист») (род. в 1817 г.) — французский врач, участник революции 1848 г. и заговора Орсини, впоследствии эмигрант в Лондоне — 386.
- Бернер — брауншвейгский майор, затем полковник; в 1832 г. усовершенствовал винтовку — 411.
- Бернсайд, Амброзиас-Эверетт (1824—1881) — унионистский генерал, главнокомандующий союзной армии в Виргинии (1862—1863) — 401.
- Берри, Хайрем-Джордж (1824—1863) — американский унионистский генерал — 352.
- Бетель, сэр Ричард, барон Вестбери (1800—1873) — английский юрист, генерал-атторней (с 1856 г.) и член парламента, виг — 120.
- Бетлер, Бенжамен-Франклин (1818—1893) — американский адвокат и политический деятель; во время гражданской войны генерал унионистов; по взятии северянами Нового Орлеана был назначен военным губернатором этого города — 323, 358, 359.
- Биксипо, Нино (1821—1873) — итальянский генерал, участник экспедиции Гарибальди в Сицилии и Калабрию — 146, 150.
- Биль — участник рабочего митинга в Лондоне (1862 г.) — 310.
- Бирни, Дэвид-Белл (1825—1864) — полковник американской федеральной армии, с 1862 г. бригадный генерал — 352.
- Бичер-Стоу, Гарриет (1812—1896) — американская писательница, аболиционистка, автор известного произведения «Жизнь Дяди Тома» (1852) — 174, 176, 177.
- Борегар, Пьер-Густав (1818—1893) — генерал конфедератов, главнокомандующий армии в Виргинии — 235, 346, 350, 352, 355, 369, 523.
- Боркман — секретарь прусского принца-регента — 72.
- Боске, Пьер-Франсуа-Жозеф (1810—1861) — французский генерал, участник Крымской войны — 546, 551, 553.
- Боско — итальянский неаполитанский генерал, защищавший в 1860 г. Неаполь против Гарибальди — 123, 147.
- Брайт, Джон (1811—1889) — английский либерал, виднейший лидер фритредерского движения, член парламента, в дальнейшем министр торговли в министерстве Гладстона (1868—1870) — 209, 285, 286, 295.
- Браунсон, Орест (1803—1876) — американский публицист, богослов и философ; одно время находился под влиянием социалистических идей Р. Оуэна; лидер католической партии в северных штатах — 252.
- Брегг, Брекетон (1817—1876) — генерал конфедератов в гражданской войне САСШ — 393, 394.
- Бредлаф, Чарльз (1833—1891) — английский адвокат, радикал, участник движения за парламентскую реформу 1867 г., в дальнейшем член парламента — 383.
- Брекинридж, Джон-Кебл (1821—1875) — американский политический деятель,

- член демократической партии, вице-президент Соединенных Штатов (1856—1861); кандидат рабовладельцев на президентских выборах 1860 г., в гражданской войне генерал конфедератской армии, военный министр Конфедерации (1865 г.) — 236, 242, 248, 370.
- Бриганти — неаполитанский генерал — 147, 151.
- Броун, Джон (1800—1859) — американский фермер из пограничного штата Коннектикут, участвовал в Канзасской войне; в 1859 г. предпринял вооруженное восстание в Виргинии и захватил город Гарперс-Ферри; потерпел поражение, был захвачен в плен и казнен рабовладельцами — 179.
- Броун, сэр Джордж (1790—1865) — английский генерал, участник Крымской войны — 552, 554.
- Брус, сэр Фредерик-Вильям-Адольф (1814—1867) — английский дипломат, посланник в Китае (1858—1865) — 360.
- Брут, Марк-Юний (ок. 79—42 до н. э.) — один из лидеров республиканской аристократической партии в Риме, убийца Юлия Цезаря — 346, 378.
- Буа — французский генерал, участник Крымской войны — 546, 551.
- Бурбоны — испанская династия (1700—1831) 208, 263.
- Бурбоны — неаполитанская династия (1759—1860) — 55, 56, 133, 145.
- Бурбоны — французская династия (1589—1792 и 1814—1830) — 208, 263.
- Бургойн, сэр Джон-Фокс (1782—1871) — английский генерал-инженер, главный инспектор по укреплениям (1845—1868), участник Крымской войны — 108.
- Бьюкенен, Джеймс (1791—1868) — президент САСШ (1857—1861); член демократической партии; будучи президентом, проводил политику в интересах рабовладельцев; до избрания в президенты был послом в Англии (1853—1856) — 177, 178, 236, 238, 239, 247, 248, 252, 269, 281, 292, 325, 331.
- Бьюэлл, дон-Карлос (1818—1898) — американский унитаристский генерал — 323, 333, 339, 393, 531.
- Бюжо-де-ла-Пиконери, Тома-Робер, герцог Или (1784—1849) — французский маршал, один из активных деятелей июльской монархии, генерал-губернатор Алжира (1840—1847) — 510.
- В.**
- Вай, Николай, барон (род. в 1802 г.) — венгерский аристократ, консерватор, в 1860—1861 гг. гофканцлер — 168.
- Валевский, Флориан-Александр-Жозеф-Колонна (1810—1868) — польский граф, сын Наполеона I, французский министр иностранных дел при Наполеоне III (1855—1859) — 26.
- Вальдерзее, Фридрих, граф (1795—1864) — прусский генерал и военный писатель, в 1854—1858 гг. — военный министр Пруссии — 504, 506, 509, 510, 511, 513.
- Варендорф — шведский барон, владелец чугунно-литейного завода, военный изобретатель — 45.
- Ваттель, Эмерих (1714—1767) — швейцарско-немецкий юрист и дипломат, автор ряда работ по вопросам международного права — 285.
- Вашингтон, Джордж (1732—1799) — главнокомандующий американской армии в войне за независимость (1776—1783) и первый президент Соединенных Штатов (1789—1797) — 175, 235, 310.
- Вебстер, Даниэль (1782—1852) — американский политический деятель, сенатор, министр иностранных дел (1841—1843 и 1850—1852) — 216, 312.
- Вейдемейер, Иосиф (1818—1866) — немецкий коммунист, член Союза коммунистов, с 1851 г. жил в Америке, участник гражданской войны на стороне Севера, один из близких друзей Маркса — 394.
- Веллингтон, Артур-Веллеслей, герцог («Железный герцог») (1769—1852) — английский фельдмаршал, главнокомандующий английских войск в эпоху наполеоновских войн, крайний торий, премьер-министр (1827—1829 и 1834) — 32, 484, 567, 575.
- Виале — неаполитанский генерал — 146, 151.
- Видок, Франсуа (1775—1857) — французский авантюрист и полицейский шпион — 69.
- Виктор-Эммануил II (1820—1878) — король Сардинии и Пьемонта (1849—1861), далее первый король объединенной Италии (1861—1878) — 26, 67, 73, 95, 97, 98, 144, 156, 157, 200, 201, 257.
- Виктория I (1819—1901) — английская королева (1837—1901) — 73, 78, 228, 275, 282, 283, 284, 292, 318, 321, 358.
- Вильберфорс, Вильям (1759—1833) — английский общественный и политический деятель, член парламента, вел упорную борьбу против работорговли и рабовладения в Англии и ее колониях — 312.
- Вильгельм I (1797—1888) — прусский принц-регент (1858—1861), далее

- король Пруссии (с 1861 г.) и император Германии (с 1871 г.) — 67, 68, 69, 72, 73, 74, 110, 111, 152, 156, 159, 160, 161, 162, 163, 172, 173, 193.
- Вильгельм I (1781—1864) — король вюртембергский (1816 — 1864) — 72.
- Вильд — швейцарский инженер и военный конструктор, усовершенствовавший винтовку — 411, 412.
- Вилькинсон — английский ружейный мастер и изобретатель — 421, 422.
- Вилькс, Вашингтон — представитель американской колонии в Лондоне — 219.
- Вилькс, Джон (1727—1797) — английский публицист, радикал, член парламента (с 1757 г.) и лорд-мэр Лондона (1774 г.); в 1763 г. выступил с памфлетом, осмеивавшим тронную речь короля, за что был исключен из состава парламента — 279.
- Вилькс, Чарльз (1805—1877) — капитан северо-американского военного судна «Сан-Хасинто», произведший обыск и аресты послгов Южной конфедерации на английском почтовом пароходе «Трент» (1861 г.) — 213, 214, 216, 220, 221, 223, 275, 276, 279, 284, 285, 305.
- Вильсон, Джеймс (1805—1860) — английский экономист и политический деятель; с 1843 г. издавал известный журнал «Economist»; либерал; член парламента (с 1847 г.), секретарь назначейства (1853—1858) и член Совета по делам Индии (1859—1860) — 80, 130, 316.
- Вильтон, граф, Томас Эгертон (род. в 1799 г.) — английский аристократ, член палаты лордов, торий — 536.
- Вильямс, Р. Н. — английский адмирал — 209, 210, 275.
- Винн — участник рабочего митинга в Лондоне (1862 г.) — 310.
- Витворт, сэр Джозеф (1804—1887) — английский военный изобретатель-конструктор пушки и винтовки — 50, 51, 52, 53, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 481, 492, 493, 494, 495, 535, 580, 582.
- Вольф — германское официальное телеграфное агентство, основанное в 1849 г. — 345.
- Вуд — английский рабочий, участник митинга сочувствия САСШ (1862 г.) — 300.
- Вуд, Чарльз, виконт Галифакс (1800—1885) — английский виг, затем либерал, министр финансов (1846), морской министр (1855), председатель Контрольного совета и министр по делам Индии (1852—1855 и 1859—1865) — 130.
- Вьельяр, Мижу-Франсуа (1803—1886) — французский промышленник, потерпевший банкротство в 1862 г. — 389.
- Вюртембергский король — см. Вильгельм I.

Г.

- Габсбурги — австрийская династия (1282—1918) — 55, 58, 154, 161.
- Гавас — французское официальное телеграфное агентство, организованное в 1835 г. — 345.
- Гайнау, Юлий-Якоб (1786—1853) — австрийский генерал, подавивший в 1848—1849 гг. революцию в Италии и Венгрии; в 1850 г. во время путешествия в Лондоне при посещении завода Барклея был избит английскими рабочими — 222.
- Гакстгаузен, Август, барон (1792 — 1866) — немецкий писатель; в 1843—1844 гг. путешествовал по России, издал трехтомную работу «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (1847—1852) — 544.
- Галлек, Генри-Уэгер (1816—1872) — американский унионистский генерал, главнокомандующий союзных войск (1862—1864) — 323, 325, 333, 337, 339, 346, 352, 370, 397, 398, 529, 531.
- Галливер — английский фабрикант в Вест-рединге — 381.
- Гарвей — английский консул в Нишко (Китай) — 360, 361, 362.
- Ганноверский король — см. Георг V.
- Гарибальди, Джузеппе (1807—1882) — итальянский революционер-демократ, вождь итальянской национальной революции; в 1860 г. предпринял поход в Сицилию и Калабрию, закончившийся завоеванием всего неаполитанского королевства и присоединением его владений к королевству Пьемонт-Сардинии; в 1862 г. пытался предпринять поход на Рим, но был захвачен в плен войсками Виктора-Эммануила (см.), использовавшего успехи Гарибальди в интересах своей династии — 27, 61, 62, 63, 64, 65, 95, 96, 97, 98, 123, 124, 125, 126, 132, 133, 137, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 157, 158, 159, 170, 376, 377, 378, 383, 384, 386, 389.
- Гаррисон, Вильям-Ллойд (1804—1879) — американский рабочий - печатник, один из виднейших представителей аболиционизма в САСШ, с 1831 г. редактор антирабовладельческой газеты «Liberator», председатель «Anti-Slavery Society» [«Общество против рабства»] — 372.

- Гейнцельман, Самюэль-Петер (1805—1880) — американский унионистский генерал — 351, 352.
- Георг III (1738—1820) — английский король (1760—1820) — 84, 279.
- Георг V (1819—1878) — король ганноверский (1851—1878) — 73.
- Герберт, Сидней (1810—1871) — английский политический деятель, либерал-консерватор (пилит), военный министр (1845—1846, 1852—1855 и 1859—1860) — 52, 77, 104, 105.
- Гесс, Генрих фон (1788—1870) — австрийский фельдмаршал, в 1854 г. главнокомандующий австрийской армии в Дунайских княжествах; в войне 1859 г. был некоторое время начальником штаба и главнокомандующим австрийских войск в Италии — 131.
- Гессен-дармштадтский великий герцог — см. Людвиг III.
- Гибсон, Томас-Мильнер (1806—1884) — английский либерал, один из лидеров фритредерского движения, министр торговли (1859—1865 и 1865—1866) — 82, 119, 216, 285.
- Гильпин, Чарльз (род. в 1815 г.) — английский либерал, член парламента (с 1857 г.) — 306, 307.
- Гладстон, Вильям-Юарт (1809—1898) — лидер английских либералов, министр торговли (1843—1846), финансов (1852—1855 и 1859—1865) и премьер-министр (1868—1874, 1880—1885, 1885—1886, 1892—1894) — 13, 17, 30, 31, 32, 33, 111, 119, 120, 216, 285, 365, 400.
- Гогенцоллерн-Зигмаринген, Карл-Антон, принц (1811—1885) — прусский министр-президент (1858—1862), далее генерал-губернатор Рейнской провинции и Вестфалии (до 1871 г.) — 67, 72, 162.
- Гогенцоллерны — немецкая династия, правившая в Пруссии с 1415 г. и в германской империи с 1871 по 1918 гг. — 75, 161, 162, 163, 193.
- Голуховский, Агенор, граф (1812—1876) — австро-польский аристократ, австрийский министр внутренних дел (1859—1860), несколько раз был наместником Галиции, консерватор — 168.
- Гоп, сэр Генри (1787—1863) — английский адмирал, начальник экспедиции на Пейхо (1857 г.) — 16.
- Горнер, Леонард (1785—1864) — английский геолог и фабричный инспектор (1833—1860) — 83.
- Горчаков, Александр Михайлович, князь (1798—1882) — русский дипломат, посол в Вене (1854—1855), министр иностранных дел (1856—1879) — 109, 159.
- Горчаков, Михаил Дмитриевич, князь (1793—1864) — русский генерал, главнокомандующий во время Крымской войны, далее наместник Польши — 557, 558.
- Грант, Джемс (1802—1879) — английский журналист, издатель мелкобуржуазной газеты «Morning Advertiser» (1850—1871) — 295.
- Грант, Уллис-Симпсон (1822—1885) — американский унионистский генерал, главнокомандующий союзных армий (1864), в дальнейшем президент Соединенных Штатов (1869—1877) — 337, 339, 529, 531.
- Грегори, сэр Вильям-Генри (1817—1892) — англо-ирландский политический деятель, либерал-консерватор, член парламента (1857—1871), далее губернатор Цейлона (1871—1876) — 327, 338, 349, 358.
- Грей, Генри-Джордж, виконт, затем граф (1802—1894) — английский виг, затем либерал, военный министр (1835—1839) и министр колоний (1846—1852); член палаты лордов; выступал с критикой внешней политики Пальмерстона — 12, 13, 14, 15.
- Грей де — английский генерал, помощник военного министра до 1862 г. — 501.
- Гренвилль, Джордж-Левесон-Гоуэр, граф (1815—1891) — английский либерал, министр иностранных дел (1851—1852, 1870—1874 и 1880—1885) и колоний (1868—1870 и 1886), президент Тайного совета (1852—1854 и 1859) — 16.
- Гриффит, Фредерик-Август (ум. в 1869 г.) — английский майор, военный писатель, автор «Artillerist's Manual» [«Руководство артиллериста»] — 456.
- Гричелли — агент Наполеона III в Сицилии — 95, 96, 98.
- Гровенор, Хью, граф (1825—1899) — английский аристократ-офицер, принимал участие в организации волонтеров — 484.
- Гукер, Джозеф (1814—1879) — американский унионистский генерал, командовавший корпусом в кентуккской кампании — 398, 399.

Д.

Даннер, графиня, Луиза-Христина Расмуссен (1815—1874) — морганатическая жена датского короля Фридриха VII, ранее содержательница модного магазина в Копенгагене — 76.

- Данте, Алигиери (1265—1321) — знаменитый итальянский поэт, автор «Божественной комедии» — 159.
- Дантю — книжное издательство в Париже — 114.
- Датский король — см. Фридрих VII.
- Деак, Франц (1803 — 1876) — венгерский либеральный политический деятель, министр юстиции в кабинете Баттьяни, 1848г., далее (с 1860 г.) член палаты депутатов от г. Пешта — 168.
- Девис, Джефферсон (1808—1889) — владелец хлопковой плантации в штате Миссисипи, член южной демократической партии, один из лидеров сецессионистов и президент Южной конфедерации (1861—1865) — 175, 180, 217, 248, 275, 355, 374.
- Деглиф, д-р — изобретатель машины для выпечки хлеба в Англии (1862) — 391, 392.
- Дельвин, Анри-Густав (1799—1876) — французский военный изобретатель и конструктор, усовершенствовавший витовку 413, 414, 415, 416, 435, 441.
- Демосфен (384—322 до н. э.) — знаменитый афинский оратор и политик, возглавлял республиканскую партию в борьбе против сторонников Филиппа Македонского — 270.
- Денлоу, Джон — английский виг, член парламента (1839 г.) — 189.
- Денн — английский полковник, участник гарибальдийского похода 1860 г. — 125.
- Дерби, граф, Эдуард-Джеффри-Смит, лорд Стенли (1799—1869) — английский торий, лидер протекционистов, премьер-министр (1852, 1858—1859 и 1866—1868) — 16, 318, 319, 320, 321, 379, 380.
- Дефлот, Поль-Луи (1817—1860) — французский политический деятель, фурерист, депутат от Парижа в Законодательном собрании 1851 г., участник итальянского национального движения — 147, 151.
- Джексон, Клеборн-Фокс (1807—1862) — американский политический деятель, губернатор штата Миссури (1860 г.), в дальнейшем генерал конфедератов — 247.
- Джексон, Томас-Джонатан-Стонуолл (1824—1863) — генерал конфедератов, за победу над федералистами при Булл-Рене получил прозвище «Каменная стена» («Stonewall Jackson») — 370.
- Джексон, Эндрю (1767—1845) — американский генерал, президент САСШ (1829—1837) — 181, 234, 269.
- Джемс — английский военный писатель, соавтор Петри (см.) — 560.
- Джемсон, Чарльз-Девис (1827—1862) — американский фабрикант, бригадный генерал унионистской армии — 352.
- Джефферсон, Томас (1743—1826) — третий президент САСШ (1801—1809), главный автор американской «Декларации независимости» 1776 г., основатель демократической партии — 175, 176, 235, 274, 279, 310, 373.
- Джонсон, Самюэль (1709—1784) — английский публицист, составитель большого этимологического словаря (1747—1755), популярный критик — 284.
- Джонсон, Эндрю (1808—1875) — губернатор штата Теннесси; принадлежал к республиканской партии; член конгресса, затем сената, позднее президент Соединенных Штатов (1865—1869) — 247.
- Джозс, д-р — американский журналист, корреспондент «New-York Herald» — 325, 326.
- Дизраэли, Бенджамин, в дальнейшем лорд Биконсфильд (1804—1881) — лидер английских консерваторов, министр финансов (1852, 1858—1859 и 1866 — 1868) и премьер-министр (1868 и 1874—1880) — 18, 20, 189, 216, 318, 319, 320, 321, 327, 365.
- Дионисий Старший (ум. в 367 г. до н. э.) — тиран Сиракузский — 55.
- Дин — американский военный изобретатель, усовершенствовавший револьвер Кольта — 427.
- Долгоруков, Петр Владимирович, князь (1816 — 1868) — русский писатель и эмигрант; в упоминаемом Марксом произведении «La vérité sur la Russie» [«Правда о России»] (1860) высказывался за введение конституционного образа правления в России — 109.
- Дрейзе, Иоганн-Николаус (1787—1867) — немецкий фабрикант и изобретатель в области оружейного дела, сконструировал так называемое игольчатое ружье, принятое в 1840 г. на вооружение в прусской армии — 428, 429.
- Дуглас, сэр Говард (1776—1861) — английский артиллерийский генерал, автор ряда работ по артиллерии — 49, 52.
- Дуглас, Стивен-Арнольд (1813—1861) — американский политический деятель, с 1847 г. — член сената, один из лидеров северной демократической партии — 176, 236, 237, 238, 239, 242.
- Дунс-Скотт (ок. 1285 — ок. 1308) — профессор богословия в Оксфорде и Париже, виднейший представитель средневековой схоластики — 274.

Дьюлай, Франц, граф (1798—1868) — австро-венгерский генерал, участник итальянского похода 1848 — 1849 гг., в 1849 г. военный министр, в 1859 г. главнокомандующий австрийской армии в Итальянской войне; после поражения при Мадженте отставлен от командования — 510.

Е.

Екатерина II (1729—1796) — русская императрица (1764—1796) — 291.

Ж.

Жуанвиль, Франсуа (1818—1900) — один из Орлеанских принцев, сын короля Луи-Филиппа, автор ряда политических памфлетов; в 1861—1862 гг. участвовал в американской гражданской войне на стороне Севера — 104, 193, 194, 195, 196.

З.

Зулоага, Феликс (1814—1876) — мексиканский полковник и политический деятель, президент республики (1858—1859), ставленник реакционной клерикальной партии — 343.

И.

Ивенс — см. Эванс.

Иекер и К^о — швейцарский банкирский дом — 343, 344, 368.

Иллер, фон (ум. в 1866 г.) — прусский тайный советник — 72.

Инглэнд, сэр Ричард (1793—1883) — английский генерал, участник Крымской войны — 552, 556.

Иоанн-Непомук - Мария-Иосиф (1801—1873), король саксонский (1854—1873) — 67, 73.

Истурис, Франсиско-Ксаверис (1790 — 1871) — испанский дипломат и политический деятель, либерал; в 1861—1862 гг. посол в Лондоне — 225, 226, 227.

К.

Кавалли, Дживовани (1808—1879) — сардинский генерал и военный изобретатель, работал над усовершенствованием пушки — 44, 45.

Кавур, Камилло-Бензо (1810—1861) — итальянский политический деятель, глава умеренной либерально-монархической партии, стремившийся к объединению Италии под властью сардинской династии; премьер-министр сардинского правительства (1852—1859 и 1860—1861) — 95, 96, 97, 98, 156, 157, 158, 159.

Камерон, Саймон (1799—1889) — амери-

канский политический деятель, сенатор, в 1861—1862 г. — военный министр САСШ — 323, 326.

Каниц, Карл (род. в 1812 г.) — прусский дипломат, посол в Неаполе, затем в Риме — 156.

Каннинг, Джордж (1770—1827) — английский торий, министр иностранных дел (1822—1827) и премьер-министр (1827) — 14, 208, 263, 320.

Каннинг, Страдфорд де-Редклиф, виконт (1786—1880) — английский дипломат, посол в Константинополе (1842—1846 и 1848—1858), далее член палаты лордов, консерватор — 109.

Капробер, Франсуа-Серген (1809—1895) — французский генерал, бонапартист, главнокомандующий французской армии в Крыму (1854—1856) — 546, 551, 553, 555.

Каразин, Николай Михайлович (1766—1826) — русский историк, монархист-реакционер — 153.

Карл Великий (ок. 742—814) — король франков и основатель так называемой германско-римской империи — 117.

Карл II (1630—1685) — английский король (1660—1685) — 364, 365.

Карл VIII (1470—1498) — король французский (1483—1498) — 376.

Карл XV (1826—1872) — король Швеции (1859—1872) — 76.

Карнарвон, граф, Генри-Говард-Герберт-Моллине (1831—1890) — английский торий, министр по делам колоний (1858—1859, 1866—1867 и 1874—1878), член палаты лордов — 358.

Касс, Льюис (1782—1866) — американский генерал и политический деятель, член демократической партии, военный министр (1831—36) и министр иностранных дел (1857—1860) САСШ — 252.

Кассий, Кай (ум. в 42 г. до н. э.) — римский политический деятель, вместе с Брутом участвовал в аристократическо-республиканском заговоре против Цезаря — 378.

Катон Старший, Марк-Порций (234—149 до н. э.) — древне-римский писатель и политический деятель; упорно настаивал на разрушении Карфагена; будучи цензором, строго следил за общественными нравами, борясь против роскоши и увлечения греческой культурой — 193, 357.

Катон Младший (95—46 до н. э.) — древне-римский политический деятель; в борьбе между Цезарем и Помпеем занимал неустойчивую позицию, заявляя, что его одинаково удручает поражение той и другой партии — 355.

- Каули, Генри-Ричард-Чарльз-Веллслей, граф (1804—1884) — английский дипломат, посол в Париже (1852—1867) — 17, 228, 229.
- Келгун, Джон-Колдуэлл (1782—1850) — один из главнейших лидеров американской демократической партии; государственный секретарь (министр иностранных дел) и вице-президент САСШ (1824—1832), далее сенатор; упорный сторонник рабства негров — 180, 206, 241.
- Кембриджский герцог, Джордж-Вильям-Фредерик-Чарльз (1819—1904) — английский принц, главнокомандующий английских войск с 1856 г. — 112, 496, 500, 552, 555, 556, 558.
- Кемпбелл сэр Колин, барон Клайд (1792—1863) — английский фельдмаршал, подавлявший восстание сипаев в Индии (1857—1858 гг.) — 557, 565.
- Кемпбелл — участник митинга в Ливерпуле (1861 г.) — 278.
- Кенард — пароходная океанская фирма в Англии — 277.
- Кеннингем, Вильям (род. в 1815 г.) — английский либерал, член парламента — 300.
- Кент, Джемс (1763—1847) — американский юрист, профессор права, автор «Commentaries upon American Law» [«Комментарии по американскому праву»] (1826—1830) — 273, 283.
- Кернс, Хью-Маккальмонт, граф (1819—1885) — английский юрист, торий, член парламента, в дальнейшем министр юстиции (1868 и 1874—1880) — 120.
- Кертис, Самюэль (1807—1866) — американский политический деятель, член республиканской партии, депутат конгресса от штата Айова, во время гражданской войны генерал унионистов — 180, 370.
- Кестис — личный секретарь Слайделя (см.) — 273.
- Кестльри, Стюарт-Роберт, лорд (1769—1822) — английский торий, военный министр (1805—1809) и министр иностранных дел (1812—1822) — 358.
- Кеткарт, сэр Джордж (1794—1854) — английский генерал, участник Крымской войны — 552.
- Кетчинсоны — семья американских музыкантов — 324.
- Кинглек, Александр-Вильям (1809 — 1891) — английский военный писатель; в качестве журналиста принимал участие в Крымской войне; автор восьмитомной истории этой войны («Invasion of the Crimea», 1863—1887); член парламента (1857—1865), либерал — 367, 542, 543, 544, 545, 546, 553, 554, 555, 556, 557, 559.
- Кинкейд, сэр Джон (1787—1862) — английский фабричный инспектор (1850—1862) — 83, 87, 90.
- Кири, Филипп (1815—1862) — американский унионистский генерал — 351, 352, 328.
- Кирьяков — русский генерал-лейтенант, участник Крымской войны — 546, 551, 552.
- Клайд, лорд — см. Кемпбелл, Колин.
- Кларендон, Джордж-Вильям-Фредерик-Вильерс, граф (1802—1870) — английский дипломат, виг, затем либерал, министр иностранных дел (1853—1858, 1865—1866 и 1868—1870) — 292, 319.
- Клегг — английский радикал, участник митинга в Лондоне в честь Гарибальди (1862 г.) — 384.
- Коббетт, Вильям (1762—1835) — английский демократ, предшественник чартистов, издатель популярного органа «Cobbett's Weekly Political Register» (1802—1835), отстаивавшего интересы рабочих и трудящихся масс Англии; член парламента с 1832 г. — 221.
- Кобден, Ричард (1804—1865) — манчестерский фабрикант, либерал, виднейший лидер фритредеров, член парламента (1841—1857, 1859—1865) — 17, 18, 285, 286, 295, 379.
- Кобург-готский герцог — см. Эрнст II.
- Козенц, Энрико (1820—1898) — итальянский генерал, участник Сицилийской экспедиции Гарибальди — 146, 147, 150, 151.
- Коломб, Петер фон (1775—1854) — прусский ротмистр, участник кампаний 1813 и 1814 гг. против французов, позднее — генерал-майор — 355.
- Кольт, Самюэль (1814—1862) — американский военный изобретатель, конструктор известного револьвера—427.
- Коуэн, Джозеф (1831—1900) — английский журналист, радикал, в дальнейшем либеральный член парламента (1873—1885) — 376, 378.
- Кошут, Людвиг (1802—1894) — венгерский революционер - националист, вождь либерального дворянства, глава венгерской республики 1848—1849 гг.; позднее бонапартист — 159, 168.
- Кремтгон, сэр Джон-Финнес (1805—1886) — английский дипломат, с 1860 г. посланник в Мадриде — 228.
- Криспи, Франческо (1819—1901) — итальянский политический деятель, участник национально-освободительного движения; в 1860 г. министр-президент, министр внутренних дел и фи-

- нансов во Временном сицилийском правительстве; в дальнейшем умеренный либерал-монархист, член итальянской палаты депутатов — 97, 98.
- Криспи, г-жа, жена предыдущего — 98.
- Криттенден, Джон (1787—1863) — американский сенатор, член республиканской партии; в 1860 г. выступал с компромиссным предложением восстановить старую географическую линию распространения рабства — 175.
- Крицинский — русский дивизионный генерал, участник Крымской войны — 557, 558.
- Кромвель, Оливер (1599—1658) — вожь первой английской буржуазной революции (1642—1649), лорд-протектор английской республики (1653—1658) — 324.
- Л.**
- Лайонс, Ричард-Бинкертон-Пимелл, барон, затем граф (1817—1887) — английский дипломат, посол в Вашингтоне (1858—1865) — 210, 275, 298, 305, 306.
- Лаярд, сэр Остин-Генри (1867—1894) — английский археолог и дипломат; член парламента (1852—1857); помощник министра иностранных дел (1852 и 1861—1866); в дальнейшем посол в Мадриде (1869—1877) и Константинополе (1877—1880); либерал — 301.
- Ламорисьер, Кристоф-Луи-Леон-Жюшо де (1806—1865) — французский генерал, участник алжирских походов (1830—1847); военный министр в министерстве Кавеньяка (1848 г.); после переворота 2 декабря 1851 г. был выслан за границу; с 1860 г. состоял на службе в Папской области — 144.
- Ланди — неаполитанский генерал — 62.
- Лафайет, Мари-Жозеф, маркиз (1757—1834) — французский генерал и политический деятель, участник американской войны за независимость и французских революций 1789 и 1830 гг.; умеренный либерал; в 1830 г. способствовал возведению на престол Луи-Филиппа — 195.
- Лафарина, Джузеппе (1815—1863) — итальянский политический деятель, сторонник Кавура; в 1848 г. был членом Временного правительства Сицилии и военным министром; в 1860—1861 гг. вел интригу против Гарибальди — 95, 96, 97, 98, 158.
- Леопольд I, Георг-Христиан-Фридрих (1790—1865) — младший сын герцога саксен-кобургского, далее король Бельгии (1831—1865) — 116.
- Леопольд (Карл-Фридрих) (1790 — 1852) — великий герцог Баденский (1830—1852) — 67.
- Ли, Роберт-Эдвард (1807—1870) — американский конфедератский генерал, главнокомандующий армии южан (1861—1865) — 393.
- Либих, Юстус (1803—1873) — знаменитый немецкий химик, основоположник агрономической химии — 92.
- Линдсей, Вильям-Шоу (1816—1877) — английский купец и судовладелец; член парламента (1854—1859 и 1859—1865); либерал — 329.
- Линкольн, Абрагам (1809—1865) — американский президент (1860—1865); член республиканской партии; представлял интересы мелкой буржуазии и фермерства Запада; был убит в театре южанином — актером Бутсом — 175, 178, 179, 208, 235, 236, 243, 251, 260, 269, 270, 293, 323, 325, 345, 370, 372, 373, 374, 375, 395, 397, 399, 401.
- Ллой — собственник английской газеты «Daily Telegraph» — 295.
- Ллойд — морское страховое общество в Лондоне — 209, 210.
- Ловджой, Оуэн (1811—1864) — американский пастор, аболиционист, член федерального конгресса САСШ (1856 г.) — 309.
- Лоренц, Иосиф (1814—1879) — австрийский офицер и военный изобретатель, усовершенствовавший винтовочную пулю — 421, 422, 424.
- Лоу, Роберт, позднее виконт Шербрук (1811—1892) — английский адвокат, либерал, сотрудник «Times»; член парламента (1852—1867, 1868—1880); министр финансов (1868—1873) и внутренних дел (1873—1874) — 294.
- Лоуэлл, Чарльз-Россель (1835—1864) — американский конфедератский генерал — 346.
- Люз, Вальтер, барон фон (род. в 1828 г.) — прусский офицер; в 1860 г. командир эскадрона, позже гусарский полковник, флигель-адъютант Вильгельма I — 72.
- Луи Бонапарт — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп Орлеанский (1773 — 1850) — французский король (1830—1848) — 116, 257, 267, 440, 442.
- Льюис, сэр Джордж-Корнуэлл (1806—1863) — английский либерал, министр финансов (1855—1858), внутренних дел (1859—1861) — и военный министр (1861—1863) — 216, 285.
- Людовиг III (1806—1877) — великий герцог гессен-дармштадтский (1848 — 1877) — 72, 74.
- Людовик XIII (1601—1643) — французский король (1610—1643) — 270.

- Людвиг XVI (1754—1793) — король Франции (1774—1793); казнен во время Великой французской революции — 133.
- Люрмель, Фредерик-Анри (1811—1854) — французский генерал, участник Крымской войны—445, 546, 551.
- Людов, Адольф, барон (1782—1834) — прусский партизан в войнах Пруссии против Наполеона I — 355.
- М.**
- Магофин, Беризн (1815—1885) — губернатор штата Кентукки (1859—1861), сторонник рабовладения — 248.
- Мак-Магон, Мари-Эдме-Патри-Морис, герцог Маджентский (1808—1893) — французский маршал, участник Крымской, Итальянской и Франко-прусской войн; в 1871 г. командовал войсками версальцев против Коммуны; в 1873—1879 гг. президент Третьей республики, пытавшийся реставрировать монархию — 106, 170.
- Мадзини, Джузеппе (1805—1872) — итальянский мелкобуржуазный революционер-националист, демократ и республиканец, основатель общества «Молодая Италия»; в 1848 г. член Временного правительства в Риме; в 1849 г. один из организаторов «Европейского демократического комитета» в Лондоне — 70, 71, 97, 157, 158, 309, 386.
- Макиавелли, Николо (1469—1527) — флорентийский политический деятель, крупнейший писатель эпохи Возрождения по вопросам о государстве — 69, 159.
- Мак-Клееллан, Джордж-Брентен (1826—1885) — американский унитаристский генерал, главнокомандующий союзной армии (1861—1862), кандидат демократической партии на пост президента (1864) — 323, 324, 325, 326, 340, 350, 351, 352, 355, 369, 370, 373, 374, 375, 397, 398, 399, 523.
- Мак-Кук, Александр Макдоуэлл (1831—1903) — американский унитаристский генерал — 393.
- Мак-Мердо, сэр Вильям-Монтегю-Скотт (1819—1894) — английский полковник, затем генерал, в 1860—1862 г. инспектор водонтерской армии — 77, 78, 108, 484, 485, 486, 501, 535, 536, 538, 539.
- Мак-Фарлей — личный секретарь Мессона (см.) — 273.
- Маколей, Томас-Бабингтон, барон (1800—1859) — английский либерал, историк и политический деятель; член парламента (1830—1831, 1831—1847 и 1852—1856), военный министр (1839—1841); автор четырехтомной «Истории Англии» (1848—1855) — 324.
- Максимилиан II (1811—1864) — король Баварии (1848—1864) — 72.
- Максимилиан - Фердинанд - Иосиф (1832—1867) — эрцгерцог австрийский, император Мексики (1863—1867); расстрелян республиканцами — 229, 230.
- Манлий — древне-римский полководец и политический деятель; в 390 г. (до н. э.) спас Капитолий от галлов; пытался в дальнейшем провести реформы против ростовщичества и по аграрному вопросу, за что был казнен патрициями — 376.
- Мантейфель, Эдвин-Карл, барон фон (1809—1885) — прусский генерал-фельдмаршал, с 1848 г. флигель-адъютант Вильгельма I, участник Датской, Австро-прусской и Франко-прусской войн, наместник Эльзас-Лотарингии (с 1879 г.) — 72.
- Марио, Альберто, (1825—1883) — участник сицилийской экспедиции Гарибальди, член революционного сицилийского правительства после отставки Лафарина (1860 г.) — 98.
- Мария II да-Глория (1819—1853) — королева Португалии (1826—1828 и 1834—1853) — 14.
- Маркес, Леопардо (род. ок. 1820) — мексиканский генерал и политический деятель, лидер реакционной католической партии — 262.
- Мегайр, Джон-Френсис (1815—1872) — ирландский журналист и политический деятель, член английского парламента (1852—1872); либерал — 105.
- Медисон, Джеймс (1751—1836) — четвертый президент САСШ (1809—1817) — 215.
- Медичи, Джакомо, маркиз дель Васчелла (1817—1892) — итальянский полковник, затем генерал, участник сицилийской экспедиции Гарибальди — 95, 123, 146, 150.
- Меджиа — вождь индийского племени в Мексике — 262.
- Меж-Мури — французский химик — 391.
- Мейн, сэр Ричард (1796—1868) — начальник полиции в Лондоне (с 1850 г.) — 501.
- Мейнар — американский полковник, агент сепсессионистов в унитаристской армии — 324.
- Мелендес — неаполитанский генерал — 147, 151.
- Менилл — полковник американской федеральной армии — 351.

- Менн, Амброзиас-Дэдди (1801—1889)—американский дипломат, комиссар Южной конфедерации, посланный в Европу с целью добиться признания со стороны Англии и Франции—213, 220, 274, 295, 310, 327, 328, 329.
- Меншиков, Александр Сергеевич, князь (1787—1869)—русский генерал, главнокомандующий во время Крымской войны (1854 г.)—546, 551, 558.
- Меривейль, Герман (1806—1874)—английский экономист, автор нескольких работ по колониальному вопросу, помощник министра по делам Индии (1847—1860)—395, 396.
- Меррей, Уэд—английский радикал, председатель лондонского митинга в честь Гарибальди (1862 г.)—383.
- Месон, Джеймс-Меррей (1798—1871)—американский сенатор, сецессионист, посол Конфедерации, делегированный в 1861 г. в Англию с целью вызвать последнюю на интервенцию против Соединенных Штатов—213, 222, 224, 272, 273, 275, 276, 277, 279, 280, 281, 284, 285, 286, 294, 301, 309, 310, 313, 319, 327, 328, 329.
- Меттерних, Клеменс-Венцель-Лотарь, князь (1773—1859)—австрийский министр иностранных дел (1809—1848) и имперский канцлер (1821—1848); крайний реакционер, организатор «Священного союза» королей для борьбы против революции (1815 г.)—74.
- Мигуэль, дон Мария-Эварест (1802—1866)—португальский король (1828—1834)—14.
- Мильнер—см. Гибсон.
- Мише, Клод-Этьен (1804—1879)—французский офицер, военный изобретатель; в 1849 г. сконструировал особый тип винтовки, носящей его имя—24, 416, 417, 418, 419, 420, 432.
- Мирамон, Мигуэль (1832—1867)—мексиканский генерал, с помощью клерикальной партии стал президентом республики (в 1859 г.); после захвата власти либералами (1860 г.) бежал в Европу; в дальнейшем принимал участие в мексиканской аванюре Луи-Наполеона и был расстрелян вместе с императором Максимилианом—343, 344.
- Мирэ, Исаак-Жюль (1809—1871)—французский банкир—343, 344.
- Миссори, Джузеппе (1829—1914)—итальянский офицер, участник неаполитанской экспедиции Гарибальди—146, 150.
- Миттлер—берлинское издательство—543.
- Митчель-Ормсби, Мак-Найт (1809—1862)—американский унионистский генерал—346.
- Михаил Николаевич, великий князь (1832—1909)—сын Николая I, участник Крымской войны, наместник Кавказа (1863—1881), председатель Государственного совета (1881—1901)—553.
- Монроэ, Джеймс (1758—1831)—президент Северо-Американских Соединенных Штатов (1817—1825), автор так называемой доктрины Монроэ—«Америка для американцев»—208, 263, 264.
- Монтегю, Роберт, лорд (1825—1902)—английский консерватор, член парламента (1859—1880)—189, 364, 366, 367, 368.
- Монтобан, Кузен-Гюйом (1796—1878)—французский генерал; служил в Алжире (1831—1857) и в Китае (1860), бонапартист—343.
- Морган, Джон-Хейт (1825—1864)—американский конфедератский генерал—394.
- Морни, Шарль-Огюст-Луи-Жозеф (1811—1865)—брат Наполеона III; в качестве министра иностранных дел содействовал перевороту 2 декабря 1851 г.; председатель Законодательного корпуса (1854—1856 и 1857—1865)—368.
- Моррилл, Джюстин-Смит (1810—1898)—американский сенатор, член республиканской партии, автор закона о протекционистском тарифе 1861 г., получившего его имя—181, 234, 308, 315.
- Мулай-Аббас—мавританский генерал, участник Мароккской войны 1859—1860 гг.—5.
- Мум, Б. и Т.—английская промышленная фирма—88, 89.
- Мюнгхаузен, барон, Карл-Фридрих (1720—1797)—немецкий писатель, автор серии рассказов о баснословных приключениях, обработанных и дополненных последующими писателями—286.
- Мюрат - Наполеон, Люсьен - Шарль, принц (1803—1878),—двоюродный брат Наполеона III, сын Иоахима Мюрата, бывшего при Наполеоне I неаполитанским королем—56, 377.

Н.

- Наполеон I Бонапарт (1769—1821)—французский император (1804—1815)—16, 42, 55, 67, 74, 116, 125, 223, 266, 323, 333, 398, 439, 474, 506, 509, 523.

Наполеон III, Луи Бонапарт (1808—1873) — французский президент (1848—1852), затем император (1852—1870) — 12, 16, 17, 20, 26, 28, 43, 56, 57, 58, 66, 67, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 80, 95, 96, 106, 108, 110, 111, 114, 119, 121, 122, 131, 133, 137, 154, 155, 157, 158, 159, 164, 165, 169, 172, 173, 193, 194, 195, 196, 202, 203, 213, 217, 227, 260, 261, 264, 266, 267, 268, 282, 297, 302, 343, 344, 359, 367, 368, 376, 377, 386, 440, 445, 472, 473, 474, 513.

Наполеон, Жозеф-Бонапарт (1768—1844) — старший брат Наполеона I, король Испании (1808—1813) — 398.

Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; считался вождем «левых» бонапартистов; известен под кличкой «Плон-Плона» и «Красного принца»; автор ряда памфлетов; насаждал в среде парижских рабочих организации типа русской зубатовщины; участник Крымской войны — 159, 194, 377, 546, 551, 552, 553.

Нассауский герцог — см. Адольф.

Нейендорф — прусский капитан и военный изобретатель — 419.

Немурский герцог, Луи-Филипп-Рафаэль (1814—1896) — один из Орлеанских принцев, сын Луи-Филиппа; в 1831 г. намечался королем Бельгии; после революции 1848 г. эмигрировал в Англию; участвовал в американской гражданской войне на стороне Севера — 116, 195, 196.

Непир — английская дворянская фамилия, давшая ряд английских военных деятелей — 565.

Непир, сэр Вильям-Френсис-Патрик (1785—1860) — английский генерал и военный историк, автор многотомной «Истории Пиренейской войны» (1828—1840) — 523.

Непир, сэр Чарльз-Джеймс (1782—1853) — английский генерал, участник испанской войны против Наполеона; в 1840-х годах был главнокомандующим в Индии, где завоевал королевство Синд — 536.

Несслер — французский офицер, военный изобретатель — 420.

Нигольевский — депутат прусской палаты депутатов (от Познани) — 69, 70.

Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 111, 357.

Никольс — агент Южной конфедерации в Лондоне — 310.

Нотьюнг, Петер (1821—1880) — немецкий портной, член Союза коммунистов, один из обвиняемых в Кельн-

ском процессе коммунистов; по освобождению из тюрьмы жил в Бреславе — 59, 60.

Ньюкестль, герцог, Генри-Пелгем-Клинтон, граф Линкольн (1811—1864) — английский аристократ, либерал-консерватор (пилит), министр по делам Ирландии (1846 г.) и военный министр (1852—1855) — 14, 15.

Ньютон — городской советник в Ньюкестле (Англия) — 376, 378, 386.

Ньюман, Френсис-Вильям (1805—1897) — английский профессор и писатель, радикал-либерал, сотрудник Фритредерской газеты «Morning Star», автор ряда исследований по экономическим и политическим вопросам — 400.

О.

О'Доннель-и-Хоррис, Леопольд, граф Люсена и герцог Тегуанский (1809—1867) — испанский генерал, вначале принадлежал к прогрессивистской партии, затем перешел к умеренным; возглавлял военный заговор 1854 г.; военный министр (1854, 1858—1859 и 1863—1864) и министр-президент (1854—1856, 1858—1863 и 1865—1866); главнокомандующий испанских войск в Мароккской войне 1859—1860 гг., — 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 34, 35, 36, 37, 41.

Оливье Эмиль (1825—1913) — французский политический деятель, либерал, лидер умеренной оппозиции в эпоху Второй империи; в 1870 г. премьер-министр одного из последних правительств Наполеона III — 110.

Омальский герцог, Анри-Эжен (1822—1897) — один из орлеанских принцев, сын короля Луи-Филиппа; принимал участие в алжирских походах; автор нескольких памфлетов против бонапартистов — 194, 450.

Орель-де-Паладин, Луи-Жан-Батист (1804—1877) — французский генерал, участник Крымской войны — 546, 551.

Орлеанский герцог, Фердинанд (1810—1842) — старший сын Луи-Филиппа; принимал активное участие в реорганизации французской армии — 43, 440, 441.

Орлеанские принцы — см. Жуанвиль, Франсуа и Немурский герцог.

Орсини, Феличе (1819—1858) — итальянский националист, революционер-заговорщик, покушавшийся на Наполеона III (в 1858 г.); казнен Наполеоном — 71, 378, 386, 387.

Отефейль, Лоран-Базиль (род. в 1805 г.) —

французский юрист, дипломат и писатель, бонапартист — 329, 330.

П.

Пальмер, Вильям (1824—1856) — английский врач, отравивший в целях получения наследства свою жену и брата; судом был приговорен к повешению — 210, 295.

Пальмер, сэр Раундель, граф Сельборн (1812—1895) — английский юрист, генерал-прокурор (1861—1863), в дальнейшем министр юстиции (1872—1874) — 329.

Пальмерстон, Генри-Джон-Темпл, виконт (1784—1865) — английский виг, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1852), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865) — 12, 13, 14, 15, 16, 31, 101, 111, 119, 120, 121, 183, 187, 188, 189, 190, 192, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 214, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 224, 260, 261, 282, 284, 285, 286, 292, 293, 294, 295, 297, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 313, 316, 320, 321, 344, 357, 358, 359, 368, 379, 400.

Парсонс, Люси — см. Уолтер-Парсонс.

Партуно — французский генерал, участник Итальянской кампании 1859 г. — 509.

Патрик — английский фабричный инженер — 87, 88.

Пелисье, Жан-Жак (1794—1864) — французский генерал, бонапартист, главнокомандующий французских войск в Крыму (1855 г.); с 1860 г. генерал-губернатор Алжира — 25.

Педро, дон (1798—1834) — под именем Педро I — император Бразилии (1822—1831), под именем Педро IV — король Португалии (1826); отрекся от португальской короны в пользу своей дочери Марии-да-Глориа и от бразильской — в пользу сына Педро II — 14.

Перейр, Исаак (1806—1880) — французский банкир; в 1829—1834 гг. сенсимонист; при Второй империи бонапартист; в 1857 г. основал банк «Crédit Mobilier» — 17, 257.

Перпонхер, Вильгельм-Генрих-Людвиг (род. в 1819 г.) — прусский дипломат, в 1860 г. посол в Неаполе — 156.

Персины, Жан-Виктор-Фиален, граф, затем герцог (1808—1872) — ближайший сотрудник Наполеона III, активный участник переворота 2 декабря 1851 г., посол в Лондоне (1855—1860), далее министр внутренних дел — 114, 121, 138, 201, 257.

Петерсон, Роберт (1792—1881) — американский унитаристский генерал — 325.

Петр I (1672—1725) — русский император (1682—1725) — 115.

Петр Пустынный (Амьенский) (около 1050—1115) — католический монах, проповедывавший так называемый первый крестовый поход — 114.

Петри, Мартин (1823—1892) — английский военный писатель, автор книги «Organisation, Composition and Strength of the Army of Great Britain» [«Организация, состав и сила армии Великобритании»] (1863) — 560.

Пеца-и-Пеца — мексиканский политический деятель, министр финансов в правительстве Мирамона (см.) — 344.

Пиа, Феликс (1810—1889) — французский мелкобуржуазный радикал, участник революции 1848 г. и Парижской коммуны; в 1871 г. эмигрировал в Лондон — 70.

Пий IX (1792—1878) — римский папа (1846—1878) — 67, 110, 132, 133, 377, 383, 384.

Пиль, сэр Роберт (1788—1850) — английский политический деятель; сын ланкаширского фабриканта; в начале торий, затем либерал-консерватор; премьер-министр (1830 и 1841—1846); в 1846 г. в интересах промышленной буржуазии провел билль об отмене хлебных пошлин — 165.

Пиндар (ок. 522—443 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик — 315.

Пирс, Франклин (1804—1869) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов (1853—1857), кандидат демократической партии; проводил политику в интересах рабовладельцев — 269, 281, 325.

Питт, Вильям (младший), граф Чатам (1759—1806) — английский торий, премьер-министр (1783—1801 и 1804—1806); организатор войн против французской республики — 14, 308.

Пленис, Вильгельм (1828—1871) — дармштадтский офицер, военный писатель и изобретатель — 420.

Плон-Плон — см. Наполеон - Жозеф-Шарль-Поль.

Подевилл, Филипп, барон (1809—1885) — баварский офицер, оружейный техник, с 1853 г. руководитель оружейного завода в Амберге — 420.

Польк, Джеймс-Нокс (1795—1849) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов (1845—1849), кандидат демократической партии — 269, 281.

Поп, Джон (1822—1892) — американский унитаристский генерал — 325, 398.

- Пост — чиновник в Познани (Прус-сия) — 69.
- Поттер, сэр Джон (1817—1898) — манчестерский купец и политический деятель; либерал, член парламента (с 1857 г.) — 315, 316.
- Пратт, Фредерик-Томас — английский писатель, специалист по морскому праву, автор работы «Law of Contraband of War» [«Право военной контрабанды»] (1856) и ряда других — 273.
- Прела, Жозеф (род. в 1819 г.) — швейцарский ружейный мастер, конструктор, в 1854 г. сконструировал ружье, носящее его имя — 418.
- Прим, дон Хуан, граф Рейс (1814—1870) — испанский генерал, участник Мароккской войны 1859—1860 гг. — 4, 7, 8, 9, 11.
- Принц-регент — см. Вильгельм I, король прусский.
- Притчет — английский военный изобретатель, усовершенствовавший пулю — 494.
- Путкаммер, фон — президент познанской провинции в Пруссии — 69, 70.
- Путшар — французский военный изобретатель — 441.
- Пюклер, Герман-Константин, граф фон (род. в 1797 г.) — прусский генерал, гофмаршал при прусском королевском дворе — 72.
- Р.**
- Раглан, Джемс-Генри-Фитрой-Сомерсет, барон (1788—1855) — английский генерал, в Крымской войне главнокомандующий британской армии — 542, 552, 553, 555, 556.
- Редгрэв, Александр — английский фабричный инспектор — 83, 87, 90.
- Рейнольдс, Джордж-Вильям (1814—1879) — английский журналист, редактор, издатель рабочей еженедельной газеты «Reynolds' News-Paper» (с 1850 г.); участвовал в чартистском движении — 177, 178, 220, 309.
- Рейтер — английское официальное телеграфное агентство, основанное в 1852 г. — 345, 359.
- Рейхенбах, Георг (1772—1826) — баварский артиллерийский офицер, механик-конструктор — 44.
- Реклаф, виконт, Томас-Герон-Джонс (род. в 1812 г.) — английский аристократ, офицер; принимал участие в организации волонтерского движения — 480, 481, 482, 483, 501.
- Рено, Джесси-Ли (1823—1862) — американский унионистский генерал — 398.
- Ретерфорд — английский пастор в Нью-кестле — 378.
- Рехберг, Иоганн-Бернгард фон (1806—1899) — австрийский политический деятель, министр-президент (1859—1860) и министр иностранных дел (1859—1864); консерватор — 159.
- Риос-и-Росас, Антонио (1812—1873) — испанский генерал и политический деятель, либерал-консерватор, министр внутренних дел (1856), участник Мароккской войны 1859—1860 гг. — 9, 34, 36.
- Рипон — английский генерал, помощник военного министра — 501.
- Ришелье, Арман-Жан-ди-Плеси, кардинал (1585—1642) — французский министр, фактический правитель королевства при Людовике XIII, один из создателей французской абсолютной монархии — 270.
- Розелиус, Кристиан (1802—1873) — американский журналист и политический деятель, профессор гражданского права при Луизианском университете — 249.
- Розенкранц, Вильям-Старк (1819—1898) — американский фабрикант и политический деятель, бригадный генерал федеральной армии — 394.
- Романовы — царская династия в России (1613—1917) — 175.
- Рос-де-Олано, Антонио, граф д'Альмина (1808—1886) — испанский генерал и политический деятель, один из руководителей военного восстания в 1854 г., участник Мароккской войны 1859—1860 гг. — 8.
- Россель, Джон, лорд, с 1860 г. граф, (1792—1878) — лидер английской партии вивогов; премьер-министр (1846—1852 и 1865—1866), министр иностранных дел (1852—1853 и 1859—1865) и министр колоний (в 1855 г.) — 26, 59, 114, 202, 205, 206, 210, 216, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 244, 266, 295, 303, 304, 305, 306, 307, 319, 320, 358, 359, 367, 378, 386, 400.
- Ротшильд, барон, Лайонель-Натан (1808—1879) — глава банкирского дома Ротшильдов в Англии — 196, 200.
- Руль — бонапартистский агент в Англии — 378.
- Руссо, Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, просветитель, один из теоретиков мелкобуржуазной демократии, идеолог якобинизма Великой французской революции — 76.
- Рух, г-жа — 70.
- Руэр, Эжен (1814—1884) — французский политический деятель, бонапар-

- тист, министр земледелия, общественных работ и торговли (1855—1863), с 1863 г. — президент Государственного совета — 17.
- Рьюитт — член лондонского польского комитета — 70.
- С.**
- Сабала-и-де-ла-Пуэнте, Хуан, граф Паредес-де-Нава (1804—1879) — испанский генерал, в 1854 г. сторонник Эспартеро, в дальнейшем реакционер, подавлявший революцию 1873—1874 гг.; в 1860 г. принимал участие в Марокнской войне — 4, 8.
- Саксен-кобургский герцог — см. Эрнст III.
- Саксонский король — см. Иоанн-Непомуц-Мария-Иосиф.
- Сеймур, Горацио (1810—1886) — американский юрист, сенатор, губернатор штата Нью-Йорк (1853—1855 и 1863—1865); принадлежал к демократической партии — 397.
- Семере, Бартоломей (1812—1869) — венгерский либеральный писатель и политический деятель, министр внутренних дел и министр - президент конституционного правительства 1848 г. — 168.
- Семнер, Чарльз (1811—1874) — американский политический деятель, один из лидеров республиканской партии, с 1861 г. — председатель сенатского комитета по иностранным делам — 349.
- Сент-Арно, Арман-Жак-Леруа, де (1801—1854) — французский маршал и политический деятель, активный участник переворота 2 декабря 1851 г., военный министр (1851—1854), главнокомандующий французских войск в Крыму (1854) — 546, 552.
- Сеочо — участник гарибальдийского похода 1860 г. — 124.
- Серрано-и-Домингес, Франсиско (1810—1885) — испанский маршал, генерал-капитан (наместник) Кубы (1861—1862), далее регент королевства (1869—1874), реакционер — 226, 228.
- Сесиль, лорд, Роберт-Тальбо-Гаскони — английский торгаш, член парламента (с 1853 г.) — 329.
- Сечени (Szecseni), Стефан, граф (1791—1860) — венгерский аристократ, консерватор, министр общественных работ в конституционном правительстве 1848 г. — 168.
- Сид Кампеадор Родриго-Диаз (ок. 1040—1099) — испанский полководец в войнах с маврами, герой многочисленных испанских народных легенд и сказаний — 4.
- Сиди-Мухаммед (ум. в 1873 г.) — император Марокко (1859—1873) — 38.
- Синглетон, Отто (род. в 1814 г.) — американский политический деятель, член демократической партии, в 1859 г. депутат конгресса от штата Миссисипи, в дальнейшем участник конфедератского конгресса 1861—1865 гг. — 179.
- Скарлетт, сэр Джемс-Йорк (1799—1871) — английский кавалерийский генерал — 482.
- Скотт, Вильям, барон Стоуэль (1745—1836) — английский юрист, специалист по морскому и международному праву — 211, 273, 283.
- Скотт, Винфильд (1786—1866) — американский генерал, главнокомандующий в Мексиканской войне (1846—1848) и в гражданской войне (до ноября 1861 г.) — 218.
- Скотт, Дред (род. ок. 1810 — ум. после 1857) — американский негр-раб; в 1857 г. верховный суд САСШ вынес по его делу решение, что раб или потомок раба не может считаться гражданином Штатов — 176, 237.
- Слайдель, Джон (1793—1876) — американский сенатор, посол Конфедерации, делегированный во Францию с целью вызвать интервенцию против Соединенных Штатов — 213, 222, 224, 272, 273, 275, 276, 277, 279, 280, 281, 284, 285, 286, 294, 301, 309, 310, 313, 319.
- Смит, Джеррит (1797—1874) — американский радикальный политический деятель, один из лидеров абolicionистского движения в САСШ — 372.
- Спенс, Джемс — ливерпульский купец; возглавлял движение за признание Южной конфедерации и разрыв с Соединенными Штатами — 209, 277, 278.
- Спратт — американский политический деятель, член сецессионистского Монтгомериского конгресса — 236.
- Сталезанов — 116.
- Стеббс и К^о — частновладельческая фирма — «Общество по охране торговли» в Лондоне, преследовавшая цели коммерческого шпионажа — 288, 289, 290.
- Стедман — председатель рабочего митинга в Лондоне (1862 г.) — 309.
- Стентон, Эдвин (1815—1869) — американский юрист и политический деятель, член республиканской партии; сенатор, военный министр Соединенных Штатов (в 1862 г.) — 323, 325, 326, 369.
- Стивен — английский инженер, изобретатель машины для хлебопечения (1862 г.) — 391.

- Стивенс, Александр-Гамильтон (1812—1883) — американский политический деятель, лидер рабовладельческой партии, вице-президент Конфедерации — 235.
- Стоунволл — см. Джексон, Томас-Джонатан.
- Стон, Чарльз-Померой (1822—1887) — американский унионистский генерал; в 1862 г. за сочувствие южанам был уволен из армии — 325, 334, 528.
- Стоуэль — см. Скотт, Вильям.
- Страбон (ок. 63 до н. э. — ок. 21 после н. э.) — древне-греческий географ — 115, 117.
- Стратфорд-де-Редклиф — см. Каннинг, Стратфорд.
- Страффорд, Томас-Вентворт (1593—1641) — министр английского короля Карла I, проводивший политику абсолютизма в Англии и Ирландии; Долгим парламентом был привлечен к суду и казнен — 162.
- Сулла, Люций-Корнелий (138 — 78 до н. э.) — римский полководец, вначале сторонник демократической партии, впоследствии перешел в лагерь землевладельческой олигархии; диктатор Рима (82 — 78 гг.) — 16.
- Сьюард, Вильям-Генри (1801—1872) — министр иностранных дел САСШ (1861—1869), один из лидеров республиканской партии — 213, 221, 223, 269, 270, 274, 292, 293, 298, 303, 304, 305, 306, 307, 312.
- Т.**
- Тамизье — французский полковник и военный изобретатель — 46.
- Темпл, Вильям (1628—1699) — английский дипломат и писатель, ближайший советник Вильгельма III — 222, 281.
- Тернер, Джеймс-Эспиналл (род. в 1797 г.) — английский фабрикант, либерал, член парламента (с 1857 г.) — 315.
- Тиммергауз, Шарль-Фредерик-Теодор (1800—1865) — бельгийский военный писатель и конструктор — 420.
- Тотти — агент Наполеона III в Сицилии — 95, 96, 98.
- Томас, Джордж-Генри (1816—1870) — американский унионистский генерал — 531.
- Треиль-де-Болье, Антуан-Гектор-Гезен, барон (род. в 1809 г.) — французский генерал и военный конструктор — 46.
- Тременхир, Хью-Сеймер (1804—1893) — комиссар по обследованию труда детей и подростков на английских фабриках; автор ряда публицистических статей — 390, 391.
- Тувенель, Эдуард-Антуан (1818 — 1866) — французский дипломат, бонапартист, посланник в Афинах (1849—1850), далее министр иностранных дел (1860—1862) — 74, 202, 229, 260, 367.
- Тувенен — французский полковник, военный изобретатель — 415, 416, 417, 435.
- Тумбс, Роберт (1810—1885) — американский юрист и политический деятель, сенатор (1853—1861), один из лидеров южной демократической партии; в гражданской войне генерал конфедератов — 179, 240.
- Тэйлор, Том (1817—1880) — английский драматург и юмористический писатель, корреспондент «Manchester Guardian» — 78, 108.
- Тьер, Луи-Адольф (1797—1877) — французский политик и историк, либерал, премьер-министр (1836—1840), глава версальского правительства в 1871 г. и палач Коммуны, президент Третьей республики (1871—1873) — 542.
- Тюрр, Стефан (1825—1908) — венгерский офицер; до 1848 г. служил в австрийской армии под командой Радецкого, затем перешел на сторону итальянцев; участвовал в сицилийской и неаполитанской экспедициях Гарибальди — 146, 158, 159.
- У.**
- Уайк — сэр Чарльз-Леннокс (1815—1897) — английский дипломат, полномочный посол-министр в Мексике (1860—1861) — 229, 367.
- Уайт, Джеймс (род. в 1809 г.) — лондонский купец, либерал, член парламента (с 1857 г.) — 300, 302.
- Уголино — пизанский тиран XIII века; будучи побежден архиепископом Руджиери Убольдини, был заключен вместе с двумя сыновьями в башню, где умер от голода, съев своих детей; сюжет был использован Данте в его «Божественной комедии» — 381.
- Уитон, Генри (1785—1848) — американский юрист, автор ряда работ по вопросам международного права — 283, 285.
- Удино, Никола-Шарль-Виктор, герцог (1791 — 1863) — французский генерал, в 1849 г. главнокомандующий римской экспедиции — 377.
- Уитни, Эли (1765—1825) — квакер из Коннектикута, изобретатель так называемого Коттон-Джина, машины для очистки хлопка — 254.

- Уланд, Иоганн-Людвиг (1787—1862) — германский поэт, профессор тюбингенского университета по истории литературы; в 1848—1849 гг. член Франкфуртского парламента, где принадлежал к республиканскому меньшинству — 67.
- Уокер, Лерой-Поп (1817—1884) — американский юрист, генерал и политический деятель, военный министр Конфедерации (1861); командовал войсками конфедератов в Монгомери (1862) — 235.
- Уокер, Тимоти (1806—1856) — американский юрист и писатель, автор «Introduction of American Law» [«Введение в Американское право»] — 283.
- Уоллингер — английский офицер — 491.
- Уолтер-Парсонс, Люси (мистрис Берлоу) (около 1630—1658) — любовница английского короля Карла II — 364, 365.
- Уркарт, Дэвид (1805—1877) — английский дипломат и писатель, в 30-х гг. секретарь английского посольства в Константинополе, в 1847—1852 гг. — член парламента; туркофил, упорный противник внешней политики Пальмерстона — 285, 286.
- Уэзеролл, сэр Джордж — английский генерал, командующий Ланкаширским военным округом — 465, 466, 467.
- Уэлш (Walsh), сэр Джон-Бенн (1798—1881) — английский торий, член парламента (1830—1834, 1837—1840 и 1840—1868); лорд-лейтенант (командующий милицией) одного из графств в Ирландии (1840—1868) — 358.
- Ф.**
- Фавр, Жюль (1809—1880) — французский адвокат, буржуазный республиканец; в 1870 г. член «Правительства национальной обороны», правая рука Тьера при заключении мира с Пруссией и подавлении Коммуны — 110, 129, 130.
- Фарретт — американский конфедератский генерал — 346.
- Фарини, Луиджи-Карло (1812—1866), итальянский политический деятель, сторонник Кавура; в 1859 г. сардинский уполномоченный в Средней Италии; боролся с влиянием Гарибальди в национальном движении — 157.
- Фердинанд II (1810—1859) — король неаполитанский (1830—1859); за бомбардировку революционной Мессины (1848 г.) получил прозвище «король-Бомба» — 55, 144.
- Фердинанд VII (1784—1833) — испанский король (1808 и 1814—1833) — 14.
- Филлимор, сэр Роберт-Джозеф (1810—1885) — английский юрист, специалист по морскому праву, автор «Commentaries on International Law». [«Комментарии по международному праву»] (1854—1861) — 283, 285.
- Филипп-Август или Филипп II (1165—1224) — французский король (1180—1223) — 114.
- Филиппс, Вендель (1811—1884) — американский радикальный политический деятель, один из виднейших представителей абсолюционистского движения в Соединенных Штатах — 372, 373.
- Фильд — английская фирма, занимавшаяся шпионажем по установлению супружеской неверности — 287, 289.
- Финке, Георг-Эрнест-Фридрих фон (1811 — 1875) — прусский умеренный либерал, член Франкфуртского национального собрания 1848 г., далее член прусской палаты депутатов — 68.
- Фицджеральд, сэр Вильям-Роберт-Сэймур-Вези (1818 — 1885) — английский торий, член парламента (1852—1865), помощник министра иностранных дел (1856—1859), в дальнейшем губернатор Бомбея — 367.
- Фитрой-Сомерсет — английский полковник — 494.
- Флао (Flahaut)-де-ла-Биллардри, Огюст-Шарль-Жозеф (1785—1870) — французский дипломат, посол в Лондоне (1860—1862) — 227, 228.
- Флойд, Джон-Бьюкенен (1805—1863) — американский политический деятель, член демократической партии, военный министр при Бьюкенене, далее сессеционист и генерал конфедератов — 338, 530.
- Флорес — неаполитанский генерал — 145.
- Фогт, Карл (1817—1895) — немецкий вульгарный материалист, буржуазный демократ, член Франкфуртского парламента (1848); после поражения революции эмигрировал в Женеву; агент Наполеона III; в 1859 г. выступил против Маркса; разоблачен Марксом в памфлете «Господин Фогт» (см. Соч., т. XII, ч. 1) — 74.
- Форстер, Вильям-Эдуард (1818—1886) — английский фабрикант, либерал, член парламента (1861—1886) — 192, 328, 329.
- Франц II, Иосиф-Карл (1768—1835) — австрийский император (1791—1835) — 263.

Франц-Иосиф I (1830—1916) — австрийский император (1848—1916) — 21, 73, 111, 131, 132, 133, 134, 160, 161, 166, 167, 168, 173.

Франциск II (1836—1894) — король неаполитанский (1859—1861) — 56, 67, 95, 132, 147, 156.

Фремон, Джон-Чарльз (1813—1890) — американский политический деятель и путешественник (исследователь Западной Америки); первый кандидат в президенты, выставленный республиканской партией на выборах 1856 г.; в гражданской войне вначале командовал армией на Миссури (1861 г.), затем дивизией под начальством генерала Попа — 177, 239, 252, 269, 270, 271.

Фридрих II (Великий) (1712—1786) — прусский король (1740—1786) — 430, 510.

Фридрих VII (1808—1863) — король Дании (1848—1863) — 76, 170.

Фридрих (Вильгельм-Людвиг) (1826—1907) — великий герцог баденский (1858—1907) — 72, 74.

Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — король прусский (1840—1861) — 23, 57, 67.

Фридрих-Карл, принц Прусский (1828—1885) — немецкий генерал, участник Итальянской войны на стороне Австрии, в 1864 г. главнокомандующий союзных армий против Дании — 430.

Фульд, Ашиль (1800—1867) — французский банкир и политический деятель, сторонник Луи-Наполеона и участник декабрьского переворота 1851 г., министр финансов (1849—1852 и 1861—67) — 201, 257, 265, 267, 268.

Х.

Хавелок, сэр Генри (1795—1857) — английский генерал, подавлявший индийское восстание в 1857 г.; умер от холеры во время кампании — 302.

Хаджи-Абд-Селим — мавританский генерал, командовавший войсками против испанцев под Тегуаном — 4.

Хеннесси — английский либерал, член парламента — 189.

Ходасевич, майор — русский офицер, участник Крымской войны — 543, 545, 551.

Хорсман, Эдуард (1807—1876) — английский виг, затем либерал, член парламента (1836—1868) — 112.

Хуарес, Карло-Бенито (1806—1872) — по происхождению индеец, вождь ме-

ксиканских либералов, президент республики (1857—1865 и 1867—1872); в 1867 г. казнил императора Максимилиана — 262, 344.

Ц.

Цезарь, Гай-Юлий (ок. 102—44 до н. э.) — римский полководец и писатель, возглавлял антиаристократическую партию в Риме; диктатор (48—44 гг.); был убит республиканцами-аристократами Брутом и Кассием — 193.

Цицерон, Марк-Туллий (106—43 до н. э.) — крупнейший римский оратор и политический деятель, идеолог и вождь аристократической партии — 55.

Цолликофер, Феликс-Кирк (1812—1862) — американский бригадный генерал конфедератов — 334.

Ч.

Чальдини, Энрико (1811—1892) — итальянский генерал, участник национальной войны 1848 г., Крымской кампании 1854—1856 гг. и Итальянской войны 1859 г., сторонник Кавура — 157.

Чарторыйский, Адам-Юрий, князь (1770—1861) — польский аристократ, одно время близкий друг Александра I; участник восстания 1831 г. и председатель Временного польского правительства; после подавления восстания эмигрировал в Париж — 70.

Чернышев, Александр Иванович, князь (1786—1857) — русский генерал, участник кампаний (1805—1807 и 1812—1814 гг.) против французов, организатор партизанских отрядов; далее военный министр (1832—1852) — 355.

Читем (Cheetam), Джон (род. в 1802 г.) — ланкаширский фабрикант, либерал, член парламента (с 1857 г.) — 316.

Ш.

Шатобриан, Франсуа-Огюст, виконт (1768—1848) — французский писатель-романтик и дипломат; реакционер, идеолог разгромленной французской аристократии; представитель Франции на Веронском конгрессе (1821), министр иностранных дел (1821—1824) — 208, 263.

Шведский король — см. Карл XV.

- Шверин, Максимилиан-Генрих фон (1804—1872)—прусский либерал, член Франкфуртского собрания; председатель прусской палаты депутатов (1849—1855) и министр внутренних дел (1859—1862); в дальнейшем поддерживал Бисмарка — 70.
- Шевалье, Мишель (1806—1879) — в 30-х годах сен-симонист, далее буржуазный экономист, идеолог свободной торговли; по поручению Наполеона III заключил в 1860 г. торговый договор с Англией — 17.
- Шелли, сэр Джон-Вильерс (1808—1867) — английский либерал, член парламента (с 1852 г.) — 364.
- Шерман, Вильям-Тежимсен (1820—1891) — американский унионистский генерал — 323.
- Шефтсбери, Антони-Эшли-Купер, граф (1801—1885) — английский аристократ, романтический торий, один из представителей так называемого «феодалного социализма» в Англии; содействовал проведению рабочего законодательства — 174, 295.
- Ши, сэр Вильям (1804—1868) — англо-ирландский адвокат и судья, член парламента (1852—1857) — 288.
- Шиммельман, фон — прусский полковник из свиты принца-регента — 72.
- Шлейниц, Александр-Густав-Адольф (1807—1885) — прусский политический деятель, вначале либерал, затем консерватор; министр иностранных дел в министерствах Кампаузена и Бранденбурга (1848—1850); в дальнейшем министр королевского двора (1861—1885) — 59, 72, 157, 159.
- Шмерлинг, Антон (1805—1893) — австрийский умеренный либерал, в 1848 г. — член Франкфуртского национального собрания, и премьер имперского министерства эрцгерцога Иоганна, в дальнейшем министр внутренних дел и премьер-министр Австрии (1860—1865) — 168.
- Штольценберг, фон — секретарь прусской полиции в Познани — 70.

Э.

- Эбер — итальянский генерал, участник неаполитанской экспедиции Гарибальди — 146.
- Эванс, сэр Джордж де-Ласи (1787—1870) — английский генерал, в Крымской войне командовал дивизией; член парламента, либерал — 552, 553, 554, 556, 558.

- Эрикссон, Джон (1803—1896) — шведский инженер, военный изобретатель и конструктор, с 1839 г. жил в Америке — 395.
- Эрнст II (1818—1893) — герцог кобург-готский (1844—1893) — 73.
- Эссекс, Роберт Девере, граф (1591—1646) — английский генерал эпохи Великой английской революции; принадлежал к пресвитерианской партии; будучи главнокомандующим (1642—1645), проявил крайнюю нерешительность в борьбе против Карла I, результатом чего был ряд поражений парламентской армии — 324.
- Этвеш (Eötvös) Иосиф, барон (1813—1871) — венгерский писатель и политический деятель, либерал, министр народного просвещения в конституционном правительстве 1848 г. — 168.
- Эчаге, Рафаэль, маркиз дель Серальо (1815 — 1887) — испанский генерал, принадлежал к партии умеренных, участник Мароккской экспедиции 1859—1860 гг. — 3, 4, 7, 9.
- Эшбертон, Александр Беринг, барон (1774—1848) — английский банкир и политический деятель, торий, министр торговли (1834); в 1842 г. вел переговоры с САСШ по спорному вопросу о границах Канады — 216, 312.
- Эшворт Генри (1794—1880) — английский хлопчатобумажный фабрикант-фриредер, один из организаторов Лиги против хлебных законов, член парламента — 315.

Ю.

- Ювенал, Деций-Юний (55—131) — древне-римский поэт-сатирик — 266, 363.
- Юниус — псевдоним английского радикального публициста сэра Филиппа Френсиса (1740—1818), автора ряда памфлетов (1769—1771 г.), направленных против правительства Георга III — 279.

Я.

- Янси, Вильям-Лаундс (1814—1863) — один из лидеров сецессионистов, в 1861 г. был делегирован в Европу в целях добиться признания нового конфедератского государства и вызвать интервенцию против Соединенных Штатов — 213, 220, 274, 295, 310, 327, 328, 329.
- Ятс — участник рабочего митинга в Лондоне (1862 г.) — 309.

ИМЕНА ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ.

- Аладин — персонаж из арабского сборника сказок — «Тысяча и одна ночь» — 140.
- Ахиллес (или Ахилл) — герой древнегреческого эпоса, главное действующее лицо поэмы «Илиада»; олицетворение храбрости и мужества — 340, 370.
- Булль, Джон (Джон-Бык) — прозвище английской буржуазии, получившее широкое распространение со времени появления политической сатиры Эбернета «History of John Bull» (1704) — 20, 114, 189, 204, 220, 221, 222.
- Геспериды — из греческой мифологии, дочери царя Атланта, обитавшие на счастливых островах в саду, охранявшемся драконами — 118.
- Дон-Жуан (или Дон-Хуан) — герой испанской легенды, ставшей предметом многочисленных поэтических обработок, тип обольстителя — 244.
- Зевс — «Громовержец» — главное божество в древнегреческой религии — 280, 556.
- Кассандра — из древнегреческой мифологии, пророчица, предсказывавшая несчастья — 143, 387.
- Квазимодо — персонаж из романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», олицетворение физического уродства — 73.
- Лепорелло — литературный персонаж, слуга Дон-Жуана (см.), тип плута 244.
- Макбет — герой одноименной трагедии Шекспира, для осуществления своих честолюбивых целей не останавливавшийся перед кровавым преступлением — 378.
- Мефистофель — бес, спутник Фауста из трагедии Гете под тем же названием — 358.
- Немезида — из древнегреческой мифологии, богиня возмездия, карающая за преступление — 378.
- Полифем (Циклоп) — из греческой мифологии, одноглазый великан, местожителем которого объявлялась гора Этна в Сицилии — 54.
- Родомонт — алжирский король, действующее лицо из поэмы Ариоста «Orlando Furioso», [«Неистовый Роланд»] (1515 г.) — олицетворение хвастовства и бахвальства — 217.
- Церера — из древне-римской мифологии, богиня-покровительница земледелия — 54.
- Юпитер — древне-римское божество, соответствовавшее древнегреческому Зевсу — 281.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аахенский конгресс (1818 г.) — 74.

Аболиционистское движение в Америке — см. *Рабство в САСШ*.

Абсолютизм — 75—76, 160.

Авангард, роль в сражении — 153.

Австралия:

торговля с Англией — 80—81, 198, 258, 299; открытие золотых россыпей — 140, 266; вывоз золота в Англию — 140; стремление к протекционизму — 317.

Австрия:

внутренняя политика — 66—67 (по Абу), 127, 131—133, 168—169; конституция 1860 г. — 160—161, 166; революционное движение 1860 г. — 133 — 134, 168—169, 170; финансы — 127, 131, 133, 140.

и восточный вопрос — 58, 121;

и Германская империя — 154—155;

и итальянское национальное движение — 132, 134, 172;

и Пруссия — 58, 118, 131—133, 159—161, 172—173;

и Россия — 152—155;

и Франция — 172—173.

Адвокаты французские как корпоративная организация — 129—130.

Алабама:

преграждение в рабовладельческий штат — 237; степень распространения рабства — 248; позиция в гражданской войне — 248.

Алжир, завоевание французами — см.

Войны алжирские.

Альцирцы — см. *Бедуины и Кабилы*.

Альма, битва (1854 г.) — 542—559.

Англия:

промышленность — 83—94, 183—186, 253—256, 315—317, см. также *Кризис*; торговля внешняя — 79—81, 112—113, 137, 184—185, 197—198, 215, 220, 258—259, 298—299, 316; см. также *Фритредеры*; финансы — 31, 32, 121—122, 140, 164, 165, 379; см. также *Бюджет Гладстона*; социальная структура — 308, 363; характеристика народных масс —

308 — 309; см. также *Аристократия*, *Буржуазия*, *Пролетариат*; олигархический характер английского правительства — 122, 188, 221, 224, 318, 565; см. также *Парламент*; внешняя политика, характеристика — 225;

и Италия — 98, 258, 376—378, 383—387;

и Пруссия (Германия) — 193, 579—583;

и Россия — 286, 291, 301, 307;

и САСШ: А. как конкурент Америки — 181 — 182; отношение к гражданской войне в САСШ — 174—184, 186, 200, 209—224, 255, 275—278, 282—286, 293, 294, 300—302, 306, 315—316, 319—320, 327—330, 357—359, 379, 400; эмиграция в Америку — 395—396;

и Франция — 104, 108, 259—260, 264, 302, 462, 474; обороноспособность Англии против Франции — 104, 108, 513; Англо-французский торговый договор 1860 г. — 17—20, 30, 32, 57, 93, 120, 316.

См. также *Армия*, *Пресса* и *Флот*.

Антитем-Крик, победа северян — 393.
Антиякобинская война — 220, 276, 308, 312.

Аристократия:

австрийская — 166;

английская и буржуазия — 187, 260, 379—381; монополизация аристократией внешней политики Англии — 187 — 188; и отмена хлебных законов — 253; и рабочий класс — 379—380;

венгерская — 167, 168;

прусская — 163;

русская — 153—154.

Арканзас, превращение в рабовладельческий штат — 241.

Армия:

армия как организация — 23—24; преимущества регулярной армии над иррегулярными войсками — 5; австрийская: вооружение — 24, 25, 423, командный состав — 163, 465; обмундирование — 22, 23; организа-

ция — 21, 23, 24; реорганизация в 1860 г. — 21—25;
 английская: командный состав—464—465; 564—570; система комплектования—570—575; тактика — 448, 466—467, 469, 515—516, 542 — 543, 558—559, 560; торговля офицерскими должностями — 563—565, 567—568; телесные наказания—576—578; общая характеристика — 108, 308, 323, 446, 451, 468, 486—487, 525, 540, 559, 565, 567, 569—570, 574—576, 578, 583; численность и состав—104—108, 560, 563—564, 582—583; см. также: *Волонтеры и Милиция.*
 английская армия в Индии — 130, 563—565; проект уничтожения туземной армии в Индии — 111—112, 120—121;
 бельгийская — 418;
 датская — 583;
 испанская: вооружение — 418; характеристика — 5, 6, 11, 36; численность — 4, 8, 9;
 итальянская: армия Гарибальди — 61—64, 124—126, 144—146, 149, 151; армия неаполитанская — 123, 125, 147—148;
 мавританская: характеристика — 5, 6, 10, 11; численность — 4—5;
 прусская: вооружение — 24—25, 140, 415, 417—418, 439; командный состав — 565, 567; организация — 440—441; реорганизация в 1860 г. — 21—25, 161—163; система обучения — 446; система комплектования — 473; телесные наказания — 578; общая характеристика — 25, 59, 430, 504, 564—565, 567, 576;
 русская: вооружение — 418; императорская гвардия — 141; тактика — 558—559; см. также: *Казаки*;
 САСШ: а. регулярная — 333, 522, 524; а. Северян — командный состав — 518, 521, 523; система комплектования — 332, 369, 395, характеристика — 333, 518—519, 521, 525; характеристика командования — 339, 359; а. южан — 355;
 французская: вооружение — 417, 439 — 441, 451; командный состав — 507 — 509; обмундирование — 22—23, 451; система обучения — 333; 443—448, 509, 510; система комплектования — 473, 506—507; состав, организация и численность — 22, 163, 440, 442, 471—474; тактика — 448—450, 510—514; общая характеристика — 21—22, 108, 377—378, 442 — 443, 449, 468, 504—506, 521, 539, 574, 575; см. также: *Вольтижеры, Гренадеры, Зуавы, Шассеры*;
 швейцарская — 418, 424, 439.

Артиллерия: 453, 454, 456, 524; а. осадная — 453—456; а. полевая — 453—456; а. САСШ — 524; качества, требуемые от артиллериста — 454—456.
Атака—445—446, 445, 510—511, 543, 552—559.
Аустерлиц, битва (1805 г.) — 25.
Афганские документы, подделка их Пальмерстоном — 189, 208.

Б.

Баденская конференция германских имперских князей с Луи-Наполеоном (1860 г.) — 72—74, 76.
Базис и надстройка — 360.
Банки:
 Английский, банковые законы. Р. Пиля (1844—1845 гг.) — 165;
 Французский, проект его непосредственного подчинения правительству — 201, 257;
 «Credit Mobilier» и бонапартизм—201, 257.
Батальон, максимальная численность—472; батальонное учение — 510, 520.
Бег, обучение бегу в армии — 443—446, 451, 509.
Бедуины — 439.
Бельгия и Франция — 116—117 (по Абу).
«Белые бедняки» («Poor Whites») на юге САСШ — 180, 241—243, 355—356.
Биржа:
 лондонская: паника в связи с делом «Трента» — 209, 210, 216, 218, 272, 303; паника в связи с объявлением Итальянской войны 1859 г. — 272;
 французская — спекуляция на мексиканских акциях — 344.
Благотворительность буржуазная в Англии — 381—382, 387—388.
Боец, необходимые качества бойца—34.
Божовое отклонение снарядов — 44, 45, 51, 52.
Болл-Блефф, поражение северян—271, 325, 334, 528.
Бонапартизм: общая характеристика — 16, 110—111, 265—268, 331, 376, 378; характеристика по Абу — 67—68, 71, 75; б. и война — 110 — 111, 258, 266, 267, 462; б. и буржуазия — 267; б. и крестьянство — 110; б. и католическая церковь — 110; б. и рабочий класс — 137, 267.
Бородино, битва (1812 г.) — 352.
Боулинг-Грин: стратегическое значение — 333, 527; захват северянами — 337, 529.
Брайтон, митинг протеста рабочих против интервенции в САСШ — 300—302.

Булль-Рен, поражение северян — 271, 332, 333, 334, 351, 352, 358.
Буржуазия: интеллект буржуа — 187; б. и война — 291—292; английская, характеристика — 187, 220, 221; и аристократия — 187, 260, 379—381; и рабочий класс — 379, 380; французская — 267.
Бюджет Гладстона (1860 г.) — 33—33, 111, 119—120.
Бюрократизм французский — 122.

В.

Ваграм, битва (1809 г.) — 25.
Варшавский конгресс, проект созыва (1860 г.) — 152, 154, 155, 159.
Ватерлоо, битва (1815 г.) — 542.
Венгрия: В. и Австрия — 131, 166—169; революция 1848 г. — 167—168; революционное движение 1860—1861 гг. — 133—134, 167—168, 170; В. и славяне — 160—161, 167—168; венгерская эмиграция и Наполеон III — 158, 169.
Венский конгресс (1814—1816 гг.) — 74.
Вероятность попадания — 48—49, 51.
Веронский конгресс (1822 г.) — 74.
Вест-Индия, освобождение негров — 251, 254, 372.
Виги английские — 130, 216; американские — 374.
Виллафранкский мир (1859 г.) — 58, 73.
Вильямсбург, сражение — 351—352, 369.
Винтовка: конца XV века — 409; XVIII в. — 41; новейшая — 48—49; история винтовки — 412—440; системы винтовок:
Вильда — 411;
Витворта — 430—435, 437, 491—495;
Дельвига — 413—417, 435, 441;
ланкастерская — 411, 491—495;
Минье — 24, 416—419;
Прела — 418;
прусское игольчатое ружье — 24, 418, 427—431;
Тувенена — 415—417, 435;
французских шассеров — 43;
швейцарская стрелковая — 412, 424, 429, 435—437, 494;
Энфильд — 418—424, 429, 431—432, 434, 437, 491—495;
стрельба из винтовки — 491—495, 516, 517.
Виргиния: штат, разводящий и экспортирующий рабов — 240, 246; позиция в гражданской войне — 246, 332; отесование северянами западной Виргинии — 332—333; выделение Западной Виргинии в самостоятельный штат — 371.
Военная выправка — 489—490.

Войны:

Алжирские (французские) войны — 35, 36, 38; влияние на французскую армию — 21, 42, 440—441, 449—450;
Англо-американская война 1775—1783 гг. — 195, 279, 395; влияние на новейшую тактику — 410;
Англо-американская война 1812 — 1814 гг. — 215, 223, 273, 277, 299, 312, 345, 395, 524;
Англо-индийские войны — 21, 80, 308, 451, 492, 554, 571, 574—575;
Англо-персидская война 1857—1858 гг. — 208;
Афганские войны — 208, 304, 440;
Восточная война см. Крымская война;
Датская война 1848 г. — 171—172; д. в. 1863—1864 гг. — 583.
Испано-мароккская война 1859 — 1860 гг. — 3—11, 34—41, 202, 261;
Итальянская война 1859 г. — 21, 58, 131, 154, 173, 195, 339, 423, 430, 442, 448, 504, 503—514;
Крымская война 1853—1856 гг. — 58, 66, 117, 195, 216, 308, 323, 417, 442, 448, 509, 574; отношение английского пролетариата к Крымской войне — 220, 291, 301, 575; см. также *Альма*;
Войны эпохи Великой французской революции и Наполеона I: итальянские кампании 1792—1797 гг. — 332, 340; поход в Россию 1812 г. — 340, 345, 346, 352, 355; кампании, 1813 — 1814 гг. и 1815 г. — 25, 66, 355; Пиренейская война 1807—1812 гг. — 575; влияние войн французской революции на современную тактику — 410;
партизанская война — 10, 291;
войны в эпоху капитализма — 195—196, 291—292.; превращение войны в революцию — 173.
Волонтеры английские: волонтерское движение в Англии в 1803—1804 гг. — 79; общая характеристика волонтерского движения 1860—1862 гг. — 238, 446, 463—465, 475—477, 486—487, 540—541; классовый состав волонтеров — 77, 107, 465—519; отношение военного министерства к волонтерам — 496, 500—503, 519; численность — 77, 78, 105—108, 462—463, 469, 535, 583; командный состав — 464—465, 468—469, 477—481, 497, 499, 519—521, 540; система обучения — 468—469, 484—485, 486—490, 496—499; артиллерия волонтеров — 453—456, 463, 526; инженерное (саперное) дело волонтеров — 457—461, 526; кавалерия волонтеров — 457, 526;

смотр в Ньютоне в 1860 г. — 465—469, 515; смотр в Ньютоне в 1861 г. — 515—517; маневры в Хитон-Парке — 533—539; маневры в Брайтоне и Вимблтоуне — 480—485; значение регулярной армии в деле создания волонтерского войска — 525—526.

Волонтеры американские см. *Армия САСШ*.

Вольтизеры французские — 440, 512.

Восточная Азия, проникновение России — 170.

Восточный вопрос — 114—118, 141—143; см. также *Сирия*.

Восточное общество — 360.

Вустер (Ворчестер), битва (1651 г.) — 279.

Г.

Гаэта, осада Гарибальди — 170.

Гарперс-Ферри: экспедиция Броуна в 1859 г. — 179; сдача арсенала южанам (1862 г.) — 398.

Генеральные штаты французские 1789 г. — 133, 160.

Генри форт, взятие северянами — 337—339, 529.

Гентский договор (1814 г.) — 216.

Геоorgia: степень распространения рабства — 249; позиция в гражданской войне — 249; стратегическое значение — 341—342.

Германия: национально-освободительные войны 1813—1815 гг. — 25, 66, 355; жалкое состояние Германского союза — 152; Германский союз и Австрия — 154—155, 161, 172; Германский союз и бонапартистская Франция — 462; национальное объединение Германии — 66, 69; революционный путь объединения Германии — 154—155; торговля с Англией — 198, 258; см. также *Австрия* и *Пруссия*.

Герцеговина, интриги России — 109.

Гибралтар, стратегическое значение — 107, 118, 402.

Гимнастические упражнения, роль их в армии — 447—448, 509.

Готская партия (южно-германская) — 154.

Гражданская гвардия в Пруссии (1848 г.) — 464, 468.

Гренадеры французские — 440, 512.

Гуманность, торговля гуманностью в буржуазном обществе — 357.

Греция: Г. и Англия в 1850 г. — 14; революционное движение — 116.

Д.

Дальность огня: пехоты — 43; артиллерия — 43, 49, 51, 52, 53.

Данненталь (Швейцария), французская интервенция — 203, 260.

Дания: Д. и Англия в 1852 г. — 189; Д. и Германия — 171—172. См. также *Война датская* и *Шлезвиг-Гольштейн*.

Дега, сражение (1796 г.) — 342.

Делавар: степень распространения рабства — 245—246; роль в гражданской войне — 245—246.

Демократическая партия в САСШ — 176, 178, 370, 397, 399; раскол — 236, 239, 242, 243; союз северной демократической партии с Югом — 178, 239.

Детский труд на фабриках в Англии — 84—85.

Дистанция, важность соблюдения дистанции — 468, 489, 517.

Дисциплина: в армии — 485, 489—490, 506; в железнодорожном деле — 460.

Домашняя промышленность в Англии — 93—94.

Доннелсон форт: позиция — 338, 529—530; взятие северянами — 337—339, 530.

Дреда Схотта дело (1857 г.) — 176—177, 237.

Дуэль в армии — 567.

Е.

Европа: осложнение международных отношений (1860 г.) — 82; отношение народных масс Европы к гражданской войне в САСШ — 195.

Египтяне древние — 287.

Ж.

Железные дороги: дисциплина в железнодорожном деле — 460; ж. д. в САСШ, их стратегическое значение — 341—342; ж. д. в Индии — 185, 256; железнодорожная спекуляция в Англии 1845 г. — 199, 255, 258.

Жемапп, битва (1792 г.) — 332, 340.

З.

Займы государственные в капиталистическом обществе — 127.

Законодательный корпус французский, характеристика — 12, 16 (68 — по Абу), 110.

Заработная плата в Англии — 85—86, 379—381.

Заряжание — 44, 46, 50, 51, 409, 411—413, 416—417, 425—429, 431, 435, 436.

Зуагы французские — 441—442, 449—451, 574.

И.

Игольчатое ружье — см. *Винтовка*.

Иена, битва (1808 г.) — 25.

Индия: завоевание англичанами — 12;

- характеристика британского правления в Индии — 185, 256, 316—317, 357; торговля с Англией — 79—80, 112, 184—185, 198, 258, 299, 316; финансы — 130; хлопковая культура — 185, 256, 316; положение крестьян — 185, 256, 357; сипайское восстание 1857 г. — 80, 308, 492, 571, 574, 575; билль о реформе 1858 г. — 112, 120, 316; см. также *Армия английская в Индии*.
- Инженерное дело* — 460, 524, 526, см. также *Саперы*.
- Ионические острова*: стратегическое значение — 118; восстание против англичан в 1848—1849 гг. — 357.
- Ирландия*: эмансипация ирландских католиков в 1829 г. — 308; голод 1845—1846 гг. — 136, 185—186, 253; ирландские католики и объединение Италии — 383—385; концентрация земельной собственности — 357—358; эмиграция в Америку — 253, 395—396.
- Иррегулярный бой* — 3, 10, 440—441, 450.
- Испания*: война в Марокко — 3—11, 34—41, 202, 261; война в Сан-Доминго — 202, 261; стратегическое положение — 99; финансы — 206; интервенция в Мексике — 202—208, 225—230, 260—264.
- Италия*: национальное объединение — 96, 97, 144; революционное движение 1848 г. — 62; поход Гарибальди в Сицилию и Калабрию 1860 г. — 61—65, 95—98, 123—126, 132, 144—151; гарибальдистская партия—144, 145, 155; позиция умеренных либералов (Кавур)—95—98, 155; поражение Гарибальди в 1861 г. — 376—378; И. Австрия — 133—134, 172; и Англия — 198, 258; митинги в честь Гарибальди в Англии 1862 г.—376—378, 383—385, 386—387; торговля с Англией — 198, 258; и Пруссия — 156—157, 172; и Франция — 28, 66, 95—96, 110, 133, 137, 144, 157—159, 172, 376—378.
- Итальянцы*, характеристика — 159.
- К.**
- Кабилы* — 10, 441, 449.
- Кабо-Негро*, битва — 9—10.
- Кавалерия*: Наполеона I — 523; английская — 523; американская — 523—524; иррегулярная — 524; см. также *Казак*; кавалерийское обучение — 523—524, 526.
- Кавказ*, завоевание Россией. — 21.
- Калатафими*, победа Гарибальди — 62, 125.
- Казак* — 524, 544.
- Калибр*: необходимость единообразного калибра — 24, 25, 46; преимущества малого калибра — 412, 414, 420, 423, 424, 429, 431, 433—435, 438, 492, 495.
- Калифорния*, открытие золотых россыпей — 140, 266.
- Канада*, посылка британских войск для подготовки интервенции в САСШ — 216.
- Канзас*: билль о Канзасе и Небраске 1854 г. — 176, 237, 238, 239; канзасская война 1856 г. — 177, 239, 242, 277.
- Кантон*, бомбардировка англичанами в 1841 г. — 15.
- Каперство* — 291.
- Картечь* — 43.
- Картофель*: роль в питании народных масс Англии и Ирландии — 185—186, 253; картофельная болезнь в Ирландии в 1845—1846 гг. — 136, 186, 253.
- Кастильоне*, битва (1797 г.) — 332, 340.
- Кентукки*: степень распространения рабства — 248; позиция в гражданской войне — 248, 251, 337, 373, 375; поход северян — 333—334, 337, 522, 524; попытка вторжения южан — 393—395.
- Китай*: окаменелость общественного строя — 360; тайпинская революция — 360—362; и Англия: торговля с Англией—184, 185, 299; опиумные войны — 15, 360; английская экспедиция на Пейхо — 12, 15, 302; угроза новой войны Англии с Китаем — 12, 16; и Россия — 15; и Франция — 195.
- Китайцы* — 360.
- Колонии английские*, стремление к протекционизму — 316—317.
- Колонна военная* — 554, 557—559, 560.
- Колумбус*: стратегическое положение — 333, 339, 340, 527; захват северянами — 339, 529, 530.
- Константина*, осада (1836—1837 гг.) — 11.
- Концентрация*: земельной собственности в Ирландии — 357—358; земельной собственности в САСШ — 241; в области газетного дела (Англия)—188; в промышленности — 188.
- Кооперативные общества* в Англии — 87—89.
- «Кордонная система» австрийская*—340.
- Коринф (САСШ)*, победа северян — 346, 350, 394.
- Кохингина*, французская экспедиция (1859 г.) — 195.

Крепости — 99—100.

Крестьяне: исчезновение крестьян в Англии—308; к. в Индии—185, 256; в России крепостные к. накануне реформы — 153; к. в САСШ — 245, 246; к. в Сицилии древней и новейшей (XIX в.) — 55—56.

Кризис торгово-промышленный: к. 1847 г. — 315; 1857—1858 гг. — 80, 140, 315, 379; перспективы кризиса в 1860—1861 гг. — 82, 113, 137, 315, 379; хлопковый кризис в Англии в 1861—1862 гг. — 183, 186, 253—257, 308, 315, 317, 379, 389; к. во Франции — 137, 196, 257.

Критенденский компромисс 1860 г. — 175—176.

Куба, покупка Кубы САСШ — 238.

Л.

Лагерь военный — 336, 528.

Лайбахский конгресс (1821 г.) — 74.

Ландвер прусский — 59.

Ланкашир, промышленный кризис — 255, 315—316, 357.

Либералы: л. английские — 119, см. также *Фритредеры*; л. итальянские и национальное движение — 95—98, 155; л. неаполитанские — 123; мексиканская либеральная партия — 207, 262—273; л. прусские—160—161.

Ливерпуль: торговля рабами — 312; сочувствие южанам в гражданской войне в САСШ — 184, 219, 272, 279—281, 312—313, 329, 400; спекуляция хлопком — 255, 258, 380.

Лондон: оборона Л. — 100—108; торгово-промышленное значение Л. — 101; перепланировка Л. и сопротивление аристократии — 363—365; митинг рабочих, протестующих против интервенции в САСШ — 219 — 220; всемирная выставка 1862 г.—379, 381.

Луизиана: культура сахара — 234; позиция в гражданской войне — 249.

Люксембург и Франция — 116—117.

Людлен-пролетариат: английский — 574—575; римский — 54.

Люневильский договор (1801 г.) — 116.

М.

Маджента, битва (1859 г.) — 22, 25, 513.

Мальта, стратегическое значение—107, 118.

Манассас, поражение северян — 196, 325, 332, см. также *Булль-Рен*.

Манчестер: отношение к гражданской войне в САСШ — 218, 315—317; промышленный кризис — 329, 315—316.

Марокко: испанская война 1859—1860 гг. — 1—11, 37—41, 202—261, 321; М. и Англия — 321.

Машины, распространение машин в различных областях промышленности — 389—390.

Мелазцо, капитуляция неаполитанских войск перед Гарибальди — 123—124, 125.

Мексика: М. древняя — 359; англо-мексиканский договор 1826 г. — 206; гражданская война в Мексике и англо-франко-испанская интервенция — 202—208, 225—230, 260—264; либеральная и католическая партии в Мексике — 207, 262, 263.

Мессина, капитуляция перед Гарибальди — 124, 158.

Миллиция английская: численность—77, 78, 104, 105, 106, 108, 583; м. и регулярная армия — 571.

Миллезимо, сражение (1796 г.) — 340.

Милль-Сприна, позиция — 333, 338, 527, 529; сражение — 334, 528.

Миссисипи штат, роль в гражданской войне — 248.

Миссури штат: превращение в рабовладельческий штат — 241; степень распространения рабства — 247; позиция в гражданской войне — 247—248; захват Южной конфедерацией — 331; обратное отвоевание северянами — 333, 527.

Миссурийский компромисс 1820 г. — 176, 236, 238.

Монтгомери: конгресс сепаратистов—234, 235, 249; конституция, выработанная в Монтгомери — 249, 250.

Монтенотте, битва (1736 г.) — 332, 340.

Мораль буржуазная, ее лицемерие — 357—359; см. также *Благотворительность буржуазная и гуманность*.

Моррилла тариф 1861 г. — 181, 191, 220, 233, 234, 259, 308, 315.

Москва в 1812 г. — 345.

Мушкет гладкоствольный — 43, 409, 410, 414, 417, 440—441.

Мэрилебон, митинг протеста английских рабочих против войны в САСШ — 309—311.

Мэриленд: штат, разводящий рабов — 240; позиция в гражданской войне — 246; вторжение южан — 393—394, 397—399.

Н.

Налог подоходный — 30—31.

Национальная ассоциация в пользу итальянского единства — 97.

Национальный вопрос; возможность его радикального разрешения лишь посредством революции — 154—155; н. в. в САСШ — 251; н. в. во Франции—26—27; см. также *Италия, Германия и Шлезвиг-Гольштейн*.

Неаполитанское королевство: революция 1799 г. — 55; реставрация Бурбонов (в 1815 г.) — 55—56; национально-революционное движение 1860—1861 гг. — 66—67, 144—148; захват Неаполя войсками Гарибальди — 148; неаполитанские либералы — 123.
Немцы, характеристика — 24, 430.
Неурожай в Европе в 1860 г. — 82, 135—137, 139—140.
Нешивилль, взятие северянами — 339.
Ницца, захват Францией — 27—29, 69, 96, 318.
Новая Англия: роль в гражданской войне — 370; аболиционистское движение — 370, 372.
Новая Мексика: превращение в рабовладельческую территорию — 237, 247; захват Южной конфедерацией — 247.
Новый Орлеан, падение — 345 — 347, 350, 355, 402.
Ньюкестль: митинг протеста английских рабочих против интервенции в САСШ — 219, 220; митинг в честь Гарибальди — 376—378.

О.

Оружие огнестрельное: производство — 49—50; см. также *Пушка*, *Винтовка* и *Револьвер*.

П.

Палата депутатов Прусская, ее организация — (по Абу) — 68.
Палермо, взятие Палермо Гарибальди — 63—65, 97, 124, 125, 158.
Панславизм — 168.
Париж, укрепления — 101—102, стратегическое значение — 340.
Парижский конгресс 1856 г. — 142—143, 286, 291—293, 307, 319—320.
Парламент английский: аристократический состав — 31; кризис парламентаризма в Англии — 12, 13, 16, 112, 120, 189, 208, 366, 368; роль внепарламентских народных демонстраций — 308, 386 — 387; билль о реформе 1832 г. — 308; закон о бедных 1834—1835 гг. — 387; билль о десятичасовом рабочем дне — 308; билль о загоровах 1859 г. — 301, 308; билль об индийской реформе 1858 г. — 112, 120, 316.
Пауперизм в Англии: закон о бедных 1834—1835 гг. — 382, 387; нищета рабочих в результате хлопкового кризиса 1862 г. — 220, 357, 379—382, 387—388.
Перестроения, система перестроений в английской армии — 466—467, 469, 515—516, 538—539.

Перивиль, победа северян — 393—395.
Пересеченная местность и иррегулярный бой — 3, 5, 449.
Персия, война с Англией 1857 г. — 13, 208.
Песота легкая — см. *Вольтижеры* и *Шассеры*.
Плечеи римские — 241.
Пограничные Штаты, их роль в гражданской войне — 244—248, 250—251, 370, 375, 393—395.
Политика, торговля политикой в буржуазном обществе — 357.
Польша: раздел Польши — 377; восстание 1831 г. — 189, 357; обострение русско-польских отношений в 1860 г. — 141.
П. и Англия — 189, 357.
Потомак, стратегическое значение 341—342.
Право международное морское — 205, 212, 213, 215, 223—224, 225, 230, 264, 273—274, 279, 282—286, 300, 312, 313, 319, 329, 330.
Пресса: австрийская — 133; американская: «New-York-Herald» — 179, 325 — 326; южные газеты — 346—347; английская: и аристократия — 187—188; и биржа — 222, 298; и бонапартизм — 265—268, 378; и гражданская война в САСШ — 174—182, 190—192, 209—223, 233—235, 243, 255, 272—274, 282, 284—286, 294—297, 303—306; и мексиканская интервенция — 202—208; общая характеристика — 16, 187—190, 192, 219—222, 203, 294—296; отдельные газеты: «Army and Navy Gasette» — 78, 579 — 530, 582 583; «Daily News» — 209, 222, 296, 303; «Daily-Post» — 312—313; «Daily-Telegraph» — 209, 272, 295 — 296, 345; «Economist» — 174—175, 178—181, 200, 215—216, 222, 234, 263, 268, 298, 313—314, 380; «Examiner» — 174—176, 180—181, 234, 296; «Globe» — 296, 304; «Manchester Guardian» — 380; «Morning Advertiser» — 209, 295; «Morning Chronicle» — 210, 211, 295; «Morning Herald» — 210, 217, 222, 272, 345; «Morning Post» — 202—205, 209, 211, 217, 220—222, 229, 261, 272, 273, 295, 303—305, 345; «Morning Star» — 209—210, 222, 296, 303, 304, 380;

- «Observer» — 296;
 «Punch» — 294—295;
 «Reynolds' Weekly Newspaper» — 177—178, 220, 309;
 «Saturday Review» — 174—175, 222, 234—235, 296;
 «Spectator» — 181, 296;
 «Standard» — 210, 217, 272, 345;
 «Times»: и бонапартизм — 257—258, 265—266, 268; и гражданская война в Северной Америке — 190, 196, 209, 211, 214, 217, 220, 222, 234, 272—274, 294, 301—302, 306, 310—311, 314, 316, 327, 345—346, 372; и мексиканская интервенция — 202—208, 229, 260—262; и Пальмерстон — 188—190; общая характеристика — 187—190, 220, 222, 301, 380;
 французская—бонапартистская—109, 110, 194, 218, 282, 298; отдельные газеты:
 «Patrie» — 218, 261, 263, 298;
 «Moniteur» — 204, 260, 268;
 прусская («либеральная») — 172;
 русская: «Инвалид» — 141—143;
Прибыль, погоня капиталистов за прибылью — 92.
Пролетариат:
 английский: бедственное положение — 185—186, 253, 357, 379—382, 387—388, 390; см. также *Пауперизм*; отношение к гражданской войне в САСШ — 195, 219—220, 222, 224, 294, 297, 300—302, 308—311, 316, 319; п. а. как соиздатель национального богатства Англии—388; политическое бесправие — 321, 365; влияние на политику — 308, 386; опасение рабочих восстаний в Англии — 576;
 п. в САСШ — 250, 251;
 п. французский и Наполеон III—196, 267.
Промышленный переворот в Англии — 253.
Промышленность крупная, вытеснение ремесла — 389—392.
Пруссия: промышленное развитие — 162; финансы—59; характеристика общественного строя—59—60 (по Абу—66—69), 156, 161, 162; прусская полиция — 69—71;
 и Австрия — 58—59, 131—133, 159, 172—173;
 и Англия — 193, 579—583;
 и Германия, позиция П. в вопросе объединения Германии — 160—161;
 и Италия: позиция П. во время итальянской войны 1859 г. — 58—59, 154, 173; П. и объединение Италии — 156—157;
 и Франция — 57—58, 66—76, 117, 118, 172—173, 193, 462; подготовкой франко-прусской войны — 25, 29, 57, 60, 172—173, 462.
Пуля: преимущества продолговатой пули над круглой — 414, 416, 434, 436, 437; пуля сжимающаяся (компрессирующаяся) — 421—423, 424, 431, 435, 436; пуля расширяющаяся—423—425, 431, 432, 435—437; п. Вилькинсона — 421 — 422; п. Витворта 433—434, 437; п. Лоренса — 421—422, 424; п. Минье — 416—419; п. Нейендорфа — 417; п. Несслера — 420; п. Плениса — 420; п. Подевиля—420; п. Тиммергауза — 420; п. Энфильд — 419—420, 422, 431, 437.
Пушка: п. гладкоствольная — 43, 44, 47, 51, 52, 53; п. нарезная — 42—53, 140, 456; пушка XVII века — 42; пушка XVIII века — 42; п. Кавалли — 44; п. Варендорфа — 45; французская современная (1860 г.) — 46—51; п. Армстронга—50—53, 581; п. Витворта—50—53, 580, 582; прусская нарезная 48-фунтовая—580, 582.
Пфальц, восстание 1849 г.—545.
Пьемонт — см. *Сардиния*.

Р.

Работные дома в Англии, «бастилии для бедных» — 388.

Рабочий день в Англии — 85, 86, 390.

Рабочий класс — см. *Пролетариат*.

Рабочее восстание в городах — 576.

Рабство в Америке: рабство по конституции 1787 г. — 236, 237; экономические условия существования рабства — 240—241; численность рабов в различных штатах накануне гражданской войны — 246—249; рабство и колонизация новых земель — 175, 179—180, 236—237, 240, 241; рабство как средство удержания политической власти Юга — 180, 241, 242; торговля рабами — 238, 312, 348—349, 371; закон о беглых рабах — 277, 370; аболитционистское движение в САСШ — 178, 251, 373—375; вопрос об освобождении негров в гражданской войне — 174—178, 191, 195, 200, 234—236, 238, 239, 243—245, 249—252, 269—270, 302, 324, 349, 370—375, 394; декрет Линкольна об освобождении негров — 397, 399. См. также *Дреда Скотта дело*.

Рабы римские — 54; восстания рабов в древней Сицилии — 55.

Ранец солдатский — 23.

Рассыпной строй — см. *Стрелковый бой*.

Револьвер — 427.

Революция: и национальный вопрос — 154—155; см. также *Италия* и *Гер-*

- манья*; незавершенные революционные—123; перспективы революционного движения в Европе (1860—1861 гг.)—74, 109, 133—134, 173; английская великая 1642—1649 гг.—275, 324; английская «Славная» 1688—1689 гг.—111, 187; французская великая 1789 г.—133; революция 1848—1849 гг.—67, 123, 333; в Австрии—58, 167—168; в Пруссии—67, 545; в Италии—91—97, 153.
- Реджо*, сражение—146, 147.
- Резерв*, роль в сражении—153.
- Рейнская Пруссия* и Франция—117—118.
- Рейнский союз 1815 г.*—74.
- Рейн, стремления к захвату со стороны Франции*—29, 59, 111, 115—118, 193.
- Ремесло*, — вытеснение ремесла крупной промышленностью—389—390.
- Республиканская партия в САСШ*—175, 177—180, 236, 239—243, 269—270.
- Риволи*, битва (1797 г.)—332, 340.
- Ричмонд*, стратегическое значение—341—342.
- Рим древний*—54—55, 75, 241, 246; Р. новый: осада Р. Гарибальди в 1848 г.—62, 64, 377; оккупация Р. французами—376—377, 386; значение Р. в деле национального объединения Италии—158, 159.
- Россия*: обострение классовой борьбы в связи с крестьянской реформой—109, 141, 153—154; классовая сущность крестьянской реформы—153—154; напряженные финансы—110, 140—141; угроза революции—109; стремление избежать революции путем внешней войны—109, 111, 141, 154; характеристика внешней политики—152—154, 307; и Австрия—58, 152; и Англия—286, 291, 301, 307; и Польша—141, 355; и Турция—109, 115, 118, 141—143; и Франция—115—118, 121, 152; см. также *Восточный вопрос*.
- Рост*: значение физического роста в армии—442—443, 468; норма роста в английской армии—571—572.
- Рота*: максимальная численность—472; ротное учение—485—488, 510.
- Рочдаль*—см. *Кооперативные общества в Англии*.
- С.**
- Савойя*: страна и население—26; захват Францией—26—29, 56, 59, 69, 96, 316; стратегическое значение—27—29.
- Сан-Доминго* и Испания—202, 261.
- Саперы*—457—461; см. также *Волонтеры английские*.
- Сарагосса*, осада французами в 1809 г.—345.
- Сардиния*: характеристика—29; торговля—127—128; финансы—127—129, 257; см. также *Италия*.
- «Свобода» буржуазная*—357.
- Свободные земли* в Америке: колонизация—240; спекуляция—276; Гомстедбилль—371.
- Священный союз 1815 г.*—152, 205, 206, 208, 263, 292, 320.
- Севастополь*, осада в 1854—1855 гг.—99, 196, 345.
- Северо-Американские Соед. Штаты*: промышленное развитие северных штатов—177, 242—243, 332; характеристика политического строя—195, 220, 237, 238, 242; см. также *Сенат*; противоречия между Севером и Югом—176—182, 233—238, 244—252; см. также *Миссурийский компромисс*, *Криттенденский компромисс* и *Канзас-Небраска билль*; революционная роль Северо-запада—370; отделение (сецессия) Юга от Севера—170, 175, 234, 236, 243—244, 249—250, 277, 331, 356; Южная конфедерация—244, 245, 248—250, 331—332, 357—358; см. также *Рабство в Америке* и *Хлопок*;
- Гражданская война*: общая характеристика—174—182, 195—196, 221, 243, 245, 250, 251, 270, 324, 331—333, 355, 522; нерешительность Севера в первый период войны—235, 251, 271, 332—333, 370, 372—375, 394; изменническая политика Мак-Клеллана—324—326, 351—352, 369, 397—399; см. также *Булль-Рен*, и *Болл-Блефф*; кампания в Кентукки—333—342, 369, 593, 527—531; кампания в Миссури и Теннесси—350—356, 369; см. также *Антитем-Крик*, *Коринф* и *Новый Орлеан*; неудача вторжения южан в Мэриленд и Кентукки в 1862 г.—393—394, 397—399; переход северян к революционной тактике—370—371; перспективы полной победы Севера—401—402; см. также *Армия САСШ*.
- САСШ* и Англия: английские капиталовложения в САСШ—184, 299; торговля с Англией—81, 140, 183—184, 186, 197—198, 216, 253—259, 299; конкуренция САСШ с Англией—181—182; см. также *Моррелия тариф*; отношение Англии к гражданской войне в САСШ—174—

- 184, 186, 190—192, 200, 209—224, 255, 264, 275, 278, 293—316, 319—320, 327—330, 357—359, 379, 400.
- САСШ и Испания — см. *Мексика, интревенция*;
- САСШ и Россия — 292, 307.
- САСШ и Франция — 195, 215, 217, 293, 302, 359.
- Сенат*: с. русский, характеристика — 12; с. в САСШ, орудие рабовладельцев — 241, 242, 276.
- Сен-симонисты* и Вторая Империя — 17.
- Семтер форт*, бомбардировка сецессионистами — 235, 236.
- Сеута*, действия испанских войск — 5, 6, 10.
- Сипойское восстание* — см. *Индия*.
- Сирия* погромы христиан в 1860 г. — 109, 111, 114, 116; интриги Франции и России — 109, 111, 114—116, 118, 121, 129, 143, 170; позиция Англии — 111, 118, 121, 143.
- Сицилия*: история — 54—55; население — 54; восстание 1282 г. — 55; муниципальные вольности — 55; феодальные пережитки в деревне — 56; поход Гарибальди из Марсалы в Палермо — 61—65; восстание против Бурбонов — 95—98; эвакуация неаполитанской армии — 95; см. также *Италия*.
- Славяне* в Австрии — 131, 168; и австрийская конституция 1860 г. — 161—161, 166, 167; славяне австрийские и Россия — 168.
- Сольферино*, битва (1859 г.) — 22, 25, 131, 196, 513.
- Спрингфилд*, битва — 196.
- Сражение*: роль авангарда, центра и резерва — 153; сражение в XVIII веке — 410, 430; см. также *Тактика*.
- Средняя Азия*, проникновение России — 170.
- Стрелковый бой* — 3, 5, 410, 411, 448—450, 451, 540.
- Суэцкий канал*, оккупация Францией — 170.
- Т.**
- Тактика*: т. французской армии эпохи революции — 410; т. шассеров и зуавов — 448, 449, 451; т. прусская — 430; т. английская линейная — 557—560; см. также *Армия*, *Атака*, *Колонна военная* и *Стрелковый бой*.
- Теннесси*: степень распространения рабства — 246; захват Южной конфедерацией — 246—247, 331; поход северян — 333.
- Тетуан*: географическое и стратегическое положение — 4, 6, 35; бомбардировка и захват испанцами—7, 9, 11, 38.
- Техас*: Т. и Англии — 206, присоединение к САСШ — 206, 241, 249; превращение в рабовладельческий штат — 237; степень распространения рабства — 249; позиция в гражданской войне — 249.
- Траектория*, преимущества низкой траектории — 48, 49, 412, 417, 423, 424, 429, 433, 435—437.
- Трентский инцидент* см. *Англия и гражданская война в САСШ*.
- Тропауский конгресс* (1820 г.) — 74.
- Труд*: интенсивность труда на капиталистической фабрике — 92; разделение труда в капиталистическом обществе — 187, 287; разделение труда у древних египтян — 287.
- Турция*: Т. и Россия — 109, 115, 118, 141—143; торговля с Англией — 198, 258. См. также *Восточный вопрос* и *Сирия*.
- У.**
- «Удавное» окружение* («Анаконда») — 340, 342.
- Укрепление*: крупных внутренних городов — 101—102; портов (в Англии) — 99—100, 457; см. также *Крепости*.
- Ф.**
- Фабрика капиталистическая* английская, условия труда — 85—86, 92.
- Фабричное законодательство* в Англии — 84; охрана труда — 90, 92.
- Фальсификация продуктов питания* в Англии — 391.
- Феодализм*: европейское средневековье — 55; феодальная система землевладения в Сицилии — 56.
- Флерюс*, битва (1794 г.) — 332, 340.
- Флот*: ф. английский—299, 564, 579—582; ф. прусский 580; ф. американский (САСШ) — 299, 352, 395, 401.
- Франкфуртское собрание* 1848 г. — 172.
- Франция*: переворот 2 декабря 1851 г. — 195, 266, 358—359, 376, 378; характеристика Второй империи — 16, 122, 127, 216, 343, 376, 378; см. также *бонапартизм*; экономическое развитие Франции при Второй Империи—266; торговля с Англией—18—19, 31, 198, 259; финансы — 110, 121—122, 127, 129, 137—138, 140, 164—165, 196, 200—201, 257, 265—268, 343;
- и Англия — 73, 104—108, 259—260, 264, 302, 474;
- и Италия — 95—96, 110, 137, 157—159, 376—378, 386;
- и Мексика — см. *Мексика, интервенция в Мексике*;

и Пруссия — 57—58, 66 — 76, 111; подготовка франко-прусской войны — 25, 29, 57, 60, 172—173, 462; и Россия — 114—118, 121; и САСШ — 195, 215, 217, 293, 302, 359; и Швейцария — 29, 203, 260.

См. также *Армия*, *Буржуазия*, *Крестьянство*, *Пролетариат* и *Революция*.

Французы, характеристика — 21, 22, 542.

Фритредеры английские: борьба за отмену хлебных законов — 253; ф. и парижская декларация 1856 г. — 292; система свободной торговли и промышленный кризис — 315; ф. и англо-французский торговый договор 1860 г. — 17—20; ф. и бюджет Гладстона — 31; ф. и протекционистский тариф в английских колониях — 316—317; отношение к гражданской войне в САСШ — 181—182, 215, 316.

Х.

Хлебопечение в Англии, переход к механизации — 389—392.

Хлебные законы в Англии, борьба за отмену — 18, 253, 308, 315.

Хлопок: распространенность хлопковой культуры — 253; хлопковая монополия рабовладельческих штатов Америки — 186, 253; изобретение хлопкоочистительной машины в САСШ — 254; хлопковый кризис в Англии 1861—1862 гг. — 183—186, 253—257, 308, 315—317, 379, 389; спекуляция на хлопке — 199—200, 255, 258, 379, 380.

Ц.

Церковь католическая: в Мексике как опора реакции — 207, 262—263; во

Франции и Луи-Наполеон — 110; ирландские католики против национального объединения Италии — 381—385.

Ч.

Чартизм, движение в 1842—1843 гг. — 387; движение в 1848 г. — 194.

Черногория, интриги России — 109.

Четырехугольные крепостей на Минчио и Адидже — 140.

Ш.

Шассеры французские: общая характеристика — 43, 439, 442, 443; система обучения — 443—447, 451; тактика в бою — 448—449, 451; вооружение — 415, 441, 451; обмундирование — 451. *Швейцария* и Франция — 27—29, 203, 260.

Шереножная стрельба — 481, 482.

Шлезвиг-Гольштейн, положение немцев — 170—172; война против Дании из-за Шлезвиг-Гольштейна в 1848 г. — 172; в 1863—1864 гг. — 583.

Шпионаж, система частного шпионажа в Англии — 287—290.

Шрапнель — 43.

Э.

Эмиграция из Европы в САСШ — 195; см. также *Англия* и *Ирландия*.

Эволюции — см. *Перестройки*.

Ю.

Южная Каролина: выступления нуллификаторов в 1834 г. — 181, 234; штат, разводящий рабов — 240, 248; опора рабовладельческой партии в гражданской войне — 248.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие. <i>В. Адоратский</i>	Стр. VII
-----------------------------------	-------------

**К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции.
1860 — 1864 гг.**

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.

СТАТЬИ ИЗ «NEW-YORK DAILY TRIBUNE» 1860 — 1862 ГГ.	1 — 230
ХОД ВОЙНЫ С МАВРАМИ. Ф. Энгельс.	3
(N.-Y. D. T. 19 января 1860 г.)	
ВОЙНА С МАВРАМИ. Ф. Энгельс.	7
(N.-Y. D. T. 8 февраля 1860 г.)	
АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА. К. Маркс	12
(N.-Y. D. T. 14 февраля 1860 г.)	
НОВЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ. К. Маркс.	17
(N.-Y. D. T. 14 февраля 1860 г.)	
ВОЕННАЯ РЕФОРМА В ГЕРМАНИИ. Ф. Энгельс.	21
(N.-Y. D. T. 20 февраля 1860 г.)	
САВОЙЯ И НИЦЦА. Ф. Энгельс.	26
(N.-Y. D. T. 21 февраля 1860 г.)	
АНГЛИЙСКИЙ БЮДЖЕТ. К. Маркс.	30
(N.-Y. D. T. 25 февраля 1860 г.)	
ВОЙНА С МАВРАМИ. Ф. Энгельс.	34
(N.-Y. D. T. 17 марта 1860 г.)	
О НАРЕЗНОЙ ПУШКЕ. Ф. Энгельс.	42 — 53
I. (N.-Y. D. T. 7 апреля 1860 г.)	42
II. (N.-Y. D. T. 21 апреля 1860 г.)	46
III. (N.-Y. D. T. 5 мая 1860 г.)	50
СИЦИЛИЯ И СИЦИЛИЙЦЫ. К. Маркс.	54
(N.-Y. D. T. 17 мая 1860 г.)	
ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ НАПОЛЕОНА НА РЕЙНЕ. К. Маркс.	57
(N.-Y. D. T. 19 мая 1860 г.)	
ГАРИВАЛЬДИ В СИЦИЛИИ. Ф. Энгельс.	61
(N.-Y. D. T. 22 июня 1860 г.)	
ИМПЕРАТОР НАПОЛЕОН III И ПРУССИЯ. К. Маркс.	66
(N.-Y. D. T. 30 июня 1860 г.)	
ИНТЕРЕСНЫЕ ВЕСТИ ИЗ ПРУССИИ. К. Маркс.	72
(N.-Y. D. T. 30 июня 1860 г.)	
АНГЛИЙСКОЕ ВОЛОНТЕРСКОЕ ВОЙСКО. Ф. Энгельс.	77
(N.-Y. D. T. 11 июля 1860 г.)	
БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ. К. Маркс.	79
(N.-Y. D. T. 16 июля 1860 г.)	

	Стр.
СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. К. Маркс.	83 — 94
I. (N.-Y. D. T. 6 августа 1860 г.)	83
II. (N.-Y. D. T. 24 августа 1860 г.)	90
ИНТЕРЕСНЫЕ НОВОСТИ ИЗ СИЦИЛИИ. <i>Ссора Гарибальди с Лафарина. Письмо Гарибальди.</i> К. Маркс.	95
(N.-Y. D. T. 8 августа 1860 г.)	
ОБОРОНА БРИТАНИИ. Ф. Энгельс.	99
(N.-Y. D. T. 10 августа 1860 г.)	
МОЖЕТ ЛИ ЛОНДОН СТАТЬ ДОБЫЧЕЙ ФРАНЦУЗОВ? Ф. Энгельс.	104
(N.-Y. D. T. 11 августа 1860 г.)	
БЕСПОРЯДКИ В СИРИИ И ИНТРИГИ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. — АНГЛИЙСКАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ СЕССИЯ. — ЗАТРУДНЕНИЯ КАБИНЕТА. — СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ТОРГОВЛИ. К. Маркс.	109
(N.-Y. D. T. 11 августа 1860 г.)	
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ. К. Маркс	114
(N.-Y. D. T. 16 августа 1860 г.)	
НАЛОГ НА БУМАГУ. — ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА. К. Маркс.	119
(N.-Y. D. T. 22 августа 1860 г.)	
ГАРИБАЛЬДИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. Ф. Энгельс.	123
(N.-Y. D. T. 23 августа 1860 г.)	
НОВЫЙ САРДИНСКИЙ ЗАЕМ. — ПРЕДСТОЯЩИЕ ФРАНЦУЗСКИЙ И ИНДИЙСКИЙ ЗАЙМЫ. К. Маркс.	127
(N.-Y. D. T. 28 августа 1860 г.)	
БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК АВСТРИИ. Ф. Энгельс.	131
(N.-Y. D. T. 1 сентября 1860 г.)	
УРОЖАЙ В ЕВРОПЕ. К. Маркс.	135
(N.-Y. D. T. 6 сентября 1860 г.)	
ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ. — ЕВРОПЕЙСКИЕ ФИНАНСЫ И ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ. — ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС. К. Маркс.	139
(N.-Y. D. T. 10 сентября 1860 г.)	
ПРОДВИЖЕНИЕ ГАРИБАЛЬДИ. Ф. Энгельс.	144
(N.-Y. D. T. 21 сентября 1860 г.)	
ГАРИБАЛЬДИ В КАЛАБРИИ. Ф. Энгельс.	149
(N.-Y. D. T. 24 сентября 1860 г.)	
РОССИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ АВСТРИЮ. — ВАРШАВСКИЙ КОНГРЕСС. К. Маркс.	152
(N.-Y. D. T. 10 октября 1860 г.)	
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПРУССИИ. К. Маркс.	156
(N.-Y. D. T. 15 октября 1860 г.)	
ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ С ПРУССИЕЙ. К. Маркс.	160
(N.-Y. D. T. 8 ноября 1860 г.)	
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. — НАПРЯЖЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА. К. Маркс.	164
(N.-Y. D. T. 24 ноября 1860 г.)	
АВСТРИЯ. — РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ. Ф. Энгельс.	166
(N.-Y. D. T. 12 января 1861 г.)	
ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ. Ф. Энгельс.	170
(N.-Y. D. T. 12 февраля 1861 г.)	
АМЕРИКАНСКИЙ ВОПРОС В АНГЛИИ. К. Маркс.	174
(N.-Y. D. T. 11 октября 1861 г.)	

	Стр.
БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ ХЛОПКОМ. К. Маркс.	183
(N.-Y. D. T. 14 октября 1861 г.)	
ЛОНДОНСКИЙ «TIMES» И ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН. К. Маркс. . .	187
(N.-Y. D. T. 21 октября 1861 г.)	
ЛОНДОНСКИЙ «TIMES» ОБ ОРЛЕАНСКИХ ПРИНЦАХ В АМЕ- РИКЕ. К. Маркс.	193
(N.-Y. D. T. 7 ноября 1861 г.)	
БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ. К. Маркс.	197
(N.-Y. D. T. 23 ноября 1861 г.)	
ИНТЕРВЕНЦИЯ В МЕКСИКЕ. К. Маркс.	202
(N.-Y. D. T. 23 ноября 1861 г.)	
ИЗВЕСТИЕ О ДЕЛЕ «ТРЕНТА» И ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ПРОИЗВЕ- ДЕННОЕ ИМ В ЛОНДОНЕ. К. Маркс.	209
(N.-Y. D. T. 19 декабря 1861 г.)	
РОСТ СИМПАТИЙ В АНГЛИИ. К. Маркс.	214
(N.-Y. D. T. 25 декабря 1861 г.)	
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. — ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В АН- ГЛИИ. К. Маркс.	219
(N.-Y. D. T. 1 февраля 1862 г.)	
МЕКСИКАНСКАЯ НЕРАЗБЕРИХА. К. Маркс.	225
(N.-Y. D. T. 10 марта 1862 г.)	
<i>К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
СТАТЬИ ИЗ «DIE PRESSE» 1861 — 1862 ГГ.	231 — 402
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ. К. Маркс. . .	238
(«Die Presse» 25 октября 1861 г.)	
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ. К. Маркс	244
(«Die Presse» 7 ноября 1861 г.)	
КРИЗИС В АНГЛИИ. К. Маркс.	253
(«Die Presse» 6 ноября 1861 г.)	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. К. Маркс.	257
(«Die Presse» 8 ноября 1861 г.)	
ИНТЕРВЕНЦИЯ В МЕКСИКЕ. К. Маркс.	260
(«Die Presse» 12 ноября 1861 г.)	
ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ. К. Маркс.	265
(«Die Presse» 23 ноября 1861 г.)	
АМЕРИКА. — ОТРЕШЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТИ ФРЕМОНА. К. Маркс.	269
(«Die Presse» 26 ноября 1861 г.)	
ИНЦИДЕНТ С «ТРЕНТОМ». К. Маркс.	272
(«Die Presse» 2 декабря 1861 г.)	
АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ КОНФЛИКТ. К. Маркс.	275
(«Die Presse» 3 декабря 1861 г.)	
ГЛАВНЫЕ АКТЕРЫ ДРАМЫ «ТРЕНТА». К. Маркс.	279
(«Die Presse» 8 декабря 1861 г.)	
СПОРЫ ВОКРУГ ДЕЛА «ТРЕНТА». К. Маркс.	282
(«Die Presse» 11 декабря 1861 г.)	
ПРОЦЕСС О КЛЕВЕТЕ. К. Маркс.	287
(«Die Presse» 24 декабря 1861 г.)	
ВАШИНГТОНСКИЙ КАБИНЕТ И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ. К. Маркс.	291
(«Die Presse» 25 декабря 1861 г.)	

	Стр.
МНЕНИЕ ГАЗЕТ И МНЕНИЕ НАРОДА. К. Маркс	294
(«Die Presse» 31 декабря 1861 г.)	
ВРАНЬЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ. — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ. К. Маркс.	298
(«Die Presse» 4 января 1862 г.)	
АМЕРИКАНОФИЛЬСКИЙ МИТИНГ. К. Маркс.	300
(«Die Presse» 5 января 1862 г.)	
К ИСТОРИИ СОКРЫТИЯ ДЕПЕШИ СЬЮАРДА. К. Маркс.	303
(«Die Presse» 18 января 1862 г.)	
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ЛОРДА ДЖ. РОССЕЛЯ. К. Маркс	305
(«Die Presse» 21 января 1862 г.)	
РАБОЧИЙ МИТИНГ В ЛОНДОНЕ. К. Маркс.	308
(«Die Presse» 2 февраля 1862 г.)	
АНТИИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ. К. Маркс.	312
(«Die Presse» 4 февраля 1862 г.)	
К ХЛОПЧАТОБУМАЖНОМУ КРИЗИСУ. К. Маркс.	315
(«Die Presse» 8 февраля 1862 г.)	
ПРЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТЕ ПО ПОВОДУ ОТВЕТНОГО АДРЕСА. К. Маркс.	318
(«Die Presse» 12 февраля 1862 г.)	
АМЕРИКАНСКИЕ ДЕЛА. К. Маркс.	323
(«Die Presse» 3 марта 1862 г.)	
ДРУЗЬЯ СЕЦЕССИОНИСТОВ В НИЖНЕЙ ПАЛАТЕ. — ПРИЗНАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ БЛОКАДЫ. К. Маркс.	327
(«Die Presse» 12 марта 1862 г.)	
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АМЕРИКЕ. К. Маркс и Ф. Энгельс.	331—342
I. («Die Presse» 26 марта 1862 г.)	331
II. («Die Presse» 27 марта 1862 г.)	338
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ АФЕРА МИРЭ. К. Маркс.	343
(«Die Presse» 12 мая 1862 г.)	
АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА И ПАДЕНИЕ НОВОГО ОРЛЕАНА. К. Маркс.	345
(«Die Presse» 20 мая 1862 г.)	
ДОГОВОР ПРОТИВ РАБОТОРГОВЛИ. К. Маркс.	348
(«Die Presse» 22 мая 1862 г.)	
ПОЛОЖЕНИЕ НА АМЕРИКАНСКОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ. К. Маркс и Ф. Энгельс.	350
(«Die Presse» 30 мая 1862 г.)	
АНГЛИЙСКАЯ ГУМАННОСТЬ И АМЕРИКА. К. Маркс.	357
(«Die Presse» 20 июня 1862 г.)	
КИТАЙСКИЕ ДЕЛА. К. Маркс.	360
(«Die Presse» 7 июля 1862 г.)	
СКАНДАЛ. К. Маркс.	363
(«Die Presse» 11 июля 1862 г.)	
НЕДОПУЩЕНИЕ ПРЕНИЙ О МЕКСИКЕ И СОЮЗ С ФРАНЦИЕЙ. К. Маркс	366
(«Die Presse» 20 июля 1862 г.)	
К КРИТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ В АМЕРИКЕ. К. Маркс.	369
(«Die Presse» 9 августа 1862 г.)	
АБОЛИЦИОНИСТСКИЕ ДЕМОНСТРАЦИИ В АМЕРИКЕ. К. Маркс.	372
(«Die Presse» 30 августа 1862 г.)	

	Стр.
МИТИНГ В ЧЕСТЬ ГАРИБАЛЬДИ. К. Маркс.	376
(«Die Presse» 17 сентября 1862 г.)	
НУЖДА РАБОЧИХ В АНГЛИИ. К. Маркс.	379
(«Die Presse» 27 сентября 1862 г.)	
БУРНЫЙ МИТИНГ. К. Маркс.	383
(«Die Presse» 3 октября 1862 г.)	
МИТИНГ ГАРИБАЛЬДИСТОВ. — НУЖДА СРЕДИ РАБОЧИХ ХЛОПЧАТУБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. К. Маркс.	386
(«Die Presse» 4 октября 1862 г.)	
ПРОИЗВОДСТВО ХЛЕБА. К. Маркс.	389
(«Die Presse» 30 октября 1862 г.)	
К ПОЛОЖЕНИЮ В АМЕРИКЕ. К. Маркс.	393
(«Die Presse» 10 ноября 1862 г.)	
СМЕЩЕНИЕ МАК-КЛЕЛЛАНА. К. Маркс.	397
(«Die Presse» 29 ноября 1862 г.)	
АНГЛИЙСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ. — К ПОЛОЖЕНИЮ В ЮЖНЫХ ШТАТАХ. К. Маркс.	400
(«Die Presse» 4 декабря 1862 г.)	
<i>ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС.</i>	
СТАТЬИ ИЗ «THE VOLUNTEER JOURNAL FOR LANCASHIRE AND CHESHIRE» 1860 — 1862 ГГ.	403 — 531
ПРЕДИСЛОВИЕ К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ «СТАТЕЙ ДЛЯ ВО- ЛОНТЕРОВ» (1861 Г.)	407
ИСТОРИЯ ВИНТОВКИ.	409 — 438
I. («Volunteer Journal» 3 ноября 1860 г.)	409
II. («V. J.» 17 ноября 1860 г.)	413
III. («V. J.» 8 декабря 1860 г.)	416
IV. («V. J.» 15 декабря 1860 г.)	418
V. («V. J.» 29 декабря 1860 г.)	421
VI. («V. J.» 5 января 1861 г.)	425
VII. («V. J.» 12 января 1861 г.)	430
VIII. («V. J.» 19 января 1861 г.)	435
ФРАНЦУЗСКАЯ ЛЕГКАЯ ПЕХОТА.	439 — 452
I. («V. J.» 21 сентября 1860 г.)	439
II. («V. J.» 5 октября 1860 г.)	442
III. («V. J.» 20 октября 1860 г.)	446
АРТИЛЛЕРИЯ ВОЛОНТЕРОВ	453
(«V. J.» 13 октября 1860 г.)	
ИНЖЕНЕРЫ - ВОЛОНТЕРЫ	457
(«V. J.» 24 ноября 1860 г.)	
СМОТР АНГЛИЙСКИХ СТРЕЛКОВ-ВОЛОНТЕРОВ.	462
(«V. J.» 14 сентября 1860 г.)	
ФРАНЦУЗСКИЕ ВООРУЖЕНИЯ.	471
(«V. J.» 2 февраля 1861 г.)	
ГЕНЕРАЛЫ-ВОЛОНТЕРЫ	475
(«V. J.» 16 марта 1861 г.)	
БРАЙТОН И ВИМБЛЬДОН.	480
(«V. J.» 6 апреля 1861 г.)	
РОТНОЕ УЧЕНИЕ	486
(«V. J.» 20 апреля 1861 г.)	

	Стр.
ВИНТОВКИ И СТРЕЛЬБА ИЗ ВИНТОВОК. <i>Винтовки Ланкастер и Энфильд</i>	491
(«V. J.» 4 мая 1861 г.)	
АЛЬДЕРШОТ И ВОЛОНТЕРЫ.	496
(«V. J.» 11 мая 1861 г.)	
ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО И ВОЛОНТЕРЫ.	500
(«V. J.» 8 июня 1861 г.)	
ГЕНЕРАЛ ВАЛЬДЕРЗЕЕ О ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ.	504 — 514
I. («V. J.» 22 июня 1861 г.)	504
II. («V. J.» 6 июля 1861 г.)	506
III. («V. J.» 20 июля 1861 г.)	509
IV. («V. J.» 8 ноября 1861 г.)	511
ВОЕННАЯ КРИТИКА СМОТРА В НЬЮТОНЕ.	515
(«V. J.» 10 августа 1861 г.)	
ОФИЦЕРЫ-ВОЛОНТЕРЫ	518
(«V. J.» 22 ноября 1861 г.)	
УРОКИ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ.	522
(«V. J.» 6 декабря 1861 г.)	
ВОЙНА В АМЕРИКЕ.	527
(«V. J.» 14 марта 1862 г.)	

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС.

СТАТЬИ ИЗ «ALLGEMEINE MILITÄR-ZEITUNG» 1862—1864 ГГ.	533 — 583
СМОТР ВОЛОНТЕРОВ В АНГЛИИ	535 — 541
I. («Allgemeine Militär-Zeitung» 1 ноября 1862 г.)	535
II. («A. M. Z.» 8 ноября 1862 г.)	538
КИНГЛЕЙ О БИТВЕ ПРИ АЛЬМЕ.	542 — 559
I — III [по рукописи 1863 г.]	
АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ	560 — 578
I — III [по рукописи 1864 г.]	
ВОЕННЫЕ СИЛЫ АНГЛИИ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ	579
(«Allgemeine Militär-Zeitung» 6 июля 1864 г.)	

УКАЗАТЕЛИ:

Указатель имен	587
Предметный указатель	607

ИЛЛЮСТРАЦИИ И КАРТЫ

«New-York Daily Tribune» № 5846 от 19 января 1860 г. (заголовок)	3
Карта войны Испании в Марокко 1860 г.	39
Карта похода Гарибальди в Калабрии и Сицилии в 1860 г. между	144 — 145
«Die Presse» № 293 от 25 октября 1861 г. (заголовок)	233
Карта гражданской войны в Северной Америке	335
Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу от 23 мая 1862 г. об американской гражданской войне	353
Обложка отдельного издания «Статей для волонтеров», Лондон, 1861 г.	405
Чертеж пули к статье «Винтовки и стрельба из винтовок»	492
Карта сражения при Альме. Расположение войск противников по английским источникам	547
Карта сражения при Альме. Расположение войск противников по русским источникам	549
Первая страница рукописи Энгельса «Английская армия».	561

Ответственный редактор В. АДОРАТСКИЙ.
Техническая редакция: А. ЕВТЕЕВ, И. ГАЛАКТИОНОВ.

Инд. ЦМЭ.	(6—30 тыс.)	Тираж 25 145.
Партиздат № 2244.	Подписано к печати с матриц 11/X—34 г.	
Бумага 68×110 см.	Заказ № 7290.	Ленгорлит № 19319.
	41¼ авт. листов.	(82 600 тип. зн. в 1 бум. л.)
		Бум. листов 20¼.
	Бумага для текста Вышерской бумфабрики. Коленкор Шолковской фабрики.	
	Вышла в с. ет.—ноябрь 1934 г.	

Набрано и матрировано во 2-й типографии „Печатный Двор“, треста „Полиграфкнига“, Ленинград, Гатчинская, 26. Отпечатано и брошюровано во 2-й типографии Трансжелдориздата НКПС им. Лоланкова, ул. Правды, 15.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

На стр. 90 в спуске сверху пропущено — П

” ” 298 в третьей строке сверху:

напечатано — 1866 г.,

следует читать — 1861 г.

М. и Э., том XII, часть II